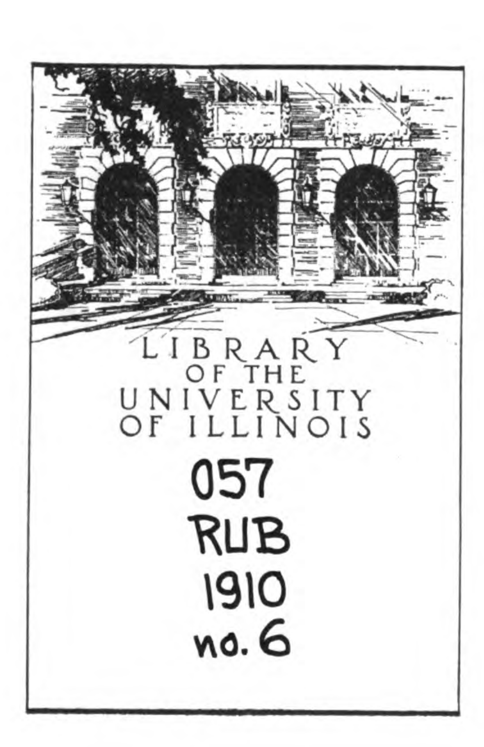

LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS

Адресъ редакціи и конторы: Баскова ул., 9. Телефонъ № 20-83.

ІЮНЬ. 1910.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

№ 6.

СОДЕРЖАНІЕ:

— БЕЗЪ ЯЗЫКА. Разсказъ. *Пятое* изд. 1910 г.—218 стр. Ц. 75 к.

— ПИСЬМА КЪ ЖИТЕЛЮ ГОРОДСКОЙ ОКРАИНЫ. *Второе* изд. 1906 г. 24 стр. Цѣна 5 к.

— СОРОЧИНСКАЯ ТРАГЕДІЯ (по даннымъ судебнаго разслѣдованія). Изд. 1907 г. Ц. 10 коп.

— ОТОШЕДШІЕ. Объ Успенскомъ. О Чернышевскомъ. О Чеховѣ. *Второе* изд. 1910 г. Цѣна 40 коп.

— ИСТОРІЯ МОЕГО СОВРЕМЕННИКА. I. Раннее дѣтство и Годы ученія. Изд. 1909 г.—469 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Ѳ. Крюковъ. КАЗАЦКІЕ МОТИВЫ. 1907 г.—438 стр. Ц. 1 руб. Казачка.—Въ родныхъ мѣстахъ.—Станичники.—Изъ дневника учителя Васюхина.—Кладъ.—Картинки школьной жизни.—Къ источнику исцѣленій.—Встрѣча.

Н. Е. Кудринъ (Н. С. Русановъ). ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦІИ. *Второе* изд. 1903 г.—612 стр. Ц. 1 р. 50 к. Народъ и его характеръ. — Наука, литература и печать. — Борьба реакціи и прогресса въ идейной и политической сферахъ.—Дѣло Дрейфуса.—Идейное пробужденіе.

— ГАЛЛЕРЕЯ СОВРЕМЕННЫХЪ ФРАНЦУЗСКИХЪ ЗНАМЕНИТОСТЕЙ. Съ 12 портрет. Изд. 1906 г. 499 стр. Ц. 1 р. 50 к. Пастэръ. — Додэ. — Золя. — Клемансо. — Вальдекъ Руссо. — Комбъ. — Рошфоръ.—Жоресъ.—Гэдъ.—Анатоль Франсъ.—Поль Бурже.

П. Л. Лавровъ (Миртовъ). ИСТОРИЧЕСКІЯ ПИСЬМА. Изд. *третье.* 1906 г. — 380 стр. Ц. 1 р.

— ФОРМУЛА ПРОГРЕССА Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО НАУЧНЫЯ ОСНОВЫ ИСТОРІИ ЦИВИЛИЗАЦІИ. 1906 г. 143 стр Цѣна 40 коп.

— ЗАДАЧИ ПОЗИТИВИЗМА И ИХЪ РѢШЕНІЕ. Теоретики сороковыхъ годовъ въ наукѣ о вѣрованіяхъ. Изд. 1906 г.—143 стр. Ц. 40 к

А. Леонтьевъ. РАВНОПРАВНОСТЬ. *Второе* изд. 1906 г. 16 стр Цѣна 5 коп.

— СУДЪ И ЕГО НЕЗАВИСИМОСТЬ. Изд. 1905 г. 24 стр. Ц. 5 к

Ек. Лѣткова. ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Т. I. Мертвая зыбь. *Третье* изд. 1906 г.—222 стр. Ц. 1 р.

— ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Т. II (распроданъ).

— ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Т. III. Изд. 1903 г. — 316 стр Ц. 1 р. Рабъ.—Оборванная переписка.—На мельницѣ.—Облачко.—Безъ фамилі Софья Петровна и Таня).

Л. Мельшинъ (П. Ф. Якубовичъ). ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ. Записки бывшаго каторжника. Т. I. *Четвертое* изд. 1907 г.—386 стр Ц. 1 р. 50 к. Въ преддверіи.—Шелаевскій рудникъ.—Ферганскій орленокъ.—Одиночество.

— ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ. Т. II. *Третье* изд. 1906 г.—402 стр. Ц. 1 р. 50 к. Съ товарищами.—Кобылка въ пути.—Среди сопокъ.—Эпилогъ.—Post-scriptum автора.

— ПАСЫНКИ ЖИЗНИ. Разсказы. *Третье* изд. 1909 г.—336 стр. Ц. 1 р. Любимцы каторги.—Искорка.—Маленькіе люди.—Чортовъ яръ.—

Не досказанная правда.—На китайской рѣкѣ.—Ганя.—Юность (изъ воспоминаній неудачницы).

— ОЧЕРКИ РУССКОЙ ПОЭЗІИ. Изд. 1904 г. *Распроданы.*

— ВМѢСТО ШЛИССЕЛЬБУРГА. I. Вѣсти изъ политической каторги. *Л. Мельшина.* — II. На Амурской колесной дорогѣ. *Р. Бравскаю.* Изд. 1906 г.—40 стр. Ц. 8 коп.

В. Муйжель. РАЗСКАЗЫ. Т. II. 1909 г. Цѣна 1 руб. Пока.—Волкъ.—Проклятіе.—Дача.—Въ мертвомъ углу.—Кошмаръ.—Нищій Ахитоѳелъ.

В. А. Мякотинъ. ИЗЪ ИСТОРІИ РУССКАГО ОБЩЕСТВА. Изд. *второе* 1906 г.—400 стр. Ц. 1 р. 25 к. Протопопъ Аввакумъ. — Кн. Щербатовъ.—На зарѣ русской общественности (Радищевъ).—Изъ Пушкинской эпохи.—Т. Н. Грановскій. — К. Д. Кавелинъ. — Памяти Глѣба Успенскаго. — Памяти Н. К. Михайловскаго.

— НАДО ЛИ ИДТИ ВЪ ДУМУ. Изд. *второе* 1906 г. 40 стр. Цѣна 10 коп.

А. О. Немировскій. НАПАСТЬ. Повѣсть (изъ холерной эпидеміи 1892 г.). Изд. 1898 г.—236 стр. Ц. 1 р.

А. А. Николаевъ. КООПЕРАЦІЯ. Изд. 1906 г. 56 стр. Ц. 10 к.

А. Б. Петрищевъ. ЦЕРКОВЬ И ШКОЛА. Изд. 1906 г. Ц. 15 к.

— ДВА ИЗБИРАТЕЛЬНЫХЪ ЗАКОНА. Спб. 1907 г. Ц. 10 к.

— ТРИСТА ЛѢТЪ (1606—1906). Изд. 2-ое. Ц. 50 к.

С. Подъячевъ. Т. I. МЫТАРСТВА. — Изд. 1905 г. — 296 стр. Ц. 75 коп.—Московскій работный домъ.—По этапу.

— Т. II. СРЕДИ РАБОЧИХЪ.—Изд. 1905 г.—287 стр. Ц. 75 к.

А. В. Пѣшехоновъ. ЗЕМЕЛЬНЫЯ НУЖДЫ ДЕРЕВНИ. Основныя задачи аграрной реформы. Изд. *третье* 1906 г.—155 стр. Цѣна 60 к.

— СТАРЫЙ и НОВЫЙ ПОРЯДОКЪ ВЛАДѢНІЯ НАДѢЛЬНОЙ ЗЕМЛЕЙ. Ц. 10 к.

— КРЕСТЬЯНЕ И РАБОЧІЕ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Изд. *третье* безъ перемѣнъ. 1906 г. 64 стр. Ц. 25 к.

— ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА САМОДЕРЖАВІЯ. *Второе* изд. 1906 г. 80 стр. Ц. 30 к.

— ХЛѢБЪ, СВѢТЪ и СВОБОДА. *Четвертое* изд. 1906 г. 84 стр. Ц. 10 к.

— АГРАРНАЯ ПРОБЛЕМА въ связи съ крестьянскимъ движеніемъ. Изд. 1906 г. 135 стр. Ц. 40 к.

— СУЩНОСТЬ АГРАРНОЙ ПРОБЛЕМЫ. Отдѣльный оттискъ изъ книги „Аграрная проблема". 1906 г. 32 стр. Ц. 6 к.

— КЪ ВОПРОСУ ОБЪ ИНТЕЛЛИГЕНЦІИ. 1906 г. 103 стр. Цѣна 25 коп.

— НАКАНУНѢ. Изд. 1906 г. 214 стр. Ц. 60 к.

— ПРОГРАММНЫЕ ВОПРОСЫ. Вып. I. Основныя положенія. Ц. 10 коп. Вып. II. Историческія предпосылки. Ц. 10 коп.

— ВЪ ТЕМНУЮ НОЧЬ. Эра продолжается прежняя.— Революція на-

оборотъ.—Эпоха казней.—Указъ объ экспропріаціи.—Второе междудумье.—Третья Дума.—Въ обновленномъ строѣ.—«Санинцы» «Санинъ»—Оскудѣвающая семья.

С. А. Савинкова. ГОДЫ СКОРБИ (Воспоминанія матери). Изд. 1906 г. 64 стр. Ц. 15 коп.

П. Тимофеевъ. ЧѢМЪ ЖИВЕТЪ ЗАВОДСКІЙ РАБОЧІЙ. 1906 г. 117 стр. Ц. 40 к.

Карлъ Шурцъ. ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ НѢМЕЦКАГО РЕВОЛЮЦІОНЕРА. 1907 г.—132 стр. Ц. 30 к.

Викторъ Черновъ. МАРКСИЗМЪ и АГРАРНЫЙ ВОПРОСЪ. Историко-критическій очеркъ. Ч. I Изд. 1906 г. 246 стр. Ц. 75 к.

Б. Эфруси. ОЧЕРКИ ПО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ. *Второе* изд. 1906 г.—274 стр. Ц. 1 руб.

С. Н. Южаковъ. «ДОБРОВОЛЕЦЪ ПЕТЕРБУРГЪ». Дважды вокругъ Азіи. Путевыя впечатлѣнія. Изд. 1894 г.—350 стр. Ц. 1 р. 50 к.
Въ странѣ хунхузовъ и тумановъ. — На теплыхъ водахъ.

П. Я. — П. Якубовичъ (Л. Мельшинъ). СТИХОТВОРЕНІЯ.
Т. I. *Шестое* изд. } *Выходятъ въ книгоиздательствѣ*
Т. II. *Четвертое* изд. } *«Просвѣщеніе».*

РУССКАЯ МУЗА. Составилъ **П. Я.** Стихотворенія и характеристики 132 поэтовъ. Красивый компактный томъ въ два столбца; около 40.000 стиховъ. Переработанное и дополненное изданіе. 1908 г. Ц. 1 р. 75 к.

Галлерея шлиссельбургскихъ узниковъ. Съ 29 портретами, 30 біографіями. Изд. 1907 г. въ пользу бывшихъ шлиссельб. узниковъ. Цѣна 3 р.

Л. Мельшинъ (П. Ф. Якубовичъ). ШЛИССЕЛЬБУРГСКІЕ МУЧЕНИКИ. Весь чистый сборъ въ пользу бывшихъ шлиссельбургскихъ узниковъ. Изд. 1906 г.—32 стр. Ц. 15 к.

М. Фроленко. МИЛОСТЬ. (Изъ воспоминаній объ Алексѣевскомъ равелинѣ). Изд. 1906 г. 16 стр. Ц. 10 к.

Вѣра Фигнеръ. СТИХОТВОРЕНІЯ. Изд. 1906 г. Ц. 20 к.

Въ защиту слова. СБОРНИКЪ СТАТЕЙ и СТИХОТВОРЕНІЙ: IV-е изданіе (удешевленное) безъ перемѣнъ. 225 стр. Ц. 75 к.

Эдмъ Шампьонъ. ФРАНЦІЯ НАКАНУНѢ РЕВОЛЮЦІИ по наказамъ 1789 года. 1906 г. 220 стр. Ц. 50 к.

Даніэль Стернъ. ИСТОРІЯ РЕВОЛЮЦІИ 1848 г.—Изд. 1907 г. Два тома, по 75 к. каждый.

С. Н. Южаковъ. ВОПРОСЫ ПРОСВѢЩЕНІЯ. Цѣна 1 р. 50 к.

— СОЦІОЛОГИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ. Т. II (т. I распроданъ). Цѣна 1 руб. 50 коп.

П. Л. Лавровъ (Миртовъ). НАРОДНИКИ И ПРОПАГАНДИСТЫ. Цѣна 1 руб.

В. И. Семевскій. ПОЛИТИЧЕСКІЯ И ОБЩЕСТВЕННЫЯ ИДЕИ ДЕКАБРИСТОВЪ. Спб. 1909 г. Ц. 3 р. 50 к.

СВИФТ
Ю. Блокъ
ПРАВЛЕНІЕ:
МОСКВА, МЯСНИЦКАЯ,

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ „РУССКАГО БОГАТСТВА“.

В. Г. КОРОЛЕНКО. Исторія моего современника. Ц. 1 руб. 50 коп.

П. И. КОРЕНЕВСКІЙ. Крестьянскій „Генрихъ Блокъ“. Цѣна 15 коп.

Л. МЕЛЬШИНЪ. Пасынки жизни. Цѣна 1 руб.

В. В. МУЙЖЕЛЬ. Разсказы. Т. II. Цѣна 1 руб.

А. В. ПѢШЕХОНОВЪ. На очередныя темы. Ц. 1 руб. 50 коп.

— Старый и новый порядокъ владѣнія надѣльной земли. Цѣна 10 коп.

А. ВЕРНЕРЪ. Разсказы. М. 1909. Ц. 1 руб.

КОРСЕТЫ
НОВѢЙШИХЪ
изящныхъ фасоновъ, послѣднія модели ПАРИЖА.
Француз. вязаные корсеты
„ПЛАСТИКЪ"
набрюшники, грудодержатели и всѣ принадлежности дамской гигіены.
Нов. иллюстр. катал. выс. безпл.
ТЕЛЕФОНЪ
238-40
С.П.Б. ФАБРИКИ МАРКУСА ЗАКСА
ЛИТЕЙНЫЙ 45 противъ БАССЕЙНОЙ
ПОДРОБНЫЯ БРОШЮРЫ ПО ТРЕБОВАНІЮ

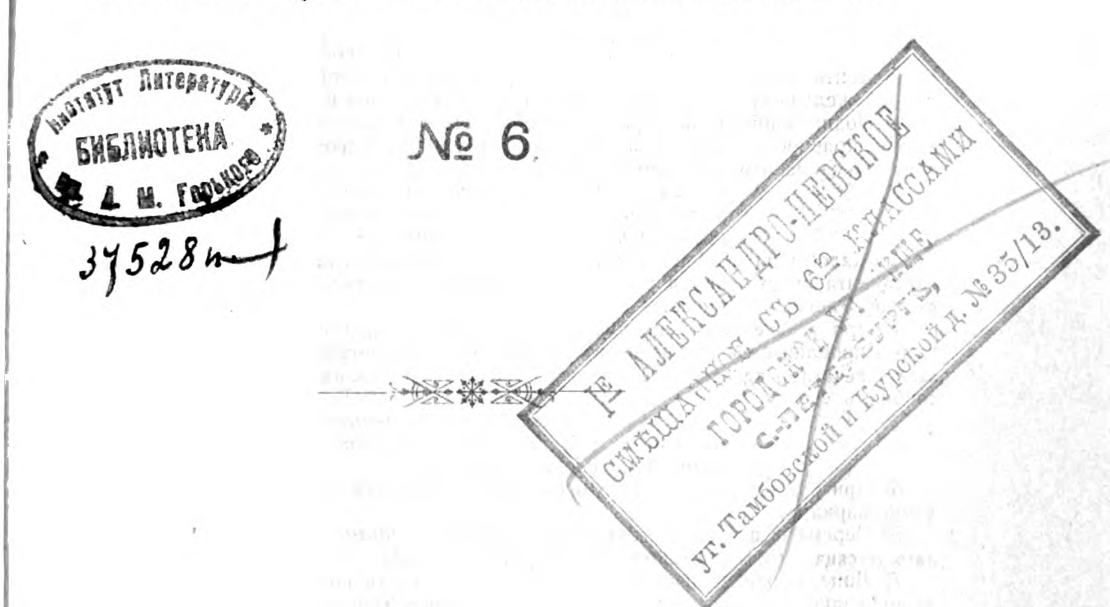
ІЮНЬ. 1910.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 6.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Первой Спб. Трудовой Артели.—Лиговская, 34.
1910.

Продолжается пріемъ подписки на 1910 годъ

(XVIII-ый ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

РУССКОЕ БОГАТСТВО,

издаваемый **Вл. Гал. КОРОЛЕНКО**

при ближайшемъ участіи **Н. Ѳ. Анненскаго, А. Г. Горнфельда, Діонео, С. Я. Елпатьевскаго, А. И. Иванчинъ-Писарева, Ѳ. Д. Крюкова, Н. Е. Кудрина, П. В. Мокіевскаго, В. А. Мякотина, А. Б. Петрищева, А. В. Пѣшехонова, А. Е. Рѣдько, С. Н. Южакова** и **П. Ф. Якубовича (Л. Мельшина).**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкою и пересылкою: на годъ—**9** р.; на 6 мѣс.—**4** р. **50** к.; на 4 мѣс.—**3** р.; на 1 мѣс.—**75** к.

Безъ доставки: на годъ—**8** р.; на 6 мѣс.—**4** р.

Съ наложеннымъ платежомъ отдѣльная книжка **1** р. **10** к.

За границу: на годъ—**12** р.; на 6 мѣс.—**6** р.; на **1** мѣс.—**1** р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ журнала, *Баскова ул., 9.*

Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы, *Никитскій бульваръ, д. 79.*

Въ Одессѣ—въ книжномъ магазинѣ Одесскія Новости—*Дерибасовская, 20* *).—въ магазинѣ „Трудъ"—*Дерибасовская ул., д. № 25.*

Доставляющіе подписку КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ, ЗЕМСКІЕ СКЛАДЫ И УПРАВЫ, ЧАСТНЫЯ И ОБЩЕСТВЕННЫЯ БИБЛІОТЕКИ, ПОТРЕБИТЕЛЬНЫЯ ОБЩЕСТВА, ГАЗЕТНЫЯ БЮРО, КОМИТЕТЫ ИЛИ АГЕНТЫ ПО ПРІЕМУ ПОДПИСКИ ВЪ РАЗНЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЯХЪ могутъ удерживать за коммиссію и пересылку денегъ по **40** коп. съ каждаго экземпляра, т. е. присылать, вмѣсто **9** рублей, **8** руб. **60** к., ТОЛЬКО ПРИ ПЕРЕДАЧѢ СРАЗУ ПОЛНОЙ ГОДОВОЙ ПЛАТЫ.

Подписка въ разсрочку, или не вполнѣ оплаченная—8 р. 60 к.—отъ нихъ НЕ ПРИНИМАЕТСЯ до полученія недостающихъ денегъ, какъ бы ни была мала удержанная сумма.

КЪ СВѢДѢНІЮ ГГ. ПОДПИСЧИКОВЪ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору журнала.

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору журнала и не принимаютъ никакого участія въ доставкѣ журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, **направляются въ контору журнала не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.**

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, необходимо прилагать печатный адресъ, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщившіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

6) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позже 15 числа каждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

7) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору журнала или въ отдѣленія конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки **для отвѣтовъ.**

КЪ СВѢДѢНІЮ АВТОРОВЪ СТАТЕЙ.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) **Непринятыя рукописи**, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

3) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія **уничтожаются.**

---

*) Здѣсь же продажа изданій **„Русскаго Богатства"**.

СОДЕРЖАНІЕ:

(См. на оборотѣ).

ДИНАСТІЯ.

До обѣда удачно удили рыбу, купались еще разъ, играли на отрастающей бархатистой травѣ въ крокетъ. И Павелъ Алексѣевичъ, привыкшій къ мѣткимъ бильярднымъ ударамъ, загонялъ Богъ знаетъ куда чужіе шары, выигрывалъ всѣ партіи.

Обѣдали очень долго. Дольше, чѣмъ обыкновенно. Ѣли полевой кулешъ съ дичью, шашлыкъ, карасей въ сметанѣ, уху изъ рыбы, пойманной на удочки. И еще много блюдъ, приготовленныхъ не здѣсь, среди лѣса, а доставленныхъ сюда уже готовыми. За дессертомъ Вадимъ Алексѣевичъ жаловался, что у него болятъ отъ ѣды челюсти и жевательныя мышцы. Но и послѣ того и онъ, и другіе еще долго сидѣли за столомъ, пили черный кофе съ ликеромъ.

Вадимъ говорилъ, говорилъ, говорилъ. Точно хотѣлъ вознаградить себя за все петербургское молчанье. Его остроты и шутки были избитыя, общеизвѣстныя, но сыпались онѣ, какъ изъ рога изобилія, и Вадимъ Алексѣевичъ смѣялся первымъ надъ ними. Вродѣ: „Ваше званіе, сударь?“— „Высочайше утвержденнаго общества Санктъ-Петербургскихъ желѣзныхъ дорогъ имперіальный пассажиръ“.

Или еще:

— Бесѣдуютъ двое, оба на взводѣ. Одинъ—идеалистъ, другой—человѣкъ земныхъ настроеній, безъ лишнихъ иллюзій! Первый напѣваетъ, сантиментально убѣждая второго: „На зарѣ ты ее не буди!“ А второй, въ отвѣтъ, нѣсколько придирчиво: „Пп-почему?“—„На зарѣ она сладко такъ спитъ!“— „Ну, такъ что-жъ?“—„Утро дышетъ у ней на груди!“—„На-а-аплевать!“

— Ой, Вадя!—кричитъ Марго умоляюще.—Двѣнадцать тысячъ и семь лѣтъ этому твоему дуэту.

Но Вадимъ неуязвимъ. Онъ говоритъ невозмутимо.

— Что за бѣда? Хорошую вещь и повторить можно.

— Я знаю иначе,—подхватываетъ игриво дядя.—Хорошую

вещь и посмотрѣть не грѣхъ. Архіерей... На вечернемъ торжествѣ какомъ-то... Возлѣ сильно декольтированной губернаторши.

— Эээ... ну...

— Дядя, дядя... Это не при дѣтяхъ. Здѣсь — дѣти, — смѣется Марго.

— И дамы,—сурово напоминаетъ Арсеній.

— Э, молчу, молчу.

Обѣдъ конченъ.

Передъ вечеромъ собирали въ лѣсу для костровъ дрова. Лакеи свалили собранный хворостъ въ кучи, подбавили сухихъ березовыхъ и дубовыхъ привезенныхъ изъ дому дровъ, и на лугу запламенѣли съ пріятнымъ трескомъ огромные костры.

Monsieur Жюль Козе вызвался показать Ивана „Купаля". И перепрыгнулъ съ разбѣга самый обширный изъ костровъ. Ему единодушно зааплодировали. Но прыгать черезъ огонь не нашлось больше охотниковъ. Затѣяли игры съ участіемъ мальчиковъ и гувернеровъ. Играли въ кошки-мышки, въ подбрасыванье платка, въ колечко, наконецъ, въ горѣлки. Бѣгали всѣ, кромѣ дяди и Агриппины Аркадьевны. Агриппина Аркадьевна много разъ объясняла, что она разучилась бѣгать.

— Совсѣмъ, совсѣмъ разучилась. Потомъ такъ мускулы болятъ. Не поднять вверхъ ни ноги, ни колѣна. Вотъ этого движенія никакъ потомъ не сдѣлать.

Она шаловливо показала передъ французомъ Козе, какого именно движенія. Французъ сдѣлалъ соболѣзнующую мину, а дядя ехидно повелъ глазами и сказалъ кротко, будто покоряясь велѣніямъ судьбы:

— Мы съ вами ужъ посидимъ, дорогая. Куда ужъ намъ, старикамъ, бѣгать? Кости-то уже хрупкія. Того и гляди ногу сломишь.

Агриппина Аркадьевна сжала зубки, но сѣла.

У Павла Алексѣевича Слава поймалъ его даму, Ларису Андреевну. Павлу пришлось горѣть,

Бѣжала очередная пара, Ксенія Викторовна и Арсеній. Несмотря на излишекъ полноты, Павелъ бѣгалъ, какъ и танцовалъ, легко и быстро. Онъ погнался за Арсеніемъ. Но у сухощаваго Арсенія оказались юношески-крѣпкія ноги. Онъ ловко ускользнулъ изъ рукъ Павла, значительно опередилъ его и повернулъ назадъ, стремясь навстрѣчу отставшей Ксеніи. Тутъ только замѣтилъ Павелъ, что Ксенія Викторовна отстала, что бѣжитъ она плохо, нетвердо, неувѣренно. Павелъ, сдѣлавъ поворотъ, отрѣзалъ путь къ ней Арсенію. Черезъ минуту Ксенія Викторовна въ рукахъ у

Павла, ея голова слегка ударяется объ его грудь. Всю ее Павелъ ощущаетъ такъ близко. И эта близость сжигаетъ его сознаніе. Подкашиваются ноги, исчезаетъ дыханіе. Горячая блаженно-сладостная, отважная до дерзости волна подхватываетъ Павла и увлекаетъ куда-то глубоко въ пропасть, минуя всѣ препоны сознанія, парализуя задерживающіе центры. Павелъ стремительно сжимаетъ обѣими руками свою добычу. Онъ чуть не падаетъ съ ногъ, увлекая за собою и Ксенію Викторовну. Томительная, годами назрѣвавшая въ немъ потребность въ близости именно этой, а не другой женщины,—затемняетъ все. Но это длится моментъ, не болѣе. Сознаніе вспыхиваетъ съ обостренной силой. Павелъ выпустилъ изъ рукъ Ксенію Викторовну: онъ переполненъ тревогой и опасеніемъ: не замѣтили ли? Съ тревогой въ глазахъ оборачивается онъ къ подбѣгающему Арсенію. Тотъ спокоенъ, въ хорошемъ настроеніи, доволенъ своимъ умѣньемъ бѣгать.

— Что? Поймалъ меня, толстый? Туда же гнался... Вотъ, Ксенаша—скороходъ по твоимъ силамъ.

— Прошло, миновало. Никто не замѣтилъ.

Павелъ Алексѣевичъ смѣлѣе взглядываетъ на Ксенію. Она безмятежна и чуть разсѣяна. Ей не то нездоровится, не то скучно среди этой бѣготни и шума. Блѣдна, немного вяла, чѣмъ-то озабочена.

Въ парѣ съ Ксеніей Викторовной и опять вблизи нея, Павелъ до того волнуется, что ему трудно дышать. Теперь Ксенія Викторовна примѣчаетъ это, но говоритъ утомленно:

— Какъ вы запыхались. Вамъ вредно бѣгать.

Павлу непріятны ея слова. Инстинктивно ему хочется, чтобы Ксенія Викторовна считала его гигантски-мощнымъ, несокрушимымъ, полнымъ энергіи и силы.

Горитъ Арсеній и сейчасъ же ловитъ проворнаго, какъ зайчикъ, Борю.

— Папа? Вотъ, молодецъ!—увлекшись, кричитъ разгоряченный игрою Горя.—Вотъ, хорошо бѣгаешь.

Горѣть остается monsieur Жюль Козе. Онъ пропускаетъ нѣсколько паръ. Будто умышленно, никого не ловитъ, будто поджидаетъ кого-то. Снова пора бѣжать Павлу и Ксеніи Викторовнѣ. Козе погнался за Ксеніей, но не настигъ ее, хотя настигнуть было легко. Опять Ксенія Викторовна въ объятіяхъ Павла, опять горячая волна заливаетъ его сознаніе. И такъ же быстро, какъ налетѣла, уступаетъ очередь отливу. Не успѣваютъ Ксенія и Павелъ стать на свое мѣсто, какъ Козе уже поймалъ быстроногую Марго, разъединивъ ее съ мистеромъ Артуромъ.

Ксенія, увидѣвъ, что горитъ Артуръ, сдвигаетъ брови и говоритъ Павлу:

— Я устала. Отведите меня незамѣтно въ сторону. Не хочу больше играть.

— „Словно испугалась англичанина? Или не хочетъ, чтобы онъ поймалъ ее?"—бѣгло подмѣчаетъ Павелъ. Но ему некогда задержаться на этой мысли.

Нѣсколько шаговъ, и они за густымъ терновникомъ, позади играющихъ въ горѣлки, на извилистой лѣсной дорожкѣ, что спускается внизъ, къ рѣчкѣ.

— Я сяду,—говоритъ Ксенія Викторовна.—Не могу идти Дрожатъ ноги.

Павелъ усаживаетъ ее тутъ же на дорожкѣ, у кустовъ лѣсной калины. И самъ опускается на траву рядомъ съ Ксеніей.

Съ поляны несутся взвизгивающіе голоса. Выдѣляется пискливый тенорокъ Жюля. Потрескиваютъ костры. Дядя чему-то громко смѣется, насмѣшливо и злорадно. Боря кричитъ возбужденно:

— Дядя Вадя... а фейерверки? Скоро ракеты?

Вадимъ Алексѣевичъ баситъ въ отвѣтъ:

— Подожди, братъ. Пусть стемнѣетъ. Какіе же фейерверки среди дня?

— А римскіе свѣчи будутъ? А звѣзды Неповоевки?

— Будетъ, будетъ. Все будетъ. И звѣзду Неповоевки сожжемъ. Погоди ужо, не горячись.

Еще день, но солнце за облаками. Поблѣднѣла рѣчка, темнѣе кажется зелень дубовъ. Подъ кустами калины, у заросшей дорожки, пахнетъ чебрецомъ, раздавленнымъ подъ ногами. Цапля прокричала гдѣ-то вверху, какъ капризный ребенокъ. Въ воздухѣ—запахъ земли, остывающей отъ солнечнаго жара.

Павелъ не отводитъ испуганнаго взгляда отъ поблѣднѣвшаго лица Ксеніи Викторовны. Но той горячей, сжигающей сознаніе волны уже нѣтъ, несмотря на близость Ксеніи Викторовны, несмотря на то, что они одни. Теперь Павелъ и самъ опасается, какъ бы не налетѣло недавно палавшее ощущеніе: наединѣ съ нею труднѣе овладѣть собой, легче забыться, прорваться. И ей, Ксеніи, легче замѣтить все, что осталось незамѣченнымъ тамъ, въ толпѣ играющихъ. Да и здѣсь она какъ бы подъ опекой Павла. Павелъ спрашиваетъ заботливо и пугливо:

— Вы устали, Ксенія Викторовна?

Ксенія отвѣчаетъ съ усиліемъ:

— Устала. Очень устала. Нехорошо мнѣ сегодня. Не слѣдовало бѣгать. Я такъ ослабѣла.

— Не хорошо?—повторяетъ Павелъ, безсознательно вкладывая въ свой вопросъ много нѣжности, тревожной заботы, любовнаго опасенія.

Ксенія Викторовна утомленно вздыхаетъ.

— Вамъ нездоровится? Вы больны?—настойчиво добивается отвѣта Павелъ.

— Да... вродѣ того. Хотя... можетъ быть, пройдетъ.

Въ ея тонѣ что-то необычайное. И сердитое, и испуганное одновременно.

Павелъ не понимаетъ. Онъ смотритъ вопросительно-удивленными глазами. Ксенія Викторовна добавляетъ, не доканчивая:

— Я боюсь...

— Боитесь? Чего?

— У меня какое-то непонятное предчувствіе. Все время. Съ весны еще. Все кажется, будто я умру скоро. Вотъ, вотъ, вотъ... и меня не станетъ.

— Богъ съ вами! Вамъ умирать? Вамъ!?

Голосъ Павла, сорвавшись, доходитъ до шепота. Дрожитъ рука, которой онъ упирается о землю. Въ волненьи онъ не знаетъ, что сказать.

— Если вамъ умирать, вамъ, полной силъ, въ расцвѣтѣ...—говоритъ онъ, наконецъ,—кому же жить послѣ того? Тогда такимъ ненужнымъ тунеядцамъ, какъ я, напримѣръ... живьемъ, значитъ, ложиться въ землю?

Помолчали. Ксенія Викторовна покачала головой.

— А кому я нужна?—произнесла она и докончила съ несознаваемой жестокостью:—Тоже никому.

Павлу мучительно хотѣлось крикнуть: „мнѣ!" И потомъ сказать ей что-то необычайно-нѣжное, задушевно-теплое, нѣчто такое, что защитило бы, согрѣло и утѣшило эту суевѣрную женщину среди ея тоскливыхъ предчувствій.

Но опять у него не хватало словъ, опять онъ молчалъ. А Ксенія Викторовна повторила:

— Тоже никому. Дѣти? Они и при мнѣ безъ меня живутъ. Арсеній?.. Поплакалъ бы сперва, за то послѣ... потомъ ему безъ меня будетъ покойнѣе. А для себя самой? Для себя хорошо жить, когда есть счастье. Или кажется, что оно будетъ, что оно еще можетъ быть.

Она не договорила, испугавшись сказать лишнее.

— А все же страшно. Пугаетъ... Я боюсь. Какъ представлю себѣ, что никогда не увижу Гори. Не увижу аистовъ весною. Не услышу музыки, шума деревьевъ. Много и важнаго, и мелочного приходитъ на мысль. Но главное, что все исчезнетъ. Для меня исчезнетъ. Самое страшное въ словѣ: „никогда". Что я никогда не увижу, не услышу, не буду

ощущать, чувствовать, что я исчезну. Предъ этимъ сознаешь себя такой побѣжденной, такой безсильной. И такой протестъ закипаетъ противъ этой побѣжденности. Такъ хочется бороться, осилить. А понимаешь, что нельзя, что не въ твоей волѣ. Нѣтъ, я боюсь... Страшно!

— Да что вы, Ксенія Викторовна,—остановилъ ее Павелъ, уже разсердившись.—Этакъ забрать себѣ въ голову... такъ и въ самомъ дѣлѣ доведешь себя...

— Но это же извнѣ, независимо отъ меня?—отвѣтила она болѣе спокойно.—Ничего я не забирала въ голову. Напротивъ. Мнѣ хочется разсѣять, отогнать это. А оно не отходитъ. Мнѣ самой страшно. Я вѣдь вовсе не желаю... Я боюсь умирать.

— А я нѣтъ,—вырвалось у Павла.—Можетъ быть, отъ того, что это всегда въ моей волѣ.

— Въ вашей волѣ? Какъ?

— Ну, какъ... Какъ у всякаго. Каждый можетъ, когда захочетъ...

— Аа... вы про это.

— А развѣ нѣтъ?

— Нѣтъ, не каждый. Я бы не рѣшилась—первая. Добровольно? Нѣтъ, никогда. Какъ бы плохо мнѣ ни было. Все перенесла бы... Но это?—нѣтъ. И многіе не смогли бы. А вы?

— Думаю, что смогъ бы. Если бы жизнь стала совсѣмъ не въ моготу. Или если несчастье... Большое, непоправимое, которое нестерпимо больно и не къ чему нести. Тогда бы...

— И вамъ не страшно? Даже говорить? Даже думать?

— Наоборотъ. Пріятно. Пріятно сознавать себя хозяиномъ надъ собой же. Думать, что вотъ... одинъ лишній уколъ моего шприца, и я освобождаюсь.

— Но отъ чего?

— Отъ всего. Отъ плохого, отъ хорошаго, отъ...

— Но и плохое, и хорошее, оно проходитъ. Можетъ возвратиться, опять пройдетъ. Оно измѣняется, теряетъ значеніе, оставляетъ надежды. А тутъ: никогда.

— Но это же законъ природы, Ксенія Викторовна!

— То-то и страшно. То-то и пугаетъ, что неотвратимо. Я какъ подумаю, что вы всѣ останетесь... будете жить, играть въ горѣлки, смѣяться, а я... тамъ... одна? Что я буду уничтожена... что меня похоронятъ. Одна — въ этомъ склепѣ? О-о!

— Ну, хорошо,—полушутя сказалъ Павелъ,—даю вамъ слово переселиться къ вамъ въ склепъ. Чтобы не оставлять васъ одну. Васъ это утѣшаетъ? Хоть немного? Если да — я готовъ. Ужъ коль вамъ умирать... матери дѣтей, молодой, сильной, — такой бездѣльникъ, какъ я, не имѣетъ права

жить. Никакого. Лягу и я подлѣ васъ костьми. Обновимъ склепъ вмѣстѣ.

Ксеніи показалось это неправдоподобнымъ. Она улыбнулась.

— Раньше вашего срока не ляжете,—пошутила и она.— Небось, не захочется. И смотрите... вдругъ я явлюсь тогда въ фосфорическомъ свѣтѣ и скажу: „Павелъ! а помнишь? Павелъ! помнишь твое обѣщаніе?“

— Я и безъ напоминанья не забуду.

— Но срокъ, срокъ?..

— Его можно ускорить. У меня, въ аптекѣ моей, есть цѣнное снадобье. Кураре называется. Когда я гляжу на него, мнѣ нравится думать: вотъ захочу... и всему конецъ!

Ксенія Викторовна повела плечами, содрогаясь.

— Сильное оно? Снадобье ваше?

— О, очень! Растительный ядъ. Изъ коры одного растенія, сейчасъ забылъ названье. Чрезвычайно быстро всасывается изъ подкожной клѣтчатки. Достаточно помазать имъ ничтожную царапину, и человѣка нѣтъ. Параличъ дыханія. Цѣнно, что чрезвычайно быстро. Не успѣешь оглянуться...

— Это страшно, а не цѣнно,—вздрогнула опять Ксенія.— Къ чему вы держите такія средства? Можетъ подвернуться минута слабости, унынія. И вдругъ послѣ захочется назадъ? А уже будетъ поздно...

— Ну, что жъ? Тогда нѣсколько ужасныхъ мгновеній. Но короткихъ, весьма короткихъ. А вѣрнѣе всего, не успѣешь подумать о возвратѣ. Но даже въ случаѣ малодушія нельзя ничего предпринять. Концу предшествуетъ параличъ. Полная недвижимость. Значитъ...

Онъ хотѣлъ еще что-то добавить, но изъ-за калиновыхъ кустовъ, чуть не вплотную, наскочилъ на него Арсеній.

— Ты? — крикнулъ Арсеній Ксеніи Викторовнѣ озлобленно.—Ты уже здѣсь? И Павелъ? А гдѣ же онъ?

— Кто?!

Ксенія Викторовна надменно повысила голосъ. Глянула будто прокричала: „мы не одни, опомнись!“

Глаза Арсенія блуждали. Крѣпко сжатыя челюсти двигались ускоренно. У него было растерянное, блѣдное лицо, трясущіяся губы.

Локализируя вспышку, Павелъ заговорилъ недальновидно и благодушно:

— Ксенія Викторовна устала бѣгать. Сказала мнѣ непримѣтно увести ее. Я ужъ боялся, не сдѣлалось бы дурно, до того поблѣднѣла. Къ счастью, прошло скоро.

— Вы здѣсь... все время были? — спросилъ Арсеній виновато-стихшимъ и уже ласковымъ голосомъ.

— Ну, да... а гдѣ-жъ? Говорю же: нехорошо Ксеніи Викторовнѣ стало.

— А я пошелъ... Артура искать,—началъ объяснять, путаясь, Арсеній.—Исчезли вы съ Ксенашей, Артуръ и Марго. Я думалъ, Ксенаша, ты и Марго вмѣстѣ, а Артуръ, думаю, какъ заблудится одинъ въ лѣсу...

Ксенія Викторовна устало, съ отвращеніемъ откинула назадъ голову, закрывъ глаза.

Павелъ помогъ ей подняться съ земли. Ксенія Викторовна взяла его подъ руку и медленно пошла къ полянѣ не взглянувъ на Арсенія.

На лугу догорали костры.

Поляна посѣрѣла, хотя до ночи еще было далеко. На потемнѣвшемъ небѣ, быстро поднимаясь вверхъ, плыли съ запада широкія, дымныя тучи, постоянно мѣняя очертанія. Будто струйки дыма разстилались отъ нихъ по сѣрому небу. Особенно отъ тѣхъ клочковъ, что отрывались отъ той темной массы, не поспѣвая за нею. Надвигалась буря. На полянѣ зашумѣли, засуетились, забѣгали; начали спѣшно собираться домой, пока не хлынулъ дождь. Марго, мистеръ Артуръ и Боря катались на лодкѣ; они чуть не опоздали, но все же явились во время. Дядю, Агриппину Аркадьевну и мальчиковъ отправили въ дядиной коляскѣ. Остальнымъ опять пришлось размѣститься въ лодкахъ.

Вадимъ гналъ противъ теченія большую лодку съ непостижимой быстротой. Но лодку нагоняла изъ-за лѣса сизо-синяя туча, и всѣмъ казалось, что подвигаются впередъ слишкомъ медленно. Вотъ уже шумитъ за лѣсомъ и близится къ рѣкѣ, шелестя деревьями, вѣтеръ. Рябь пошла по водѣ. Галки перепуганно сорвались съ выбранныхъ на ночь мѣстъ, понеслись въ сторону, подальше отъ тучи. Цапля прокричала, какъ больное дитя, и вышла на самый берегъ песчанаго откоса. Остановилась въ тревогѣ у зарослей лозняка—тонконогая, съ длиннѣйшей шеей, съ искривленнымъ, будто высушеннымъ нарочно тѣльцемъ, несуразная до забавнаго, вѣрнѣе — до отвращенія. Постояла, неуклюже приподнялась кверху и полетѣла въ даль, тяжело взмахивая крыльями, слишкомъ большими по ея тощему корпусу.

Вѣтеръ сносилъ лодку. Трудно было грести даже Вадиму Алексѣевичу. Ему на подмогу сѣлъ на весла Павелъ.

Онъ мѣрно взмахивалъ веслами, а самъ, какъ замагниченный, все притягивался взглядомъ къ Ксеніи Викторовнѣ. Не выходили изъ памяти ея слова о предчувствіяхъ близ-

кой смерти. Павелъ тревожился. Что-то щемило и тѣснило внутри груди. Словно вкладывали подъ грудную доску металлическую пластинку и нажимали ею, налегая на сердце.

Ксенія Викторовна сидѣла, задумавшись, устало опустивъ голову, обвитую палевымъ шарфомъ.

И лицо ея, и поза, казалось, говорили Павлу:

— Ну, да, я больна, я умру... уже умираю. И какъ вы всѣ не видите этого?

Туча разстроила пикникъ, но не оправдала опасеній. Пронеслась мимо, не разразившись дождемъ. Вечеръ наступилъ безъ росы, сухой и душный.

Вадимъ Алексѣевичъ долго не ложился спать. Заготовлялъ порошки гомеопатическихъ лѣкарствъ къ завтрашнему утру. Не докончивъ работы, онъ вышелъ на веранду освѣжиться.

Ночь спустилась надъ паркомъ темная и звѣздная. Душно было подъ деревьями въ ночномъ сумракѣ. Съ прудовъ чуть несло сыростью, еле-уловимымъ запахомъ тлѣнія. А ближе, кругомъ веранды пахло резедой и ночными цвѣтами, пряной матіолой, душистымъ табакомъ, ночной красавицей.

Стояла іюльская тишина. Лишь увѣренно и неугомонно трещали въ поднявшейся атавѣ кузнечики. На противоположномъ крылѣ дома погасъ свѣтъ въ окнахъ Агриппины Аркадьевны. У Марго еще горѣлъ зеленый фонарикъ. Подражая Падеревскому, Марго негромко играла что-то лирическое. Но вотъ музыка стихла, исчезъ блѣдный свѣтъ и въ этихъ окнахъ. Темнота сгустилась, зеленовато вспыхиваютъ и погасаютъ свѣтляки. То на газонѣ возлѣ грядокъ съ цвѣтами, то въ центрѣ газона, гдѣ темнѣетъ раскидистая муза съ сочными листьями, то сбоку въ травѣ, подъ деревцами штамбовой сирени. Пробили часы на колокольнѣ, громче и громче звенятъ кузнечики. Вадимъ Алексѣевичъ аппетитно зѣвнулъ, но не успѣлъ докончить зѣвка.

— Вадимъ, ты не спишь?

Лариса Андреевна выдѣлилась изъ темноты изъ-за угла веранды, спросила застѣнчиво, замялась, будто ожидая приглашенія.

— Ты гуляешь? А я хотѣлъ попросить тебя помочь мнѣ здѣсь съ порошками. Да подумалъ, небось, легла уже. Побоялся безпокоить.

— Къ тебѣ можно?

— Почему нельзя? Если я ничѣмъ не занятъ? Сижу и звѣзды считаю. Возился, возился съ порошками, до того усталъ, даже голова вспотѣла. А ночи какія: сухія, теплыя, настоящія лѣтнія. Э-эхъ, подвела насъ зря эта буря сегодня. Даромъ мои фейерверки на лугъ прокатились.

Лариса Андреевна молча взошла по ступенямъ. Молча прислонилась къ деревянной колонкѣ веранды.

— Вадя...

Затѣмъ повторила громче:

— Вадимъ... слушай, Вадимъ.

Голосъ ея былъ ровный, обычный, повидимому, спокойный. Но Вадимъ Алексѣевичъ, зная ее, понялъ, что она чѣмъ-то взволнована.

— Ну, что тамъ? Опять показалось что-то? Взглянулъ кто-нибудь косо? Или еще что? Ну, что приключилось? Да что съ тобой? Ларочка?

— Я хотѣла тебѣ сказать... Отпусти меня, Вадимъ. Я уйду.

— Уйдешь? Куда? Что ты хочешь сказать, я не понимаю. Куда уйдешь?

— Не знаю. Куда-нибудь, но уйду отъ тебя. Совсѣмъ. Какъ Марго ушла отъ мужа.

Вадимъ Алексѣевичъ опѣшилъ. Лицо его, освѣщенное лампой сквозь окно кабинета, отразило испугъ, досаду, опасенье. Лариса Андреевна оставалась въ полутѣни за колонкой.

— Господь съ тобой, Лара. Что это ты вдругъ?

— Я не вдругъ. Я давно, уже давно думаю. И въ Петербургѣ, и за границей. А здѣсь, когда я здѣсь, среди твоихъ... не перестаю думать только про это. Лишняя я среди нихъ, чужая. На каждомъ шагу даютъ мнѣ понять: ты не наша. Игнорируютъ, не примѣчаютъ. Кромѣ Ксеніи Викторовны, никто говорить не хочетъ. Да и та изъ вѣжливости. А ты смотришь, будто такъ и быть должно. Богъ съ вами, со всѣми. Унизительно жить среди васъ. И хуже всего, что ты не любишь меня вовсе. Тоже не примѣчаешь. Будто нѣтъ меня.

— Я? Ларочка... я не люблю?

— Не оправдывайся. Не повѣрю. Женился жалѣючи, любить никогда не любилъ. Мнѣ давно хочется освободить тебя. Уйти, развязать тебѣ руки.

Лариса Андреевна не плакала, не повышала голоса. Но, зная ее, Вадимъ понималъ, что это прямолинейное существо легко осуществитъ свою угрозу. Уйдетъ изъ-за ничего, изъ-за того, что показалось что-то. Разобьетъ жизнь и ему, и себѣ, себѣ—непоправимо. Его испугало это.

— Но... Лара?—сказалъ онъ, взвѣшивая каждое слово.— Чего ты хочешь, я не понимаю? Чтобы я пылалъ? Становился на колѣни? Говорилъ: „я обожа-аю“? Я не умѣю этого. Должно быть, родился ужъ таковъ. Съ холодкомъ по этой части. Никогда не пылалъ, не сумасбродствовалъ изъ-за женщины.

— Никогда?—подозрительно спросила Лариса.

— Даю тебѣ слово. Въ юности, кадетомъ еще, въ тетку былъ влюбленъ. Но это такъ... идеальное. Она и не знала даже. Потомъ были связи съ женщинами. Разныя... Но я ни разу не вкладывалъ въ нихъ души своей. Не пытался опоэтизировать, смотрѣлъ, какъ на прозу. Ты мнѣ понравилась; больше всѣхъ другихъ пришлась по характеру. На тебѣ я и женился.

— Понравилась ли? Вотъ что неправдоподобно. Некрасивая я... Невоспитана. Болѣзненная, прѣсная. Дядюшка твой называетъ меня прѣсной. Это правда. Чѣмъ же я понравилась тебѣ? Изъ великодушія женился. Увидѣлъ, что не за свое дѣло взялась я, со сценой этой. Что растерялась, не знаю, какъ быть. Пожалѣлъ и рѣшилъ: спасу ее.

— Ну, что говорить пустое? Нравится то, что нравится. А чѣмъ? Отчего? Почемъ я знаю? Я о женитьбѣ со страхомъ думалъ. Съ трепетомъ. Какъ начали всѣ въ уши жужжать: пора, пора жениться, женись на комъ-нибудь подходяшемъ. Я молчу, а самъ помышляю со скорбью: Боже мой, Боже мой... да эта „подходящая", ночь и день надо мной трунить будетъ? Снисходительно, покровительственнымъ тономъ, какъ всѣ родичи мои кровные? Надо мной, надъ гомеопатіей моей, надъ всѣмъ, что мнѣ мило. И придется всю жизнь терпѣть и переносить у себя подъ бокомъ постояннаго критика? Да на что мнѣ испытаніе это? Да ни за что не женюсь, думаю. А тутъ ты... Въ гомеопатію повѣрила, и вижу я, душа-человѣкъ. Я и женился. И, вотъ, сколько времени... до сихъ поръ не пожалѣлъ ни разу. Жена и товарищъ хорошій. А ты-то, оказывается, недовольна. Ты вонъ что напустила на себя. Уходить, да развязывать руки. Къ чему? Оставь, Ларочка, не порти себѣ жизнь выдумками. Кто тебѣ сказалъ, что я хотѣлъ бы развязать свои руки? Не вѣрь. Глупости. Двѣнадцать тысячъ и семь разъ повторю: глупости. У тебя разстроились нервы. И въ этомъ я повиненъ. Не надо было тащить тебя въ Неповоевку. Знаю вѣдь, что къ тебѣ здѣсь плохо относятся... что не по душѣ тебѣ тутъ. А потащилъ, ради своего удовольствія. Но соскучился же я свирѣпо.

— Да нѣтъ, совсѣмъ не то. Я и тамъ, на Беатенбергѣ, чувствовала себя премерзко. Даже рада была уѣхать. Языковъ не знаю. Тоска. Одурь голову беретъ, не нахожу себѣ мѣста. Погляжу на женщинъ: красивыя, расфуфыренныя, стильныя. Чучело я чучеломъ передъ ними. И все про тебя думаю: онъ тоже красивый, здоровый, богатый. Не по себѣ жену взялъ. Развязать бы ему руки, какъ бы онъ воспрянулъ. Любилъ бы этихъ красивыхъ, занимательныхъ или женился бы, какъ Арсеній, на богатой, на красавицѣ. А я

прѣсная, повисла камнемъ на шеѣ, отравляю ему жизнь, связываю...

— Лара. Если ты еще разъ повторишь когда-нибудь эти глупости, прибью! Ей слово, прибью. Слышишь? На чертей мнѣ какія-то тамъ вертихвостки курортныя? Я ихъ и смолоду избѣгалъ. Съ ними свяжись только... Самъ не радъ будешь... Я, можно сказать, ни сномъ, ни духомъ. А у нея— вонъ какія мысли!

— Но если печетъ меня... огнемъ печетъ это?

— Да что, собственно?

— Что я не пара тебѣ...

— Плюнь. Глупости. Выдумки. Это называется, высасывать изъ собственнаго пальца горести.

— Не говори, не говори. Теперь я поняла одну вещь. Знаешь, мой папаша... онъ—старенькій, слободской священникъ. Изъ старинныхъ батюшекъ. Необразованный. Заговариваетъ вѣтеръ при пожарѣ и самъ вѣритъ въ это. Но умный онъ. Дѣтской доброты человѣкъ, и жизнь знаетъ... Охъ, какъ знаетъ. Насмотрѣлся. Такъ онъ все говорилъ старшей сестрѣ, когда та замужъ за офицера хотѣла идти:—„Ой, Маша, руби дерево по себѣ. Нехорошо не по себѣ рубить. И срубишь, а не потащишь". Теперь я поняла, что это значитъ. Маша-то послушалась, а я не по себѣ срубила.

— Выбрось изъ головы, Ларочка. Сдѣлай мнѣ такое одолженье. Ну, чего тебѣ хочется? Чтобы я на колѣняхъ передъ тобою стоялъ? Изволь. Стану.

Лариса Андреевна испугалась.

— Не надо, не надо. Утѣшилъ и безъ того. Спасибо, милый.

— Слава Богу. Укротилъ строптивую. Спать пора, Лара. И не создавай, пожалуйста, себѣ ужасовъ. А завтра встань и ты пораньше. Поможешь мнѣ съ порошками управиться. Съ утра, чуть свѣтъ, больные. Тѣхъ, что я заготовилъ, никакъ не хватитъ. Нѣтъ ни хинина, ни арники, ни нуксъвомики. Ничего не осталось. Еще я обѣщалъ отъ запоя одной бабѣ средство. Для мужа ея. Впрочемъ, то я самъ приготовлю. Ты хининомъ да арникой займись. Чтобы побольше. Какъ можно больше арники и хинина.

Лѣтніе дни побѣжали на убыль, но лѣто не сдавалось. Отошла торопливая жатва, за ней возовица. Уже заблестѣли отчищенной сталью плуги у сжатыхъ полосъ. Начала краснѣть отцвѣтающая гречиха, позднее просо съ махровыми вѣнчиками, и то отдавало желтизной. Въ полѣ оставались зелеными лишь высокіе конопляники съ ровными и пышными, зелено-темными стволами.

Наступили засушливые дни, дремотно и знойно стало въ лѣсу, въ деревнѣ и въ полѣ, накаленная земля пылала подъ ногами. По проѣзжимъ дорогамъ подолгу стояли недвижимо облака тонкой пыли, если кто проѣзжалъ днемъ или ночью. Но, какъ весною, было влажно и зелено въ молодомъ неповоевскомъ паркѣ. Тамъ журчали фонтаны, шла усиленная поливка, безъ устали работали водопроводные рукава, обильно разливая рѣчную воду. И, какъ весной, цвѣли куртины, ярко-зеленѣли газоны, разростались молодыя деревца.

За то, будто въ предчувствіи осени, затихла жизнь въ неповоевскихъ усадьбахъ.

Ксенія Викторовна недомогала.

За обѣдомъ чаще и чаще занимала ея мѣсто Агриппина Аркадьевна. Арсеній Алексѣевичъ по горло былъ занятъ хозяйствомъ. А за обѣдами сидѣлъ, покусывая губы, сумрачный, затихшій, озабоченный. Его молчаніе и угрюмый видъ угнетающе дѣйствовали на остальныхъ. Всѣ тоже молчали, даже болтливый Вадимъ, даже дядя. Потомъ Арсеній заговорилъ открыто, что Ксенія Викторовна больна. Какое-то женское недомоганье. Можетъ быть, потребуется маленькая операція. И торопливо собрался съ Ксеніей Викторовной въ X.,—ближайшій университетскій городъ.

Послѣ ихъ отъѣзда,—въ тотъ же день,—Павелъ шелъ съ Марго за паркомъ въ полѣ. Надвигался безлунный вечеръ. На западѣ свѣтлѣло небо, едва тронутое отсвѣтомъ давно погорѣвшей зари. Вечерній свѣтъ былъ тусклый, сѣровато-блѣдный. Марго и Павелъ переходили черезъ крестьянскій выпасъ. Надъ землей едва зеленѣла пыльная, съѣденная до корней трава. Поднимался повыше лишь горькій, низкорослый полынокъ, да высились кое-гдѣ колючіе репейники съ бураково-красными, склоненными цвѣтами. Темнѣлъ на краю поля паркъ, густой, отсюда будто таинственный; отчетливо выдѣлялись на его опушкѣ,—высокіе тополя. Съ другой стороны—поближе къ полю—дремала деревня. На крышахъ многихъ избъ стояли выводками аисты. Уже тѣсно стало въ гнѣздахъ выросшимъ дѣтенышамъ, и старики, и дѣти ночевали, стоя, на постройкахъ или на голыхъ вѣтвяхъ усыхающихъ деревьевъ. На фонѣ свѣтлаго неба аисты выдѣлялись надъ крышами, какъ бы повиснувъ въ воздухѣ, ихъ высокихъ ногъ не видно было издали.

Павелъ Алексѣевичъ опечаленно молчалъ. Молчалива была и Марго сегодня.

Нежданно скатился метеоръ изъ-подъ потемнѣвшаго облака, какъ изъ-за приподнятой занавѣски. И полетѣлъ внизъ, не дугой, а прямо,—яркій, бѣло-блестящій, словно частица восхитительнаго фейерверка.

— Гляди, гляди,—заторопила Павла Марго.—Какъ красиво. Видѣлъ?

— Видѣлъ,—нехотя отвѣтилъ Павелъ, думая о другомъ, Марго затихла опять.

Нескоро, долго помолчавши,—она заговорила про то, о чемъ думали оба, но каждый по своему.

— Боязно за Ксенію Викторовну. Выдержитъ ли?

— И ты боишься?—изумился Павелъ.—Я тоже.

— Такъ и ты знаешь?

— Что у нея нехорошія предчувствія? Еще бы. Сколько разъ толковала.

— Начнешь предчувствовать... поневолѣ. Который разъ уже! Страшно, что такъ часто. Какой Арсеній жестокій. Вѣдь это онъ все. По его настоянію.

— Что ты говоришь такое?—погасшимъ голосомъ переспросилъ Павелъ, осѣненный догадкой, еще смутной.—Что часто? И что „который разъ"? О чемъ ты?

— Я? Я... ну, объ операціяхъ... Да полно, Павелъ. Развѣ не знаешь?

— Не знаю... то есть... не зналъ. До сихъ поръ не зналъ.

— Ну, что это, какой недогадливый. Точно младенецъ. Или съ неба свалился?

— Кто же тебѣ сказалъ?

— Никто. Развѣ эти вещи говорятъ? Само собой узнается Никто не говорилъ, а всѣ знаютъ. Какъ про твой мышьякъ. Или о ревности Арсенія. Арсеній не хочетъ больше дѣтей. Чтобы не дѣлить Неповоевки. Ну, и... ну, и ясно.

— Вотъ что.

Павелъ, снявъ шляпу, вытеръ платкомъ вдругъ вспотѣвшій лобъ свой.

— Да ты, въ самомъ дѣлѣ, не зналъ?--удивилась Марго, мелькомъ глянувъ на него, и поспѣшно отвела глаза въ даль къ горизонту.

Онъ признался растерянно еще разъ.

— Не зналъ.

— И чудной же ты. Такъ ясно, и не догадаться. Мнѣ жаль ее. Хотя злитъ меня, что она до такой степени индюшка. А, чортъ возьми! Какъ можно быть такою? Такъ подчиняться? Ну, попадись онъ мнѣ въ мужья, я бы ему показала! Пусть бы онъ со мной поговорилъ про операціи эти... попомнилъ бы, на долгое время. А она—кисель. Какъ воскъ, что захочешь, то и вылѣпишь изъ нея.

Павелъ, шатаясь, еле держался на ногахъ.

— Но... какъ же Арсеній?—едва шевеля губами, выговорилъ онъ.—Вѣдь любитъ же онъ ее?

— Любитъ ее... а свои фантазіи еще больше. И разъ не встрѣчаетъ отпора... Что съ тобой, Павликъ? Павелъ, на тебѣ лица нѣтъ? Тебѣ дурно? Сядемъ скорѣй, сюда къ канавѣ... Отдохни минутку, Павелъ!

Шаги Павла замедлялись, слабѣли. Онъ не садился, а клонился къ землѣ. Марго понимала, что не сможетъ удержать это грузное обезсилѣвшее тѣло, и пугалась еще больше. Но все же ей удалось не уронить, а посадить Павла, хотя и съ большимъ напряженіемъ.

— Павелъ, ты слышишь меня? Павликъ!

Павелъ не откликался.

Лицо его не поблѣднѣло, а позеленѣло; губы бѣлыя, глаза ввалились, полузакрыты, щеки осунулись, будто въ мигъ похудѣли.

Онъ все слышитъ. Догадывается, что сидятъ они на травѣ, у конопляпника надъ межевой канавкой, что Марго очень испугана. Но въ глазахъ у него темно, онъ ничего не видитъ, не можетъ отвѣтить Марго, чтобы ее успокоить. Наконецъ, онъ произноситъ, дѣлая неимовѣрное усиліе надъ собою:

— Ни... ни-че-го. Сейч... часъ... Сейчасъ пройдетъ.

И, въ самомъ дѣлѣ, ему уже лучше.

— Обопрись на меня, Павликъ. Тебѣ тошно? Кружится голова?

— Ничего, ничего... прошло уже.

Землисто-сѣрое лицо Павла принимаетъ живой оттѣнокъ. Не поднимая съ плеча Марго головы, онъ испытующе-пристально заглядываетъ ей въ глаза. Словно спрашиваетъ:

— Ты поняла? Догадалась?

Марго выдерживаетъ этотъ взглядъ непринужденно.

— Нѣтъ, не догадалась,—отвѣчаютъ ея глаза. Она смотритъ открыто, но чуточку непонятливо, какъ глядятъ иногда актрисы въ роляхъ невинныхъ инженю. Затѣмъ говоритъ озабоченно, но недогадливо:

— Сердце, сударь, у васъ не въ порядкѣ. Оно, оно... Ни съ того, ни съ сего дурнота, обмороки. Понятно, сердце. Толстѣй да пей квасу больше. Не то еще будетъ. Такъ не беречь себя!.. А! чортъ возьми!..

Въ вечернихъ сумеркахъ Павелъ присматривается къ Марго, не мигая. Но ничего нельзя прочесть на ея всегда выразительномъ и подвижномъ лицѣ. На немъ выраженіе непонятливости—и только. Если и догадалась, то не хочетъ показать, что поняла.

— Ну, ну, не ворчи, Маргоша. Уже ничего, прошло уже. Можно идти, если хочешь.

Павелъ приподнялся съ земли.

— Нѣтъ, посидимъ. Отдохнемъ еще, и я устала. Видишь, Павликъ, нажилъ-таки болѣзнь сердца? Это—квасъ твой.

— Квасъ — своимъ чередомъ, а и взволновался я... отъ того, что ты разсказала,—признается Павелъ, отважно подходя къ истинѣ, чтобы затушевать ее.—Вѣдь это возмутительно. И для меня—новость, я не зналъ. Не допустилъ бы мысли, что Арсеній...

— До такой степени эгоистъ?

— Вотъ именно.

— У-у... Дай ему только волю. А скажите, сударь, давно у васъ съ сердцемъ это? И часто обмороки?

— Зачѣмъ часто? Очень изрѣдка, хотя давненько.

— Тебѣ лѣчить надо сердце. Поѣзжай къ спеціалисту. На воды куда-нибудь.

— Ну, не на столько еще плохо. Но, на всякій случай, мои дѣла приведены въ порядокъ. И духовное завѣщаніе готово.

— Павликъ!

— Ну, чего ты? Дѣло простое, житейское. На прошлой недѣлѣ ѣздилъ въ городъ. Ради завѣщанія нарочно. У нотаріуса написалъ. По закону, какъ быть должно. Въ случаѣ чего, пожизненно все мое тебѣ, Маргоша. Дашь Оксанѣ немножко. По твоему усмотрѣнію. Остальнымъ владѣй на здоровье. А послѣ тебя—Горѣ и Славѣ поровну. Я и Арсенія поставилъ въ извѣстность. Онъ ничего, одобрилъ. Для него важно, чтобъ не выходило изъ рода. А тебѣ... Да ты уже плачешь? Маргоша? Но погоди, рано еще. Еще я цѣлъ и невредимъ.

— Павля... Что выдумалъ, глупый! Не возьму ни грошика. Не возьму, ей Богу! И думать не смѣй, чтобы я пережила тебя. Вотъ глупый.

— Вѣдь отъ слова не станется. Отъ завѣщанія также. Если сердце шалитъ, мало ли что можетъ приключиться? Я на всякій случай. Но весьма возможно, что переживу тебя и еще двадцать разъ буду мѣнять завѣщаніе. Надо не бояться смерти,—тогда она боится подойти къ намъ. А какъ хорошо пахнетъ коноплей. Понюхай. Слышишь?

Слезы уже высохли на рѣсницахъ Марго. Она говоритъ задушевно:

— Люблю и я этотъ запахъ. И особенно въ полѣ. Свѣжее что-то, и хорошо отъ него. Будто опять становишься ребенкомъ. Помнишь, какъ мы въ коноплянникѣ въ войну играли? Вадимъ—полководецъ, ты со всего размаха рубишь хлыстомъ коноплянныя верхушки, а я въ засадѣ сижу въ траншеѣ. Тамъ, за паркомъ... помнишь?

Захолодало сразу послѣ перваго августа. Рѣзкій вѣтеръ

нагналъ холодный дождь, и началась осень. Еще стояли зелеными, омытые послѣ засухи, кусты и деревья, зазеленѣли наново невспаханныя поля и выгорѣвшій лугъ. Еще часто проглядывало солнце, освѣщая далекіе горизонты въ прозрачномъ до кристальности воздухѣ. Какъ лѣтомъ, плыли бѣлыя облака на синемъ небѣ, но уже запахло осенью. Осенній шелестъ деревьевъ, суховатый и жесткій, осенній блескъ нежаркаго солнца, похолодѣвшій воздухъ, — все говорило: осень, близко осень. Затихли птицы, шуршатъ подсохшими листьями безголовые подсолнухи на огородахъ, загудѣли и зажужжали молотилки на селѣ. А на лугу собираются чайки, и бродятъ, будто совѣщаясь о чемъ то, и стаями пролетаютъ дальше съ жалобнымъ вопросомъ: „чьи вы?“ Молодые аисты кружатъ въ высотѣ, упражняя и пробуя крылья, уже готовы къ отлету. И все призадумалось въ природѣ, словно собираясь въ далекій путь.

Арсеній Алексѣевичъ слалъ домой коротенькія письма. Операція необходима. Операція назначена на третье число. Готовимся къ операціи. Наконецъ, операція совершена, надѣемся на благополучный исходъ. Нѣсколько дней не было совсѣмъ вѣстей, и вдругъ среди ночи потрясающая срочная телеграмма Вадиму Алексѣевичу.

„Ксенія Викторовна скончалась отъ паралича сердца. Везу въ Неповоевку, прошу все приготовить. Арсеній Неповоевъ“.

Тотчасъ всѣ были на ногахъ въ домѣ Вадима. Стало суетливо, печально, отчего-то немного страшно.

Среди общей ночной сумятицы незамѣтно исчезла Марго.

Ночи оставалось еще не мало, темно, холодно и сыро было въ паркѣ послѣ вечерняго дождя. Падали крупныя капли съ намокшихъ деревьевъ, размякли дорожки. Марго въ одномъ платьѣ, съ покрытой головой шла къ флигелю Павла. Тамъ спали. Запертыя двери, запертыя окна съ болтами на ставняхъ... Сырая, осенняя тишина, разлитая въ темнотѣ, притаившаяся и жуткая.

Марго остановилась, соображая, гдѣ, за какими окнами спитъ Павелъ. Потомъ пошла въ туфляхъ по мокрой травѣ къ окну, постучала въ ставень разъ, другой и третій. Въ щеляхъ мгновенно заблестѣлъ свѣтъ, въ комнатѣ стукнуло что-то опрокинутое,—не то стулъ, не то столикъ,—и хриповатый голосъ Павла спросилъ у самаго окна:

— Кто тамъ?

— Это я, Павелъ. Я, Марго. Вадимъ получилъ телеграмму. Ксеніи плохо... Очень плохо... Отвори мнѣ скорѣе.

Павелъ полуодѣтый вышелъ на крыльцо. Позади него, въ сѣняхъ, колеблясь, горѣла свѣча. Отъ нея еще темнѣй

казалось на крыльцѣ, еще больше сгущалась чернота подъ акаціями возлѣ дома.

— Умерла?—коротко проговорилъ Павелъ въ темнотѣ.

— Да,—покорно и также кратко отвѣтила Марго.

Замолкли оба.

Павелъ прислонился къ сырой и холодной каменной стѣнкѣ дома.

Марго не видѣла его, но знала, что онъ дрожитъ, что говорить онъ не въ силахъ. Она и сама дрожала отъ сырости, холода и волненья. Надо было увести Павла обратно въ домъ, а Марго боялась, что еще рано. Не лучше ли дать ему время очнуться отъ этого душевнаго столбняка? Для того она и бѣжала сюда среди сырой ночи, чтобы помочь Павлу справиться съ самимъ собою, безмолвно поддержать его въ эту первую, наиболѣе тяжелую, минуту горя. Теперь, если даже онъ не сдержится и выдастъ себя, то вѣдь только передъ нею, передъ Марго? Это — ничего, неопасно. Во много разъ хуже, если передъ другими. Если бы завтра ему сообщили при всѣхъ, при дядѣ... До утра онъ обуздаетъ себя, затаитъ все лишнее. А пока—молчать. Молчать—самое лучшее... Такъ промолчали они довольно долго.

Послѣ, взявъ брата за безжизненно повисшую руку, Марго тихо произнесла:

— Павелъ!

Она будто предостерегала его отъ чего то, о чемъ-то напоминала, призывала къ самообладанью. И Павелъ опомнился. Голосъ Марго вывелъ его изъ оцѣпенѣнья.

— Ты промокла, тебѣ холодно, — сказалъ онъ съ заботой.

Обнявъ Марго, онъ увелъ ее въ комнаты.

И Марго поняла: уже не опасно, онъ овладѣлъ собою.

Проснулась Оксана.

Промокшая отъ ночной росы, Марго хотѣла идти къ Оксанѣ переодѣться. Но вспомнила о погибшей такъ нелѣпо Ксеніи Викторовнѣ, и жалость, щемящая жалость переполнила всю Марго, теперь ужъ безъ отношенія къ Павлу.

Она истерически выкрикнула, забывшись:

— Павелъ! Голубчикъ! Дорогой! Вѣдь это же ужасно! Вѣдь зарѣзана? Зарѣзали! Живьемъ, среди бѣла дня... Такъ безнаказанно, такъ жестоко... И мы—всѣ, всѣ! Всѣ мы виноваты. Зачѣмъ молчали? Зачѣмъ позволили? Зачѣмъ?..

— Перестань, — остановилъ ее Павелъ. — Не плачь. Довольно. Уже свершилось, уже не поправишь.—Онъ говорилъ тѳо, стоя у окна столовой. И противъ воли напряженно при-

слушивался, ожидая еще чего-то, какого-то невозможнаго, но неистово-радостнаго опроверженія несчастья.

Но ничего не было. Лишь громко плакала Марго, да за окномъ зашумѣлъ вѣтеръ, опять нагоняя осенній дождь.

Хоронили Ксенію Викторовну четырнадцатаго августа.

Бѣлый катафалкъ, пѣвчихъ и духовенство выписали изъ города. Фасадъ вокзала на станціи былъ убранъ чернымъ сукномъ съ дубовыми гирляндами.

Ранняя осень давала перемѣнчиво-дождливые дни. То надвигались тучи и лилъ дождикъ, густой, временами теплый. То онъ проносился, небо дѣлалось ясно-синимъ, бѣлой цѣпью плыли по немъ облака, и, казалось,—опять лѣто.

Ясно было и сегодня.

Автоматически жилъ эти дни Павелъ Алексѣевичъ. Онъ былъ молчаливъ, не приходилъ въ отчаянье. Даже могъ бы показаться равнодушнымъ, или опечаленнымъ лишь оффиціально. Все въ немъ замерло, застыло, притупилось. Онъ отвѣчалъ на вопросы, пилъ чай, ходилъ въ домъ Арсенія обѣдать, умывался, брилъ бороду, только не спалъ вовсе. А когда наступала ночь, садился у стола съ зажженной лампой и сидѣлъ до утра почти недвижимо, дѣлая усилія сообразить, понять, что случилось, почему это такъ, а не иначе? Но мысли путались, голова утомлялась, не хотѣла усвоить что-то главное, основное. А всякія мелочи онъ и понималъ, и помнилъ отчетливо. Не забылъ надѣть все черное, когда служили первый разъ панихиду. Напомнилъ Вадиму, что часовню и склепъ ко дню похоронъ надо убрать цвѣтами.

На станцію уѣзжали рано утромъ, къ почтовому поѣзду. На разсвѣтѣ Марго въ траурѣ подъѣхала къ крыльцу Павла въ маленькомъ фаэтонѣ.

— Я готовъ,—сказалъ Павелъ черезъ окно голосомъ неестественно-спокойнымъ.

На станціи онъ подмѣчалъ все, даже самое ненужное. Траурныя декораціи, любопытство желѣзнодорожныхъ служащихъ, нетерпѣливость духовенства, равнодушіе пѣвчихъ. Утрированно подчеркнутый трауръ Агриппины Аркадьевны, длиннѣйшій крепъ спереди и сзади, ниспадавшій отъ шляпы до полу. И лица неповоевскихъ слугъ, и выраженіе глазъ у дяди, сидящаго въ креслѣ съ Артамономъ позади. Это выраженіе испуга и растерянности, смѣшанное съ запрятаннымъ отблескомъ чисто-животнаго ликованія, точно говорящее съ наслажденьемъ: „а я,—вотъ я—не умеръ“... И могу

ментно-подобную фигуру Вадима, который не уставалъ распоряжаться и повторять:

— Прежде всего,—никакой суеты. Чтобы каждый помнилъ свое мѣсто. Никакой суеты.

Гробъ привезли при почтовомъ поѣздѣ въ товарномъ вагонѣ. Поѣздъ черезъ нѣсколько минутъ ушелъ дальше, и центромъ вниманія всѣхъ остался кирпично-красный, товарный вагонъ, такой простой, обыкновенный... Пока стоялъ поѣздъ, тамъ, на другомъ концѣ его, у вагона перваго класса, встрѣчали Арсенія Алексѣевича. Павелъ не пошелъ туда. Онъ увидѣлъ Арсенія уже подходящимъ къ одинокому товарному вагону.

Арсеній шелъ, сгорбившись, понуривъ голову. Лицо у него обострилось, пожелтѣло, наплаканные глаза припухли. Въ бородѣ выдѣлилась сѣдина, непримѣтная раньше.

Павелъ не забылъ приблизиться къ нему, молча пожалъ его руку.

— Да... вотъ,—выговорилъ запекшимися губами Арсеній, скорбно указавъ на вагонъ головою. Когда раздвинули вагонныя стѣнки, оттуда, извнутри, удушливо пахнуло застоявшимся запахомъ туберозъ. Къ вагону приставили ступени. Внутри его стѣны, полъ, потолокъ, прямоугольный ящикъ посрединѣ, покрытый парчей и похожій на престолъ въ церковномъ алтарѣ, — все было убрано зеленью, цвѣтами. Хризантемы, розы, геліотропы, гіацинты и множество бѣлыхъ туберозъ. Ихъ сильный, сладко пряный, головокружительный запахъ насыщалъ воздухъ, заставлялъ отворачиваться отъ вагона, какъ отъ трупнаго запаха.

Изъ ящика вынули гробъ, металлическій серебристо-бѣлый, игрушечно-красивый, на изогнутыхъ ножкахъ, съ стекляннымъ отверстіемъ въ крышкѣ. Служили панихиду, — торжественную и долгую,—тутъ же на платформѣ, у вагона. Слава плакалъ громче всѣхъ, а у Гори не находилось слезъ, онъ лишь обезкураженно глядѣлъ на гробъ, чего-то не понимая. Поминали боляриню Ксенію, а послѣ подходили къ гробу, возлагали на него новые цвѣты, пугливо заглядывали въ застеклянное отверстіе, крестились...

— Какъ измѣнилась. Не узнать!—говорилъ позади Павла дядя.—Потемнѣло вся. Какъ скоро, три дня, и уже... разложеніе...

И въ голосѣ его былъ откликъ безсознательнаго затаеннаго ликованія, будто кричащаго съ наслажденьемъ: она, а не я!

Павелъ не подошелъ къ гробу, не захотѣлъ заглянуть въ него.

Скорбная складка залегла между бровей у Гори, но глаза

у него оставались сухими. Недоумѣло смотрѣлъ онъ на все, что происходило. А, поравнявшись съ Павломъ, спросилъ, не постигая:

— Но гдѣ же мама?

— Она тамъ,—отвѣтилъ Павелъ и показалъ на гробъ.

— Тамъ? Да это не она вовсе!

— Да вѣдь она же умерла!—пояснилъ Павелъ, почти съ досадой.

— Какъ, умерла?

— Перестала жить. Ея нѣтъ уже.

— А ты говоришь: тамъ она?

— Такъ что-жъ? Тамъ, но она—неживая.

Боря пожалъ плечами, онъ все-таки не понялъ.

Подумалъ немного, стоя съ широко раскрытыми, недоумѣвающими глазами, опять приподнялъ плечи кверху, опустилъ ихъ внизъ и оглядѣлся, будто обиженный. А когда уставили гробъ на выдвинутой поставкѣ катафалка и вдвинули подъ балдахинъ, Горя шепнулъ Павлу:

— И мы тамъ сядемъ? Съ нею?

Павелъ поглядѣлъ на него въ упоръ, многозначительно и сказалъ съ мрачной ироніей:

— Нѣтъ еще. Мы... подождемъ немного.

Арсеній Алексѣевичъ шелъ за бѣлымъ катафалкомъ съ непокрытой, посвѣтлѣвшей отъ сѣдины, головою. Шелъ версту, другую... Это стѣсняло весь кортежъ. Нельзя было повезти гробъ быстрѣе, пропадало время.

Вадимъ попробовалъ было отвести Арсенія въ сторону, но тотъ не поддался.

Тогда вышла изъ коляски Агриппина Аркадьевна въ ореолѣ креповыхъ вуалей. Она взяла Арсенія подъ руку, чтобы задержать на мѣстѣ.

— Сядь въ экипажъ, другъ мой. Восемнадцать верстъ еще. Нельзя же на ногахъ все время.

— Оставьте меня!

Онъ круто и раздраженно освободилъ свою руку.

— Но въ церкви ждутъ съ отпѣваньемъ? Когда же мы поспѣемъ, если такъ? Ночью?

— Подождутъ! Я такъ хочу. Мнѣ легче такъ.

— Арсеній, я тебѣ, какъ мать, говорю. Я приказываю, наконецъ.

Онъ досадливо сморщился.

— Ахъ, пожалуйста... Нельзя ли безъ этого... безъ представленій!

И упрямо побѣжалъ догонять уже отъѣхавшій катафалкъ.

Проселочной дорогой, влажной,—мѣстами топкой,—мед

ленно подвигались впередъ. Павелъ ѣхалъ съ Марго и обратно отъ станціи. Лошади ступали нога за ногою, шагомъ. Солнце горѣло за облаками, не выплывая на небо.

Отъ солнечныхъ лучей свѣтились облака, окруженныя сіяньемъ. Даль за полемъ лежала необычайно ясная. Далеко на горѣ, версты за четыре, а можетъ и дальше,—выступала группа вѣтряныхъ мельницъ. Не трудно было разсмотрѣть отсюда, снизу, какъ вращались отъ вѣтра мельничныя крылья: до того былъ прозраченъ воздухъ.

Когда проѣзжали лугами, выглянуло солнце. Въ одномъ мѣстѣ наткнулись на табунъ слетѣвшихся аистовъ. Ихъ было много въ разныхъ концахъ осенне-зеленаго луга. Слетались со всѣхъ сторонъ новыя и новыя стаи, какъ на сборный пунктъ большого военнаго лагеря. Одни спокойно паслись на лугу, другіе взлетали высоко вверхъ, сверкая подъ солнцемъ бѣлыми крыльями. Парили чуть пониже облаковъ, повисали безъ движенія въ воздухѣ, описывали правильно—широкіе круги, и опять парили, и догоняли другъ друга.

Изъ общей массы выдѣлился одинъ, вѣрно, старый и опытный, твердо знавшій предстоящій путь. Онъ полетѣлъ къ югу. За нимъ двинулись остальные, пока еще нестройно-разбросанной сѣтью. Поднялись и тѣ, что оставались на лугу, и стали нагонять табунъ серебрящихся подъ солнцемъ бѣлыхъ пятенъ.

А вожака и не видно уже.

Слѣдя глазами за отлетающей стаей, Павелъ задумчиво сказалъ какъ бы самому себѣ, не обращаясь къ Марго:

— Ксенія Викторовна ужъ не увидитъ ихъ весною.

Ночью послѣ похоронъ Павелъ не раздѣвался. Опять сидѣлъ у стола при зажженной лампѣ. Глубокая задумчивость омрачала его лицо, хотя опредѣленныхъ мыслей не было. Звонъ стоялъ въ ушахъ, больно было физически отъ ворвавшагося въ жизнь сознанія пустоты. Отъ того, что вдругъ стало совершенно пусто, и эту пустоту нечѣмъ заполнить.

Кто-то негромко стукнулъ въ дверь.

— Марго,—подумалъ Павелъ. Онъ медленно всталъ отворить дверь, но, отворивъ, попятился въ изумленіи: за дверью стоялъ Арсеній

— Я къ тебѣ,—отрывисто проговорилъ Арсеній и вошелъ, какъ стоялъ, со шляпой въ рукахъ, въ накинутомъ на плечи пальто.

— Никакъ не могу уснуть, Павелъ. Не сплю все время. Дай чего-нибудь для сна... Впрысни мнѣ. Силъ больше нѣтъ выносить это.

Павелъ глядѣлъ застывшимъ взглядомъ. Онъ не сразу

понялъ просьбу. Въ ушахъ продолжался прежній звонъ, пусто было въ мысляхъ, все казалось глубоко-безразличнымъ. Не скоро, стряхнувъ съ себя безучастность, онъ приказалъ себѣ понять, чего хочетъ отъ него Арсеній. Затѣмъ снялъ съ плечъ Арсенія пальто, вынулъ изъ его рукъ шляпу, подвелъ къ столу, усадилъ въ кресло, гдѣ самъ сидѣлъ передъ этимъ.

Арсеній повиновался безпрекословно.

Павелъ спросилъ, пытаясь говорить поласковѣе:

— Чего же тебѣ? Немножко морфію?

— Чего знаешь. Лишь бы подѣйствовало. Тяжко мнѣ. Невыносимо. Безъ сна не выдержу дальше. А жить надо, нельзя не жить. Дѣти!.. Если бы не они... какое счастье, только выстрѣлъ, и ничего. Все кончено. Разомъ. Я такъ мѣтко стрѣляю, безъ промаха. Но дѣти?.. Нельзя. Не смѣю, не могу. А какъ хотѣлось бы...

Въ душѣ у Павла было прежнее безучастье. Однако, онъ нашелъ и нужный тонъ, и слова, требуемыя настоящей минутой. Онъ сказалъ благоразумно и увѣщательно:

— Полно. Что ты? Къ чему? Вѣдь уже свершилось... уже не поможешь.

— Въ томъ и горе: уже не поможешь. Кайся, бейся головой о склепъ, проси, умоляй, требуй прощенья... изойди слезами отъ сожалѣній,—поздно. Уже свершилось. Не поможешь. А жить нужно. Послѣ такой вины... такой потери? Надо, надо жить! дѣти.

Арсеній потеръ рукой лобъ и лицо, собралъ въ складки кожу лба, наморщивъ ее пальцами, какъ бы принуждая себя припомнить что-то, и пробормоталъ, припомнивъ:

— Уснуть бы? Помоги, Павелъ.

Павелъ и теперь отвѣтилъ, какъ надо было:

— Ты бы у меня уснулъ? Дома все напоминаетъ тебѣ... разстраиваетъ. Ложись здѣсь? Встань, я раздѣну.

Арсеній Алексѣевичъ подчинился, какъ дитя.

— Ложись сюда, на подушку. Погоди, я укрою... Вотъ такъ. Теперь приготовлю шприцъ...

Павелъ подошелъ къ шкафику въ стѣнкѣ, досталъ изъ жилетнаго кармана ключъ, отперъ секретный замокъ со звономъ. Вынулъ шприцъ изъ никкелеваго футляра, перемѣнилъ иглу, продезинфицировалъ ее спиртомъ.

Арсеній слѣдилъ глазами за этими приготовленіями внимательно, немножко испуганно.

Остро и холодно запахло эфиромъ.

— Готово,—сказалъ Павелъ и подошелъ къ кровати.— Открой спину. Пониже лопатокъ, тамъ не такъ больно. Не бойся. Я раньше натру эфиромъ.

— А ты никуда не уйдешь?—спросилъ Арсеній уже капризно.—Не уходи. Не оставляй меня.

— Хорошо. Не уйду никуда.

— И свѣтъ пусть горитъ. Не такъ жутко. Спи и ты здѣсь. Вонъ, на диванѣ. Что, уже? Уже впрыснулъ?

— Уже.

— А я и не замѣтилъ, какъ. И скоро я усну теперь?

— Скоро. Сейчасъ уснешь. Помолчи, не разговаривай больше.

Павелъ до утра сидѣлъ у стола при горящей лампѣ.

Онъ зналъ, что Арсеній заснулъ крѣпко, надолго, покрайней мѣрѣ, до полудня. И все-таки опасался, какъ бы не спугнуть тихаго сна, который спустился на тоску и утомленьѐ Арсенія.

Самъ же Павелъ не чувствовалъ потребности ни въ снѣ, ни въ забвеньи.

На утро снова служили панихиду въ часовнѣ надъ склепомъ.

Ночью шелъ дождь, мелкій и неугомонный, а день насталъ сѣрый, шумѣлъ вѣтеръ. Тепловатая сырость перенасытила воздухъ. Такъ и висѣла влага надо всѣмъ и на всемъ, на травѣ, на постройкахъ, на зеленыхъ и золотисто-хрупкихъ осеннихъ листьяхъ.

Кружились и пролетали стаи воронъ, тяжело падали на землю съ деревьевъ одинокіе, намокшіе листы.

Уже не хватало свѣжихъ цвѣтовъ въ Неповоевкѣ, къ похоронамъ всѣ были срѣзаны. Только мгновенно-вянущіе вьюнки оставались на цвѣтникахъ, обвивали кладбищенскіе кустарники, кресты, памятники, часовню. Вѣтеръ теребилъ ихъ мягкую зелень, раскачивалъ тонкіе цвѣты,—синіе, бѣлые, розово-красные,—и цвѣты колыхались на непримѣтныхъ ножкахъ, будто плавая въ воздухѣ.

Арсеній Алексѣевичъ спалъ у Павла такъ долго, что панихиду пришлось отложить съ двѣнадцати на два часа дня.

Пропѣли вѣчную память, надо было уходить изъ часовни.

По красному песку кладбищенской аллейки впереди другихъ шли дѣти съ мистеромъ Артуромъ. И тамъ, въ этой небольшой группѣ, вдругъ раздался короткій и громкій крикъ, словно придушили кого-то. Затѣмъ свалился на мокрый песокъ Горя. Бросились къ нему,—онъ лежалъ недвижимо, какъ каменный, съ сжатыми челюстями. Глаза были открыты, зрачки закатились кверху. Думали, — обморокъ. Но мальчикъ судорожно двинулся всѣмъ тѣломъ, и съ нимъ началось что то непонятное. Руки и ноги поперемѣнно

сгибались, выворачивались, голова забилась о землю, побагровѣвшее лицо искажали невѣроятно-страшныя гримасы. Высовывался и оттягивался языкъ, глаза неестественно вращались, изо-рта выступила розоватая пѣна.

Къ нему на помощь бросился Арсеній Алексѣевичъ. Бросился дѣловито, озабоченно, какъ будто нисколько не испугавшись.

— Языкъ... Онъ откуситъ языкъ!

Арсеній Алексѣевичъ разжималъ челюсти Гори, придерживалъ его голову, старался облегчить возможность дыханья и дѣлалъ все съ такимъ неторопливымъ умѣньемъ, словно былъ врачемъ-спеціалистомъ.

Остальные перепуганно тѣснились вокругъ на травѣ и на дорожкѣ, не зная, что предпринимать. Припадокъ прошелъ быстро, онъ продолжался нѣсколько минутъ, но, казалось, не будетъ конца этому странному явленію.

Подергиванья смягчились, стихли. Нѣсколько легкихъ толчковъ, пробѣжавшихъ по тѣлу мальчика, и къ Горѣ вернулось сознаніе. Разслабленный и изнемогшій, онъ не зналъ, что съ нимъ было. Не могъ понять, почему онъ на сырой землѣ въ новой траурной курткѣ? И не то лѣнь, не то неохота была ему даже и выяснять это. Онъ сейчасъ же закрылъ глаза—повидимому, уснулъ спокойно и крѣпко. Тогда Вадимъ Алексѣевичъ съ бережностью поднялъ его, какъ пушинку, и понесъ къ дому на вытянутыхъ рукахъ.

Первой отозвалась послѣ того Агриппина Аркадьевна.

— Истерическій припадокъ, — безпечно сказала она, но безпечность ея была дѣланная.—Онъ не плакалъ все время, а самъ такой нервный... такъ любилъ мать... Вотъ, и разрѣшилось.

Арсеній глянулъ на нее, словно хотѣлъ остановить, но промолчалъ.

Спустя меньше часа, Горя проснулся на своей кровати. Онъ ничего не помнилъ, только слабость была у него огромная.

Арсеній Алексѣевичъ съ сдвинутыми бровями сидѣлъ подлѣ мальчика, вглядываясь въ него долго, сумрачно, пытливо.

— Горюшка? У тебя болитъ что-нибудь? — спросилъ, наконецъ, Арсеній Алексѣевичъ.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Горя изумленно.—Зачѣмъ меня положили?

Видно было, что онъ силится и не можетъ выяснить себѣ, что случилось.

Его оставили лежать въ постели до вечера.

За обѣдомъ опять говорили объ истерическомъ припадкѣ. Ждали врачей изъ города.

Но Арсеній Алексѣевичъ поставилъ діагнозъ и безъ врача.

— Оставьте,—сказалъ онъ дядѣ, когда тотъ началъ объ истеріи у дѣтей.—Для кого вы говорите? Если для меня, то напрасно. Припадокъ не истерическій, а падучій. Развѣ я не видѣлъ? Для меня—нечего золотить пилюли. Я ко всему готовъ. Не приходитъ никогда одна бѣда, всегда нѣсколько. Я жду, и готовъ.

Онъ умолкъ и сидѣлъ, сгорбившись, опустивъ низко голову, ускоренно двигая плотно-сжатыми челюстями.

Къ вечеру доктора подтвердили его мнѣніе: припадокъ былъ падучій, несомнѣнно.

Арсенія Алексѣевича утѣшали, предписывали давать Горѣ бромъ, бромъ и бромъ... Обѣщали, что припадокъ можетъ больше не повториться или будетъ повторяться, но очень изрѣдка. Арсеній Алексѣевичъ молчалъ, сумрачно сгорбившись, поникнувъ головою, и на лицѣ его отражалось:

— Я ко всему готовъ. Не приходитъ никогда одна бѣда, всегда нѣсколько.

А вечеромъ, передъ ужиномъ, онъ пришелъ къ Марго и предложилъ ей:

— Ты не знаешь, что съ собой дѣлать. Вотъ тебѣ цѣль жизни,—останься у меня. Вырости моихъ дѣтей.

Марго безпомощно открыла испуганные глаза.

— Мнѣ? Мнѣ... остаться у тебя?—повторила она.—Но... Но это же не подходитъ!

— Почему?—спросилъ Арсеній! не понимая.—Лучшій исходъ, какой и для тебя, и для меня, и для дѣтей моихъ можно придумать.

— Но я сама скверно воспитана, Арсеній! Какъ мнѣ воспитывать твоихъ дѣтей?

— Тебѣ и не придется воспитывать. Для этого есть Артуръ. Но имъ и мнѣ нужна близкая женщина въ домѣ... Представительница дома, хозяйка. Ты одна могла бы занять это мѣсто. Мнѣ, какъ предводителю, должно жить болѣе открыто. Принимать у себя... вообще, не такъ замкнуто. Я всегда понималъ это. Да все не до того было. Ты—въ роли хозяйки здѣсь... чего приличнѣй? Ты—женщина умная, моя сестра родная... чего лучше? Измѣни лишь немного свои напускныя манеры. А послѣ... Здѣсь, въ своемъ кругу, ты можешь встрѣтить кого-нибудь порядочнаго, подходящаго... Разводъ такъ облегченъ теперь, а ты еще молода. Важнѣе всего, что тебѣ не придется компрометировать себя. Не бу-

дешь слоняться по свѣту какой-то бездомной бродягой. Извини меня, но эти женщины-одиночки... онѣ всегда подозрительны. Будь она хоть святая изъ царствія небеснаго.

— Благодарю за заботу обо мнѣ,—чуть иронически отвѣтила Марго.—Но я не боюсь показаться кому-нибудь бродягой. Наплевать, если и хуже подумаютъ. Мнѣ не страшно, хотя вообще... а, чортъ возьми! большая это непріятность—родиться женщиной. Да что подѣлаешь? Надо мужественно донести свой удѣлъ до могилы. И дотащу какъ-нибудь. А ни встрѣчать никого, ни вступать въ бракъ не хочу больше. У меня, знаешь, такія препротивныя воспоминанія обо всемъ этомъ. Никакого желанія пережить ихъ наново.

— Тогда, тѣмъ болѣе, для тебя важно имѣть извѣстное положеніе въ обществѣ. Точку опоры въ жизни. Имѣть свой домъ. И мой домъ будетъ твоимъ.

— Не могу я, Арсюша. Спасибо, большое спасибо. А не могу. Можетъ, я—эгоистка, безсердечная... дурная, черствая, безтолковая... но я не выдержу. Не въ состояніи буду. Не выдержу ни за какія блага.

— Не выдержишь? Чего же?

— Прости меня, но... твоего режима, Арсеній.

Осень торопилась наложить на все свой отпечатокъ Грустно стало въ Неповоевкѣ. Агриппина Аркадьевна и Жюстина уже совѣщались объ отъѣздѣ. Но неловко было уѣхать раньше панихидъ въ девятый и двадцатый день со смерти Ксеніи Викторовны.

Дожди утихли. А осеннее разрушеніе продолжалось и при яркомъ солнцѣ послѣ ѣдкихъ утреннихъ тумановъ. Уже сильно отдавала изъ-подъ низу желтизной пронизанная солнечнымъ свѣтомъ осина, зарумянились клены, зазолотились березы, началъ отливать бронзой вязъ.

Шло отлетное движеніе птицъ. Горѣли на солнцѣ красноры́жія ягоды рябины; мягкія, черныя кисти бузины клонились отъ тяжести. Все замолкло, только постукивали по деревьямъ дятлы, да, какъ весною, гудѣли пчелы надъ нановозацвѣтшей резедой.

Слова Арсенія Алексѣевича:—„Не приходитъ никогда одна бѣда, всегда нѣсколько“—оказались пророческими.

На девятый день по кончинѣ Ксеніи опять всѣ собрались въ часовнѣ. Не являлся лишь Павелъ. За нимъ пошелъ Вадимъ Алексѣевичъ и засталъ Павла въ его спальной мертвымъ. Онъ *по ошибкѣ*,—должно быть, второпяхъ,—впрыснулъ себѣ въ грудь вмѣсто мышьяку что-то другое,—какъ оказалось потомъ,—ядъ кураре.

И лежалъ, вытянувшись, поперекъ широкаго дивана у стѣнного шкафика съ наркотиками.

Вся обстановка смерти говорила о случайности. Окна спальной были открыты, дверь незаперта. Самъ Павелъ передъ тѣмъ сбирался на панихиду. Умывался, брился, надѣлъ черный костюмъ, галстухъ, темныя запонки. И шляпу, и пальто, и палку приготовилъ для выхода. Затѣмъ уже,— очевидно, впопыхахъ, — разстегнулъ манишку на груди и сдѣлалъ впрыскиванье, которое оказалось послѣднимъ.

Лицо его было спокойное, неподвижно-безразличное. Глаза—широко-открытые, ничего неотражающіе. Но все же— словно глубокая задумчивость омрачала его черты, и на застывшихъ чертахъ этихъ лежалъ отсвѣтъ какой-то продуманно-рѣшенной, еще не вполнѣ угасшей мысли.

Онъ сдержалъ слово.

О. Н. Ольнемъ.

Прагматизмъ въ философіи.

V.

Прагматизмъ, какъ мы уже говорили, породилъ довольно значительную литературу. Много написали провозвѣстники новаго ученія, но не мало написано и ихъ противниками. Такъ какъ на прагматизмъ нападали съ различныхъ точекъ зрѣнія, то ему и ставили въ вину различныя стороны его ученія. Съ какихъ точекъ зрѣнія нападали на прагматизмъ его противники, можно судить хотя бы по тѣмъ кличкамъ, которыя ему давались; его называли: «Ирраціонализмомъ», «Романтизмомъ», «Замаскированнымъ скептицизмомъ», «Философіей реакціи или догматической теологіи», «Философіей авторитета или каприза» и т. п. Вилльямъ Джемсъ въ своей статьѣ «Прагматическое изслѣдованіе истины и вызванныя имъ недоразумѣнія», помѣщенной въ № 97 американскаго журнала «The Philosophical Review», перечисляетъ слѣдующія «недоразумѣнія», порожденныя его ученіемъ объ истинѣ.

Первое недоразумѣніе: Прагматизмъ есть только новое изданіе позитивизма.

Это, говоритъ Джемсъ, повидимому, самое общее недоразумѣніе. Но вѣдь скептицизмъ, позитивизмъ и агностицизмъ вполнѣ согласны съ обыденнымъ догматическимъ раціонализмомъ относительно того, будто всякій человѣкъ, безъ дальнѣйшихъ объясненій, знаетъ, какое значеніе имѣетъ слово «истина». Они только заявляютъ, что реальная, абсолютная истина для насъ недоступна и что мы должны довольствоваться феноменальной, относительной истиной, при чемъ скептицизмъ считаетъ такое положеніе дѣлъ весьма печальнымъ, а позитивизмъ и агностицизмъ относятся къ этому беззаботнѣе, называютъ реальную истину зеленымъ виноградомъ и заявляютъ, что для ихъ «*практическихъ*» надобностей относительной истины вполнѣ достаточно.

Нѣтъ ничего общаго, продолжаетъ Джемсъ, между подобной

точкой зрѣнія и тѣмъ ученіемъ объ истинѣ, которое развито прагматизмомъ. Вопросъ, задаваемый прагматизмомъ, лежитъ глубже различія между позитивизмомъ и догматизмомъ. Прагматизмъ задаетъ такой предварительный вопросъ относительно сущности «истины», который ранѣе не задавали, такъ какъ ранѣе довольствовались простымъ *опредѣленіемъ* слова «истина». Прагматизмъ говоритъ: все равно, обладаетъ-ли какой бы то ни было умъ во вселенной истиной или не обладаетъ, мы все таки спрашиваемъ, что *означаетъ въ идеалѣ понятіе истины?* И отвѣтъ, предлагаемый на этотъ вопросъ прагматизмомъ, стремится покрыть *всю* область истины: онъ одинаково относится и къ самой полной, если хотите, самой «абсолютной» истинѣ, и къ самой неполной, самой относительной.

Подобно тому, говоритъ Джемсъ, какъ вопросъ Канта о возможности синтетическихъ сужденій не приходилъ ранѣе въ голову философамъ, такъ и вопросъ прагматизма объ истинѣ не только столь тонокъ, что до сихъ поръ ускользалъ отъ вниманія, но, повидимому, даже такъ тонокъ, что, будучи теперь открыто поставленнымъ, онъ все таки остается непонятнымъ, какъ догматикамъ, такъ и скептикамъ, при чемъ обѣ эти партіи думаютъ, что прагматизмъ говоритъ о чемъ то совершенно иномъ.

Второе недоразумѣніе: Прагматизмъ прежде всего есть призывъ къ дѣйствію.

Виною этого недоразумѣнія, говоритъ Джемсъ, отчасти является неудачно выбранное названіе «прагматизмъ», наводящее на мысль о дѣйствіи (πρᾶγμα по гречески—дѣйствіе). Но ослѣпленіе противниковъ прагматизма доходитъ до того, что когда Шиллеръ говоритъ, что идеи хорошо «работаютъ», то они понимаютъ подъ этимъ непосредственную, практическую работу: добываніе денегъ и т. п. Поэтому о прагматизмѣ и говорятъ, что это чисто американская философія, предназначенная для инженеровъ, финансистовъ и другихъ дѣльцовъ, не имѣющихъ времени заняться выработкой собственнаго міровоззрѣнія. Конечно, прагматическое ученіе, разсматривающее идеи, какъ элементы дѣйствительности, широко отворяетъ дверь для человѣческаго дѣйствія (ибо наши идеи суть побудители—instigators—нашего дѣйствія), но мало что можетъ быть глупѣе (sillier) того, когда игнорируютъ ранѣе воздвигнутое зданіе теоріи познанія и думаютъ, что прагматизмъ и начинается, и кончается дѣйствіемъ.

Третье недоразумѣніе: Прагматизмъ самъ лишаетъ себя права вѣрить въ реальную основу высказыванiй.

И это обвиненіе и, особенно, отвѣтъ на него Джемса весьма характерны. Джемсъ говоритъ: наши критики полагаютъ, что мы должны очутиться въ такомъ положеніи вслѣдствіе того, что мы ставимъ истинность нашихъ убѣжденій въ зависимость отъ ихъ провѣрки, а способность къ провѣркѣ—въ зависимость отъ того, какъ они работаютъ для насъ. Проф. Стаутъ, напримѣръ, полагаетъ, что прагматистъ не имѣетъ основанія вѣрить въ существованіе головной боли у другого человѣка, онъ, вообще, не можетъ вѣрить въ существованіе сознанія и чувства у другихъ людей, и поэтому міръ долженъ казаться ему холоднымъ, мрачнымъ и безсердечнымъ. Но, возражаетъ Джемсъ, прагматистъ видитъ людей, заявляющихъ о своихъ чувствахъ и людей, постулирующихъ эти чувства. Спрашивая теперь себя, при какомъ условіи это постулированіе можетъ быть «вѣрно», прагматистъ находитъ, что для самого постулирующаго, во всякомъ случаѣ, оно вѣрно на столько, по сколько вѣра въ него доставляетъ ему бо̀льшую сумму удовлетворенія. А въ данномъ случаѣ, что является самымъ удовлетворительнымъ? Конечно, удовлетворяетъ насъ больше всего увѣренность въ существованіи постулируемаго объекта, т. е. въ реальномъ существованіи чувства у другихъ людей.

Четвертое недоразумѣніе: Прагматистъ не можетъ быть реалистомъ въ своей теоріи познанія.

Это обвиненіе, говоритъ Джемсъ, имѣетъ въ виду то утвержденіе прагматизма, что истина нашихъ убѣжденій, въ общемъ, состоитъ въ ихъ способности доставлять удовлетворенія. Конечно, удовлетвореніе, *само по себѣ*, субъективно; а отсюда дѣлается выводъ, что истина цѣликомъ субъективна. Такимъ образомъ истина убѣжденій является какимъ-то своенравнымъ чувствомъ, совершенно неотвѣтственнымъ передъ другими элементами опыта. Подобная неизвинительная пародія на ученіе прагматистовъ, продолжаетъ Джемсъ, предполагаетъ полное игнорированіе всѣхъ элементовъ ученія, кромѣ одного. Ибо прагматическое ученіе во всей своей совокупности строго воспрещаетъ прибѣгать къ нереалистическому истолкованію функціи познанія. Прагматическая теорія познанія полагаетъ, что существуютъ какъ реальность, такъ и духъ съ его идеями. И тогда она задаетъ вопросъ: *что дѣлаетъ эти идеи истинными по отношенію къ этой реальности?* Обыденная теорія познанія довольствуется неопредѣленнымъ утвержденіемъ, что идеи должны «соотвѣтствовать» вещамъ; но прагматистъ желаетъ быть болѣе конкретнымъ и требуетъ детальнаго вы-

ясненія значенія этого «соотвѣтствія». И онъ прежде всего находитъ, что «соотвѣтствіе» означаетъ то, что идеи ведутъ именно къ *данной* реальности (или указываютъ на нее), а не къ какой-либо иной; затѣмъ онъ находитъ, что это указываніе или приведеніе даетъ въ результатѣ удовлетвореніе. И это положеніе онъ подвергаетъ конкретной разработкѣ. Весь его споръ съ интеллектуалистомъ именно и идетъ объ этой конкретности, ибо интеллектуалистъ полагаетъ, что болѣе неопредѣленныя (vaguer) и болѣе отвлеченныя объясненія здѣсь являются и болѣе глубокими. И когда прагматистъ говоритъ объ удовлетвореніи, то онъ понимаетъ не неопредѣленное чувство удовлетворенія вообще, а тѣ вполнѣ опредѣленные случаи удовлетворенія, которые конкретные люди находятъ въ своихъ убѣжденіяхъ.

Пятое недоразумѣніе: То, что прагматисты говорятъ, находится въ противорѣчіи съ тѣмъ, какъ они это говорятъ.

Одинъ корреспондентъ, говоритъ Джемсъ, дѣлаетъ слѣдующее возраженіе: «Когда вы говорите своей аудиторіи: «прагматизмъ есть истина касательно истины», то первая «истина» отличается отъ второй. Относительно первой вы не допускаете разногласія, вы не даете своей аудиторіи свободы принять или отвергнуть ее, смотря по тому, будетъ ли она, или не будетъ работать удовлетворительно для ихъ частныхъ цѣлей. А вторая «истина», которая должна описать и включить въ себя первую, утверждаетъ эту свободу. Такимъ образомъ, *намѣреніе* вашего высказыванія противорѣчитъ его *содержанію*».

Это возраженіе, говоритъ Джемсъ, вполнѣ аналогично тому классическому опроверженію скептицизма, когда скептикамъ говорятъ: «каждый разъ, какъ вы высказываете скептическое положеніе, вы тѣмъ самымъ дѣлаете утвержденіе». Однако, прибавляетъ Джемсъ, повидимому, сами раціоналисты начинаютъ сомнѣваться въ убійственномъ дѣйствіи этого довода, ибо видятъ, что прошли цѣлые вѣка, а этотъ доводъ такъ-таки и не убилъ скептицизма. А произошло это оттого, что *дѣйствительный* скептицизмъ есть выраженіе всей духовной сущности человѣка (и прежде всего выраженіе состоянія его воли), которую не измѣнить простой логикой. Не болѣе логика способна убить и прагматическое настроеніе. Когда прагматистъ совершаетъ свое высказываніе, то онъ этимъ не только не противорѣчитъ тому, что онъ высказываетъ, но, наоборотъ, даетъ наглядный примѣръ высказываемаго. Что, въ самомъ дѣлѣ, утверждаетъ прагматизмъ? Онъ утверждаетъ, между прочимъ, то, что истина, разсматриваемая конкретно, есть аттрибутъ нашей увѣренности, и что это является обстоятельствомъ, обусловливающимъ удовлетвореніе. Идеи, вокругъ которыхъ группируются чувства удовлетворенія, первоначально суть просто ги-

потезы, которыя требуютъ увѣренности. И идея прагматизма объ истинѣ есть именно заявленіе подобнаго требованія. А такъ какъ онъ находитъ эту идею ультра-удовлетворительной, то онъ и принимаетъ ее. Но, будучи существомъ общественнымъ, онъ и стремится распространить ее, заразить ею другихъ. Онъ думаетъ: почему-бы и вы не могли найти эту идею удовлетворительной, и поэтому онъ и стремится обратить васъ.

Шестое недоразумѣніе: Прагматизмъ отвѣчаетъ не на вопросъ о томъ, что такое истина, а на вопросъ о томъ, какъ къ ней приходятъ.

На самомъ-же дѣлѣ, говоритъ Джемсъ, прагматизмъ отвѣчаетъ на оба эти вопроса: говоря, какъ придти къ истинѣ, онъ говоритъ и то, что такое истина. Конечно, абстрактное *слово* «какъ» не имѣетъ того-же значенія, что и абстрактное слово «что», но въ нашемъ конкретномъ мірѣ мы не можемъ отдѣлить другъ отъ друга эти: «какъ» и «что». Мой способъ выработки моего убѣжденія, являясь основаніемъ того, почему я нахожу удовлетворительнымъ вѣрить въ истинность данной идеи, долженъ быть и однимъ изъ основаній, почему эта идея *дѣйствительно* вѣрна.

Если, продолжаетъ Джемсъ, интеллектуалисты несогласны съ этимъ положеніемъ, то это происходитъ вслѣдствіе ихъ неспособности понять, какимъ образомъ конкретное объясненіе можетъ быть болѣе цѣннымъ, или, хотя бы, столь-же цѣннымъ, какъ и отвлеченное. И такъ какъ борьба между нами и нашими критиками, говоритъ Джемсъ, есть главнымъ образомъ борьба конкретности съ абстрактностью (concretenes *versus* abstractnes), то я и постараюсь развить этотъ пунктъ основательнѣе.

Звенья опыта, слѣдующія за идеей и являющіяся посредниками между этой идеей и реальностью, по мнѣнію прагматиста, и *суть* не что иное, какъ *конктретное* отношеніе истины (*are* the *concrete* relation of truth), которое можетъ быть установлено между идеей и реальностью. Они, или какой-либо другой рядъ посредствующихъ провѣрокъ, по ученію прагматиста, и есть все то, что мы подразумѣваемъ, когда говоримъ, что идея «указываетъ» на реальность, «приспособлена» къ ней, «соотвѣтствуетъ» ей, или «согласуется» съ ней. Подобныя посредствующія событія *дѣлаютъ* идею «истинной». Сама идея, если только она существуетъ, есть также конкретное событіе, поэтому прагматистъ настаиваетъ, что Истина (въ единственномъ числѣ) есть только собирательное имя для истинъ (во множественномъ числѣ), а эти состоятъ всегда изъ ряда опредѣленныхъ событій; и то, что интеллектуалистъ называетъ истиной, истиной *присущей* какому-либо подобному ряду, есть только отвлеченное обозначеніе того, что этотъ рядъ оправ-

далъ себя на дѣлѣ, что идея привела вполнѣ удовлетворительно къ реальности.

Прагматистъ, заявляетъ Джемсъ, ничего не имѣетъ противъ абстракцій, но онъ никогда не приписываетъ имъ высшей степени реальности.

Седьмое недоразумѣніе: Прагматизмъ игнорируетъ теоретическіе интересы.

Это утвержденіе, говоритъ Джемсъ, было бы самой безстыдной клеветой, если бы нѣкоторымъ оправданіемъ для людей, его повторяющихъ, не могли служить какъ тѣ ассоціаціи, которыя вызываются словомъ «прагматизмъ», такъ и нѣкоторые другіе термины прагматистовъ. Когда прагматисты говорятъ о «практическихъ» послѣдствіяхъ, о томъ, что истина убѣжденія заключается въ его способности «работать» и т. п., то, они, быть можетъ, нѣсколько беззаботно употребляютъ слова, могущія подать поводъ къ недоразумѣніямъ, ибо, напримѣръ, подъ словомъ «практическое» люди обыкновенно привыкли понимать нѣчто противоположное «теоретическому», тогда какъ прагматисты употребляютъ это слова, какъ эквивалентъ словъ «конкретное», «частное», «опредѣленное» въ противоположность отвлеченному, неопредѣленному. Но вѣдь «частныя» послѣдствія могутъ быть также и послѣдствія чисто теоретическаго характера. Заявленіе прагматистовъ, что истина удовлетворяетъ потребностямъ, также истолковывается въ смыслѣ потребностей чисто практическихъ. Но вѣдь послѣ потребности въ свободномъ дыханіи у человѣка нѣтъ большей потребности, какъ потребность въ согласіи съ самимъ собой (consistency), какъ потребность чувствовать, что то, что онъ теперь думаетъ, согласуется съ тѣмъ, что онъ думалъ ранѣе по другому поводу. И мы безпрерывно, только ради этого одного сравниваемъ одну истину съ другой.

Восьмое недоразумѣніе: Прагматизмъ ведетъ къ солипсизму

Собственно говоря, замѣчаетъ Джемсъ, то, что было сказано по поводу третьяго и четвертаго недоразумѣнія, служитъ опроверженіемъ и этому новому обвиненію. Но слѣдуетъ указать еще на то обстоятельство, что въ данномъ случаѣ у нашихъ обвинителей играетъ большую роль глубоко вкоренившееся убѣжденіе интеллектуалистовъ, что для познанія какой-либо реальности идея должна какъ-нибудь внѣдриться въ нее. Для прагматизма подобное сростаніе (coalescence) идеи съ реальностью не существенно. Наше познаніе есть духовный процессъ, хотя и стремящійся къ реальному, лежащему внѣ насъ. И хотя нашъ духовный процессъ приводитъ насъ къ убѣжденію въ существованіи реальности внѣ насъ,

но вполнѣ гарантировать это могло бы только высшее вѣдѣніе. Однако, такъ какъ ничто во всей вселенной не даетъ повода сомнѣваться въ реальности внѣшняго міра, то наше убѣжденіе и слѣдуетъ считать истиннымъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ только бываетъ что-либо истинно, т.-е., слѣдуетъ считать, что оно практически и конкретно истинно.

VI.

Прежде, чѣмъ приступить къ критикѣ прагматизма, мы должны подчеркнуть еще одно обстоятельство, невнимательное отношеніе къ которому можетъ повести къ недоразумѣніямъ. А именно, всегда нужно помнить, что прагматизмъ есть своеобразная теорія познанія и пока только теорія познанія. Правда, Шиллеръ уже мечтаетъ о прагматической метафизикѣ, а Джемсъ даже готовитъ работу чисто метафизическаго характера, но *пока* прагматисты дали только свою теорію познанія. Джемсъ категорически заявляетъ, что «прагматическій методъ отнюдь не означаетъ какихъ-нибудь опредѣленныхъ результатовъ,—онъ представляетъ собой только извѣстное отношеніе къ вещамъ, извѣстную точку зрѣнія (attitude of orientation). *И именно такую точку зрѣнія, которая побуждаетъ насъ отвращать свой взоръ отъ разныхъ принциповъ, первыхъ вещей, «категорій», мнимыхъ необходимостей, и заставляетъ смотрѣть по направленію къ послѣднимъ вещамъ, результатамъ, плодамъ, фактамъ»* (Прагматизмъ, стр. 39).

Молодой итальянскій прагматистъ Папини выразилъ ту-же мысль еще рѣзче и образнѣе. Онъ заявилъ, что роль прагматизма въ философіи, его положеніе среди различныхъ теорій напоминаетъ роль коридора въ гостиницѣ. Много комнатъ соединено дверьми съ этимъ коридоромъ. Въ одной изъ этихъ комнатъ человѣкъ молится, надѣясь найти успокоеніе въ вѣрѣ; въ другой — человѣкъ пишетъ атеистическій трактатъ; въ третьей—человѣкъ обдумываетъ метафизическій трактатъ; въ четвертой—человѣкъ пишетъ доказательство невозможности метафизики и т. д. Но всѣ эти люди должны неизбѣжно пользоваться коридоромъ, чтобы входить въ свои комнаты и выходить изъ нихъ.

Свое изложеніе прагматизма мы начали цитатой изъ Джемса, смыслъ которой, какъ читатель помнитъ, былъ тотъ, что, по мнѣнію Джемса, прагматизмъ еще недостаточно развилъ свое ученіе, чтобы можно было приступить къ основательной критикѣ его. Теперь, приступая къ критическимъ замѣчаніямъ на ученіе прагматистовъ, мы опять считаемъ нужнымъ напомнить нашимъ читателямъ объ этой сравнительной невыработанности ученія. Мы уже отмѣтили то обстоятельство, что эта невыработанность обнаруживается даже колебаніями относительно того, какое названіе лучше всего подошло-бы къ этому новому ученію.

И это колебаніе относительно названія не есть случайное или мелочное обстоятельство: оно есть показатель того, что различные элементы, образующіе это ученіе, еще не согласованы между собою. Джемсъ замѣчаетъ (Pragmatist account of Truth, p. 17), что прагматизмъ *въ его гуманистической обработкѣ* можетъ оказаться соединимымъ съ солипсизмомъ, такъ же, какъ можетъ оказаться родственнымъ агносцизму и идеализму. Въ этомъ, конечно, неудобство названія «Гуманизмъ», предложеннаго Шиллеромъ. Далѣе, нѣсколькими строками ниже, Джемсъ заявляетъ, что «вся оригинальность прагматизма... заключается въ его конкретной манерѣ изслѣдованія». Терминъ «прагматизмъ», конечно, достаточно подчеркиваетъ эту конкретную манеру, такъ же, какъ и волюнтаристическую точку зрѣнія, но, не говоря уже о другихъ, ранѣе указанныхъ его недостаткахъ, онъ плохо подчеркиваетъ чисто человѣческую точку зрѣнія при разысканіи истины.

Какъ совершенно вѣрно замѣтилъ Праттъ (What is pragmatism? p. 50), вся судьба прагматизма связана съ его теоріей истины; все, что написали прагматисты, служитъ, прямо или косвенно, для поддержанія ихъ теоріи истины, поэтому и критиковать слѣдуетъ лишь это ихъ ученіе. А прагматическая теорія истины слагается изъ двухъ элементовъ: изъ волюнтаристической активности и эмпирической конкретности. Волюнтаризмъ очень характеренъ для прагматизма, но онъ не является его оригинальной чертой; какъ мы только что сообщили, самъ Джемсъ признаетъ, что вся оригинальность прагматизма заключается въ конкретности. И весь споръ прагматистовъ со своими противниками есть споръ сторонниковъ конкретной точки зрѣнія на истину со сторонниками абстрактной точки зрѣнія. Если вспомнить знаменитую фразу Гегеля, который на указаніе, что факты противорѣчатъ его теоріи, отвѣтилъ: «тѣмъ хуже для самихъ фактовъ», если припомнить, повторяемъ, это крайнее выраженіе «идолопоклонства передъ абстрактнымъ», какъ выражается Джемсъ (Pragmatist acconut of Truth, p. 12), то намъ станетъ вполнѣ очевиднымъ, что, какъ бы высоко мы ни цѣнили значеніе отвлеченнаго мышленія въ философіи, мы все-таки должны признать, что слѣпое довѣріе къ отвлеченнымъ формуламъ можетъ довести человѣка до явныхъ нелѣпостей.

Прагматисты защищаютъ права конкретнаго, и въ этомъ ихъ заслуга; хотя, выраженная въ такой общей формѣ, точка зрѣнія прагматизма еще не представляетъ ничего оригинальнаго, ибо такая точка зрѣнія вообще присуща позитивизму. Оригинальность прагматистовъ заключается въ той манерѣ, какъ они защищаютъ права конкретнаго. Оригинальность заключается въ томъ, что они утверждаютъ, что конкретная провѣрка *не открываетъ* истинности идеи, *а дѣлаетъ эту идею истиной,* и что это дѣланіе истины въ каждомъ частномъ случаѣ носитъ своеобразный характеръ. Вилльямъ Джемсъ въ своемъ отвѣтѣ на критику Эбера говоритъ, что против-

ники прагматизма смотрягъ на отношеніе правильной идеи къ своему объекту, какъ на отношеніе «абсолютное, неизмѣнное и всеобщее, одинаковое для всѣхъ случаевъ истины, какъ бы ни были разнообразны идеи, реальности и отношенія между этими идеями и этими реальностями».

«Согласно же нашей прагматической концепціи истины, наоборотъ, отношеніе—истина (relation—vérité) есть такое отношеніе, которое дается намъ во вполнѣ опредѣленномъ опытѣ... которое не есть ни единственное въ своемъ родѣ, ни абсолютное, ни всеобщее. Отношеніе идеи къ своему объекту, отношеніе, которое въ какомъ-либо случаѣ дѣлаетъ эту идею истинной, воплощено (est incorporée), говоримъ мы, въ частныхъ, посредствующихъ обстоятельствахъ, приводящихъ насъ къ объекту, обстоятельствахъ, измѣняющихся соотвѣтственно каждому частному случаю и могущихъ быть конкретно прослѣженными» (Marcel Hébert, Le Pragmatisme p. 143—4).

VII.

Чтобы основательно разсмотрѣть эту «конкретную» точку зрѣнія, начнемъ прежде всего съ вопроса о томъ, что оставляютъ эти поборники конкретнаго на долю «отвлеченнаго», какъ устанавливаютъ они отношеніе между «абстрактнымъ» и «конкретнымъ». Мы видимъ, что основной принципъ прагматизма по этому вопросу таковъ: если два какія-либо отвлеченныя ученія противорѣчатъ другъ другу, то прагматистъ обязанъ спросить, какая получится *практическая* разница, если принять за истину одно изъ этихъ ученій, а не другое? И «если мы не въ состояніи найти никакой практической разницы, то оба противоположныя мнѣнія означаютъ по существу одно и то же, и всякій дальнѣйшій споръ здѣсь безполезенъ» (Джемсъ, Прагматизмъ, стр. 33). Этотъ принципъ, очевидно, не только провозглашаетъ полное торжество конкретнаго надъ абстрактнымъ, но даже уполномачиваетъ произнести окончательное сужденіе объ «абстрактномъ» на основаніи лишь *неполнаго* свидѣтельства «конкретнаго». Ибо, изъ того обстоятельства, то мы *въ данный моментъ* не находимъ конкретнаго различія между двумя теоріями, еще не значитъ, что такого конкретнаго различія *вообще* нѣтъ. Быть можетъ, мы просто пока не видимъ отличій. Такъ, напримѣръ, извѣстно, что двѣ конкурирующія теоріи о происхожденіи свѣтовыхъ явленій—«теорія истеченія» и «теорія волнообразнаго колебанія» долго съ одинаковымъ успѣхомъ объясняли всѣ конкретныя свѣтовыя явленія. Но значитъ-ли, что тогда обѣ эти теоріи означали одно и то же, и что «всякій дальнѣйшій споръ здѣсь былъ безполезенъ»? Конечно, нѣтъ. И когда Френель, исходя изъ теоріи волнообразнаго колебанія, объяснилъ явленіе диффракціи лучше, чѣмъ объясняла это явленіе теорія истеченія, то теоріи

истеченія былъ нанесенъ первый ударъ, а когда тотъ же Френель показалъ, что теорія волнообразнаго колебанія прекрасно объясняетъ явленія поляризаціи, которыхъ теорія истеченія уже совсѣмъ не могла объяснить, тогда этой теоріи истеченія былъ нанесенъ смертельный ударъ. Очевидно, міръ выигралъ отъ того, что Френель *не держался* прагматическаго принципа и не думалъ, что здѣсь всякій дальнѣйшій споръ безполезенъ. Прагматисты впадаютъ въ настоящее идолопоклонство передъ конкретнымъ, когда объявляютъ «отвлеченное» не имѣющимъ смысла, не только въ томъ случаѣ, когда это «отвлеченное» противорѣчитъ конкретному, но даже и тогда, когда оно просто въ *данный моментъ* не приноситъ никакой пользы «конкретному». Прагматисты поступаютъ вполнѣ правильно, когда, вслѣдъ за современными учеными, разсматриваютъ «общіе законы», какъ формулу, резюмирующую неопредѣленное число конкретныхъ явленій. Но этимъ прагматистамъ никогда не приходило въ голову поставить себѣ слѣдующій основной вопросъ: *какимъ количествомъ конкретныхъ явленій вполнѣ опредѣляется данная теорія?*

Пояснимъ нашъ вопросъ нагляднымъ примѣровъ, взятымъ изъ аналитической геометріи. Аналитическая геометрія учитъ, что прямая линія вполнѣ опредѣляется двумя точками. Между двумя точками нельзя провести болѣе одной прямой и поэтому, если при нашихъ вычисленіяхъ мы получили двѣ прямыя, которыя совпадаютъ въ двухъ точкахъ, то, значитъ, мы имѣемъ дѣло не съ двумя различными прямыми, а съ одной и тою же прямою. Но «кривая второго порядка» опредѣляется уже пятью точками. Кругъ, напримѣръ, есть кривая второго порядка, и поэтому, если при нашихъ вычисленіяхъ мы получаемъ два круга, которые совпадаютъ между собою въ одной, двухъ, трехъ или четырехъ точкахъ, то мы еще не имѣемъ права утверждать, что оба круга тожественны, что мы имѣемъ дѣло не съ двумя различными кругами, а съ однимъ и тѣмъ-же кругомъ. Это послѣднее утвержденіе мы получаемъ право дѣлать лишь въ томъ случаѣ, если оба наши круга совпадутъ въ пяти точкахъ. Кривыя высшихъ порядковъ, какъ извѣстно, опредѣляются еще большимъ числомъ точекъ.

Пояснивши нашу мысль геометрическимъ примѣромъ, мы вновь обращаемъ вниманіе читателей на то обстоятельство, что подобный вопросъ прагматистамъ даже не приходилъ въ голову. А между тѣмъ, прежде чѣмъ заявлять презрительно, что проповѣдники двухъ теорій не понимаютъ, что они утверждаютъ одно и то же, такъ какъ *въ данный моментъ* нельзя установить *практической* разницы между обѣими этими теоріями, — прежде чѣмъ дѣлать подобное рѣшительное утвержденіе, прагматисты должны были бы спросить себя: а какимъ числомъ конкретныхъ фактовъ вполнѣ опредѣляются эти теоріи? Стоитъ только поставить подобный вопросъ, чтобы сразу понять всю ошибочность поведенія прагма-

тистовъ въ данномъ случаѣ; ибо сразу сдѣлается очевиднымъ, что не только число подобныхъ фактовъ должно быть крайне велико, но что, сверхъ того, мы никогда не можемъ сказать, что число извѣстныхъ намъ фактовъ уже достаточно велико для полнаго опредѣленія обѣихъ теорій. Джемсъ говоритъ: «не можетъ *быть* разницы въ одномъ какомъ-нибудь пунктѣ, которая бы не *составила* разницы въ какомъ-нибудь другомъ, — не можетъ быть разницы въ абстрактной истинѣ, которая бы не выразилась въ конкретныхъ фактахъ» (Прагматизмъ, стр. 36). Это совершенно вѣрно; но почему Джемсъ придаетъ этому вполнѣ вѣрному утвержденію такое одностороннее толкованіе?! Вѣдь изъ этого положенія слѣдуетъ, что, имѣя передъ собой двѣ теоріи, которыя *пока* на практикѣ другъ отъ друга ничѣмъ не отличаются, мы должны дѣйствовать въ двухъ направленіяхъ: во-первыхъ, мы должны разсмотрѣть, не являются ли эти двѣ теоріи, въ сущности, одной и той же теоріей; а во-вторыхъ, мы должны *стараться найти* конкретныя отличія между этими теоріями: мы должны дѣлать все новые и новые *выводы* изъ обѣихъ теорій и наблюдать, какіе выводы оправдываются, какіе не оправдываются.

Почему же Джемсъ, и вообще прагматисты, не ставятъ такъ широко вопроса, а сразу рѣшаютъ, что отсутствіе практическихъ отличій несомнѣнно указываетъ на полное тожество обѣихъ теорій? Очевидно потому, что имъ не пришелъ въ голову вопросъ о томъ, какимъ числомъ «фактовъ» опредѣляется «теорія». А не пришелъ имъ въ голову этотъ вопросъ, вслѣдствіе ихъ идолопоклонства передъ конкретнымъ.

Но здѣсь нужно углубить вопросъ. Мы думаемъ, что прагматическое ученіе внесетъ свою крупицу истины въ философскую сокровищницу, но что въ данный моментъ прагматисты еще не нашли самихъ себя. «Конкретное» ихъ ослѣпило, и они до сихъ поръ не поняли, что сила ихъ ученія о конкретномъ изслѣдованіи истины лежитъ не тамъ, гдѣ они думаютъ. Выскажемъ нашу мысль сразу: *сила ученія прагматизма лежитъ не въ «конкретномъ», а въ «индивидуальномъ» или «единичномъ»*. И если бы мы сдѣлались сторонникомъ прагматической философіи, то мы назвали бы ее *философіей индивидуализма* (мы употребляемъ здѣсь терминъ «индивидуализмъ» въ его этимологическомъ смыслѣ: индивидъ—то, чего нельзя раздѣлить, недѣлимое).

Жизненный элементъ прагматизма заключается въ признаніи, такъ сказать, *автономности единичнаго*. Кантъ былъ очень озабоченъ разысканіемъ признаковъ «всеобщности и необходимости» сужденій и, конечно, онъ былъ совершенно правъ, ибо, въ сущности, мы можемъ законно оперировать только сужденіями, имѣющими характеръ необходимости. Но Кантъ глубоко ошибался, когда, указавши на то, что «всеобщность и необходимость» сужденія есть признакъ его апріорности, вообразилъ, будто на этомъ

можно и успокоиться, тогда какъ на самомъ дѣлѣ, наша способность высказывать сужденія, имѣющія характеръ необходимости, есть лишь выраженіе того, что элементы, входящіе въ эти наши сужденія, достигли абсолютной чистоты, въ томъ смыслѣ, что они или абсолютно просты, или, по крайней мѣрѣ, абсолютно сцентрированы вокругъ одного центра. Всякій *единичный* опытъ *способенъ* дать намъ *абсолютное* знаніе, и если этого на самомъ дѣлѣ никогда, или почти никогда, не бываетъ, то это объясняется необыкновенной сложностью опыта. Всякому уже изъ элементарной математики извѣстно, что для рѣшенія уравненія число данныхъ намъ уравненій должно быть равно числу «неизвѣстныхъ», включенныхъ въ уравненіе. Уравненіе съ однимъ неизвѣстнымъ можетъ быть рѣшено само по себѣ; но если мы имѣемъ уравненіе съ двумя неизвѣстными, то для его рѣшенія мы должны имѣть еще другое уравненіе съ этими же двумя неизвѣстными и т. д., чѣмъ больше неизвѣстныхъ включено въ уравненіе, тѣмъ большее количество уравненій должны мы принять во вниманіе при опредѣленіи значенія «неизвѣстныхъ». Каждый «опытъ» есть данное намъ уравненіе съ громаднымъ числомъ неизвѣстныхъ, и вотъ почему каждый опытъ въ отдѣльности ставитъ насъ въ недоумѣніе относительно того, что собственно сказалъ намъ этотъ опытъ; но когда мы рѣшимъ это данное намъ уравненіе, когда мы узнаемъ значеніе изслѣдуемаго нами неизвѣстнаго,—мы получимъ знаніе абсолютнаго характера, *абсолютнаго* въ смыслѣ абсолютной всеобщности и необходимости: когда бы и гдѣ бы ни повторилась та своеобразная комбинація, которая представляется даннымъ опытомъ наше «неизвѣстное», всегда будетъ имѣть одно и то же значеніе.

Въ сущности, этого послѣдняго утвержденія никто формально и не отрицаетъ. Его не отрицаютъ, но его замалчиваютъ: распространяясь слишкомъ много о «недостовѣрности единичнаго опыта», философы мало по малу забываютъ, что, собственно, слѣдуетъ понимать подъ этимъ терминомъ: «недостовѣрность»; они забываютъ, что *единичный актъ автономенъ* и для своей характеристики не нуждается въ сопоставленіи съ какимъ бы то ни было другимъ актомъ: въ этомъ сопоставленіи нуждается не самъ актъ, *а мы*, неспособные его разгадать.

И именно эта двусмысленность термина «недостовѣрность» и приводитъ къ такимъ крайностямъ, какъ знаменитое гегелевское: «тѣмъ хуже для самихъ фактовъ». Заслуга прагматизма и заключается въ томъ, что онъ чутьемъ угадалъ значеніе «единичнаго», но такъ какъ онъ угадалъ это лишь «чутьемъ», то онъ и не понялъ самъ своего открытія и вообразилъ, будто назначеніе его это—защита «конкретнаго».

Мы, по необходимости, лишь слегка очертили значеніе «единичнаго» въ теоріи познанія, ибо то, что нами только что было

сказано, есть лишь личная наша точка зрѣнія, а не точка зрѣнія прагматизма, и мы коснулись этого вопроса лишь по столько, по сколько это нужно, чтобы выяснить, какое преобразованіе слѣдуетъ по нашему мнѣнію сдѣлать въ прагматизмѣ, чтобы извлечь изъ этого ученія всю ту истину, которую оно потенціально въ себѣ заключаетъ.

«Единичное» стоитъ внѣ противоположности «конкретнаго» съ «абстрактнымъ», ибо вѣдь и самая абстрактная теорія единична; но наши прагматисты, вѣроятно, имѣя постоянно въ виду гегеліянцевъ, занимаются лишь униженіемъ абстрактнаго передъ конкретнымъ.

Ученіе прагматистовъ о «конкретности» истины включаетъ еще и утвержденіе, что провѣрка *не открываетъ* истинности идеи, *а создаетъ* эту истинность. Но уже то колебаніе, которое обнаруживаетъ по этому поводу отчасти Шиллеръ, а главнымъ образомъ Джемсъ, признавая иногда, что вмѣсто дѣйствительной провѣрки достаточно одной «провѣряемости» идеи,—одно это колебаніе (котораго не обнаруживаетъ одинъ непреклонный Дьюи) указываетъ на то, что прагматистамъ здѣсь еще не все ясно. *Фактъ* провѣрки опять понадобился здѣсь прагматистамъ лишь во славу «конкретности», ибо послѣ провѣрки истина, согласно ученію прагматистовъ, состоитъ изъ цѣпи конкретныхъ событій, соединившихъ идею съ реальностью. Тутъ играетъ роль, конечно, еще и волюнтаристическій элементъ прагматизма, но о волюнтаризмѣ мы будемъ говорить ниже, а здѣсь займемся опять таки лишь конкретностью.

Реальности, какъ совершенно вѣрно утверждаютъ прагматисты, не суть истины, *онѣ просто существуютъ*, а *истинной* можетъ быть лишь наша увѣренность въ существованіи реальностей. Когда я писалъ предыдущую фразу, то я колебался, какое употребить слово: «истинной» или «истиной». Дѣло въ томъ, что, если съ нашей точки зрѣнія между этими двумя словами имѣется разница, то съ точки зрѣнія прагматизма тутъ нѣтъ никакой настоящей разницы. Самъ языкъ способствуетъ этому смѣшенію понятія. Дѣло въ томъ, что по англійски (*какъ и по русски и на другихъ языкахъ*) слово truth (истина) означаетъ и конкретный фактъ, и свойство «истинности». Мы говоримъ: «наконецъ, мы узнали истину», — здѣсь слово истина употребляется въ смыслѣ конкретнаго факта; но мы говоримъ также: «истина его увѣреній была доказана», — здѣсь слово «истина» употребляется вмѣсто слова «истинность». Излагая возраженіе Джемса на «шестое недоразумѣніе», мы уже познакомили читателей съ заявленіемъ Джемса, что «Истина (въ единственномъ числѣ) есть только собирательное имя для истинъ (во множественномъ числѣ), а эти состоятъ всегда изъ ряда опредѣленныхъ событій; а то, что интеллектуалистъ называетъ истиной, истиной, *присущей* какому-либо подобному ряду, есть только

отвлеченное обозначеніе того, что этотъ рядъ оправдалъ себя на дѣлѣ.»

Такимъ образомъ, Джемсъ утверждаетъ здѣсь, что *истинность* есть только собирательное имя для конкретныхъ истинъ. А Шиллеръ утверждаетъ, что предикатъ: «истинное» и «ложное» должны быть поставлены въ одинъ рядъ съ предикатами: «сладкое», «красное», «твердое» и т. п. (Studies in Humanism, p. 144). Поэтому нельзя не согласиться съ Праттомъ, когда онъ говоритъ: нельзя прочитать полдюжины страницъ писаній прагматистовъ, посвященныхъ этому вопросу (вопросу объ истинѣ), чтобы не встрѣтить хотя бы одного случая (обыкновенно же—многихъ случаевъ) полной неспособности различить «истину», какъ познанный фактъ, или умственное достояніе, отъ «истины», какъ истинности, т. е., того качества или отношенія, характеризующаго какую-либо идею, которое дѣлаетъ ее истинной» (Pratt, What is Pragmatism? p. 83).

Если вполнѣ приноровиться къ фразеологіи прагматистовъ, то ихъ ученіе о «дѣланіи истины» путемъ провѣрки предстанетъ въ такомъ видѣ: имѣется идея—гипотеза, заявляющая претензію быть истиной. Эта идея есть «планъ дѣйствій» по отношенію къ извѣстной реальности. Если при посредствѣ ряда дѣйствій, направленныхъ къ этой реальности, мы успѣшно ее достигаемъ, то устанавливается конкретная цѣпь, соединяющая идею съ реальностью, *и эта конкретная цѣпь и есть истина.* Ненавистные прагматистамъ гегеліянцы считаютъ, что истина есть нѣкоторая абсолютная реальность и истинность каждаго частнаго случая есть только отблескъ этой вѣчной истины. Въ борьбѣ съ этимъ мнѣніемъ прагматисты забываютъ, что истинность есть нѣчто отличное отъ «цѣпи конкретныхъ фактовъ», и это забвеніе, конечно, объясняется все тѣмъ-же страхомъ, какъ-бы не умалилось достоинство «конкретнаго»: вѣдь «истинность»—терминъ, довольно опасный для «идолопоклонниковъ передъ конкретнымъ»—для «единичнаго» «истинность» ни мало не опасна, а для «конкретнаго», безспорно, опасна.

VIII.

Но сверхъ опасенія за достоинство «конкретнаго» къ ученію о «дѣланіи истины» прагматистовъ приводитъ еще и ихъ волюнтаризмъ. Идея есть только «планъ дѣйствія», а дѣйствія выражаются лишь въ рядѣ событій. Хотя волюнтаризмъ и является характерной чертой прагматизма, но онъ менѣе оригинальная его черта сравнительно съ ученіемъ о конкретности истины. Поэтому мы не будемъ обсуждать здѣсь волюнтаристическое ученіе по существу, не будемъ говорить о томъ, на сколько вообще правъ волюнтаризмъ въ своихъ нападкахъ на интеллектуализмъ. Мы поставимъ

вопросъ иначе: мы спросимъ, что сдѣлалъ прагматизмъ для выясненія отношенія между познаніемъ и волей? И въ отвѣтъ на этотъ вопросъ мы повторимъ утвержденіе Меллоне (см. его статью: «является ли гуманизмъ прогрессомъ въ философіи», Mind, vol. XIV), что прагматизмъ этого отношенія не выяснилъ.

Мы уже цитировали заявленіе Джемса, что исторія философіи есть въ значительной мѣрѣ исторія столкновенія человѣческихъ темпераментовъ, что темпераментъ есть главная «предпосылка» всякой философіи, и что усвоенная философами манера не апеллировать къ своему темпераменту ведетъ къ «неискренности» въ философскихъ спорахъ. Жаль только, что Джемсъ не потрудился выяснить детально (конкретно, какъ подобаетъ прагматисту), какъ это философъ могъ-бы апеллировать къ своему темпераменту?! Очевидно, эта «апелляція» могла бы имѣть лишь такой видъ: философъ А. заявляетъ: «мое утвержденіе есть истина, ибо оно согласуется съ моимъ темпераментомъ», но если его антагонистъ, философъ Б. тоже заявитъ: «И мое утвержденіе есть истина, ибо оно согласуется съ моимъ темпераментомъ», тогда сдѣлается очевиднымъ, что при подобномъ способѣ веденія спора лучше совсѣмъ не спорить, т. е., лучше совсѣмъ не писать книгъ по философіи.

Безспорно, что темпераментъ *подсказываетъ* каждому философу его утвержденія, но *оправдываетъ* эти утвержденія, конечно, не темпераментъ, а логика.

Однако, чтобы быть вполнѣ справедливыми къ прагматизму, нужно всегда помнить, что по его ученію «человѣкъ *порождаетъ* истины относительно міра» (Джемсъ, Прагматизмъ, стр. 157) и это потому, что онъ, такъ сказать, участвуетъ въ сотвореніи этого міра. «Суть дѣла въ томъ (говоритъ Джемсъ. l. c. стр. 157), *что для раціонализма дѣйствительность уже готова и закончена отъ вѣка, между тѣмъ, какъ для прагматизма она все еще въ процессѣ своего образованія и ожидаетъ своего завершенія отчасти и отъ будущаго*».

Здѣсь сказывается волюнтаристическій плюрализмъ прагматизма. Независимые, дѣятельные элементы творятъ міръ; они творятъ не только всѣ міровыя «явленія», но и самого Бога, который въ зависимости отъ нашей вѣры «становится все живѣе и реальнѣе». Когда мы выше цитировали это утвержденіе Джемса, то мы сказали, что до извѣстной степени прагматизмъ здѣсь можетъ опереться на кантовскій «приматъ практическаго разума». Однако, между ученіями Канта и Джемса въ данномъ случаѣ можно находить сходство лишь по столько, по сколько оба эти ученія остаются въ сферѣ теоріи познанія; никогда не слѣдуетъ забывать того громаднаго отличія, что у Канта его «практическій разумъ» лишь *открываетъ* Бога, а у Джемса его плюралистическій волюнтаризмъ *создаетъ* Бога. Богъ Джемса это—чисто американскій Богъ, но-

сящій на себѣ штемпель «Made in U. S. A». («сдѣланъ въ Соединенныхъ Штатахъ Америки»).

Вотъ какъ, напримѣръ, говоритъ этотъ Американскій Богъ: «Я собираюсь сотворить міръ, не предназначенный непремѣнно для спасенія, міръ, совершенство котораго будетъ условнымъ, при чемъ условіемъ этимъ будетъ то, что каждый отдѣльный участникъ его постарается сдѣлать, съ своей стороны, все возможное. Я вамъ предлагаю возможность принять участіе въ подобномъ мірѣ. Какъ видите, безопасность его не обезпечена. Въ немъ имѣется реальная опасность, но имѣется и возможность полной побѣды. Этотъ міръ своего рода кооперація, коллективный трудъ, который должно исполнить честно. Желаете ли вы принять участіе въ этой общей работѣ? Имѣете ли вы на столько довѣрія къ себѣ и къ другимъ участникамъ дѣла, чтобы отважиться на этотъ рискъ?» (Прагматизмъ, стр. 177). «*Top und Schlag auf Schlag*» (Ладно! по рукамъ l. с. стр. 178) кричатъ въ отвѣтъ на это американцы (которые почему-то по этому поводу заговорили по-нѣмецки). И послѣ этого Богъ начинаетъ ихъ творить, подумаетъ русскій читатель; нѣтъ, послѣ этого они начинаютъ дѣлать Бога «все живѣе и реальнѣе»!..

По мнѣнію Джемса, «старомодный теизмъ, съ его Богомъ—небеснымъ монархомъ, скроеннымъ изъ кучи непонятныхъ или нелѣпыхъ «аттрибутовъ», былъ довольно плохъ» (Прагматизмъ, стр. 48). Съ другой стороны, «Абсолютный Духъ» пантеизма страдаетъ абстрактностью и отчужденностью отъ всего мірского. Это пантеистическое ученіе объ «абсолютизмѣ Духа» пытались возвеличить, называя его «возвышеннымъ и благороднымъ». «Да,—говоритъ Джемсъ,—оно утонченно красиво, оно благородно въ томъ дурномъ смыслѣ, по которому быть благороднымъ, значитъ быть неспособнымъ къ черной работѣ. Въ этомъ дѣйствительномъ мірѣ, полномъ грязи и пота, когда говорятъ о какомъ-нибудь міровоззрѣніи, что оно «благородно», это должно по моему являться какъ бы презумпціей противъ истинности даннаго ученія, своего рода философской дисквалификаціей. Князя тьмы намъ изображаютъ въ видѣ джентльмэна; но Богъ неба и земли, чѣмъ бы онъ ни былъ въ другихъ отношеніяхъ—во всякомъ случаѣ не джентльмэнъ. Намъ здѣсь на землѣ, въ прахѣ нашихъ человѣческихъ мукъ, его черная работа нужнѣе, чѣмъ нужно его величіе на небесахъ» (Прагматизмъ, стр. 45—50).

Богъ существуетъ по столько, по сколько онъ намъ «полезенъ», по сколько мы можемъ *имъ наслаждаться* (стр. 71). Этотъ прагматическій тезисъ сближаетъ чисто философскій прагматизмъ съ довольно многочисленной группой философствующихъ богослововъ и богословствующихъ философовъ, которыхъ можно объединить общимъ названіемъ: «прагматистовъ въ религіи». Таковъ, напримѣръ, Ш. Секретанъ, который въ своей книгѣ «La Civilisation et la Croyance» пишетъ: «Всѣ старыя доказательства (бытія Бога) хороши, лишь

бы ихъ понимали безъ педантичности и не придавали имъ слишкомъ узкаго значенія; но истинное доказательство, которое заключается во всѣхъ остальныхъ, и которое придаетъ имъ силу, это—стремленіе, это—желаніе... Самое имя Бога, строго говоря, обозначаетъ для насъ: я хочу, чтобы добро было» (взято у M. Hébert'a, Le Pragmatism, p. 90—91).

Джемсъ приводитъ слѣдующее «опредѣленіе» Бога: «Deus est Ens, a se, extra et supra omne genus, necessarium, unum, infinito perfectum, simplex, immutabile, immensum, aeternum, intelligens etc» (Богъ есть существо самостоятельное, находящееся внѣ всякаго рода и надъ нимъ, необходимое, единое, безконечно совершенное, простое, неизмѣнное, неизмѣримое, вѣчное, разумное и т. д.). «Что,—спрашиваетъ послѣ этого Джемсъ,—что поучительнаго и цѣннаго представляетъ подобное опредѣленіе? Въ своемъ торжественномъ одѣяніи изъ прилагательныхъ оно менѣе, чѣмъ ничего. Только прагматизмъ можетъ придать ему реальное содержаніе и, чтобы сдѣлать это, онъ рѣзко порываетъ съ интеллектуалистической точкой зрѣнія. «Есть Богъ на небѣ, значитъ все въ мірѣ въ порядкѣ»—*таково* жизненное ядро теологіи, и для этого ему не нужны никакія раціоналистическія дефиниціи» (Прагматизмъ, стр. 78—79).

IX.

Думаемъ, что вышеуказаннаго достаточно, чтобы дать понятіе о «прагматическомъ Богѣ». Но обратимъ вниманіе еще на одну сторону вопроса. Джемсъ говоритъ: «*Если окажется, что религіозныя идеи имѣютъ цѣнность для дѣйствительной жизни, то, съ точки зрѣнія прагматизма, онѣ будутъ истинны въ мѣру своей пригодности для этого. Что же касается вопроса о томъ, можно ли имъ приписать большую мѣру истинности, то рѣшеніе его будетъ цѣликомъ зависѣть отъ ихъ отношеній къ другимъ истинамъ, которыя тоже должны быть признаны*» (Прагматизмъ, стр. 50). Не превращается ли здѣсь «прагматическій методъ доказательства» въ шаблонъ, который прилагается безъ соображенія съ тѣмъ, пригоденъ ли онъ въ данномъ случаѣ или нѣтъ? Не имѣетъ ли вопросъ о существованіи Бога чего-то такого специфическаго, которое дѣлаетъ непримѣнимымъ къ нему этого шаблоннаго прагматическаго метода доказательства? Въ самомъ дѣлѣ, прагматическій методъ можетъ быть примѣненъ (и онъ на самомъ дѣлѣ многократно примѣнялся ранѣе возникновенія прагматизма) къ каждому частному вопросу, но не къ такому всеобъемлющему вопросу, какъ вопросъ о Богѣ. Существуетъ или не существуетъ космическій эфиръ—это не такъ важно: важно, что при содѣйствіи этой гипотезы мы прекрасно объясняемъ весьма многія физическія явленія; и мы пользуемся этой гипоте-

зой до тѣхъ поръ, пока она намъ «полезна»: пока мы при ея помощи дѣлаемъ все новыя и новыя открытія; а если въ концѣ концовъ гипотеза эфира окажется безсильной объяснить какія-нибудь явленія, которыя она должна была бы объяснить, тогда мы замѣнимъ ее какою-нибудь болѣе удачной гипотезой; вотъ и все. Но гипотеза Бога не есть какая-либо частная гипотеза, а гипотеза всеобъемлющая. Если Богъ есть, то онъ наполняетъ собой все, и *во всей вселенной нѣтъ ничего, что не имѣло бы самаго прямого отношенія къ Богу.* Здѣсь опять (какъ и въ вопросѣ объ отношеніи между «конкретнымъ» и «абстрактнымъ») оказывается, что Джемсу не пришелъ въ голову вполнѣ естественный вопросъ о томъ, *какимъ количествомъ конкретныхъ фактовъ опредѣляется ученіе о Богѣ.* Если бы этотъ вопросъ пришелъ ему въ голову, то, несомнѣнно, онъ увидалъ бы, что гипотеза Бога можетъ быть опредѣлена лишь *совокупностью всѣхъ міровыхъ событій.*

Но гипотеза Бога имѣетъ еще и другую, и при томъ, крайне важную сторону, которую, хотя и нѣсколько поздно, но Джемсъ замѣтилъ-таки. И въ своемъ «Калифорнійскомъ адресѣ», и въ книгѣ «Прагматизмъ», Джемсъ пользуется слѣдующимъ доводомъ. Задавши чисто прагматическій вопросъ о томъ, «какая получится для насъ практическая разница, если допустить, что міромъ правитъ матерія, а не духъ или наоборотъ»? Джемсъ отвѣчаетъ: «Я обращу ваше вниманіе на слѣдующій любопытный фактъ. Если дѣло идетъ о *прошломъ* міра, то что бы мы ни предположили: думаемъ ли мы, что оно дѣло матеріи или что творцемъ его является божественный духъ, отъ принятія того или другого предположенія не получится ни малѣйшей разницы».

«Вообразите, въ самомъ дѣлѣ, что разъ навсегда и непреложно дано все содержаніе міроваго процесса. Допустите затѣмъ, что въ данный моментъ этотъ процессъ заканчивается, не имѣя передъ собой больше будущаго, и пусть матеріалистъ и теистъ попытаются объяснить его со своихъ противоположныхъ точекъ зрѣнія. Теистъ показываетъ намъ, какъ Богъ сдѣлалъ исторію міра; матеріалистъ, съ своей стороны, и допустимъ, съ равнымъ успѣхомъ, показываетъ, какъ эта исторія явилась результатомъ дѣйствія слѣпыхъ физическихъ силъ. Прагматисту предстоитъ теперь произвести выборъ между двумя этими теоріями. Какъ сумѣетъ онъ примѣнить здѣсь свой критерій, разъ міръ уже законченъ? Для него значеніе понятій кроется въ томъ, что съ ихъ помощью... мы получаемъ практическія различія. Но, по самому допущенію, здѣсь опытъ болѣе невозможенъ, и невозможны также никакія различія... Прагматистъ поэтому долженъ сказать, что обѣ теоріи, несмотря на различія въ названіи, означаютъ въ сущности одно и то же, и что весь *споръ ведется о словахъ*».

«Разсмотрите-ка, въ самомъ дѣлѣ, вопросъ этотъ серьезно и

скажите, какова была бы *стоимость* Бога, если бы онъ *былъ* здѣсь тогда, когда дѣло его завершено и исторія созданнаго имъ міра закончилась. Онъ стоилъ бы ровно столько, сколько стоитъ этотъ міръ... Онъ—то Существо, которое было въ состояніи разъ навсегда сдѣлать *это*, и за это,—ровно по столько,—мы ему и благодарны, но больше ни за что».

«Но если, съ другой стороны, частицы матеріи, слѣдуя своимъ законамъ, создали точно такой же міръ, развѣ мы не должны были бы быть имъ столь же благодарными? Что потеряли бы мы, если бы оставили гипотезу Бога и сдѣлали отвѣтственной за все только матерію?» (Прагматизмъ, стр. 62—64).

Вотъ ошибочность этого своего разсужденія Джемсъ и замѣтилъ, о чемъ онъ и сообщилъ въ примѣчаніи (на стр. 5) къ статьѣ своей «Pragmatist account of Truth», гдѣ онъ говоритъ: «Ошибка сдѣлалась мнѣ очевидной, когда я подумалъ о случаѣ, аналогичномъ случаю вселенной безъ Бога, а именно, я подумалъ о томъ, что я назвалъ «автоматической милой», подразумѣвая подъ этимъ тѣло, лишенное души, которое было бы абсолютно неразличимо отъ дѣвушки, одаренной душою, которое бы смѣялось, бесѣдовало, краснѣло, возилось бы съ нами (nursing us) и вообще выполняло бы всѣ женскія обязанности такъ же хорошо и пріятно, какъ если бы у него была душа. Считалъ ли бы кто-нибудь это бездушное тѣло эквивалентомъ дѣвушки? Конечно, нѣтъ. А почему? Потому что, въ силу нашей организаціи, нашъ эгоизмъ жаждетъ прежде всего внутренней симпатіи и признанія, любви и удивленія... Поэтому, прагматически идея автоматической милой не можетъ *работать* (work) и, дѣйствительно, никто не разсматриваетъ ее, какъ серьезную гипотезу. То же слѣдуетъ сказать и о вселенной, лишенной Бога. Если бы матерія даже и могла сдѣлать всѣ тѣ внѣшнія вещи, какія дѣлаетъ Богъ, все-таки идея о ней не могла бы работать столь же удовлетворительно, ибо современный человѣкъ главнымъ образомъ ищетъ въ Богѣ существо, которое внутренне знаетъ его и относится къ нему съ симпатіей».

Этотъ эпизодъ весьма характеренъ. Джемсъ самъ признаетъ, что онъ проглядѣлъ самое главное: внутреннее состояніе. Но Джемсъ и теперь еще понимаетъ лишь часть своей ошибки: онъ не понимаетъ, какъ скомпрометированъ здѣсь его методъ. Ибо здѣсь особенно наглядно обнаруживается неспособность прагматическаго волюнтаризма связать волевой актъ съ познаніемъ. Джемсъ не понимаетъ, что все его разсужденіе относительно законченнаго мірового процесса построено на двусмыслицѣ. Джемсъ взялъ такой примѣръ, когда для нашей воли уже ничто не имѣетъ никакой цѣны. Міровой процессъ законченъ: ничего, рѣшительно ничего болѣе не произойдетъ; тогда не все ли равно для нашей воли, каковъ *былъ* ранѣе міръ? Для воли, пожалуй, все равно, а для

познанія и истины не все равно. Предположимъ, что въ моментъ полнаго окончанія мірового процесса два человѣка спорятъ не о томъ, Богъ или матерія создали міръ, а о томъ, составляетъ ли дважды два четыре или пять. Съ прагматической точки зрѣнія, такъ какъ міровой процессъ абсолютно законченъ и отъ рѣшенія вопроса въ ту или иную сторону «ничто не измѣнится», то, слѣдовательно, споръ о томъ, составитъ ли дважды два четыре или пять, есть *«споръ о словахъ»*. Но мы думаемъ, что выразимся точнѣе, если скажемъ, что это будетъ споръ *совершенно безполезный* (т. е. не имѣющій значенія для нашей воли), но вовсе *не споръ о словахъ*. Вотъ наглядный примѣръ того, что воля можетъ проглядѣть такіе случаи, которые для познанія имѣютъ огромное значеніе. Такимъ образомъ Джемсъ, самъ того не замѣчая, обнажилъ ахиллесову пяту волюнтаризма вообще и волюнтаризма прагматическаго въ особенности.

Вотъ еще одно соображеніе. Предположимъ, что міровой процессъ не вполнѣ законченъ, но что до его окончанія остался всего одинъ часъ, или даже одна секунда. Тогда, съ прагматической точки зрѣнія и споръ о томъ, Богъ или матерія создали міръ, и споръ о томъ, будетъ ли дважды два четыре или пять, оба эти спора *не будутъ споромъ о словахъ*, ибо отъ ихъ рѣшенія въ ту или иную сторону нѣчто можетъ измѣниться. Но вотъ прошелъ часъ, или даже одна секунда, и то, что раньше не было споромъ о словахъ, вдругъ сдѣлалось споромъ о словахъ.

Поистинѣ несчастный примѣръ взятъ былъ въ данномъ случаѣ Джемсомъ, ибо трудно яснѣе подчеркнуть неспособность прагматистовъ объединить волю и познаніе.

X.

Намъ остается еще отмѣтить лишь одинъ пунктъ. Выше мы цитировали заявленіе Джемса, что религіозныя идеи истинны въ мѣру своей пригодности, и что рѣшеніе «вопроса о томъ, можно ли имъ приписать бо́льшую мѣру истинности, будетъ цѣликомъ зависить отъ ихъ отношеній къ другимъ истинамъ». Изъ этой цитаты мы узнаемъ, что у Джемса имѣются двѣ «мѣры истинности»: «большая» и «меньшая». Но вотъ, защищаясь отъ обвиненья въ атеизмѣ, Джемсъ сообщаетъ намъ еще болѣе важную вещь. «Я не могу, говоритъ онъ на стр. 183,... забираться въ область богословія. Но если я скажу вамъ, что я написалъ книгу о религіозномъ опытѣ людей, о которой въ цѣломъ было признано критикой, что она защищаетъ идею реальности Бога, то вы, вѣроятно, не бросите моему прагматизму упрека въ томъ, что онъ атеистическая система. Я не вѣрю—и твердо настаиваю на этомъ—будто нашъ человѣческій опытъ есть высшая имѣющаяся на свѣтѣ форма

опыта. Я вѣрю скорѣе, что мы находимся въ такомъ же отношеніи къ совокупности вселенной, въ какомъ находятся наши комнатныя собачки и кошки къ совокупности человѣческой жизни. Онѣ живутъ въ нашихъ гостиныхъ и библіотечныхъ комнатахъ. Онѣ принимаютъ участіе въ сценахъ, о значеніи которыхъ онѣ не имѣютъ ни малѣйшаго понятія. Онѣ только касательныя къ кривымъ жизни, начала и концы которыхъ, формы которыхъ лежатъ совсѣмъ внѣ ихъ кругозора. Точно также и мы являемся касательными къ высшимъ типамъ жизни. Но, подобно тому, какъ многіе изъ идеаловъ собакъ и кошекъ совпадаютъ съ нашими собственными идеалами—и факты повседневной жизни убѣждаютъ въ этомъ собакъ и кошекъ,—такъ можемъ и мы, на основаніи фактовъ религіознаго опыта, вѣрить, что существуютъ высшія силы, занятыя тѣмъ, чтобы спасти міръ въ смыслѣ нашихъ собственныхъ идеаловъ».

Но если такъ, если «истина», добытая прагматическимъ методомъ, есть только истина «комнатной собачки», то почему въ своемъ отвѣтѣ на «первое недоразумѣніе» Джемсъ такъ высокомѣрно относится къ позитивизму за то, что позитивизмъ считаетъ абсолютную истину для насъ недоступной?

Имѣлъ ли Джемсъ, вообще, основаніе отгораживать себя отъ позитивизма? Отвѣтить на этотъ вопросъ не такъ легко уже по тому одному, что подъ шаблоннымъ терминомъ «позитивизмъ» различные писатели понимаютъ далеко не одно и то же. Помня печальный примѣръ Огюста Конта, объявившаго, что попытки узнать химическій составъ звѣздъ есть «чистая метафизика», и объявившаго это, какъ нарочно, наканунѣ того, какъ спектральный анализъ познакомилъ насъ съ этимъ химическимъ составомъ звѣздъ; помня этотъ и многіе другіе примѣры, всякій человѣкъ, дѣйствительно проникнутый научнымъ духомъ, до тѣхъ поръ не станетъ высказывать категорическихъ сужденій о возможности рѣшенія какого нибудь вопроса, пока онъ не изучитъ всѣхъ обстоятельствъ, обусловливающихъ возможность этого рѣшенія. Стоя на этой точкѣ зрѣнія, мы не станемъ теперь категорически утверждать, что попытка волюнтаристовъ навязать волѣ познавательную функцію совершенно нелѣпа. Но мы можемъ вполнѣ категорически заявить, что все, что до сихъ поръ сдѣлали волюнтаристы всѣхъ оттѣнковъ (слѣдовательно, и прагматисты) для доказательства своего основного положенія о роли воли въ познавательномъ процессѣ, что все это не выдерживаетъ критики.

Понимая подъ позитивизмомъ *научную философію*, философію, отличающуюся отъ науки въ области метода лишь тѣмъ, что она подвергаетъ критикѣ *всѣ свои предпосылки или стремится совсѣмъ обойтись безъ этихъ предпосылокъ* (послѣдняя по времени появленія позитивистическая система—философія Авенаріуса—особенно много сдѣлала въ этомъ направленіи), понимая «позитивизмъ» та-

кимъ образомъ, мы скажемъ, что своимъ эмпиризмомъ прагматизмъ есть разновидность позитивизма; но пока не будетъ создано (если только оно когда либо будетъ создано), ученіе, закономѣрно надѣляющее волю познавательной функціей, до тѣхъ поръ между позитивизмомъ и прагматизмомъ будетъ огромное отличіе. *И это отличіе не къ выгодѣ прагматизма!*

П. Мокіевскій.

СКИТАЛЕЦЪ.

Я не бѣглецъ и не изгнанникъ,
Я свѣтлой воли паладинъ:
Брожу весь вѣкъ, безпечный странникъ,
Всегда съ людьми—всегда одинъ.
Какъ ложе долгаго недуга
Иль сводъ тюрьмы, меня гнетутъ
И скука мирнаго досуга,
И дня размѣреннаго трудъ.
И я иду. Куда? Не знаю...
Туда, гдѣ брежжитъ новый свѣтъ.
Несу невѣдомому краю
Еще несказанный привѣтъ.
Я на чужбинѣ—какъ въ отчизнѣ.
Вездѣ найдутся братья мнѣ,
Вездѣ я—капля въ морѣ жизни,
Въ ея сверкающей волнѣ.
Вездѣ мнѣ солнце путь освѣтитъ,
И знанья лучъ блеснетъ уму,
И сердце женское отвѣтитъ
Улыбкой сердцу моему.
И не спрошу я, угасая:
Гдѣ кончу праздникъ бытія?
И тѣлу все равно: чужая
Земля схоронитъ, иль своя.

Такъ вѣчно въ мірѣ я, скиталецъ,
Черчу спираль, за кругомъ кругъ,
Среди бездушныхъ—постоялецъ,
Среди сердечныхъ—гость и другъ.
Послушный баловень природы,
Ея слуга и господинъ,
Ужъ пересталъ считать я годы,
А все—далёко до сѣдинъ!

А. Колтоновскій.

Чернышевскій въ Сибири.

(По неизданнымъ письмамъ и семейному архиву).

(ЧАСТЬ ВТОРАЯ).

V.

Почему Чернышевскій останавливается съ такою энергіею на предисловіи Фейербаха къ лекціямъ, гдѣ высказывается столь пессимистическій взглядъ на мартовскую революцію въ Германіи? Потому что такимъ же безрезультатнымъ движеніемъ могло казаться для заброшеннаго въ снѣгахъ Чернышевскаго русское движеніе 60-хъ годовъ, окончившееся страшнымъ разгромомъ передовой интеллигенціи и крушеніемъ ея надеждъ. Любопытно, кстати сказать, что самъ Фейербахъ, который былъ такимъ скептикомъ въ предисловіи къ своимъ лекціямъ, написанномъ три года спустя ихъ прочтенія, когда онѣ появились отдѣльной книгой, во время самыхъ лекцій далеко не питалъ столь безотрадныхъ взглядовъ на охватившее Германію движеніе. Наоборотъ, въ самомъ же началѣ лекцій онъ говоритъ, что теперь «является даже обязанностью,— и именно для насъ, не-политическихъ нѣмцевъ,—забыть все изъ-за политики; ибо какъ отдѣльный человѣкъ ничего не достигаетъ и ничего не производитъ, если онъ не обладаетъ силою въ теченіе извѣстнаго времени исключительно заниматься тѣмъ, въ чемъ онъ желаетъ совершить нѣчто, то точно также и человѣчество должно въ извѣстныя времена забывать изъ-за одной задачи всѣ другія, изъ-за одной дѣятельности всѣ другія, разъ только оно желаетъ создать что-нибудь дѣльное и законченное». Фейербахъ даже прямо заявляетъ, что если онъ и читаетъ о религіи, то дѣлаетъ это не безъ нѣкотораго колебанія: «Религія, предметъ этихъ лекцій, конечно, самымъ тѣснымъ образомъ связана съ политикой; но нашъ главнѣйшій интересъ въ настоящее время заключается не въ теоретической, а практической политикѣ. Мы хотимъ участвовать въ политикѣ непосредственно, дѣйственно; намъ не хватаетъ ни спокойствія, ни расположенія духа, ни охоты къ чтенію и писанію,

къ обученію и изученію. Мы достаточно долго занимались и удовлетворялись словами и писаніями; мы требуемъ, чтобы, наконецъ, слово стало плотью, духъ—матеріей; намъ до пресыщенія надоѣлъ политическій, какъ и философскій, идеализмъ; мы желаемъ теперь стать политическими матеріалистами» («Vorlesungen», стр. 1—2).

Читатель видитъ, какъ рѣзко расходится взглядъ Фейербаха на вещи во время самой революціи съ его взглядомъ на вещи три года спустя, хотя въ силу естественной иллюзіи онъ и пріурочиваетъ свой жестокій скептицизмъ какъ разъ къ періоду своего наибольшаго политическаго энтузіазма. Не замѣчается ли того же самаго у Чернышевскаго? Развѣ Чернышевскій, говорившій въ 1859 г. о необходимости для историческихъ дѣятелей ковать желѣзо, пока оно горячо, и не смущаться жертвами, необходимыми для торжества дѣла, и Чернышевскій, подвергавшій въ 1877 г. жестокой критикѣ Тиберія и Кая Гракховъ за ихъ «излишнія горячности», а сторонниковъ этихъ трибуновъ за трусость и зависть къ богачамъ — развѣ не были то какъ бы два различныя лица, между которыми острымъ, мучительнымъ клиномъ вдвинулся крахъ русской революціи 60-хъ годовъ? Развѣ Чернышевскій второго, сибирскаго, періода не могъ относиться съ ироніей и раздраженіемъ къ Чернышевскому перваго періода, отодвигавшему въ сторону результаты своего яснаго анализа обстоятельствъ изъ-за твердаго желанія энергично участвовать въ пересозданіи судебъ злополучной Россіи? Развѣ въ Гракхахъ Чернышевскій не изображаетъ,—можетъ быть, отчасти даже и сознательно, — самого себя, какимъ онъ былъ въ тотъ историческій моментъ, когда его скептицизмъ, опиравшійся на необыкновенно трезвое пониманіе историческихъ условій, уступалъ мѣсто его благородному порыву принести себя въ жертву для великаго преобразованія страны и счастія народа?

Долгіе годы пребыванія въ Сибири не должны были, конечно, пройти для Чернышевскаго безслѣдно. И неустойчивая оппозиція 60-хъ годовъ, а, пожалуй, и сами массы, въ активность которыхъ онъ увѣровалъ въ эпоху своихъ «Писемъ безъ адреса», могли сливаться у него въ представленіи съ тѣми трусливыми и завистливыми къ богачамъ римлянами, которые малодушно оставили когда-то обоготворяемыхъ ими трибуновъ, лишь только жестокіе и могущественные враги Гракховъ вступили въ рѣшительную борьбу съ этими искренними друзьями народа. Вполнѣ можно понять, что кризисъ, постигшій мысль оторваннаго отъ всякой живой дѣйствительности Чернышевскаго, долженъ былъ въ сугубой степени снова привести его къ воззрѣніямъ, къ которымъ въ сущности всегда тяготѣлъ его необыкновенно ясный разсудокъ, и которыя приписывали исключительное значеніе разсѣянію невѣжества и накопленію здравыхъ понятій между людьми. Отсюда въ письмахъ изъ Сибири подчеркиваніе необходимости и цѣлесообразности послѣдовательной и мирной пропаганды идей. И отсюда же отрицаніе волненій и на-

сильственныхъ пертурбацій въ жизни народовъ, особенно въ формѣ столь распространенныхъ въ человѣчествѣ внѣшнихъ войнъ, а отчасти, и внутреннихъ столкновеній.

Въ этомъ послѣднемъ отношеніи мнѣ, напримѣръ, представляется неоспоримымъ, что Чернышевскій 60-хъ годовъ, такъ много и умно писавшій о фатальности и необходимости борьбы сословій на Западѣ, неуклонно проводившихъ въ жизни свои интересы, врядъ ли могъ бы безъ всякой отговорки написать слѣдующія строки въ своихъ «Замѣткахъ о Некрасовѣ», присланныхъ имъ изъ Астрахани, въ декабрѣ 1883 г., Пыпину: «Въ анализѣ... даваемомъ „Біографическими свѣдѣніями" (о Некрасовѣ. Н. Р.) проводится мысль о противоположности успѣшной житейской (въ данномъ случаѣ, коммерческой) дѣятельности благу народа. Точка зрѣнія фантастическая. Мнѣ она всегда казалась фантастической. Мнѣ всегда было тошно читать разсужденія о „гнусности буржуазіи" и обо всемъ тому подобномъ; тошно потому, что эти разсужденія, хоть и внушаемыя „любовью къ народу", вредятъ народу, возбуждая вражду его друзей противъ сословія, интересы котораго, хоть и могутъ часто сталкиваться съ интересами его (какъ сталкиваются очень часто интересы каждой группы самихъ простолюдиновъ съ интересами всей остальной массы простолюдиновъ), но въ сущности одинаковы съ тѣми условіями національной жизни, какія необходимы для блага народа, потому въ сущности тожественны съ интересами народа» (т. X, ч. II, стр. 234—235).

Это мѣсто, на которое, если не ошибаюсь, не было до сихъ поръ обращено вниманія, представляется мнѣ характеристичнымъ для настроенія знаменитаго русскаго соціалиста въ Сибири. Неужели Чернышевскій «Современника», пожавшій наиболѣе обильные лавры въ области политической экономіи изображеніемъ противорѣчиваго характера современнаго хозяйства, проведеніемъ строго рикардіанской точки зрѣнія на противоположность между тенденціями труда и тенденціями капитала въ пику слащавымъ утвержденіямъ отрицавшихъ это буржуазныхъ экономистовъ, Бастіа и Молинари, могъ въ то же время серьезно думать, что интересы буржуазіи и благо народа тожественны? Конечно, нѣтъ. Но подобно тому, какъ Фейербахъ заднимъ числомъ приписывалъ себѣ скептическія идеи, которыхъ у него не было во время революціи, такъ и Чернышевскій заднимъ же числомъ вкладывалъ въ себя идеи о гармоніи интересовъ между эксплуатируемыми и эксплуатирующими, идеи, которыя, конечно, отсутствовали у автора «Примѣчаній», «Капитала и труда», «Экономической дѣятельности и законодательства» и т. п.

Не надо, впрочемъ, придавать этому измѣненію взглядовъ большаго значенія, чѣмъ оно имѣетъ въ дѣйствительности. Стоитъ вамъ только обратить вниманіе на то, что Чернышевскій, этотъ великій интеллектуалистъ, ставилъ въ тѣсную зависимость добро-

дѣтель отъ ума, отъ знанія, какъ вы можете значительно ослабить внутреннюю силу этого противорѣчія. Да, конечно, интересы буржуазіи,—сказалъ бы Чернышевскій и теперь, — противорѣчатъ на практикѣ интересамъ народа. Но почему? Только потому, что буржуазія не хочетъ понять надлежащимъ образомъ своихъ интересовъ. А пойми она ихъ, она себѣ скажетъ, что ея нормальныя потребности, какъ потребности сословія, состоящаго изъ дѣятельныхъ и энергичныхъ личностей, могутъ быть вполнѣ удовлетворены лишь въ новомъ, лучшемъ и разумномъ строѣ, который осуществитъ тѣ самыя требованія общественнаго производства, какія съ такимъ краснорѣчіемъ и энергіею выдвигалъ Чернышевскій въ своихъ знаменитыхъ соціалистическихъ произведеніяхъ на рубежѣ 50-хъ и 60-хъ годовъ. Именно возвращеніе къ прежнему интеллектуализму уже во всей его чистотѣ, безъ всякихъ оговорокъ, заставляло Чернышевскаго рѣзко относиться ко всякимъ такимъ проявленіямъ общественной жизни, въ которыхъ выражаются борьба и столкновеніе плохо понятыхъ интересовъ и которыхъ не должно было бы быть, понимай люди надлежащимъ образомъ то, что имъ нужно, и чего не надо.

Въ связи съ этимъ для Чернышевскаго, уже возвратившагося изъ Сибири, прошедшаго черезъ работу одинокой мысли, которая была надолго оторвана отъ общенія съ дѣйствительностью, характерно то обстоятельство, что въ своихъ «Предисловіяхъ» къ переводу исторіи Вебера онъ почти исключительно разсматривалъ ходъ развитія человѣчества съ самой общей антропологической точки зрѣнія, при томъ почти исключительно подъ угломъ прогрсса знаній, и отнюдь не касался изображенія историческихъ соціальныхъ условій, напримѣръ, экономическаго быта, отношенія между классами, т. е. тѣхъ самыхъ вещей, анализъ которыхъ доставилъ ему такую славу въ 60-хъ годахъ.

И это объясняется, по моему мнѣнію, подобнымъ же образомъ. Снова и снова припомните, что основною чертою Чернышевскаго была необыкновенная трезвость ума. Эту-то ясность мышленія онъ и проектировалъ, если можно такъ выразиться, въ саму исторію, приписывая и въ жизни человѣчества разсудку гораздо большую роль въ дѣлѣ прогресса, чѣмъ какая замѣчается на самомъ дѣлѣ.

Такая черта могла лишь подвергнуться дальнѣйшей гипертрофіи въ Сибири подъ вліяніемъ той разобщенности Николая Гавриловича отъ общественной жизни, на какую мы указывали раньше. Разъ Чернышевскій становился въ далекой тайгѣ безплотнымъ абстрактнымъ духомъ, для котораго интересы отвлеченнаго мышленія становились на первое мѣсто, то подъ этимъ угломъ зрѣнія ему должны были представляться по необходимости второстепенными разныя общественныя формы существованія людей, пока страдающихъ подъ бременемъ невѣжества, хотя и пытающихся внести разумъ и осмысленность въ инстинктивно и нелѣпо складываю-

щуюся соціальную жизнь. Отсюда, по нашему мнѣнію, то настроеніе Чернышевскаго, которое выражается въ письмѣ, гдѣ онъ говоритъ сыну о томъ, что у него прошла всякая охота работать надъ изученіемъ экономическихъ и соціальныхъ условій, а что онъ желаетъ восходить къ основной причинѣ зла. Для него всѣ эти общественныя нестроенія становились лишь несущественными подробностями. Суть дѣла,—разсуждалъ онъ теперь,—заключается «не въ этихъ спеціальностяхъ, а въ общемъ характерѣ обычаевъ». Вотъ почему,—продолжалъ онъ,—у дикарей и бываетъ все плохо (и очень возможно, что подъ этими дикарями Чернышевскій разумѣлъ русскихъ). А у болѣе цивилизованныхъ народовъ, у которыхъ, какъ ему казалось, сознаніе играетъ значительно бо́льшую роль, всѣ эти второстепенныя соціальныя нестроенія уладятся сами собою, разъ вмѣшается въ дѣло разсудокъ. Такъ надо понимать заключительную фразу его письма: «Все сводится къ вопросамъ не матеріальнаго, а нравственнаго порядка». Разумѣется, здѣсь слово «нравственный» употреблено въ значеніи «умственный», «интеллектуальный», а не моральный въ узкомъ смыслѣ этого слова.

VI.

Обрисовавъ общее научно-философское міровоззрѣніе Чернышевскаго и его отношеніе къ общей же исторіи человѣческаго развитія, мы перейдемъ теперь къ отдѣльнымъ, хотя и важнымъ вопросамъ, надъ которыми работалъ умъ Вилюйскаго изгнанника. Читатель, конечно, понимаетъ, что такое дѣленіе не можетъ не быть въ извѣстномъ смыслѣ искусственнымъ. Ибо Николай Гавриловичъ въ своихъ письмахъ, носившихъ, какъ уже было сказано, самый непринужденный характеръ, очень часто переходилъ отъ теоріи къ примѣненію и отъ абстрактныхъ разсужденій къ частнымъ вопросамъ, такъ что рѣзкаго дѣленія между этими двумя областями въ сущности нельзя установить. Сдѣлавъ эту оговорку, мы поставимъ передъ глазами читателя развитіе того или другого взгляда Чернышевскаго въ приложеніи къ отдѣльнымъ задачамъ.

Тутъ вы часто можете замѣтить у Николая Гавриловича стремленіе быть полезнымъ своимъ домочадцамъ въ области тѣхъ вопросовъ, которые потому или другому случаю ставились жизнью передъ его семьей. Но за какую бы практическую задачу ни принимался онъ, она неизмѣнно получаетъ въ его гигантскомъ логическомъ аппаратѣ форму общихъ, зачастую очень интересныхъ соображеній. Такъ, онъ узнаетъ, что здоровье Ольги Сократовны неважно. Сейчасъ же, со всей силой аффективнаго чувства къ женѣ онъ начинаетъ работать надъ этимъ житейскимъ обстоятельствомъ и приходитъ къ заключенію, что Ольгѣ Сократовнѣ нужно поставить себя въ лучшія климатическія условія. Но немедленно же это

практическое требованіе становится у него исходнымъ пунктомъ цѣлаго ряда мыслей о значеніи тѣхъ или иныхъ климатовъ на жизнь человѣческаго организма. Или, старшій сынъ, занимающійся и очень увлекающійся высшей математикой, пишетъ ему о своихъ работахъ. Тотчасъ же Чернышевскій считаетъ своимъ нравственнымъ долгомъ отозваться на эти признанія молодого человѣка и въ свою очередь начинаетъ изучать вопросы, которые подчасъ внушаются ему, а порою и прямо ставятся сыномъ. Подростаетъ другой сынъ, питающій склонность къ филологіи и исторіи,—и вотъ Чернышевскій принимается писать длинныя разсужденія, порою настоящія монографіи, по тѣмъ или другимъ историческимъ вопросамъ, какіе, по его мнѣнію, могутъ интересовать юношу. Иныя изъ этихъ разсужденій не могутъ занимать большую публику, и мы оставляемъ ихъ въ сторонѣ. Но все таки не мѣшаетъ сказать нѣсколько словъ хоть объ ихъ характерѣ, ибо въ ходѣ самихъ разсужденій ярко обрисовывается могучая логическая индивидуальность Чернышевскаго.

Такъ, все письмо отъ 21 января 1875 г. состоитъ изъ соображеній Николая Гавриловича по поводу теоремъ, занимающихъ въ данный моментъ его старшаго сына. Эти теоремы относятся къ высшей арифметикѣ и выражаются его сыномъ на языкѣ формулъ. Но надо видѣть, съ какимъ мастерствомъ, какъ бы играючи и поминутно говоря, что онъ не знаетъ математики, Чернышевскій рѣшаетъ задачи, упоминаемыя сыномъ, чисто арифметическимъ путемъ.

Сынъ, напр., спрашиваетъ его: почему $2^n + (-1)^n 17$ дѣлится на 3. Чернышевскій добродушно-лукаво замѣчаетъ по этому поводу: «Формула очень милая; самъ я не сумѣлъ бы написать такой задачи. Но разобрать ее достало у меня смысла». И вотъ, не сходя ни на минуту съ почвы самой обыкновенной арифметики Чернышевскій, путемъ простѣйшихъ выкладокъ, приходитъ къ выводамъ, которые и являются отвѣтомъ на предложенную задачу. Но тутъ, въ концѣ вычисленій, добродушное торжество овладѣваетъ Чернышевскимъ, и онъ, въ иронической формѣ, не совершенно скрывающей сознаніе своей логической силы, говоритъ: «Посмѣявшись вмѣстѣ со мною надъ моими допотопными пріемами разрѣшенія математическихъ задачъ, ты, въ качествѣ любящаго сына, подумаешь: «Однако-жъ, у этого человѣка, моего почтеннаго родителя, была отъ природы порядочная доза математическихъ способностей»,—да, мой милый, была. Но дѣло не обо мнѣ, а о тебѣ».

Точно также все письмо отъ 30-го октября 1876 г. наполнено выкладками, при помощи которыхъ Чернышевскій путемъ арифметики старается рѣшить задачу, предложенную сыномъ: «Какія комбинаціи фигурныхъ чиселъ даютъ въ своихъ суммахъ числа сложныя?» Послѣ всѣхъ этихъ вычисленій, пересыпанныхъ юмористи-

ческими выпадами противъ себя по поводу своего незнанія высшихъ алгебраическихъ формулъ, Чернышевскій рѣшаетъ задачу и кончаетъ свой отвѣтъ сыну такъ: «Пора отправлять письмо на почту. Буду ли продолжать эпопею моихъ дивныхъ торжествъ надъ трудностями математическаго анализа для человѣка, незнающаго алгебры?—Надѣюсь, до слѣдующей почты сумѣю разсудить. Эпопея едва ли не безконечна, когда авторъ ея учится азбукѣ, сочиняя ее; потому нечего и стараться продолжать ее, — брошу свои таблицы въ печь и тѣмъ отниму у себя возможность продолжать смѣшить тебя». Тутъ сказывается любимая черта Чернышевскаго: въ противоположность педантамъ, любящимъ излагать самые простые вопросы въ головоломной формѣ, Николай Гавриловичъ сложныя проблемы неизмѣнно стремится разрѣшить самымъ простымъ, если возможно для всѣхъ понятнымъ, способомъ. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что лучше немножко мистифицировать даже своихъ близкихъ своимъ мнимымъ незнаніемъ, чѣмъ предаваться столь любимому неоригинальными учеными чванству и щеголянію научнымъ педантизмомъ. Этимъ отчасти и объясняются противорѣчія, которыя можетъ найти въ иныхъ письмахъ Чернышевскаго читатель изъ категоріи «проницательныхъ». Такъ, напр., то Чернышевскій говоритъ, что не читалъ не только спеціальныхъ сочиненій великаго Лапласа, но даже и его знаменитаго популярнаго трактата. То оказывается,—какъ мы видѣли раньше,—что, когда Чернышевскій читалъ Лапласа, то выводы славнаго математика поражали его скорѣе геніальностью изложенія, чѣмъ новизною: до такой степени они казались ему естественно вытекающими изъ того общаго научнаго міропониманія, отцомъ котораго былъ для новѣйшаго времени великій Ньютонъ.

Попутно Чернышевскій добродушно подсмѣивается надъ нѣкоторыми ошибками, которыя онъ допускалъ иной разъ по разсѣянности въ своихъ сочиненіяхъ и которыя не безъ огорченія усматривались послѣ его друзьями. Укажу на одну такую погрѣшность, служившую предметомъ сужденія въ литературѣ о Чернышевскомъ:

«Припоминается мнѣ изъ тѣхъ же замѣтокъ на Милля другой курьезъ,—юмористически повѣствуетъ о себѣ Николай Гавриловичъ.—Есть тамъ разсчеты о дѣйствіи земледѣльческихъ усовершенствованій на урожай хлѣба. Цѣлыя колонны цифръ. Все вычислено посредствомъ логарифмовъ. Но—вотъ штука!—колонна результатовъ вычислена по масштабу, который я бросилъ, вычеркнулъ, а основная колонна вычислена по другому масштабу. И выходитъ нѣчто въ такомъ вкусѣ:

$$2\times 2=5$$
$$3\times 2=7^1/_7$$
$$4\times 2=9^2/_9$$

Этотъ курьезъ въ моихъ ученыхъ трудахъ открылъ не самъ я, а одинъ изъ моихъ знакомыхъ, имѣвшій терпѣніе провѣрять всѣ

мои разсужденія по таблицамъ логаритмовъ. Онъ былъ очень огорченъ такимъ моимъ недосмотромъ» (Письмо отъ 21 апрѣля 1877 г.) *).

Мы лишь вскользь коснемся и тѣхъ научныхъ вопросовъ, которые относятся, собственно, къ области естествознанія, и преимущественно будетъ знакомить читателей съ соображеніями Чернышевскаго въ сферѣ общественныхъ наукъ. Но какъ не упомянуть хоть нѣкоторыхъ задачъ, напр., чисто географическаго или, если хотите, космографическаго характера, которыя старался рѣшать Чернышевскій, и рѣшать всегда самостоятельно. Напримѣръ, два длинныхъ письма отъ 17 марта и отъ 27 апрѣля 1876 года заняты выкладками, имѣющими цѣлью доказать, повидимому, парадоксальное положеніе, относящееся къ физической географіи: «До тропика и, вѣроятно, довольно много за тропикъ—мнѣ казалось, до параллели около 32° или 34°, жаръ лѣта все растетъ съ широтою, и быть можетъ, даже подъ 40° или 42° нормальный зной наиболѣе теплыхъ двухъ—трехъ недѣль выше наибольшаго тепла подъ экваторомъ». Эти выкладки на столько увлекали Чернышевскаго въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, что онъ даже пишетъ какъ-то по этому поводу сыну: «Смѣхъ смѣхомъ, но ты видишь, въ чемъ серьезная сторона дѣла: я не долженъ учиться математикѣ, потому что я расположенъ былъ бы заинтересоваться ею въ такой степени, что отнялъ бы у себя слишкомъ много времени; пожалуй, сталъ бы даже забывать другія отрасли знаній. А въ мои лѣта ужъ поздно перемѣнять предметы своихъ ученыхъ занятій».

Кстати сказать, эти выкладки легли въ основаніе одного изъ предисловій Чернышевскаго къ его переводу исторіи Вебера, а именно, того приложенія, которое говоритъ объ астрономическомъ законѣ распредѣленія солнечной теплоты (см. т. X, ч. II, стран. 188—204). Это есть такъ называемая въ трактатахъ метеорологіи проблема о солнечномъ климатѣ, та самая проблема, которая, по выраженію одного изъ современныхъ ученыхъ въ этой области «представляетъ значительныя аналитическія трудности и имѣетъ главнымъ образомъ, чисто теоретическій интересъ» (А. В. Клос-

---

*) Если не ошибаюсь, этимъ «знакомымъ» былъ Шелгуновъ, который на мое недоумѣніе по поводу этихъ выкладокъ Чернышевскаго, ошибочность коихъ была подмѣчаема не разъ въ нашихъ кружкахъ молодежи, основательно штудировавшей «Примѣчанія» въ 70-хъ годахъ, отвѣтилъ мнѣ (приблизительно въ 1879—1880 г.), что эта ошибка была указана Николаю Гавриловичу еще при самомъ печатаніи его статей въ «Современникѣ»; но что она скорѣе досадна, чѣмъ важна, такъ какъ дѣло тутъ въ общихъ тенденціяхъ цифръ. Мѣста «Примѣчаній», относящіяся къ этому вопросу, находятся въ «Собр. соч.», т. VII, стр. 254—260 и 295—299. Г. Плехановъ еще въ «Соціалъ-Демократѣ» (Женева, 1892, № 4) отмѣтилъ неточность нѣкоторыхъ изъ этихъ вычисленій. Ср. его «Н. Г. Чернышевскій», Спб., 1910, стр. 507—518;—и М. Антоновъ, «Н. Г. Чернышевскій. Соціально-философскій этюдъ»; Москва, 1910, стр. 244 и слѣд.

совскій, «Основы Метеорологіи»; Одесса, 1910 г., стр. 107). Но Чернышевскаго и эта задача интересовала опять-таки, главнымъ образомъ, съ антропологической точки зрѣнія, такъ какъ ему было важно знать, хотя бы въ абстрактной формѣ, какія естественныя условія даются количествомъ солнечнаго тепла для возможности жизни на землѣ подъ различными широтами.

Эта проблема находится у Чернышевскаго въ тѣсной связи съ его теоріей о томъ, что истинная родина человѣчества — подъ экваторомъ, и что наилучшія условія для развитія организмовъ—въ сущности тамъ, гдѣ климатическая среда не особенно рѣзко отличается отъ первоначальной, по его мнѣнію, тропической родины человѣка. А это, въ свою очередь, связывается у него съ общимъ представленіемъ о ходѣ цивилизаціи, съ представленіемъ, согласно которому развитіе человѣка зависитъ не столько отъ его борьбы съ внѣшней средой и себѣ подобными, сколько отъ раціональнаго и дружнаго употребленія людьми силъ природы на свою пользу. Въ обычныхъ разсужденіяхъ ученыхъ на ту тему, что экваторъ разслабляетъ, а лишь умѣренныя полосы укрѣпляютъ способности человѣка, Чернышевскій видитъ одно изъ проявленій фразеологіи. Лишь историческія условія, по его мнѣнію, сдѣлали то, что естественная благопріятность теплыхъ климатовъ была парализована для развитія человѣчества, а сравнительно неблагопріятная среда умѣренныхъ поясовъ была нейтрализована болѣе удачно сложившимися культурными вліяніями.

Этотъ вопросъ даетъ возможность снова и снова вернуться Чернышевскому къ его излюбленной темѣ о томъ, что иныя, якобы, чисто научныя теоріи въ сущности не имѣютъ ничего научнаго, а внушаются лишь предразсудками тѣхъ лицъ, группъ и сословій которымъ данное представленіе кажется желательнымъ. Такъ, въ упомянутомъ письмѣ отъ 27 апрѣля, Чернышевскій, упомянувъ, что родина людей—подъ экваторомъ, и что наилучшія условія жизни продолжали бы существовать для человѣка тамъ, гдѣ онъ и возникъ, если бы не мѣшали этому извѣстныя историческія обстоятельства,—Чернышевскій ставитъ вопросъ, обычно повторяемый большинствомъ историковъ культуры: «Отчего же подъ экваторомъ варварство»? И отвѣчаетъ на него такъ: «А отъ того же, отъ чего въ Марокко плохія овцы, да и въ Испаніи не очень хороши. Вы видите, мои друзья (письмо написано къ обоимъ сыновьямъ. Н. Р.): все, что толкуютъ о выгодности такъ называемаго умѣреннаго климата для развитія, кажется мнѣ вздоромъ, и «умѣренный климатъ» я не считаю заслуживающимъ имени «умѣреннаго». Это—климатъ теплаго лѣта и холодной зимы. Умѣренный климатъ—по моему, климатъ острововъ Тихаго Океана. Въ экваторіальной полосѣ южной Америки, на загангскомъ полуостровѣ, въ Остъ-Индіи, средней Африкѣ, много областей съ такимъ же климатомъ... Жить въ Калькуттѣ, въ болотѣ, одѣваясь по англій-

скому климату, пьянствуя и обжираясь мясомъ,—то, конечно, вывезешь понятіе: «въ Индіи жарко». Вспомните, мои друзья: Гумбольдтъ, поживши въ области Амазонской рѣки, дрожалъ въ Гаваннѣ при 20° Цельсія. То же свидѣтельствуютъ другіе разумные наблюдатели: 20° Цельсія, это температура, не чрезмѣрно холодная лишь въ нашихъ закупоренныхъ комнатахъ, гдѣ воздухъ неподвиженъ, и лишь въ нашей тяжелой двойной и тройной одеждѣ. Это ли здоровый воздухъ? Это ли здоровая одежда? Медики теперь начали постигать: нѣтъ,—это лазаретный воздухъ, это міазматическая одежда.

«Но работать подъ экваторомъ тяжело»—теперь постигли, въ чемъ тутъ штука: южные плантаторы Соединенныхъ Штатовъ нанимали ученыхъ внушать это сѣвернымъ штатамъ: «Не троньте рабства негровъ; безъ нихъ нельзя намъ обойтись». Но есть еще соображеніе: «Работать подъ экваторомъ тяжело»; а легко работать гдѣ бы то ни было? Нигдѣ не легче. Я, бывало, въ Забайкальѣ сматривалъ, какъ пилятъ лѣсъ при 25° мороза: посбросано все платье до рубашки, и потъ льется градомъ. Это здорово? Въ чемъ же дѣло? Пока люди не заботятся объ удобствахъ своей работы, работать вездѣ трудно. Но легче всего все-таки въ комнатной, т. е., приблизительно, экваторіальной температурѣ: въ ней дыханіе свободнѣе и потъ улетаетъ быстрѣе, чѣмъ на холодѣ. «Но вертикальные лучи?» Но для стоящаго или идущаго человѣка вертикальные лучи—лучи параллельные горизонтальной плоскости... Нравоученіе? Шляпа съ широкими полями; безъ нея на Забайкальѣ не рѣдкость солнечные удары; здѣсь не слышалъ о нихъ, потому что мало разговариваю; но не удивлюсь, если услышу, что и здѣсь на сѣнокосѣ получаются они. Время сѣнокоса, время знойныхъ дней и здѣсь. А вся работа здѣсь—сѣнокосъ; въ немъ весь источникъ жизни. И вездѣ, гдѣ не круглый годъ ровное тепло, время работы—знойное время года. «Но все-таки экваторіальный климатъ разслабляетъ мускулы». Это и видно изъ сравненія европейскихъ воронъ, лѣнивыхъ и вялыхъ, съ ихъ экваторіальными сестрами, райскими птицами, которыя всю жизнь проводятъ летая. А колибри тоже не побойчѣе ли всѣхъ нашихъ птичекъ того же семейства? И слабы мускулы у обезьянъ! И вялыя существа онѣ! Но я, вѣроятно, ошибаюсь, полагая, что эти мысли объ экваторіальномъ климатѣ еще нуждаются въ разъясненіи, какъ было то въ мою молодость. Онъ одинъ истинно хорошъ для человѣка; онъ лучше всякаго другого для развитія, для всякаго развитія: и физическаго, и нравственнаго, и умственнаго. Но цивилизація развилась не въ немъ. Почему такъ? Прежнія разъясненія о благотворности греческаго,—послѣ французскаго, нѣмецкаго и англійскаго климата не выдерживаютъ критики. Дѣло зависѣло не отъ преимуществъ климата (Греція хуже Остъ-Индіи; объ Англіи и толковать нечего: она хуже даже Франціи,

не то что Греціи)... P. S. Дѣло объясняется не климатомъ, а историческими условіями».

VIII.

Какія же то условія? Всѣ тѣ, которыя, по мнѣнію банальныхъ историковъ и ученыхъ, способствовали мнимому прогрессу путемъ борьбы, рѣзни, вражды національностей, и которыя, по глубокому убѣжденію Чернышевскаго, лишь препятствовали человѣчеству развиваться на почвѣ надлежащаго удовлетворенія нормальныхъ потребностей путемъ разумной жизни и, стало быть, какъ полагаетъ нашъ мыслитель, путемъ развитія чувствъ доброжелательности между людьми. Мы приведемъ сейчасъ длинную цитату, интересную тѣмъ, что въ ней общіе взгляды Чернышевскаго на прогрессъ тѣсно связываются съ указаніемъ на извѣстныя конкретныя условія, и попутно дается рѣзкая критика тѣхъ мыслителей, въ которыхъ Николай Гавриловичъ видитъ вредныхъ теоретиковъ борьбы, софистически защищающихъ полезность столкновеній въ общественной жизни. «Не все старое кажется мнѣ хуже новаго,—пишетъ Чернышевскій своему младшему сыну въ письмѣ отъ 17 марта 1876 г.—Люди прогрессивнаго образа мыслей очень часто ошибаются, по моему мнѣнію, увлекаясь основною своею темою: «старина хуже новаго». Приведу два примѣра. У меня здѣсь былъ русскій переводъ книги Беджгота (Bagehot). Эта книженка произвела на меня такое омерзительное впечатлѣніе, что я надѣлалъ изъ нея лодочекъ и корабликовъ и пустилъ ихъ плыть по рѣкѣ, протекающей подъ моими окнами. Серьезно, мой милый, пошалилъ я такъ надъ этимъ скотомъ Беджготомъ. Черезъ нѣсколько времени получилъ я (нѣмецкій подлинникъ) «Исторію культуры» Гелльвальда (Hellwald). У него то же самое, что у Беджгота: «всякая перемѣна—новая ступень прогресса». Омерзительно, но ужъ не ново послѣ Беджгота. Потому я ужъ и не изорвалъ эту гадкую книгу.

«Въ чемъ и откуда гадость у Беджгота и Гелльвальда? У Беджгота изъ Дарвина. О Дарвинѣ я писалъ годъ тому назадъ твоему брату. Саша въ отвѣтъ спросилъ меня: неужели я противникъ Дарвинизма? Я разсудилъ, что это сомнѣніе у него мимолетное, что онъ и безъ меня разберетъ, въ чемъ вздоръ, въ чемъ правда у Дарвина. Дѣло въ томъ, что я старикъ (здѣсь я читаю сноску М. Н. Чернышевскаго: «Въ 1876 году отцу было 48 лѣтъ». Н. Р.). Я сформировалъ свой образъ мыслей о ботанической и зоологической исторіи по книгамъ 18-го вѣка и, главнымъ образомъ, по Ламарку. Дарвинизмъ для меня—не новость своими справедливыми сторонами. Но Дарвинъ, учившись по Кювье, не зналъ Ламарка (человѣкъ скромный, онъ самъ сознается въ томъ)

и толчокъ къ обдумыванію начавшей мелькать передъ его умомъ истины онъ получилъ, по несчастному для науки случаю, отъ Мальтуса. А Мальтусъ это—софистъ, говорившій очень много очень умныхъ вещей, но съ цѣлью очень дурною: онъ былъ противникъ прогресса. Гадость Мальтусіанизма и перешла въ ученіе Дарвина: «послѣдствія дурныхъ вещей хороши»,—изъ зла рождается добро; и, собственно говоря, поэтому: добро есть зло, зло есть добро.

«Безсмысленная, гадкая путаница словъ. У Дарвина она остается довольно невинною глупостью, потому что забота о благѣ растеній и животныхъ не составляетъ особенно важнаго элемента нашей человѣческой, совѣсти. Но когда глупость эта переносится на исторію людей, то изъ глупости она становится звѣрствомъ, безчеловѣчіемъ. Какіе-нибудь трилобиты или аммониты вытѣснены изъ жизни новыми зоологическими формами. Это дѣло насъ не касается. Но негры въ Африкѣ свирѣпствуютъ другъ надъ другомъ: это хорошо или нѣтъ? По Мальтусу и Дарвину хорошо. Значитъ, если мы, бѣлые, перерѣжемъ всѣхъ негровъ, то будетъ еще лучше? Да. Оно, быть можетъ, и было бы точно «да», «хорошо», если бы не одно обстоятельство: пока мы, бѣлые, успѣемъ перерѣзать негровъ, мы, благодаря такому прекрасному нашему занятію, сдѣлаемся такими же варварами, скотами, подлецами какъ негры. Итакъ: пусть лучше остаемся мы на одномъ кускѣ Африки и воздѣлываемъ его, чѣмъ воздѣлывать всю Африку, если нельзя намъ разселиться по всему пространству ея безъ истребленія негровъ. Правда, мы остаемся менѣе богаты и многочисленны чѣмъ было бы, если бы занимали мы всю Африку, при сохраненіи нами нынѣшнихъ качествъ. Но нашихъ нынѣшнихъ качествъ мы не можемъ сохранить иначе, какъ воздерживаясь отъ подлостей и злодѣйствъ. А потерявши эти качества, мы лишились бы того благосостоянія, какимъ пользуемся теперь. Поэтому, распространеніе нашей расы по Африкѣ будетъ лишь на столько полезно для нашей расы, на сколько оно будетъ идти способами честными и добрыми; а на сколько оно будетъ совершаться дурными средствами, на столько будетъ оно понижать уровень нашей цивилизаціи, и всѣхъ нашихъ хорошихъ качествъ и, въ результатѣ, даже уровень нашего матеріальнаго благосостоянія.

«Этого не зналъ Дарвинъ. И, пожалуй, не было его обязанностью изслѣдовать эти истины, не относящіяся къ кругу его спеціальныхъ занятій. Но такъ какъ онъ былъ невѣжда по этимъ вопросамъ, онъ сбился съ толку на Мальтусѣ, а за нимъ сбились съ толку и историки въ родѣ Беджгота; у Гелльвальда, кромѣ гадости изъ Мальтуса, преподанной Дарвиномъ, есть мерзость изъ Шопенгауэра, или Гартмана ужъ?—не помню, кто изъ нихъ былъ источникомъ ума для Гелльвальда; оба они равны по уму. Ихъ мудрость: «все мимолетно; все равно, умны ли будемъ или

глупы,—и умъ нашъ не вѣченъ, и глупость не вѣчна, да и сама земля упадетъ со временемъ на солнце: то не все ли равно, какъ мы теперь живемъ на ней?»—т. е. стихотвореніе Лермонтова:

И скучно, и грустно, и т. д.—помнишь?
Что страсти? Вѣдь рано иль поздно ихъ сладкій недугъ
Исчезнетъ при словѣ разсудка, и т. д.,—

размышленія очень основательныя для часовъ, когда трещала голова у бѣднаго юноши послѣ кутежа съ безпутными товарищами. Но возводить подобныя Katzenjammer'ныя ощущенія въ философскую систему—нелѣпость. Шопенгауэръ совершилъ ее, а Гелльвальдъ примѣнилъ эту мудрость съ похмелья, сочиненную Лермонтовымъ, и по чрезмѣрному остроумному глубокомыслію, т. е. по тупоумію, придуманному Шопенгауэромъ, примѣнилъ ее къ обработкѣ поля всеобщей исторіи. Результатъ—глупѣйшая мерзость.

«Я говорю о новыхъ глупостяхъ. Но очень, очень много есть въ историческихъ книгахъ и старыхъ пошлыхъ понятій. Столько ихъ, что перечислять ихъ—считать звѣзды млечнаго пути, песокъ на морскомъ берегу. Но общая характеристика ихъ всѣхъ, и старыхъ, и новыхъ: онѣ противны правиламъ чести и чувствамъ добра. Добро и разумность это—два термина, въ сущности равнозначущіе. Это одно и то же качество однихъ и тѣхъ же фактовъ, только разсматриваемое съ разныхъ точекъ зрѣнія: что съ теоретической точки зрѣнія разумность, то съ практической точки зрѣнія—добро; и наоборотъ: что добро, то непремѣнно и разумно. Это—основная истина всѣхъ отраслей знанія, относящихся къ человѣческой жизни; потому, это основная истина и всеобщей исторіи. Это коренной законъ природы всѣхъ разумныхъ существъ. И если на какой-нибудь другой планетѣ живутъ разумныя существа, это—непреложный законъ и ихъ жизни, все равно, какъ непреложны наши земные законы механики или химіи для движенія тѣлъ и для сочетанія элементовъ и на той планетѣ. Критеріумъ историческихъ фактовъ всѣхъ вѣковъ и народовъ — честь и совѣсть».

Здѣсь мы позволимъ себѣ сдѣлать нѣсколько поясняющихъ замѣчаній, которыя помогутъ читателю лучше схватить смыслъ предлагаемой цитаты. Можетъ быть, нигдѣ въ другомъ мѣстѣ Чернышевскій не подчеркнулъ съ большею энергіею принципъ интеллектуализма: добро и разумность—одно и то же. Точно читаешь философскіе діалоги Платона или «Достопамятности» Ксенофонта, гдѣ Сократъ рисуется доказывающимъ положенія, что то, что разумно, то и благо, и что то, что благо, то и полезно: «мудрость есть и справедливость, и всякая другая добродѣтель; знающіе то, что прекрасно и что хорошо, не могутъ ничего предпочитать другого этому (οὐδὲν προελέσθαι), а не знающіе не могутъ поступать, какъ должно». Лишь такая основная идея позволяетъ Чернышевскому

отожествить объективное изслѣдованіе истины съ субъективнымъ исканіемъ правды. Крайне характеристично для Чернышевскаго, что, хотя онъ характеризуетъ недостатки поборниковъ принципа борьбы за существованіе прежде всего въ терминахъ глупости, это, однако, не мѣшаетъ ему при общей оцѣнкѣ ихъ бросать имъ обвиненія въ подлости. На этой ступени интеллектуализмъ, именно въ силу всеобщности, какую придавалъ ему Чернышевскій, захватываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и сторону человѣческаго чувства, сознанія добра и зла,—словомъ, нравственной оцѣнки. Казалось бы, странно сказать: истина есть честь, и совѣсть есть истина. И, однако, такова мысль Чернышевскаго. Мальтусъ, Дарвинъ, Беджготъ, Геллbвальдъ и Шопенгауэръ, и Гартманъ,—всѣ они грѣшатъ, во мнѣніи Чернышевскаго, одновременно и противъ законовъ логики, и противъ законовъ добра.

Въ частности легко, напр., понять, съ какимъ раздраженіемъ долженъ былъ Чернышевскій читать книжку остроумнаго, но поверхностнаго, дарвиниста Беджгота «Естествознаніе и политика», въ которой авторъ, какъ уже явствовало изъ самаго заглавія его работы, примѣнялъ принципы «естественнаго отбора» и «наслѣдственности» къ политическому обществу. Этотъ бойко написанный трактатъ, вѣрнѣе сказать, памфлетъ, съ начала до конца является апологіей столкновенія, борьбы, порабощенія слабѣйшихъ расъ сильнѣйшими, мирныхъ націй воинственными и т. д., съ той оговоркой автора, что всѣ эти безобразія необходимы, молъ, въ теченіе значительнаго промежутка времени, когда человѣчество жило первобытною жизнью, для того, чтобы въ послѣдующемъ періодѣ могло вырасти современное политическое общество, обнаруживающее мирный и законный характеръ внутри себя, но предоставляющее себѣ право и теперь побѣждать и порабощать національности и расы, какія въ своей высшей политической мудрости оно сочтетъ «низшими».

Какъ враждебно, дѣйствительно, глубоко гуманный Чернышевскій долженъ былъ отнестись къ одному изъ трехъ основныхъ, по мнѣнію Беджгота, законовъ, который гласитъ: «Во всякомъ состояніи міра тѣ націи, которыя являются сильнѣйшими, стремятся получить господство надъ другими; и въ извѣстныхъ рѣзко обозначающихся особенностяхъ сильнѣйшія стремятся быть и лучшими»? (Walter Bagehot, «Physics and politics»; Лондонъ, 1872, стр. 43).

Съ какимъ чувствомъ презрѣнія къ глупости и вмѣстѣ жестокости Беджгота долженъ былъ Чернышевскій выслушивать разсужденія автора на ту тему, что въ первобытномъ человѣчествѣ было всего полезнѣе и лучше для племенъ замыкаться отъ окружающихъ ихъ сосѣдей, обрушиваться на нихъ всѣмъ вѣсомъ расовой ненависти, вырабатывать изъ себя великую націю путемъ порабощенія, а раньше, и прямого избіенія слабѣйшихъ племенъ. Уже названія нѣкоторыхъ главъ, въ родѣ, напр., главы II-ой, гово-

рящей о «роли столкновеній» (такъ приходится приблизительно переводить непереводимый буквально терминъ «Use of conflict»), равно какъ содержаніе цѣлыхъ отдѣловъ объ «Образованіи національности», представляющихъ собою руководство къ подавленію слабыхъ сильными,—уже однѣ эти особенности книги должны были глубоко претить Чернышевскому.

А что долженъ былъ нашъ мыслитель чувствовать, пробѣгая страницы «Исторіи культуры» Фридриха фонъ-Гелльвальда, этого своеобразнаго антрополога-дарвиниста изъ офицеровъ, который съ видимымъ удовольствіемъ доказывалъ всеобщность и вѣчную неизбѣжность самой жестокой борьбы въ человѣческомъ обществѣ, а свою книгу заключалъ ироническимъ утѣшеніемъ чувствительныхъ душъ насчетъ того, что эта грызня прекратится лишь тогда, когда прекратится и весь «человѣческій родъ, его культура, его старанія и стремленія, его сознанія и идеалы», потому что тогда лишь будетъ царствовать «вѣчный покой смерти и равновѣсія на землѣ» (Friedrich von Hellwald, «Culturgeschichte in ihrer natürlicher Entwicklung bis sur Gegenwart»; Аугсбургъ, 1874, стр. 800). Развѣ не должна была казаться Чернышевскому мерзостью вся эта книга, лейтмотивомъ которой можно было бы поставить слѣдующую цитату изъ нея же: «Война... представляетъ собою одно изъ самыхъ древнѣйшихъ естественныхъ явленій... Въ защиту войны вся природа выступаетъ свидѣтельницей; она лежитъ въ основѣ характера всѣхъ органическихъ существъ, да и между людьми, при всемъ ростѣ нравственности, не можетъ ничего потерять въ своей остротѣ. Я спѣшу тѣмъ болѣе подчеркнуть это, что неоднократно писалось противъ войны, и раздавались горячія проповѣди противъ нея, какъ будто это явленіе возможно когда-либо изгнать изъ органической природы; да, есть даже такіе мечтатели, въ душѣ которыхъ носится совершенно серьезно идеалъ «вѣчнаго мира». Здравыя культурно-историческія изслѣдованія должны быстро разогнать такія фантазіи» (Ibid. 44—45).

Ничто въ особенности такъ не раздражаетъ Чернышевскаго, какъ незаконное перескакиваніе съ естественно-научной точки зрѣнія на общественную и съ общественной на естественно-научную, зачастую подъ вліяніемъ предразсудковъ и интересовъ сословныхъ группъ, старающихся пригонять истину къ своимъ практическимъ потребностямъ. Это не значитъ, что Чернышевскій отрицаетъ всеобщность великихъ законовъ природы, проявляющихся во всемъ мірозданіи, начиная отъ движенія космической матеріи и кончая самыми тонкими созданіями человѣческаго ума. Но Чернышевскій энергично вооружается противъ дешевыхъ аналогій, цѣликомъ переносимыхъ безъ критики изъ одной сферы изученія въ другую. Такъ, онъ крайне негодуетъ на натуралистовъ, которые даже въ области своей спеціальности руководствуются сплошь и рядомъ плохо извѣстными имъ данными историческихъ и вообще

общественныхъ наукъ, при томъ данными, искажаемыми произволомъ заинтересованныхъ авторовъ. Въ письмѣ отъ 27 апрѣля 1876 г. онъ, напр., говоритъ: «Во всеобщей исторіи владычествуетъ ученое невѣжество. Это—хаосъ всяческой безсмыслицы, нахватанной изо всяческихъ кучъ ученаго хлама. Правильныя понятія о ходѣ человѣческихъ дѣлъ высказывались тысячи разъ, тысячами мыслителей, но высказывались они въ трактатахъ о законахъ личной жизни (морали), или въ юридическихъ и тому подобныхъ трактатахъ. А авторы лѣтописей и историческихъ монографій не умѣли пользоваться этими истинами, и въ трактатахъ о всеобщей исторіи эти истины завалены хламомъ всяческихъ односторонностей и лжей, набранныхъ изъ монографій, лѣтописей, изъ архивнаго сора. Разобрать эти груды мусора оказывается до сихъ поръ не по силамъ еще никому изъ ученыхъ, пишущихъ о всеобщей исторіи». А между тѣмъ такими то плохими обобщеніями изъ историческихъ трактатовъ и другихъ сочиненій по общественнымъ наукамъ вдохновляются зачастую, повидимому, очень сильные естествоиспытатели, плохо знающіе эти чуждыя имъ науки и переносящіе цѣликомъ проводимыя тамъ нѣкоторыя идеи въ свою спеціальную область.

Мы видѣли, напр., въ какой степени Дарвинъ, по мнѣнію Чернышевскаго, былъ отведенъ въ сторону отъ безпристрастнаго изученія вопроса объ измѣняемости формъ увлеченіемъ мальтусіанской теоріей ожесточенной борьбы между живыми существами. То же случается,—говоритъ Чернышевскій,—и съ Бэромъ, законъ котораго, такъ и называемый его именемъ, считается «непоколебимою истиною». А между тѣмъ,—продолжаетъ нашъ мыслитель,—этотъ законъ, гласящій: «степень совершенства организма пропорціональна его дифференціаціи», взятъ по аналогіи изъ аргументаціи Адама Смита, доказывающаго важность раздѣленія труда въ области политической экономіи: «Бэръ—великій ученый (пишетъ Чернышевскій 15 сентября того же 1876 года); далеко не равный Дарвину,—съ которымъ чуть ли не споритъ, отрицая чуть ли не одно только то, что совершенно справедливо у Дарвина: трансформизмъ; но, хоть и не равный Дарвину, все таки великій ученый. Великій, да. И его «законъ», какъ теорія Дарвина, имѣетъ въ себѣ кое-что совершенно справедливое: организмъ моллюска менѣе дифференцированъ, чѣмъ организмъ рыбы; дифференціація въ млекопитающемъ еще больше, чѣмъ въ рыбѣ. Это такъ. Но почему же бы это считать не случайнымъ совпаденіемъ фактовъ, а закономъ природы?—Потому, говоритъ Бэръ, что при раздѣленіи функцій между разными органами, каждая функція будетъ совершаться лучше.—Такъ.—А это почему такъ? Ни зоологія, ни ботаника, ни физіологія не въ состояніи объяснить, почему такъ. Откуда же узналъ Бэръ, что это такъ?—Изъ книги Адама Смита. Тамъ доказывается, что для успѣшности, напр., выдѣлки гвоздей, булавокъ и игральныхъ картъ полезно, чтобы отдѣльные фазисы

производства, напр., булавки, раздѣлены между разными работниками.—О булавкахъ это, положимъ, правда. Но что изъ того слѣдуетъ, напр., о глазѣ млекопитающаго»? И Чернышевскій остроумно доказываетъ, что если бы мы желали цѣликомъ руководиться при этой біологической аргументаціи разсужденіями Адама Смита, то идеальнымъ глазомъ долженъ былъ бы явиться глазъ, который, напр., утратилъ уже способность различать цвѣта, но за то тѣмъ съ большею точностью замѣчаетъ всѣ самомалѣйшія очертанія предметовъ.

Это въ извѣстной степени должно напомнить читателю мысли, которыя высказывалъ въ своей теоріи о борьбѣ за индивидуальность Н. К. Михайловскій, возставая, путемъ различенія между степенью и типомъ развитія, противъ чрезвычайно далеко идущей односторонности организма, какъ признака его совершенства. Что касается до Чернышевскаго, то онъ видитъ высоту индивидуума въ развитіи нервной системы, которая позволяетъ данному организму наилучше координировать его сношенія съ внѣшнимъ міромъ при помощи различныхъ органовъ. Здѣсь передъ нами тотъ самый Чернышевскій, который въ области политической экономіи съ необыкновеннымъ искусствомъ и убѣдительностью изображалъ вредныя вліянія чрезмѣрнаго раздѣленія труда и выставлялъ требованіемъ нормальнаго человѣка, занятаго въ производствѣ, возможность переходить, при помощи усовершенствованныхъ машинъ, отъ одного занятія къ другому, оставаясь все той же высоко развитой и гармонично цѣльной личностью.

VIII.

Какъ бы то ни было, научное міровоззрѣніе, которое, по мнѣнію Чернышевскаго, должно охватывать всѣ явленія природы и человѣческой жизни, позволяетъ намъ установить въ приложеніи къ общественнымъ наукамъ нѣкоторыя основныя истины, не терпящія, какъ въ томъ убѣжденъ Чернышевскій, никакихъ исключеній. Къ такимъ истинамъ относится, напр., убѣжденіе въ убыточности вражды между различными дѣленіями человѣчества, т. е. опять таки убѣжденіе въ «убыточности незнанія», какъ это выражалось на языкѣ 60 годовъ. Ибо и самыя проявленія этой вражды съ точки зрѣнія интеллектуалистовъ объясняются незнаніемъ нормальныхъ условій для благополучія и развитія человѣчества. Не одинъ разъ, съ крайнимъ жаромъ и энергіею, Чернышевскій возстаетъ противъ войнъ, которымъ нѣкоторые историки приписываютъ, несмотря на массу всѣми обычно сознаваемаго зла, приносимаго ими, нѣкоторыя общія благодѣтельныя послѣдствія для развитія прогресса.

Въ письмѣ отъ 25 марта 1875 г. Николай Гавриловичъ гово-

ритъ, обращаясь къ своему младшему сыну: «Ты любишь заниматься исторіею; это сходно и съ моими личными склонностями. Ты ужъ не ребенокъ; потому, поймешь мои мысли объ исторіи. Напишу важнѣйшіе выводы изъ моихъ—очень серьезныхъ—занятій ею.

«Источники, по которымъ пишутся историческія книги, имѣютъ почти всѣ одинъ общій недостатокъ: незнакомство съ законами человѣческой природы; это все похоже на разговоры профановъ о медицинѣ: кое что справедливо, но масса сужденій — невѣжественна.

«Законы человѣческой природы: умъ и честность, это одно и то же; умъ и доброе сердце, это одно и то же. Бойкость рѣчи, бойкость характера не ведутъ ни къ чему полезному для людей, если мотивомъ словъ и поступковъ бываетъ не чувство любви къ людямъ.

«Исторія вся сплошь набита похвалами фактамъ, которыхъ не можетъ оправдывать добрый, честный, неглупый человѣкъ. Всѣ эти похвалы—невѣжество, перенесенное авторами историческихъ трактатовъ въ ихъ книги изъ невѣжественныхъ источниковъ; всѣ эти похвалы—вздоръ, нелѣпость.

«Напримѣръ. Больше всего говорится въ исторіи о военныхъ дѣлахъ. Никогда, никакая наступательная война не была полезна націи, которая вела ее. Въ историческихъ книгахъ очень часто не то; но во всѣхъ такихъ случаяхъ авторы ошибаются. Беру первый фактъ большого размѣра въ этомъ родѣ, хорошо извѣстный намъ,—войны грековъ съ персами. Отбивши у персовъ греческіе города въ Малой Азіи,—греки европейской Греціи не ограничились этимъ честнымъ дѣломъ. Они увлеклись разсчетами выгодъ; завоевать области, которыя желали оставаться подъ властью персовъ, стало цѣлью войны противъ персовъ; это и было истинной причиной погибели Греціи: она обезсилила себя; сначала Аѳины пали, потому что персы, доведенные ими до отчаянія, обратили всѣ богатства Азіи на наемъ дисциплинированныхъ армій и хорошихъ флотовъ противъ аѳинянъ; это и есть то, что называютъ второй половиной Пелопоннесской войны. Спартанцы были тутъ наемниками персовъ. И послужили персамъ такъ усердно, что истощили свою кровь на пагубу Аѳинъ. Вотъ въ чемъ и причина погибели Греціи. Прежде чѣмъ греки успѣли оправиться отъ Пелопоннесской войны, Греція была подавлена нашествіемъ иностранцевъ,—македоняне были не греки: вотъ въ чемъ сущность дѣла.—Историки будутъ разсуждать о другихъ причинахъ паденія Греціи; эти причины—или мелочи сравнительно съ гибельностью Пелопоннесской войны, или,—и это, по большей части,—фантазіи самихъ историковъ, опровергаемыя внимательнымъ изученіемъ фактовъ».

Здѣсь Чернышевскій переходитъ къ другой сторонѣ вопроса о враждѣ въ человѣчествѣ, а именно о тѣхъ столкновеніяхъ, ко-

торыя, если и не ведутъ прямо къ войнѣ, то поддерживаютъ вѣчно враждебныя чувства исключительнаго націонализма между различными народами. «Очень много толкуютъ,—продолжаетъ нашъ мыслитель, — о противоположности, врожденномъ противоборствѣ дорійскаго и іонійскаго племенного элемента. Это чистый вздоръ. Коринфъ ничѣмъ не отличался отъ Аѳинъ; онъ былъ дорійскій городъ; сицилійскіе города ничѣмъ не отличались отъ Аѳинъ; это были дорійскіе города. Множество ученыхъ и поэтовъ, художниковъ и всяческихъ знаменитыхъ людей, которые считаются представителями Аѳинскаго племенного (іонійскаго) элемента, были дорійцы. Самъ Геродотъ, какого другого іонійца и на свѣтѣ не было, былъ родомъ изъ дорійскаго города. На чемъ основано недоразумѣніе историковъ? — Спарта много отличалась отъ Аѳинъ. Но это было просто различіе по степени образованности. Разница между іонійцами и дорійцами вся ограничичивается филологическими пустяками, въ родѣ разницы между голландцами и сосѣдними нѣмцами. Но обстоятельства жизни различны; потому исторія шла помимо сходства сосѣднихъ нѣмцевъ съ голландцами, помимо разницы ихъ отъ какихъ-нибудь тирольцевъ... Филологія—вещь важная, но когда сапожникъ разсуждаетъ о перчаткахъ, онъ—невѣжда въ томъ, о чемъ разсуждаетъ. Вся исторія наполнена подобными разсужденіями. Держись одного: все доброе—полезно; все дурное—вредно. Все, что противорѣчитъ этому простому правилу честныхъ и добрыхъ людей, занесено въ историческія книги изъ невѣжественныхъ источниковъ учеными, не имѣвшими основательнаго знакомства съ законами человѣческой природы».

Важность, которую Чернышевскій придаетъ этимъ взглядамъ, заставляетъ его неоднократно возвращаться къ тому же самому вопросу: пагубное вліяніе войнъ; вредъ національной вражды между народами. Такъ, въ письмѣ отъ 17 марта 1876 г. онъ снова высказываетъ свои соображенія по поводу войнъ между персами и греками, а также, вообще, по поводу значенія враждебныхъ чувствъ между народами, основывающихся на національныхъ предразсудкахъ. Чернышевскій находитъ, что въ своемъ предшествующемъ письмѣ, посвященномъ этому вопросу, онъ сдѣлалъ черезчуръ схематическое изображеніе событій и такимъ образомъ допустилъ рядъ неточностей, которыя, впрочемъ, онъ надѣется, сынъ его исправитъ и самъ.

Такъ, онъ находитъ, что не точно выражаться о спартанцахъ, какъ нанимавшихся персами, и поправляетъ это такъ: «Не персы искали союза со спартанцами, нѣтъ: обѣ воевавшія стороны, и аѳиняне, и спартанцы, постоянно ѣздили къ персидскимъ правителямъ Малой Азіи добиваться черезъ этихъ своихъ патроновъ союза съ персидскимъ царемъ и выпрашивать денегъ изъ персидской казны. Подло держали себя и аѳиняне, и спартанцы; въ родѣ того, какъ Бернъ и Люцернъ и многіе другіе кантоны въ 16-мъ

вѣкѣ и слѣдующихъ столѣтіяхъ передъ французами и всякими другими сосѣдями, и даже неаполитанцами, вовсе не сосѣдами». Другая поправка, а именно то, что, за очень немногими исключеніями, въ сущности не было ни одной области, которая не хотѣла оторваться отъ Персіи, даетъ новую возможность Чернышевскому развить взглядъ на подавленіе, такъ называемыми, высшими расами низшихъ: «Подданство персамъ, хоть и ненавистное, положимъ, для полуварварскихъ племенъ прибрежій Тракіи и Малой Азіи, было все таки менѣе ненавистно для нихъ, чѣмъ господство аѳинянъ. Персы грабили ужаснѣе, чѣмъ аѳиняне, но не умѣли притѣснять такъ непрерывно и надоѣдливо, какъ аѳиняне. Разница въ родѣ того, какъ французы въ Алжиріи, и турецкій паша въ Триполи. Въ Триполи, судя объективно, въ тысячу разъ хуже, чѣмъ въ Алжиріи. Но туземцы Алжиріи чувствуютъ иначе, и предпочли бы турецкаго пашу французамъ. Этимъ объясняется погибель аѳинскихъ дессантовъ въ Египтѣ и незначительность успѣховъ ихъ другихъ нападеній на персидскія области. Даже греческіе малоазійскіе города, даже острова малоазійскаго прибрежья, даже острова Архипелага часто рады были поддаться персамъ, лишь бы избавиться отъ притѣсненій аѳинянъ».

До какой степени мысль о вредѣ, о гибельности національной вражды между различными народами, даже и не переходящей въ войны, тревожила сознаніе Чернышевскаго, видно изъ того, что почти всякій вопросъ служитъ для него поводомъ возвратиться къ его излюбленной темѣ: необходимости бороться съ проявленіями національнаго и расового чувства, этого неистощимаго резервуара ошибокъ и промаховъ какъ въ теоретической, такъ и въ практической области, начиная отъ враждебной международной политики и кончая искаженіемъ научныхъ истинъ въ угоду національнымъ предразсудкамъ.

Такъ, напр., въ письмѣ отъ 15 іюня 1877 г. Чернышевскій, говоря о предпочтеніи, которое наука должна оказывать теплому климату передъ холоднымъ, считаетъ необходимымъ указать на національную подкладку противоположнаго мнѣнія. Онъ видитъ его въ томъ, что писатели культурныхъ національностей, живущихъ въ такъ называемомъ умѣренномъ, а на самомъ дѣлѣ, холодномъ климатѣ Европы, идеализируютъ все, вплоть до климатическихъ условій своей страны: «Исторія науки,—пишетъ Чернышевскій,—это почти непрерывный рядъ узкихъ взглядовъ, одностороннихъ теорій, выдумывавшихся и принимавшихся спеціалистами, и опровергнутыхъ здравымъ смысломъ общества, руководимаго людьми — иной разъ и спеціалистами, но чаще простыми неглупыми людьми, по какому нибудь случаю заинтересовавшимися вопросомъ о сообразности какихъ нибудь выводовъ, какой нибудь теоріи съ общеизвѣстными фактами и съ правилами здраваго мышленія. — Франція, Германія, Англія уже давно стали передовыми странами. Самолюбіе тѣхъ націй от-

разилось на ихъ спеціалистахъ. И во всѣхъ спеціальностяхъ изобрѣтены учеными тѣхъ націй теоріи въ пользу ихъ соотечественниковъ и всего принадлежащаго ихъ соотечественникамъ. Такъ явилась общая всѣмъ тремъ націямъ теорія о превосходствѣ климата ихъ странъ, — всѣхъ трехъ вмѣстѣ, надъ климатами всѣхъ другихъ странъ, — и климата каждой изъ трехъ надъ климатами двухъ остальныхъ».

Николай Гавриловичъ забавно характеризуетъ мнѣнія каждой націи о другой въ связи съ національными предразсудками относительно великихъ и богатыхъ милостей, каковыя натура каждой національности получаетъ якобы отъ благодѣтельнаго провидѣнія, позаботившагося окружить ее спеціальнымъ благорастворенiемъ воздуховъ: «Общая формула этой теоріи такова: лишь въ западной Европѣ на сѣверъ отъ Пиринеевъ и Альповъ природа благопріятствуетъ высшему развитію человѣческой жизни. У каждой изъ трехъ націй есть своя особенная прибавка къ этому,— въ такомъ видѣ:

«(Французская прибавка). Вообще, да; но къ сѣверу отъ Франціи климатъ дѣлаетъ людей тяжелыми, неуклюжими; а на востокъ отъ Франціи,—тоже. Потому, англичане и нѣмцы, конечно, лучше другихъ народовъ, но, сравнительно съ французами, они плоховаты. Люди, въ высшемъ смыслѣ слова, только французы; нѣмцы и англичане полу-люди, полу-скоты; объ остальныхъ народахъ и толковать нечего: они всѣ скоты, а не люди.

«(Нѣмецкая прибавка). Объ англичанахъ, сходно съ французскимъ разсужденіемъ. О французахъ: на юго-западъ отъ Германіи климатъ дѣлаетъ людей пустоголовыми, вѣтрянными. Потому, французы тоже полу-скоты, подобно англичанамъ. Люди въ истинномъ смыслѣ слова—только нѣмцы.

«(Англійская прибавка). Климатъ Франціи—какъ въ нѣмецкомъ разсужденіи. Климатъ Германіи, какъ во французскомъ. Выводъ, точно въ такомъ же вкусѣ, какъ у нѣмцевъ о себѣ, у французовъ о себѣ. Процедура простая: «мы — лучше всѣхъ». Кто, «мы», это все равно: «мы»,—то, разумѣется: «мы—лучше всѣхъ».

«Не всѣ нѣмецкіе, французскіе, англійскіе ученые разсуждаютъ по этому рецепту. Исключенія есть. Но масса ученыхъ въ каждой странѣ разсуждаетъ именно такъ. Она лишь перекладываетъ на ученый ладъ невѣжественный говоръ своего національнаго самолюбія.

«Дѣлается это безъ размышенія, какъ мычитъ корова, и отвѣчаетъ ей мычаньемъ ея сестрица или дочка, другая корова.

«Но во всѣхъ трехъ странахъ общая нота мычанія одна и та же: на сѣверъ отъ Пиринеевъ и Альповъ самыя лучшія въ свѣтѣ страны, населенныя самыми лучшими изъ людей.

«Нельзя слишкомъ строго порицать ихъ за эту теорію. Они дѣйствительно лучше испанцевъ, итальянцевъ, отставшихъ отъ

историческаго движенія подъ гнетомъ своихъ несчастій: испанцевъ погубила чрезвычайно долгая война съ завоевавшими ихъ страну африканцами; пока шла война, они занимались, чѣмъ было неизбѣжно: войною; кончилась война, они остались непривычными ни къ чему, кромѣ войны, и пали, изнуренные усиліями одолѣть всѣхъ остальныхъ европейцевъ: они хотѣли завоевать Италію, Германію, Францію, Англію. Успѣли завоевать Италію,—но французы и англичане забили ихъ, раздраженные ими. Это произошло въ 16-мъ и 17-мъ столѣтіяхъ. Отъ тогдашняго изнуренія испанцы еще не успѣли оправиться; едва, едва лишь начинаютъ оправляться.—Впрочемъ, по ихъ мнѣнію, самые лучшіе люди, это—они; только ихъ передѣлка общей глупости никому не занимательна, кромѣ нихъ; потому что они ужъ черезъ-мѣру плохи.

«То же и объ итальянцахъ. Они, по ихъ мнѣнію, тоже—самый первый народъ въ цѣломъ свѣтѣ. Но то же такъ плохи, что никому, кромѣ ихъ самихъ, не любопытно вслушиваться въ ихъ умную рѣчь о своихъ достоинствахъ. Они отстали отъ историческаго движенія почти такъ же далеко, какъ испанцы, хоть прежде были много, много впереди французовъ, нѣмцевъ, англичанъ. Ихъ судьба стала слишкомъ тяжела очень давно: всѣ грабители, какіе бывали кругомъ ихъ, съ наибольшею охотою шли грабить именно ихъ, потому что они были богаче всѣхъ. Пока ходили грабить ихъ лишь нѣмцы съ французами, или лишь нѣмцы съ испанцами, они еще успѣвали отбиваться. Но когда всѣ тѣ три врага стали непрерывно, всѣ трое, терзать Италію, изнемогла она. Это произошло въ первой половинѣ 16-го столѣтія. Триста лѣтъ оставалась Италія, непрерывно все вновь терзаемая, изнемогшею. И оправляться только еще начинаетъ.

«Испанцы по природнымъ дарованіямъ не хуже нѣмцевъ, или англичанъ, или французовъ. Это мое мнѣніе. И мнѣніе всѣхъ безпристрастныхъ людей. Но число такихъ людей ни въ какой странѣ не велико. И большинство ученыхъ трехъ передовыхъ странъ смотрятъ на испанцевъ свысока. Объ итальянцахъ не отваживаются они судить такъ: болѣе полуторы тысячи лѣтъ (со временъ, болѣе раннихъ, чѣмъ начало нашего лѣтосчисленія, до временъ болѣе позднихъ, чѣмъ реформація,—до начала или даже до половины 17-го столѣтія) итальянцы были учители и нѣмцевъ, и англичанъ, и даже французовъ, хоть французы подъ конецъ тѣхъ долгихъ вѣковъ, съ 14 или 15-го столѣтія, были уже образованнѣе нѣмцевъ и англичанъ.—Итакъ, нельзя говорить этимъ націямъ, что итальянское племя ниже ихъ собственнаго. Но они придумали вмѣсто этой невозможности иную глупость: итальянцы отжили свое время. Пока живетъ какой нибудь народъ, онъ не отжилъ своего времени. И пока онъ будетъ жить, онъ будетъ жить. А какъ онъ будетъ жить, зависитъ отъ обстоятельствъ.

«Теперь, повидимому, ходъ исторіи таковъ, что будутъ все получше и получше жить и испанцы, и итальянцы.

«О русскихъ это несомнѣнно на долгія столѣтія впередъ. Мы на столько сильны, что ни съ запада, ни съ юга или востока не можетъ нахлынуть на Россію орда, которая подавила бы насъ, какъ подавили въ старину монголы, или, по нашему названію, татары (орда Бату-Хана, отдѣлъ орды Джингизъ-Хана).

«Намъ впереди на много столѣтій обезпечена счастливая доля сдѣлаться самимъ и устраивать свою жизнь все получше и получше. Повидимому, будутъ поправляться и испанцы, и итальянцы.

«Но, теперь пока, всѣ три націи,—наша, испанская, итальянская,—дѣйствительно, менѣе хороши, чѣмъ тѣ три, передовыя. И въ пошломъ самохвальствѣ французовъ, нѣмцевъ, англичанъ есть маленькая доля правды.—Надобно, впрочемъ, прибавить, что англичане, не имѣя въ своемъ непосредственномъ сосѣдствѣ ни насъ, ни испанцевъ, ни итальянцевъ, судятъ о нашихъ трехъ націяхъ менѣе глупо, чѣмъ французы о двухъ изъ этихъ націй, сосѣднихъ съ Франціею; и, подобно тому, не имѣя своими сосѣдями насъ, французы судятъ о насъ менѣе глупо, чѣмъ нѣмцы. Вещь натуральная: къ дальнимъ легко быть справедливыми».

Н. С. Русановъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Лѣтній день въ станицѣ

(Картинка).

На генеральской кухнѣ жаръ и адъ. Гудитъ и пылаетъ плита, шкворчатъ соусы и подливки. Авдотья, багровая отъ жара и волненія, съ очипкомъ на головѣ, орудуетъ цѣлой фамиліей кастрюль, горшковъ и всякаго поварского инструмента. Они подхватываются, перевертываются въ воздухѣ, опрокидываются другъ надъ другомъ, и, какъ дрессированные звѣри, каждый знаетъ свое мѣсто.

Генералъ обѣдаетъ. Изъ большого дома то и дѣло бѣгаетъ рысью Марчуковъ, стуча сапогами. А то промчится, шумя юбками, горничная Анюта, въ бѣломъ, какъ снѣгъ, передникѣ и легкихъ туфелькахъ, и тогда въ кухнѣ стоитъ отчаянная перепалка. Однако, обѣимъ некогда, и Анюта еще больше шумя юбками, летитъ назадъ съ тарелкой въ рукахъ, которую не могъ ей доставить безтолковый Марчуковъ.

Мишка не показывается возлѣ кухни, зная по горькому опыту, чѣмъ грозитъ эта оплошность. Не успѣешь оглянуться, какъ мать надаетъ такихъ горячихъ шлепковъ, что дворъ огласится самымъ ужасающимъ ревомъ.

Мишка собрался идти на охоту, но сдѣлать это не такъ-то просто. Надо прежде всего выбраться на улицу, между тѣмъ какъ генеральша уже давно и строжайше запретила ему появляться возлѣ господскаго дома и ходить черезъ калитку.

— Куда лѣзешь, короста нечи-стая! — кричала на него мать.

— Вотъ я тебѣ уши нарву, паршивецъ! — грозилась Анюта.

Марчуковъ же хмурился и говорилъ:

— Гляди, братъ!

Мишка крадется вдоль стѣны господскаго дома, осторожно ступая до-черна загорѣлыми облупленными ножками.

То и дѣло оглядывается назадъ, поворачиваясь, какъ поросенокъ, всѣмъ туловищемъ. И тогда на кухню глядятъ широко раскрытые голубые глаза, переполненные тревогой и напряженіемъ, раскрытый ротъ и совершенно бѣлые взъерошенные волосы.

Такъ онъ благополучно минуетъ стѣну дома, но теперь остается самое страшное. Поддернувъ штаны, которые висятъ на синей помочи, онъ бросаетъ назадъ взглядъ отчаянія и рѣшимости и бѣжитъ стремглавъ мимо генеральскаго балкона. Передъ калиткой онъ падаетъ на животъ и начинаетъ дѣйствовать руками и ногами. Сначала подъ калиткой исчезаетъ бѣлая голова, потомъ спина съ синей помочью, задъ съ большой заплаткой и, наконецъ, мелькнули маленькія пятки. Мелькнули—и нѣтъ Мишки!

На улицѣ пусто. Жара. Пыль на дорогѣ лежитъ бѣлая, пушистая, горячая. Окна въ домахъ закрыты ставнями. Мишка косится на лапинскія ворота, изъ которыхъ, того и гляди, выскочитъ страшный длинноухій Форшъ,—косится и обходитъ ворота подальше, подъ заборомъ. Но Форшъ спитъ. Скоро и генералъ ляжетъ спать. Марчуковъ будетъ лежать на крыльцѣ и храпѣть, а мухи станутъ ползать по красному лицу и по усамъ и заглядывать въ носъ.

Вотъ и пустырь. Вдоль каменной стѣны—высокая, густая лебеда. Но есть и маленькія рощи паслена. Глядятъ и зловѣщіе блѣдно-зеленые листья бѣлены. Ромашки улыбаются серебряно-бѣлыми вѣнчиками, а приземистыя копѣечки кустятся по дорожкѣ и прикрываютъ землю круглыми листочками.

Мишка дѣловито достаетъ изъ-подъ стѣны палочку—„ружье“, и охота начинается. Вонъ надъ одуванчикомъ вьется „утка“, сверкая бѣлыми крылышками. Мишка осторожно подкрадывается и наводитъ ружье.

— Пу-у!—раздается выстрѣлъ. Охотникъ бросается впередъ со всѣхъ ногъ, но утка летитъ черезъ пустырь дрожащимъ полетомъ, словно это вѣтеръ понесъ бѣлый лепестокъ. Улетѣла! И Мишка терпѣливо крадется къ другой, и лишь бѣлую голову его видно среди высокой травы.

Но вотъ онъ оставляетъ перепуганныхъ утокъ, идетъ къ забору и ложится среди паслёна. Ягодъ кругомъ—тьма. Мишка загребаетъ ихъ руками, суетъ въ ротъ, чавкаетъ, какъ поросенокъ, и губы и щеки его вымазаны темнымъ ягоднымъ сокомъ.

А на пустырѣ тѣмъ временемъ происходитъ чрезвычайное событіе. Съ улицы сюда завернулъ гимназистъ-первоклассникъ, Ваня Внучкинъ. На немъ парусинная блуза и огромная бѣлая фуражка, которая прикрываетъ козырькомъ

равнодушные водянистые глаза. Лицо худое, золотушное, носикъ пуговочкой. Онъ медленно идетъ по пустырю и сѣчетъ траву и цвѣты гибкой палочкой. Ж-жикъ! Ж-жикъ! Онъ тоже сталъ гоняться за бабочками и вдругъ замѣтилъ въ травѣ бѣлую голову.

— Ты что здѣсь дѣлаешь?

— Чево-о!.. — тянетъ Мишка и испуганно глядитъ изъ травы своими синими глазами.

Ваня равнодушно осматриваетъ его и тычетъ палочкой.

— Давай въ коней играть,—говоритъ онъ.

Мишкѣ и страшно, и соблазнительно. Но вотъ онъ уже запряженъ, свирѣпо грызетъ веревку и перебираетъ ногами какъ заправская лошадь.

— Но-о!.. — кричитъ Ваня, и они мчатся по пустырю. — Право-о!..

Онъ входитъ въ роль и дергаетъ правую вожжу. У Мишки отъ этого мотается голова, но онъ тоже входитъ въ роль, топаетъ ногами и ржетъ:

— И-го-го!

— Пошелъ! — кричитъ Ваня и хлещетъ Мишку палочкой.— Лѣво-о!.. — и дергаетъ такъ, что у Мишки раздираются губы, и онъ торопливо выплевываетъ веревку.

— Ы-ы!..—реветъ Мишка и поворачивается къ Ванѣ лицомъ. Ротъ скривился, по подбородку текутъ слюни, и слезы въ три ручья бѣгутъ по измазаннымъ щекамъ.

— Фу, ревунъ какой!—обиженно говоритъ Ваня и дразнитъ Мишку: — дуракъ-болванъ, молоко болталъ... Рёва-рёва—киселева!..

Оглянувшись, нѣтъ ли кого кругомъ, онъ на прощанье хлестнулъ Мишку, какъ слѣдуетъ, черезъ голову, и быстро пошелъ съ пустыря.

Мишка реветъ вдвое сильнѣе. Долго реветъ, стоя среди травы, а солнце немилосердно палитъ бѣлую его голову и рябенькую рубашку, черезъ которую перекинута синяя помочь.

— Ну?—спрашивала Авдотья Марчукова.—Говорили что?

Марчуковъ перехватываетъ руками горячее блюдо.

— Говорили, что эта.. Туше́ не допарилось.

— Не допарилось?..—Авдотья сердито вытираетъ мокрый лобъ полной, засученной до локтя рукой.—Сама-то она, небось, перепарилась!.. Что—все содомятся?

— А то! Прямо—Плевна. Изъ-за кота все.

— Все изъ-за кота!?—удивляется Авдотья.

Марчуковъ опять бѣжитъ къ дому и съ крыльца слышитъ громовой голосъ генерала.

— Вотъ онъ гдѣ у меня сидитъ!.. Велю его на воротахъ за хвостъ повѣсить—и кончено! И чтобъ ты мнѣ не смѣла за нимъ Марчукова гонять!

Слышенъ звонъ какъ бы сгребаемыхъ въ кучу тарелокъ и ножей, грохотъ отодвигаемыхъ стульевъ.

— Черти васъ возьми съ вашимъ котомъ!—кричитъ генералъ.—Поѣсть не дадите...

Онъ шлепаетъ туфлями изъ столовой, на порогѣ останавливается.

— Вотъ...—раздается опять его голосъ.

Однако, сдержался. Шлепанье возобновляется и затихаетъ въ залѣ.

Въ залѣ давно закрыты ставни. Марчуковъ постлалъ на полу тонкій коверъ, сверху покрылъ простыней. Въ головахъ—соломенная подушка. По такой жарѣ иначе и не уснешь. Генералъ раздѣвается и въ совершенно обнаженномъ видѣ валится на простыню.

Нѣкоторое время слышно его спокойное сопѣніе. Темно, прохладно, хорошо! Онъ отдыхаетъ отъ службы, отъ жары, отъ жениныхъ сценъ. Но, немного погодя, тянутъ тяжелыя и безпокойныя мысли, и становится опять душно и жарко. И кажется, что мысли эти идутъ, Богъ знаетъ, сколько лѣтъ, 55 лѣтъ жизни—вродѣ хомута, который отъ рожденія надѣтъ на человѣка. Потому что онъ забылъ, когда думалъ иначе.

Въ дальнихъ комнатахъ возня, хлопаютъ дверями. И генералъ со злобой думаетъ:

— И когда тебя черти унесутъ на воды!.. Хоть бы въ монастырь, что ли, поѣхала... купаться, наконецъ...

На воды ей нужно рублей четыреста... триста. На триста можно сплавить. Триста. Да Аннѣ Николаевнѣ—двѣсти. Сыну Николаю—пятьдесятъ...

Боже мой! Все это давно разсчитано и пересчитано. Но гдѣ взять денегъ? Взято, гдѣ можно и гдѣ нельзя. Давно нарушена граница, которую опасно переступать, давно спутались всѣ нити, поддерживающія равновѣсіе бюджета. Теперь царствуетъ и гонитъ впередъ безъ оглядки одно безпощадное требованіе—достать денегъ.

И не знаешь, гдѣ возьмешь. Подвернулся случай—и Мельниковъ добылъ для генерала у бабки на Чиганакахъ шестьсотъ рублей. Деньги сиротскія, и бабка со спокойной совѣстью пристроила ихъ у генерала. Мельниковъ ей и вексель выдалъ, на которомъ написалъ: „Ахъ вы, сѣни, мои сѣни!"

Сначала было, какъ будто, совѣстно, а потомъ... забылось.

На Волковомъ хуторѣ они вмѣстѣ съ Мельниковымъ заняли тысячу рублей церковныхъ... Приходилось брать и изъ станичныхъ суммъ... Лучше не вспоминать. У генерала мелькаетъ мысль, что, въ случаѣ чего, на скамью подсудимыхъ сядетъ вмѣстѣ съ нимъ и его адъютантъ.

— „Бабникъ!"—думаетъ про него генералъ.

Мельниковъ, въ самомъ дѣлѣ, „бабникъ". У него великолѣпная черная борода, онъ крѣпокъ и здоровъ, какъ жеребецъ, и неистощимо жизнерадостенъ. Онъ ѣздитъ занимать для генерала деньги, собственно, не изъ корысти, а такъ, чтобы „уважить человѣка".

Что-то привезетъ онъ завтра!..

На стѣнѣ противъ ставни, въ которой тоненькій лучъ просверлилъ себѣ дырочку,—на стѣнѣ—ужасно странно!—домъ вверхъ ногами... зеленая крыша, балконъ, все какъ слѣдуетъ! Медленно движется передъ домомъ, тоже вверхъ ногами, маленькая фигура человѣчка. Перебираетъ крошечными ногами. А съ улицы сквозь ставни слышенъ въ тактъ звукъ шаговъ. Ишь ты! Генералъ удивляется и вспоминаетъ, что это называется: камер... какъ-то: камер...

А въ головѣ неотвязныя думы.

Свои, „настоящія" дѣти—мужланы какіе-то, грубые, непонимающіе. А Люси—славная такая, милая дѣвочка. Локончики свѣтлые такіе, вьются. Папой не называетъ, а—„дядечка". Дядечка! Славная дѣвочка! И въ душѣ генерала смутно пробивается тоскливое сознаніе, что, можетъ быть, одинъ этотъ человѣчекъ и сумѣлъ бы понять и утѣшить старика.

Ну, Богъ съ ними со всѣми! Эта драгоцѣнная Марья Ивановна со своимъ котомъ хоть кого доѣдетъ!.. Не спать, а на стѣну лѣзть впору. Отъ духоты дѣваться некуда. Ну, и дѣла!

Кончилась бѣготня. Закрылся ставнями и задремалъ подъ палящимъ солнцемъ старый домъ, въ которомъ генералъ живетъ уже десятый годъ, съ того самаго времени, когда пріѣхалъ сюда управлять округомъ. Въ садикѣ напротивъ — понуро и неподвижно стоятъ вишневыя деревья, и ихъ запыленные горячіе листья стали свoрачиваться отъ зноя. Самъ Рябка залѣзъ подъ флигель и прохлаждаетъ тамъ свои облѣзлые бока въ ямѣ, которую собственными лапами разрылъ подъ фундаментомъ.

Въ тѣни за кухней обѣдаетъ прислуга. На столѣ чашка со щами. Черпаютъ деревянными ложками, звучно хлебаютъ и покрякиваютъ. По рябому лошадиному лицу Марчукова льется потъ, блуза взмокла и почернѣла на спинѣ и подъ мышками. Когда онъ разѣваетъ ротъ и забираетъ въ него

большую ложку со щами, глаза его выпучиваются, какъ у Мишки. Мишка же сидитъ между Авдотьей и Евстигнѣичемъ и старается больше всѣхъ, вытаращивая глаза и раздувая щеки. Евстигнѣичъ иногда похлопаетъ его по затылку и скажетъ:

— Ѣшь, ѣшь, казакъ, поправляйся!

Мишка ему пасынокъ, а вотъ любитъ онъ его, какъ сына. Авдотья иногда удивляется на своего тихенькаго, тщедушнаго и лукаваго супруга. Первый мужъ ея, тамбовскій мужичекъ, былъ курьеромъ при судѣ, а Евстигнѣичъ сдѣлалъ и ее, и Мишку казаками, и она этимъ втайнѣ очень гордится. И вмѣстѣ съ тѣмъ не перестаетъ тайно ревновать. Мишку онъ любитъ, живутъ они четыре года мирно и ладно. Это все такъ. А вотъ когда онъ бываетъ въ управленіи на дежурствѣ—Богъ его знаетъ, гдѣ ночуетъ: не то въ управленіи, не то гдѣ повеселѣе... Онъ ни въ чемъ ее не старается разубѣждать, а на умномъ лицѣ его, въ глазахъ, въ морщинкахъ, подъ усами всегда бродитъ лукавая усмѣшка.

Марчуковъ разсказываетъ о генеральской ссорѣ, разсказываетъ такъ, какъ будто везетъ сто пудовъ.

— Дюже осерчалъ. Я, говоритъ, его за хвостъ повѣшу.

— Повѣсилъ!.. Какъ же!..—иронически замѣчаетъ Авдотья.

— Вотъ окаянный котъ!—говоритъ Евстигнѣичъ, обтирая свои длинные усы.—Сколько изъ-за него крику было!

— Крику! Я его цѣльное утро ходилъ—искалъ,—жалуется Марчуковъ.—Чисто всѣ дворы обошелъ, подъ амбары лазилъ—шутъ его знаетъ, гдѣ провалился! Нѣту—и конецъ!

Евстигнѣичъ лукаво шевелитъ усами, какъ таракань.

— Должно, къ женѣ пошелъ.

— Весь въ васъ, лодырей!—волнуется Авдотья.

— Ты чего? Вѣдь я про жену говорю.

— Про жену!—Авдотья сердится или дѣлаетъ видъ, что сердится, и слегка пошвыриваетъ на столъ горшокъ съ кашей и тарелки.

Марчуковъ все о своемъ:

— И гдѣ онъ дѣвался! Ну, попадись только! Ноги переломаю.

— Смотри!—говоритъ Анюта.—Генеральша тебѣ переломаетъ! Она его на теплыя воды возьметъ.

— Пущай. Ну его къ чорту. Я съ нимъ замучился!

— Дрень-дрень-дрень!..—рвется и захлебывается въ кухнѣ звонокъ. Анюта и Марчуковъ, какъ по командѣ, бросаютъ ѣсть.

— Это тебѣ,—говоритъ Анюта, и Марчуковъ тяжело и неуклюже бѣжитъ по дорогѣ къ дому.

Генералъ сидитъ въ кабинетѣ и занимается дѣлами. По плечамъ, по бѣлой рубашкѣ идутъ широкія помочи. Воротъ растегнутъ и открываетъ грузную, красную шею. Бѣлыя бакены раздѣлены пробритымъ подбородкомъ. Хмурятся сѣдыя брови надъ выцвѣтающими голубыми глазами, дымитъ подъ усами папироса. Онъ ищетъ прошеніе помѣщицы Крючковой, о которомъ вчера напоминалъ предводитель дворянства. Прошенія нѣтъ. Сегодня его искали въ управленіи и тоже не нашли.

— Марчуковъ!—оглушительно кричитъ генералъ.

Но прежде, чѣмъ поспѣлъ Марчуковъ, изъ гостиной въ кабинетъ пріотворилась дверь, и на генерала глянули злые прищуренные глаза, щеки, сплывшія внизъ двумя дряблыми мѣшками, губы, поджатыя обиженно и съ глубочайшимъ презрѣніемъ.

— Не орите на всю улицу! Васъ здѣсь, кажется, никто не боится!

И прежде, чѣмъ генералъ успѣлъ произнести въ отвѣтъ хоть слово, дверь съ трескомъ захлопнулась, и, удаляясь, часто застучали высокіе каблучки. Изъ передней заглядывалъ Марчуковъ.

— Бѣги къ этому... къ секретарю. Скажи, чтобы сейчасъ шелъ. Живо! — генералъ постучалъ суставомъ пальца по столу и грозно прибавилъ:—сію минуту.

Марчуковъ бѣжалъ весь кварталъ, поднимая сапогами горячую пыль. Но, завернувъ за уголъ, остановился, какъ вкопанный. Вдоль плетня, неслышно ступая, пробирался огромный бѣлый котъ.

— Ахъ ты, окаянный! — воскликнулъ Марчуковъ, растопыривъ руки.—Вотъ онъ, гдѣ ты!..

Котъ равнодушно прищурилъ на него желтые глаза, неслышно ступилъ еще шага два и юркнулъ въ дыру въ плетнѣ.

— Бож-же мой! — сокрушался Марчуковъ и побѣжалъ дальше.

Минутъ черезъ десять по той же улицѣ сѣменилъ короткими ножками секретарь Внучкинъ. Мундиръ съ высокимъ краснымъ воротникомъ плотно облекаетъ его круглую фигуру. Внучкинъ испуганъ и озадаченъ внезапнымъ генеральскимъ вызовомъ, и брови его лѣзутъ вверхъ, собирая на лбу глупыя складки.

Поднявшись на балконъ, онъ прошелъ къ двери мимо оконъ, и только что протянулъ къ звонку дрожащую руку, какъ въ окнѣ сквозь стекла мелькнула бѣлая рубашка и бѣлыя бакенбарды. Рама распахнулась и появился генералъ. Опершись руками на подоконникъ, онъ свирѣпо глядѣлъ

на секретаря и что-то прожевывалъ, отчего шевелились кончики сѣдыхъ усовъ.

— Я явился, ваш-ство...—почтительно началъ Внучкинъ, но генералъ уже дожевалъ, проглотилъ и загремѣлъ на весь дворъ:

— Вы это что же тамъ такое выкидываете?.. Гдѣ прошеніе Крючковой?..

— Я...

— „Я, я...“ Сорокъ лѣтъ бумаги пишете!.. Стулья насквозь протерли.. Только и умѣете: я, я... Я спрашиваю, гдѣ прошеніе? Куда дѣвалось прошеніе??..

Генералъ брызгался слюной. Лицо его побагровѣло. Побагровѣлъ подбородокъ подъ бѣлой щетиной, и бѣлоснѣжными казались бакены.

— Ваше превосходительство...

— Я знаю, что я „превосходительство...“ А вотъ вы о чемъ думаете?.. Что?.. Бумаги стали растеривать!.. Что-о?..

Внучкинъ стоялъ, какъ окаменѣлый, и лицо его какъ будто постарѣло и стало сѣрымъ. Оставалось одно—выждать, пока утихнетъ генеральскій гнѣвъ. А генералъ, въ самомъ дѣлѣ, покричалъ и началъ успокаиваться. И хотя усы еще сердито шевелились, но подбородокъ принялъ свой обычный цвѣтъ. Внучкинъ переступилъ съ ноги на ногу и робко началъ:

— Позвольте доложить, ваше-ство, что я, какъ докладывалъ утромъ, носилъ прошеніе въ среду къ докладу...

Неудачно ли онъ началъ или преждевременно, но генеральскій гнѣвъ вспыхнулъ съ новой силой.

— А мнѣ что за дѣло! Что вы мнѣ „къ докладу! къ докладу!..“ Знать я ничего не хочу!.. Чтобъ была бумага!.. Поняли?.. Чтобъ была—и никакихъ!..

Со звономъ захлопнулись обѣ половинки окна, и генералъ исчезъ. Внучкинъ постоялъ, потоптался, тоскливо поглядывая на окна, и сталъ потихоньку спускаться съ лѣстницы. Ждалъ—не окликнутъ ли? Но никто не окликнулъ.

По мѣрѣ того, какъ онъ удалялся отъ генеральскаго дома и подходилъ къ управленію, испугъ сходилъ съ лица, и оно становилось озабоченнымъ и сердитымъ.

— Бумага пропала — вѣдь это что-жъ такое!.. Никогда еще этого не бывало! Съ такими писарями не бумага, а столъ съ бумагами пропадетъ. Лодырничаютъ, пьянствуютъ... Стариковъ—такъ тотъ даже въ самое правленіе на свое дежурство дѣвку привелъ!..

Бѣлесыя брови Внучкина опять поднимаются, но уже не испуганной дугой, а искривленнымъ злымъ полукружіемъ.

— Эй, вы!..—кричитъ онъ, поднимаясь по лѣстницѣ.

Изъ дежурки, вытирая мокрые отъ чаепитія усы, выскочилъ Евстигнѣичъ.

— Стариковъ здѣсь?

— Никакъ нѣтъ, ваш-діе.

— Бѣги за нимъ сейчасъ!.. Скажи, что требую его, сукина сына, пьяную харю!.. Въ одинъ моментъ!..

Пока Евстигнѣичъ гремѣлъ внизу по лѣстницѣ сапогами, Внучкинъ прошелъ въ канцелярію, еще разъ перерылъ у себя бумаги, заглянулъ на генеральскій столъ, къ писарямъ и, окончательно разсвирѣпѣвъ, ушелъ домой.

На скамьѣ у воротъ сидитъ Ваня, равнодушно посматривая на улицу изъ-подъ огромной бѣлой фуражки, и щелкаетъ подсолнухи. Вся земля передъ скамьей усыпана бѣлой подсолнечной шелухой. При видѣ отца, Ванятка вытягивается и перестаетъ грызть сѣмячки. Секретарь раздраженно осматриваетъ его.

— Что безъ дѣла слоняешься? Съ утра, небось, книги не видалъ?..

— Я все выучилъ,—гнуситъ Ванятка,—по латинскому и по-нѣмецкому...

— Ступай, ступай... Нечего болтаться... Лѣнтяй!

Калитка яростно завизжала, пропустила секретаря и захлопнулась, а Ваня подумалъ немного и пошелъ за уголъ.

У Егоровыхъ уже открыли окна. На балконѣ, заплетенномъ дикимъ виноградомъ, звенитъ посуда. Старичекъ Егоровъ, церковный староста въ гимназіи, посматриваетъ съ балкона на улицу, и чуть розовѣетъ его лысина между сіяющими серебряными волосами. Громыхая пустой бочкой, поднимая пыль, проѣхалъ внизъ по улицѣ знакомый водовозъ Яковъ, и скоро не видно уже ни бочки, ни шапки блиномъ, что трясется и подскакиваетъ на водовозѣ,—одно лишь пыльное облако.

Когда Ваня возвращается назадъ, со двора несется визгливый голосъ отца. Ванятка сразу повеселѣлъ, но, какъ человѣкъ понимающій, не сунулся въ калитку, а сталъ глядѣть черезъ дыру въ заборѣ.

Отецъ стоитъ на нижней ступенькѣ, въ халатѣ, взмахиваетъ руками и бранится. Передъ нимъ неподвижно замеръ военный писарь Стариковъ, вытянувъ руки по швамъ, и Ванятка злорадно разсматриваетъ его крѣпкій бритый подбородокъ, цѣпкіе большіе усы. На лицѣ писаря застыло безсмысленно-дурацкое выраженіе.

— Мерзавцы!.. Пьяницы!..—визжитъ, захлебываясь, секретарь,—только дѣвокъ умѣете водить!.. Велѣлъ подать копію

съ рапорта, а ты гдѣ ее держишь?.. Забылъ?.. Дѣвокъ не забылъ, а рапортъ забылъ?.. Говори, забылъ?..

— Никакъ нѣтъ, ваш-діе,—говоритъ писарь.

— А вы, с-сук-кины сыны!.. Я вамъ покажу!.. Гдѣ Крючихино прошеніе?.. Ну, говори, гдѣ?.. Говори!..

Писарь молчитъ.

— Говори-и!..

— Не могу знать.

— Не могу?.. А я могу?..

Секретарь разсвирѣпѣлъ, и красное лицо его похоже на морду директорова мопса. Ванятка смотритъ, затаивъ дыханье, и ему кажется, что пора уже бить писаря „по мордѣ". Хорошенько его по скулѣ, по загорѣлой щекѣ, прямо въ зубы...

— Пшолъ!.. Пшолъ вонъ!..—взвизгиваетъ секретарь.

Писарь повернулся, держа руку подъ козырекъ, приставилъ ногу къ ногѣ и зашагалъ къ калиткѣ, какъ на парадѣ. Но Внучкинъ уже машетъ руками и отчаянно кричитъ:

— Эй, ты... Поди сюда.

Писарь бѣжитъ къ крыльцу.

— Чтобъ сію минуту нашли!..—оретъ секретарь и начинаетъ топать ногами.—Подъ су-удъ, подлецовъ!

Снова: „пшолъ вонъ!" Опять: „иди сюда".

Но вотъ крикъ стихаетъ. Секретарь поднимается въ домъ, а писарь идетъ къ калиткѣ, и Ванятка видитъ его злое, точно распаренное лицо.

— Ухъ ты, аспидъ, чортова душа!—бранится онъ, пересыпая крѣпкими словцами.—Попомнишь ты мнѣ это, толстопузый чортъ!

Взвизгнула калитка, писарь вышелъ и въ двухъ шагахъ отъ себя на скамьѣ увидѣлъ Внучкина-сына. Ванятка лускалъ подсолнухи и подозрительно поглядывалъ изъ-подъ фуражки на Старикова. Писарь на мгновеніе смутился, но тотчасъ же сказалъ заискивающимъ голосомъ:

— Папаша-то осердились!.. Синичкинъ, аспидъ, толстопузый чортъ, бумагу посѣялъ!..

Онъ лукаво подмигнулъ въ сторону дома, непріятно улыбнулся подъ жесткими усами и прибавилъ:

— Сердитые нонѣ папаша! Бѣда!

И зашагалъ по улицѣ, молодцевато поднимая голову и плечи и громко стуча каблуками высокихъ блестящихъ сапогъ.

Стариковъ поднимался по лѣстницѣ такими сердитыми шагами, что изъ дежурки выскочилъ Евстигнѣичъ. Писарь глянулъ на него звѣремъ, тѣмъ большимъ звѣремъ, кото-

рый можетъ сейчасъ же сожрать безъ остатка своего меньшаго собрата, но пока еще не хочетъ. Онъ молча прошелъ въ канцелярію, гремѣлъ тамъ ящиками и громко шлепалъ по столу „дѣлами“.

Евстигнѣичъ ушелъ въ дежурку. Рыжій Кузьма въ кальсонахъ и полосатой рубахѣ, пьетъ двадцатый стаканъ чаю, наливая изъ огромнаго, давно нечищеннаго самовара. По лбу съ лысѣющей головы, по щекамъ, по носу струится потъ, и все это безъ слѣда уходитъ въ огромную рыжую бороду, которую Кузьма отъ времени до времени прочищаетъ корявыми пальцами. Борода эта растопорщилась огненнымъ вѣеромъ, закрывая всю грудь.

Разговоръ плетется кое-какъ съ большими паузами. Евстигнѣичъ дымитъ цигаркой, сплевываетъ на полъ, усыпанный окурками, и лѣниво разсказываетъ:

— У насъ въ полку, бывало, полковой командиръ, Лапинъ, ну и пилъ дюже! Стояли это мы въ Петроковѣ. Какъ въ лагери выйдемъ, онъ и закрутилъ. И крутитъ, и крутитъ. Дюже здорово пилъ.

Молчаніе. Кузьма громко хлебаетъ чай. Евстигнѣичъ ждетъ, пока придетъ охота разсказывать дальше.

— Жарко!—говоритъ Кузьма и вытираетъ лобъ рукомъ.

— А то! Искупаться надо.

— Эй, вы!..—раздается изъ канцеляріи.

Евстигнѣичъ бросилъ цигарку, поправилъ усы и пошелъ изъ дежурки въ канцелярію.

— Тутъ я бумагу оставилъ—куда дѣвалась?

— Какая бумага? — добродушно спрашиваетъ Евстигнѣичъ.

— Какая? А вотъ какая!...

Раздается короткій ляскнувшій звукъ.

Кузьма перестаетъ хлебать чай и прислушивается.

— Ты чего... чего?!—слышенъ озлобленный и растерянный голосъ Евстигнѣича.

— Чего? А вотъ чего!..

Крики, брань, возня. Кузьма запускаетъ въ бороду пальцы и, вздыхая, потряхиваетъ головою: здорово молъ! Евстигнѣичъ оправдывается, но голосъ у него хриплый, заикающійся.

Наконецъ, мимо дежурки пронеслись быстрые и тяжелые шаги, дверь внизу хлопнула съ такой силой, что съ потолка посыпались бѣлыя крошки. Евстигнѣичъ долго возился въ канцеляріи, а когда вошелъ, мрачный, какъ туча,—на лѣвой щекѣ, которую онъ все отворачивалъ, горѣло красное пятно,

— Пьяный, что ли?—спросилъ Кузьма.

-- Бѣлены обтрескался...—и Евстигнѣичъ осыпалъ писаря тѣми отборными словами, которыя только что получилъ въ канцелярiи.

— Ты все купаться хотѣлъ,—говорилъ Кузьма, почесываясь.—Небось, ужъ и не надо! Прохладно стало!

Четыре раза въ недѣлю приходитъ въ станицу почта. Сегодня пятница, и Марчуковъ возвращается изъ почтовой конторы съ клеенчатымъ портфелемъ подъ мышкой.

Генералъ изъ полученной корреспонденцiи выбралъ прежде всего продолговатый голубой конвертъ и, распечатывая, тихонько качалъ головой. Анна Николаевна просила выслать двѣсти рублей.

„Ты извини, что я тебѣ объ этомъ напоминаю, писала она,—но вѣдь надо же платить за квартиру, мяснику и т. д. Я и такъ кругомъ задолжалась и пропустила срокъ уплаты на двѣ недѣли“.

Въ письмѣ сквозило раздраженiе, но въ концѣ была приписка:

„Ты что же, дурачекъ, такъ долго къ намъ не ѣдешь? Мы тутъ по тебѣ соскучились. Люси немножко проболѣла желудкомъ, но теперь поправилась. Ждемъ и крѣпко цѣлуемъ“.

Письмо прочитано, перечитано, положено въ ящикъ и замкнуто на ключъ. Генералъ хмуро и задумчиво коптитъ папиросой свои пожелтѣвшiе усы, пьетъ крѣпкiй чай и ищетъ бумагу съ запросомъ о посѣвахъ. Роется среди бумагъ, разворачиваетъ одну изъ нихъ и видитъ передъ собой... прошенiе Крючковой.

— Что за чортъ!—удивляется онъ.—Какъ же это такъ?..

Осматриваетъ, переворачиваетъ—оно самое! Тогда онъ припоминаетъ, что Внучкинъ два дня назадъ, дѣйствительно, подавалъ это прошенiе къ докладу.

— Фу-ты, исторiя!

Генералъ даже слегка краснѣетъ отъ неожиданности и досады. Поднялъ такую бучу, наоралъ на секретаря...

„Скажи на милость!..—думаетъ онъ, поглядывая на злополучное прошенiе,—завалилось, какъ пропало! Можетъ быть, и деньги тоже гдѣ-нибудь тутъ завалились?..“

— Марчуковъ, чаю!—кричитъ онъ, но голосъ уже мягкiй, и движенiе, которымъ онъ проводитъ пальцами по усамъ, выказываетъ смущенiе.—Что, братъ, какъ тамъ на дворѣ—похолодало?

— Такъ точно ваш-ство, похолодало,—отвѣчаетъ Марчуковъ, но „ципочки“ его стучать, какъ копыта по полу.

Вотъ здѣсь, въ центрѣ, волненіе уже утихло, и начинается отливъ. А въ периферіи оно еще идетъ по инерціи и доходитъ до крайнихъ своихъ береговъ, до Мишки.

Евстигнѣичъ пришелъ вечерять хмурый и злой. Авдотья сказала, что надо бы сходить въ Клины посмотрѣть корову.

— Есть мнѣ когда ходить!...—оборвалъ Евстигнѣичъ.

— Какъ же быть?..—Вѣдь надо...—неувѣренно начала Авдотья.

— А надо, такъ ходи сама!—крикнулъ мужъ.

Авдотья замолчала. Сѣли за столъ и стали молча ѣсть. Усердно ѣстъ и Мишка, набивъ полонъ ротъ картошкой, и тянется изо всѣхъ силъ черезъ столъ за другой.

— У, грецъ тебя возьми! Куда лѣзешь!—кричитъ на него Авдотья, сдергивая со стола его руку, и быстро, словно мимоходомъ, щелкаетъ его ложкой по лбу.

На лбу остался масляный слѣдъ, а Авдотья хлебаетъ щи, какъ ни въ чемъ не бывало.

— У-ы-ы...—завылъ Мишка, забирая голосомъ все выше. Ротъ искривился, картошка сыплется изъ него на столъ и на колѣни.

— Цыть!.. Замолчи!—взревѣлъ Евстигнѣичъ, свирѣпо вытаращивъ глаза.—Замолчи мнѣ сей минутъ! Нашелъ себѣ правило!.. Цыть!.. ты!..

Подъ этимъ свирѣпымъ окрикомъ Мишка затихаетъ, давится своимъ плачемъ, давится и кортошкой, которою забитъ его ротъ.

Ѣдятъ въ полномъ молчаніи. Слышно лишь чавканье да шипѣніе на кухнѣ, да ревъ коровъ, которыя вернулись изъ степи.

— Ты у меня гляди!.. Какой завелся!.. Я тебя живо!.. Цыть!..

Мишка молчитъ, пыхтитъ, старается прожевать и всѣхъ оглядываетъ: и страшнаго тятьку, и сердитую мать, и Анюту и Марчукова, которые ѣдятъ, молча наклонившись,—оглядываетъ съ безпомощнымъ недоумѣніемъ, и широко раскрытые глаза его полны сіяющихъ слезъ.

Себѣ и Евстигнѣичу Авдотья постлала на крыльцѣ, а Мишкѣ въ сѣнцахъ, и ушла толковаться съ генеральшей на счетъ базара.

Тихо. Звонко брешутъ собаки, словно перекликаются. Вверху дрожатъ звѣзды. Евстигнѣичъ попыхиваетъ въ тем-

нотѣ цигаркой и дымомъ отгоняетъ комаровъ, которые тоненько поютъ надъ головою.

— Мишка? А Мишка!—говоритъ онъ.—Слышь?

Мишка молчитъ.

— Мишка? Вырастешь, казакъ, станешь бо-ольшой дуракъ! Слышь, Мишка.

— Чего! — сердито откликается Мишка, заслышавъ въ голосѣ Евстигнѣича заискивающія нотки.

— Будетъ тебѣ. А то скажу Хокѣ, Хока на чистоту стрескаетъ, съ перышками, братъ, стрескаетъ.

— У меня перышковъ нѣту,--бубнитъ Мишка.

— Анъ есть. Изъ уховъ ростутъ. Ты пощупай.

Мишка щупаетъ уши.

— Нѣту перышковъ,—бубнитъ онъ.

— Ну, будетъ тебѣ. Иди, что ли, сказку разскажу.

Мишка молчитъ.

— Иди, братъ, а то спать буду.

— Какую сказку?—сердито спрашиваетъ Мишка.

— А про царевну Марью Маревну—хошь?

Мишка говоритъ уже другимъ голосомъ:

— А ты про Змѣя разскажи.

— Про Змѣя? Дѣло. Все одно. Можно и про Змѣя. Вали ко мнѣ.

Мишка шлепаетъ босыми ногами изъ сѣней на крыльцо.

— Ну, вотъ, укладывайся,—слышенъ въ темнотѣ голосъ Евстигнѣича. — Да. Такъ вотъ оно какое дѣло. Про Змѣя, говоришь? Да. Такъ вотъ, братъ, скажу я тебѣ какое дѣло Жилъ, значитъ, на хуторѣ казакъ. И такой, братъ, скажу я тебѣ, казакъ былъ—одно слово: развязка. Да.

— А у него маштакъ бѣлый?—торопливо подсказываетъ Мишка.

— Постой. Это опосля. Да. Такъ вотъ--такой, братъ, казакъ, какъ бы сказать, одно слово: на всѣ руки мастеръ. И былъ, братъ, у этого казака бѣлый маштакъ.

Тихо такъ. Славно. Мишка прижался къ тятькиному боку. Съ темнаго неба ласково мигаютъ звѣзды, и Мишка уже не слышитъ словъ, и видитъ темную таинственную степь; и звѣзды мигаютъ вверху надъ нею. Казакъ идетъ по степи, идетъ и думаетъ, какъ бы тестя застать, сговориться вмѣстѣ за лѣсомъ ѣхать. А отчего онъ коня не взялъ,—такъ конь у него какъ разъ въ это утро захромалъ. Да и идти недалеко, верстъ двадцать—и то не будетъ. Идетъ себѣ и слышитъ, что позади топаетъ по дорогѣ. „Верховой"—подумалъ казакъ. Показался конь, но только верхового нѣтъ, а конь и есть бѣлый маштакъ. Заржалъ помаленьку. И не хромаетъ, и сѣдло на немъ. „Что за чудо!"—думаетъ казакъ,—

„либо жена осѣдлала?“ Вскочилъ въ сѣдло, и пошелъ маштакъ рысью. Бѣжитъ и бѣжитъ, и уже не рысью, а карьеромъ несетъ, лишь вѣтеръ свиститъ въ ушахъ, и духъ захватываетъ. Страшно стало казаку. „Тпру!.. кричитъ онъ.—Тпру!“ А маштакъ несетъ все скорѣе. И засвѣтился впереди огонекъ. „Слава Богу!—думаетъ казакъ.—На людяхъ закричу—небось остановится!“ Вотъ и рѣчка. Прямо по улицѣ черезъ хуторъ мчится бѣлый маштакъ, и за нимъ крутится пыль и вѣтеръ. И что же? Ни одна собака не чавкнула! Сидятъ у воротъ, покачиваютъ лохматыми мордами и молчатъ себѣ... И люди спятъ—кто въ арбѣ, кто въ плетушкѣ, а кто прямо на травѣ возлѣ куреня,—спятъ, и никто и головы не поднялъ. Хотѣлъ казакъ закричать и не можетъ. Ротъ, будто, ниткой зашили. А конь бѣжитъ и бѣжитъ... и бѣжитъ, значитъ... и бѣжитъ...

Тишина... Какая то скверная пустая тишина. Мишка, наконецъ, догадывается, что это тятька замолчалъ.

— Тятька?.. а тятька?..—тормошитъ онъ Евстигнѣича.—Тятенька!

— А-а...—мычитъ Евстигнѣичъ.

— Тя-ятенька!.. разсказывай!..—въ отчаяніи умоляетъ Мишка.

— А ну... незамай...—соннымъ голосомъ говоритъ Евстигнѣичъ и подсвистываетъ носомъ.

Да, сказка безнадежно погибла. Чуть не плача, Мишка пытается продолжать ее собственными силами.

Вотъ стоитъ старичекъ. Калмыкъ не калмыкъ... „Ты куда ѣдешь..“—„А тебѣ чего?..“

Ну, и что же?.. Мишкина фантазія волочится по землѣ. Бѣлый маштакъ скрылся во тьмѣ, и ушло очарованіе. Комаръ поетъ надъ ухомъ, и мѣрно всхрапываетъ Евстигнѣичъ, Мишкѣ страшно. Кругомъ, въ темнотѣ, собралась вся страхота и молча дожидается. И Мишка жмется къ тятькѣ и скоро, какъ и тятька, спитъ блаженнымъ сномъ.

Спитъ станица. Давно спятъ въ Клинахъ и на Базахъ. Спятъ сады, и базаръ, и бѣлая гимназія. Не спятъ лишь молодые. Любовь томитъ неясно сладкой надеждой, водитъ по спящимъ улицамъ и по темнымъ аллеямъ городского сада. Въ тѣни деревьевъ мелькнетъ кофточка горничной, забѣлѣетъ блуза писаря. Парочки, что ищутъ одиночества, ушли въ нижній конецъ сада. Тамъ лавочки поставлены такъ искусно, что никто не увидитъ ни поцѣлуевъ, ни объятій.

А изъ ротонды, скудно освѣщенной керосиновыми лампочками, несется стукъ билліардныхъ шаровъ и возгласы:

— Семь пикъ!..—Пасъ!..

За генеральскимъ столомъ играютъ солидно, безъ крика и суетни, но генералъ волнуется, проигрываетъ, и одна неотвязная дума стоитъ въ головѣ: что привезетъ Мельниковъ завтра утромъ?

Завтра Мельниковъ скажетъ ему:

— Ну, ваше превосходительство, паршивое, знаете, дѣло. Я ему, сукину сыну, говорю: ты, подлецъ, не знаешь, съ кѣмъ будешь дѣло имѣть?!..

У генерала тоскливо стукнетъ сердце: денегъ нѣтъ!

Завтра онъ будетъ сидѣть за рабочимъ столомъ и думать

— Чортъ знаетъ, что такое! Не служба, а конюшня какая-то! Дѣла затериваются, валяются по мѣсяцамъ, секретарь мухъ считаетъ!.. Ладно! Доберусь же я до васъ! Позвать Ивана Степаныча!

Такъ опять начнется круговоротъ станичнаго дня и вечеромъ дохлестнетъ до Мишки. Онъ тоже получитъ свою долю: зуботычину, а можетъ быть, кромѣ того, еще и сказку.

А теперь все спитъ. Спятъ травы и деревья и отдыхаютъ отъ жаркаго дня. Спитъ рѣка внизу, и лугъ, и лѣсъ, спитъ и степь, и хутора на ней въ прохладныхъ балкахъ. Спитъ и та бабка, которой Мельниковъ написалъ веселую пѣсенку. Спитъ бабка легкимъ стариковскимъ сномъ, и не мутятъ ее ни сны, ни видѣнія. Ночь вѣдь тихая, спокойная, легкая. Лишь звѣзды играютъ огнями и неслышно идутъ по темному небу. Да лягушки за рѣкой безъ умолку кричатъ по музгамъ и озерамъ.

Я иду по улицѣ, по мягкой остывшей пыли, иду мимо заснувшихъ домовъ и выхожу на обрывъ. И слушаю, какъ проходитъ ночь, какъ неустанно и дружно звенятъ лягушки, и лѣнивымъ соннымъ лаемъ перекликаются собаки.

Другъ мой далекій! Зачѣмъ въ эту тихую ночь проливаешь ты въ меня дрожащую тоску—тоску тайной тревоги, смутныхъ надеждъ и обольщеній... Ты, какъ богъ, творишь въ душѣ моей, свѣтъ и тьму.

Внизу, въ темной глубинѣ подъ ногами, слышны голоса.

— Васька, плыви сюда... Кидайся!.. слышь? Да ты кидайся!..

— Не брызгай... ты... ой-ой-ой!..

Съ шумомъ бултыхнулось въ воду тяжелое тѣло. Слышенъ горластый смѣхъ, фырканье, возня и плескъ воды.

— Го-го-го-о!..—несется далеко по спокойной водѣ.

Другъ мой милый, другъ мой единственный! Какъ славно въ эту тихую ночь звенятъ водяные жуки и лягушки! Отчего же на сердцѣ у меня—тѣнь тревожная, и тоскливо гляжу я въ смутную ночную даль?..

Бѣгу внизъ по откосу, по осыпи, бѣгу огромными прыжками, чтобы захватило духъ. Вотъ и вода. Тихо, какъ въ чашкѣ. Совсѣмъ заснула рѣка. Запахъ мокрыхъ камней и обомшѣлыхъ боковъ лодки, запахъ воды, которая спитъ между камнями. И, нахмурясь и нахлобучивъ тѣнь, спитъ надо мною гора.

Зашумѣла вода подъ темнымъ тупымъ носомъ лодки. Гнутся весла, постукивая въ уключинахъ, бурлятъ и разворачиваютъ воду. Лодка бѣжитъ толчками, шумя и возмущая спокойствіе ночи, и въ поколебленной глади безпокойно ходятъ, изгибаясь, звѣзды. И неизвѣданна, и недвижима темная глубина этихъ водъ.

Такъ одѣла тихая ночь любовь мою, и безпокойно ходятъ въ ней, какъ звѣзды въ водѣ, думы, и тихая радость обольщенія, и жалоба, и упрямая, неразумная, все забывающая и все прощающая надежда. Ночь до краевъ наполнила душу тоскою...

Весла давно отдыхаютъ, и лодка стоитъ подъ звѣздами. Сердце стучитъ, какъ маятникъ. И лѣниво, сквозь дремоту, отвѣчаетъ ему вода, чуть слышно хлюпая подъ бортами.

Спятъ люди, спятъ лѣса и горы, спитъ тихая рѣка.

Веніаминъ Дубовской.

Старое и новое въ эволюціонной теоріи *).

II.

Ученіе де-Фриза о происхожденіи видовъ.

Давно ужъ, и въ ученыхъ кругахъ, и въ интеллигентномъ обществѣ, идутъ толки о томъ, что у дарвинизма имѣется болѣе опасный и сильный противникъ, чѣмъ неоламаркизмъ: это такъ называемая мутаціонная теорія голландскаго ботаника, Гуго де-Фриза. Даже больше того: есть энтузіасты, которые утверждаютъ, что де-Фризъ, своимъ новымъ ученіемъ о происхожденіи видовъ, совершенно оттѣснилъ на задній планъ Дарвина, сорвалъ съ великаго натуралиста ореолъ, казалось бы, немеркнущей славы, и самъ сталъ твердою ногой на путь, ведущій къ пантеону безсмертныхъ...

Такъ ли это, однако? Не имѣемъ ли мы въ данномъ случаѣ дѣло съ преувеличеніями, продиктованными обычною психологіей эпигоновъ дарвинизма и падкихъ къ новшеству всезнаекъ?

Отвѣтомъ на эти вопросы и должна служить предлагаемая вниманію читателя статья, въ которой я попытаюсь оцѣнить возможно объективнѣе то «новое», что привнесено въ науку де-Фризомъ, и разобраться въ ходячихъ толкахъ о немъ: кто знаетъ, быть можетъ, дарвинизмъ и въ самомъ дѣлѣ долженъ скромно посторониться передъ властнымъ кличемъ: «шире дорогу!.. Мутаціонная теорія идетъ!..»

Въ ряду крупнѣйшихъ біологическихъ фактовъ, положенныхъ въ основу любой теоріи происхожденія и эволюціи живыхъ формъ природы, одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ измѣнчивость—способность организмовъ претерпѣвать структурныя и функціональныя измѣненія подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ, внѣшнихъ и внутреннихъ агентовъ; само собою разумѣется,

*) См. „Русское Богатство“ 1910, янв.

что и теорія голландскаго ботаника должна исходить изъ измѣнчивости животныхъ и растеній.

Дѣло, однако, въ томъ, что измѣнчивость—явленіе въ высокой степени сложное: сказывается она въ весьма различныхъ формахъ и направленіяхъ, и различныя формы ея далеко неодинаково учитываются теоретиками происхожденія видовъ. Намъ, конечно, нѣтъ никакой надобности останавливаться на анализѣ всѣхъ формъ измѣнчивости; но перечислить важнѣйшія изъ нихъ необходимо, хотя бы ужъ потому, что иначе читателю будутъ не ясны, какъ теоретическія позиціи де-Фриза, такъ и мотивы его несогласія съ Дарвиномъ.

Возьмемъ два примѣра, на которыхъ намъ нетрудно будетъ прослѣдить всѣ наиболѣе типичныя формы измѣнчивости.

Примѣръ первый.

Передъ нами всѣмъ хорошо извѣстное растеніе—левкой, та разновидность его, которая обычно производитъ свѣтло-розовые цвѣты. Засѣвая на протяженіи нѣсколькихъ лѣтъ сѣмена этого растенія, мы замѣчаемъ, что нѣкоторые изъ вновь появившихся левкоевъ даютъ цвѣты не свѣтло-розовые, а болѣе темной окраски: розовые, темно-розовые, почти красные. Измѣненіе на лицо, и при томъ измѣненіе количественное: старый признакъ—свѣтло-розовая окраска лепестковъ—измѣняется въ степени, количественно; мало этого: онъ измѣняется постепенно, шагъ за шагомъ, наростаетъ послѣдовательно, такъ, что между старымъ признакомъ (лепестки свѣтло-розовые) и наиболѣе сильнымъ уклоненіемъ отъ него (лепестки почти красные) можно вставить рядъ промежуточныхъ, переходныхъ формъ (лепестки розовые, темно-розовые).

Итакъ, въ разсмортрѣнномъ только что случаѣ мы имѣемъ дѣло съ измѣнчивостью количественною и непрерывною (continuirliche Variabilität современныхъ нѣмецкихъ авторовъ). Не мѣшаетъ замѣтить, что такого рода измѣненія въ настоящее время предпочитаютъ величать плюсъ и минусъ-варіаціями: плюсъ-варіаціей въ томъ случаѣ, когда существующій у организма признакъ измѣняется въ положительную сторону, наростаетъ (какъ во взятомъ нами примѣрѣ), и минусъ-варіаціей тогда когда тотъ же признакъ (или какой либо другой) измѣняется въ отрицательную сторону, понижается, слабѣетъ.

Второй примѣръ.

Существуетъ на бѣломъ свѣтѣ растеніе, извѣстное подъ именемъ вѣчно-цвѣтущей бегоніи (Begonia semperflorens); оно опять таки большинству изъ васъ знакомо; знаете вы, навѣрное, также и то, что растеніе это производитъ бѣлые цвѣты. Однако вотъ что извѣстно ботаникамъ изъ лѣтописей вѣчно-цвѣтущей бегоніи. Лѣтъ тридцать тому назадъ у одного цвѣтовода среди бегоній съ обыкновенными бѣлыми цвѣтами появилось растеніе, которое, во-

преки его ожиданiямъ, выгнало цвѣты темно-розовые и стало затѣмъ родоначальникомъ новой породы бегонiй. Прошло послѣ этого еще лѣтъ десять. Новоявленная разновидность не только благоденствовала, но положила внезапно начало еще одной породѣ бегонiй: среди потомковъ ея вдругъ объявились экземпляры, у которыхъ цвѣты имѣли пурпуровую окраску, а листья—обычно темно-зеленые—также отчасти прiобрѣли темно-красный цвѣтъ. Метаморфоза замѣчательная и во всякомъ случаѣ стоющая того, чтобъ оцѣнить ее по достоинству.

Прежде всего несомнѣнно, что тутъ мы имѣемъ дѣло съ измѣненiемъ не количественнымъ, а качественнымъ: цвѣта бѣлый, темно-розовый и пурпуровый, безспорно, несходны межъ собой качественно, а не количественно; говоря иначе, въ данномъ случаѣ измѣнчивость сказалась не въ томъ, что организмъ усилилъ или ослабилъ какой-либо изъ имѣющихся у него признаковъ, а въ томъ, что онъ заполучилъ признакъ совершенно новый, ранѣе у него не существовавшiй (красные цвѣты, красные листья—вмѣсто цвѣтовъ бѣлыхъ и листьевъ зеленыхъ). Затѣмъ—и это особенно важно—измѣненiе въ только что разсмотрѣнномъ случаѣ произошло внезапно, и новый признакъ организма стоитъ особнякомъ, внѣ всякой связи съ раннѣе имѣвшимися у него признаками: сначала окраска цвѣтовъ бѣлая,—потомъ красная, сначала листья зеленыя—потомъ темно-красныя. Вотъ почему такого рода измѣнчивость, въ отличiе отъ измѣнчивости постепенной, непрерывной, принято называть прерывистой (discontinuirliche Variabilität нѣмецкихъ авторовъ). Сейчасъ, впрочемъ, часто вмѣсто термина «прерывистая измѣнчивость» употребляютъ выраженiе: «измѣненiя скачками»—нѣмецкое Sprungvariationen, французское Variations par secousse, англiйское, точнѣе, дарвиновское Single Variations

Мы установили такимъ образомъ четыре, если можно такъ выразиться, типа измѣнчивости признаковъ у организмовъ растительнаго и животнаго происхожденiя: измѣненiя количественныя, качественныя, послѣдовательныя и скачковыя. Тутъ же, однако, я вынужденъ сдѣлать весьма существенную оговорку къ этой класификацiи: она, какъ и всякая классификацiя вообще, въ значительной мѣрѣ искусственна—magis artis quam naturae, т. е. гораздо больше дѣло ума человѣческаго, чѣмъ самой природы. Живая природа, этотъ по истинѣ великiй артистъ, неистощимый и чрезвычайно капризный въ творчествѣ своемъ, не укладывается ни въ какiя схемы и, оставаясь единой по существу, выявляетъ себя себя весьма многообразно и не скупится на комбинацiи, иногда совершенно неожиданныя и, такъ сказать, экстравагантныя. Можно ли, напримѣръ, утверждать, что та форма измѣнчивости, которую мы назвали количественной, обязательно сказывается и непрерывно, т. е. проявляется въ цѣломъ рядѣ уклоненiй отъ нормы, располагающихся въ послѣдовательной связи,

какъ постепенно наростающія или уменьшающіяся звенья одной и той же цѣпи? Разумѣется,—нѣтъ, ибо плюсъ или минусъ-варіація какого либо изъ существующихъ у организма признаковъ можетъ проявиться очень сильно и въ то же время совершенно одиноко, т. е. безъ постепенныхъ переходовъ отъ этого ярко выраженнаго количественнаго измѣненія къ тому признаку, варіацией котораго мы его признаемъ.

А затѣмъ: есть ли основаніе думать, что всякое качественное измѣненіе въ строеніи или дѣятельности организма есть обязательно измѣненіе «скачковое» или прерывистое? Опять таки—нѣтъ. Можно вѣдь представить себѣ, что какая либо совершенно новая особенность, положимъ, въ структурѣ организма—а это и будетъ качественная перемѣна — выражена неодинаково у цѣлаго ряда особей данной группы животныхъ или растеній. А если можно, то не составитъ, конечно, никакого труда расположить весь этотъ рядъ одинаковыхъ по качеству, но различныхъ по величинѣ новыхъ признаковъ въ опредѣленномъ, постепенно наростающемъ или убывающемъ порядкѣ—такъ, чтобы непрерывность качественнаго измѣненія и наличность переходовъ между различными степенями его сами собою бросались въ глаза...

Послѣ этихъ предварительныхъ соображеній мы можемъ приступить къ предмету настоящей статьи, начавши дальнѣйшее изложеніе вопросомъ: какія формы измѣнчивости служатъ базою для построенія различныхъ теорій происхожденія видовъ?

Дарвинъ, какъ вамъ, по всей вѣроятности, извѣстно, исходилъ въ своей теоріи изъ фактовъ непрерывной, постепенной измѣнчивости, количественной и качественной: измѣненіямъ «скачковымъ» или «прерывистымъ» онъ не придавалъ особеннаго значенія въ дѣлѣ возникновенія и эволюціи видовъ.

Ну, а де-Фризъ? Какого рода измѣненіямъ онъ отводитъ главенствующую роль въ своей «новой» теоріи происхожденія видовъ? Измѣненіямъ «скачковымъ», которыя онъ, впрочемъ, предпочитаетъ, въ отличіе отъ варіацій Дарвина, называть мутаціями. Въ послѣднемъ трудѣ своемъ *), Arten und Varietaten und ihre Entstehung durch Mutation, «Виды и разновидности и ихъ происхожденіе путемъ мутаціи», онъ, между прочимъ, пишетъ: «Господствующее мнѣніе предполагаетъ, что виды медленно преобразуются въ новыя формы. Въ противовѣсъ этому предположенію мутаціонная теорія утверждаетъ, что новые виды и разновидности возникаютъ изъ ранѣе существовавшихъ формъ путемъ внезапныхъ скачковъ, durch plötzliche Sprünge (курсивъ мой В. Л.). Отсюда, казалось бы, должно слѣдовать, что дефризовскія «мутаціи» и «скачковыя измѣненія», Sprungvariationen,

*) Нѣмецкое изданіе 1906 г. лекцій, читанныхъ де-Фризомъ въ Калифорнскомъ университетѣ.

по существу одно и то же. Было бы, однако, нѣсколько опрометчиво сдѣлать такое уподобленіе, и вотъ, собственно, почему, «скачковое» измѣненіе есть нѣчто не только новое, но и сильно, ярко выраженное; мутаціи же де-Фриза, по его собственному завѣренію, часто бываютъ выражены чрезвычайно слабо—на столько слабо, что требуется опытный глазъ для того, чтобы ихъ примѣтить: самъ де-Фризъ—а онъ ли не авторитетъ въ вопросѣ о мутаціяхъ!—иной разъ не распознавалъ сразу мутаціи тамъ, гдѣ онѣ имѣлись ужъ на лицо. Стало быть, говоря о мутаціяхъ де-Фриза, какъ о «внезапныхъ скачкахъ»—«plötzliche Sprünge»!—не слѣдуетъ упускать изъ виду, что «скачки»-то эти, по большей части, не Богъ вѣсть какъ велики и частенько съ трудомъ различаются.

Каковы же все таки отличительныя особенности мутаціи?

Мутація это прежде всего штрихъ совершенно новый въ ряду признаковъ, характерныхъ для данной группы организмовъ.

Затѣмъ, это—особенность, возникшая вдругъ, внезапно, внѣ всякой связи съ признаками, ранѣе существовавшими у разсматриваемой группы организмовъ. Въ виду этого не можетъ быть и рѣчи о существованіи переходовъ и промежуточныхъ звеньевъ между такимъ новымъ, внезапно объявившимся и «старыми» признаками организма.

Наконецъ, это—особенность стойкая, переходящая изъ поколѣнія въ поколѣніе, наслѣдственная.

Короче говоря, всякая новая, внезапная и наслѣдственная особенность въ организаціи или въ дѣятельности живого существа есть мутація.

Къ этому опредѣленію я долженъ буду сдѣлать, однако, одно существенное дополненіе.

По мысли де-Фриза, мутаціи возникаютъ не изолированно, не въ одиночку, а цѣлыми, болѣе или менѣе значительными и связными группами; у извѣстнаго числа животныхъ или растеній даннаго вида появляется сразу рядъ, правда, недостаточно яркихъ, но совершенно новыхъ признаковъ, измѣняющихъ ихъ общій обликъ, ихъ habitus (Habitusänderungen). «Измѣненія, извѣстныя подъ именемъ мутацій, говоритъ де-Фризъ, представляютъ собою преобразованія въ новыхъ и при томъ въ различныхъ направленіяхъ».. «Измѣненія эти охватываютъ всѣ органы и всюду сказываются почти въ любомъ направленіи». *).

Вотъ эта то способность мутацій появляться вдругъ, такъ сказать, самопроизвольно, по невѣдомымъ пока наукѣ причинамъ, въ видѣ цѣлой группы измѣненій въ различныхъ направленіяхъ—это

*) De Vries: Die Mutationstheorie. I. 1901

то оригинальное свойство мутацій и положено въ основу «новой», мутаціонной теоріи происхожденія видовъ.

Чтобы уразумѣть, возможно точнѣе, ходъ мыслей автора «мутаціонной теоріи», необходимо освоиться, помимо всего только что изложеннаго, и съ его сужденіемъ о томъ, что такое «видъ».

И въ самомъ дѣлѣ: что такое въ представленіи де-Фриза «видъ»?

Любой ясно очерченный видъ животныхъ или растеній есть, по мнѣнію де-Фриза, нѣчто сложное — вѣрнѣе, сборное: онъ слагается изъ нѣсколькихъ «элементарныхъ видовъ», которые разнятся межъ собой признаками мутаціоннаго характера. Понимать это нужно такъ.

Допустимъ, что у насъ имѣется какой-нибудь видъ растеній. Обозначимъ его буквою *Z*. Но это видъ сборный; онъ, согласно утвержденію де-Фриза, слагается изъ «элементарныхъ видовъ» *M*, *N*, *O*; всѣ эти три элементарныхъ вида надѣлены группою общихъ признаковъ, объединяющихъ ихъ въ одинъ сборный видъ—*Z*; но каждый изъ нихъ имѣетъ нѣчто характерное, существенно несходное съ особенностями другого элементарнаго вида, и это «нѣчто» представляетъ собою группу признаковъ мутаціоннаго происхожденія и характера, т. е. такихъ признаковъ, которые развились внезапно, отмѣчены печатью новизны и передаются изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Теперь у насъ имѣется все, необходимое для пониманія устоевъ того архитектурнаго зданія, имя которому «мутаціонная теорія».

Въ чемъ же, однако, суть самой теоріи? Какова логика ея основоположеній? Суть такъ же проста, какъ и логика.

Натуралисты школы Ламарка, Дарвина и Уоллеса привыкли думать, что новые виды возникаютъ медленно и постепенно на протяженіи многихъ вѣковъ; что начало новому виду кладется небольшими индивидуальными измѣненіями въ строеніи и дѣятельности организма; что измѣненія эти систематически, изъ поколѣнія въ поколѣніе, наростаютъ подъ вліяніемъ естественнаго подбора, развертывающаго свою дѣятельность на фонѣ борьбы за существованіе, и, въ концѣ концовъ, становятся отличительными признаками новаго вида; что, благодаря такому именно постепенному возникновенію видовъ, между ними и видами старыми долженъ существовать рядъ промежуточныхъ или переходныхъ формъ; что, наконецъ, непрерывность органическаго процесса есть основной законъ жизни и ея истолковательницы, біологіи. Такъ привыкли думать дарвинисты—и не только правовѣрные, но и ревизіонисты.

Но де-Фризъ этого ученія не принимаетъ. Онъ думаетъ иначе. Онъ постулируетъ рядъ положеній діаметрально противоположнаго характера. Онъ пишетъ:

«Виды возникали не путемъ постепеннаго подбора въ теченіе столѣтій и тысячелѣтій, а интервалами, благодаря внезапнымъ, хотя, быть можетъ, и совершенно маленькимъ преобразованіямъ— nicht durch allmächliche, während Jahrhunderte oder Jahrtausende fortgesetzte Selection, sondern stufenweise durch plötzliche wenn auch ganz kleine Umwandlungen...

«Новый видъ возникаетъ сразу—die neue Art ist mit einem Male da!—изъ предшествующаго вида, безъ замѣтныхъ подготовленій, безъ переходовъ...

«Мутаціи внезапно превращаютъ одинъ видъ въ новую форму или образуютъ изъ какой-либо разновидности другую, совершенно отличную отъ первой»... (ibid).

Послѣдняя цитата объясняетъ, между прочимъ, почему «новое» ученіе о происхожденіи видовъ названо де-Фризомъ «мутаціонной теоріей»: виды возникаютъ не путемъ дарвиновскихъ варіацій, а путемъ мутацій, процессъ происхожденія видовъ есть процессъ прерывистый, а не непрерывный—нѣтъ въ немъ «замѣтныхъ подготовленій», нѣтъ «переходовъ», все возникаетъ сразу: die neue Art ist mit einem Male da! Такова квинтъэссенція теоріи де-Фриза. И если бъ вы вздумали развернуть содержаніе этой общей формулы, то у васъ получилась бы слѣдующая схема происхожденія новыхъ элементарныхъ видовъ изъ одного стараго:

«Элементарный видъ» M *) характеризуется или, точнѣе,—отличается отъ другихъ, родственныхъ ему элементарныхъ видовъ N и O—группою мутацій, которыя мы обозначимъ буквами, a, b, c.

Внезапно, въ силу непознанныхъ еще наукою причинъ, у цѣлой группы недѣлимыхъ этого элементарнаго вида, обнаруживается рядъ мутацій: у однихъ мутаціи m и n, у другихъ — мутаціи p и q, у третьихъ внезапно исчезаетъ первоначальная мутація c, а взамѣнъ нея появляется мутація s. Въ результатѣ такихъ преобразованій у насъ, наряду съ организмами, характеризовавшимися признаками abc, появятся три новыхъ формы организмовъ, отличительныя особенности которыхъ можно будетъ выразить буквами: abc mn, abc pq, ab s. Это, согласно де-Фриза, три совершенно новыхъ, дотолѣ несуществовавшихъ элемантарныхъ вида, которые, по словамъ автора «мутаціонной теоріи», отчленяются отъ стараго вида (M) на подобіе боковыхъ отпрысковъ—«entspringen seitlich aus dem Hauptstamm» **). Они, какъ видите, возникли сразу,—«plötzlich», «mit einem Male»:

*) Беру одинъ изъ трехъ элементарныхъ видовъ (M, N, O), образующихъ, какъ мы предположили раньше, «сборный» видъ Z.

**) De Vries. Arten und Varietäten und ihre Entstehung durch Mutation. 1906.

между этими новыми элементарными видами и старымъ элементарнымъ видомъ М, отъ котораго они отдѣлились на подобіе боковыхъ отпрысковъ главнаго ствола, нѣтъ никакихъ «переходныхъ» формъ, никакихъ «промежуточныхъ звеньевъ»...

Перейдемъ теперь отъ силлогизмовъ, абстракцій и голыхъ схемъ къ живой дѣйствительности: посмотримъ, каковы фактическія данныя, послужившія основой для мутаціонной теоріи.

«Основа»—заслуживающая, повидимому, всяческаго довѣрія: это—наблюденіе и опытъ, испытанныя орудія точнаго знанія.

Обратившись къ обширному, двухтомному труду де-Фриза, «Die Mutationstheorie», мы найдемъ здѣсь богатѣйшій матеріалъ наблюденій и опытовъ надъ растеніемъ Oenothera Lamarckiana (по-русски—ослинникъ или ослякъ), своеобразныя особенности котораго и привели де-Фриза къ мысли дать новую теорію происхожденія видовъ. Этому растенію за послѣднія десять лѣтъ посвятили не мало вниманія біологи всѣхъ толковъ и направленій; о немъ говорится теперь почти во всякомъ сколько-нибудь значительномъ трудѣ, посвященномъ вопросу о трансформизмѣ; оно стало предметомъ горячихъ споровъ не только для ботаниковъ-спеціалистовъ, но и для всѣхъ тѣхъ, кому дороги судьбы эволюціонной теоріи; для однихъ оно—enfant terrible, нарушающее традиціонный ходъ мыслей въ дѣлѣ пониманія явленій органическаго прогресса, для другихъ—enfant gaté, открывающее новые перспективы теоретическому естествознанію. Вообще же исторія съ ламаркіаной *) это—цѣлая эпопея, безусловно стоющая того, чтобы на ней подольше остановиться. А потому естественно спросить, чѣмъ собственно прославилась ламаркіана и чѣмъ вызванъ поднятый ею въ наукѣ шумъ?

Громадное большинство натуралистовъ думаетъ, что ламаркіана родомъ изъ Техаса, и что въ Европу занесена изъ Америки. Попала она, между прочимъ, и на родину де-Фриза.

Здѣсь, еще въ первой половинѣ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія, она обратила на себя вниманіе этого ученаго, и вотъ по какому случаю. Возлѣ Амстердама, на заброшенномъ картофельномъ полѣ развилось множество ламаркіанъ. Все поле сплошь было покрыто ими. Но тутъ же, къ крайнему своему изумленію, де-Фризъ нашелъ нѣсколько экземпляровъ, которые общимъ обликомъ своимъ немного отличались отъ обыкновенныхъ ламаркіанъ. Это были, несомнѣнно, особенныя формы. Одну изъ нихъ де-Фризъ, въ отличіе отъ Oen. Lamarckiana, окрестилъ именемъ Oenothera laevifolia, а другую—Oenothera brevistilis. Откуда, спрашивается, взялись эти «новыя» формы? Де-Фризъ рѣшилъ, что онѣ возникли тутъ же, на запущенномъ картофельномъ полѣ,

*) Позволю себѣ для краткости такъ именовать это оригинальное растеніе.

изъ сѣменъ обыкновенной ламаркіаны, — возникли сразу, вдругъ, словно по манію волшебства, въ силу неподлежащихъ пока учету причинъ. Выводъ былъ слишкомъ смѣлъ, конечно, и требовалъ самой тщательной экспериментальной провѣрки. И вотъ начинается провѣрка, — кропотливая, систематическая, растянувшаяся съ небольшимъ перерывомъ на цѣлыхъ 13 лѣтъ: отъ 1886 до 1891 и отъ 1895 до 1899 года. Все это время де-Фризъ былъ занятъ культурой ламаркіаны: засѣвалъ ея сѣмена и внимательно изучалъ возникавшія изъ нихъ растенія. Результаты получились замѣчательные, пожалуй, даже для самого де-Фриза неожиданные. И въ самомъ дѣлѣ. Оказалось, что изъ сѣменъ ламаркіаны возникаютъ не только обыкновенныя ламаркіаны, но и какія-то «новыя формы», цѣлыхъ семь новыхъ формъ, изъ которыхъ каждая была надѣлена группою признаковъ мутаціоннаго характера; эти «новыя формы», по волѣ ихъ крестнаго отца, получили слѣдующія латинскія названія: Oenothera gigas, O. lata, O. oblonga, O. nanella, O. rubri nervis, O. albida, O. scintillans. Этимъ, однако, дѣло не ограничилось. Американскій ученый, Mc. Dougal, слѣдуя примѣру де-Фриза, занялся культурой ламаркіаны въ Нью-іоркскомъ ботаническомъ саду. Онъ пользовался при этомъ сѣменами, вывезенными изъ Амстердама. И что же? Полученные имъ результаты были еще болѣе эффектны, чѣмъ у де-Фриза: помимо тѣхъ семи «новыхъ формъ», которыя возникали у этого послѣдняго, Mc. Dougal замѣтилъ среди своихъ ламаркіанъ еще семь новыхъ формъ—итого четырнадцать новыхъ формъ! А если присоединить къ нимъ еще тѣ три необыкновенныя формы, которыя де-Фризъ нашелъ впервые на картофельномъ полѣ возлѣ Амстердама, и которыя, кстати сказать, въ его культурахъ ни разу больше не появлялись, то выйдетъ уже не 14, а цѣлыхъ 17 новыхъ «элементарныхъ видовъ», возникшихъ на глазахъ экспериментатора сразу—«plötzlich», «mit einem Male».

Результаты, какъ видите, дѣйствительно, сенсаціонные. Не мудрено, что они вскружили и «plötslich» голову не одному лишь де-Фризу, а и цѣлому ряду другихъ, столь же почтенныхъ и авторитетныхъ ученыхъ. Фактъ внезапнаго возникновенія «новыхъ видовъ» какъ бы силою непостижимаго «да будетъ!», казалось, былъ на лицо. На ясномъ небѣ дарвинизма всплыло темное облако. Въ воздухѣ зарѣяли какіе-то угрожающіе призраки. Встрепенулись поклонники «новыхъ словъ», вродѣ небезъизвѣстнаго вамъ Франсе *), и зловѣще изрекли: конецъ эволюціонной теоріи въ стилѣ Дарвинъ-Геккель-Вейсмана!..

Это послѣднее заявленіе можетъ подать поводъ къ мысли, будто де-Фризъ совершенно исключаетъ изъ своей теоріи ученіе о роли борьбы за существованіе и естественнаго подбора въ дѣлѣ проис-

---

*) См. „Рус. Бог.“ № 1. 1910 г.

хожденія видовъ. Такое заключеніе было бы, однако, совершенно неосновательно: де-Фризъ признаетъ и борьбу, и подборъ. Но онъ ограничиваетъ роль этихъ «факторовъ». Дарвинъ и Уоллесъ, если помните, придаютъ особенное значеніе борьбѣ, совершающейся въ рамкахъ даннаго вида, борьбѣ между отдѣльными особями его. Де-Фризъ, напротивъ, думаетъ, что для происхожденія новыхъ видовъ первенствующее значеніе имѣетъ борьба между самими видами. Затѣмъ, по смыслу ученія Дарвина и Уоллеса, естественный подборъ есть начало творческое, созидательное: онъ подхватываетъ полезныя для организма уклоненія (варіаціи), закрѣпляетъ ихъ въ ряду смѣняющихъ другъ друга поколѣній, совершенствуетъ, подымаетъ на высоту цѣлесообразнаго для борьбы за существованіе приспособленія. Иначе ведетъ себя подборъ въ ученіи де-Фриза: тутъ роль его исключительно разрушительная; онъ просто устраняетъ негодныя для данныхъ условій среды мутаціи, онъ прямо вычеркиваетъ изъ списка жизни неприспособленные «элементарные виды», не оказывая при этомъ ровно никакого вліянія на самыя «мутаціи». Вотъ подлинныя слова де-Фриза по этому поводу:

«Die Auslese ist nur ein Sieb, und nicht eine Naturkraft. Mit den einzelnen Schritten der Entwicklung hat sie nichts zu tun. Erst nachdem ein Schritt gemacht worden ist, kommt Sieb zur Wirkung, indem es das Unpassende ausscheidet.—Подборъ есть всего лишь сито, а не какой-то факторъ природы. Ему нечего дѣлать съ отдѣльными стадіями развитія. Лишь послѣ того, какъ та или иная ступень развитія достигнута, впервые выступаетъ на сцену это «сито», устраняя неприспособленныхъ»...

«Изъ разнообразно проявляющихся мутацій борьба за существованіе выбираетъ цѣлесообразныя, и только въ этомъ смыслѣ можно объяснить ихъ переживаніе. Теорія естественнаго подбора, защищаемая Уоллесомъ и его приверженцами, допускаетъ дѣятельность подбора исключительно среди особей одного и того же вида. Въ мутаціонной теоріи естественный подборъ производитъ отборку среди видовъ. Одни побѣждаютъ и расширяютъ предѣлы своего распространенія, другіе уничтожаются. Первые могутъ опять привести къ возникновенію новыхъ породъ, вторые исчезаютъ, не оставляя потомства. Основная мысль мутаціонной теоріи приводитъ насъ къ убѣжденію, что, благодаря борьбѣ за существованіе и естественному подбору, виды не возникаютъ, а исчезаютъ» (Курсивъ мой. В. Л.).

Я попытался набросать, возможно рельефнѣе, общіе контуры мутаціонной теоріи и подчеркнуть все существенное въ основномъ фактическомъ аргументѣ въ пользу этой теоріи. Теперь, суммируя все вышеизложенное, не трудно представить тѣ выводы, къ кото-

рымъ мы пришли, въ видѣ параллели между «старой», дарвиновской, и «новой», дефризовской, теоріей происхожденія видовъ. Параллель эта, однако, есть скорѣе антитеза, чѣмъ настоящая параллель. Самъ де-Фризъ не разъ противопоставляетъ свои взгляды взглядамъ Дарвина. Онъ, безспорно, считаетъ себя новаторомъ естествознанія. Правъ ли онъ или добросовѣстно заблуждается— это ужъ особое дѣло, о которомъ рѣчь еще впереди. Во всякомъ случаѣ, чтобы яснѣе оттѣнить идеи голландскаго ботаника, правильнѣе всего будетъ воспользоваться именно антитезой между Дарвиномъ и де-Фризомъ, воспроизводя основныя положенія дарвинизма не такъ, какъ излагалъ ихъ самъ Дарвинъ и какъ ихъ слѣдуетъ на самомъ дѣлѣ излагать, а такъ, какъ понимаетъ ихъ де-Фризъ. Вотъ, къ чему, въ концѣ концовъ, сводится эта антитеза:

1) Исходнымъ пунктомъ для образованія новыхъ видовъ, по Дарвину, служатъ варіаціи, т. е. индивидуальныя измѣненія, возникающія постепенно и выраженныя въ различной степени.

Изъ такихъ измѣненій, говоритъ де-Фризъ, новые виды возникнуть не могутъ, ибо варіаціи, въ лучшемъ случаѣ, приводятъ лишь къ образованію разновидностей и породъ у дикихъ животныхъ или растеній: «на почвѣ индивидуальныхъ различій, пишетъ онъ, естественный подборъ ведетъ къ возникновенію расъ... Существующій признакъ при этихъ условіяхъ можетъ увеличиться или уменьшиться, но новое не возникнетъ». Новое, по его мнѣнію, возникнетъ лишь благодаря мутаціямъ, которыя и являются такимъ образомъ истинными виновниками происхожденія и превращенія видовъ.

2) Новый видъ, по Дарвину, возникаетъ медленно, въ теченіе многихъ вѣковъ, при чемъ «старое» незамѣтно превращается въ «новое» и связано съ нимъ рядомъ постепенныхъ переходовъ.

По де-Фризу, «die neue Art ist mit einem Male da» — новый видъ создается сразу, при чемъ между нимъ и старымъ видомъ нѣтъ никакихъ переходовъ.

3) Борьба за существованіе, согласно Дарвину, обычно разыгрывается во всю между особями даннаго вида: индивиды съ наиболѣе ярко выраженнымъ полезнымъ уклоненіемъ остаются побѣдителями въ жизненной борьбѣ и такимъ образомъ становятся родоначальниками новаго вида.

По мысли де-Фриза, борьба идетъ не въ рамкахъ вида, а между элементарными видами, изъ которыхъ одни, наиболѣе приспособленные, остаются жить, а остальные гибнутъ.

4) Естественный подборъ, какъ полагаетъ Дарвинъ, есть процессъ творческій: на протяженіи этого процесса виды создаются, крѣпнутъ, совершенствуются.

По де-Фризу же, новые виды возникаютъ независимо отъ подбора, ибо подборъ—процессъ разрушительный, уничто-

жающій негодныя для жизни мутаціи, неприспособленные къ ней элементарные виды...

Такова пресловутая мутаціонная теорія: такъ формулируетъ ее де-Фризъ, сравнивая свое дѣтище съ ученіемъ геніальнаго англійскаго натуралиста.

Она, говорятъ, нова; а новизна, какъ извѣстно, лучшая гарантія успѣха среди людей, не имѣющихъ ни времени, ни охоты разбираться въ подлинной цѣнѣ всяческихъ новинокъ, особенно въ области научной мысли.

Что же, однако, новаго въ мутаціонной теоріи? Идеи? Методы изслѣдованія? Или и то и другое вмѣстѣ?

Отвѣчая на этотъ вопросъ, надо прежде всего отмѣтить слѣдующее:

Въ ученіи де-Фриза два основныхъ принципа дарвинизма — борьба за существованіе и естественный подборъ—занимаютъ такое же большое мѣсто, какъ и у самого Дарвина. Стало быть, въ этомъ отношеніи врядъ ли приходится говорить о новизнѣ мутаціонной теоріи. Далѣе. Де-Фризъ, какъ и Дарвинъ, исходитъ въ своихъ построеніяхъ изъ факта измѣнчивости и наслѣдственности признаковъ. Слѣдовательно, и тутъ его теорія покоится на тѣхъ же «китахъ», которые поддерживаютъ зданіе, сооруженное Дарвиномъ. Разница лишь въ томъ, что де-Фризъ оказываетъ исключительное вниманіе той формѣ измѣнчивости, которую игнорируетъ— да и то не вполнѣ — Дарвинъ, и что онъ совершенно отрицаетъ наслѣдственность благопріобрѣтенныхъ признаковъ, тогда какъ Дарвинъ придавалъ немаловажное значеніе и этой формѣ наслѣдственности. Любопытно, между прочимъ, что Уоллесъ и Вейсманъ также отрицаютъ наслѣдственность благопріятныхъ признаковъ, хотя это и не мѣшаетъ имъ считать себя самыми послѣдовательными и рьяными дарвинистами. Все это показываетъ, что главныя краски для своей теоріи де-Фризъ бралъ съ палитры Дарвина, и что слухи о новизнѣ его теоріи въ значительной мѣрѣ преувеличены. И все таки «новое» въ ней, безспорно есть: во-первыхъ, утвержденіе, что виды возникаютъ не постепенно, а вдругъ, и во-вторыхъ, попытка показать экспериментальнымъ путемъ, что они на самомъ дѣлѣ появляются сразу, тутъ же, на глазахъ экспериментатора. Вотъ это то утвержденіе о внезапномъ происхожденіи новыхъ видовъ и способствовало, главнымъ образомъ, успѣху мутаціонной теоріи.

Да и какъ не способствовать! Вѣдь вопросъ о томъ, откуда берутся совершенно новые штрихи въ строеніи и дѣятельности организмовъ есть, такъ сказать, больное мѣсто дарвинизма. Мутаціонная же теорія просто упраздняетъ этотъ вопросъ: не было и появилось вдругъ—только и всего! Къ чему тутъ мудрить? Зачѣмъ теряться въ догадкахъ и предположеніяхъ? Съ какой стати строить сложныя гипотезы, если все дѣло объясняется гораздо проще, все-

разрѣшающимъ понятіемъ «мутація»? Возьмемъ хотя бы одну изъ труднѣйшихъ проблемъ біологіи—проблему о возникновеніи сознанія. Когда, на какой ступени органической лѣстницы впервые зародилось оно? И главное: какъ зародилось, откуда взялось, если не было раньше? Вѣдь существо, надѣленное хотя бы слабыми «зачатками» или «проблесками» сознанія, и существо, вовсе лишенное его — антиподы, величины несоразмѣримыя. Если же это такъ—а, несомнѣнно, такъ, и иначе быть не можетъ,—то спрашивается: допустимо ли, чтобы на той или иной ступени органической эволюціи существа, лишенныя сознанія, стали существами, отмѣченными печатью, такъ сказать, «дара духа святого». Все это—вопросы головоломные, и не одна сильная мысль разбивалась о нихъ, безпомощно лавируя между Сциллою и Харибдою противорѣчивыхъ, взаимноисключающихъ выводовъ, между необходимостью признать, что вопросъ о возникновеніи сознанія либо вовсе не подлежитъ разрѣшенію, либо сводится къ допущенію, что сознаніе— необходимый аттрибутъ жизни вообще, а потому условія его возникновенія совпадаютъ съ условіями зарожденія самой жизни на нашей планетѣ. Но вотъ приходитъ, напримѣръ, Лёбъ, одинъ изъ приверженцевъ теоріи «скачковой эволюціи», тотъ самый Лёбъ, о которомъ мнѣ ужъ приходилось упоминать въ одномъ изъ «Біологическихъ эскизовъ» *), — приходитъ и торжественно заявляетъ: Вы—рутинёры! Ваша мысль окостенѣла въ рамкахъ традиціоннаго мышленія. Вы все еще пребываете во власти того гипноза, имя которому дарвинизмъ. Вы не рѣшаетесь отрѣшиться отъ того заблужденія, которое декретируетъ постепенность органической эволюціи. Пора сбросить эти цѣпи, мѣшающія свободному творчеству въ сферѣ науки! Пора признать, что эволюція шла «скачками», и что живое существо, лишенное сознанія, сдѣлавши всего лишь одинъ смѣлый скачокъ по пути къ дальнѣйшему развитію, пріобрѣло всѣ тѣ специфическія особенности, которыя вы квалифицируете словомъ «сознаніе»...

Это ли не рѣшеніе вопроса?! Гордіевъ узелъ разрубленъ единымъ взмахомъ меча и проблема о возникновеніи сознанія разлетѣлась, какъ дымъ... Не ясно ли послѣ этого, чѣмъ такъ заманчива идея «скачковой эволюціи»? Не понятно ли, въ чемъ секретъ того успѣха, который выпалъ на долю мутаціонной теоріи? Все «новое» ... «ist mit einem Male da» — таковъ сокровенный смыслъ этой теоріи, въ яркихъ лучахъ которой таютъ и исчезаютъ важнѣйшія изъ нерѣшенныхъ проблемъ біологіи. И по скольку они таютъ, по стольку становится легче на душѣ вопрошающихъ, готовыхъ, въ порывѣ искренней благодарности, склонить свою повинную голову передъ тѣмъ, кто такъ легко и просто разрѣшилъ всѣ ихъ сомнѣнія. Отсюда—и кличъ: «Шире дорогу... Мутаціонная теорія идетъ».

---

*) См. Русск. Бог. за прошлый годъ.

Я, однако, не имѣю никакого желанія умалять значеніе идей де-Фриза, отдѣлываясь отъ нихъ простымъ полемическимъ «выпадомъ»; а потому присмотримся поближе къ аргументаціи голландскаго ботаника.

Онъ говоритъ:

У Дарвина на первомъ планѣ стоятъ варіаціи, у меня же— мутаціи. Дарвиновскія варіаціи – онѣ же индивидуальныя уклоненія— ничто, звукъ пустой; мои же мутаціи—все.

Да, если понимать дарвиновскія «варіаціи» такъ, какъ пытается истолковать ихъ самъ де-Фризъ, то цѣна имъ въ процессѣ возникновенія новыхъ видовъ, дѣйствительно, не большая. Все дѣло, однако, въ томъ, что де-Фризъ не только суживаетъ въ значительной степени содержаніе того понятія, которое Дарвинъ обозначаетъ словами «индивидуальныя уконенія», но и искажаетъ его.

Откуда, въ самомъ дѣлѣ, де-Фризъ взялъ, будто та форма измѣнчивости, съ которою оперируетъ Дарвинъ, есть измѣнчивость количественная? Будто «индивидуальныя уклоненія» — не что иное, какъ «плюсъ и минусъ-варіаціи», т. е. измѣненія и колебанія въ предѣлахъ уже существующихъ у организма признаковъ? Будто они всего лишь варіаціи на старую тему и потому ничего новаго съ собою не несутъ? Это совершенно произвольное толкованіе, и трудно даже сказать, на чемъ его де-Фризъ основываетъ. Неужели на недостаточно внимательномъ отношеніи къ трудамъ безсмертнаго учителя? Пожалуй, что такъ, ибо достодолжное знакомство съ капитальными сочиненіями Дарвина показываетъ, что индивидуальныя измѣненія могутъ быть и количественныя, и качественныя. Мало этого. Они цѣлымъ рядомъ яркихъ примѣровъ иллюстрируютъ мысль о переходѣ количества въ качество. Врядъ ли есть основаніе спорить противъ утвержденія, что голыя африканскія собаки качественно разнятся отъ нашихъ густошерстныхъ дворовыхъ псовъ. А между тѣмъ характерный для первыхъ признакъ—отсутствіе волосъ на тѣлѣ—есть въ сущности доведенная до nec plus ultra минусъ-варіація того признака, которымъ отличаются густошерстыя собаки.

Или другой примѣръ: есть растенія, на гладкихъ листьяхъ которыхъ встрѣчаются, то тамъ, то сямъ, короткіе волоски; поставьте рядомъ съ ними другія растенія, листья которыхъ густо покрыты цѣлымъ войлокомъ волосковъ. Опять разница, какъ видите, настолько велика, что вы не прочь принять ее за качественную. А между тѣмъ, листъ, одѣтый въ густой волосяной покровъ, можно смѣло разсматривать, какъ доведенную до крайнихъ степеней развитія плюсъ-варіацію такого листа, на которомъ вы едва-едва различаете отдѣльные, коротенькіе волоски.

Упомянулъ я объ этомъ только для того, чтобы показать, что иногда даже «колебанія въ предѣлахъ уже существующихъ при-

знаковъ»,—колебанія, къ которымъ такъ, повидимому, пренебрежительно относится де-Фризъ и которымъ Дарвинъ, наоборотъ, отдавалъ должную цѣну,—могутъ оказаться весьма значительными; и тогда, разумѣется, такія колебанія могутъ повести и къ образованію не только разновидностей, какъ этого непремѣнно хотѣлъ бы де-Фризъ, но и видовъ.

Въ такой же мѣрѣ непонятнымъ и произвольнымъ является предположеніе де-Фриза, будто «индивидуальныя уклоненія», о которыхъ говоритъ Дарвинъ, по большей части не наслѣдственны. Это тѣмъ болѣе странно, что измѣненія не наслѣдственныя меньше всего интересовали именно Дарвина: къ чему они для теоріи, которая цѣликомъ держится на мысли о постепенномъ накопленіи небольшихъ измѣненій, переходящихъ изъ поколѣнія въ поколѣніе? Вѣдь если бы даже всѣ «индивидуальныя уклоненія» были благопріобрѣтенны, то и тогда де-Фризъ не имѣлъ бы права считать ихъ не наслѣдственными: вопросъ о наслѣдственности или ненаслѣдственности благопріобрѣтенныхъ признаковъ есть покуда еще спорная проблема и выдавать за абсолютную истину то, что еще подлежитъ доказательству, по меньшей мѣрѣ, неосмотрительно. Но у де-Фриза нѣтъ никакихъ основаній такъ ограничивать мысль Дарвина, ибо послѣдній не разъ утверждалъ, что «индивидуальныя уклоненія» въ организмѣ **дѣтей** очень часто обусловливаются измѣненіями, происходящими въ зародышевомъ веществѣ, т. е. въ половыхъ элементахъ **родителей**, и что въ этомъ смыслѣ они—измѣненія «врожденныя», а не благопріобрѣтенныя.

Пойдемъ дальше. Де-Фризъ заявляетъ:

У Дарвина борьба аа существованіе совершается между индивидами даннаго вида; у меня же идетъ между самими видами.

Опять—ограниченіе дарвиновской мысли; опять—довольно таки странное, чтобъ не сказать больше, искаженіе ея.

Правда, Дарвинъ нѣсколько усугубилъ роль конкуренціи, совершающейся въ рамкахъ даннаго вида; это, однако, нисколько не мѣшаетъ ему говорить постоянно о борьбѣ между отдѣльными видами, родами, семействами и т. д., о борьбѣ между представителями животнаго и растительнаго царства и даже о борьбѣ всего стоящаго подъ знакомъ жизни съ силами и стихіями «мертвой» природы. Въ результатѣ этой многосторонней, по всѣмъ линіямъ направленной борьбы и создаются, какъ полагаетъ Дарвинъ, новые виды. Ясно, что де-Фризъ и тутъ произвольно толкуетъ Дарвина: онъ суживаетъ данное Дарвиномъ опредѣленіе для борьбы за существованіе, беретъ себѣ одну часть этого опредѣленія (борьба между видами), а ему оставляетъ другую (борьба между индивидами). На сколько это правильно—предоставляю судить вамъ самимъ. Для Дарвина, положимъ, тутъ бѣды особенной нѣтъ, ибо онъ не отвѣтствененъ за свободное толкованіе его идей другими учеными. Несравненно хуже положеніе де-Фриза: суживая содер-

жаніе понятія «борьба за существованіе», онъ суживаетъ, конечно, и формулу самой жизни, что ведетъ, въ свою очередь, къ одностороннему, а потому и невѣрному освѣщенію ея явленій.

Наконецъ, еще одно соображеніе.

Де-Фризъ утверждаетъ:

По Дарвину, естественный подборъ—процессъ созидательный; по моему, онъ—процессъ разрушительный.

Такое противоположеніе чрезвычайно любопытно—любопытно какъ курьезъ, какъ чистѣйшая словесность, которой и самъ де-Фризъ и его приверженцы, по какому-то странному недоразумѣнію, придаютъ особенное значеніе: оно имъ кажется въ высокой степени важнымъ. А между тѣмъ, повторяю, тутъ мы имѣемъ дѣло съ чисто словесный эквилибристикой.

Что такое, въ самомъ дѣлѣ, естественный подборъ? Это—выживаніе наиболѣе приспособленныхъ. Ничто, однако, не мѣшаетъ намъ сказать; подборъ это—вымираніе наименѣе приспособленныхъ. Или еще иначе: подборъ—процессъ двуединый, процессъ одновременно и созидательный, и разрушительный; созидательный по стольку, по скольку онъ оставляетъ право жизни за наиболѣе приспособленными; и разрушительный по стольку, по скольку онъ ведетъ къ гибели наименѣе приспособленныхъ. Вѣдь тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о выживаніи однихъ, естественно предполагается вымираніе другихъ—и наоборотъ. Самъ же де-Фризъ говоритъ, что однѣ изъ новоявленныхъ мутацій остаются жить, ибо онѣ полезны въ качествѣ орудій борьбы, другія гибнутъ, какъ непригодныя для даннаго modus'a vivendi. То же констатируетъ и Дарвинъ относительно «индивидуальныхъ уклоненій»: одни изъ нихъ, полезныя, сохраняются, другія, вредныя, исчезаютъ. Въ чемъ же, въ такомъ случаѣ, дѣло? И къ чему тутъ полемика? Полемика имѣла бы смыслъ, если бъ Дарвинъ доказывалъ, что тѣ первоначальныя уклоненія (полезныя, безразличныя и вредныя въ интересахъ борьбы за существованіе), надъ которыми оперируетъ подборъ, самимъ же подборомъ и создаются; но онъ этого не говоритъ, ибо смотритъ на такого рода уклоненія, какъ на продуктъ дѣятельности цѣлаго ряда внѣшнихъ и внутреннихъ «причинъ измѣнчивости», какъ на готовый матеріалъ для подбора. А если это такъ, то всѣ разговоры о томъ, что, «благодаря борьбѣ за существованіе и естественному подбору, виды не возникаютъ, а исчезаютъ» *),—всѣ эти разговоры сами собой отпадаютъ. Становясь даже всецѣло на точку зрѣнія де-Фриза, мы могли бы безъ всякихъ натяжекъ сказать: «элементарные виды» обязаны своимъ существованіемъ естественному подбору, который сохраняетъ цѣлесообразныя «мутаціи» и выбрасываетъ за бортъ «мутаціи», неприноровленныя къ жизни;

*) См. выше выдержку изъ де-Фриза.

въ этомъ смыслѣ онъ является процессомъ не только разрушительнымъ, но и безусловно творческимъ...

Все вышеизложенное показываетъ, что де-Физъ, сравнивая свою теорію съ ученіемъ Дарвина, ставитъ себя въ положеніе не совсѣмъ выгодное: онъ суживаетъ содержаніе основныхъ идей Дарвина, онъ искажаетъ ихъ. А это врядъ ли служитъ къ славѣ его собственныхъ идей.

Согласимся, однако, съ де-Фризомъ. Допустимъ, что его пониманіе дарвинизма безукоризненно. Предположимъ, что обычное представленіе о путяхъ и способахъ происхожденія видовъ не выдерживаетъ никакой критики. Значитъ ли это, что его собственныя идеи составляютъ нѣчто дѣйствительно цѣнное? Не думаю.

Вся мутаціонная теорія держится на фактѣ существованія такого рода измѣненій, которыя де Фризъ называетъ мутаціями. Что это за измѣненія—мы ужъ знаемъ. Но мы не знаемъ еще, на сколько мутаціи являются подходящимъ матеріаломъ для образованія новыхъ видовъ; мы еще не знаемъ, годны ли мутаціи хотя бы для той борьбы, на которую ихъ обрекаетъ де-Фризъ. А знать это необходимо, ибо для того, чтобъ оцѣнить прочность какого-либо архитектурнаго сооруженія, приходится прежде всего освѣдомиться о прочности его фундамента. Вотъ тутъ то я принужденъ поставить на видъ читателю, что мутаціи де-Фриза не удовлетворяютъ ни одному изъ тѣхъ требованій, которымъ должны удовлетворять претенденты на сколько-нибудь прочное мѣсто въ ряду избранниковъ живой природы. И въ самомъ дѣлѣ.

Всякій организмъ, разсчитывающій на роль побѣдителя въ жизненной борьбѣ, долженъ прежде всего обладать извѣстнымъ minimum'омъ жизнеспособности, долженъ отличаться болѣе или менѣе ярко выраженною производительною дѣятельностью, т. е. плодовитостью, долженъ, наконецъ, вступать на тернистый путь конкуренціи съ организмами, ранѣе его существовавшими, не въ одиночку, а «скопомъ». Отвѣчаютъ ли всѣмъ этимъ требованіямъ дефризовскія мутаціи? Нѣтъ.

Онѣ, согласно показаніямъ самого де-Фриза, очень часто оказываются созданіями хилыми, невыносливыми, и потому «отцвѣтаютъ, не успѣвши расцвѣсть» не только «въ пору пасмурныхъ дней», но и въ обстановкѣ, обычной для ихъ сородичей и для той основной формы, отъ которой онѣ отвѣтвляются на подобіе «боковыхъ отпрысковъ главнаго ствола».

Онѣ въ общемъ малоплодовиты, а иногда и вовсе безплодны: въ цвѣтахъ ихъ органы размноженія и половые элементы часто не доразвиваются и потому потомства дать не могутъ.

Онѣ, наконецъ, весьма малочисленны, появляются рѣдко и въ небольшомъ числѣ особей. Это доказывается самымъ блестящимъ образомъ опытами все того же де-Фриза. 11 лѣтъ воспитывалъ онъ въ оранжереяхъ и на плантаціяхъ ламаркіану; взростилъ

свыше 54 тысячъ особей этого, отнынѣ прославленнаго, растенія вмѣстѣ съ характерными для него мутаціями. И что же оказалось? За всѣ 11 лѣтъ число особей семи новыхъ «элементарныхъ видовъ», произведенныхъ ламаркіаной, равнялось 834, что составляетъ приблизительно 1,5% всего числа взрощенныхъ растеній. При этомъ на каждый отдѣльный «элементарный видъ» приходилось слѣдующее число недѣлимыхъ:

Oenothera oblonga .	350	особей.
O. lata	229	»
O. nanella	158	»
O. albida	56	»
O. rubrinervis . .	32	»
O. scintillans . . .	8	»
O. gigas	1	»

Ну гдѣ, спрашивается, такимъ ничтожнымъ количествомъ особей одержать побѣду, оставить за флагомъ жизни «основную форму», насчитывающую въ своихъ рядахъ десятки тысячъ сильныхъ, плодовитыхъ растеній и произведшую на свѣтъ всѣ семь мутацій! Не мудрено, что ни одно изъ этихъ хилыхъ созданій, взрощенныхъ заботливымъ стараніемъ ученаго, не объявилось на вольномъ и суровомъ просторѣ природы, на запущенномъ картофельномъ полѣ возлѣ Амстердама, гдѣ, очевидно, требуется гораздо больше жизненной сноровки и стойкости въ борьбѣ, чѣмъ въ тепличной обстановкѣ оранжерей и плантацій. Правда, тутъ, какъ полагаетъ де-Фризъ, ламаркіана произвела двѣ другія мутаціи (см. выше). Но несомнѣнно, что и имъ не легко давалось состязаніе съ «основною формой»»: иначе онѣ не появились бы въ такомъ незначительномъ числѣ, что де-Фризу пришлось съ трудомъ разыскивать ихъ среди завоевавшихъ картофельное поле ламаркіанъ.

Итакъ, мутаціи обнаруживаются сравнительно рѣдко и распространяются на небольшое число особей, отличающихся въ общемъ малою приспособленностью къ жизни и слабо выраженной способностью производить потомство. Все это—большой минусъ въ борьбѣ за существованіе, все это плохо гармонируетъ съ тою громадною ролью, которую де-Фризъ отводитъ мутаціямъ въ процессѣ происхожденія видовъ. А если мы обратимся къ тѣмъ дивнымъ и необычайно сложнымъ, цѣлесообразнымъ приспособленіямъ, которыя на каждомъ шагу встрѣчаются у растеній и животныхъ, если мы поставимъ вопросъ о способахъ происхожденія всѣхъ этихъ приспособленій, то тутъ безсиліе дефризовскихъ мутацій обнаружится еще рельефнѣе. Чтобы не повторяться, приведу здѣсь тѣ соображенія, которыя мною были уже разъ высказаны по этому поводу. Я писалъ тогда:

Вспомните цвѣты орхидей, листья насѣкомоядныхъ растеній, бабочку, похожую на сухой листъ, жука, напоминающаго собою

осу, свѣтящійся аппаратъ нѣкоторыхъ глубоководныхъ животныхъ, измѣнчивую покровительственную окраску осминоговъ и хамелеоновъ, строительные инстинкты пчелъ, рабовладѣльческіе инстинкты муравьевъ и т. д. и т. д. — вспомните и попытайтесь объяснить происхожденіе всѣхъ этихъ приспособленій при помощи внезапно, хаотично, калейдоскопически появляющихся мутацій де-Фриза. Дарвина не разъ упрекали въ томъ, что, объясняя происхожденіе приспособленій, онъ слишкомъ злоупотреблялъ различнаго рода «случайностями» и «возможностями». Де-Фризъ въ этомъ отношеніи пошелъ куда дальше Дарвина. У него и въ самомъ дѣлѣ получается не объясненіе, а поистинѣ головокружительное нагроможденіе «случайностей» на «случайности» и «возможностей» на «возможности», изъ которыхъ въ концѣ концовъ все же не получатся ни листовидныя крылья бабочки-каллимы, ни рабовладѣльческіе инстинкты муравья. Одно изъ двухъ: или тѣ признаки, совокупность которыхъ составляетъ данное приспособленіе, возникали медленно, путемъ продолжительнаго, систематическаго накопленія индивидуальныхъ уклоненій, или же всѣ они появились вдругъ, внезапно. Если вѣрно послѣднее, то надо, значитъ, предположить, что вдругъ изъ жука, не имѣвшаго ничего общаго съ осой, развился жукъ, котораго трудно отличить отъ осы,—вдругъ изъ бабочки, не имѣющей никакого сходства съ сухимъ листомъ, возникла бабочка, которую ничего не стоитъ смѣшать съ побурѣвшимъ листомъ,—внезапно муравей, не помышлявшій даже о «рабахъ», произвелъ потомство, надѣленное рабовладѣльческими инстинктами, — внезапно изъ листа, не имѣющаго даже отдаленнаго сходства съ листьями насѣкомоядныхъ растеній, образовался листъ мухоловки.

Какое бы приспособленіе вы ни взяли, не трудно замѣтить, что оно находится въ строгомъ соотвѣтствіи съ общимъ характеромъ строенія того организма, которому принадлежитъ, и что такая же соотвѣтственность существуетъ между отдѣльными частями его. Если мутаціи появляются рѣдко, у ограниченнаго числа особей и безразлично во всякомъ направленіи, то положительно нѣтъ силъ понять, какимъ образомъ изъ нихъ могло, въ концѣ концовъ, получиться нѣчто согласованное не только со всѣмъ строеніемъ организма, но и съ отдѣльными частями его. Для этого нужно предположить, что у того или иного организма внезапно обнаружилась группа мутацій, которыя, вмѣстѣ взятыя, составили нѣчто соотвѣтствующее совокупности согласованныхъ между собою признаковъ даннаго приспособленія; нужно затѣмъ допустить — а это еще труднѣе сдѣлать, — что съ каждымъ новымъ «мутаціоннымъ періодомъ» *) организмъ обнаруживалъ рядъ но-

*) Такъ де-Фризъ называетъ тѣ промежутки времени, которые оказываются благопріятными для проявленія мутацій.

выхъ мутацій, которыя, присоединяясь къ предшествующимъ, вели къ усложненію и совершенствованію приспособленія; нужно, наконецъ, допустить, что мутаціи различныхъ періодовъ, несмотря на независимое другъ отъ друга происхожденіе, на столько удачно подходили другъ къ другу, что изъ нихъ въ результатѣ получилось нѣчто гармоничное. И весь этотъ длинный рядъ допущеній необходимо сдѣлать для того, чтобы объяснить происхожденіе только одного сложнаго приспособленія. Если же вспомнить, что любой организмъ является какъ бы цѣлымъ комплексомъ приспособленій, то число такихъ допущеній должно будетъ увеличиться до безконечности. Теорія Дарвина въ такомъ морѣ допущеній не нуждается. Согласно ея принципамъ, между различными моментами въ развитіи приспособленій существуетъ преемственная связь: приспособленіе возникаетъ медленно, развивается въ опредѣленномъ направленіи, созидается путемъ продолжительнаго накопленія индивидуальныхъ уклоненій, появляющихся или одновременно, или послѣдовательно *)...

Таковы тѣ общія соображенія, которыя заставляютъ сильно призадуматься прежде, чѣмъ признать какое-либо серьезное научное значеніе за мутаціонной теоріей. Даже при самомъ искреннемъ желаніи отнестись совершенно безпристрастно къ этой теоріи, нельзя закрывать глаза на тѣ крупные недочеты, которыми страдаетъ она: ея основоположенія больше, чѣмъ проблематичны, ея логика полна натяжекъ, ея аргументація построена на извращеніяхъ идей дарвинизма, ея фактическая подоплека весьма сомнительнаго свойства. Это послѣднее обстоятельство лучше всего выступаетъ при оцѣнкѣ того матеріала, который собственно и далъ поводъ де-Фризу сдѣлать цѣлый рядъ слишкомъ ужъ смѣлыхъ обобщеній, послужившихъ базой для новой, научно-философской концепціи.

Дарвинъ потратилъ годы на обосновку своей теоріи. Онъ положилъ массу времени и труда на собираніе того фактическаго матеріала, которымъ и аргументировалъ въ пользу своихъ взглядовъ. И матеріалу набралось у него тьма тьмущая: богатѣйшая коллекція наблюденій надъ жизнью дикихъ и одомашненныхъ животныхъ и растеній была къ его услугамъ.

Не мало труда затратилъ и де-Фризъ. Но не забывайте, что его фактическая аргументація ограничивается наблюденіями и опытами всего лишь надъ однимъ растеніемъ—надъ ламаркіаной. И, вотъ, въ такомъ «легкомъ вооруженіи» онъ считаетъ возможнымъ нападать на Дарвина. Это все равно, какъ если бы кто отважился брать сильную крѣпость, защищенную двѣнадцатидюймовыми орудіями, вооружившись... ну, хотя бы великолѣпнымъ браунингомъ. Весь драматизмъ положенія

*) В. Лункевичъ. Основы жизни. Изд. Ф. Павленкова.

де-Фриза заключается, однако, въ томъ, что даже «браунингъ» его внушаетъ большія сомнѣнія людямъ, знающимъ, повидимому, цѣну огнестрѣльному оружію и умѣющимъ оріентироваться въ его достоинствахъ.

Не знаю, помнитъ ли читатель, какъ ведутъ себя нѣкоторыя растенія при скрещиваньи? Помнитъ ли онъ, напримѣръ, что если скрестить двѣ разновидности растенія Mirabilis jalappa — одну съ бѣлыми цвѣтами, а другую съ цвѣтами свѣтложелтыми,— то образовавшійся отъ такого скрещиванья гибридъ дастъ цвѣты свѣтлорозовые? И что изъ сѣменъ этого гибрида получаются растенія, которыя по окраскѣ цвѣтовъ можно разбить на цѣлыхъ одиннадцать группъ? *)

Если читатель не забылъ о существованіи такого рода фактовъ, то возможно, что у него мелькнетъ вопросъ: а не является ли пресловутая ламаркіана, съ которою такъ носятся сторонники мутаціонной теоріи, такимъ же гибридомъ, какъ и только что упомянутая Mirabilis jalappa со свѣтло-розовыми цвѣтами, производящая на свѣтъ одиннадцать разновидностей, которыя отличаются другъ отъ друга окраской цвѣтовъ?

Въ этомъ предположеніи нѣтъ ничего невозможнаго. Признавши его, мы сразу же сумѣемъ представить себѣ въ новомъ свѣтѣ факты, которые видимо такъ демонстративно говорятъ въ пользу теоріи де-Фриза. Разъ ламаркіана есть дѣйствительно гибридъ, а не «чистая порода», то поведеніе ея, такъ поразившее воображеніе де-Фриза, становится вполнѣ понятнымъ. Въ качествѣ скрещенной породы, это растеніе должно таить въ себѣ «въ скрытомъ состояніи» рядъ признаковъ, унаслѣдованныхъ имъ отъ отдаленныхъ и ближайшихъ предковъ. При благопріятныхъ обстоятельствахъ эти «скрытые» въ ламаркіанѣ признаки обнаруживаются, и тогда передъ вами — рядъ «мутацій», рядъ «внезапно» возникшихъ, «новыхъ» «элементарныхъ видовъ». Согласитесь, однако, что такого рода «внезапность» и «новизна» далеко не заслуживаютъ того вниманія, которое имъ удѣляетъ де-Фризъ. Тутъ, строго говоря, мы имѣемъ дѣло не съ новыми, а со старыми признаками, до поры до времени скрытыми, и «внезапность» ихъ появленія свидѣтельствуетъ совсѣмъ не о томъ, что предполагаетъ де-Фризъ, ибо она обусловлена законами наслѣдственности, а не измѣнчивости.

Де-Фризу не разъ ставилось на видъ, что ламаркіана—растеніе иноземное, что генеалогія этого растенія совершенно неизвѣстна,

*) Одна группа дастъ цвѣты бѣлые, другая—розовые, третья—желтые, четвертая—красные, пятая—бѣлые съ желтыми прослойками, шестая — розовые съ красными прослойками, седьмая—свѣтложелтые съ штриховкой темножелтой и т. д. См. объ этомъ „Русское Богатство“, 1909 г., „Біологическіе эскизы“, послѣдній эскизъ о „Законахъ наслѣдственности“.

что оно, весьма возможно, происхожденія гибриднаго, и что строить «новую» теорію, основываясь на поведеніи и свойствахъ ламаркіаны,—предпріятіе весьма рискованное.

Въ такомъ смыслѣ высказывался, напримѣръ, Фокè—ученый, котораго считаютъ прекраснымъ знатокомъ растительныхъ гибридовъ. Онъ прямо заявляетъ, что Oen. Lamarckiana очень мало пригодна для того, чтобы изъ ея modus'а дѣйствій выводить какіелибо основные, всеохватывающіе законы—«um aus ihrem Verhalten grundlegende und allgemeingültige Gesetze abzuleiten»; ибо, говоритъ онъ, эта иноземная культурная порода неизвѣстнаго происхожденія съ давнихъ поръ подвергалась измѣнчивымъ вліяніямъ среды а также, по всему вѣроятію, и цѣлому ряду скрещиваній *).

Вотъ мнѣніе и другого ученаго—виднаго ботаника, Лотци, который пользуется вполнѣ заслуженнымъ авторитетомъ въ ученомъ мірѣ, относится съ большимъ уваженіемъ къ де-Фризу и вообще весьма осторожно и вдумчиво оцѣниваетъ все новое въ біологіи. Онъ пишетъ: «Мы вовсе не сомнѣваемся во внезапномъ появленіи постоянныхъ формъ изъ O. Lamarckiana; мы бы безъ колебаній приняли, напримѣръ, представленную намъ O. rubrinervis за элементарный видъ; но намъ кажется, что нѣтъ доказательства тому, что эти формы не явились слѣдствіемъ бывшаго раньше скрещиванія O. Lamarckiana съ какимъ либо другимъ видомъ этого растенія... Главною причиной нашего сомнѣнія является неизвѣстное происхожденіе ламаркіаны и большое количество образующихся у нея безплодныхъ яйцевыхъ и сѣменныхъ клѣтокъ—обстоятельство, сильно говорящее въ пользу гибридной натуры этого растенія» **).

Вотъ, наконецъ, еще одно авторитетное мнѣніе на ту же самую тему: оно принадлежитъ берлинскому ученому, Плате, имя котораго должно быть извѣстно всякому, кто хоть мало-мальски серьезно интересуется вопросами—и особенно, спорными вопросами—эволюціонной теоріи и дарвинизма.

Подводя итоги своему отношенію къ взглядамъ де-Фриза, Плате говоритъ: «Я прихожу къ слѣдующему выводу. Возможно, что ламарковская Oenothera есть гибридъ и что ея мутаціи — не новыя формы, а обусловлены тѣмъ, что скомбинированные признаки скрещенныхъ видовъ отщепляются при подходящихъ обстоятельствахъ. При нежеланіи считаться съ такого рода предположеніемъ можно разсматривать измѣнчивость O. Lamarckiana, какъ сложную форму той непостоянной, безпрестанно варьирующей измѣнчивости, которая наблюдается у очень многихъ воздѣланныхъ растеній» ***).

---

*) Focke. Betrachtungen und Erfahrungen über Variation und Artbildung. 1907.

**) Lotsy. Vorlesungen über Deszendenztheorien. 1906.

***) Plate. Selectionsprinzip und Probleme der Artbildund. Dritte Auflage. 1908.

Оставляя пока въ сторонѣ второе изъ сдѣланныхъ Плате предположеній, посмотримъ, какія свойства ламаркіаны наводятъ и самого Плате, и Лотци, и Фокè, и другихъ ученыхъ на мысль, что тутъ мы, по всѣмъ видимостямъ, имѣемъ дѣло съ гибридомъ.

Это, во-первыхъ, нѣкоторая аналогія въ поведеніи ламаркіаны съ поведеніемъ такихъ гибридовъ, какъ вышеназванная Mirabilis jalappa. Во-вторыхъ, хорошо извѣстно—самъ де-Фризъ это подчерваетъ, — что ламаркіана образуетъ двоякаго рода мутаціи: часть ихъ отличается стойкостью, т.-е. сохраняется неизмѣнною въ ряду послѣдующихъ поколѣній и лишь временами производитъ тѣ или иныя изъ присущихъ ламаркіанѣ мутацій; другая часть, наоборотъ, чрезвычайно неустойчива и измѣнчива въ потомствѣ своемъ, т.-е. либо производитъ опять таки ламаркіану, либо возсоздаетъ какую-либо изъ свойственныхъ ламаркіанѣ мутацій.

Наконецъ, въ-третьихъ, близкое знакомство съ воспроизводительною дѣятельностью какъ самой ламаркіаны, такъ и ея мутацій показываетъ, что половые элементы этихъ растеній частенько остаются недоразвитыми и потому давать потомства не могутъ.

Все это характерные штрихи именно для гибридовъ. А отсюда ужъ и вполнѣ законный скептическій вопросъ: правда ли, что ламаркіана—«чистая порода», а не ублюдокъ, не гибридъ со всѣми странностями, присущими этого рода созданіямъ природы?

Изъ вышеприведенныхъ словъ Плате слѣдуетъ, однако, что тутъ возможно и другое предположеніе, въ такой же мѣрѣ невыгодное для де-Фриза.

Голландскій ботаникъ категорически утверждаетъ, что мутаціи ламаркіаны представляютъ собою совершенно новые «элементарные» виды. Но почему же непремѣнно виды, а не разновидности, напримѣръ? Гдѣ тотъ строгій, непреложный критерій, который создаетъ необходимостъ считать ихъ видами, а не разновидностями? Самъ де-Фризъ, какъ я уже указывалъ раньше, говоритъ, что мутаціи по большей части сказываются слабо, и что для того, чтобы примѣтить ихъ, нуженъ глазъ опытнаго наблюдателя. Въ такомъ случаѣ позволительно думать, что въ лицѣ мутацій мы имѣемъ дѣло съ измѣнчивостью, совершающейся въ рамкахъ даннаго вида и даже данной разновидности. Такого рода измѣнчивость, дѣйствительно, наблюдается довольно часто у различныхъ культурныхъ растеній. Ее особенно подчеркиваетъ англійскій ученый, Bateson; о ней не разъ говорилъ Дарвинъ; о ней упоминаютъ и Плате, и Лотци, и другіе натуралисты, спеціально интересовавшіеся вопросомъ объ измѣнчивости. Если все это вѣрно, то нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній приписывать мутаціямъ такую исключительную роль въ процессѣ происхожденія видовъ, какую имъ приписываетъ де-Фризъ. Правильнѣе всего будетъ сказать, что мутаціи являются всего лишь спеціальною и

сравнительно рѣдкою формой индивидуальной измѣнчивости, и что въ качествѣ индивидуальныхъ уклоненій, они въ лучшемъ случаѣ—если отбросить ихъ неблагопріятныя въ цѣляхъ борьбы за существованіе особенности — могутъ служить тѣмъ матеріаломъ, съ помощью котораго естественный подборъ создаетъ новые виды.

Итакъ, «Parade-Pferd» аргументаціи де-Фриза, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказывается далеко не заслуживающимъ той высокой оцѣнки, которую далъ ей голландскій ботаникъ: его «браунингъ», съ помощью котораго онъ надѣялся взять приступомъ твердыню дарвинизма и водрузить на развалинахъ ея свое собственное знамя, долженъ быть признанъ оружіемъ, непригоднымъ для осуществленія такой... ну, скажемъ, черезчуръ ужъ смѣлой задачи...

Я вовсе не желаю умалять значеніе трудовъ де-Фриза: они, безспорно, полезны по стольку, по скольку въ нихъ рѣчь идетъ объ одной весьма любопытной формѣ измѣнчивости организмовъ; они цѣнны, какъ попытка дать экспериментальное рѣшеніе вопроса о происхожденіи видовъ; они заслуживаютъ, наконецъ, самаго серьезнаго вниманія въ цѣляхъ изученія растительныхъ гибридовъ. Но разбираясь, sine ira et studio, въ теоретическихъ предпосылкахъ и фактической аргументаціи амстердамскаго ученаго, волей не волей, приходишь къ заключенію, что имѣющіяся въ его распоряженіи средства совсѣмъ не соотвѣтствуютъ той громадной задачѣ, рѣшить которую онъ взялся. Мутаціонная теорія построена на весьма шаткомъ фундаментѣ. Планъ, рисовавшійся въ воображеніи ея архитектора, не удался не только въ деталяхъ, но и въ общихъ контурахъ. Онъ составленъ съ претензіями на оригинальность и новизну. Но производитъ впечатлѣніе какого-то гибрида: «старое», заимствованное у Дарвина, въ немъ искажено, «новое»— проблематично, а главное, нежизнеспособно, безплодно, какъ большинство «мутацій»...

В. В. Лункевичъ.

БРАТСТВО.

Романъ *Джона Гэльсуорси*.

Переводъ съ англійскаго Э. К. Пименевой.

XXVIII.

Похороны ребенка.

Въ человѣческой натурѣ глубоко коренится инстинктъ, заставляющій особенно внимательно относиться къ покойникамъ и не жалѣть расходовъ на приличные похороны, хотя умершіе, быть можетъ, много терпѣли при жизни отъ скупости и небрежнаго отношенія своихъ близкихъ. Поэтому и похоронная процессія, тронувшаяся изъ дома № 1-й по Собачьей улицѣ, была обставлена вполнѣ прилично и состояла изъ трехъ каретъ. Въ первой каретѣ находился маленькій гробикъ, украшенный большимъ вѣнкомъ изъ бѣлыхъ цвѣтовъ—даръ Сесиліи и Тиме. Во второй ѣхала мистриссъ Хюггсъ съ своимъ сыномъ и мистеромъ Кридъ, а въ третьей—Мартинъ Стонъ.

Въ первой каретѣ, наполненной запахомъ лиліи, царило безмолвіе смерти. Маленькое существо, такъ мало производившее шума въ періодъ своей короткой жизни, такъ же тихо отошло въ вѣчность, точно воспользовавшись моментомъ, когда всѣ о немъ позабыли. Теперь, послѣ своей смерти, ребенокъ въ первый разъ ѣхалъ въ каретѣ и былъ окруженъ трогательнымъ вниманіемъ даже со стороны совсѣмъ постороннихъ людей. Но міръ, гдѣ люди должны были быть его братьями, уже не существовалъ для него.

Такое же молчаніе царило и во второй каретѣ, гдѣ сидѣла его мать. Мистеръ Кридъ, одѣтый въ праздничный сюртукъ, вспоминалъ всѣ тѣ торжественные случаи своей жизни, когда онъ ѣздилъ въ четырехмѣстной каретѣ. Но его старое сердце, доступное состраданію, заставляло его не разъ оглядываться на женщину, сидѣвшую рядомъ съ

нимъ и подавленную горемъ. Онъ думалъ, что она, пожалуй, даже не можетъ теперь почерпнуть утѣшеніе въ мысли, что это—похороны не низшаго разряда и что гробъ ея ребенка украшенъ чуднымъ вѣнкомъ, Ея мысли онъ не могъ угадать. Ея худое, изможденное лицо казалось еще болѣе спокойнымъ и безучастнымъ, чѣмъ обыкновенно. Кто знаетъ, быть можетъ, она вспоминала о томъ, какъ они возвращались съ своимъ мужемъ восемь лѣтъ тому назадъ изъ церкви, гдѣ они оба поклялись другъ другу въ вѣрности? Быть можетъ, она думала о своей погибшей молодости и миловидности, объ угасшей любви своего мужа, о постепенномъ нисхожденіи въ страну тѣней, о другихъ дѣтяхъ, которыхъ она похоронила, о мужѣ, сидящемъ въ тюрьмѣ, и объ той дѣвушкѣ, которая околдовала его? Или, можетъ быть, всѣ ея мысли были сосредоточены на этомъ крошечномъ, дорогомъ существѣ, спящемъ въ своемъ гробикѣ, усыпанномъ цвѣтами?..

Старый газетчикъ украдкой посматривалъ на нее. Ему хотѣлось знать, сознаетъ ли она, что если бъ люди не были такъ добры къ ней, то ей пришлось бы идти пѣшкомъ за дрогами, доставленными приходомъ. Кридъ придавалъ этому большое значеніе. Онъ ни за что бы не хотѣлъ, чтобы его похронили на счетъ прихода, такъ же какъ не хотѣлъ умереть въ рабочемъ домѣ. Поэтому онъ и откладывалъ каждый пенсъ, чтобы имѣть послѣ смерти приличные похороны. По его мнѣнію, мистриссъ Хюггсъ должна была быть довольна; стараясь обратить ея вниманіе на обстановку похоронъ, онъ сказалъ: „Какъ усовершенствованы четырехмѣстныя кареты теперь! Онѣ очень удобны. Ничего подобнаго не было въ мое время“.

Мистриссъ Хюггсъ отвѣчала своимъ спокойнымъ, безучастнымъ голосомъ:

— Да, онѣ очень удобны.

И потомъ, обратившись къ сыну, прибавила:

— Сиди смирно, Стэнли!

Мальчуганъ, не достававшій ногами до полу кареты, болталъ ими во всѣ стороны, Мистеръ Кридъ посмотрѣлъ на него и сказалъ наставительно:

— Когда ты выростешь, ты будешь вспоминать, какъ ты ѣхалъ въ каретѣ.

Маленькій мальчилъ присмирѣлъ и робко посмотрѣлъ на мать своими черными глазенками,

— Какой чудный вѣнокъ!—продолжалъ Кридъ.—Запахъ отъ него распространился по всей лѣстницѣ. Видно, что не пожалѣли денегъ. Въ немъ есть бѣлыя лиліи, а эти цвѣты стоютъ дорого!...

Онъ немного помолчалъ и прибавилъ:

— Я видѣлъ эту молодую дѣвушку, она разспрашивала меня на улицѣ.

На лицѣ мистриссъ Хюггсъ вдругъ появилось суровое, жестокое выраженіе, такъ не гармонировавшее съ ея большими, кроткими, черными глазами.

— Лучше бы она держала языкъ за зубами!—проговорила она.—Сиди смирно, Стэнли.

Мальчикъ, опять начавшій болтать ногами, забился въ уголъ, поглядывая оттуда на мать. Кридъ смотрѣлъ въ закрытое окно. Впереди виднѣлось огромное пространство, покрытое надгробными памятниками. Это было кладбище, гдѣ и онъ будетъ покоиться послѣ своей смерти. Видъ его далъ другое направленіе его мыслямъ.

— Если бъ мнѣ раньше доставляли послѣднее изданіе газеты,—сказалъ онъ,—то эти зоркіе молодцы низшаго разбора не могли бы перехватывать у меня кліентовъ. Для меня это составляло бы разницу въ два шилинга въ недѣлю, которые я могъ бы отложить.

Въ его словахъ заключался скрытый смыслъ, оставленный безъ вниманія его сосѣдкой. Она молчала, и Кридъ, вернувшись къ тому, что онъ говорилъ раньше, прибавилъ:— Она была одѣта въ новое платье...

— Я не хочу больше ничего слышать о ней! Она не такая особа, о которой могутъ разговаривать порядочные люди! — съ раздраженіемъ воскликнула мистриссъ Хюггсъ.

Горячность тона, которымъ были произнесены эти слова, удивила Крида. Онъ искоса поглядѣлъ на швею, которая съ трудомъ сдерживала свое волненіе.

— Не стоитъ вамъ такъ тревожиться!—попробовалъ онъ успокоить ее.—Она то ужъ попадетъ на свое мѣсто!—Вдругъ, замѣтивъ крупную слезу, катившуюся по ея покраснѣвшей щекѣ, онъ прибавилъ поспѣшно:—Не надо!... не надо!... Лучше думайте о своемъ ребенкѣ... Сиди смирно, мальчуганъ, ты безпокоишь свою мать...

Въ каретѣ воцарилось молчаніе.

Мартинъ Стонъ, ѣхавшій сзади, въ третьей каретѣ, съ раскрытыми настежъ окнами, сидѣлъ, засунувъ руки въ карманы пальто и вытянувъ свои длиныя ноги. На его блѣдномъ, тонкомъ лицѣ блуждала презрительная усмѣшка. Но глаза были нахмурены.

Въ воротахъ, черезъ которыя прошло уже столько живыхъ и мертвыхъ тѣней, стоялъ Гилэри, дожидаясь процессіи. Онъ и самъ бы не могъ сказать, зачѣмъ онъ пришелъ сюда. Быть можетъ, онъ это сдѣлалъ въ память тѣхъ нѣсколькихъ минутъ, когда это маленькое существо, лежащее

теперь въ гробу, смотрѣло на него своими большими черными глазами, имѣвшими такое странное выраженіе? Но возможно такъ же, что онъ хотѣлъ почтить мать, на голову которой обрушились такіе удары судьбы. Каковы бы ни были причины, побуждавшія его присутствовать на похоронахъ ребенка, онъ все время держался въ сторонѣ, и только когда процессія тронулась къ могилѣ, онъ присоединился къ Мартину Стону и пошелъ рядомъ съ нимъ.

Пара другихъ молодыхъ глазъ наблюдала за нимъ. Незамѣченная никѣмъ, маленькая натурщица притаилась за высокимъ памятникомъ и смотрѣла на Гилэри.

Около маленькой черной ямы, выкопанной въ углу кладбища, Гилэри остановился. Солнце освѣщало могилы кругомъ, угрюмыя, не покрытыя цвѣтами, и рѣзкій восточный вѣтеръ развѣвалъ волосы мужчинъ, снявшихъ шляпы. Глаза стараго Крида, устремленные на капеллана, произносившаго молитву, стали влажными. Въ головѣ его бродили разные обрывки мыслей.

— Его хоронятъ по христіански...—думалъ онъ.—Кто отвезетъ домой эту женщину? Придется мнѣ это сдѣлать. Изъ праха вышло и въ прахъ обратится!.. Я никогда не думалъ, что онъ будетъ жить... Умирающіе молодыми прямо попадаютъ на небо!.. Мы вѣримъ въ Бога, мы всѣ смертные люди... Да будетъ его воля!.. Я не боюсь смерти!..

Маленькій гробикъ дрожа опускался въ черную яму. Изъ груди женщины, стоявшей передъ Кридомъ, вырвался стонъ. Кридъ притронулся къ ея рукѣ.

— Не надо! Не надо!—прошепталъ онъ,—ему тамъ лучше... въ небесахъ!

Но стукъ земли, падающей на крышку гроба, подѣйствовалъ и на его нервы. Онъ досталъ носовой платокъ и прижалъ его ко рту.

— Да, его нѣтъ больше!—вздохнулъ онъ. — Старики и молодые, дѣвушки и маленькія дѣти — всѣ идутъ туда.. идутъ безконечною вереницей...

Вѣтеръ, пролетавшій надъ раскрытою могилой, подхватилъ его вздохъ и рыданія матери и понесъ ихъ далѣе, надъ убогими могилами, въ тѣ улицы и въ тѣ мѣста, гдѣ обитали такія же тѣни людей...

Гилэри и Мартинъ Стонъ возвращались съ похоронъ вмѣстѣ, а позади нихъ, по другой сторонѣ дороги слѣдовала за ними маленькая натурщица.

Нѣсколько времени мужчины шли молча. Наконецъ, Гилэри поднялъ руку и, указывая на какой то грязный переулокъ, сказалъ:

— Мы не можемъ отдѣлаться отъ нихъ, они насъ тащутъ

внизъ, за собой... Темный, длинный проходъ! Вы видите свѣтъ на отдаленномъ концѣ?

— Да,—отвѣчалъ Мартинъ угрюмо.

— Я его не вижу.

Мартинъ укоризненно взглянулъ на него и прошепталъ:

— Гамлетъ!

Гилэри ничего не возразилъ. По лицу его пробѣжала усмѣшка.

Молодой врачъ искоса наблюдалъ за нимъ.

— Вѣдь это болѣзнь—всегда такъ улыбаться! — сказалъ онъ.

Гилэри пересталъ улыбаться.

— Ну, такъ вылѣчите меня, вы—врачъ!—произнесъ онъ съ внезапнымъ раздраженіемъ.

Мартинъ покраснѣлъ.

— Атрофія способности дѣйствовать,—сказалъ онъ.—Это неизлѣчимая болѣзнь.

— Ахъ!—возразилъ Гилэри.—Мы всѣ разными путями стремимся къ прогрессу. Вы, вашъ дѣдушка, мой братъ и я—вотъ вамъ четыре типа людей. Скажите же мнѣ, кто изъ насъ въ самомъ дѣлѣ можетъ дѣйствовать такъ, какъ нужно? Я, напримѣръ, на гожусь для дѣйствія.

— Всякое дѣйствіе лучше, чѣмъ бездѣйствіе, — проворчалъ Мартинъ.

— А вамъ свойственна близорукость, Мартинъ. Вѣдь вашъ рецептъ, въ данномъ случаѣ, не оказался удачнымъ?

— Я не виноватъ, если люди хотятъ оставаться безумцами.

— Вы коснулись какъ разъ жгучей стороны вопроса. Хотятъ ли они или вынуждаются къ этому? Скажите мнѣ, Мартинъ, не думаете ли вы, что соціальная совѣсть, въ широкомъ смыслѣ этого слова, является лишь результатомъ комфорта и обезпеченности?

Мартинъ пожалъ плечами.

— А развѣ комфортъ и обезпеченность не разрушаютъ въ свою очередь способности дѣйствовать?—прибавилъ Гилэри.

Мартинъ опять молча пожалъ плечами.

— И далѣе, — продолжалъ Гилэри, — если тѣ, кто обладаетъ соціальной совѣстью и кто можетъ поэтому видѣть зло, потеряли способность дѣйствовать? Откуда же можетъ явиться свѣтъ въ концѣ этого темнаго прохода?

Мартинъ взялъ трубку, наполнилъ ее табакомъ и, прижавъ табакъ пальцемъ, наконецъ, заговорилъ:

— И все таки тамъ есть свѣтъ въ концѣ этого мрачнаго коридора, онъ есть, несмотря на всѣхъ безпозвоночныхъ,

неспособныхъ къ дѣйствію.. Прощайте! Я и такъ потерялъ много времени...

— Вы видите свѣтъ, несмотря на близорукость?—пустилъ ему вслѣдъ Гилэри.

Нѣсколько позднѣе Гилэри, зашедшій въ магазины Розе и Торнъ, чтобы купить табаку, столкнулся въ дверяхъ съ маленькой натурщицей, которая, очевидно, поджидала его тутъ.

— Я была на похоронахъ,—сказала она, а глаза ея прибавили: я слѣдовала за вами!

Она пошла рядомъ съ нимъ, не дожидаясь его приглашенія.

— „Она совсѣмъ другая, не та, какую я отослалъ изъ дому пять ней тому назадъ,—думалъ Гилэри.—Въ ней произошла какая то перемѣна, что то есть новое и что то исчезло... Я совсѣмъ не знаю ее теперь"...

Въ ея манерахъ, дѣйствительно, сквозило какое то странное упрямство. Она смотрѣла на Гилэри глазами собаки, которая не хочетъ покинуть своего господина, желающаго прогнать ее отъ себя. Эти глаза какъ будто говорили ему:

— Вы хотѣли прогнать меня отъ себя? Я знаю, что это значитъ! Дѣлайте, что хотите, но я все таки останусь вблизи васъ!..

Чисто примитивная простота этого взгляда испугала Гилэри. Онъ желалъ бы отдѣлаться отъ своей спутницы, но не зналъ, какъ это сдѣлать, поэтому въ замѣшательствѣ онъ опустился на первую попавшуюся скамью въ Кенсингтонскомъ саду, когда они вошли туда. Но маленькая натурщица тотчасъ же усѣлась рядомъ съ нимъ. Было что то странное въ этой спокойной осадѣ, которую повела молодая дѣвушка. Какъ будто кто то опутывалъ его тонкими нитями, которыя на его же глазахъ превращались въ толстые, крѣпкіе канаты. Къ той боязни, которую испытывалъ Гилэри, примѣшивалось вначалѣ довольно сильное раздраженіе. Больше всего онъ боялся показаться смѣшнымъ и въ то же время испытывалъ въ душѣ нѣсколько презрительное чувство. На что можетъ надѣяться это маленькое созданіе, съ которымъ у него нѣтъ ровно ничего общаго, ни одной мысли и идеи, которую онъ могъ бы раздѣлить съ него? Не хочетъ ли она подѣйствовать на него своимъ тупымъ, упрямымъ обожаніемъ? Не желаетъ ли она во что бы то ни стало добиться измѣненія характера его покровительства?

Гилэри обернулся и посмотрѣлъ на нее. Она тотчасъ же потупила глаза. Она, дѣйствительно, стала теперь другая. Ея члены двигались свободнѣе, стали округлѣе, и она, точно ранній лѣтній цвѣтокъ, расцвѣтала на его глазахъ: это до-

ставляло ему удовольствіе, — но въ то же время усиливало его страхъ. Странное молчаніе, — впрочемъ, вполнѣ естественное, такъ какъ о чемъ же имъ было разговаривать другъ съ другомъ?—яснѣе чѣмъ когда либо заставляло его чувствовать классовыя перегородки. Онъ думалъ только о томъ, какъ бы ему не поставить себя въ смѣшное положеніе. Она же безсознательно приглашала его отнестись къ ней, какъ къ женщинѣ, и какъ будто мысленно обвивала своими молодыми руками его шею, а изъ ея полуоткрытыхъ устъ какъ будто неся къ нему тотъ вѣчный призывъ, который заставляетъ одинъ полъ устремляться къ другому. Онъ, этотъ культурный человѣкъ средняго возраста, поступающій всегда сознательно, боялся даже заговорить съ нею, взволнованный до глубины души ея близостью и боязнью обнаружить свое волненіе.

Молодая дѣвушка молчала. Но ей теперь было все равно, смотритъ ли онъ на нее и говоритъ онъ съ нею или нѣтъ? Ея инстинктъ подсказалъ ей, что сладкій ядъ уже проникъ въ его кровь, и пульсъ его бьется сильнѣе. Она пріобрѣтала странную безмолвную власть надъ нимъ, и сознаніе этой власти еще болѣе пугало Гилэри. Онъ не говорилъ ей ничего, да ей и не нужно было. Не нужно было даже, чтобы онъ смотрѣлъ на нее. Онъ чувствовалъ, что она сидитъ тутъ, возлѣ него, безмолвная, съ полуоткрытыми губами, и полузакрытыми глазами, дышащая молодостью и охваченная жаждою жизни...

Вдругъ онъ вскочилъ и быстрыми шагами направился къ выходу.

XXIX.

Лебединая пѣснь.

Если новое вино, налитое въ старую бутылку, не разрываетъ ее, въ первые моменты бурнаго броженія, то постепенно ходъ броженія замедляется, и цѣлость бутылки уже не подвергается большой опасности.

Такъ было и съ мистеромъ Стономъ. Съ каждымъ днемъ, въ теченіе слѣдующаго мѣсяца, онъ становился крѣпче. Мертвенная блѣдность, покрывавшая его лицо, исчезла, голубые глаза, постоянно устремленные въ пространство, потеряли свою тусклость, и къ нему вернулась прежняя крѣпость. Онъ, по прежнему, купался въ рѣкѣ ежедневно, но теперь Мартинъ и Гилэри, по очереди, всегда незамѣтнымъ для него образомъ сопровождали его, когда онъ шелъ купаться, и слѣдили, какъ онъ медленно разсѣкалъ воду своими ху-

дыми руками, опасаясь, какъ бы онъ снова не вздумалъ слишкомъ долго оставаться подъ водой. Каждое утро, выпивъ какао и съѣвъ похлебку, онъ принимался энергично подметать и прибирать свою комнату и затѣмъ производилъ гимнастическія упражненія, приготовляясь къ дневной работѣ. Ни писемъ, ни газетъ онъ не получалъ, и ничто не нарушало теченія его жизни, всецѣло посвященной книгѣ, которую онъ писалъ для человѣчества. Онъ ни съ кѣмъ не переписывался и никому не былъ извѣстенъ его адресъ. Письма, полученныя имъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, такъ и остались безъ отвѣта. Разъ въ недѣлю онъ посѣщалъ публичную библіотеку, гдѣ обыкновенно прочитывалъ послѣдніе четыре номера еженедѣльныхъ газетъ, чтобы знать, что происходитъ въ мірѣ. Когда онъ читалъ, то губы его тихо шевелились, точно онъ шепталъ молитвы.

Утромъ въ комнатѣ Стона, ровно въ десять часовъ, раздавался звонъ будильника, за которымъ слѣдовала полная тишина въ теченіе нѣсколькихъ минутъ. Затѣмъ начиналась возня, передвиганіе мебели, тяжелые шаги и по временамъ слышался старческій голосъ. Наконецъ, эти звуки прекращались, и изъ комнаты доносился запахъ печенаго картофеля. Еслибы кто нибудь заглянулъ къ Стону въ эту минуту, то увидѣлъ бы, что онъ стоитъ и держитъ въ одной рукѣ чашку горячаго молока, а въ другой—печеный картофель, на столѣ же лежатъ остатки съѣстныхъ припасовъ: томаты, бананы, апельсины, фиги, сливы, сыръ, медъ, яичная скорлупа и хлѣбныя корки. Убравъ свою комнату, мистеръ Стонъ надѣвалъ свою старую фетровую шляпу и, взявъ въ руки маленькую плетеную корзиночку, отправлялся за покупками. Придя въ магазинъ Розе и Торнъ, онъ протягивалъ первому попавшемуся приказчику свою корзинку вмѣстѣ съ нѣсколькими монетами и маленькую записную книжку съ семью страницами, озаглавленными: „Пища: Понедѣльникъ, Вторникъ, Среда“ и т. д. Приказчикъ смотрѣлъ соотвѣтствующую страницу и отпускалъ означенную въ ней провизію. Стонъ стоялъ спокойно, протянувъ руку и разсматривая пикули въ банкѣ или что-нибудь другое въ лавкѣ. Приказчикъ подавалъ ему корзину, въ которую были уложены припасы, и Стонъ направлялся къ выходу. Всѣ приказчики смотрѣли на него съ покровительственной улыбкой. Они уже привыкли къ этому молчаливому кліенту, внушавшему имъ какое то невольное чувство уваженія, и никогда никто не позволилъ бы себѣ посмѣяться надъ нимъ или обмануть его.

Мистеръ Стонъ, нѣсколько согнувшись на одну сторону, подъ тяжестью своей корзинки, всегда возвращался домой нѣсколько раньше звона будильника, раздававшагося обычно

въ три часа. Уложивъ свои припасы, онъ принимался писать, и тогда можно было слышать его громкій шепотъ и скрипъ его гусинаго пера.

Но около четырехъ часовъ въ немъ уже становились замѣтны признаки мозгового возбужденія. Шепотъ прекращался и вмѣстѣ съ этимъ прекращался скрипъ пера... Лобъ у него слегка краснѣлъ, и его можно было видѣть у открытаго окна, откуда онъ смотрѣлъ на дорогу. Какъ только вдали показывалась маленькая натурщица,—устремлявшая свои глаза не на его окно, а на окно Гилэри,—то онъ повертывался къ дверямъ, дожидаясь, когда она войдетъ. И всегда онъ ее встрѣчалъ одними и тѣми же спокойными словами: „Я написалъ нѣсколько страницъ и поставилъ для васъ стулъ. Вы готовы?.. Продолжайте!"

За исключеніемъ этого удивительнаго спокойствія, которое слышалось въ его голосѣ, и исчезновенія краски волненія на лицѣ, ничто не указывало на то тайное удовольствіе, какое доставлялъ ему видъ ея свѣжаго, молодого лица, ея молодыхъ, гибкихъ членовъ. Она была тѣмъ возбуждающимъ средствомъ, которое дается людямъ передъ концомъ, чтобы на нѣкоторое время возбудить ихъ жизненную энергію и отдалить роковой моментъ. Дѣйствительно, ея присутствіе молодило его, и онъ чувствовалъ себя, какъ путешественникъ, который послѣ долгаго труднаго перехода сѣлъ, наконецъ, отдохнуть подъ тѣнью раскидистаго дерева.

Онъ не обращалъ вниманія на то, что когда онъ угощалъ ее чаемъ и разговаривалъ съ нею, она напряженно прислушивалась къ шагамъ и звукамъ, доносившимся снаружи, словно ожидая кого-то. Въ ея присутствіи онъ всегда чувствовалъ приливъ энергіи, и это вполнѣ удовлетворяло его. Когда она уходила, медленно и задумчиво двигаясь по дорожкѣ сада и высматривая, не видно ли гдѣ-нибудь признаковъ Гилэри, Стонъ обыкновенно садился отдыхать и большею частью тотчасъ же засыпалъ въ креслѣ. Въ семь часовъ вечера его будилъ звонъ будильника, и тогда онъ принимался за приготовленіе ужина, послѣ котораго началъ ходить по комнатѣ, а затѣмъ снова слышался его шепотъ и скрипъ гусинаго пера...

Такъ писалась книга о всеобщемъ братствѣ, какой еще не видалъ міръ.

Маленькая натурщица, присутствіе которой всегда дѣйствовало на него такимъ освѣжающимъ образомъ, приходила и уходила съ печальнымъ видомъ, такъ какъ ей ни разу не удавалось хотя бы мелькомъ увидать того, кого она искала.

Съ того самаго утра, когда онъ сидѣлъ съ ней въ Кенинг-

стонскимъ саду и такъ внезапно ушелъ отъ нея, Гилэри никогда не оставался дома въ тѣ часы, когда она приходила. Онъ избѣгалъ встрѣчаться съ нею лицомъ къ лицу, такъ какъ уже не могъ болѣе скрывать отъ себя опасности. Въ тѣ нѣсколько минутъ глубокаго молчанія, когда они сидѣли рядомъ на скамейкѣ, Гилэри почувствовалъ съ внезапною силой пробужденіе чувственности. Мужчина далеко не умеръ въ немъ! Это уже не было прежнее смутное чувство, а вполнѣ опредѣленное жгучее желаніе. Чѣмъ больше онъ думалъ объ этой дѣвушкѣ изъ народа, тѣмъ менѣе духовнымъ становилось его чувство къ ней. Тѣ, кто хорошо зналъ его, замѣчали въ немъ большую перемѣну. Что-то безпокойное чувствовалось въ немъ, и въ его манерахъ проглядывала какая то рѣзкость, порывистость, совершенно не свойственныя ему. Онъ какъ будто даже избѣгалъ своихъ прежнихъ пріятелей и обрывалъ всякую попытку прежней дружеской бесѣды. Въ клубѣ говорили, что онъ поглощенъ своей новой работой, но въ дѣйствительности онъ совсѣмъ не могъ работать. Даже горничная, убиравшая каждый день его рабочій кабинетъ, замѣтила это. Она видѣла, что его работа не подвигается, остановившись въ началѣ XXIV-й главы, хотя онъ ежедневно вставалъ очень рано именно для того, чтобы работать.

Перемѣна въ его обращеніи и наружности бросалась въ глаза и Біанкѣ. Она видѣла, что онъ похудѣлъ и взоръ его пріобрѣлъ какое то блуждающее выраженіе, но она даже самой себѣ не хотѣла сознаться, что замѣчаетъ это. Домашняя жизнь обоихъ супруговъ напоминала одинъ изъ тѣхъ лѣтнихъ дней, когда, несмотря на тишину и спокойствіе атмосферы, воздухъ бываетъ насыщенъ электричествомъ и чувствуется приближеніе грозы.

За все время пребыванія Хюггса въ тюрьмѣ, Гилэри только два раза видѣлъ маленькую натурщицу. Первый разъ онъ встрѣтилъ ее, когда ѣхалъ домой. Онъ замѣтилъ, что она вспыхнула и глаза ея заблестѣли. Во второй разъ онъ видѣлъ ее сидящей въ Кенингстонскомъ саду, на той самой скамейкѣ, на которой они тогда сидѣли вдвоемъ. Она устремила глаза куда-то вдаль, и лицо ея имѣло угрюмое, недовольное выраженіе.

Гилэри меньше всего на свѣтѣ былъ способенъ гоняться за женщинами. Онъ всегда испытывалъ чувство застѣнчивости въ ихъ присутствіи и былъ убѣжденъ, что онъ и имъ внушаетъ такое же чувство, но теперь онъ не могъ не замѣтить, что маленькая натурщица преслѣдуетъ его. Въ этомъ новомъ для него ощущеніи заключалась какая то особенная привлекательность и въ то же время это пугало его. Онъ

похожъ былъ на человѣка, который видитъ смѣлый персикъ на вѣткѣ и мечтаетъ о томъ, чтобы сорвать его, но не смѣетъ протянуть руку, или же думаетъ, что не смѣетъ, и проходитъ мимо. Само собою разумѣется, что душевный разладъ, который онъ испытывалъ, мѣшалъ его занятіямъ и вносилъ въ его жизнь элементъ неустойчивости, что и заставляло его избѣгать своихъ лучшихъ друзей.

Отчасти по этой причинѣ Стефанъ зашелъ къ нему въ одно воскресенье. Стефану хотѣлось все таки узнать настроеніе брата, тѣмъ болѣе, что черезъ недѣлю Хюггса должны были выпустить изъ тюрьмы.

— „Эта дѣвушка продолжаетъ ходить къ нему въ домъ,— думалъ Стефанъ.—Гилэри же, конечно, предоставляетъ вещи своему теченію. А потомъ онъ уже не въ состояніи будетъ ничего измѣнить! Изъ этого можетъ выйти большой сумбуръ“.

Въ глазахъ умѣреннаго и аккуратнаго Стефана заключеніе Хюггса въ тюрьму придавало иной, зловѣщій характеръ всей этой нечистоплотной исторіи.

Проходя черезъ садъ, Стефанъ услышалъ голосъ Стона, диктовавшаго свою рукопись. Окно въ комнатѣ Стона было, по обыкновенію, открыто настежь.

— „Старый чудакъ не можетъ даже въ воскресенье сдѣлать перерывъ!“ подумалъ съ неудовольствіемъ Стефанъ.

Гилэри читалъ въ своемъ кабинетѣ, когда вошелъ Стефанъ. Онъ холодно поздоровался съ братомъ. Однако, Стефанъ точно не замѣтилъ этого и, осторожно зондируя почву, сказалъ:

— Мы не видали тебя цѣлую вѣчность!.. Я слышалъ, проходя мимо, голосъ нашего стараго пріятеля. Онъ, должно быть, торопится окончить свой „magnum opus“? Я полагалъ, что онъ соблюдаетъ день отдыха?

— Обыкновенно, да,—отвѣтилъ Гилэри.

— Къ нему вернулась эта дѣвушка, которой онъ диктуетъ? — замѣтилъ Стефанъ.

Гилэри ничего не сказалъ, только лицо его дрогнуло. Стефанъ продолжалъ съ большою осторожностью:

— Не могъ бы ты заставить его кончить свою работу къ средѣ?—спросилъ онъ.—Вѣдь книга его должна уже приближаться къ концу!

Гилэри слабо улыбнулся.

— А ты бы могъ такъ устроить, чтобы всѣ дѣла въ судѣ были закончены въ среду, ради пользы человѣчества?—возразилъ онъ.

—Что ты говоришь!—воскликнулъ Стефанъ.—Неужели такъ плохо? Вѣдь онъ долженъ же когда-нибудь кончить свою книгу!

— Да, когда люди станутъ братьями, – тогда онъ кончитъ свою книгу, — спокойно отвѣтилъ Гилэри.

Стефанъ свистнулъ.

— Слушай, дружище!—обратился онъ къ брату.—Этотъ негодяй выходитъ изъ тюрьмы въ среду. И тогда все опять начнется сначала.

Гилэри заходилъ по комнатѣ большими шагами.

— Я не могу считать Хюгса негодяемъ,—сказалъ онъ.— Что мы знаемъ о немъ или о комъ нибудь изъ „нихъ" вообще?

— Совершенно вѣрно. Что мы знаемъ объ этой дѣвушкѣ?

— Я отказываюсь обсуждать этотъ вопросъ, – сухо оборвалъ Гилэри.

Оба брата почувствовали въ этотъ моментъ глубокую разницу своихъ характеровъ. Суровое, почти враждебное выраженіе появилось на лицѣ обоихъ, и они отвернулись другъ отъ друга.

— Я только хотѣлъ напомнить тебѣ объ этомъ. Но разумѣется, ты самъ лучше можешь судить о дѣлѣ, которое тебя касается,—замѣтилъ Стефанъ и тутъ же подумалъ: „Какъ разъ объ этомъ то онъ и не можетъ судить!"

Странное чувство неловкости, которое онъ испытывалъ въ присутствіи брата, заставило Стефана поскорѣе распрощаться съ нимъ и уйти. Гилэри не удерживалъ его, но долго слѣдилъ за нимъ, когда онъ шелъ по садовой дорожкѣ, а потомъ спустился внизъ и сѣлъ на уединенную садовую скамейку.

Визитъ брата почему-то пробудилъ въ немъ съ новою силой страстное желаніе, которое онъ хотѣлъ подавить.

Маленькій садикъ, гдѣ сидѣлъ Гилэри, былъ залитъ солнечными лучами, пробиравшимися во всѣ его закоулки. Гилэри разсѣянно смотрѣлъ на бабочку, которая кружилась около цвѣтовъ гераніума. Въ этотъ моментъ онъ не былъ похожъ самъ на себя. Лицо его горѣло, глаза смотрѣли сурово и рѣшительно, точно онъ намѣревался предпринять рѣшительное дѣйствіе.

Въ воздухѣ ощущался слабый ароматъ сирени. Голосъ мистера Стона ясно слышался въ саду, и Гилэри даже могъ различить его силуэтъ, когда онъ приближался къ открытому окну, держа въ рукахъ свою рукопись. Вдругъ Гилэри увидѣлъ, что онъ поднялъ обѣ руки, и къ нему донеслись слова:

„Они, эти блѣдные, безкровные отпечатки формъ высшей касты, собранные въ общую массу, были лишены воздуха и свѣта. Они лежали на землѣ, точно отраженія листьевъ, которые свободно колышатся вверху, обвѣваемые вѣтромъ

и люди наступали на нихъ. Это были мрачныя привидѣнія—тѣни людей, прикованныя къ землѣ, потому что солнце тогда еще не достигло той точки зенита, когда человѣкъ перестаетъ отбрасывать тѣнь“...

Послѣднія слова замерли вдали, какъ будто это была лебединая пѣснь. Стонъ вздрогнулъ, зашатался и вдругъ исчезъ изъ вида. Должно быть, онъ сѣлъ въ кресло. Вмѣсто него въ окнѣ появилась маленькая натурщица. Она остановилась, пораженная, увидѣвъ Гилэри, и продолжала стоять неподвижно, не спуская съ него глазъ, казавшихся совсѣмъ черными вслѣдствіе расширенныхъ зрачковъ. Онъ чувствовалъ на себѣэ тотъ взглядъ и, точно повинуясь непреодолимой силѣ, поднялъ на нее свои глаза...

Вдругъ позади него раздался голосъ:

— Здравствуйте!.. Я проѣзжалъ мимо... Какъ здоровье вашей жены?..

Это былъ Пюрсей. Онъ вошелъ въ калитку. Глаза его тоже были прикованы къ окну, въ которомъ стояла маленькая натурщица.

Неожиданное появленіе этого господина вызвало ярость въ душѣ Гилэри. Съ трудомъ подавивъ свое негодованіе, онъ смѣрилъ глазами фигуру Пюрсея съ головы до пятокъ и сказалъ:—Пойдемъ, поищемъ мою жену.

Они пошли по дорожкѣ къ дому.

— Кажется, тамъ эта молоденькая дѣвушка, натурщица, которую я видѣлъ въ студіи вашей жены? хорошенькая дѣвушка, а?—обратился Пюрсей къ своему спутнику.

Гилэри со злобой прикусилъ губы, но ничего ему не отвѣтилъ,

— Какъ онѣ живутъ, такія дѣвушки?—продолжалъ Пюрсей.—Я думаю, что у большинства изъ нихъ есть другіе рессурсы, а?..

— Онѣ ведутъ такую жизнь, какая имъ предназначена судьбой, такъ же, какъ и всѣ остальные люди,—сухо замѣтилъ Гилэри.

Мистеръ Пюрсей сухо взглянулъ на него. Тонъ, которымъ Гилэри произнесъ эти слова, былъ такой, какъ будто онъ хотѣлъ сдѣлать выговоръ Пюрсею.

— Само собою разумѣется!—сказалъ Пюрсей.—Во всякомъ случаѣ эта дѣвушка, навѣрное, не знаетъ лишеній...

Вдругъ онъ замѣтилъ странную перемѣну въ лицѣ Гилэри. Этотъ, всегда такой пріятный и любезный, человѣкъ сталъ холоденъ, какъ ледъ, и крайне сухо замѣтилъ Пюрсею:

— Моей жены, повидимому, нѣтъ дома... У меня тоже есть дѣла...

Удивленный Пюрсей могъ только отвѣтить обиженнымъ

тономъ: „Сожалѣю, что я явился невпопадъ!“—Онъ быстро направился къ выходу, и черезъ нѣсколько минутъ его автомобиль уже отъѣжалъ отъ дома. Казалось, будто онъ намѣренно шумѣлъ больше обыкновеннаго, чтобы выразить свое негодованіе.

XXX.

Подъ маской равнодушія.

Но Біанка была дома, она видѣла все, видѣла и долгій, напряженный взглядъ своего мужа, устремленный на маленькую натурщицу. Это произошло нечаянно. Проходя изъ своей студіи черезъ стеклянный коридоръ, ведущій въ домъ, она увидѣла Гилэри. Конечно, она не могла видѣть, на кого онъ устремилъ такой пристальный взглядъ, но это и не было нужно. Она сразу догадалась, въ чемъ дѣло, какъ будто видѣла передъ собой дѣвушку, стоящую въ окнѣ. Въ этотъ моментъ она ненавидѣла себя за то, что увидала это. Придя въ свою комнату, она бросилась на постель и закрыла лицо руками. Она привыкла къ одиночеству, составляющему всегдашней удѣлъ такихъ натуръ, но горькое чувство полной изолированности, которое она испытывала въ эту минуту, было невыносимо даже для ея гордой замкнутой души.

Наконецъ, справившись со своимъ волненіемъ, она встала, привела въ порядокъ свой туалетъ, уничтожила на лицѣ всякіе слѣды слезъ, чтобы никто не могъ замѣтить, что она страдаетъ, и вышла изъ дому, убѣдившись сначала, что Гилэри ушелъ изъ сада.

Она пошла прямо въ Гайдъ Паркъ. Былъ праздникъ Троицы, всегда внушающій опасенія всѣмъ культурнымъ лондонцамъ. Веселая толпа разгуливала по улицамъ, и вѣтеръ поднималъ и крутилъ въ воздухѣ, вмѣстѣ съ пылью, всевозможные бумажные свертки и мѣшечки, брошенные на землю. На каждомъ шагу встрѣчались мужчины въ праздничной одеждѣ и разряженныя женщины, зачастую въ странныхъ, неподходящихъ костюмахъ, стремящіяся воспользоваться этими нѣсколькими часами свободы отъ тяжелаго подневольнаго труда, чтобы съ головою окунуться въ омутъ веселья.

Біанка прошла мимо стараго бродяги, спящаго подъ деревомъ. Его платье превратилось въ лохмотья, но лицо выражало полное спокойствіе и было точно вылѣплено изъ воска. Забыты были всѣ горести и работы, и сонъ, этотъ великій утѣшитель, послалъ ему то успокоеніе, котораго онъ былъ лишенъ въ жизни.

Видъ мирно спящаго человѣка былъ непріятенъ Біанкѣ. Ея смятенный духъ нигдѣ не находилъ покоя. Больше чѣмъ когда нибудь она нуждалась въ уединеніи и потому прямо направилась къ группѣ деревьевъ, представлявшей маленькую рощу, куда гуляющіе, повидимому, рѣдко заглядывали. Тутъ росли, по преимуществу, развѣсистыя липы, еще не начавшія цвѣсти. Біанка увидѣла скамейку подъ однимъ изъ этихъ деревьевъ и сѣла на нее.

Какая то женщина, въ лиловомъ платьѣ, точно крадучись, проскользнула между деревьями и сѣла на скамью, недалеко отъ Біанки. Она раскрыла зонтикъ и украдкой поглядывала на дорогу. Скоро Біанка увидѣла, кого она высматриваетъ. Какой то молодой человѣкъ, въ черномъ костюмѣ, быстро вышелъ изъ за деревьевъ и, приблизившись къ ней, тронулъ ее за плечо. Они усѣлись рядомъ, полускрытые отъ Біанки зеленой листвой дерева, и между ними начался, повидимому, задушевный разговоръ; нѣжные звуки котораго достигали ушей Біанки, но словъ она не могла разобрать. Она видѣла только, что онъ бралъ ее за руку, и догадалась, что они не принадлежали къ праздничной толпѣ, а воспользовались всеобщимъ разгуломъ для своего тайнаго свиданія.

Біанка вышла и поспѣшила скрыться. Она ушла изъ парка, но и на улицахъ она постоянно встрѣчала такія же парочки, даже не старавшіяся скрыть своей близости, а точно выставлявшія ее на показъ. Впрочемъ, видъ этихъ уличныхъ парочекъ не причинялъ ей такого страданія, какъ тѣ влюбленные въ паркѣ: вѣдь это были не принадлежащіе къ ея кругу!

Она шла дальше, безцѣльно бродя по улицамъ. На крыльцѣ какого то большого дома она увидала мальчика и дѣвочку, которые крѣпко спали, прижавшись другъ къ другу. Эта мирная картина дѣтскаго сна тоже уязвила ея сердце. Она поспѣшила пройти мимо. Странствуя по улицамъ, она дошла до большого зданія. Это былъ рабочій домъ, тотъ самый, куда старикъ Кридъ, продавецъ вестминстерской газеты, такъ боялся попасть. Въ воротахъ Біанка увидала старыхъ супруговъ, которые прощались другъ съ другомъ, вернувшись съ прогулки. Онъ долженъ былъ идти на мужскую половину, она на женскую. Ихъ безубые рты нѣжно прикоснулись другъ къ другу.

Спокойной ночи, мать,—сказалъ старикъ.

— Спокойной ночи, отецъ, спокойной ночи!—говорила старуха,—Береги себя!

Біанка поспѣшила отвернутся.

Было уже больше девяти часовъ, когда она, наконецъ, пришла на старую площадь и позвонила у дверей дома

своей сестры. Она испытывала чисто физическое желанiе отдохнуть гдѣ нибудь, только не у себя дома.

Она застала всю семью въ гостиной. Въ одномъ концѣ этой длинной комнаты сидѣлъ Стефанъ въ вечернемъ костюмѣ и читалъ вслухъ женѣ какую то журнальную статью. Въ другомъ концѣ, у окна, сидѣли Тиме и Мартинъ и о чемъ то оживленно разговаривали. Они не встали при входѣ Бiанки, и взглядъ ихъ ясно говорилъ, что они считаютъ обычай здороваться и прощаться нелѣпой формальностью.

Поцѣловавъ сестру и поздоровавшись со Стефаномъ, вѣжливо, но холодно пожавшимъ ей руку, Бiанка опустилась въ кресло и попросила Стефана продолжать чтенiе. Онъ исполнилъ ея желанiе, а Сесилiя снова устремила взглядъ на лакированный сапогъ своего мужа. Но въ душѣ у нея шевелилось тревожное чувство.

— „Я знаю, Бiанка пришла сюда только потому, что она несчастна,—думала Сесилiя.—Бѣдная она! Бѣдный Гилэри! Должно быть, опять это несчастное дѣло“...

Сесилiя прекрасно изучила всѣ оттѣнки голоса Стефана и поэтому сразу поняла, что приходъ Бiанки вызвалъ у него такое же теченiе мыслей. Дѣйствительно, Стефанъ, продолжая читать, думалъ: „Я не одобряю! Но она сестра Сисси. Что же я могу сдѣлать? Если бъ не Гилэри, то я бы не потерпѣлъ этого въ своемъ домѣ“!..

Бiанка, всегда очень тонко чувствовавшая, сразу поняла, что никто ей здѣсь не обрадовался. Она сидѣла въ креслѣ, откинувъ вуаль, и, казалось, внимательно слушала, что читаетъ Стефанъ, но на самомъ дѣлѣ наблюдала лишь пары, находившiяся передъ ней.

Вездѣ люди сходились парами, только она оставалась одинокой! Для нея не было пары. Что за преступленiе совершила она? Отчего она такъ создана, что никто не можетъ полюбить ее, никто не стремится быть съ нею вмѣстѣ? Эта была самая горькая мысль, преслѣдовавшая ее, самый трагическiй изъ всѣхъ вопросовъ, не дававшихъ ей покоя! Статья, которую читалъ Гилэри и въ которой говорилось о томъ, какъ надо обращаться съ народомъ, звучала у нея въ ушахъ, не достигая ея сознанiя. Она думала только о томъ, отчего она такая? Отчего она не можетъ быть другой? Но гордость нашептывала ей: „Не надо никого! Ты ни въ комъ не нуждаешься, гораздо лучше самой уйти съ дороги!“

Тиме и Мартинъ, занятые другъ другомъ, почти не смотрѣли на нее. Для нихъ она была тетка Би, дилетантка во всемъ, насмѣшливый взглядъ которой иногда пронизывалъ даже броню молодости, прикрывавшую ихъ. При томъ

же они были слишкомъ поглощены своимъ разговоромъ и не могли замѣтить, что она страдаетъ. Этотъ разговоръ или, вѣрнѣе, споръ, возобновлялся между ними нѣсколько разъ со времени смерти ребенка мистриссъ Хюггсъ.

— Хорошо!—говорилъ Мартинъ.—Ну, а теперь, что ты будешь дѣлать? Нельзя же все основывать только на этомъ фактѣ. Ты должна смотрѣть на вещи шире. Нельзя дѣлать никакой реальной работы, опираясь только на чувство!

— Ты самъ былъ на похоронахъ, Мартинъ!—возражала Тиме.—Какъ же ты можешь послѣ этого отрицать чувство? Это сущій вздоръ.

Мартинъ не удостоилъ обратить вниманіе на этотъ намекъ и продолжалъ:

— Мы теперь не нуждаемся въ чувствѣ. Оно безполезно такъ же, какъ и справедливость, о которой такъ много говорятъ высшіе классы, закрывая глаза на вопіющія вещи или смотря въ сторону. Если ты увидишь умирающаго осла въ полѣ, то ты вѣдь не поступишь, какъ твой отецъ, который тотчасъ же обратится къ обществу и укажетъ ему на этотъ случай, или какъ твой дядя Гилэри, который напишетъ по этому поводу статью, наполненную размышленіями о печальной участи ословъ? Ты, конечно, постараешься сократить страданія осла и всадишь ему пулю въ лобъ.

— Къ чему ты постоянно возвращаешься къ дядѣ Гилэри?—сказала Тиме.

— Я вовсе не имѣю въ виду именно его, я протестую вообще противъ такого типа людей.

— А онъ протестуетъ противъ такого типа, какъ ты!

— Не думаю,—медленно произнесъ Мартинъ.—У него на это не хватитъ характера.

Тиме подняла голову и, взглянувъ на него изъ-подъ полуопущенныхъ вѣкъ, презрительно замѣтила:

— Знаешь ли, изъ всѣхъ самодовольныхъ людей, какихъ я встрѣчала въ жизни, ты самый худшій!

У Мартина чуть передернуло лицо.

— Ты должна сказать прямо,—обратился онъ къ ней,—готова ли ты пустить пулю въ умирающаго на твоихъ глазахъ осла или нѣтъ?

— Я вижу только одного осла, да и тотъ не умираетъ!—насмѣшливо отвѣчала Тиме.

Мартинъ схватилъ ее за руку, у самаго локтя, и крѣпко сжалъ:

— Пожалуйста, не уклоняйся въ сторону,—сказалъ онъ.

Тиме пробовала освободить руку.

— Пусти!—шепнула она.

Но Мартинъ не отпускалъ ее. Онъ пристально смотрѣлъ

ей въ глаза. Щеки его слегка покраснѣли. Тиме вспыхнула и продолжала вырывать руку:

— Пусти! Пусти!

— Нѣтъ, я не пущу!—твердо проговорилъ Мартинъ.— Я хочу заставить тебя уяснить себѣ свои мысли. Ты должна рѣшить, что ты хочешь дѣлать. Будешь ли ты дѣлать дѣло или будешь только заниматься чувствами?

И вдругъ Тиме, точно загипнотизированная его волей, перестала бороться. Нѣсколько мгновеній они смотрѣли другъ другу въ глаза. Лицо дѣвушки отражало самыя разнообразныя чувства: негодованіе и удовольствіе, покорность и вызовъ...

Вблизи раздался шорохъ. Молодые люди оглянулись и увидѣли, что Біанка направляется къ двери. Сесилія тотчасъ же вскочила и пошла вслѣдъ за ней.

— Что съ тобой, Би?—спросила она.

Біанка не отвѣтила и поспѣшила выйти изъ комнаты. Какъ ни торопилась Сесилія поспѣть за ней, но ей не удалось увидѣть ея лицо, скрытое вуалью...

Въ комнатѣ Стона горѣла лампа подъ зеленымъ абажуромъ. Однако, онъ уже пересталъ работать и сидѣлъ теперь на своей походной кровати, смотря въ окно. Лампа тускло освѣщала кровать, оставляя въ тѣни всѣ предметы, но ему вдругъ показалось, что онъ не одинъ.

— Я кончилъ сегодняшнюю работу,—сказалъ онъ.—Я жду, когда взойдетъ луна. Теперь у насъ почти полнолуніе Я увижу ликъ луны отсюда.

Кто-то сѣлъ около него на кровати и чей-то нѣжный голосъ произнесъ:

— Точно ликъ женщины!..

Стонъ обернулся и увидѣлъ свою младшую дочь.

— Ты въ шляпѣ, моя дорогая? Идешь куда-нибудь?— спросилъ онъ.

— Я возвращалась и увидѣла у тебя свѣтъ.

— Луна представляетъ изъ себя безплодную пустыню. Тамъ нѣтъ любви!—проговорилъ Стонъ.

— Какъ же ты можешь смотрѣть на нее въ такомъ случаѣ?—прошептала Біанка.

Стонъ поднялъ указательный палецъ:

— Она появилась!—сказалъ онъ.

Блѣдный дискъ луны вынырнулъ изъ темноты. Серебристый лучъ пробѣжалъ черезъ садъ въ открытое окно и освѣтилъ кровать, гдѣ они сидѣли.

— Тамъ, гдѣ нѣтъ любви, не можетъ быть жизни, не такъ ли, отецъ?—спросила Біанка.

Глаза Стона какъ будто упивались луннымъ свѣтомъ,

— Это великая истина,—отвѣчалъ онъ.

Вдругъ онъ почувствовалъ, что кровать его задрожала. Крѣпко прижавъ руки къ своей груди, Біанка изо всѣхъ силъ боролась съ подступавшими къ горлу рыданіями. Она вся дрожала, и ей казалось, что сердце у нея готово разорваться на части. Это была безнадежная борьба, происходившая на глазахъ Стона, и онъ сидѣлъ возлѣ плачущей дочери, безмолвный, трепещущій, не зная что дѣлать. Идея всеобщаго братства, покорившая его умъ и сердце, лишила его способности дѣйствовать. Онъ не зналъ, какъ помочь своей дочери. Онъ могъ только сидѣть возлѣ нея и гладить дрожащими пальцами ея руку.

Мало-по-малу Біанка стала спокойнѣе. Его безпомощность какъ будто заставила ее почувствовать, что и онъ также одинокъ. Она тѣснѣе прижалась къ нему, и онъ ощущалъ теплоту ея тѣла.

Блѣдный, мерцающій свѣтъ, падавшій изъ окна, наполнялъ теперь всю комнату, одержавъ побѣду надъ тусклымъ свѣтомъ рабочей лампы.

И вдругъ рука Стона, словно припомнивъ старый забытый способъ, обняла дрожащее тѣло Біанки.

— Я не знаю, что сказать ей! Я бы хотѣлъ, чтобъ тутъ была ея мать!—шепталъ онъ и медленно началъ раскачивать ее, какъ ребенка, въ своихъ объятіяхъ.

— Движеніе успокаиваетъ,—сказалъ онъ.

Луна закрылась облакомъ, и въ комнатѣ стало темнѣе. Біанка сидѣла тихо и больше не плакала. Стонъ пересталъ качать ее. И вдругъ ея губы прижались къ его лбу.

Весь дрожа отъ этой неожиданной ласки, онъ поднялъ руку и прикоснулся пальцами къ тому мѣсту, куда она прикаснулась губами.

Но Біанки уже не было въ комнатѣ.

XXXI.

Гилэри начинаетъ дѣйствовать.

Чтобы понять поведеніе Біанки и Гилэри во время переживаемаго ими кризиса, надо принять во вниманіе не только ихъ чувства, но и всю ихъ матримоніальную философію. Они оба, по своему воспитанію и окружающей ихъ обстановкѣ, принадлежали къ той части общества, которая уже отбросила устарѣвшіе взгляды на бракъ. Совершенно отрицая прежнія ортодоксальныя воззрѣнія и право собственности въ бракѣ, они ударились въ другую крайность и, признавая абсолютную свободу, отвергали даже свои законныя

права. Какъ и всѣ люди, находящіеся въ оппозиціи, они вынуждены были изъ принципа не соглашаться съ большинствомъ, пользующимся властью и придающимъ своимъ воззрѣніямъ силу закона. Оставаясь тѣмъ не менѣе юридически собственниками, они естественно попадали въ ложное положеніе и не знали, какъ изъ него выйти. Нужно было много такта и дѣйствительной любви другъ къ другу, чтобы примирить всѣ эти внутреннія противорѣчія.

На другой день, послѣ того вечера, когда Біанка сидѣла на кровати возлѣ своего отца, между нею и ея мужемъ произошелъ слѣдующій разговоръ:

— Я думаю, мнѣ лучше уѣхать на время,—спокойно сказала ему Біанка.

— Можетъ быть, вы предпочитаете, чтобы я уѣхалъ?—замѣтилъ Гилэри.

— Вы нужны, а я нѣтъ.

Въ этихъ короткихъ, ясныхъ и холодныхъ, какъ ледъ, словахъ заключалась вся сущность вопроса.

— Когда вы уѣзжаете?—спросилъ Гилэри послѣ короткой паузы.

— Въ концѣ недѣли, я думаю.

Замѣтивъ, что онъ пристально смотритъ на нее, она прибавила:

— Да... Мы оба выглядимъ плохо.

— Мнѣ очень жаль...

— Я знаю.

Это было все. Но слова Біанки снова заставили Гилэри стать лицомъ къ лицу съ создавшимся положеніемъ вещей. Элементы этого положенія остались тѣ же, но ихъ относительное значеніе измѣнилось, Съ каждымъ часомъ искушеніе становилось сильнѣе. Гилэри не могъ противопоставить ему никакихъ принциповъ. У него было только врожденное отвращеніе причинять страданіе кому бы то ни было. Притомъ же онъ чувствовалъ, что если онъ уступитъ влеченію, то положеніе станетъ еще хуже. Онъ не могъ смотрѣть на положеніе вещей такъ, какъ смотрѣлъ бы мистеръ Пюрсей, если бъ его жена отошла отъ него, а на пути ему попалась эта дѣвушка. Конечно, ни беззащитное положеніе дѣвушки, ни мысли о будущемъ не смущали бы его. Онъ думалъ бы только о настоящемъ, такъ какъ, разумѣется, не могъ бы связывать своего будущаго съ дѣвушкой низшаго класса. Соображенія относительно собственной жены, если она сама отказывается отъ общества своего мужа, не могли бы даже явиться у такого человѣка, какъ Пюрсей. То, что Гилэри такъ мучился надъ всѣми этими вопросами, было

лишь доказательствомъ его раздвоенности. А между тѣмъ создавалось такое положеніе, которое требовало выхода.

Онъ ни разу не заговаривалъ съ натурщицей послѣ похоронъ ребенка Хюггса, но въ его пристальномъ взглядѣ, брошенномъ на нее, когда она стояла у окна, она могла прочесть: „Вы втягиваете меня въ единственно возможную связь между нами“. И она отвѣчала ему глазами: „Дѣлайте со мною, что хотите!“

Но были и другіе факты, которые нельзя было игнорировать. Завтра Хюггсъ долженъ былъ выйти изъ тюрьмы. Маленькая натурщица будетъ продолжать ходить въ домъ, пока ее снова не вынудятъ прекратить свои посѣщенія. Стонъ не можетъ обходиться безъ нея, а Біанка ясно дала понять, что ее заставляетъ бѣжать изъ своего дома. Гилэри сидѣлъ въ своемъ рабочемъ кабинетѣ, около бюста Сократа, и въ сотый разъ возвращался все къ тому же мучительному вопросу. И чѣмъ больше онъ размышлялъ надъ этимъ, тѣмъ яснѣе для него становилось, что не Біанка, а онъ долженъ уѣхать. Онъ не щадилъ себя въ эту минуту и въ изобиліи расточалъ себѣ эпитеты, которыми награждалъ его Мартинъ: „Гамлетъ“, „дилетантъ“, „безпозвоночный“,— онъ находилъ, что вполнѣ заслуживалъ эти названія, и ему даже доставляло какое-то странное наслажденіе такъ бичевать себя.

Послѣ двѣнадцати часовъ въ этотъ день у него былъ неожиданный посѣтитель.

Стонъ пришелъ къ нему, держа въ рукѣ свою плетеную корзиночку для провизіи. Онъ вошелъ въ комнату и, не садясь, спросилъ прямо:

— Моя дочь счастлива?

Гилэри всталъ и, подойдя къ камину, задумчиво отвѣтилъ:

— Нѣтъ... боюсь, что нѣтъ!

— Отчего?

Гилэри молчалъ. Молчалъ и Стонъ. Наконецъ, взглянувъ прямо на старика, Гилэри сказалъ ему:

— Я думаю, что она была бы рада, по нѣкоторымъ причинамъ, если бъ я на время уѣхалъ отсюда.

— Когда же вы уѣдете?—спросилъ старикъ.

— Постараюсь какъ можно скорѣе.

Стонъ устремилъ на него задумчивый, пристальный взглядъ: онъ какъ будто старался разглядѣть что-то сквозь туманъ, обволакивавшій его.

— Она приходила ко мнѣ, и мнѣ кажется... я припоминаю... Она плакала. Вы ласковы съ ней?

— Я старался,—отвѣтилъ Гилэри.

Стонъ вдругъ поблѣднѣлъ:

— У васъ нѣтъ дѣтей,—сказалъ онъ грустно.—Вы живете вмѣстѣ?

Гилэри покачалъ головой.

— Вы отдалились другъ отъ друга?—спросилъ Стонъ.

Гилэри молча кивнулъ головой. Оба долго не говорили ни слова.

Стонъ устремилъ глаза на окно и, наконецъ, проговорилъ:

— Безъ любви не можетъ быть жизни.—Потомъ, внимательно посмотрѣвъ на Гилэри, спросилъ: — Она любитъ другого?

Гилэри сдѣлалъ отрицательный знакъ.

Опять наступило молчаніе и затѣмъ Стонъ сказалъ:

— Я самъ не знаю почему, но меня это радуетъ. А вы любите другую?

Гилэри нахмурился:

— Что вы понимаете подъ любовью?—спросилъ онъ.

Стонъ отвѣчалъ не сразу. Видно было, что онъ размышлялъ о чемъ то. Наконецъ, онъ заговорилъ:

— Подъ любовью я понимаю самозабвеніе. Между тѣмъ часто заключаются союзы лишь на основаніи полового инстинкта или же изъ чувства личнаго эгоизма...

— Это правда,—прошепталъ Гилэри.

Но старикъ уже потерялъ нить разговора. На его лицѣ выражалась мучительная растерянность.

— Мы, кажется, о чемъ то разсуждали съ вами?—спросилъ онъ.

— Я говорилъ вамъ, что для вашей дочери будетъ лучше, если я уѣду на время,—сказалъ Гилэри.

— Да, вы отдалились другъ отъ друга,—замѣтилъ Стонъ Гилэри вернулся къ своему мѣсту у камина и, не глядя на Стона, заговорилъ:

— Есть одна вещь, которая лежитъ у меня на совѣсти и которую я долженъ сказать вамъ, прежде чѣмъ уѣду, предоставляя рѣшить вамъ самимъ. Эта молодая дѣвушка уже не живетъ тамъ, гдѣ жила раньше.

— Въ той улицѣ?—переспросилъ Стонъ.

— Она должна была выѣхать,—поспѣшилъ прибавить Гилэри.—Мужъ той женщины, у которой она нанимала комнату, увлекся ею. Онъ находится теперь въ тюрьмѣ, но завтра выходитъ оттуда. Если она будетъ продолжать приходить сюда, то онъ, конечно, разыщетъ ее. И я боюсь, что онъ опять будетъ преслѣдовать ее. Поняли вы меня?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Стонъ.

— Этотъ человѣкъ,—терпѣливо началъ объяснять Гилэри,—несчастное существо, неспособное сдерживать себя.

Онъ былъ раненъ въ голову и потому не можетъ считаться вполнѣ отвѣтственнымъ за свои поступки. Онъ можетъ причинить вредъ дѣвушкѣ.

— Какой вредъ?—спросилъ Стонъ.

— Онъ вѣдь ранилъ свою жену...

— Я поговорю съ нимъ.

Гилэри улыбнулся:

— Боюсь, что слова тутъ не помогутъ. Ей лучше скрыться.

Наступило молчаніе.

— Моя книга!—произнесъ со вздохомъ Стонъ.

Гилэри больно кольнуло въ сердце, когда онъ увидѣлъ, какъ побѣлѣло лицо старика. „Все же лучше будетъ подѣйствовать на его волю. Вѣдь она, конечно, сама перестанетъ приходить сюда, когда я уѣду“, подумалъ онъ, но, чувствуя, какая трагедія происходитъ въ душѣ Стона, онъ прибавилъ:

— Можетъ быть, она согласится рискнуть, если вы спросите у нея.

Стонъ не отвѣчалъ. Не зная, что еще онъ могъ бы сказать ему, Гилэри отошелъ къ окну и началъ смотрѣть въ садъ.

Вдругъ снова послышался голосъ Стона:

— Вы правы. Я не могу просить ее подвергаться подобному риску.

— Она какъ разъ идетъ по саду,—хрипло сказалъ Гилэри.—Можетъ быть, позвать ее сюда?

— Да,—отвѣчалъ онъ.

Гилэри сдѣлалъ ей знакъ.

Дѣвушка вошла, держа въ рукахъ вѣтку сирени. Но лицо ея сразу вытянулось, какъ только она увидала Стона. Она остановилась, прижимая цвѣты къ груди. Перемѣна, происшедшая въ ея лицѣ, должна была броситься въ глаза обоимъ. Радостное ожиданіе сразу смѣнилось неудовольствіемъ и разочарованіемъ, и на щекахъ у нея появились красныя пятна. Стонъ и Гилэри пристально смотрѣли на нее, а она на нихъ и никто не произносилъ ни слова. Грудь ея высоко вздымалась, точно она бѣжала. Наконецъ, она робко проговорила, протягивая Стону вѣтку сирени:

— Это я принесла для васъ.

Но Стонъ ничего не отвѣтилъ, а только продолжалъ пристально смотрѣть на нее. Она въ смущеніи прибавила:

— Развѣ вы не любите этихъ цвѣтовъ?

Гилэри обратился къ Стону, чтобы какъ-нибудь выйти изъ тягостнаго положенія:

— Вы сами поговорите съ нею, или мнѣ поручаете сказать ей?

Стонъ заговорилъ, смотря на дѣвушку:

— Я попробую писать свою книгу безъ васъ. Вы не должны рисковать собою. Я не могу этого допустить.

Маленькая натурщица въ недоумѣніи смотрѣла то на одного, то на другого.

— Но вѣдь мнѣ нравится эта работа, сэръ, — наконецъ, сказала она.

— Этотъ человѣкъ можетъ нанести вамъ вредъ,—возразилъ Стонъ.

Дѣвушка взглянула на Гилэри.

— Мнѣ это все равно!—воскликнула она.—Я его не боюсь. Я могу сама о себѣ позаботиться. Я къ этому привыкла.

— Я уѣзжаю,—спокойно сказалъ Гилэри.

Дѣвушка бросила на него взглядъ, казалось, спрашивавшій его: „И я тоже поѣду съ вами?“ Потомъ на лицѣ ея выразилось отчаяніе, и она точно застыла.

Желая поскорѣе кончить эту тяжелую сцену, Гилэри спросилъ Стона:

— Вы будете диктовать ей сегодня?

— Нѣтъ.

— А завтра?

— Тоже нѣтъ.

— Хотите прогуляться со мной?

Стонъ кивнулъ головой.

Гилэри обратился къ маленькой натурщицѣ, стоявшей неподвижно, и сказалъ:

— Итакъ, прощайте!

Она не взяла протянутой руки. Ея глаза смотрѣли въ сторону, зубы были крѣпко стиснуты. Она вдругъ бросила вѣтку сирени, которую держала въ рукахъ, и, какъ-то странно взглянувъ на Гилэри, глотнула воздухъ и бросилась вонъ изъ комнаты, точно нарочно наступивъ ногой на цвѣты.

Гилэри поднялъ растоптанные цвѣты и бросилъ ихъ въ каминъ. Ароматъ ихъ распространился въ комнатѣ.

— Вы готовы идти гулять?—спросилъ онъ Стона.

Старикъ медленно повернулся къ двери и вмѣстѣ съ Гилэри вышелъ изъ дому.

XXXII.

Приключенія Тиме.

Въ этотъ же день Тиме тихонько вышла изъ дому, неся въ рукѣ маленькій чемоданчикъ, а другою рукой придерживая свой велосипедъ. Свернувъ тотчасъ же въ боковую улицу, она положила свою ношу на тротуаръ и свистнула.

Тотчасъ же показался вдали кэбъ, и какой-то оборванный человѣкъ, точно появившійся изъ-подъ земли, подхватилъ ея чемоданъ и понесъ. На истощенномъ, небритомъ лицѣ этого человѣка лежала печать самой отчаянной нищеты.

Кучеръ подъѣхавшаго кэба прикрикнулъ на него, но Тиме заступилась. Онъ подалъ чемоданъ кучеру и остался неподвижно стоять возлѣ кэба.

Тиме протянула ему двѣ мѣдныя монеты. Онъ молча посмотрѣлъ на нихъ и ушелъ.

— Бѣдняга! — подумала Тиме. — Вотъ съ этимъ-то мы прежде всего должны покончить.

Кэбъ поѣхалъ по направленію къ парку, а Тиме слѣдовала за нимъ на велосипедѣ, стараясь спокойно смотрѣть кругомъ и думая:

— Это конецъ старой жизни. Я вовсе не желаю быть романтичной и не воображаю, что дѣлаю что-нибудь особенное. Я должна смотрѣть на это, какъ на самое обыкновенное дѣло...

Въ эту минуту Тиме вспомнила мистера Пюрсея и представила себѣ, какое онъ бы сдѣлалъ „лицо", если бъ узналъ, что она сдѣлала!..

— Какъ только я буду тамъ,—размышляла Тиме,—я тотчасъ же дамъ знать матери. Она можетъ придти завтра же и сама все увидѣть. Я не хочу никакихъ истерическихъ припадковъ по поводу моего исчезновенія изъ дому и тому подобныхъ вещей. Они должны привыкнуть къ мысли, что я хочу сама видѣть все собственными глазами. Мнѣ рѣшительно все равно, что подумаютъ другіе. Это меня не можетъ удержать.

Вдругъ она увидала приближающійся автомобиль и невольно вздрогнула. Неужели это Пюрсей? Но нѣтъ, это былъ не онъ. Однако, господинъ, ѣхавшій въ автомобилѣ, былъ такъ похожъ на него, что она не замѣчала разницы. Тиме даже разсмѣялась.

Въ паркѣ было прохладно. На зеленой листвѣ деревьевъ и на поверхности воды сверкали солнечные блестки. Возница украдкой поглядывалъ на Тиме и думалъ: „Лакомый кусочекъ!.."

Тиме взглянула на рѣку и вспомнила: „А вѣдь тутъ купается дѣдушка!.. Бѣдный, дорогой, голубчикъ!.. Я жалѣю всѣхъ, кто состарился!"

Кэбъ выѣхалъ изъ тѣнистой аллеи на широкую дорогу.

„Мнѣ всегда кажется, что въ каждомъ изъ насъ живетъ двойное „я",—продолжала размышлять Тиме.—Я подчасъ ясно чувствую это въ себѣ. Дядя Гилэри, навѣрное, понялъ бы, что я хочу сказать... Какъ отвратительно уже

пахнутъ мостовыя, а вѣдь лѣто еще не началось! Завтра первое іюня... почувствуетъ ли мама мое отсутствіе?.. Какъ будетъ хорошо, если никто ничего не замѣтитъ!..

Кэбъ повернулъ въ узенькій переулокъ, гдѣ по обѣимъ сторонамъ тянулись маленькія лавчонки.

„Должно быть, очень тяжело служить въ такой маленькой лавчонкѣ!.. Сколько разныхъ людей существуетъ на свѣтѣ!., Можетъ ли что нибудь принести пользу?.. Мартинъ увѣряетъ, что каждый долженъ исполнять свое дѣло. Но въ чемъ именно заключается это дѣло?“

Переулокъ кончился. Кэбъ выѣхалъ на широкую тихую площадь.

„Однако я не думаю о самомъ главномъ: что, если отецъ прекратитъ выдачу мнѣ субсидіи? Вѣдь мнѣ придется тогда самой зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба, искать какой нибудь работы? Но я не думаю, чтобы онъ это сдѣлалъ. Впрочемъ, и мама не позволитъ ему“...

„Какая отвратительная дорога!“ думала Тиме. Кэбъ ѣхалъ по Истонъ-родъ, и кучеръ снова вопросительно посмотрѣлъ на Тиме.

„Какія некрасивыя, тупыя и пошлыя лица у всѣхъ этихъ людей въ Лондонѣ! Точно они ни о чемъ другомъ и не думаютъ, какъ только о томъ, какъ бы прожить день! Я видѣла только два дѣйствительно красивыхъ лица здѣсь“.

Кэбъ остановился у дверей маленькой табачной лавочки.

„Здѣсь, что ли, я буду жить?“ подумала Тиме.

Въ открытую дверь видѣнъ былъ узкій проходъ, ведущій къ такой же узкой лѣстницѣ, устланной кл..нкой. Тиме вкатила туда свой велосипедъ. Какой то юноша, еврейскаго вида, вышелъ изъ лавочки и обратился къ ней:

— Джентльмэнъ, вашъ пріятель, велѣлъ передать вамъ, чтобы вы подождали его въ вашей комнатѣ.

Темнокаріе, блестящіе глаза юноши съ удовольствіемъ смотрѣли на Тиме.

— Позвольте мнѣ отнести вашъ багажъ,—сказалъ онъ.

— Благодарю васъ, не надо. Я сама могу.

— Это въ первомъ этажѣ,—указалъ ей юноша.

Маленькія комнатки, куда вошла Тиме, были чистенькія и уютныя. Тиме поставила на полъ чемоданъ въ комнатѣ, которая должна была служить ей спальней, и прошла въ другую, гдѣ открыла настежь окно. Она увидала внизу кучера и хозяина табачной лавочки, которые о чемъ то оживленно бесѣдовали, и на ихъ лицахъ Тиме уловила выраженіе напряженнаго любопытства.

„Какъ отвратительны и непріятны люди!“ думала она, задумчиво глядя на улицу. Все казалось ей такъ безобразно,

такъ безнадежно и сложно! Запахъ керосина и навоза несся съ улицы. „Нѣтъ, я не буду въ состоянiи ничего сдѣлать никогда!“ съ отчаянiемъ говорила она себѣ.—„Отчего Мартина до сихъ поръ нѣтъ?“

Она прошла въ спальню и открыла свой чемоданъ. Запахъ лаванды, распространявшiйся отъ ея бѣлья, живо напомнилъ ей ея бѣленькую комнатку дома, зеленыя деревья въ саду и черныхъ дроздовъ, прыгающихъ по травѣ...

Шаги, раздавшiеся на лѣстницѣ, заставили ее встрепенуться. Она вышла въ другую комнату и увидѣла въ дверяхъ Мартина.

Тиме сначала бросилась къ нему, но потомъ вдругъ остановилась.

— Ты видишь, я пришла,—сказала она.—Но почему ты выбралъ именно это мѣсто?

— Я тутъ по близости живу, черезъ двѣ двери. При томъ тутъ же находится одна дѣвушка... Одна изъ нашихъ. Она поможетъ тебѣ.

— Она—„леди“?—спросила Тиме.

Мартинъ пожалъ плечами.

— Она то, что называется „леди“, но, несмотря на это, она принадлежитъ къ настоящему сорту людей, такъ что ея происхожденiе безразлично! Ничто не можетъ остановить ее!

Тиме насупилась. Такое восхваленiе какой то неизвѣстной ей дѣвушки было ей непрiятно. Взглядъ, который она бросила на Мартина, какъ будто говорилъ ему: „Ты не довѣряешь мнѣ, а довѣряешь этой дѣвушкѣ. Ты привелъ меня сюда для того, чтобы она могла наблюдать за мной!.. Но вслухъ Тиме сказала:

— Я должна послать телеграмму.

Она дала Мартину листокъ бумаги, на которомъ что то было написано.

— Ты могла бы прямо сказать матери, что ты хочешь дѣлать, а не прибѣгать для этого къ телеграфу,—замѣтилъ онъ.

Тиме густо покраснѣла.

— Я не такъ хладнокровна, какъ ты!—возразила она.

— Въ томъ то и дѣло!—воскликнулъ Мартинъ.—Я вѣдь говорилъ тебѣ, что тебѣ незачѣмъ идти сюда, если ты не можешь смотрѣть прямо на вещи.

— Если ты хочешь, чтобы я осталась здѣсь, Мартинъ, ты долженъ лучше обращаться со мной...

— Это твое дѣло!—сказалъ Мартинъ.

Тиме отвернулась къ окну и кусала губы, стараясь скрыть набѣжавшiя на глаза слезы.

Чей то мелодичный голосъ произнесъ:

— Какъ это хорошо съ вашей стороны, что вы явились сюда!

Тиме обернулась.

Тоненькая, изящная дѣвушка, въ сѣромъ платьѣ, стояла передъ нею, застѣнчиво улыбаясь. Она была бы совсѣмъ некрасива, если бъ не блестящіе, огромные зеленоватые глаза, освѣщавшіе все ея лицо.

— Я—Мэри Даунтъ,—сказала она.—Я живу надъ вами. Не хотите ли чаю?

Несмотря на этотъ любезный вопросъ и на застѣнчивую улыбку дѣвушки, Тиме почудилась насмѣшка. Поэтому она отвѣтила:

— Благодарю васъ, я уже пила. Я бы хотѣла, чтобы мнѣ показали мою работу.

Мэри Даунтъ взглянула на Мартина.

— Мнѣ кажется, завтра будетъ для этого время, — сказала она.—Я увѣрена, что вы утомлены. Мистеръ Стонъ, заставьте ее отдохнуть!

Мартинъ взглянулъ на говорившую, точно хотѣлъ сказать:

„Пожалуйста, оставьте ваши женскія нѣжности!“

— Что касается работы,—сказалъ онъ Тиме,—то ты будешь дѣлать тоже самое, что она. Разницы между вами нѣтъ. Все, что вы можете дѣлать,—это посѣщать дома, опредѣлять ихъ состояніе и положеніе дѣтей.

— Вы видите,—замѣтила ласково Мэри,—мы занимаемся только дѣломъ оздоровленія и дѣтьми. Разставаться съ дѣтьми тяжело, какъ взрослымъ, такъ и старикамъ, но это неизбѣжно, пока мы не обладаемъ достаточнымъ количествомъ денегъ, чтобы устроить иначе. Поэтому все для насъ заключается въ будущемъ...

Мэри замолчала и потомъ тихо прибавила:

— 1950!

— 1950!—повторилъ Мартинъ, точно пароль.

— Я должна послать эту телеграмму!—проговорила Тиме.

— Давай, я отнесу,—сказалъ Мартинъ.

Оставшись однѣ, молодыя дѣвушки молчали нѣсколько времени. Мэри Даунтъ робко поглядывала на Тиме, точно спрашивая себя, какъ ей поступать съ этимъ прелестнымъ юнымъ существомъ, бросающимъ, однако, на нее такіе мрачные, недовѣрчивые взгляды.

— Я не могу не удивляться вашему поступку,—сказала Мэри.—Это такъ самоотверженно съ вашей стороны. Я вѣдь знаю, какъ вамъ хорошо жилось дома. Вашъ двоюродный

братъ часто разсказывалъ мнѣ. Не находите ли вы, что онъ чудный человѣкъ?

Тиме ничего не отвѣтила на этотъ вопросъ.

— Не кажется ли вамъ ужасной такая работа?—спросила она Мэри въ свою очередь.—Вторгаться въ чужую жизнь!..

Мэри мягко улыбнулась.

— Иногда это бываетъ ужасно,—отвѣчала она. — Я уже полгода работаю тутъ. Мало по малу привыкаешь. Мнѣ кажется, я уже слышала все самое худшее, что только могла услышать здѣсь...

Ея слова заставили Тиме содрогнуться.

— Вы видите,—проговорила Мэри,—это не такъ страшно. Вы скоро обтерпитесь. Мы всѣ понимаемъ, что иначе не можетъ быть. Вашъ кузенъ одинъ изъ лучшихъ среди насъ. Ничто не можетъ сбить его съ дороги. Онъ обладаетъ какимъ то особеннымъ презрительнымъ добродушіемъ, если можно такъ выразиться. Я желала бы работать съ нимъ больше, чѣмъ съ кѣмъ бы то ни было...

Она устремила взоръ куда то въ пространство, не замѣчая, что Тиме смотритъ на нее враждебными, ревнивыми глазами, негодуя на то, что ей приходится признавать въ этой дѣвушкѣ существо, стоящее выше.

— Я увѣрена, что не въ состояніи буду дѣлать этой работы,—вдругъ сказала Тиме.

Мэри улыбнулась.

— И я такъ думала сначала... Но, пожалуй, вы слишкомъ хороши для этой работы!—прибавила она, смотря на Тиме восхищенными глазами.—Можетъ быть, вамъ могли бы предложить составлять списки, хотя это ужасно скучная работа. Вы лучше спросите своего двоюроднаго брата.

— Нѣтъ. Я или буду дѣлать всю работу, или ничего!—рѣшительно заявила Тиме.

— Хорошо, — сказала дѣвушка. — У меня на сегодня остался одинъ домъ не осмотрѣннымъ. Хотите пойти со мной и теперь же познакомиться съ положеніемъ вещей?

Она достала изъ кармана юбки маленькую записную книжку.

— Я не могу обходиться безъ кармана,—сказала она.—Надо имѣть что нибудь такое, чего нельзя забыть. Прежде чѣмъ я вернулась къ этому старому обычаю, я потеряла четыре маленькихъ мѣшечка и двѣ дюжины носовыхъ платковъ, въ теченіе пяти недѣль!.. Должно быть, это ужасный домъ, куда мы пойдемъ сейчасъ!—прибавила она, взглянувъ на Тиме.

— Ничего!—отвѣчала Тиме.

Въ дверяхъ табачной лавочки по прежнему стоялъ мо-

лодой хозяинъ. Онъ вышелъ подышать свѣжимъ воздухомъ и привѣтствовалъ дѣвушекъ, когда онѣ прошли мимо, любезной улыбкой, въ которой сквозило любопытство.

— Прекрасный вечеръ, миссъ!—сказалъ онъ.

— Ничтожный человѣчекъ!—замѣтила Мэри своей спутницѣ, когда онѣ перешли улицу. — Но онъ все же не лишенъ извѣстной доли юмора.

Онѣ вошли въ переулокъ и остановились у дома, видавшаго, очевидно, лучшія времена. А теперь его окна потрескались, краска на дверяхъ облупилась, внизу же, въ подвальномъ этажѣ, можно было видѣть яркое пламя очага и кучу лохматьевъ, возлѣ которой сидѣлъ какой то оборванный человѣкъ. Оттуда несся гнилой, отвратительный запахъ, какъ будто тамъ сжигались отбросы. Тиме почувствовала приступъ тошноты и взглянула на Мэри, которая что то искала въ своей записной книжкѣ, чуть-чуть улыбаясь кончиками губъ. Въ душѣ Тиме закипала злоба противъ этой дѣвушки, которая съ такимъ дѣловитымъ видомъ можетъ разсматривать свою записную книжку, не взирая на окружающую обстановку.

Дверь имъ отворила молодая, краснолицая женщина, съ заспанными глазами. Мэри устремила на нее свой блестящій взоръ и спросила:

— Вы ничего не будете имѣть противъ, если мы зайдемъ къ вамъ на минутку? Это будетъ такъ мило съ вашей стороны, если вы насъ пустите. Намъ надо составить отчетъ.

— У меня нѣтъ ничего,—отвѣчала женщина. Но Мэри уже быстро проскользнула въ комнату.

— Я вижу,—сказала она. — Это вѣдь только для формы, вы знаете!

— Я должна была продать большую часть своихъ вещей послѣ того, какъ умеръ мой мужъ,—прибавила женщина, точно защищаясь.—Жизнь очень тяжела!

— Да, да, но и моя жизнь нелегка. Приходится постоянно совать носъ въ чужіе дома...

Женщина, явно удивленная этими словами, молчала.

— Вашъ домохозяинъ долженъ былъ бы лучше содержать ваше помѣщеніе, — продолжала Мэри. — Кажется, ему принадлежитъ и слѣдующая квартира?

Молодая женщина кивнула утвердительно.

— Онъ очень дурной хозяинъ. Но они всѣ тутъ такіе, на этой улицѣ. Ничего не подѣлаешь!

Мэри подошла къ грязной колыбели, гдѣ барахтался ребенокъ. Некрасивая маленькая дѣвочка, съ красными жирными щеками, сидѣла на стулѣ около колыбели, а возлѣ нея стоялъ ящикъ, гдѣ лежали старыя кости отъ мяса.

— Это ваши циплятки? Какіе они славные! — сказала Мэри.

Лицо молодой женщины освѣтилось улыбкой.

— Они у меня здоровыя дѣтки,—сказала она.

— Врядъ ли это можно сказать про другихъ дѣтей въ этомъ домѣ,—замѣтила Мэри.

— Трое изъ перваго этажа не такъ уже плохи,—поспѣшила сказать женщина,—но къ тѣмъ, которые живутъ на чердакѣ, я не позволяю своимъ дѣтямъ приближаться.

Мэри сдѣлала выразительный жестъ рукой, указывая на голову ребенка. Женщина поняла ее и кивнула головой.

— Именно,—сказала она.—Приходится чистить ихъ всякій разъ, какъ только они сойдутся съ дѣтьми, живущими на чердакѣ.

Мэри взглянула на Тиме, точно хотѣла сказать ей: „Вотъ куда намъ надо пойти!“

— Грязная свора!—прошептала женщина.

— Вамъ непріятно имѣть такое сосѣдство?

— Конечно, я занята въ прачешной цѣлый день, когда у меня бываетъ работа, я не могу смотрѣть за дѣтьми, они всюду бѣгаютъ.

— Это очень тяжело,—пробормотала Мери.—Я запишу это.

Вынимая свою записную книжку, въ которой она принялась что-то поспѣшно записывать, Мэри вытащила изъ кармана и свой носовой платокъ, упавшій на полъ. Видъ этого платка, валявшагося на грязномъ полу, почему то доставилъ злобное удовольствіе Тиме. Ей пріятно было это доказательство разсѣянности и безпорядочности въ дѣвушкѣ, которую она должна была ставить выше себя въ другихъ отношеніяхъ.

— Мы больше не будемъ задерживать васъ, мистриссъ... мистриссъ?

— Клира.

— Мистриссъ Клира! Сколько лѣтъ этой малюткѣ? Четыре? А другому?.. Два? Такіе славные цыплята!.. Прощайте.

Выйдя въ коридоръ, Мэри шепнула:

— Я думаю, тотъ путь, который мы избираемъ, все таки самый лучшій. Мнѣ онъ кажется наиболѣе вѣрнымъ и многообѣщающимъ. Это живое дѣло... Что жъ, пойдемъ теперь заглянемъ въ бездну, находящуюся тамъ, на верху?

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ВЪ КАМЕРѢ № 380.

Оттого ли, что день былъ такой ясный, солнечный, смѣющійся, или оттого, что сердце легкомысленно радовалось предвкушенію знакомства съ новымъ, невѣдомымъ мнѣ міромъ,—я никакъ не могъ настроиться на элегическій тонъ, разставаясь со свободой и близкими мнѣ людьми. Годъ крѣпости—срокъ не малый, сколько воды утечетъ! Можетъ быть, кое-кого вижу въ послѣдній разъ?. Да, все можетъ быть. Грустно... А какой-то веселый мотивъ, нѣтъ-нѣтъ, да и зазвучитъ въ сердцѣ, и сѣдые усы городового торчатъ, въ сущности, не строго, а забавно, и меня разбираетъ смѣхъ...

У городового знакъ трезвости на груди, лицо малиноваго цвѣта, мягкія, пріятныя стариковскія манеры. Онъ заботливо торгуется съ извозчикомъ, кряхтитъ подъ моимъ чемоданомъ, подымая его въ ноги къ извозчику, бережно укладываетъ подушку и корзинку съ посудой. Очень обязательный человѣкъ.

Поѣхали. Съ Петропавловской крѣпости доносились выстрѣлы,—было это какъ разъ 23-го мая, въ день открытія памятника Александру III-му.

— Салютъ? неужели намъ?—говорю я весело.

— А какъ же! Можетъ, и музыка еще встрѣнетъ,—отвѣчаетъ городовой.

Музыки не было, но за то на Дворцовой набережной встрѣтили богатую карету, и сидѣвшее въ ней духовное лицо въ бѣломъ клобукѣ, съ бѣлоснѣжной бородой, осѣнило насъ въ окно широкимъ крестнымъ знаменіемъ.

— Владыка, митрополитъ кіевскій,—пояснилъ городовой.

— По народнымъ примѣтамъ, встрѣча не очень хорошая,—замѣтилъ я.

— Суевѣріе необразованности, — убѣжденнымъ тономъ возразилъ мой спутникъ.

И мы оба разомъ засмѣялись. Потомъ онъ спросилъ:

— На годъ?

— На годъ.

Почтительно вздохнулъ.

— У меня одинъ сынъ—тоже студентъ. Путей сообщенія.

Помолчали. По уличной мостовой мягко шуршала резина пролетки, звонко шлепали подковы копытъ, пахло смолой и сыростью. По серединѣ Невы неуловимо змѣились и искрились иглистыя блестки, бѣжали черные, коренастые буксиры, и выброшенный ими дымъ, лѣниво расплываясь, долго глядѣлся въ глубину, гдѣ колыхались разрѣзанныя на тонкіе кружочки трубы фабрикъ и мачты парусныхъ судовъ.

— Да-съ,—сказалъ городовой.—Не знаю, можетъ быть, онъ хотѣлъ выразить мнѣ сочувствіе, а я смотрѣлъ кругомъ легкомысленно и беззаботно, точно ѣхалъ не въ тюрьму, а домой въ родной уголъ, на каникулы.

— Да-съ... да-съ,—повторилъ онъ соболѣзнующимъ тономъ — Къ воротамъ налѣво, извозчикъ. Стой! Вотъ мы и пріѣхали...

Черезъ четверть часа, сдавши меня въ конторѣ, этотъ любезный старичекъ, уже отдаленный отъ меня деревянной рѣшеткой и всѣми правами не опороченнаго по суду человѣка, подошелъ и дружески протянулъ руку.

— Ну, счастливо оставаться, г. студентъ. Дай вамъ Богъ...

Я отъ души пожалъ ему руку. Право же, пріятный человѣкъ...

Я сидѣлъ и ждалъ, пока гдѣ-то, въ неизвѣстныхъ мнѣ сферахъ, разсматривался вопросъ объ окончательномъ устроеніи моей судьбы. Я былъ увѣренъ, что моей особой сейчасъ чречвычайно озабочены, что вотъ-вотъ позовутъ меня и укажутъ камеру, изъ которой будутъ видны Нева, пароходы, мосты, вагоны трамвая и далекая суета большого города, груды каменныхъ громадъ его. Надзиратели входили и выходили, но на меня никто не обращалъ вниманія, какъ будто забыли. Даже немножко обидно стало.

Подошелъ рябой чиновникъ въ военной формѣ, при шашкѣ и револьверѣ. Спросилъ:

— Деньги у васъ есть? цѣнныя вещи, часы? Давайте сюда.

Пришлось передать ему все свое достояніе. Изъ-за часовъ немного поторговался,—какъ же, молъ, безъ часовъ? скучно!—Но, дѣлать нечего, отдалъ и часы.

Явился, наконецъ, надзиратель, который обратилъ на меня вниманіе.

— Пожалуйте за мной,—сказалъ онъ.

Взялъ мой чемоданъ, крякнулъ и съ почтительнымъ изумленіемъ, медлено и четко, произнесъ многоэтажное слово. Чемоданъ былъ-таки тяжелъ.

— Не ругайся!—увѣщающимъ голосомъ сказалъ стоявшій въ дверяхъ другой воинъ съ револьверомъ и добавилъ еще болѣе пріятное словцо.

Послѣ пушечнаго салюта и архипастырскаго благословенія эти крѣпкія выраженія, сопутствовавшія моимъ первымъ шагамъ въ тюрьмѣ, нѣсколько остудили мое беззаботно-веселое настроеніе любопытствующаго туриста...

Пошли мы безконечными коридорами. Спускались по ступенькамъ внизъ, подымались вверхъ, опять спускались и пришли въ какое-то подземелье. Рѣшетка, величиною съ добрыя ворота, отдѣляла тѣсный рядъ замкнутыхъ дверей. Узкія помѣщенія—вродѣ конскихъ стойлъ—тянулись и пропадали въ полутьмѣ безмолвнаго коридора съ маленькими окошками вверху.

— Неужели здѣсь?—подумалъ я съ внезапной горечью разочарованія.

Толстый, приземистый надзиратель съ запорожскими усами, похожій на сѣраго кота, сказалъ покровительственнымъ басомъ:

— Ну, возьмите съ собой, чего вамъ потребуется, а иное прочее тутъ останется. Бѣлья берите, сколько вамъ надо. Мальчикъ, помоги!

Мальчикъ, у котораго была уже круглая каштановая бородка, въ бѣлой курткѣ и бѣлыхъ штанахъ съ клеймомъ назади, началъ выкладывать изъ чемодана на простыню книги и бѣлье.

— Ну, рубахи три-четыре возьмите. Подштаниковъ также,—продолжалъ протяжно-пѣвучимъ, наставительнымъ тономъ надзиратель,—носковъ возьмите. Сколько у васъ? дюжина? Ну, всѣ берите. Теперь—лѣто, жарко, ноги потѣютъ. Да берите, словомъ сказать, все. Тамъ разберутъ, что надо, чего не надо,—сказалъ онъ, вдохновляясь неожиданно удачнымъ соображеніемъ:—чемоданъ только нельзя, чемоданъ у насъ не разрѣшается. И корзинка тутъ останется...

— Да у меня въ ней посуда,—упавшимъ голосомъ возразилъ я.

— Ну, возьмите корзинку, пожалуй. Тамъ нельзя, все равно не дадутъ.

Мнѣ было жаль той обдуманной, старательно прилаженной симметріи, въ которой я уложилъ свое имущество въ чемоданъ,—я предполагалъ удержать ее въ тюрьмѣ,—все пошло прахомъ, всѣ хитроумныя соображенія, разсчеты и распредѣленія! Книги, бѣлье, зубной порошокъ, коробка съ перьями, конверты, одеколонъ—все спутаннымъ ворохомъ полетѣло въ наволоку отъ подушки. Взвалили мы съ „мальчикомъ“ по два узла на себя и пошли.

Шли опять длинными коридорами и ущельями съ частыми поворотами и остановками передъ замкнутыми дверями. Впереди—„мальчикъ", за нимъ—я, сзади—надзиратель. Онъ отмыкалъ двери и предупредительно говорилъ каждый разъ:

— По мосту, пожалуйста.

Остановились въ центрѣ корпуса, на перекрещенiи двухъ длинныхъ коридоровъ, подъ высокимъ куполомъ съ большими окнами вверху. Тутъ отобрали мои узлы для просмотра и поручили меня новому надзирателю.

Крестообразный высокiй коридоръ поразилъ меня своимъ лоскомъ и великолѣпiемъ. Лѣпились по стѣнамъ въ четыре яруса изящныя кружева чугунныхъ галлерей, передвигались легкiе, почти воздушные мостки, спускались узкiя, кокетливыя лѣстницы. Обильный свѣтъ струился съ высоты центральнаго купола и въ высокiя, во всѣ четыре этажа, окна въ концахъ коридоровъ.

Я съ любопытствомъ бродилъ глазами по глянцевито-сизымъ стѣнамъ этого страннаго дворца, по стройнымъ рядамъ узкихъ, замкнутыхъ дверей, по косымъ серебрянымъ колоннамъ свѣта, въ которыхъ причудливо кружилась и плавала пыль, бѣлые и розовые хлопья, мелкiй волосъ. Было свѣтло, интересно, необыкновенно...

— По мату, господинъ, по мату!—строго и внушительно напоминалъ шедшiй сзади меня надзиратель,—вѣрно, я часто сбивался съ дорожекъ:—направо! вверхъ!

Шорохъ движенiя стоялъ въ воздухѣ. Безмолвныя фигуры въ бѣлыхъ курткахъ и штанахъ съ клеймами назади таскали отъ одной двери къ другой мѣдные, ярко начищенные жбаны. Надзиратели, независимо стуча сапогами, по пятамъ слѣдовали за ними. Я видѣлъ, какъ въ одномъ мѣстѣ съ громомъ открылась дверная фортка.

— Кипить! — щеголевато-отчетливо проговорилъ арестантъ, придерживая колѣномъ жбанъ.

Кто-то задвигался тамъ, за замкнутой дверью, — съ шумомъ зазвенѣла вода въ подставленный чайникъ, и черезъ мгновенiе фортка опять съ громомъ захлопнулась, скрыла отъ моихъ жадныхъ глазъ таинственнаго и близкаго моему сердцу незнакомца, который томился и тосковалъ въ этомъ великолѣпномъ замкѣ. Кто ты, милый товарищъ, запрятанный за эту дверь съ черными замками? Изъ какихъ краевъ? Какъ живешь? Чѣмъ коротаешь время? О чемъ вспоминаешь?..

— Налѣво, господинъ! По мату, по мату... Теперь прямо, въ самый конецъ. Здѣсь!

Назначенная мнѣ камера № 380 была крайнею, рядомъ съ ватерклозетомъ. Сосѣдство это нѣсколько огорчило меня.—

Конечно, подумалъ я съ увѣренностью,—тюремщики нарочно именно для меня устроили эту штуку. Мелкая, презрѣнная месть прихлебателей и хамовъ незыблемаго строя... Пусть потѣшатся: ихъ праздникъ...

Я съ нескрываемой враждой взглянулъ на надзирателя, который погремѣлъ ключомъ въ замкѣ и распахнулъ передо мной дверь. Но на туповатомъ, веснушчатомъ лицѣ его, измученномъ вѣчной заботой исполнительности и порядка, не было замѣтно признаковъ злорадства.

— Нѣтъ, этотъ, пожалуй, не виноватъ... Очень ужъ простъ на видъ.

— Ну, вотъ вамъ камера...

— Вижу... Одна-а-ко...

Маленькая, замаранная клѣтка, такая невзрачная и грязная послѣ лоснящагося коридора, что я не выдержалъ, обнаружилъ нѣкоторое малодушіе и брезгливо сказалъ:

— Неужели повеселѣй не нашлось?

— Веселость у насъ тутъ, господинъ, вездѣ одинаковая,— сказалъ надзиратель безнадежно-серьезнымъ тономъ. — Погодите, я васъ обыщу... А ты опять больничную шестьдесятъ седьмому номеру не выдалъ?—строго обернулся онъ къ широколицему малому, стоявшему въ дверяхъ ватера.

— Я позабылъ,—отвѣтилъ вязкимъ голосомъ новый мой товарищъ.

Выраженіе тупой, непослабляющей серьезности, повидимому, на вѣки застыло въ лицѣ надзирателя. Не замѣчая моей пренебрежительной улыбки, онъ глубокомысленно и старательно изслѣдовалъ меня, ощупывалъ, лазилъ по карманамъ. Въ жилетѣ нашелъ ключикъ отъ чемодана. Долго смотрѣлъ и соображалъ, какъ поступить съ нимъ.

— Ключъ?.. Это надо сдать,—сказалъ неувѣренно.

Подержалъ еще въ рукахъ и... положилъ въ прежнее мѣсто, въ карманъ. Потомъ запустилъ руку за пиджакъ и въ боковомъ карманѣ нащупалъ памятную книжку. Осмотрѣлъ ее со всѣхъ сторонъ строгимъ, проникновеннымъ взглядомъ, щелкнулъ пальцами по переплету, согнулъ вѣеромъ обрѣзъ и произвелъ быструю ревизію по страницамъ. Должно быть, не нашелъ основаній для конфискаціи: самъ отвернулъ полу пиджака, — я протянулъ было руку, но онъ строго отклонилъ ее,—самъ нашелъ карманъ и водворилъ книжку на мѣсто. Завернулъ полу и даже застегнулъ на верхнюю пуговицу пиджакъ.

По началу мнѣ было смѣшно. То-есть, не только смѣшно,— было и ощущеніе нѣкоторой гадливости... Но постепенно я былъ завороженъ этой торжественной серьезностью. Я проникся вдругъ мыслью, что это—отнюдь не забава, не празд-

ный пустякъ, и сталъ, чѣмъ могъ, самъ помогать надзирателю: покорно поворачивалъ голову, шею, подымалъ руки, отвернулъ обшлага пальто, сообщилъ о дырѣ въ одномъ карманѣ и предложилъ полѣзть за подкладку. Взялъ ли я его въ плѣнъ такой готовностью, или вообще ослабѣла у него энергія, — но за подкладку онъ не полѣзъ. А у меня тамъ было спрятано съ десятокъ почтовыхъ марокъ и нѣсколько маленькихъ конвертовъ—на всякій случай.

Потомъ мы вошли въ камеру, постояли другъ противъ друга. Онъ открылъ примкнутую къ стѣнѣ койку и сказалъ:

— Вотъ... въ случаѣ отдохнуть...

Мы оба окинули критическимъ взглядомъ грязно-сѣрую груду тряпья. Отъ старой суконной попоны, прикрывавшей матрацъ, повѣяло на меня суровостью, безнадежнымъ убожествомъ и презрѣніемъ къ арестантскому существу. Надзиратель съ особымъ шикомъ шлепнулъ соломенной подушкой въ грязной пеньковой наволокѣ по какой-то заватланной, отвратительной тряпицѣ.

— Это — подъодѣяльникъ, — сказалъ онъ, чувствуя мое молчаливое недоумѣніе.

Стѣны вездѣ были исчерчены чернильными потоками, пятнами извести, затиравшими, вѣроятно, какія-нибудь дерзкія надписи или кощунственныя изображенія. Должно быть, и надзиратель почувствовалъ неприглядность помѣщенія.

— Мыли камеру, Тереховъ?—спросилъ онъ у широколицаго малаго, который однимъ глазомъ заглядывалъ въ камеру съ галлереи.

— Мыли,—не совсѣмъ твердо выговорилъ Тереховъ.

Но по голосу слышно было, что совралъ.

— Можно будетъ въ субботу еще помыть,—прибавилъ онъ на всякій случай.

— То-то,—строго сказалъ надзиратель:—ты у меня смотри, чтобы все было чисто... А то я... Это вотъ что?

Онъ взялъ съ подоконника мѣдную кружку, всю измятую, въ зеленыхъ пятнахъ, и, тыкая въ нее пальцемъ, взыскательнымъ взглядомъ посмотрѣлъ на Терехова. Во мнѣ эта посудина вызвала нѣкоторое содроганіе.

— Вы можете взять ее отсюда,—сказалъ я надзирателю:— у меня будетъ своя посуда.

— Нельзя. Она должна находиться при своемъ мѣстѣ. Полагается.

— Да я ею пользоваться не стану!

— Надобности нѣтъ... А намъ ежели тутъ чистоту не наблюдать, то и...

Онъ не договорилъ и махнулъ рукой.

— Нѣтъ, ежели бы вы были инспекторомъ тюремъ, что бы вы сказали?—строго спросилъ онъ меня, опять тыкая пальцемъ въ зеленыя пятна.

Я не былъ ни въ чемъ виноватъ, но въ тонѣ его вопроса слышался какъ бы косвенный упрекъ мнѣ. Я потупилъ глаза и помолчалъ, ничего не могъ сказать въ свое оправданіе. Потомъ почтительно мягкимъ голосомъ спросилъ, чтобы перевести разговоръ на другой предметъ:

— Мнѣ бы книги мои получить... нельзя-ли?

— Три книги вамъ дадутъ.

— Три? Только?.. А словари? Справочники?

Онъ посмотрѣлъ на меня съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ. Едва ли понялъ вопросъ.

— У насъ все единственно. Три книги и—весь разговоръ...

И вышелъ. Хлопнула дверь, щелкнулъ затворъ. Я остался одинъ передъ вонючимъ ворохомъ арестантскихъ тряпокъ, среди этихъ замызганныхъ стѣнъ. И на мѣсто беззаботнаго, веселаго любопытства къ новой обстановкѣ вошла въ душу нежданная и острая тоска. Одинъ... Можетъ быть, такъ чувстуетъ себя птица съ поломанными крыльями, безсильная подняться на замирающій въ холодной высотѣ призывъ товарищей и братьевъ...

Тамъ, за стѣнами, остались близкіе сердцу люди. И что бы ни случилось съ ними, я уже не могу вырваться къ нимъ изъ этихъ замызганныхъ стѣнъ, не откликнуться на ихъ зовъ... Одинъ... Буду томиться тоской, считать дни и ночи, мучиться неизвѣстностью и страхами, буду незамѣтно подвигаться къ умиранію на этой ужасной койкѣ, — и ни одного звука, любящаго взгляда, пожатія руки, ни признака теплой ласки... Одинъ... Отрѣзанъ отъ всего міра, равнодушнаго къ моей тоскѣ, къ моему угасанію,—такъ много вѣдь прошло чрезъ эти стѣны легковѣрныхъ головъ, и притупилось къ нимъ усталое вниманье...

Странная, дремотная слабость охватила вдругъ меня,—упало нервное напряженіе послѣднихъ дней моей свободы, сѣрый пологъ покорной безнадежности окуталъ мысли. Я сѣлъ у грязнаго, липкаго, исчерченнаго ножомъ столика, подперъ голову, закрылъ глаза, и—странный, спутанный, кошмарно-диковинный міръ поплылъ передо мной, кружась и мѣняясь въ необычайныхъ сочетаніяхъ. Вереницей тянулись ломовые извозчики съ апатичными, завѣтренными лицами; въ самомъ затылкѣ у меня гремѣли ихъ грузныя телѣги... И рядомъ, въ коридорѣ,—несомнѣнно, это въ тюрьмѣ, а не на улицѣ,—старикъ въ бѣломъ клобукѣ насвистывалъ мотивъ пѣсни „Солнце всходитъ и заходитъ“, и тихо колыхались въ водѣ отраженія мачтъ и закоптѣлыхъ трубъ фаб-

ричныхъ. Грустное лицо матери наклоняется надо мной... близко-близко... безмолвно смотритъ, ласкаетъ скорбнымъ взглядомъ... О, родимая! ты... ты встала изъ могилы? Пришла поддержать духъ немощный твоего сына?..

Боль въ сердцѣ, долгая и тяжкая, какъ грохотъ ломовыхъ телѣгъ. Протяжно воетъ гдѣ-то пароходъ. Стукъ въ стѣну, мелкій, проворный, вороватый, словно бѣготня мышенятъ... Разъ, другой, третій... Вѣроятно, требуютъ отвѣта. Я, конечно, изучалъ азбуку, но не упражнялся и боюсь провалиться. Не могу понять, о чемъ вопросъ: о родѣ? званіи? состояніи? Или, просто, сосѣдъ поздравляетъ съ прибытіемъ?.. Нѣтъ, лучше помолчу пока...

И потянулись дни. Тотъ новый міръ, о знакомствѣ съ которымъ я мечталъ, онъ весь замкнулся для меня въ четырехъ стѣнахъ тѣсной, полутемной камеры. Было въ ней жарко и затхло, каждый день налетала пыль со двора и тонкимъ сѣрымъ налетомъ покрывала подоконникъ, столъ, книги, подушку, одѣяло, а подъ койкой собирались въ бѣлую, разметанную кудель хлопья и шерсть. Издали доносился ровный шумъ города, свистки надзирателей перекликались по коридору. Было пусто, но безпокойно. Вставали мелкіе, но волнующіе вопросы: скоро ли получу право написать письмо, уважутъ ли ходатайство о выдачѣ второй тетрадки, разрѣшатъ ли пользоваться своими тарелками, или придется ѣсть изъ отвратительной казенной миски?..

Какъ рѣдкія, грязныя капли, которыя шлепались по туманнымъ утрамъ съ моего подоконника внизъ, на каменный дворъ тюрьмы, бурыя, янтарно-прозрачныя,—дни были похожи одинъ на другой, медлительные и пустые. Усиливаюсь наполнить ихъ содержаніемъ, работать, читать, размышлять, а непослушныя мечты бѣгутъ изъ этихъ ободранныхъ стѣнъ со слѣдами прежнихъ неопрятныхъ обитателей, рисуютъ далекія и милыя картины,—и отъ моихъ попытокъ создать систему холоднаго, безстрастно-спокойнаго философскаго созерцанія жизни остаются одни безпорядочные обрывки. Они проплываютъ гдѣ-то въ сторонѣ отъ сознанія, въ туманѣ, не мыслями, а словами, легкими, звонкими, какъ пустыя кубышки, свѣже-усвоенными, но непонятными и потому какъ будто гипнотически-успокоительными... „Формула желѣзной рѣшетки"... „Кругъ желѣзнаго предначертанія"... Еще что-то... А поглядишь въ окно на травку, которая пробилась межъ булыжникомъ мощенаго двора; на молодые, клейкіе листочки березы, вспомнишь длинную-длинную вереницу безрадостныхъ дней,—все теперь безъ

меня на волѣ выростетъ, отцвѣтетъ, созрѣетъ, увянетъ, будетъ засыпано снѣгомъ,—а тутъ, въ этой клѣткѣ, одно и то же, одно и то же: пятна по стѣнамъ, пыль, духота, нѣмое одиночество и удрученная жизнь...

И кипятъ слезы въ сердцѣ...

Нѣтъ, нѣтъ... Я никогда, ни однимъ намекомъ не обнаружу, что раскаиваюсь, сожалѣю, малодушествую... Ни въ какомъ случаѣ! Никому!.. Но когда я одинъ, когда я стою у окна, держась руками за холодные прутья рѣшетки, и слѣжу, какъ гаснетъ тихій, кроткій свѣтъ вечерній на окнахъ второго корпуса, слушаю долетающій до меня тихій, печальный напѣвъ невѣдомаго товарища и звонкій смѣхъ дѣтей за оградой,—приливъ тоски, безмолвной гостьи вечерней, затопляетъ всю твердость, все мужество мое, всю гордость, — и вотъ онѣ — слезы... льются тихими и долгими ручьями на темные прутья рѣшетки, на пыльный подоконникъ... И горькую жалобу шлетъ, въ безсиліи, сердце тому Невѣдомому, который видитъ все зло, всѣ обиды міра, видитъ и молчитъ...

А по ночамъ всегда такое ощущеніе, какъ будто ѣдешь въ пустомъ вагонѣ третьяго класса съ жесткими, неопрятными лавками, ѣдешь и ждешь: черезъ столько-то часовъ—знакомая станція, милый старый тарантасъ, сутулая фигура Павлушки и поѣздка домой по дремлющей зеленой степи. Проснешься. Оглянешься съ недоумѣніемъ, насилу вспомнишь: тюрьма?.. Странно...

По утрамъ надъ самой головой моей гулко поетъ колоколъ. Въ камеру заглядываетъ солнце. Лѣвѣе двери—веселое квадратное пятно теплаго золота, исчерченное сѣрымъ узоромъ рѣшетки. Проплываютъ черезъ него тѣни дымныхъ облачковъ,—закроютъ на мгновенье сѣрою вуалью и—снова милый, радостный свѣтъ, и въ камерѣ уютно такъ, свѣжо, легко, чиликаютъ воробьи, воркуютъ голуби на подоконникѣ, мои обычные гости утренніе. Пѣвучая мѣдная волна колышется, мягко и долго жужжитъ, уходитъ въ свѣтлую даль и умираетъ за Невой, гдѣ густымъ, широкимъ звукомъ откликается ей колоколъ Смольнаго собора. Поетъ—гудитъ могучая мѣдь, величаво-спокойный, торжественный гимнъ льется въ сухую трель просыпающейся городской жизни...

Въ голубомъ серебрѣ колонны, которая тянется отъ окна къ двери, кружатся, плаваютъ крошечныя звѣздочки, рогульки, червеобразныя шерстинки, играютъ въ солнечномъ свѣтѣ, переливаются радужными цвѣтами. Поднимаются, опускаются, причудливый ведутъ хороводъ... Боже, какъ прекрасенъ міръ, какъ удивительна жизнь! Вотъ—цѣлый

микрокосмъ, неисчислимый и причудливый... Я пошевелилъ рукой, и какое возмущеніе произошло въ немъ, какіе бурные скачки, зигзаги, винтообразные полеты всѣхъ этихъ пылинокъ, хлопьевъ, шерстинокъ. И каждая изъ нихъ—особый міръ со своими обитателями, которые живутъ, наслаждаются, борются, умираютъ,—можетъ быть, и мнѣ они грозятъ разрушеніемъ и смертью?..

Свѣтлый квадратъ перешелъ со стѣны на дверь. Значитъ, шесть часовъ. Сейчасъ прозвенитъ мелодическій тюремный звонокъ, и тюрьма проснется. Вотъ онъ... По коридору, точно сорвавшись съ цѣпи, побѣжалъ топотъ, стукъ, началась суета—сперва вдали, потомъ ближе, ближе, и вотъ этотъ громъ и толкотня прихлынули къ моей камерѣ,—она рядомъ съ ватерклозетомъ. Мнѣ кажется, что весь накопляемый за сутки запахъ зловонія, пробѣгая тутъ, рядомъ, нарочно останавливается передъ закупоренной моей дверью, топчется, силится весь безъ остатку втиснуться ко мнѣ въ гости. Слышно, какъ парашечники сталкиваются на бѣгу, сквернословятъ, иногда расплескиваютъ зловонную жидкость и, спѣша кое-какъ притереть ее, отвратительно ругаются. Начинается тюремный день... Онъ будетъ такой же, какъ вчера, какъ недѣлю назадъ, какъ всегда, длинный и тошный, съ обычными этапами на монотонномъ пути его,—съ выдачами кипятку, обѣда, съ получасовой прогулкой. Часа черезъ два уйдетъ изъ камеры солнышко, станетъ сѣро и тускло, я засажу себя за урокъ, чтобы убить злѣйшаго своего врага—время, я изучаю англійскій языкъ и гражданское право,—авось пригодится когда-нибудь. А сейчасъ подымаюсь къ окну, дышу утреннимъ воздухомъ. Голубой туманъ еще плаваетъ въ холодныхъ тѣняхъ между березами и домами, а на осыхающихъ отъ росы крышахъ серебромъ играетъ солнце. Въ блѣдной, затканной свѣтомъ, лазури неба два узкихъ облачка, и, точно оторвавшись отъ нихъ, плаваетъ надъ тюремнымъ дворомъ бѣлый пухъ. Задымила высокая труба, заклекталъ паръ изъ трубки надъ кухней, протяжно гудитъ гудокъ, цѣпь арестантовъ лѣнивымъ шагомъ подходитъ къ слесарной мастерской. Начинается тюремный день.

Гремитъ дверная фортка. Пушистые усы надзирателя Неведренаго наклоняются къ квадратному отверстію. Это—не тотъ, который водворялъ меня въ 380-й номеръ,—другой; тотъ—Акимовъ. У Неведренаго смышленое лицо, великолѣпные усы, густой, грубоватый голосъ, выправка браваго солдата. Акимовъ трусоватъ, сухо исполнителенъ и тупъ. Не интересенъ. На разговоръ ничѣмъ не вызовешь: боится.

— Ну, что новаго?—спросишь при случаѣ.

— Погодите. Занятъ дѣламъ: одну прогулку впустить, другую выпустить...

Онъ въ отчаяніи машетъ рукой, точно, въ самомъ дѣлѣ, это необычайно головоломная вещь: замкнуть смѣну, возвратившуюся съ прогулки, и выпустить новую.

— Ну, по крайней мѣрѣ, какъ тамъ холера?

— Вобче въ одномъ положеніи: помираютъ...

И торопится уйти. Иногда прибавитъ:

— Эхъ, господинъ, кабы у меня не дѣтишки... Куча... А тутъ—старшій, тутъ завѣдующій...

Неведреный, вопреки своей хмурой фамиліи, гораздо общительнѣе Акимова. Онъ не прочь, при случаѣ, выкурить со мной папироску, побесѣдовать на соціальныя темы, позлословить на счетъ властей, начиная съ своего непосредственнаго начальства, вспомнить—съ почтительнымъ интересомъ—недавнее прошлое, когда въ этомъ корпусѣ сидѣлъ совѣтъ рабочихъ депутатовъ, дать полезный совѣтъ касательно истребленія клоповъ и т. п. Съ нимъ любопытно поговорить.

— Стриться—бриться не желаете?

— Нѣтъ.

— Книги мѣнять?

— Тоже.

— Н-ну... вотъ вамъ за это. Одного мало—цѣлыхъ три...

У меня чуть духъ не захватываетъ отъ внезапной, неожиданной радости: письма! Вѣсти съ воли, съ родины... Такъ долго, такъ трепетно ждалъ ихъ... Какой счастливый день! Какой милый человѣкъ—этотъ Неведреный... Спасибо, спасибо! Вотъ—хорошій человѣкъ!

Сдержанное, но довольное ржаніе, и фортка захлопывается.

Я жадно впиваюсь глазами въ милыя строки. Спѣшу, глотаю, пропускаю слова. Послѣ, потомъ прочту медленно, съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой, а теперь—въ карьеръ, лишь бы узнать, живы ли, здоровы ли, не случилось ли чего за эти три недѣли, долгія и нудныя недѣли, растянувшіяся чуть не на сто лѣтъ?..

Письма, конечно, вскрыты, украшены тюремнымъ штемпелемъ, но это не омрачаетъ моей радости, не заглушаетъ голосовъ изъ родного угла,—они все такъ же милы, трогательно-жалостливы и нѣжны. Въ одномъ конвертѣ проскользнулъ даже какимъ-то чудомъ крошечный засушенный букетикъ степныхъ незабудокъ. Смотрю на него,—засушенъ онъ съ такою тщательной и нѣжной заботой,—нюхаю. Ничѣмъ онъ не пахнетъ,—знаю,—но почему-то мнѣ чудится

въ немъ весь ароматъ лазурнаго простора, степного вѣтра, родной земли, родного солнца... Тихой далекой музыкой звучатъ стихи въ сердцѣ:

Степной травы пучокъ сухой,
Онъ и сухой благоухаетъ!
И разомъ степи надо мной
Все обаянье воскрешаетъ.:.

Не знаю, откуда это, но вспомнилось и неотвязно поетъ въ душѣ:

...Онъ и сухой благоухаетъ...

Закипаютъ и просятся на глаза слезы, слезы сладкой тоски и умиленія. Далекій край родимый встаетъ въ сіяніи волшебной красоты, точно въ немъ никогда не было ничего печальнаго,—темноты, бѣдности, грязной природы... Точно я не видѣлъ тамъ .ни злобы, ни предательства, точно одна лишь, осіянная золотымъ свѣтомъ, юная радость жила въ немъ...

Это вотъ почеркъ Руфинки—смѣшныя каракульки... А ошибки! Нѣчто невѣроятное!.. „Покаместа все слаубогу благополучно"... „Игнатъ купилъ себѣ лошадь 40 руб. и хвалитъ говоритъ хорошая а у насъ въ сосѣдахъ новорожденный Александыръ Федровичъ".

Смѣшно.. А мѣстами—настоящая поэма,—такъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, кажется. Не хочу конфузить тебя, Руфинка, немножко исправлю:

„Скучно и грустно тутъ безъ тебя, хоть и на своей сторонѣ... И что за это время передумала,—пріѣзжай поскорѣй мой дорогой Котикъ, изъ твоей неволи, жду тебя, всѣ денечки перечла,—можетъ, и не дождусь, какъ все это долго тянется... Не привыкну къ этой мысли, что тебя не будетъ тутъ,—неужели это правда"?..

Я слышу ея серебряный голосокъ. Глаза мои застилаетъ туманъ. Но я смѣюсь любящимъ смѣхомъ надъ этимъ наивнымъ лепетомъ. „Неужели это правда?.." Ахъ, Руфинка, Руфинка! Можно ли писать такъ безграмотно?..

„Новостей особенныхъ нѣтъ, только что народъ мретъ: Авдотья Алексѣевна померла Староселова, а Веденей Иванычъ свою Софью Осиповну избилъ и уѣхалъ. Пришелъ онъ къ ней Веденій Иванычъ, а у ней сидѣлъ иной, Веденея горе взяло, онъ окно разбилъ. Софья выскочила,—Веденей схватилъ ее и ну бить. Ну такъ онъ не одолѣлъ, началъ онъ ее и зубами грызть, прогрызъ онъ ей щеку, а еще бокъ прокусилъ и отобралъ у ней 10 руб. денегъ"...

О, узнаю тебя, родная сторона! Только въ твоихъ нѣд-

рахъ можетъ расцвѣсть такой своеобразный героизмъ, такая неподдѣльная пылкость чувствъ до кровожадности и жестокая месть до экспропріаціи десяти рублей!..

„Сама съ кабатчицей поссорилась. Теперь кабатчица за Степу за Гулянина взялась, онъ у ней бываетъ до 12 часовъ ночи. Вотъ за каждыми штанами-то волочится, прости за нескромность, но такую, какъ она, можно"...

Я улыбаюсь. Понимаю, въ чемъ дѣло, Руфинка: ты немножко злословишь... А пора бы забыть: дѣло прошлое... Дѣло прошлое, и обѣ вы мнѣ дороги теперь, безконечно дороги вы мнѣ, моя далекая Руфинка... Если бы я васъ могъ теперь увидать! Обѣихъ крѣпко-крѣпко прижалъ бы я васъ къ груди... Мои милыя, любимыя, далекія!..

Я закрываю глаза. И вотъ они—встаютъ воспоминанія, закутанныя въ голубую дымку прошлаго, какъ далекіе холмы степные,—близятся, растутъ, развертываются и проходятъ въ живыхъ волнующихъ образахъ...

Темные, жаркіе вечера, звѣздное небо, смутное волненіе ожиданій. И вотъ вновь дрожитъ сердце, какъ и тогда. Напряженно прислушиваюсь, всматриваюсь въ сѣрый пологъ ночи. Мелькаютъ въ глазахъ легкія тѣни, шорохъ шаговъ слышится, каждый звукъ ночи—сонное воркованіе голубя на колокольнѣ, вздохъ—Богъ знаетъ чей,—пискъ летучей мыши,—все ловитъ и отмѣчаетъ насторожившееся ухо, все смутной тревогой отзывается въ сердцѣ. И вотъ онъ—робкій силуэтъ вдали... промелькнулъ, растаялъ,—нѣтъ его... Ищетъ напряженный взоръ и ждетъ. Легкая тѣнь неслышно отрывается отъ церковной ограды, выростаетъ рядомъ. Изъ-подъ накинутаго на голову платка смѣются славные, задорные глаза, блеститъ полоска зубовъ, шепотъ слышится наивно хвастливый:

— А я въ окно... Мать если хватится,—пропала головушка...

...Роятся звѣзды вверху, межъ черными вѣтвями старыхъ грушъ, играютъ трепетнымъ свѣтомъ. Чутко дремлютъ темные кусты и деревья. Густой запахъ идетъ отъ черной полыни, которою покрытъ шалашъ. Звенитъ пестрый хоръ въ травѣ, въ вѣтвяхъ и безбрежно разлита его буйно-радостная пѣснь въ тепломъ дыханіи звѣздной ночи.

Земля уже остыла, и такъ хорошо лежать у шалаша,— межъ вѣтвей темное небо такъ высоко и такъ прекрасна игра звѣздъ. Передо мной, поджавъ колѣни, сидитъ, болтаетъ милый вздоръ веселое, граціозное существо съ зелеными глазами—Руфинка. Обнимаетъ, смѣется. Смолкнетъ на мгновеніе, прислушается и—вдругъ тонесенько и звонко броситъ въ воздухъ задорный мотивъ какой-нибудь глупой

частушки. Какъ будто мы одни въ цѣломъ мірѣ... кругомъ—сады, безлюдье, черная глушь, сплошная тѣнь. Но почему-то кажется, что кто-то есть тамъ, въ темныхъ, таинственно молчащихъ кустахъ, крадется тихо-тихо, слѣдитъ и смѣется беззвучнымъ смѣхомъ.

— Тише, Руфинка... услышатъ...

— Н-ну... кому тутъ?.. Да я никого не боюсь!

— Никого? Врешь.

— Матерю развѣ... Я знаешь какъ? Я отцовъ тулупъ свернула и закрыла одѣяломъ. Ну, хочь близко подойди,—совсѣмъ-совсѣмъ, какъ человѣкъ спитъ. А сама сняла цвѣты съ окна да въ палисадникъ шмыгъ!.. Что?.. а?..

Близко-близко искрятся ея смѣющіеся глаза, и волосы щекочутъ мнѣ лицо.

— Ну, молодецъ, молодецъ...

— То-то... Я, небось, не поробѣю! Я разъ говорю Сашѣ,—это впередъ было... ну когда ты къ кабатчицѣ ходилъ... пройдешь мимо оконъ, а у меня сердце ажъ затрепещетъ... ты не зналъ? Н-ну?... эхъ ты!..—Саша,—говорю,—давай съ тобой напьемся да къ Сережѣ въ садъ пойдемъ...—„Да ты чего? сбѣсилась?... Я до смерти боюсь на чужіе сады“... А вѣдь была? Скажи правду!..

— Ну что ты, Руфинка... пустяки какіе...

— Не ври, не ври, знаю: сама мнѣ открылась... — Да ты чего,—говорю,—дура, боишься? Ужъ коль погулять, такъ стоитъ дѣла съ кѣмъ... Пускай будетъ слава по народу, по всей улицѣ позоръ, такъ, по крайней мѣрѣ, знаешь, за кого страдаешь... Сгу-би-ли меня твои о-очи...

— Ну, тише, Руфинка...

— Да что ты все молчишь? Ты скажи что-нибудь... Ну, какъ тамъ, въ городахъ твоя жизнь протекала?.. Да! Забыла!.. А кабатчица вчера мнѣ грозилась: „Ну, я тебя, дѣвка, подкараулю“...—За мной, говорю, караулить—груба работа... Личность какая!..—„Скажу“—говоритъ,—„матери“...

Я смущенно кашляю. Тутъ довольно запутанный узелъ отношеній. Соперничество, ревность, вражда... Кабатчица, это—очень милая дама, сидѣлица винной лавки, бывшая учительница церковной школы,—злой языкъ Руфинки окрестилъ ее кабатчицей. Но она—хорошій человѣкъ. Немножко ревнива, подозрительна, мучительна въ своей привязанности. Часто плачетъ, дѣлаетъ сцены... Я обѣщалъ быть у нея сегодня... И буду,—вотъ лишь провожу Руфинку... И зачѣмъ онѣ ссорятся? Въ сердцѣ моемъ любви хватитъ на нихъ обѣихъ...

Тамъ еще есть Саша,—я бываю и у нея—рѣже теперь, чѣмъ раньше, но бываю. Иногда привожу ее и сюда. Она

грустна, молчалива, мечтательна. Читаетъ чувствительные романы и... акаѳисты. Съ ней скучновато, но я люблю ее за собачью преданность. Поманите ее чуть-чуть,—идетъ. Придетъ, ласкается такъ робко и благодарно, вздыхаетъ, покорная и безотвѣтная... Иногда говоритъ о своихъ снахъ, а всѣ они вращаются около одного мотива: ранней смерти...

— Руфинка, а какъ ты съ Сашей? Она знаетъ, что ты бываешь тутъ?

Руфинка немножко медлитъ отвѣтомъ.

— Саша? Она все - акафисты... Конецъ свѣту,—говоритъ, скоро будетъ, земля будетъ горѣть...

— Ну, скажи правду, Руфинка: знаетъ Саша, куда ты ходишь?

— Всѣ, — говоритъ, — погоримъ... Для чего наряжаться, одежу справлять? Все равно помремъ... Какъ ты думаешь?

— Я не хочу.

— И я не хочу. Говорятъ: гробъ—не коляска, ѣхать не тряско,—а не хочу. Саша вотъ хочетъ!..

— Ты съ ней откровенничаешь?

— Да нѣтъ же... Ну, что я за дура: открываться буду ей?.. Она кабатчицу — ту не любитъ, а меня ничего. Она какъ-то мнѣ разъ: —„твоя очередь",—говоритъ:—„ну... твое счастье..." Я смѣюсь, а она—въ слезы. Куриное сердце.

Мнѣ жаль Сашу, — раненое сердце, — совѣсть немножко упрекаетъ меня... Но если я любилъ ихъ всѣхъ? Всѣхъ трехъ любилъ одинаково, всѣмъ преданъ былъ и вѣренъ сердцемъ, шелъ на ихъ призывъ, очарованный ихъ трепетной жаждой счастья, былъ благодаренъ имъ за трогательную ласку, упреки, слезы... Всѣхъ ихъ любилъ я радостной и грѣшною любовью... И вотъ сейчасъ сладкая истома грѣшныхъ мечтаній уже охватываетъ меня, я слышу возлѣ жаркій шепотъ, и въ темнотѣ глаза мерцаютъ, ихъ взоръ и дразнитъ, и изнемогаетъ, и весь горю я отъ прикосновенія упругаго, волнующагося тѣла...

А драмы?.. Мнѣ не хотѣлось бы ихъ вспоминать, — зачѣмъ ворошить пережитыя конфузныя положенія? Но грустная и насмѣшливая память настойчиво выдвигаетъ все, что случалось подъ покровомъ звѣздной лѣтней ночи...

...Руфинка весело разсказывала о своихъ прежнихъ увлеченіяхъ,—она не умѣла скрывать грѣховъ, а я былъ достаточно снисходителенъ къ ея легкомыслію.

Должно быть, мы говорили и смѣялись громче, чѣмъ позволяло благоразуміе, потому что за плетнемъ, въ той таинственной, темной гущѣ садовъ, гдѣ никого не должно бы быть, — мы такъ думали, — вдругъ послышался окликъ: — „Сергѣй!.."

Голосъ намъ обоимъ былъ слишкомъ хорошо знакомъ. Дрожала въ немъ рѣзкая нота злыхъ слезъ. Мы замерли. Руфинка ухватилась за мое плечо, и я слышалъ, какъ стучало ея сердце.

— Кабатчица...—прошептала она, вся напрягаясь, какъ струна.

— Сергѣй, слушай сюда! Нечего притворяться,—я знаю: ты—здѣсь...

Я трусливо втянулъ шею въ плечи, словно приготовился къ удару, и—ни звука... Лицо Руфинки въ темнотѣ казалось бѣлымъ-бѣлымъ и, широко раскрытые глаза напряженно глядѣли въ темную глубь сада. Я понималъ: ея положеніе было куда хуже моего... Она должна была чувствовать себя виноватою стороной,—право первенства принадлежало ея соперницѣ, ревнивой, рѣшительной и пылкой, которая не остановится передъ скандаломъ... И вотъ онъ — разсчетъ...

— Поди сюда, Сергѣй... нужно...

Молчу. Каторжное положеніе! Мысль трусливо мечется, ищетъ выхода. Хорошо бы шмыгнуть куда-нибудь въ кусты, да совѣстно передъ Руфинкой: я долженъ быть рыцаремъ.

— Слушай, Сергѣй! Тамъ человѣкъ умираетъ... прибѣгали за лѣкарствомъ...

Никто не умиралъ, конечно. Да я и не докторъ, и не аптекарь. Ну, врачевалъ иногда недужныхъ хининомъ или свинцовой примочкой, но умирающихъ этимъ не подымешь...

— Я буду кричать, Сергѣй! Я тутъ боюсь!..

Въ голосѣ ея звучитъ рыдающая злоба... Все равно не отмолчишься. Будь, что будетъ. Всталъ и пошелъ. Руфинка?.. Ну, она молодецъ, Руфинка: хватилась съ мѣста и легко, беззвучно помчалась бѣлымъ призракомъ въ глубь сада. Мигъ одинъ и—нѣтъ ея, пропала между деревьевъ.

Я подошелъ къ плетню.

— Это ты, Катя?

Я чувствовалъ, что голосъ у меня сталъ какимъ-то подленькимъ, фальшивымъ; трусливая, заискивающая ласка ползла и извивалась въ немъ. И, можетъ быть, потому такое негодующее, нетерпѣливое требованіе прозвучало въ стиснутой злобѣ ея восклицанія:

— Иди сюда!

— Я иду.

— Куда же ты?

— Какъ куда? Въ калитку, я думаю?..

— Нѣтъ, здѣсь!

— Ты съума сходишь, Катя? Плетень чуть не въ сажень вышины...

— Здѣсь! Ты спрятать ее хочешь? Ну нѣ-ѣтъ! Перелазь здѣсь сію же минуту!

— Ну, что за выдумки!

— Хочешь, чтобы я закричала?!..

Пришлось подчиниться дикому капризу. Полѣзъ... Какъ-то отяжелѣло все тѣло. Старый плетень неистово хрястѣлъ, качался, царапался сучками, ободралъ мнѣ руки. Обломился изъѣденный червоточиной колышекъ, за который я ухватился и, къ довершенію конфуза, я неловко рухнулъ въ канаву съ высокой лебедой и крапивой. Постылая ненаходчивость, сознаніе виноватости дѣлали меня смѣшнымъ и беззащитнымъ. Я молча и покорно подошелъ къ Катѣ. Насторожился: какъ бы не стала драться! Вѣдь эти африканскія страсти разрѣшаются иногда очень бурнымъ финаломъ... Стыдно сознаваться, но былъ моментъ, когда я чуть было не попробовалъ улизнуть, да—слава Богу—не успѣлъ... Она, рыдая, больно вцѣпилась въ мои плечи и изо всѣхъ силъ стала трясти меня.

— Ты... ты... негодяй! Ты съ кѣмъ тутъ? Такъ честные люди дѣлаютъ? Такъ лгать, надувать? И съ кѣмъ? Съ какой-нибудь дрянною желторотой, необразованной дѣвченкой. Ну, я ей покажу-у... Я пойду... Я ей... Я ее... Нѣтъ, она у меня не ухоронится!

— Я не понимаю, о чемъ ты, Катя? Ты говорила: умираетъ человѣкъ... Ну, изволь...

—Такая зеленая дѣвченка и уже развратничаетъ! Нѣтъ, я завтра же матери ея скажу,—пусть она знаетъ!

— Катя, увѣряю тебя, никого нѣтъ.

— Я сама слышала! Я ее, скверную дѣвченку... Съ такихъ лѣтъ! Я ее пойду!...

Она бросила меня и кинулась въ калитку,—дорога ей была хорошо знакома. Я видѣлъ, какъ она металась по вишневымъ кустамъ, которые были поближе къ шалашу. Мнѣ стало даже смѣшно: ищи, ищи,—Руфинка уже далеко! Но у шалаша я запнулся вдругъ ногой на что-то. Нагнулся: большой платокъ Руфинки. Испугался и растерялся: вещественное доказательство... Какъ онъ не попался ей подъ ноги... Но раздумывать некогда: бросилъ его вверхъ, въ вѣтки грушъ, но онъ сейчасъ же свалился оттуда на крышу шалаша.

— Ты что тутъ пряталъ?

Неужели видѣла? Я едва перевелъ духъ.

— Ничего не пряталъ, что ты?!

Она опять метнулась къ кустамъ,—ей казалось, очевидно, что если спряталъ, то непремѣнно въ кустахъ. Раза два она чуть не зацѣпилась за конецъ платка, свѣсившійся съ крыши

шалаша. Но въ темнотѣ не обратила на него вниманія. А я замиралъ отъ страха: попадетъ она на этотъ платокъ да отнесетъ завтра матери Руфинки,—достанется на орѣхи моей веселой дѣвчуркѣ...

Но ревность всегда слѣпа немножко. Да и безлунная лѣтняя ночь хоть и выдала насъ съ Руфинкой, но она же и спасла: Катя такъ и не нашла въ темнотѣ ничего уличающаго. Утомленная и обезсиленная схлынувшимъ гнѣвомъ, она сѣла на скамью и горько заплакала...

А потомъ мы помирились. И занялась уже заря, когда я провожалъ ее по улицѣ къ винной лавкѣ № 540. Встрѣчались бабы, гнавшія коровъ въ стадо. Съ удивленіемъ оглядывали насъ и язвительно улыбались. Мнѣ было немножко неловко, стыдно, я не прочь былъ бы уже и разстаться съ Катей, но она настояла на томъ, чтобы я непремѣнно довелъ ее до дверей винной лавки № 540... Теперь это далеко и, пожалуй, забавно, а тогда я проклиналъ судьбу и ревнивыхъ женщинъ. Угрызенія совѣсти меня не очень безпокоили...

Я потомъ вернулся въ садъ, взялъ платокъ Руфинки,—неудобно было его оставить тамъ на день, могли увидѣть посторонніе. Я долго думалъ, куда мнѣ дѣть его? И понесъ... Сашѣ—для передачи по принадлежности. Саша, какъ будто, ждала меня: лишь стукнулъ я въ окно ея комнатки, она сейчасъ же открыла его. Была она въ одной рубашкѣ, и мнѣ неловко было глядѣть на ея голую грудь и руки при свѣтѣ утра. Я приписалъ разсвѣту и ея смущеніе,—она не смотрѣла на меня: молча взяла платокъ и тотчасъ же спряталась за занавѣской...

А послѣ я узналъ отъ нея же самой, что это она выдала тайну Руфинки и даже вмѣстѣ съ Катей была въ садахъ,—одна Катя боялась идти... Я хотѣлъ разсердиться, но—махнулъ рукой!..

И вотъ, смотрю я на эти каракульки и слышу щебечущій голосъ, звонкій смѣхъ, вспоминаю тоненькую, граціозную фигурку Руфинки. Но я и не подозрѣвалъ, что въ ея удалой, вѣтреной головкѣ столько нѣжной, трогательной привязанности и вѣрности...

„Для меня бы сколько радости было—хоть письмецо отъ тебя,—погляжу на твою карточку, хожу, какъ помѣшанная въ умѣ, не знаю, за чего взяться. И когда это страданіе кончится? А то увижу тебя во снѣ, и такъ хорошо бываетъ, проснусь сама не въ себѣ: зачѣмъ я проснулась? зачѣмъ я должѣй не спала? Отлегнетъ на сердцѣ немного и опять тяжело, ничего не мило“...

Да, я отзовусь ей... Я пошлю имъ всѣмъ отсюда слово горячаго привѣта и старой любви. Онѣ услышатъ мой голосъ..,

Вотъ жаль одно: мнѣ еще только черезъ недѣлю выдадутъ листокъ почтовой бумаги и конвертъ,—такой порядокъ тутъ: въ первой мѣсяцъ—одно письмо. Ну, это мы попробуемъ обойти. Можетъ быть, Неведреный? Онъ, какъ будто, —добрый малый... Или товарищи-уголовные: у нихъ, надо думать, есть ходы... Попробуемъ...

Плотный, широколицый Тереховъ въ сѣрой рубахѣ и бѣлыхъ штанахъ съ клеймомъ позади ползаетъ на колѣнкахъ по моей камерѣ, шлепаетъ по полу мокрой тряпкой и размазываетъ теплую, грязную воду по всѣмъ угламъ. Третъ щеткой. Сегодня суббота, день приборки.

Я стою на койкѣ,—единственный островъ среди этого наводненія. Въ дверяхъ—Неведреный.

— Ну, попроворнѣй, попроворнѣй, Тереховъ,—понукаетъ отъ скуки Неведреный:—покажи-ка шлюшинскую развязку!

— Вы изъ Шлиссельбурга, товарищъ?—спрашиваю я.

— Точно такъ, шлиссельбургскій мѣщанинъ.

— Вотъ извольте посмотрѣть,—обращается ко мнѣ Неведреный:—задъ—печь-печью, а къ работѣ хладнокровенъ. Насчетъ дѣвокъ лишь проворство оказалъ...

Мнѣ давно хочется спросить Терехова, какъ онъ попалъ сюда, да стѣснительно какъ-то: что, если укралъ или совершилъ мошенническую продѣлку? Лицо у него такое добродушное, простое, и не хочется, чтобы онъ оказался воромъ или мошенникомъ. Неведреный намекаетъ, будто, на что-то романическое. Любопытно.

— Вы по какому же дѣлу, товарищъ?

— За убійство.

Помолчали. Неловко разспрашивать: можетъ быть, тяжелый слѣдъ на душѣ остался отъ драмы, а я буду касаться ея изъ празднаго любопытства.

— По пьяному дѣлу изъ-за барышни, дѣйствительно, сурьезъ вышелъ,—говоритъ самъ Тереховъ спокойнымъ тономъ,—и всего только разъ и ударилъ ножемъ, а онъ тутъ же умеръ. Въ глазъ попалъ.

Онъ бережно передвигаетъ на вымытую сторону столикъ, на которомъ стоитъ чайная посуда, и говоритъ съ опасеніемъ:

— Не подѣлать бы черепковъ...

Спина у него широкая, квадратная; руки—съ короткими, твердыми пальцами въ рыжихъ волосахъ.

— Ежели-бы я самъ на себя въ пьяномъ разѣ тогда не наплелъ, мнѣ бы восемь мѣсяцевъ дали, замѣсто двухъ лѣтъ. Ну, все равно. Третью часть отсидѣлъ, пустяки самые осталось. Ничего, посидимъ...

— А не скучаете?

— Чего же скучать? Жизнь тутъ веселая...

Онъ сипло разсмѣялся.

— Ежели-бы на большую порцію посадили, то лучше и требовать нечего: котлета ежедневно...

Неведреный иронически киваетъ головой въ его сторону:

— Большой любитель котлетъ!

— Котлеты всѣ обожаютъ, г. надзиратель,—конфузливо возражаетъ Тереховъ.

— А сколько бы ты съѣлъ, ежели бы до вольнаго допустить?

Тереховъ нѣкоторое время молча шмыгаетъ по полу тряпкой.

— Котлеты двѣ, больше не съѣлъ бы,—отвѣчаетъ онъ съ легкимъ смущеніемъ и не совсѣмъ искреннимъ тономъ.

Неведреный долго смотритъ на его квадратную спину, на оттопыренный задъ и съ увѣренностью говоритъ:

— Четыре съѣлъ бы!

Доносится свистокъ снизу. Неведреный сразу ловитъ его привычнымъ ухомъ и, подавшись отъ двери къ желѣзнымъ периламъ галлереи, стучитъ ключомъ по рѣшеткѣ:—Иду!

— Съѣлъ бы четыре,—я знаю!—повторяетъ онъ съ легкимъ ржаніемъ и уходитъ. Мы остаемся съ Тереховымъ вдвоемъ.

— А ты и шесть съѣлъ бы!—вполголоса обиженно говоритъ ему въ спину Тереховъ,—ишь брюхо-то налопалъ!

— Ну, шесть едва-ли... Да и гдѣ ему взять?—сомнѣваюсь я.

— Кто чего добивается, господинъ... Слопаетъ шесть!

Онъ изъ предосторожности высовываетъ голову за дверь и, убѣдившись, что за ней близко никого нѣтъ, говоритъ:

— Имъ что, господинъ! Сколько захотятъ, столько и слопаютъ. А вотъ посиди-ка онъ на нашей порціи,—въ недѣлю опало бы брюхо...

Я пользуюсь отсутствіемъ посторонняго лица. Меня ни на минуту не покидаетъ мысль—подать вѣсть туда, за стѣны тюрьмы, на волю, откликнуться на милый зовъ, сказать интимное, ласковое слово—слово добраго привѣта, благодарности, успокоенія. И, можетъ быть, Тереховъ—добрый геній, посланный мнѣ судьбой, чтобы установить мои сношенія съ внѣшнимъ міромъ, гдѣ свободны люди, гдѣ ждутъ меня, гдѣ тоскуютъ обо мнѣ, вспоминаютъ и мечтаютъ?.. Попытаюсь.

— А что, товарищъ, нельзя ли тутъ какъ-нибудь передачу письмеца устроить?

Тереховъ останавливается и предусмотрительно выглядываетъ за дверь.

— На волю, или тутъ кому?

— На волю.

— Ежели—тутъ, то очень просто. А на волю...

Онъ коротко дергаетъ головой: трудно, молъ. Потомъ стоитъ нѣкоторое время въ позѣ напряженнаго соображенія.

— Да, пожалуй, можно,—говоритъ онъ, наконецъ,—можно, баринъ! Это сдѣлаемъ!

— У меня, видите ли, есть и конвертикъ такой маленькій... и марки...

— Можно... Вы въ посуду тогда положите,—передадимъ...

Я ужасно радъ. Тереховъ мнѣ кажется чудеснѣйшимъ человѣкомъ, и я съ удовольствіемъ хотѣлъ бы ему разсказать, въ какое волненіе привели меня первыя письма изъ родного угла, которыя сегодня получилъ. Онъ пойметъ меня, этотъ милый, обязательный человѣкъ.

— А у васъ въ случаѣ папиросочекъ, баринъ, не найдется?—съ нѣкоторой таинственностью спрашиваетъ Тереховъ.

— Сколько угодно...

— А то я бѣдствую табачишкомъ. Жалованья-то всего шесть копѣекъ въ сутки, а покурить—смерть, охота. Чаемъ-сахаромъ не бѣдствуемъ,—спасибо политическимъ,—а вотъ табачку не хватаетъ.

— Такъ что-жъ вы? Давно бы сказали!

— Да вѣдь какъ... совѣсти не хватаетъ... Мы и такъ довольны... А письмецо вы—въ посудку,—это будьте покойны..

Пришелъ Неведреный. Тереховъ торопливо закончилъ свою работу. Получилъ коробку гильзъ и четверку табаку. И Неведреный выкурилъ со мной папироску. Поговорили.

— Что новаго?

— Новый завѣдующій.

— Что больно часто мѣняются? Чуть не каждую недѣлю?

— Ихъ, какъ собакъ небитыхъ,—куда же дѣвать? Сортируютъ по разнымъ участямъ. Вашу камеру не осматривали?

— Два раза.

— А вчера у 279-го номера чуть прокламацію изъ Женевы не накрыли... Спасибо, я догадался глянуть да сгребъ ее,—никто не замѣтилъ. А то и намъ бы влетѣло... Ловко написано!..

Неведреный уходитъ, я остаюсь одинъ. Пахучая сырость облипаетъ меня; но видъ вымытой и прибранной камеры пріятенъ для глазъ. Я опять беру письма и медленно перечитываю ихъ всѣ. И такъ хочется сейчасъ же, непремѣнно

сейчасъ отозваться имъ, всѣмъ моимъ близкимъ, роднымъ людямъ, что я начинаю спѣшить и метаться, какъ передъ отходомъ поѣзда. Конверты—вотъ они, между листами библіи; марки—въ карманѣ памятной книжки. Вотъ почтовой бумаги нѣтъ, но... листки изъ памятной книжки на что же? Или вотъ эта бумага? Правда, она предназначена для другихъ цѣлей, но чернила выдерживаетъ превосходно—свой англійскій лексиконъ я давно уже переписываю на нее—и сослужить службу можетъ. Люди свои—не обидятся. А потомъ, впослѣдствіи, объясню—отъ души посмѣемся...

„Милая Руфа!"—вывелъ я старательнымъ, крупнымъ почеркомъ. Руфинка вѣдь не Богъ вѣсть какъ грамотна, ей надо писать поразборчивѣй. Къ огорченію, убѣждаюсь, что патентованная бумага все-таки пропускаетъ чернила...— „Милая Руфа! Здравствуй!.."

Что же дальше? Такъ много кипѣло и просилось на бумагу мыслей, а вотъ пока вывелъ три слова, всѣ убѣжали впередъ, попрятались...

„Твой прелестный цвѣточекъ столько воспоминаній шевельнулъ во мнѣ, такою музыкой наполнилъ сердце,—даже стихи вспомнились:

...Онъ и сухой благоухаетъ
И разомъ степи надо мной
Все обаянье воскрешаетъ...

„Впрочемъ, стихи—послѣ. Ты интересуешься моей теперешней жизнью въ тюрьмѣ? Изволь. Сейчасъ, по порядку"...

Я останавливаюсь. Что же именно по порядку? Тюрьма—воплощенный порядокъ, расписанный по свисткамъ, а между тѣмъ все его содержаніе до того скудно, что и написать нечего: днемъ сиди, ночью лежи. День похожъ на день, нѣтъ ни событій, ни граней,—сѣрая полоса безъ узора, тоска, вялая работа, унылыя мысли...

Но я этого не напишу, нѣтъ! Въ моихъ словахъ не будетъ ни звука унынія, безполезнаго ропота, горькой жалобы безсилія... Духъ мой порою шатается,—это правда,—бываютъ минуты горечи, отчаянія, безнадежныхъ мыслей,—но знамени я не опущу! И никому не признаюсь въ моей тоскѣ, въ моихъ сомнѣніяхъ... Милые, близкіе моему сердцу люди услышатъ отъ меня лишь бодрыя слова, увѣренность и смѣхъ...

Принесли обѣдъ. Я скоренько покончилъ съ нимъ,—тюремные разносолы не отнимаютъ много времени. Осмотрѣлъ судки. Одинъ изъ нихъ долженъ послужить мнѣ почтовымъ ящикомъ. Остроумно придумалъ Тереховъ, но... почтовый ящикъ требуетъ основательнаго мытья и просушки. Напи-

сать Руфинкѣ, между прочимъ, о здѣшнемъ питаніи: столъ превосходный, молъ, только ни ножа, ни вилки не даютъ, дѣйствуй руками и зубами...

Вымылъ судокъ, тщательно вытеръ. Сѣлъ опять за письмо,—до прогулки надо закончить,—посуду убираютъ изъ камеры въ мое отсутствіе.

„Дни текутъ, какъ вода",—продолжалъ я:—„и не успѣлъ оглянуться, какъ почти четырехъ недѣль ужъ нѣтъ"...

Совралъ немножно: оглянуться-то я успѣлъ—и не разъ,—и много горечи осѣло въ душѣ отъ этихъ обозрѣній позади оставшагося. Но... объ этомъ умолчу.

„Осталось какихъ-нибудь восемь мѣсяцевъ, — по закону мнѣ полагается сбавка въ размѣрѣ четвертой части, — а тамъ конецъ заключенію, и я покину свою великолѣпную камеру. Право же, Руфинка, она не очень плоха, моя тихая комнатка: выкрашена въ масляную краску; отъ двери до окна можно сдѣлать семь шаговъ—конечно, небольшихъ,—и даже свѣту достаточно. Мебели лишней нѣтъ, да это и лучше: больше воздуху. Койка все время открыта,—докторъ нашелъ меня чѣмъ то страждущимъ, и на этомъ основаніи койку днемъ не примыкаютъ. Столикъ, табуретъ...

„Если стать на табуретъ, то можно видѣть изъ окна тюремную типографію, маленькій садикъ, часового, а за оградой—кусочекъ Невы, мостъ и даже пробѣгающіе черезъ него вагончики трамвая. Значитъ, общеніе мое съ внѣшнимъ міромъ даже не прерывается: стою, смотрю, шлю молчаливый привѣтъ ворчащему городу, дѣятельнымъ людямъ, волѣ...

„И ей-Богу, милая Руфа, тутъ не очень скучно... Только сидя въ тюрьмѣ, можно понять всю глубину мысли, что весь міръ, въ сущности, человѣкъ носитъ въ самомъ себѣ. Маленькое усиліе воображенія и—все къ его услугамъ: захотѣлъ побыть на свободѣ,—нѣтъ стѣнъ тюрьмы, кругомъ городъ, кипѣніе жизни или море, или тропическая растительность... захотѣлъ быть любимымъ,—сколько прелестныхъ лицъ вокругъ, какая нѣга въ свѣтящихся взорахъ, какой чарующій смѣхъ... соскучился по тебѣ, моя Руфинка,—вотъ и ты со мной... Все, все есть, чего захочешь, по первому мановенію!..

„По ночамъ гдѣ-то за оградой играетъ граммофонъ,—должно быть, есть пивная недалеко отъ тюрьмы. Въ камерѣ—мечтательный сумракъ бѣлой ночи, на сводчатомъ потолкѣ сѣрая тѣнь, похожая на мохнатую бороду; тамъ, вдали, льется непрерывной струей глухой шумъ города. А передо мной, подъ ликующіе звуки марша, проходятъ войска за войсками, звеня оружіемъ, и необозримы ихъ зыбкія и гордыя колонны. Я гляжу на нихъ и думаю съ сладкой надеждой,

что будетъ день, когда такія тяжкія и стройныя колонны пойдутъ въ бой за свободу родины... И маршъ звучитъ побѣднымъ торжествомъ...

„А то синяя степь Моздокская, подъ звуки грустной пѣсни, развернется передо мной во всей своей красѣ печальной, широкая, безбрежная пустыня... И въ сердцѣ грусть Богъ вѣсть о чемъ... Нѣтъ, мнѣ не скучно тутъ, Руфинка,— ей-богу нѣтъ!.. Ты понимаешь меня?

„А днемъ скучать совсѣмъ некогда: читаю, учусь, думаю. Много, много мыслей... Тюрьма — драгоцѣнное учрежденіе для того, чтобы обдумать все, все взвѣсить, вспомнить, подвести итоги...

„Даже скажу, что и порядокъ здѣшній не особенно тяготитъ меня“...

Гремитъ замокъ. Вѣроятно, Акимовъ—онъ теперь только что смѣнилъ Неведренаго. Я прикрываю написанные листки учебникомъ англійскаго языка. Незлой человѣкъ Акимовъ, но лучше не вводить въ искушеніе его преданность служебному долгу...

Что-то долго не открываютъ. На галлереѣ топчутся, какъ будто, нѣсколько паръ ногъ,—не разносятъ ли по камерамъ покупки, выписанныя изъ тюремной лавочки? А можетъ быть, кто-нибудь и въ глазокъ наблюдаетъ за мной,—здѣсь это бываетъ. Сижу спиной къ двери, не оглядываюсь, дѣлаю видъ, что занятъ книгой...

Дверь открыли.

— Здравствуйте!

Поднялъ голову. Въ послѣдовательномъ порядкѣ въ камерѣ стояли: старшій надзиратель, за нимъ толстый, почти безъ шеи, офицеръ съ короткимъ крючковатымъ носомъ, утонувшимъ въ усахъ,—новый завѣдующій корпусомъ,—и позади Акимовъ съ своимъ испуганно-старательнымъ лицомъ.

— Позвольте васъ обыскать,—сказалъ старшій съ тою ласковостью спеціалиста, съ какой мясникъ поглаживаетъ теленка, приготовленнаго на зарѣзъ.

Онъ не дождался моего согласія,—очевидно, не сомнѣвался въ темъ,—и началъ съ удивительнымъ проворствомъ ощупывать мои бока, ноги, грудь и спину. Облазилъ карманы. Лицо у него было весело-смышленое, румяное, чисто выбритый подбородокъ, завитые усики, все мелкое, острое и щегольское. Работалъ руками онъ быстро, умѣло, увѣренно, съ артистическимъ упоеніемъ и мастерствомъ. Ничего не упустилъ изъ виду. Вытряхнулъ сахаръ изъ кулька, посмотрѣлъ и проворно собралъ его пальцами обратно въ кулекъ. Распечаталъ куски мыла, вынулъ, понюхалъ, опять уложилъ.

Прощупалъ всю подкладку въ фуражкѣ. Перебралъ и встряхнулъ бѣлье, заглянулъ внутрь нѣсколькихъ носковъ. За это время Акимовъ, тоже помогавшій досмотру, взялъ лишь катушку нитокъ и сказалъ:

— Это надо въ чихаузъ...

Принявшись за столъ и книги, старшій сразу наткнулся на листки письма моего къ Руфинкѣ.

— Это вы зачѣмъ же на этой бумагѣ пишете?—сказалъ онъ съ ласковымъ упрекомъ:—вамъ на то дается прошнурованная тетрадь.

— Это — англійскія слова, — сказалъ я и густо покраснѣлъ.

Зачѣмъ я совралъ? Ни цѣли, ни смысла не было, а вотъ унизился же безъ всякой надобности.

— Ммм... у-гу, — еще ласковѣе сказалъ старшій, какъ будто удовлетворенный разъясненіемъ.

Собралъ листки и передалъ ихъ офицеру, а въ мою сторону прибавилъ:

— Все равно-съ...

Офицеръ бѣгло взглянулъ на листки и томнымъ, изнѣженнымъ голосомъ, въ носъ, точно пѣлъ: „уморилась, уморилась, уморилася",—небрежно проговорилъ:

— Заберите у него всю бумагу!

— Позвольте!—въ отчаяніи воскликнулъ я — тономъ не возраженія, а мольбы, и опять огонь стыда бросился мнѣ въ лицо:—позвольте... но какъ же? Вы сами понимаете... бумага для естественнаго употребленія...

— Обойдетесь,—небрежно сказалъ офицеръ:—можете выписать другую, посѣрѣе, а эта—слишкомъ плотна...

Старшій взялъ со стола мою памятную книжку,—въ ней тоже были записаны тюремныя впечатлѣнія.

— Не прошнурована? Тогда—въ чихаузъ! А это что такое?—обратилъ онъ вниманіе на букетикъ незабудокъ. Взялъ его, поднесъ къ носу, укоризненно покачалъ головой, потомъ сунулъ въ карманъ записной книжки. И я молча глядѣлъ, какъ мой великолѣпно-засушенный цвѣточекъ обращался въ труху подъ его проворными пальцами.

— Все будетъ въ цѣлости. При выходѣ получите,—ласково и весело сказалъ старшій, насмѣшливо ободряя меня:—а писать можете лишь въ прошнурованной тетради...

Ушли. Въ душѣ осталась слякоть. Точно кто старымъ, ржавымъ гвоздемъ царапнулъ по сердцу,—рана не глубока, а больно саднитъ. Я усиливаюсь убѣдить себя въ томъ, въ чемъ увѣрялъ Руфинку: что всѣ толчки и царапины случайной внѣшней обстановки—нуль передъ тѣмъ чудеснымъ міромъ, который носитъ человѣкъ въ самомъ себѣ. Я на-

прягаю воображеніе... я требую, чтобы крылатый конь фантазіи скорѣй унесъ меня изъ этихъ каменно-жесткихъ стѣнъ туда, „гдѣ вѣтерокъ степной ковыль колышетъ",— а у самаго горла скользятъ по мнѣ, какъ холодныя лапки ящерицы, проворные пальцы надзирателя, и дрожь отвращенія судорогой пробѣгаетъ по всему тѣлу...

Ѳ. Крюковъ.

ТРИ ПѢСНИ.

Чудныхъ три пѣсни нашелъ я въ книгѣ родного поэта.
Надъ колыбелью моею первая пѣсенка пѣта.
Надъ колыбелью моею пѣла ее мнѣ родная,
Частыя слезы роняя, долю свою проклиная.
Слышали пѣсню вторую тюремные низкіе своды.
Пѣлъ эту пѣсню не разъ я въ мои безотрадные годы,
Пѣлъ и цѣпями гремѣлъ я, и плакалъ въ тоскѣ безысходной,
Жаркой щекой припадая къ желѣзу рѣшетки холодной.
Гордое сердце вѣщуетъ: скоро конецъ лихолѣтью!
Дрогнетъ суровый палачъ мой, пѣсню услышавши третью.
Вѣтеръ споетъ ее буйный въ порывѣ могучемъ и смѣломъ
Надъ коченѣющимъ въ петлѣ моимъ опозореннымъ тѣломъ.
Пѣсни я той не услышу, зарытый во рву до разсвѣта...
— Каждый найти ее можетъ въ пламенной книгѣ поэта.

Е. Придворовъ.

Исторія юной Ренаты Фуксъ.

Романъ Якоба Вассермана.

Переводъ съ нѣмецкаго **А. Полоцкой**

VI.

Когда Рената встала съ постели, Ирена Пуншту простилась съ ней съ иронической граціей, смыслъ которой было нелегко разгадать. Ренатѣ, смотрѣвшей на нее глазами художника, казалось, что ея волосы стали чуть-чуть краснѣе. Онѣ поцѣловались, глаза Ирены при этомъ буквально впились въ глаза Ренаты, все съ тѣмъ-же страннымъ смѣющимся блескомъ, какъ будто она хотѣла что-то выпытать или въ чемъ-то убѣдиться. Даже гораздо позднѣе, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, когда Рената думала объ Иренѣ, ей представлялась эта картина: какъ она остановилась у дверей, улыбаясь оглядѣла комнату, два раза присѣла, махнула Ангелюсу затянутой въ перчатку рукой и насмѣшливо воскликнула:—Прощайте мой другъ, отвратительное животное.

Гудштиккеръ былъ при этомъ; онъ остался съ Ренатой.

— Вы не находите, что она немного похожа на ящерицу?—неувѣренно спросила Рената.

— Смѣсь Парижа и нѣмецкой провинціи. Вообще я долженъ сказать, что знаю многихъ женщинъ, но того, что читаешь въ книгахъ о такъ называемой нѣмецкой женщинѣ, я еще не встрѣчалъ.

— Вы въ самомъ дѣлѣ знаете такъ много женщинъ?

— Слишкомъ многихъ, чтобы быть счастливымъ и все-же на одну меньше, чѣмъ долженъ былъ бы знать.

— Какъ это? Я не понимаю. Или...—Рената встала и принялась возиться съ собакой.—А Вероника и другія, которыхъ вы описали?

— Это—чернила. Въ лучшемъ случаѣ застывшія мечты,

— Это, должно быть, прекрасно—творить. Можетъ быть, даже для безсмертія. Это слово для меня словно звонъ колоколовъ.

— Не говорите этого. Безсмертный—что это значитъ? Самое продолжительное безсмертіе продолжается пять тысячъ лѣтъ, можетъ быть, шесть. А остальная тысяча милліардовъ? Но я предлагаю пойти немного погулять, Рената. Погода великолѣпная.

— Сегодня? Въ первый разъ...

— Да. Если вы устанете, мы возьмемъ экипажъ.

Рената согласилась. Она была полна мягкой уступчивости, но молчалива и задумчива. Улица и яркое солнце казались ей прекрасными. Городъ одѣлся, по словамъ Гудштиккера, въ праздничное одѣяніе, такъ какъ было первое мая. Они сейчасъ-же взяли экипажъ, пойти пѣшкомъ они рѣшили только за городомъ. Ангелюсъ бѣжалъ рядомъ, сердито и досадливо косился на коляску и каждой встрѣчной дворняжкѣ лаялъ что-то вслѣдъ съ дѣловитой краткостью. Они проѣхали мимо Пинакотекъ, возлѣ которыхъ играли сотни дѣтей. Рената почти машинально подняла глаза къ окнамъ старой галлереи, и въ ея умѣ, словно отрѣзанный кусокъ прожитой жизни, пронеслось мимолетное воспоминаніе. Казалось, Саскія ванъ Эйленборхъ стоитъ у перилъ и смотритъ на солнце свѣтлыми глазами.

Затѣмъ Гудштиккеръ велѣлъ кучеру ѣхать въ паркъ. Ему кланялись многіе, и онъ отвѣчалъ небрежно и не торопясь. Когда они были недалеко отъ Базилики, у Ренаты явилось непривычное желаніе пойти въ церковь. Она не хотѣла молиться; ей хотѣлось только войти во внутренность зданія. Можетъ быть, она сегодня впервые вспомнила изреченіе старой служанки семьи Фуксъ, которая никогда не пропускала случая заявить: кто проходитъ *мимо* церкви, запираетъ въ ней свое счастье. Она попросила Гудштиккера остановить экипажъ и, опираясь на его руку, вошла подъ могучіе своды торжественно-тихаго зданія. Гудштиккеръ сдѣлалъ недовольную мину, но одного взгляда на глубоко задумчивое лицо Ренаты было достаточно, чтобы заставить его молчать. Рената не думала ничего благочестиваго, не чувствовала близости чуждыхъ неземныхъ силъ. Только сознаніе момента исчезло и вмѣсто этого на нее снизошла похожая на полусонъ иллюзія мира. Передъ ней встала картина ея теперешняго существованія. Ей казалось, что она чувствовала-бы себя счастливой, если бы только не должна была возвращаться домой. Несомнѣнно, что комната, въ которой человѣкъ спитъ, слѣдуетъ за своимъ обитателемъ всюду, куда бы онъ ни пошелъ, и онъ всегда, не сознавая

этого, носитъ съ собой тѣ ощущенія, которыя переживаетъ въ ней.

Такъ далека была Рената отъ благоговѣйнаго трепета. Для молитвы ей нужно было размышленіе, а мысль о Божествѣ была для нея чѣмъ-то родственнымъ мысли о смерти. Гудштиккеръ стоялъ возлѣ нея въ полномъ пониманія молчаніи, въ позѣ человѣка съ интересной головой. Онъ, какъ губка, впитывалъ въ себя настроеніе церкви, думалъ, что Ренату преисполняютъ мистическіе потоки поэтически-религіозныхъ чувствъ, и, когда они повернулись уходить, онъ постарался поймать ея взглядъ и отвѣтилъ на него понимающимъ и сочувственнымъ взглядомъ своихъ темныхъ глазъ. Между тѣмъ Рената была скорѣе въ состояніи отупѣнія. Обмѣнъ взглядами заставилъ ее покраснѣть отъ стыда, потому что она поняла, что онъ думаетъ совершенно другое.

Солнце уже стало близко къ верхушкамъ деревьевъ, когда они вошли въ паркъ Нимфенбургскаго замка. Заманчиво вились изящныя дорожки, на тихихъ прудахъ съ надменной важностью плавали лебеди, а фасадъ замка сверкалъ, какъ бѣлый мраморъ. Рената взяла руку, которую предложилъ ей Гудштиккеръ, и они нѣсколько времени шли молча. Затѣмъ Гудштиккеръ, выйдя изъ задумчивости, спросилъ:

— Какъ вы, собственно, представляете себѣ свою будущую жизнь?

Рената устремила неподвижный взглядъ на придорожные кусты. Передъ ней точно отдернули занавѣсъ, но оказалось, что за нимъ скрывается другой, только неподвижный. Какъ она представляла себѣ свою жизнь? Анна Ксиландеръ съ вещами прислала и сто пятьдесятъ марокъ, остатокъ капитала Ренаты. Развѣ это недостаточно опредѣляло будущее? Затѣмъ ей показалась, что въ вопросѣ Гудштиккера есть что-то оскорбительное, и ея лицо нервно дрогнуло. Она покачала головой, высвободила руку и закусила нижнюю губу. Гудштиккеръ, который не могъ понять, въ чемъ собственно заключался его промахъ, сталъ говорить о трудности жизни вообще, о невозможности истиннаго взаимнаго пониманія. Тотъ, кто стремится къ этому, похожъ на архитектора, который хочетъ перебросить мостъ отъ одной звѣзды къ другой. Правда, симпатія представляетъ собой нѣчто въ родѣ идеальнаго моста. И онъ можетъ смѣло сказать, что такъ симпатично, какъ Рената, ему давно не было ни одно человѣческое существо. Онъ не можетъ распространяться объ этомъ подробнѣе, вообще онъ не любитель словъ. Но раньше, когда онъ утромъ просыпался, онъ чувствовалъ страстное желаніе сейчасъ-же опять вернуться къ тому пріятному состоянію

небытія, которое называется сномъ. Весь міръ вызывалъ у него ощущенія горечи. Теперь совсѣмъ иначе.

Рената молчала и не мѣняла выраженія лица, но въ душѣ она ощущала опьяняющую и убаюкивающую теплоту. Они стояли у края парка, у забора, по ту сторону котораго были широкіе луга. Аккуратное рококо сада мало-по-малу смѣнилось запущенностью англійскаго парка. Подъ заборомъ, по поросшимъ лѣсомъ камнямъ съ журчаньемъ бѣжалъ ручей. Наверху на одномъ изъ старыхъ деревьевъ долбилъ дятелъ, щебетала синица. Вечернее солнце, окруженное красной дымкой, давало далекимъ облакамъ огненные, контуры, и, точно выступивъ изъ пропасти, выдѣлялись на нихъ сѣро-голубыя горы. Рената прислонилась лбомъ къ одной изъ истлѣвшихъ жердей плетня и застывшимъ взглядомъ смотрѣла на дерево. Просверленныя червями дыры казались ей, благодаря близкому разстоянію, огромными, какъ отверстія подземныхъ лабиринтовъ, глаза ея горѣли отъ скопившихся слезъ. Она не могла овладѣть собою, и въ мохъ и траву упало нѣсколько капель. Виноваты въ томъ были не образы и не мысли, а, можетъ быть, только тишина и уединенность мѣста, въ которомъ не было ничего, вызывающаго воспоминанія. Ея колѣни дрожали, и къ слезамъ присоединилась безудержная тоска, которая еще усиливалась оттого, что она въ присутствіи чужого человѣка выказала себя такой слабой и жалкой. Ангелюсъ съ выжидающимъ и безпокойнымъ видомъ сидѣлъ на кротовинѣ; онъ, казалось, понималъ все, что происходило, и былъ искренно огорченъ. Рената быстро отвернулась отъ плетня, растерянно и смущенно улыбнулась и погладила собаку.

Гудштиккеръ взялъ ее за обѣ руки; она не сопротивлялась. Та-же улыбка опять появилась на ея устахъ, и они молча стояли другъ противъ друга, глядя на небо, краснота котораго становились все болѣе яркой и пылающей.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

I.

Съ этихъ поръ небо надъ Ренатой становилось все темнѣе и темнѣе.

Вечеромъ, послѣ возвращенія изъ Нимфенбурга, Гудштиккеръ уѣхалъ въ Нюрнбергъ. Его пребываніе тамъ, вызванное какимъ-то дѣломъ о наслѣдствѣ, должно было продлиться недолго. Когда Рената въѣхала въ грязную, плохо освѣщенную улицу, эту Швиндштрассе которая лежитъ на западномъ

краю города, ею овладѣла грусть. Кругомъ стояли высокіе мрачные дома, и почти въ каждомъ окнѣ виднѣлся свѣтъ жалкой лампы. Небо такое лазурное раньше, стало сѣрымъ и хмурымъ, передъ всѣми воротами стояли плохо одѣтые люди, лѣниво бесѣдовавшіе; между тротуарами бѣгали дѣти и кричали, что очень сердило Ангелюса. Взадъ и впередъ ходили дамы, ища желающихъ заплатить имъ за вечернюю прогулку, и всѣ онѣ жили въ этихъ домахъ, изъ которыхъ выползали когда заходило солнце и куда возвращались, когда наступалъ день. Когда Рената съ подкашивающимися ногами взбиралась по многочисленнымъ ступенькамъ, которыя были темны и при каждомъ шагѣ сердито скрипѣли, ее охватила почти жгучая тоска по только что прошедшему часу въ солнечномъ и цвѣтущемъ паркѣ. Ангелюсъ побѣжалъ впередъ, вернулся, опять побѣжалъ впередъ, подождалъ на площадкѣ и не могъ понять, почему его госпожа такъ медленно поднимается по такой непривлекательной лѣстницѣ. Нѣтъ, думалъ Ангелюсъ, это не годится, отсюда я выберусь, какъ только будетъ возможность. Рената увидѣла, какъ изъ-за стѣны выдвинулось чье-то лицо; было подозрительно и многозначительно осклабившееся лицо кучера, везшаго ее, и ее буквально преслѣдовало воспоминаніе о томъ, какъ онъ недовѣрчиво поднесъ къ самымъ глазамъ монету, которую она дала ему.

Добравшись, наконецъ, до своей комнаты, она прежде всего открыла окна, такъ какъ было невыносимо душно. Затѣмъ она сняла лифъ, сбросила корсетъ и безшумно упала на кушетку. Она долго лежала, не двигаясь; руки ея безсильно свѣшивались внизъ. Она не знала, что ей думать: ею овладѣла полная неспособность къ мышленію. Ботинки давили ей ноги, но подняться, чтобы снять ихъ, она не могла. Вандереръ всегда оказывалъ ей эту услугу, на которую смотрѣлъ, какъ на свою обязанность. Со своего мѣста на кушеткѣ Рената могла видѣть звѣзды, которыя размножались передъ ея глазами, какъ будто каждая разсыпала по небу десять другихъ. Вѣдь уже май,—вдругъ подумала она, и влажный, теплый воздухъ, вливавшійся въ окна, коснулся ея висковъ, точно прохладная, призрачная рука. Затѣмъ она внезапно заснула; она почти сознавала моментъ, когда потеряла сознаніе. Въ комнату ворвалось множество людей, но нельзя было различить ни одного лица. Всѣ что-то бормотали, казались разстроенными или взволнованными и не рѣшались проявить это. Одинъ пошелъ и спокойно свернулъ Ангелюсу шею, а кучеръ ножницами отрѣзалъ Ренатѣ волосы. Затѣмъ пришли ночныя дамы и стали танцовать на рукахъ, а одна старуха надѣла волосы Ренаты себѣ на шею,

какъ боа. Она проснулась, и люди исчезли. Снизу уже не доносилось шума, улица спала, весь міръ спалъ, за исключеніемъ Ренаты.

Она забыла запереть дверь въ сѣни; теперь она сдѣлала это. Она зажгла свѣчу, сняла ботинки и раздѣлась. У окна висѣло маленькое зеркальце; она взяла его, сѣла и долго съ усталымъ любопытствомъ разсматривала свое лицо. Чужое лицо. Она чуть не посмотрѣла, какъ дѣти, за стекло. Ангелюсъ подкрался къ ней; онъ жаждалъ ласкъ; она удовлетворила его желаніе. Затѣмъ она взяла рабочую корзинку, починила свои платья, прикрѣпила тамъ оторвавшуюся тесьму, здѣсь отпоровшійся рюшъ; часы лѣниво ползли, о снѣ уже нечего было думать. Такъ какъ она еще не ужинала и была голодна, она достала яблокъ и хлѣба— и то и другое было дома,—и поѣла. Но ей было холодно, и она спряталась подъ перину и лежала съ открытыми глазами, мучимая тяжелыми видѣніями.

Она лежала до поздняго утра; она была такъ утомлена, что все тѣло ея нуждалось въ покоѣ. Наконецъ, когда въ окружавшемъ ее одиночествѣ началъ говорить даже пустой воздухъ, она встала и одѣлась для выхода, хотя не знала, куда идти. На лѣстницѣ она встрѣтила почтальона съ письмомъ отъ Гудштиккера изъ Нюрнберга. Это было нѣсколько строкъ, немного сантиментальныхъ, немного покровительственныхъ; кончались онѣ „полнымъ нетерпѣнія привѣтомъ“.—Идемъ, Ангелюсъ,—сказала Рената,—пойдемъ погуляемъ, моя славная собака.

Она медленно пошла по направленію къ Людвигштрассе; по дорогѣ она отъ усталости остановилась и долго смотрѣла, какъ солдаты упражнялись во дворѣ казармы. День лежалъ передъ ней точно длинная дорога, такими-же были вечеръ и ночь.

Это одиночество казалось ей невыносимымъ, и сердце ея переставало биться, когда она думала о томъ, что оно можетъ продолжаться цѣлыя недѣли. Ей пришло въ голову навѣстить Елену Брозамъ; принявъ это рѣшеніе, она почувствовала себя счастливой. Хорошо было бы разсказать все Еленѣ,—подумала она, но когда она очутилась наверху, и маленькая женщина сидѣла напротивъ нея, она удивилась, что пришла сюда, и еще больше тому, что думала найти слова для всего, омрачавшаго ея душу. Мѣщанская атмосфера; всѣ вещи стояли точно такъ, какъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Наверху висѣлъ портретъ красавца-мужа съ полнымъ достоинства выраженіемъ лица; онъ будетъ висѣть до смерти оригинала и даже послѣ нея. На столѣ, какъ драгоцѣнное украшеніе, лежала книга съ авторской

надписью Гудштиккера. Очевидно, друзья и знакомые должны были видѣть, какіе знаменитые люди бываютъ въ домѣ. Слова свѣтились сквозь переплетъ, какъ огонь: „душа, которая въ тебѣ жила, плыветъ къ далекимъ небесамъ, чтобъ всѣ страданія твои осмыслить и понять лишь тамъ". Елена была такъ холодна и сдержанна, что Рената невольно, точно робкое дитя, говорила тише.

— Что подѣлываетъ господинъ Гудштиккеръ? Какъ онъ поживаетъ?—спросила Елена, презрительно сморщивъ носъ и со страннымъ нетерпѣніемъ болтая ногами. — Вѣдь вы часто встрѣчаетесь съ нимъ, вмѣстѣ катаетесь?

— Вотъ какъ? Объ этомъ уже извѣстно,—съ невиннымъ изумленіемъ отвѣтила Рената.

— Извѣстно бываетъ все,—рѣзко сказала Елена, и ея лобъ медленно покраснѣлъ.—Все. И вамъ слѣдуетъ быть осторожнѣе, Рената, да, именно вамъ!

— Именно мнѣ?

Елена вскочила и обѣими руками взялась за голову.

— Эта жизнь противна мнѣ до смерти,—произнесла она хриплымъ голосомъ, въ которомъ прорывались шипящіе звуки. Но въ этотъ моментъ послышались поскрипывающіе шаги доктора, и Елена съ необыкновеннымъ искусствомъ приняла опять спокойный видъ. Докторъ вошелъ, увидѣлъ Ренату, казалось, удивился, высоко поднялъ брови и поклонился сухо и высокомѣрно. Затѣмъ онъ зашагалъ по комнатѣ, точно олицетвореніе міровой нравственности. Рената нерѣшительно смотрѣла въ уголъ, хотѣла встать, проститься, но ее точно приковалъ къ мѣсту ледяной взглядъ доктора, который подошелъ къ ней и остановился передъ ней въ внѣшне-почтительной позѣ.

— Сударыня,—мягко сказалъ онъ, скрещивая руки на груди,—я веду жизнь, которая зорко контролируется обществомъ. Къ сожалѣнію, я принужденъ слѣдить за тѣмъ, чтобы въ моемъ домѣ не бывали особы, которыя скомпрометировали себя, своимъ-ли собственнымъ образомъ жизни или сношеніями съ людьми, изгнанными изъ общества. И то, и другое я принужденъ...

— Бога ради, замолчите, я ухожу, я ухожу уже,—прошептала Рената, блѣдная, какъ мѣлъ.

Она выбѣжала съ бурно вздымавшейся грудью... Ей казалось, что ее избили. Неужели это несносное солнце будетъ вѣчно свѣтить? И только теперь зазеленѣли деревья? Можно было бы подумать, что наступила зима, потому что въ сущности было холодно. Неужели-же я такая, что меня можно оскорблять?—подумала она, остановившись на углу

и прижавъ руку къ горлу.—Жить, дѣйствительно, не особенно пріятно,—въ уныніи думала она.

Цѣлый часъ она бродила по улицамъ. Домой она не хотѣла идти. Пребываніе въ этой квартирѣ казалось ей связаннымъ съ опасностями. Проходя мимо театра, она посмотрѣла на афишу, зашла въ кассу и купила билетъ, хотя уже опять забыла, что играютъ. Но она торопилась, въ шесть часовъ начиналось представленіе, а теперь было три четверти шестого. Ей надо было пристроить куда-нибудь собаку, которая, какъ вѣрный другъ, плелась за нею, въ самомъ лучшемъ настроеніи, полная вѣры въ будущее. Она надѣялась, что музыка залѣчитъ раны отъ ударовъ плетьми. Она дала швейцару находившагося напротивъ отеля денегъ и попросила его присмотрѣть за собакой. Ангелюсъ, какъ будто понимая, въ чемъ дѣло, покорился съ великодушнымъ спокойствіемъ.

Шли „Тристанъ и Изольда". Рената была немного разочарована, такъ какъ помнила, что когда-то скучала на представленіи этой оперы. Но съ ней случилось что-то волшебное. Эта музыка дѣйствовала на нее, какъ вино, которое пьютъ изъ невидимаго бокала. Ей было страшно своей собственной жизни; она съ удвоенной отчетливостью чувствовала свои страданія. И все это исчезло, чтобы дать мѣсто жгучей жаждѣ самоотреченія, чтобы дать ей возможность найти то, на поиски чего она пустилась въ путь. Казалось, ни одинъ уголокъ ея сердца не остался неосвѣщеннымъ; только теперь поняла она самое глубокое, самое основное стремленіе своего существа, и она привѣтствовала въ тиши далекаго Творца, даровавшаго ей это знаніе.

II.

Придя, по возвращеніи изъ Нюрнберга къ Ренатѣ, Гудштиккеръ много разсказывалъ ей о своей родинѣ и о томъ, какъ ему докучали всякія чествованія. Онъ разсказалъ, что его съ непреодолимой силой потянуло въ мрачную, но мирную равнину, и однажды днемъ онъ собрался въ путь и пѣшкомъ отправился черезъ старую крѣпость въ Цирндорфъ, хотя теперь тамъ уже проходитъ желѣзная дорога. Идя туда, онъ долго думалъ о юномъ Агатонѣ Гейерѣ, который дѣлалъ тамошній воздухъ буквально чище своимъ мечтательнымъ существомъ.

— Кто это?—спросилъ Рената.

— Развѣ я вамъ не разсказывалъ о немъ?

— Я смутно вспоминаю. Это былъ юный фантазеръ или пророкъ, или что-то въ этомъ родѣ?

— Да-да. Богъ знаетъ, гдѣ онъ теперь. Въ немъ былъ матеріалъ для настоящаго человѣка. Говорятъ, что онъ живетъ въ Галиціи, Богъ знаетъ почему. Я еще вижу его передъ собой, точно юнаго Давида. Но если я узнаю, что онъ за это время предалъ какого-нибудь Урію, я не удивлюсь. Въ наше время нѣтъ чистыхъ мужчинъ.

Рената съ удивленіемъ посмотрѣла на него и отвѣтила:

— Женщинъ ужъ навѣрно.

— Возможно, Рената.

— Вы такъ грустны сегодня.

— Да, вы правы. Весна лежитъ у меня въ костяхъ, точно свинецъ. Скажите, Рената, расположены ли вы ко мнѣ немножко?

— О, да!—отвѣтила Рената съ боязливой улыбкой.

— Не заключить-ли намъ дружбу?

— Но вѣдь это мы сдѣлали и безъ того.

— Конечно. Но представьте себѣ, у меня такое безумное желаніе, въ качествѣ друга, поцѣловать васъ.

— Нѣтъ, этого не надо,—торопливо отвѣтила Рената, встала, подошла къ нему и прислонилась лбомъ къ стеклу. Далеко внизу она увидѣла какую-то черную фигуру.—Это моя судьба,—подумала она; она идетъ по улицѣ, отрываетъ глаза и въ упоръ смотритъ на меня.

Затѣмъ Гудштиккеръ немного нерѣшительно предложилъ Ренатѣ пойти съ нимъ куда-нибудь и, такъ какъ она не хотѣла оставаться одна, то согласилась. Они пошли въ café на Амаліенштрассе, гдѣ Гудштиккеру, въ качествѣ знаменитаго завсегдатая, охотно предоставляли мѣсто у окна; онъ воспользовался этимъ съ особенной радостью теперь, когда съ нимъ была эта красивая дѣвушка, возбуждавшая вниманіе.

Оберъ-кельнеръ Францъ скромно улыбался. Онъ былъ джентльмэнъ, болѣе безупречный, чѣмъ лучшій изъ посѣтителей. Онъ уже много лѣтъ жилъ невеселой жизнью кельнера и умѣлъ разбираться въ людяхъ. Но онъ любилъ и игру, и танцы, и веселые мотивы.

Такъ началась эта жизнь. Не съ игрой и танцами и безъ веселья. Утромъ Рената бывала одна; въ часъ служанка изъ сосѣдняго ресторана приносила въ закрытой корзинкѣ обѣдъ. Меню составляли почки, мозгъ, грудинка—все телячье; картофель и зеленый салатъ, зеленый салатъ и картофель. Рената едва могла проглотить нѣсколько кусковъ, такъ какъ все было безвкусно и отзывалось кабакомъ. Затѣмъ приходилъ Гудштиккеръ и, если была хорошая погода, она ходила съ нимъ гулять куда-нибудь за городъ. Тогда Гудштиккеръ говорилъ о своей жизни, и иногда казалось, что его слова гладко и быстро катятся на шинахъ. Онъ говорилъ о своей

миссіи или, по крайней мѣрѣ, о той миссіи, которая преисполняла его когда-то, говорилъ о своихъ планахъ, о своихъ переживаніяхъ, о своемъ міровоззрѣніи, о своемъ плохомъ или хорошемъ настроеніи, своемъ одиночествѣ, своихъ разочарованіяхъ. Для него расцвѣтало все въ природѣ, для него шумѣла рѣка, куковала кукушка, ползъ муравей, сверкало въ голубомъ сіяніи лѣта небо. И Рената слушала и слушала, смотрѣла на все его глазами и казалась себѣ маленькой, какъ робкій червякъ въ пескѣ. Если міръ интересовъ мужчины былъ такъ обширенъ, чѣмъ могла быть для него она?

Въ плохую погоду они ходили въ кафе. Тамъ къ столу Гудштиккера подходили люди, навязчивые и любопытные; они роняли нѣсколько безцвѣтныхъ словъ и граціозно покручивали свои усы. Рената познакомилась со всѣми ими и привѣтствовала ихъ обыкновенно кивкомъ головы, говорившимъ: что-жъ, я ничего не имѣю противъ. Гудштиккеръ сказалъ, ей, что все это образованные и, въ своемъ родѣ, значительные люди. Одинъ чувствовалъ себя несчастнымъ изъ аристократовъ, другой—черноволосый, шумливый, этотъ былъ гордъ, какъ польскій акробатъ. Были здѣсь и художники; у одного изъ нихъ было испитое лицо, изо всѣхъ поръ котораго сочилась усталость; другой изображалъ изъ себя страстную натуру и все дѣлалъ видъ, что вотъ-вотъ онъ загорится; это должно было казаться его большой заслугой и свидѣтельствомъ оригинальности. Всѣ они не казались Ренатѣ ни смѣшными, ни трагичными. „Такъ вотъ—думала она, каковы мужчины, которымъ мы хотимъ нравиться, пока не знаемъ ихъ. Мужчины, которые говорятъ о женщинахъ, точно о воскресномъ развлеченіи, которое можно позволить себѣ и въ будни. И когда заходитъ рѣчь объ извѣстныхъ вещахъ, они улыбаются, какъ будто не желая выносить соры изъ избы“.

Ужинала Рената вмѣстѣ съ Гудштиккеромъ въ какомъ-нибудь ресторанѣ или-же въ ателье. Въ послѣднемъ случаѣ Гудштиккеръ покупалъ въ гастрономическихъ магазинахъ дорогихъ закусокъ; онъ просиживалъ у нея цѣлые часы и читалъ ей вслухъ изъ книги или же изъ рукописи. Вначалѣ онъ уходилъ въ десять часовъ, потомъ сталъ оставаться до часу, двухъ, трехъ часовъ ночи. Разговоръ часто шелъ о самыхъ отвлеченныхъ предметахъ. Гудштиккеръ, въ совершенствѣ владѣвшій словомъ, умѣлъ пробудить тоску по вещамъ, которыхъ мѣсто, можетъ быть, на небесномъ сводѣ, если вообще онѣ существуютъ въ нашемъ мірѣ. Такъ проходили недѣли. Приближался конецъ мая. Для людей—это было ясно—Рената была возлюбленной Гудштиккера; взгляды

и мины, имѣвшіе отношеніе къ этому, были достаточно недвусмысленны. Она знала это, и это было ей безразлично. Она думала, что это безразлично и ему, и не хотѣла касаться этой темы. Гудштиккеръ самъ заговорилъ объ этомъ. Рената сидѣла, слегка открывъ ротъ, и молчала.

— Что-жъ дѣлать,—продолжалъ Гудштиккеръ.—Я со своей стороны могу только сказать, что было-бы хорошо, если бы люди были правы.

— Это все равно, какъ если бы кто-нибудь укралъ только потому, что его подозрѣваютъ,—рѣзко отвѣтила Рената.

— И это все? Это все, что вы чувствуете при этомъ, Рената?

— Да.

Гудштиккеръ положилъ книгу, которую собирался читать. Рената со страхомъ и глубокимъ разочарованіемъ смотрѣла на его омрачившееся лицо. Она почувствовала страхъ передъ тѣмъ, что онъ можетъ порвать дружескія отношенія съ нею, и это заставило ее съ дрожью сознать свой позоръ. Она ясно увидѣла, что скользитъ по наклонной плоскости. За ужинъ заплатилъ *онъ*, Гудштиккеръ, за квартиру платилъ онъ, хотя и отъ имени Ирены, а скоро Ренатѣ надо будетъ новое платье—что будетъ тогда? Между тѣмъ Гудштиккеръ всталъ и обнялъ ее рукой за плечи. Въ своей растерянности она сидѣла, точно застывъ. Она думала: это, навѣрно, дружеская ласка. Но онъ отогнулъ ея голову назадъ, и она увидѣла его глаза такъ близко, что могла-бы сосчитать рѣсницы, что ясно видѣла всѣ морщины на его налившемся кровью лбу и голубоватую толстую жилу на вискѣ. Но ей казалось, что не ея, а чьи-то чужія уста ощутили поцѣлуй и чья-то чужая рука съ яростной силой оттолкнула напиравшую грудь.

III.

Нѣсколько минутъ спустя, Гудштиккеръ взялъ свою шляпу, пригладилъ влажные спутавшіеся волосы, поклонился и направился къ двери.

Рената съ удивленіемъ смотрѣла на свои руки и терла ладони одна о другую, какъ будто стараясь что-то стереть съ нихъ. Вдругъ она замѣтила, что осталась одна, и по ея тѣлу пробѣжалъ холодокъ. Какъ хорошо было бы заснуть! Но постель казалась ей снѣжнымъ полемъ, и она не рѣшалась раздѣться. Она безъ устали ходила по комнатѣ вдоль и поперекъ, по всѣмъ направленіямъ. Печь была нетоплена; шелъ дождь, былъ холодный майскій вечеръ. Да маленькая желѣзная печь не давала тепла и зимой. Безконечное

хожденіе утомило ее, и она остановилась передъ зеркаломъ. Она нашла, что все еще хороша собой. Блѣдное, полное ожиданія лицо, казавшееся въ зеркалѣ такимъ чужимъ, еще дышало юностью. Впадины на внутреннемъ контурѣ щекъ придавали благородное выраженіе сознательности и страданія. Губы были все еще слегка открыты, какъ будто отъ жажды, въ глазахъ было выраженіе фаталистической задумчивости. Кругомъ было одиночество, гнетущее одиночество; о крышу стучалъ дождь.—Если бы Гудштиккеръ вернулся,— думала она, забывъ происшедшее.

Когда на слѣдующій день наступилъ часъ, въ который онъ обыкновенно приходилъ, она, повидимому, безучастно продолжала лежать на кушеткѣ. Но она со страхомъ прислушивалась къ каждому звуку. Онъ пришелъ, вошелъ въ комнату, — дверь въ коридоръ не была заперта,—и Рената была такъ измучена напряженнымъ ожиданіемъ, что едва могла отвѣтить на его привѣтствіе. Онъ сталъ на колѣни и обнялъ ее рукой за шею. Она не сопротивлялась. Онъ поцѣловалъ ее. Она не сопротивлялась. Она не ощутила ничего, даже дружескаго чувства, когда онъ прикоснулся къ ея губамъ, только страхъ передъ одиночествомъ и передъ нуждой. Теперь она знала, что такое деньги, и, лежа, точно мертвая съ закрытыми глазами, она съ жгучей отчетливостью думала о томъ, купилъ ли ей Гудштиккеръ новое платье. Въ своемъ она уже не могла выходить въ лѣтніе дни на улицу. Но горло у нея сжималась. Чуть не вырвалось запоздалое рыданіе, затѣмъ все прошло.

Такъ пошло и дальше. Теперь, когда Гудштиккеръ приходилъ, онъ ужъ не читалъ и почти не говорилъ. Онъ былъ поглощенъ ласками, и такъ какъ Рената страстно воспротивилась физической близости, и онъ потерялъ всякую надежду на это, то онъ пользовался всякимъ средствомъ, чтобы разжечь ея чувственность и заставить ее сдѣлать это въ безсознательномъ состояніи. Напрасно. Иногда это казалось ему тщеславной разсчетливостью, иногда суровой недоступностью. Иногда онъ думалъ, что она ненавидитъ его, иногда—что безмѣрно любитъ—послѣднее охотнѣе. Такъ проходили часы, проходилъ вечеръ, ночь въ безплодныхъ завоеваніяхъ, въ лихорадочныхъ ласкахъ, въ остававшихся безъ отвѣта поцѣлуяхъ, въ неуслышанныхъ признаніяхъ. И чѣмъ больше погружалась Рената въ эту тину, тѣмъ больше она теряла ясность представленія и, казалось, она сама и ея тѣло, ставшее игрушкой жалкой карикатуры на любовь, были двумя совершенно различными предметами. Ея жизнь съ этимъ человѣкомъ въ сущности не могла быть названа жизнью. Въ удушливой атмосферѣ были они рядомъ, онъ—слѣпой

отъ распаленныхъ желаній, она—гибнущая изъ страха передъ гибелью.

Теперь къ Ренатѣ въ послѣобѣденные часы приходило много народу. Гудштиккеръ убѣдилъ ее устроить нѣчто въ родѣ пріемнаго дня. Дѣлалось все это якобы для развлеченія Ренаты, въ сущности-же потому, что Гудштиккеръ по манерѣ своихъ друзей держать себя съ Ренатой хотѣлъ судить, на сколько ему удалось растворить ея существо въ своемъ также изъ хвастовства. Онъ спросилъ одного изъ гостей, молодого человѣка, котораго Рената совершенно не знала:—Какъ вы находите ее, милый Веберъ?—только для того, что-бы наблюдать дѣйствіе, которое производила мысль о Ренатѣ на какого-нибудь другого мужчину. Милый Веберъ и какой-то выбритый субъектъ съ грязнымъ, собачьимъ блескомъ въ глазахъ предупредительно и смущенно улыбнулись. Это были бѣдняки, перехватывавшіе чашку чая, гдѣ приходилось, и если къ этому подавали еще хлѣбъ и ветчину, то ихъ день могъ считаться великолѣпнымъ. Въ воздухѣ носились чудеса: явился и Стиве. Оказалось, что онъ совершенно порвалъ съ Анной Ксиландеръ. Онъ привелъ съ собой какую-то даму, которая была въ очень приподнятомъ настроеніи и при всякомъ случаѣ поднимала платье до колѣнъ. Двое другихъ тоже привели своихъ возлюбленныхъ, которыя обращались съ Ренатой, какъ съ коллегой, и пожелали осмотрѣть ея бѣлье. На небольшой деревянной вѣшалкѣ висѣло новое платье Ренаты—изъ свѣтлой тонкой ткани, все въ кружевахъ, продуктъ лучшей мастерской города. Оно было предметомъ восхищенія. Стиве, казалось, совершенно измѣнился. Онъ разыгрывалъ вѣтренника или-же былъ имъ. Это имѣло такой видъ, какъ будто онъ демонстрировалъ: смотрите, какъ чудесно быть въ веселомъ настроеніи. Появился и главный козырь Гудштиккера, его издатель, богатый капиталистъ изъ Лейпцига, который хотѣлъ познакомиться „съ жизнью здѣсь на югѣ“. Онъ былъ такъ полонъ благоволенія, что его хватило бы на нѣсколько семействъ. Онъ обладалъ характернымъ остроуміемъ юмористическихъ листковъ и представлялъ собой типичнаго туриста-мѣщанина, который смотритъ на все съ похотливымъ любопытствомъ и слово „приключеніе“ произноситъ, прищелкивая языкомъ. Онъ нашелъ здѣсь то, чего ожидалъ, и его стремленіе не отставать отъ другихъ проявилось на дѣлѣ. Вслѣдъ за нимъ явился посыльный, принесшій корзину, полную бутылокъ вина; этимъ бойкій сѣверянинъ сразу завоевалъ всѣ симпатіи. Если раньше онъ казался безпричинно веселымъ, то теперь въ его веселости появилось что-то лягушечье, и онъ, не взирая на свое брюшко, взлѣзъ на столъ

и сталъ держать рѣчь, всю состоявшую изъ междометій. Стиве скоро сталъ красенъ, какъ пѣтушиный гребень. Казалось, онъ хотѣлъ все горе своей жизни утопить въ бутылкѣ шампанскаго. Бритый молодой человѣкъ ударился въ философію и доказывалъ абсурдность эпикуреизма, а милый Веберъ счелъ нужнымъ снять сюртукъ, провелъ мѣломъ черту по полу и заявилъ, что это экваторъ. Всѣ три дамы пылали чувственнымъ огнемъ и говорили колкости Ренатѣ, которая неподвижно стояла, прислонившись къ стѣнному шкафу. До сихъ поръ никто не подумалъ о томъ, чтобы зажечь лампу, хотя уже стало темно. Вдругъ дверь распахнулась, и на порогѣ появилась Ирена Пунтшу. Она остановилась въ изумленіи. При неясномъ свѣтѣ, который еще отбрасывало западное небо, Рената увидѣла, что взглядъ Ирены проницательно устремленъ на нее. Затѣмъ она заглянула въ глаза своего Ангелюса, которые какъ будто съ упрекомъ сверкали въ темнотѣ. Она вскрикнула, сдѣлала нѣсколько шаговъ, схватила Ирену за плечи, стиснула зубы и, прижавшись къ ней, разразилась раздирающимъ душу плачемъ. Это продолжалось довольно долго, и герои смѣшной оргіи стояли вокругъ въ тупомъ недоумѣніи.

IV

Изъ дневника Гудштиккера.

Май.

Нѣтъ ничего болѣе загадочнаго, чѣмъ отношенія между мною и Р. Ф. Вѣроятно даже, что только эта загадочность и дѣлаетъ меня такимъ постояннымъ. Когда я сижу подлѣ нея, я чувствую, что безразличенъ ей, но когда я вхожу въ комнату, ея глаза сверкаютъ мнѣ навстрѣчу. Немного есть людей, у которыхъ прошлое такъ отражалось бы во взглядѣ. Съ другой стороны, кажется, что она, безсознательно выполняя какую-то миссію, живетъ только будущимъ. Я для нея, очевидно, только нѣчто, на чемъ она пробуетъ свои чувства. Болтовня о цѣломудренной заботливой женщинѣ-хозяйкѣ скоро должна будетъ прекратиться за недостаточностью примѣровъ. Женщины, очевидно, начинаютъ жить и хотятъ чувствовать, что живутъ. Это не имѣетъ ничего общаго съ нелѣпой фразой о свободной любви, которая уже стала темой для подростковъ. Падшихъ женщинъ нѣтъ, за исключеніемъ тѣхъ, которыя завѣдомо продаются. Любовь не можетъ привести женщину къ паденію. Признавъ это, мы положимъ конецъ бреду третьяго пола, изъ за недоразумѣнія измѣнившаго природѣ. Я начи-

наю чувствовать себя ниже такого существа, какъ Р. Ф. Я думаю, что она геніальна. Въ другой формѣ женщина не можетъ проявить этого качества. Этимъ слѣдовало бы заняться; это нѣчто новое. А что такое я? Спускаешься до роли шпіона. Я вообще не знаю мужчины, который былъ бы равноцѣненъ такому существу. Мы вступаемъ въ эпоху новыхъ масштабовъ для сужденія о женщинѣ. Происходитъ глубокая внутренняя революція. Достичь ясности еще невозможно. Куда ни посмотришь, всюду непонятыя женщины, несчастные браки, подавленная тоска, подземное пламя. Буржуазная семья ограждаетъ себя лохмотьями понятій приличія и добродѣтели, изъ ста поэтовъ девяносто девять съ половиной—на службѣ у семьи и моды, а то, что остается—гниль. Мужчина важно расхаживаетъ, всегда „помня свое назначеніе", хлопаетъ себя по ляжкамъ и по прежнему провозглашаетъ свою божественную миссію. Такъ женщина, которая не принадлежитъ намъ или за которой мы не гонимся, сдѣлалась подобной тѣмъ звѣздамъ, о которыхъ нашъ смѣшной эгоизмъ не хочетъ допустить, что и онѣ обитаемы, полны жизни. Я вспоминаю бѣднаго Бойезена—давно прошедшія времена!—который имѣлъ обыкновеніе говорить: „мужчина перестаетъ искать тамъ, гдѣ женщина только начинаетъ. Тамъ, гдѣ она пробуждается, онъ засыпаетъ". Все это надо запомнить для работы.

Май.

Нѣсколько неловко инсценированный вечеръ съ издателемъ. Субъектъ проявилъ наклонности Казановы. Но я надѣюсь этимъ добиться выгоднаго контракта. Если бы я не былъ Гудштиккеромъ, я хотѣлъ бы быть свиньей. Тогда грязь не была бы противна. Р. Ф. совершенно преобразилась. Вечеромъ она мрачнымъ тономъ сказала, что въ ея положеніи скоро произойдетъ перемѣна, и сдѣлала таинственные намеки на какое-то письмо. Въ концѣ концовъ Ирена сказала мнѣ, что Р. Ф. въ ту же ночь написала отчаянное письмо старому другу ихъ семьи, гдѣ просила помочь ей найти какое-нибудь мѣсто. Она заявила, что не боится самой тяжелой работы. У меня былъ съ ней продолжительный разговоръ, оставшійся безрезультатнымъ. Вечеромъ мы пошли въ кафе, и художники ухаживали за ней. Одному, который предложилъ сдѣлать ея портретъ, она расхохоталась въ лицо. Затѣмъ произошла сцена, которой я никогда не забуду. Еще днемъ она сказала мнѣ, что ей снился родительскій домъ. На улицѣ она говорила о своемъ отцѣ, описывала его характеръ. Людей, которыхъ она описываетъ, она умѣетъ въ немногихъ словахъ изобразить выпукло, прямо пластически. Итакъ, мы сидимъ въ кафе, и вдругъ

Р. Ф. вскакиваетъ, и ея лицо становится совершенно сѣрымъ. Она протягиваетъ впередъ руки, протягиваетъ даже пальцы на рукахъ. Болтовня за столомъ умолкаетъ. Я вижу, что въ кафе входятъ четверо людей. Фабриканта Ф. я зналъ еще раньше. Двѣ бывшія съ нимъ дѣвушки, несомнѣнно, сестры Р. Ф. Старшая, болѣе красивая, шла объ руку со статнымъ молодымъ человѣкомъ, очевидно, женихомъ. Она кажется блѣдной копіей Р. Ф. Фабрикантъ замѣтилъ эту послѣднюю, съ лица его исчезла вся краска, его голубые глаза потемнѣли, онъ два раза плюнулъ на полъ, съ жестомъ отвращенія повернулся къ двери и, приказавъ остальнымъ слѣдовать за собой, вышелъ изъ кафе. Младшая сейчасъ же побѣжала за нимъ, какъ вспугнутая курочка, старшая еще нѣсколько времени не то равнодушно, не то нерѣшительно смотрѣла на Р. Ф., но, замѣтивъ вниманіе окружающихъ, покраснѣла и ушла съ молодымъ человѣкомъ. Р. Ф. медленно заняла свое мѣсто, провела рукой по волосамъ, быстро выпила одинъ за другимъ три стакана вина и стала очень весела. Я испугался. Я попробовалъ вовлечь ее въ серьезный разговоръ. Художнику С. она теперь сама предложила позировать. С. былъ счастливъ.—Если хотите, даже для бюста,—прибавила Р. Ф. Я всталъ и взялъ свое пальто. Она посмотрѣла на меня такъ, какъ будто старалась вспомнить, кто я. Ея глаза были мокры. Я чувствовалъ себя потрясеннымъ. Она позволила мнѣ набросить себѣ на плечи свою накидку, быстро вышла, и, когда я расплатился и вышелъ на улицу, ея уже не было. Я не могъ догнать ея.

Май.

Ночная прогулка съ Р. Ф. Она не говорила ни слова. Я разсказалъ ей, что кто-то спросилъ меня, нахожу ли я ее красивой, и я не зналъ, что отвѣтить. Ночь была свѣтлая, лунная, необыкновенно тихая. Вдоль всей аллеи, точно блѣдное золото, блестѣла рѣка. Я спросилъ, что она думаетъ дѣлать, потому что она отослала платье, которое я купилъ ей, и не хочетъ, чтобы я за что-нибудь платилъ. Но она не говоритъ. Она въ рѣшительный часъ не умѣетъ ничего сказать. За день до того она пришла ко мнѣ въ сумерки, трясясь отъ страха. Почему, я не узналъ. Теперь я попытался растрогать ее указаніемъ на прошлое. Я прочелъ ей одно мое стихотвореніе, немного сентиментальное. Она взяла свой зонтикъ и медленно, опершись одной рукой о колѣно, начертила на пескѣ нѣсколько словъ. Я не обратилъ на это вниманія. Потомъ мы пошли дальше, и она спросила меня, вѣрю ли я въ вѣчную жизнь. Было трогательно слышать, какъ безпомощно она выражала свои сомнѣнія въ возможности загробной жизни. Я обнялъ ее, при-

жалъ къ себѣ и поцѣловалъ. Это было на берегу, въ уединенномъ мѣстѣ. Она не сопротивлялась, но я увидѣлъ, какъ дрогнули ея губы, и сначала я подумалъ, что она расплачется. Но она улыбнулась. „А! ты дурачила меня все это время“, сказалъ я. Она разсмѣялась. Странный, надломленный смѣхъ, въ которомъ чувствовалось рыданіе. Это было, какъ я уже сказалъ, на берегу, въ уединенномъ мѣстѣ. Утромъ чортъ меня дернулъ пойти опять туда и пройти мимо той скамьи. На пескѣ еще видны были слова: „Я вижу тебя насквозь“. Вотъ какъ? Ну, конечно, меня не трудно видѣть насквозь. Почему это должно задѣвать меня? У меня простая натура. Моя мать, бывало, говорила: „Будь, какъ стекло, но не разбивайся“.

Іюнь.

Р. Ф. уѣхала. Она взяла мѣсто компаньонки въ семьѣ какого-то Самасса въ Брукѣ. Это состоятельные люди, но типичные мѣщане. Но что осталось у меня отъ всего этого? Это, можетъ быть, послѣдній подобный эпизодъ въ моей жизни. Любилъ ли я Р. Ф? Я любилъ ея мягкую походку, ея молчаніе, ея улыбку, ея полный ожиданія взглядъ и прежде всего ея судьбу. Остальное я предоставляю другимъ. Я чувствую глубокое волненіе, когда спрашиваю себя, куда ведетъ ея путь. За то я опять начинаю уважать себя съ тѣхъ поръ, какъ ея нѣтъ. Рядомъ съ ней я чувствовалъ себя маленькимъ.

V.

Господинъ и госпожа Самасса нашли въ новой компаньонкѣ не мало недостатковъ.

— Я нахожу, что она слишкомъ горда, милый Грегоръ,— сказала госпожа Самасса, полируя ногти.

Грегора звали собственно Георгомъ, но это имя казалось госпожѣ Самасса плебейскимъ.

Господинъ Самасса, тоже чистившій ногти, услужливо отвѣтилъ:

— Да и худощава къ тому же.

— Что за неслыханный отвѣтъ, мой милый!

— Но это мое мнѣніе.

— Oh, c'est le ton qui fait la chanson, — отвѣтила госпожа Самасса, играя глазами.—Я нахожу ее не только гордой, но и очень скучной.

— Конечно. Вѣдь мы для того и беремъ людей въ домъ, чтобы они развлекали насъ.

— Посмотри, Грегоръ, какой сегодня великолѣпный восходъ солнца.

— Какое мнѣ до этого дѣло?

— Въ тебѣ нѣтъ ни капли поэзіи. Мнѣ все таки интересно, явится ли эта фрейлейнъ Фуксъ сегодня во время къ завтраку. Я сказала ей: мы завтракаемъ каждое утро ровно въ шесть часовъ. „Мы просимъ и васъ быть аккуратной“. Затѣмъ я сказала ей, что утромъ и вечеромъ за столомъ говорятъ по-англійски, а за обѣдомъ—по-французски, конечно, если нѣтъ гостей.

— Очень хорошо! Но ты хотѣла мнѣ что-то разсказать о ней?

— Да, представь себѣ, она по ночамъ прогуливается по саду. Фанни-Элиза разсказала мнѣ объ этомъ. Вѣдь она со своимъ прошлымъ, въ нѣкоторомъ родѣ, большая реклама для насъ. Конечно, не все правда, что разсказываетъ майоръ Шталекъ. Но во всякомъ случаѣ это очень пикантно. Смотрика, Горовицъ уже идетъ съ вокзала. Рано.

— Онъ совсѣмъ влюбленъ, старый хомякъ.

— Какое было его послѣднее требованіе вчера?

— Сто пятьдесятъ тысячъ. Иначе онъ не женится.

— Сто пятьдесятъ слишкомъ много. Фанни-Элиза всегда найдетъ мужа. Она красивая дѣвушка.

— Будемъ довольны, что у насъ есть этотъ. Если онъ требуетъ такъ много, онъ дѣлаетъ ради своей семьи. Кромѣ того, онъ не спрашиваетъ, что было съ дѣвушкой раньше.

— Не говори такъ, Грегоръ. Ты разрываешь сердце матери.

Рената явилась къ завтраку во-время. Но глаза ея глядѣли устало въ этотъ непривычный часъ. Слѣва и справа отъ нея сидѣли обѣ дѣвушки: Фанни-Элиза, блѣдная, съ темными кругами подъ глазами, съ безпокойнымъ, южнаго типа лицомъ; Гретхенъ—слишкомъ румяная, слишкомъ ласковая, любопытная, съ глазами, которые всегда были насторожѣ, съ похотливымъ ртомъ и жеманными движеніями. Фанни-Элиза была лживая натура; ея показная грусть была въ сущности только плохимъ настроеніемъ. Она оживлялась только тогда, когда могла клеветать. Она разсказывала тяжелые сны, которые ей никогда не снились, притворялась обидчивой и разсѣянной, чтобы быть центромъ разговора, говорила объ интересныхъ книгахъ, заглавія которыхъ ей были случайно извѣстны, и вѣчно въ высокопарныхъ словахъ твердила про свою тоску по „великой любви“, хотя въ данный моментъ хотѣла только одного: чтобы полуглухой Горовицъ женился на ней. Она обращалась съ Ренатой высокомѣрно и иронически; Гретхенъ же хотѣла узнать отъ новой компаньонки только одно: откуда берутся дѣти. Этимъ она по цѣлымъ часамъ мучила Ренату подъ покровомъ при

торной дружбы. У нея была цѣлая библіотека изъ книгъ, которыя не давали ей спать, но когда она встрѣчала на улицѣ молодого человѣка, она краснѣла и опускала глаза. У Ренаты между ея вещами былъ снимокъ съ картины Адамъ и Ева, шедевра итальянской школы. Гретхенъ случайно нашла ее и клянчила до тѣхъ поръ, пока Рената подарила ей эту гравюру. Это было наканунѣ. Когда завтракъ былъ оконченъ, Гретхенъ исчезла. Мать, хотѣвшая сдѣлать съ ней утреннюю прогулку по селу, долго искала ее. Она послала въ комнату дѣвушекъ и пошла въ садъ. Издали она увидѣла въ бесѣдкѣ что-то бѣлое, у нея явилось неопредѣленное подозрѣніе, и она, переваливаясь, направилась туда по извилистымъ дорожкамъ, усыпаннымъ пескомъ. Гретхенъ лежала на полу въ бесѣдкѣ, обросшей дикимъ виноградникомъ, и, опершись локтями о землю, не отрывала зачарованнаго взгляда отъ картины. Госпожа Самасса съ крикомъ ужаса вырвала у нея гравюру, вернулась въ столовую, и начался допросъ.

— Откуда у тебя эта неприличная картина, Маргарита?— спросила госпожа Самасса, поблѣднѣвъ отъ гнѣва. Когда она сердилась, она говорила: Маргарита.

— Отъ фрейленъ Фуксъ,—со скрытой злостью отвѣтила Гретхенъ.

— Что ты скажешь на это, Грегоръ!—Картина перешла къ господину Самасса, потомъ къ господину Горовицу. Послѣдній озабоченно покачалъ головой, но его глаза были съ нѣжностью устремлены на пышное тѣло Евы; первый довольно ухмылялся.

— Вѣдь это неприличная картина, фрейлейнъ Фуксъ, — сказала госпожа Самасса.—Это безнравственная картина!

Всѣ глаза были устремлены на Ренату; глаза Фанни-Элизы—съ любопытствомъ и злорадствомъ.

— Но вѣдь это художественное произведеніе,—тихо сказала Рената. Но подъ карающими взглядами четырехъ судей она умолкла. Гретхенъ начала плакать, такъ какъ нашла, что дѣло принимаетъ для нея благопріятный оборотъ. Мать успокаивающе погладила ее по щекѣ,—враждебная вылазка противъ Ренаты. Фанни-Элиза разорвала картину и сказала:

— Вотъ и дѣлу конецъ. Художественное произведеніе или нѣтъ, разъ тутъ голые люди, значитъ, это гадость.

— Вы умная дѣвушка, — проворковалъ Горовицъ. Но госпожа Самасса прибавила:

— Прошу тебя, Фанни-Элиза, не произноси этого ужаснаго слова. Не говорятъ: „голые“, говорятъ: неодѣтые. И если въ искусствѣ такія вещи дозволены, значитъ искусство безнравственно и гибельно для образованнаго человѣка.

Немного позднѣе Фанни-Элиза сидѣла съ Ренатой на скамьѣ въ саду. Рената монотоннымъ глухимъ и сдавленнымъ голосомъ читала вслухъ плохой французскій романъ. Фанни-Элиза, прислонившись головой къ спинкѣ скамьи, смотрѣла на верхушку дерева. Вдругъ она перебила Ренату и грустно сказала:

— И среди такихъ ограниченныхъ людей я должна жить! Фрейлейнъ Рената, я знаю, что вы сочувствуете мнѣ, будемъ подругами.

Рената робко посмотрѣла на лживое лицо, на которомъ одно выраженіе такъ быстро смѣнялось другимъ, что едва оставалось мѣсто для улыбки.

— Я буду защищать васъ,—продолжала Фанни-Элиза, беря Ренату за руку. Затѣмъ она съ элегической обстоятельностью разъяснила ей, каковъ долженъ быть мужчина, съ которымъ она рѣшилась бы соединить свою судьбу.

Вечеромъ состоялась помолвка съ Горовицемъ. Ренатѣ послали ужинъ въ ея комнату. Но въ половинѣ десятаго всѣ уже легли спать. Когда Рената хотѣла зажечь газъ, она увидала, что заботливая хозяйка закрыла газометръ. Такъ какъ у нея не было ни свѣчи, ни лампы, она должна была остаться впотьмахъ. Она сидѣла у окна, подставивъ грудь теплому лѣтнему воздуху, слушала, какъ плещетъ рѣка, и чувствовала себя необыкновенно близкой къ звѣздамъ. Стрекотали кузнечики, квакали лягушки, и черная линія холмовъ мягко выдѣлялась на слабо освѣщенномъ небѣ. Это небо казалось Ренатѣ пустымъ, мертвымъ домомъ; она такъ задумалась, что даже не слышала, какъ колокола пробили полночь.

Но вдругъ что то коснулось ея тѣла, такъ что платье зашелестѣло. Это былъ вѣрный Ангелюсъ. Изъ-за него Ренатѣ въ первое время пришлось выдержать не мало битвъ, такъ какъ по мнѣнію госпожи Самасса компаньонкѣ не подобало имѣть собаку. И теперь еще Ангелюсъ долженъ былъ прятаться и большую часть дня проводить въ комнатѣ. Онъ отнесся къ этому съ равнодушіемъ и внутреннимъ спокойствіемъ. Теперь онъ въ темнотѣ прижался къ своей госпожѣ, какъ будто прося ее лечь, наконецъ, въ постель. Рената обѣими руками взяла его за голову и прошептала:

— Да, моя славная собака, что будетъ съ нами обоими!

Она прижалась щекой къ головѣ Ангелюса, разумные каріе глаза котораго благодарно и преданно блестѣли въ темнотѣ.

VI.

Крестьянинъ Бессемеръ съ Лѣсного Холма, знавшій толкъ въ звѣздахъ и погодѣ, утверждалъ, что съ неслыханной жарой, которая не уменьшалась уже цѣлыя недѣли ни днемъ, ни ночью, что то неладно. Онъ, въ качествѣ человѣка, занимающагося таинственными науками, граничившими съ областью колдовства, можетъ только сказать, что онъ не завидуетъ тѣмъ, кому придется пережить конецъ вѣка. Поэтому онъ заранѣе позаботится о гробѣ для себя, хотя бы для того ему пришлось обратиться къ самому ненадежному столяру. До Ренаты дошли эти слухи, и она разсказала объ этомъ Гретхенъ, когда онѣ шли по косогору внизъ къ Бруку. Гретхенъ засмѣялась.

— Старые крестьяне всѣ любятъ поважничать,—сказала она, радуясь, что сумѣла дать такое простое толкованіе этой немножко жуткой исторіи. И она сейчасъ же шепотомъ сообщила, что у Бессемера поселился какой то человѣкъ, въ которомъ есть что то зловѣщее: онъ похожъ на колдуна.

Рената была задумчива. Ея взглядъ съ неопредѣленной тоской блуждалъ по долинѣ, уже лежавшей въ легкомъ сумракѣ, и по блѣднымъ огнямъ, которыми небо окаймляло гребни холмовъ.

— Хорошо бы теперь умѣть летать,—сказала она, слегка взмахивая усталыми руками.

Гретхенъ предложила выкупаться. Рената колебалась, такъ какъ уже близилась ночь, но дѣвушка обняла ее и поцѣловала пылавшими губами. Рената испугалась; въ чувственности этого существа было что то опасное и наводившее страхъ.

— Вечеромъ на рѣкѣ страшно,—сказала Рената.

— Но сегодня мы свободны, фрейлейнъ Рената, родители пріѣдутъ только ночью. Пожалуйста, пожалуйста!—Во всемъ, что говорила эта дѣвушка, чувствовалось извращенное воображеніе. Сверху спустилась Фанни-Элиза; до сихъ поръ она рвала цвѣты. Она дѣлала это съ притворно-мечтательнымъ видомъ. Она сейчасъ же согласилась, такъ какъ эта затѣя показалась романтической. Рената хотѣла пойти домой за купальными костюмами. Но Гретхенъ становилась все необузданнѣе. Горячій воздухъ опьянялъ ее. Домой придется идти полчаса, тогда ужъ выйдетъ слишкомъ поздно.

— Мы будемъ купаться голыя, — возбужденно шептала она.—И вы должны посмотрѣть, такъ ли я красива, какъ та женщина на вашей картинѣ, фрейлейнъ. Пока мы дойдемъ, бу-

детъ темно, и тамъ никогда никого не бываетъ, а купальня закрыта высокими досками. Фанни-Элиза, подумай только, совсѣмъ безъ платьевъ, ночью! И какъ сегодня душно!

Это было, дѣйствительно, что то новое, необыкновенное, и Фанни-Элиза согласилась. Рената молча послѣдовала за дѣвушками, такъ какъ не хотѣла ссоры. Ей казалось, что она въ цѣпяхъ, и отъ этого ей такъ трудно идти, и вечеръ, надвигавшійся съ долины, казался душнымъ и тяжелымъ. Фанни-Элиза своимъ вибрирующимъ голосомъ разсказала, какъ одна цыганка предсказала ей, что она утонетъ въ морѣ во время купанья. Это была, конечно, ложь,—воспоминаніе о какой нибудь волшебной оперѣ.

Рената шла сзади. Каждый камень, на который натыкалась ея нога, казался ей больно задѣтымъ, и каждый неподвижный стебелекъ оживалъ въ сумракѣ и темнотѣ. При этомъ она все время слышала голоса, доносившіеся съ луговъ, и звуки далекаго рожка сливались, точно краски, съ блѣднѣвшимъ пламенемъ на западѣ. Было все такъ же жарко. На небѣ не было ни облачка. Въ воздухѣ не чувствовалось ни вѣтерка. Гретхенъ и Фанни-Элиза тоже умолкли.

На берегу не было ни души. Только по дорогѣ вдали шелъ какой то крестьянинъ съ лохматой собакой. Были видны только неясные силуэты, такъ что ихъ можно было принять и за бездомнаго путника со сказочнымъ чудовищемъ.

Гретхенъ раздѣлась съ лихорадочной поспѣшностью; скоро она стояла нагая на тепломъ пескѣ. Фанни-Элиза, не торопясь, сняла платье и бѣлье. Съ такимъ же мечтательнымъ видомъ она могла намазать масло на хлѣбъ. Гретхенъ со смѣхомъ выпрямилась и, поднявъ кверху сплетенныя руки, закружилась, какъ балерина. Фанни-Элиза тоже была уже готова; она прячущимися движеніями, свойственными сознанію наготы, спустилась къ берегу и легла на траву. У Фанни-Элизы тѣло было красивѣе, но у Гретхенъ было очарованіе незрѣлости и дѣтская округлость и полнота.

— Великолѣпно!—ликовала Гретхенъ.

— Вы, вѣрно, боитесь воды, фрейлейнъ Фуксъ?—насмѣшливо спросила Фанни-Элиза, срывая травинку. Затѣмъ она обѣими руками прикрыла грудь и вздохнула. Гретхенъ засмѣялась: ей всегда было смѣшно, когда сестра вздыхала, хотя вообще Фанни-Элиза была для нея предметомъ робкаго поклоненія.

Рената покраснѣла отъ стыда. Она достала вѣтку, перевѣшивавшуюся черезъ досчатую стѣну, и сорвала нѣсколько вишенъ. Вспыхнуло смутное воспоминаніе о какомъ-то кошмарѣ. Она начала раздѣваться.

— Если бы теперь насъ увидѣлъ какой-нибудь мужчина, — прошептала Гретхенъ. — Напримѣръ, твой женихъ, Фанни-Элиза!..

— Не говори глупостей,—сердито отвѣтила Фанни-Элиза и важно спустилась по лѣстницѣ къ водному зеркалу. Гретхенъ послѣдовала за ней. Вода, казалось, неохотно разступалась передъ ихъ тѣлами и глухо журчала. Гретхенъ нашла ее „чудесной, теплой и прохладной", но она едва доходила до груди. Фанни-Элиза крѣпко держалась за рѣшетку, какъ будто быстрое теченіе могло унести ее. У Ренаты въ самомъ дѣлѣ было ощущеніе, что Фанни Элизѣ грозитъ какая-то опасность, и она почувствовала странную радость. На небѣ уже блестѣли звѣзды, а на востокѣ, гдѣ всходилъ мѣсяцъ, было огненное сіяніе.

— О, фрейленъ Рената! —вдругъ восторженно вскрикнула Гретхенъ и уставилась на Ренату, которая неподвижно стояла, отвернувъ лицо. Тѣло ея было бѣло, какъ мраморъ, и всѣ линіи были отчетливы и полны таинственной жизни. Фанни-Элиза молча стояла на лѣстницѣ и мрачно смотрѣла на Ренату.

Никогда неизвѣданное, необузданно-радостное чувство свободы охватило Ренату. Ее наполнила новая, безпокойная, какъ ласточка, жажда блеска, власти, богатства, тріумфовъ, жизни. Казалось, вмѣстѣ съ платьями она легко сбросила съ себя всѣ цѣпи, которыя еще влачила за собой, всѣ оковы прошлаго. Сердце ея сильно билось, и она закрыла глаза, какъ будто защищаясь отъ множества видѣній. Это былъ точно сонъ—стоять такъ здѣсь въ душный іюльскій вечеръ и ждать...

Въ тотъ моментъ, когда вода уже коснулась ногъ Ренаты, Гретхенъ испустила страшный крикъ, спряталась по подбородокъ въ воду и съ ужасомъ уставилась въ уголъ, гдѣ кто-то неслышно отодвинулъ въ сторону слабо прикрѣпленную доску. Оттуда выглядывало лицо, при видѣ котораго Рената вздрогнула, точно отъ прикосновенія ледяного воздуха. Несмотря на темноту и застывшее, почти тупое удивленіе, дѣлавшее черты неузнаваемыми, она узнала Петра Граумана.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

I.

„Милый другъ Ирена, я не могу описать вамъ, какую радость мнѣ доставило ваше письмо, хотя въ немъ было всего нѣсколько строкъ. Спиртовая машинка, о которой вы спрашиваете, должна быть во второй комнатѣ, вѣроятно, въ верхнемъ ящикѣ шкафа. Въ послѣднее время я совсѣмъ не варила на ней, такъ какъ это очень утомительно. Столько работы ради пяти минутъ ѣды,—право, это не имѣетъ смысла. И когда подумаешь, что милліоны женщинъ только этимъ и живутъ! Вы спрашиваете, какъ мнѣ живется? У меня нѣтъ мужества отвѣтить вамъ полную правду. Моя жизнь ужасна. Единственное близкое существо, которое у меня есть, это—собака. Я разговариваю съ ней, и она понимаетъ меня. Здѣсь я не могу остаться ни въ какомъ случаѣ. У меня есть привычка не запирать на ночь комнаты. Третьяго дня проснулась, было свѣтло отъ луны, и я вижу, что передъ моей кроватью стоитъ господинъ Самасса; увидя, что я проснулась, онъ начинаетъ говорить всякія глупости. Я чуть не умерла отъ страха и гнѣва и должна была еще успокаивать собаку, которая хотя не лаяла (такъ она умна!), но была очень возбуждена. Жена глупая и низкая женщина; она дѣлаетъ все, что можетъ, чтобы заставить меня уйти. Изъ-за людей, которые меня рекомендовали ей, она не осмѣливается сдѣлать то, чего ей хотѣлось бы. Я думаю, что я непріятна имъ своей молчаливостью. Но такой ужъ у меня характеръ, вы это знаете. Я не могу передѣлать себя, а имъ хотѣлось бы имѣть въ домѣ веселое существо. Подумайте только, отъ меня требуютъ, чтобы я исполняла такія работы, какія исполняетъ деревенская служанка. Ахъ, я дѣлаю и это, я дѣлаю все, но потомъ у меня на душѣ такъ, какъ будто второй разъ я уже не могла бы это сдѣлать. Дѣвушки, при которыхъ я должна исполнять роль компаньонки, испорчены и ненавидятъ меня. Я продала большую часть своихъ драгоцѣнностей — у меня ихъ и осталось немного — такъ что у меня есть немножко денегъ на крайній случай. Но что мнѣ дѣлать потомъ, для меня загадка. Ни одна дѣвушка, сознающая свое достоинство, не терпѣла бы долго того, что теперь терплю я. И здѣсь нѣтъ ни одного человѣка, которому можно было бы подать руку, не пожалѣвъ объ этомъ. Милая Ирена, меня очень безпокоитъ одна вещь. До васъ, конечно, тоже дошли сплетни

обо мнѣ и Гудштиккерѣ. Поэтому, вѣрно, ваше письмо такое холодное. Это клевета. Я къ этому человѣку ничего не чувствовала. Я говорю это не для того, чтобы вы меня защищали, я хочу только, чтобы вы это знали и вѣрили мнѣ. Я забыла въ ателье свои желтыя туфли, мнѣ хотѣлось бы имѣть ихъ. Не можете ли вы послать мнѣ ихъ по почтѣ? Ваша вѣрная Рената".

„Уважаемая фрейлейнъ Фуксъ! Ваше письмо я получила. Мнѣ очень жаль, что вамъ такъ не повезло съ вашимъ мѣстомъ. Машинку я нашла. Туфли я сегодня отослала по вашему адресу. Что касается послѣдняго пункта вашего письма, то вы должны простить мнѣ, если я отнесусь къ этому нѣсколько недовѣрчиво. Я никогда не затронула бы первая этой темы, но вы оправдываетесь, между тѣмъ, какъ васъ вовсе не обвиняютъ. Мнѣ очень жаль, что я принуждена сказать вамъ это. Ужъ я то, конечно, не изъ жеманныхъ, но я нахожу смѣшнымъ, что вы отрицаете нѣчто, чего совершенно нельзя отрицать. Вѣдь доказательства этого слишкомъ краснорѣчивы, даже если бы Гудштиккеръ не проводилъ у васъ цѣлыхъ ночей. Онъ самъ ничего не дѣлаетъ, чтобы прекратить сплетни. Простите, что я говорю такъ прямо, но вы сами этого хотѣли. Вы должны, наконецъ, предпринять что-нибудь, иначе съ вами будетъ плохо. Всѣ дурного мнѣнія о васъ. Этого не должно быть. Только на этой недѣлѣ мнѣ пришлось въ одномъ обществѣ горячо спорить, такъ какъ я утверждала, что натура у васъ хорошая. Преданная вамъ Ирена Пунтшу".

Почеркъ у Ирены Пунтшу былъ крупный; каждая буква радовалась своему существованію, въ особенности заглавныя буквы. Когда Рената прочла письмо, она еще долго держала его въ рукѣ, такъ что Фанни-Элиза, вошедшая въ это время въ садъ, насмѣшливо спросила: — Объясненіе въ любви?—Рената судорожно скривила губы, какъ будто во рту у нея было что-то очень горькое. Она пошла по дорожкѣ, вынула изъ-за пояса розу, которую сорвала утромъ, небрежно бросила ее на землю и на обратномъ пути наступила на цвѣтокъ ногой.

— Гроза!—крикнула изъ окна виллы Гретхенъ, и служанка побѣжала въ садъ, чтобы привести въ безопасность бѣлье, висѣвшее на заборѣ. Надъ лѣсомъ сверкнула фіолетовая молнія, листья зашелестѣли, мимо садовой калитки проѣхалъ тяжело нагруженный сѣномъ возъ. На верху сидѣла дюжая крестьянская дѣвушка и, жадно открывъ губы, смотрѣла на грозовое небо.

Рената поглядѣла вслѣдъ возу, и вдругъ у углового столба рѣшетки она увидѣла Петера Граумана, почтительно снимавшаго калабрійскую шляпу. Она испугалась больше, чѣмъ сверкнувшей молніи.—Искаженная физіономія у досчатой стѣны на рѣкѣ казалась ей чѣмъ-то призрачнымъ и недѣйствительнымъ. Когда она и обѣ дѣвушки молча и торопливо одѣлись и пошли по темной дорогѣ домой, она думала, что это игра воображенія. Но теперь онъ въ самомъ дѣлѣ стоялъ передъ ней со своей козлиной бородкой и торжественнымъ лицомъ. Рената почти невольно приблизилась къ нему, и Грауманъ черезъ заборъ подалъ ей руку, произнеся со своей обычной отчетливостью:

— Я счастливъ, что могу привѣтствовать васъ.

— Какъ вы сюда попали?—беззвучно спросила Рената, удивляясь, что можетъ говорить.

— У меня есть братъ, сударыня, погубившій себя морфіемъ, абсентомъ и любовью. Я привезъ его въ заведеніе доктора Будгеруса, моего друга. Отсюда вы можете видѣть крышу и нѣсколько оконъ съ рѣшетками. Какъ же вы поживаете, сударыня?

— Ахъ, оставьте свое „сударыня“!—Мнѣ живется плохо.

— Вотъ какъ? Это доказываетъ, что вы не умѣете пользоваться капиталомъ, который находится въ вашемъ распоряженіи.

— То есть? Что вы хотите сказать?—недовѣрчиво спросила Рената.

— Я могу говорить совершенно прямо?

— Это вы должны сами знать.

— Я знаю уже нѣсколько дней, что вы здѣсь, и на что вы тратите свои силы,—сказалъ Петеръ Грауманъ, приближая свое лицо къ желѣзной рѣшеткѣ. Затѣмъ онъ продолжалъ негодующимъ хриплымъ голосомъ:—Я скажу вамъ, что я подразумѣваю подъ капиталомъ. Я подразумѣваю ваше великолѣпное тѣло, которое у васъ пропадаетъ даромъ. Да, къ чему, по вашему мнѣнію, вы предназначены? Правда, какъ вы можете это знать. Да будутъ прокляты непризванные, умалившіе достоинство профессіи! Да будутъ прокляты поэзія и литераторы, которые болтаютъ о женскомъ достоинствѣ чтобы не потерять своихъ доходовъ и читателей и у которыхъ дѣлаются схватки въ животѣ и въ воображеніи рисуются кучи грязныхъ денегъ, стоитъ имъ прочесть слово *гетера*—развѣ, что этого требуетъ риѳма! Надо было бы проповѣдывать тысячью языковъ, но у меня только одинъ, и къ тому-же сейчасъ будетъ гроза. Вы растерянно смотрите на меня и не понимаете. Не слушайте ни ханжей, ни свободомыслящихъ, не мечтайте, не думайте, что вы несчастны. Вы счастливѣйшая изъ всѣхъ, т.

е. въ томъ случаѣ, если у васъ есть мужество взять свое счастье. Если вы захотите, весь міръ будетъ принадлежать вамъ, будетъ вашей собственностью, будетъ лежать у вашихъ ногъ. Такая женщина, какъ вы,—Наполеонъ, Александръ, повелительница міра. Повѣрьте мнѣ, я вашъ истинный другъ, и то, что я говорю вамъ, исходитъ изъ глубины души. Сдѣлайтесь крупной кокоткой, отбросьте отъ себя жалкіе предразсудки, замыкающіе васъ въ этомъ убогомъ мірѣ... Идетъ дождь. Мы еще побесѣдуемъ. Прощайте.

Петеръ Грауманъ, торопливо притоптывая каблуками, пошелъ своими мелкими шажками по улицѣ, лежавшей въ бѣлой пыли. Пыль, сверкая, взлетала кверху со всѣхъ сторонъ, какъ шипучая пѣна, а сквозь черныя, сгустившіяся тучи пробирались красноватыя, желтыя, голубоватыя молніи, листья на деревьяхъ дрожали, кусты качались и сильный шелестъ былъ похожъ на робкое пѣніе.

Рената пришла въ себя только тогда, когда одна за другой начали падать огромныя капли. Но она перепутала дорожки и попала на маленькую лужайку, возлѣ амбара. У его воротъ стояла служанка, только что окончившая снимать бѣлье, и шепталась со своимъ любовникомъ, взволнованно и настойчиво говорившимъ ей что-то. Дѣвушка слушала не то покорно, не то съ отчаяніемъ и нѣсколько разъ умоляюще брала его за руку. Рената видѣла все это, хотя у нея было такое ощущеніе, какъ будто въ душѣ у нея сочится кровь, точно изъ открытой раны. Загремѣлъ громъ; раздалось одинъ за другимъ три удара.—Наша Кэте порядкомъ влюблена,—думала Рената, идя къ дому. Она упорно хваталась за эту мысль. Большимъ и указательнымъ пальцами она все время сжимала виски. Гретхенъ спряталась въ постель и плакала отъ страха передъ грозой. Фанни-Элиза съ естественнымъ спокойствіемъ читала своему жениху стихотвореніе изъ какой-то потрепанной книги.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

* * *

Семь прутьевъ вдоль, а поперекъ—
Желѣза полоса.
Тая въ груди нѣмой упрекъ,
Гляжу я въ небеса.
Прекрасенъ міръ, полна чудесъ
Красавица-земля,
Шумитъ, поетъ могучій лѣсъ
И грезятъ тайнами небесъ
Зеленыя поля.
Изъ вольныхъ странъ въ страну тенётъ,—
Въ родимую страну,—
Пернатый хоръ привѣтъ несетъ,
Пернатый хоръ свой гимнъ поетъ
Про солнце и весну.
Пернатый хоръ несетъ привѣтъ
И въ душную тюрьму,
Гдѣ воли нѣтъ, гдѣ солнца нѣтъ.
Гдѣ братья брату своему
Затмили бѣлый свѣтъ.
Гнететъ тюрьма, грызетъ тоска,
И отнятъ Божій свѣтъ;
Но воля твердая крѣпка,
И въ сердцѣ страха нѣтъ.
За грань земли летитъ мой взглядъ,
Въ иныя небеса.
Какъ жалокъ этихъ прутьевъ рядъ
И эта полоса!

А. Хирьяковъ.

Сектантство и психіатрія.

I.

У насъ склонны подчасъ считать мѣткое замѣчаніе Бѣлинскаго о раціоналистичности русскаго народа, сдѣланное въ «Письмѣ къ Гоголю», лишь полемическимъ выпадомъ. Это—придуманное интеллигенціей построеніе. Русская интеллигенція, искони отличавшая «индиферентизмомъ или принципіальнымъ отрицаніемъ религіи», употреблявшая «всю силу своей образованности» на разложеніе народной вѣры,—ищетъ въ «народной душѣ» тѣ черты, которыя должны какъ бы оправдывать, если не ея безрелигіозность, то, по крайней мѣрѣ, ея антицерковность. Такъ, повидимому, думаетъ г. Булгаковъ въ своей статьѣ «Героизмъ и подвижничество», напечатанной въ «Вѣхахъ». Въ скудной интеллигентной культурѣ авторъ не видитъ тѣхъ «здоровыхъ соковъ», которые составляютъ основу «національнаго здоровья и жизненности», — той религіи, которой еще жива народная масса. Религіозно-нравственные устои г. Булгаковъ усматриваетъ, однако, лишь въ «исторической церкви», въ церкви, правда, обновленной, безъ теперешнихъ «многочисленныхъ язвъ», разъѣдающихъ церковную жизнь... но все же въ церкви исторической, т. е. въ сущности въ значительной степени въ томъ византійскомъ богословіи, въ которомъ одинъ изъ раннихъ вождей русской интеллигенціи, Герценъ, по справедливости находилъ только «игру логическими формулами». Г. Булгаковъ упрекаетъ интеллигенцію въ поразительномъ невѣжествѣ въ вопросахъ религіи. А между тѣмъ, если приглядѣться болѣе внимательно къ тѣмъ религіознымъ исканіямъ, съ которыми мы встрѣчаемся въ народной массѣ, мы должны будемъ скорѣе согласиться именно съ Бѣлинскимъ.

Конечно, цѣнны сами по себѣ только тѣ проявленія духовно-религіозной жизни народа, которыя являются результатомъ извѣстной сознательности. И тамъ, гдѣ дѣйствительно проявляются религіозныя исканія, тамъ, гдѣ они выходятъ изъ сферы традицій, суевѣрій и предразсудковъ—тамъ въ жизни византійское богословіе со всѣми своими разновидностями терпитъ полное кру-

шеніе, тамъ пышно расцвѣтаетъ то, что принято у насъ называть сектантствомъ. «Старая вѣра», хотя бы и подновленная въ духѣ современныхъ интеллигентныхъ мистиковъ-богоискателей, есть «темница» для «порабощенной душѣ»—какъ выражается крестьянинъ Новиковъ въ своей исповѣди, напечатанной въ послѣднемъ выпускѣ «матеріаловъ» по исторіи русскаго сектантства, издаваемыхъ г. Бончъ-Бруевичемъ, передъ человѣкомъ, выдержавшимъ глубоко драматическую борьбу разума и предразсудковъ старой вѣры, нашедшій новые пути къ жизни, къ господству разума и творчества, неизбѣжно тускнѣютъ традиціонные образы «земныхъ боговъ и отцовъ народа, день и ночь якобы пекущихся и заботящихся о счастьѣ народномъ—пишетъ тотъ же крестьянинъ, а въ дѣйствительности около двухъ тысячъ лѣтъ торгующихъ поддѣльнымъ духовнымъ товаромъ себѣ на радость и пользу, а народу на посрамленіе и униженіе». Вотъ почему «историческая» церковь съ ея «убогимъ духовнымъ имуществомъ» несовмѣстима съ «новой вѣрой» въ народной массѣ.

Естественно, что при такихъ условіяхъ, раціонализмъ является дѣйствительно господствующимъ теченіемъ въ сектантской идеологіи. Въ наши дни утвержденія о какой-либо національной, а тѣмъ болѣе расовой раціоналистичности, пожалуй, будутъ носить метафизическую окраску. Приходится лишь ограничиться констатированіемъ преобладанія извѣстныхъ теченій народной мысли и попытаться объяснить причину господства тѣхъ или иныхъ формъ религіознаго разномыслія въ народной средѣ.

Причина одна—пробужденіе самосознанія въ темной, коснѣвшей въ невѣжествѣ народной массы. Религія для массы до послѣдняго времени являлась въ значительной степени единственной философской системой, дававшей отвѣты на запросы, волновавшіе наиболѣе пытливые умы. Религіозные вопросы въ средѣ, воспитанной въ атмосферѣ божественнаго провидѣнія, являлись вопросами, наиболѣе близкими по существу и наиболѣе доступными пониманію. Съ нихъ и начинало свою критическую работу пробуждающееся сознаніе. Отсюда вытекало усиленное развитіе сектантства въ до конституціонное время, когда политическая мысль была недоступна широкимъ слоямъ населенія, когда наша деревня была заперта полицейскими замками отъ всего культурнаго міра. И характерно, что въ революціонные годы, когда мысль народная находила болѣе прямой и естественный выходъ, ростъ сектантства почти остановился. Такъ какъ русское сектантство шло подъ знаменемъ освобожденія отъ путъ духовнаго и матеріальнаго рабства, то отсюда вытекало и приматство раціоналистическихъ формъ религіознаго сознанія. Эти, по крайней мѣрѣ, проблески раціонализма и неизбѣжно связанной съ нимъ попытки вдумчиваго анализа всѣхъ существующихъ общественныхъ отношеній мы можемъ найти въ исторіи каждой русской секты въ годы наибольшаго ея расцвѣта и апогея:

духоборчество, молоканство, баптизмъ, штундизмъ. Всѣ они переживали и переживаютъ броженія, когда догматическо-религіозная сторона смѣнялась выработкой общественнаго міросозерцанія, когда вопросы личнаго нравственнаго совершенства во имя принциповъ евангельской морали смѣняли соціально-экономическія идеи, и мысль направлялась въ область теоретическихъ изысканій новыхъ формъ общественнаго и даже государственнаго уклада. Эта трезвая оцѣнка реальной дѣйствительности по существу своему противна мистической подоплекѣ, влекущей человѣческій духъ въ атмосферу туманныхъ высотъ потусторонняго.

Конечно, раціонализмъ въ болѣе или менѣе чистомъ видѣ—удѣлъ не многихъ, удѣлъ, можно сказать, избранныхъ. Въ періодъ остраго религіознаго броженія эта раціоналистическая первооснова неизбѣжно прикрыта нѣкоторой пеленой мистицизма уже въ силу того, что всякія религіозныя переживанія сами по себѣ носятъ извѣстную мистическую окраску. Борьба между старымъ и новымъ міромъ требуетъ извѣстной напряженности. Ея невсегда можетъ выдержать неоформившееся еще сознаніе. Сильныя религіозныя переживанія дѣлаютъ человѣка слишкомъ эксцентричнымъ, слишкомъ воспріимчивымъ въ эмоціональной сферѣ, и такая воспріимчивость легко повышается до экзальтаціи. Отсюда первоначальный раціонализмъ можетъ и перейти въ мистицизмъ, во всякомъ случаѣ послѣдній можетъ получить преобладающее вліяніе. Этому уклоненію въ большей дозѣ должны содѣйствовать противоестественныя соціальныя и экономическія условія жизни народной массы, ненормальное правовое положеніе. Этотъ соціальный атавизмъ создаетъ атмосферу безотрадности, которая должна содѣйствовать развитію сектъ съ преобладаніемъ мистическаге элемента: потустороннее отвлекаетъ помыслы отъ поверхности чувственнаго міра. Религіозный экстазъ даетъ возможность забыть объ окружающихъ невзгодахъ и якобы въ мистическомъ соединеніи съ божествомъ отрѣшиться отъ интересовъ повседневной матеріальной жизни.

Такого рода переживанія создаютъ чрезвычайно благопріятную почву для религіозной экзальтаціи, заразительно дѣйствующей на окружающихъ, которые при повышенной возбудимости чувства легко подчиняются внушенію и самовнушенію. Вотъ отчего религіозныя переживанія получаютъ иногда характеръ психической заразы, сопряженной отчасти и съ нѣкоторыми болѣзненными явленіями въ видѣ навязчивыхъ идей, которыми одержимы наиболѣе эксцентричные субъекты, видѣній, своего рода глосолаліи, и т. д. Экзальтація при неблагопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ можетъ дойти и до столь ужасныхъ формъ самоистребленія, съ какими мы встрѣчаемся на протяженіи почти всей нашей исторіи, и т. д.

И если въ періодъ остраго религіознаго броженія психическая

зараза играетъ иногда доминирующую роль, то какъ только жизнь входитъ въ нормальную колею, аффектъ исчезаетъ, и на первый планъ выступаютъ другіе элементы, затушевавшіеся въ первый періодъ слишкомъ остраго переживанія. Характерно, что въ сектахъ хлыстовскаго типа, т. е. въ сектахъ, по преимуществу относимыхъ къ числу мистическихъ, въ сущности теологія носитъ въ значительной степени раціоналистическій характеръ. Къ сожалѣнію, наши изслѣдователи обычно ограничиваются констатированіемъ лишь внѣшнихъ формъ экстаза, почти не останавливаясь на самой сущности религіозныхъ переживаній, а между тѣмъ естественно ихъ приходится опѣнивать по конечнымъ результатамъ. Результаты эти бываютъ двоякаго рода: секта, окончательно сложившаяся, создавшая у себя нѣчто подобное церковной организаціи, замираетъ въ своемъ идеологическимъ развитіи и въ сущности терятъ свой оригинальный колоритъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, можно сказать, и свои идеальныя стремленія. Примѣромъ такой остановившейся секты можетъ служить современный баптизмъ, принявшій характеръ стереотипной церковной организаціи: «и то ярмо, и це ярмо»—говорятъ хохлы раціоналисты, сравнивая баптизмъ съ православіемъ. Или секта идетъ дальше по пути развитія, и тогда почти всегда этотъ путь—путь раціонализма. Такова въ общихъ чертахъ грубая схема эволюціи различныхъ формъ русскаго сектантства.

Мистицизмъ—удѣлъ слабыхъ и разочарованныхъ; мистицизмъ возрастаетъ на почвѣ апатіи или тяжелыхъ исканій, которыя еще не подъ силу недостаточно окрѣпшему сознанію. Вотъ почему каждая хлыстовская ячейка такъ измѣнчива и неустойчива, пожалуй, даже и нежизненна сама по себѣ. Хлыстъ очень легко превращается въ раціоналиста, ибо основа одна и та же — смутное подчасъ недовольство старымъ и идеальное стремленіе къ самоусовершенствованію, къ отысканію новой правды, новаго свѣточа въ жизни. Вотъ почему наши миссіонеры въ 90 г. въ сущности были правы, когда создавали секту штундо-хлыстовщину, правы потому, что въ этой хлыстовщинѣ въ дѣйствительности много было раціонализма, которымъ отмѣчено то теченіе въ сектантствѣ, которое по оффиціальной терминологіи именуется штундизмомъ. Миссіонеры-эксперты, конечно, прибѣгали къ такому пріему исключительно въ полицейскихъ цѣляхъ: не будучи въ состояніи доказать наличность фактовъ, требуемыхъ для обвиненія сектантовъ въ противонравственныхъ дѣйствіяхъ по ст. 203 стараго Угол. Улож., они пользовались распространительнымъ толкованіемъ пресловутаго закона 1894 г. о штундистахъ, по которому сектанты подлежали преслѣдованію по мотивамъ политическаго характера.

Мистицизмъ въ сектантствѣ, такимъ образомъ, вовсе не является какимъ-то особымъ самостоятельнымъ теченіемъ, это—лишь одна изъ формъ религіознаго переживанія, проходящаго нѣсколько

стадій постепеннаго развитія. Уклоненія отъ раціонализма къ мистицизму и обратно, конечно, до черезвычайности разнообразны въ зависимости всецѣло отъ окружающихъ общественныхъ условій: сектантская идеологія какъ-бы вѣчно текущая рѣка. Въ лабиринтѣ такихъ варіацій и легко заблудиться. Отсюда понятенъ тотъ густой туманъ всякихъ легендъ, которыми окутана та группа нашихъ сектантовъ, которая въ наукѣ сектовѣдѣнія и въ общежитіи объединяется подъ терминомъ хлыстовщина. Легенды творятся, заносятся въ книжныя лѣтописи и такъ постепенно превращаются въ «факты» въ сознаніи широкихъ слоевъ общества. Къ сожалѣнію, только все это чрезвычайно тяжело отзывалось при старомъ режимѣ на правовомъ положеніи сектантовъ и отзывается такъ же въ наши дни «вѣроисповѣдной свободы», какъ свидѣтельствуютъ многочисленные факты.

Наше законодательство прежде всю хлыстовщину безъ исключенія подводило подъ статью, карающую за принадлежность къ сектамъ, соединеннымъ съ изувѣрными и противонравственными дѣйствіями. Эти «противонравственныя дѣйствія» считались неизбѣжной принадлежностью секты, какъ бы однимъ изъ основныхъ исповѣдуемыхъ ею догматовъ. Наши компетентные эксперты миссіонеры, основываясь на «научныхъ» данныхъ, чрезвычайно охотно останавливались всегда на детальномъ описаніи различныхъ формъ экстаза у хлыстовъ, при чемъ во время такъ называемыхъ радѣній обязательно фигурировали у нихъ всевозможныя «безнравственныя» дѣянія. Съ легкой руки миссіонерскихъ писателей и пущено все это въ оборотъ и поддерживается изслѣдователями, слишкомъ легко оперирующими надъ историческимъ матеріаломъ. Миссіонерскія данныя въ значительной степени—плодъ досужей фантазіи, подкрашенной обличительными красотами догматической полемики. Такъ называемая «научная» экспертиза вплоть до послѣдняго времени устанавливала признаки противонравственныхъ дѣяній хлыстовъ, опираясь преимущественно на данныя, почерпнутыя изъ полемическихъ работъ начала XVIII в.,—какъ «Розыскъ», приписываемый св. Димитрію Ростовскому, или «Увѣщеваніе» Неофита, миссіонера петровскаго времени, посланного къ выгорѣцкимъ старообрядцамъ, или на данныя, заимствованныя изъ судебныхъ процессовъ того же вѣка, когда обвиненія основывались на показаніяхъ послѣ подъема на «дыбу, когда кости овечьи фигурировали въ видѣ костей человѣческихъ...» и этими данными аргументировались обвиненія хлыстовъ въ дѣтоубійствѣ. Всю шаткость подобныхъ *историческихъ* аргументовъ блестяще доказалъ никто иной, какъ одинъ изъ наиболѣе видныхъ нашихъ полемистовъ-расколовѣдовъ, проф. Казанской духовной академіи Ивановскій (см. нашу книгу «Церковь и государство въ Россіи» вып. I стр. 172—177). Несомнѣнно лишь одно: ни одинъ изъ миссіонеровъ, описывающихъ хлыстовскія радѣнія, на нихъ не былъ; всѣ

эти описанія основываются исключительно на «историческихъ» данныхъ, на показаніяхъ ренегатовъ, на слухахъ, на показаніяхъ ренегатовъ или на символическихъ и алегорическихъ пѣснопѣніяхъ, столь часто на практикѣ порождавшихъ недоразумѣнія. Понятно, что сектанты не допустятъ на свое собраніе миссіонера, который является передъ ними въ видѣ волка, одѣтаго въ овечью шкуру; не будутъ раскрывать передъ нимъ и тайниковъ своей души и тѣмъ самымъ надѣвать на себя петлю.

Правда, искренность сектантовъ, вытекающая изъ сознанія необходимости проповѣдывать то, до чего они дошли сами, раскрывать ту истину, которую обрѣли, служитъ подчасъ гарантіей, что даже передъ правительственными чиновниками (а такими, конечно, въ глазахъ сектантовъ являются духовенство и всякаго рода миссіонеры) сектантъ не будетъ скрывать своихъ убѣжденій. Но тѣмъ не менѣе полицейская экспертиза никогда не будетъ передавать точно воззрѣній сектантовъ. Горькая практика пріучила ихъ быть уже осторожными. И это обстоятельство должно учитывать при разборахъ данныхъ сектовѣдѣнія. Какъ въ XVIII вѣкѣ кости овечьи превращались въ кости человѣческія, и на основаніи этого хлысты обвинялись въ умерщвленіи младенцевъ, равнымъ образомъ и въ наши дни творятся легенды. Вотъ одна изъ такихъ многочисленныхъ легендъ, нами лично провѣренная путемъ опроса. Въ знаменитомъ въ лѣтописи религіозныхъ гоненій дѣлѣ о павловскихъ крестьянахъ (1901 г.) на судѣ, между прочимъ, фигурировалъ такой фактъ сектантскаго экстаза, установленный показаніями полицейскаго урядника Заичики: сектанты—свидѣтельствовалъ онъ—шли съ криками «правда идетъ» и хлопали въ ладоши; впереди на возѣ ѣхала Елизавета Павленкова и, показывая народу ребенка, кричала: «увѣруйте въ этого младенца» (дѣло Павловскихъ крестьянъ. Свидѣтельскія показанія, изд. «Жизни», Лондонъ 1902 г.).

Совсѣмъ по иному разсказываетъ объ этой экстатической выходкѣ сама виновница: когда полицейскіе стали бить сектантовъ, Елизавета Павленкова подняла младенца въ надеждѣ, что ребенокъ защититъ избиваемыхъ, что полицейскимъ стыдно будетъ. Подобное чрезвычайно простое объясненіе подтверждается къ тому же многими очевидцами, оно гораздо правдоподобнѣе и отвѣчаетъ всему ходу дѣла (см. нашу статью «Старый грѣхъ» Русск. Вѣд. 1907 г. № 39). Все дѣло о павловскихъ сектантахъ почти исключительно построено на полицейскихъ и миссіонерскихъ данныхъ, такъ какъ с. Павловки (Сумскаго у. Харьковской губ.), гдѣ произошелъ погромъ церкви сектантами, еще задолго до погрома были въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ изолированы отъ всякаго соприкосновенія съ внѣшнимъ міромъ при помощи полицейскихъ карантиновъ. Впервые послѣ погрома пришлось проникнуть въ Павловки автору статьи—это было тотчасъ же послѣ манифеста 17 апрѣля 1905 г. (см. «Церковь и государство» вып. I статью «Въ пои-

скахъ вѣротерпимости» стр. 101). Приходилось наблюдать сектантовъ въ присутствіи полицейскихъ и духовныхъ властей и въ непосредственной бесѣдѣ. И надо сознаться, плохое представленіе о павловцахъ получилъ бы тотъ, кто сталъ бы опираться на свѣдѣнія мѣстной полицейской власти, хотя послѣдняя и увѣряла, что сектанты къ ней чрезвычайно благорасположены.

Недостовѣрность полицейской и миссіонерской экспертизы такимъ образомъ психологически совершенно понятна. Но и частнымъ изслѣдователямъ сектантскаго быта приходится при своихъ наблюденіяхъ (особенно въ старое доброе время) преодолѣвать большія трудности. Подчасъ сектанты встрѣчаютъ ихъ съ большимъ недовѣріемъ: они слишкомъ привыкли за долгое господство стараго режима, что всякій, кто изслѣдуетъ ихъ бытъ, по большей части подходитъ съ опредѣленной миссіонерской цѣлью. Въ дѣйствительности это такъ и было, такъ какъ изслѣдовать бытъ сектантовъ частнымъ лицамъ почти нельзя было въ силу все тѣхъ же полицейскихъ репрессій. Итакъ, пока не узнаешь сектанта, пока онъ не узнаетъ тебя—всѣ собранныя данныя почти цѣликомъ слѣдуетъ отнести къ числу недостовѣрныхъ. Намъ лично много приходилось наблюдать такихъ фактовъ. Въ одномъ изъ сектантскихъ селъ Полтавской губерніи пришлось даже подвергнуться такому искусу: у меня не было рекомендацій къ мѣстнымъ сектантамъ, слѣдовательно, вся бесѣда исключительно основывалась на обоюдномъ довѣріи. Бесѣда преимущественно сосредоточивалась на общественно-политическихъ вопросахъ, такъ какъ эта именно сторона сектантскаго міросозерцанія интересовала автора этихъ строкъ. Послѣ нѣсколькихъ часовъ бесѣды старикъ сектантъ откровенно признался: «А вѣдь все, что мы говорили, неправда. Мы не знали, кто ты. Чиновники къ намъ пріѣзжаютъ, чтобы допросить и выпытать со злымъ умысломъ».

Въ силу этихъ условій и приходится подвергать строжайшей критикѣ всѣ данныя сектовѣдѣнія, относиться съ самой большой осмотрительностью къ матеріалу, который дается во всѣхъ миссіонерскихъ отчетахъ. Нѣтъ въ жизни той секты хлыстовщины, которую создали наши изслѣдователи. Мы не отрицаемъ, конечно, теоретической возможности тѣхъ половыхъ явленій, съ которыми въ обычномъ представленіи связывается такъ называемая хлыстовщина. Вѣдь существуетъ даже цѣлая научная теорія, ставящая религіозныя ощущенія въ тѣсную связь съ половой жизнью. Экстазъ, несомнѣнно, вызывается тѣмъ или инымъ органическимъ процессомъ. Все это такъ... Научно можно объяснить каждое явленіе, но это явленіе должно прежде всего существовать. Въ единичныхъ случаяхъ хлыстовщина можетъ быть связана съ цѣлымъ рядомъ явленій половой жизни, они легко могутъ сопровождать экстазъ, искусственно вызываемый различными физическими дѣйствіями, въ видѣ верченія, прыганія и т. д., что наблюдается у

мистиковъ крайняго направленія. Но далеко не вся хлыстовщина такова. Намъ лично много разъ приходилось бывать на „радѣніяхъ» сектантовъ, оффиціально числящихся въ рядахъ хлыстовъ. Эти «радѣнія» въ сущности представляютъ собой простыя молитвенныя собранія. Экстазъ тамъ на лицо въ видѣ плача и рыданій, сценъ покаянія и прощенія, несомнѣнно, дѣйствующихъ заражающимъ образомъ на всѣхъ окружающихъ. Такой компетентный изслѣдователь русскаго сектантства, какъ А. С. Пругавинъ, также говоритъ въ своей послѣдней книгѣ «Расколъ вверху», что изображеніе духовными писателями радѣній «совершенно произвольно, съ явными искаженіями истины». «Хлыстовщина не представляетъ собою чего-нибудь однороднаго, однообразнаго, а состоитъ изъ множества различныхъ развѣтвленій. Есть и такія отрасли хлыстовщины, въ которыхъ радѣній никогда не бываетъ. Затѣмъ можно указать секты хлыстовскаго характера, въ которыхъ хотя и происходятъ радѣнія, но они не заключаютъ въ себѣ ничего экстравагантнаго. Далѣе необходимо имѣть въ виду, что въ хлыстовщину идутъ обыкновенно наиболѣе религіозные, наиболѣе вѣрующіе и набожные люди, жаждущіе откровеній и общеній съ Богомъ т. е. того, что составляетъ самую суть религіи, какъ таковой. Настроенные самымъ возвышеннымъ образомъ, люди эти стремятся всячески бороться со своими инстиктами, стараясь по возможности умерщвлять свою плоть продолжительнымъ постомъ и *частыми изнурительными радѣніями»* («Расколъ вверху» стр. 32 *). Послѣднее, быть можетъ, даетъ наилучшее объясненіе той связи, которая существуетъ между эротикой и религіей.

Другой изслѣдователь нашего сектантства, В. Д. Бончъ-Бруевичъ, завязавшій огромныя связи съ сектантствомъ, благодаря личной переписки, лѣтомъ истекшаго года посѣтилъ многочисленныя хлыстовскія собранія на Кавказѣ. Онъ записалъ много интереснаго матеріала, который будетъ опубликованъ въ издаваемыхъ г. Бончъ-Бруевичемъ «Матеріалахъ», и пожалуй, самымъ интереснымъ будутъ тѣ наблюденія надъ хлыстами, которыя показываютъ намъ именно раціоналистическія основы хлыстовщины, напр., толкованія евангельскихъ притчъ, ветхозавѣтныхъ пророчествъ и т. д.

Фактическій матеріалъ, приведенный уже авторомъ въ январской книгѣ *Современнаго Міра* за текущій годъ по поводу сектъ «Новый Израиль», показываетъ довольно отчетливо по большей

*) Кстати, еще недавно въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ была напечатана корреспонденція изъ Закавказья, въ которой упоминался пресловутый «свальный грѣхъ» у сектантовъ. Послѣ провѣрки у корреспондента, однако, оказалось, что, какъ и слѣдовало ожидать, онъ не былъ очевидцемъ упомянутаго факта, что же касается до хлыстовъ, то въ дѣйствіи корреспонденту съ приказчикомъ пришлось присутствовать на хлыстовскомъ радѣніи, и въ темнотѣ онъ де слышалъ шуршаніе. Надо признать, что аргументація въ данномъ случаѣ не очень убѣдительна.

части и апріорность обвиненій хлыстовъ въ такъ называемыхъ «гнусныхъ и безнравственныхъ дѣйствіяхъ». «Новый Израиль», это—секта, выдѣлившаяся въ 90 г.г. изъ хлыстовщины, секта, выставляющая высокія нравственныя требованія. А между тѣмъ именно эта секта въ настоящее время попала въ положеніе секты, лишенной права регистраціи на основаніи закона 17 октября 1906 г. По опредѣленію еще кіевскаго миссіонерскаго съѣзда «Новый Израиль» былъ признанъ «чистымъ хлыстовствомъ»—ergo сектой, соединенной съ противонравственными дѣяніями. Къ этимъ дѣяніямъ была отнесена и «проповѣдь о соціальномъ равенствѣ»! Da ist der Hund begraben! Все ясно и очевидно.

Итакъ, всѣ столь распространенные у насъ «разсказы, толки и легенды» о народномъ мистическомъ сектанствѣ должны быть признаны въ значительной степени совершенно необоснованными. Въ распространеніи этихъ легендъ, къ сожалѣнію, больше всего виновата, пожалуй, наша беллетристика, наиболѣе доступная, конечно, широкимъ слоямъ общества. Напримѣръ, романы извѣстнаго этнографа-беллетриста Мельникова-Печерскаго сыграли поистинѣ печальную роль въ смыслѣ ознакомленія русскаго общества съ жизнью представителей религіознаго разномыслія въ народѣ. Мельникова подчасъ можно упрекнуть въ сознательномъ искаженіи или непониманіи сектанской идеологіи, непониманіи, вытекавшемъ изъ его служебнаго положенія: онъ, какъ извѣстно, стоялъ въ близкой связи съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Но передъ нами другой современный видный романистъ—Мережковскій, который столь же детально разсказываетъ о хлыстовскихъ радѣніяхъ въ романѣ «Петръ и Алексѣй». И весь этотъ матеріалъ почерпнутъ исключительно изъ миссіонерскихъ данныхъ, не заслуживающихъ, почти буквально, никакого довѣрія. Указанныя обстоятельства необходимо учитывать, когда рѣчь заходитъ о сущности и происхожденіи мистическаго сектантства.

Столь нашумѣвшая за послѣднее время, вслѣдствіе травли «истинно русскихъ» ревнителей православія, работа Д. Г. Коновалова «Религіозный экстазъ въ русскомъ мистическомъ сектантствѣ» можетъ считаться первымъ трудомъ, вышедшимъ изъ-подъ пера питомца духовной школы, въ которомъ дѣлается попытка болѣе или менѣе объективно, научно разсмотрѣть вопросъ о происхожденіи мистическаго сектантства, оставляя совершенно въ сторонѣ догматическую полемику. Эта работа затрагиваетъ очень интересный вопросъ, который и ранѣе уже поднимали нѣкоторые изъ психіатровъ, занимавшихся въ роли экспертовъ во время судебныхъ процессовъ наблюденіями надъ нашими народными мистиками, а именно вопросъ о той роли, которую играетъ въ данномъ случаѣ патологія. Вотъ по этому вопросу намъ бы и хотѣлось сказать нѣсколько словъ.

II.

Что представляетъ по своей природѣ религіозный экстазъ въ русскомъ народномъ мистическомъ сектантствѣ? Авторъ упомянутаго изслѣдованія въ первой части своей работы попытался лишь набросать очеркъ «физическихъ явленій въ картинѣ сектантскаго экстаза», тщательно собравъ по печатнымъ матеріаламъ и архивнымъ даннымъ различныя черты внѣшняго проявленія экстаза, зарегистрированныя очевидцами. Автору непосредственно сектантовъ, къ сожалѣнію, не приходилось наблюдать.

Не касаясь въ данномъ случаѣ вопроса, на сколько нарисованная картина можетъ соотвѣтствовать дѣйствительности (т. е. не разбирая степени достовѣрности источниковъ и матеріала, на основаніи которыхъ написана диссертація, что завело бы насъ слишкомъ далеко отъ основной темы), мы интересуемся лишь тѣми выводами, къ которымъ пришелъ г. Коноваловъ, характеризуя на фонѣ явленій физическихъ психологію сектантскаго экстаза. Въ диссертаціи выводовъ еще нѣтъ: они будутъ лишь въ слѣдующихъ выпускахъ работы, пока мы видимъ простое описаніе фактовъ и наблюденій. Цѣнность работы и заключается именно въ установленіи психо-физическихъ соотношеній, согласно основному постулату современной психологіи, что нѣтъ ни одного состоянія сознанія, которое не было бы обусловлено какимъ-нибудь органическимъ процессомъ. Однако, въ рѣчи передъ диспутомъ г. Коноваловъ до нѣкоторой степени предрѣшилъ и свои окончательные выводы: «Религіозный экстазъ въ русскомъ мистическомъ сектантствѣ по своей природѣ есть ничто иное, какъ *своеобразное* душевное волненіе, разрядъ нервно-психическаго возбужденія, вызываемаго искусственными религіозными упражненіями, подготовляемаго суровымъ аскетическимъ режимомъ и обусловленнаго въ значительной мѣрѣ *особенной психо-физической организаціей* самихъ сектантовъ-экстатиковъ».

Далѣе сектантскій экстазъ опредѣленно квалифицируется, какъ ненормальное душевное волненіе (Ib. стр. 6).

Такимъ образомъ, тенденція автора ясна: она и вызвала возраженія со стороны нѣкоторыхъ оппонентовъ, выступавшихъ на диспутѣ: оффиціальнаго оппонента И. М. Громогласова и пишущаго эти строки. Въ картинѣ религіознаго экстаза, нарисованнаго г. Коноваловымъ, видное мѣсто, какъ указывалъ г. Громогласовъ, занимаетъ цѣлый рядъ патологическихъ моментовъ. Не скрывается ли за этимъ мысль, что вся сущность мистическаго сектанства въ пси-

*) „Магистерскій диспутъ Д. Г. Коновалова въ Московской Духовной Академіи", стр. 6.

хо-паталогіи, и что общины сектантовъ мистиковъ состоятъ исключительно изъ нервно и душевно-больныхъ субъектовъ?» Въ отвѣтъ на это замѣчаніе диссертантъ пояснилъ, что онъ не склоненъ считать «религіозный экстазъ, наблюдаемый въ русскомъ мистическомъ сектанствѣ, явленіемъ *совершенно и всецѣло патологическимъ, болѣзненнымъ*... Въ сектантской средѣ нужно строго различать отдѣльныхъ субъектовъ—специфическихъ экстатиковъ—отъ общей массы, группирующейся вокругъ нихъ. И если первыхъ, за рѣдкими исключеніями, нельзя не признать людьми ненормальными, нервно или душевно-больными, то рядовую сектантскую массу... нѣтъ надобности считать непремѣнно *сплошнымъ* подборомъ болѣзненныхъ личностей» *).

Несмотря на сдѣланныя якобы оговорки, основная мысль автора все же проскальзываетъ довольно опредѣленно; центръ тяжести лежитъ въ патологіи. При такой постановкѣ г. Коноваловъ въ сущности близко подходитъ къ трактованію вопроса о религіозно-психическихъ эпидеміяхъ, какъ это было сдѣлано въ свое время психіатрами: проф. Сикорскимъ, акад. Бехтеревымъ и д-ромъ Якобіемъ. Въ этихъ экспертизахъ религіозный экстазъ у сектантовъ получилъ чрезвычайно одностороннее толкованіе и требуетъ существенныхъ коррективъ.

Конечно, вопросъ о природѣ религіознаго экстаза, о сущности и причинахъ религіозно-психическихъ эпидемій—вопросъ сложный и въ значительной степени спеціальный. Мы отнюдь не намѣреваемся касаться чисто психіатрической области, самыхъ формъ религіознаго экстаза, насъ интересуетъ совсѣмъ другая сторона вопроса, которую специалисты склонны подчасъ игнорировать, а между тѣмъ нѣкоторыя сопутствующія явленія многое могутъ пояснить и прежде всего поставить подъ сильное подозрѣніе ту «особенную психофизическую организацію» сектантовъ, которую желаютъ усмотрѣть тѣ, которые трактуютъ такъ называемыя религіозно-психическія эпидеміи исключительно подъ угломъ зрѣнія психіатріи, т. е. усматриваютъ въ нихъ явленія патологическаго характера, явленія, почти совпадающія съ тѣмъ, что въ общежитіи мы называемъ умопомѣшательствомъ **).

Въ русскомъ прошломъ мы имѣемъ уже не мало яркихъ картинъ такого рода «психопатическихъ» явленій, достигавшихъ ужа-

---

*) Ib. 25.

**) Надо сдѣлать оговорку. Въ дальнѣйшемъ изложеніи, говоря о психіатріи, мы будемъ имѣть въ виду, конечно, исключительно тѣхъ психіатровъ, которые печатно высказываютъ свое мнѣніе. Настоящая статья была предварительно прочтена среди спеціалистовъ въ психіатрической клиникѣ въ Москвѣ. Рефератъ вызвалъ оживленныя пренія. И авторъ въ своей точкѣ зрѣнія далеко не оказался одинокимъ, найдя и среди части присутствовавшихъ врачей единомышленниковъ. Пренія по поводу реферата будутъ напечатаны въ психіатрическомъ журналѣ С. С. Корсакова.

сающихъ размѣровъ. Самую грандіозную картину даетъ намъ, конечно, эпидемія самоистребленія у старообрядцевъ, эпидемія, начавшаяся во второй половинѣ XVII столѣтія и дошедшая вплоть до нашихъ дней: потрясающая исторія самозакапыванія въ 1896—97 гг. на Терновскихъ хуторахъ въ Тираспольскомъ уѣздѣ, Херсонской губерніи, когда 25 человѣкъ подъ вліяніемъ экстаза заживо себя погребли.

Проф. Сикорскій, написавшій спеціальный этюдъ о событіяхъ на Терновскихъ хуторахъ въ усадьбѣ старообрядческаго семейства Ковалевыхъ *), сопоставляя ихъ съ обстановкой, при которой происходили самоистребленія за два послѣднія столѣтія, пришелъ къ выводу, что въ самоистребленіяхъ мы встрѣчаемся не просто съ историческими или бытовыми явленіями, но въ извѣстной степени съ явленіями патологическими, относящимися къ разряду такъ называемыхъ психическихъ эпидемій. Ib. ст. 242—43. Бредъ помѣшанныхъ, галлюцинаціи алкоголиковъ... остаются въ теченіе вѣковъ шаблонными и стереотипными. Этой именно особенностью отличается самоистребленіе въ русскомъ народѣ. Отчасти полемизируя съ историками, усматривающими одну изъ причинъ самоистребленія въ преслѣдованіяхъ, какимъ подвергалось старообрядчество со стороны правительства, психіатръ Сикорскій находитъ, что историки обобщаютъ «частные случаи». Самоистребленіе у старообрядцевъ, по мнѣнію проф. Сикорскаго, не вызвано политическими, или иными условіями. Прежде всего потому, что оно «свойственно *исключительно* или почти исключительно расколу» и, слѣдовательно, не относится къ широкой области церковной или религіозной жизни. Политическая жизнь, соціальныя бѣдствія, преслѣдованія правительства скорѣе вызываютъ появленіе мятежей, бунтовъ, активнаго сопротивленія; въ самоистребленіяхъ же мы имѣемъ дѣло съ психологическимъ явленіемъ пассивнаго типа. Этой своей стороной самоистребленіе ближе всего подходитъ къ явленіямъ патологическимъ. Ib. 245.

Одинъ изъ критиковъ проф. Сикорскаго замѣчаетъ по этому поводу: «но не странно ли, что эпидеміи самоистребленія представляютъ особенность, соотвѣтственную исключительно русскому народу? Если вѣрно, какъ то утверждаетъ проф. Сикорскій, что эти самовольныя смерти относятся къ разряду чисто патологическихъ явленій, то почему же патологическая аномалія встрѣчается только въ нашемъ отечествѣ?» **)... Тутъ дѣло не столько въ особенностяхъ русскаго народа, сколько въ особенностяхъ, или, вѣрнѣе будетъ сказать, въ аномаліяхъ русской дѣйствительности, не столько въ антропологическомъ атавизмѣ, на значеніи котораго настаиваетъ

---

*) О 25 заживо погребенныхъ въ Терновскомъ хуторѣ (близь Тирасполя) въ 1896—97 гг. Сборникъ научно-литературныхъ статей кн. I.

**) Левъ Шейнисъ „Эпидемическія самоубійства“ Вѣстн. Воспит. 1909 г. январь, 137.

д-ръ Якобій (со статьей послѣдняго мы встрѣтимся дальше), сколько въ своего рода соціальномъ атавизмѣ, въ отсталости и исключительности русскихъ юридическихъ нормъ и общественныхъ отношеній, въ рѣзкомъ несоотвѣтствіи этихъ отношеній со здравымъ идеаломъ общежитія. Ib. 139.

И думается, историческая дѣйствительность скорѣе подтверждаетъ именно эту точку зрѣнія, подтверждаютъ это даже тѣ самые факты, на которые ссылается для обоснованія своей точки зрѣнія проф. Сикорскій.

Кіевскій психіатръ вполнѣ готовъ раздѣлить мнѣніе оффиціальнаго донесенія о самосожженіи въ 1684 г. въ Пошехонскомъ уѣздѣ: крестьяне сожгли сами себя, а «для чего то учиняли, про то никто не вѣдаетъ». Вотъ истинныя причины «этого страннаго явленія». Соб. на Терн. хут. 249. Здѣсь можно усмотрѣть болѣзненность нѣкоторыхъ неустойчивыхъ элементовъ. Проф. Сикорскій характерной чертой въ настроеніи массъ во всѣхъ случаяхъ самоистребленія считаетъ пессимизмъ, «отсутствіе вѣры въ лучшее будущее и упадокъ» и видитъ здѣсь исключительно «болѣзненную чувствительность», вызванную «преувеличенной оцѣнкой обычныхъ общественныхъ золъ». «Отпечатокъ мало мотивированной міровой скорби».

Когда у насъ начала развиваться эпидемія самоистребленія? Она начала развиваться послѣ крупныхъ народныхъ мятежей, придавшихъ тотъ исключительно бунтарской характеръ XVII столѣтію, который отмѣчаютъ современники послѣ грандіозной разиновской драмы, потрясшей все Московское государство. Въ концѣ XVII в. послѣ цѣлаго ряда неудачныхъ массовыхъ движеній «гилемъ», послѣ того, какъ «пріуныли во садочкѣ вольныя пташечки, всѣ горькія кукушечки», какъ поется въ народной пѣснѣ, начала развиваться другая своеобразная форма народнаго протеста противъ существующаго соціальнаго гнета. Прежде всего получаетъ популярность идея пустыножительства. Бѣгство было и ранѣе обычнымъ явленіемъ въ Московскомъ государствѣ, бѣжало населеніе по проторенному пути— по вольной «сиротской» дорогѣ на Донъ. Во второй половинѣ столѣтія этотъ путь постепенно закрывается; городская и сельская Русь, покидая «дворы свои и животы», бѣжитъ въ лѣса и горы и тамъ осуществляетъ идеалы казацкой вольности. Поэма о прекрасныхъ пустыняхъ, о скитахъ и общинахъ въ лѣсахъ и на крутыхъ горахъ дѣлается любимымъ старообрядческимъ стихомъ: «Прекрасная мати пустыня, отъ смуты міра прими мя».

Начинается гоненіе на вѣру, а вмѣстѣ съ тѣмъ растетъ и чувство отчаянія, растетъ экзальтація. Въ сгущающейся атмосферѣ отчаянія распространяется убѣжденіе, что въ мірѣ воцарился антихристъ, что наступаетъ конецъ міра. Отъ антихриста некуда дѣться, кромѣ какъ въ огонь. И это, дѣйствительно, такъ: правительственные указы грозятъ упорнымъ «раскольникамъ» тѣмъ же срубомъ; раскольниковъ «коптятъ на огнѣ, сжигаютъ въ срубахъ». И чтобы не

отдаваться въ руки правительства, старообрядцы предпочитаютъ сами покончить съ собой. «Поистинѣ нельзя, чтобы намъ не горѣть»,— заявляетъ на допросѣ одинъ изъ старообрядческихъ проповѣдниковъ первой четверти XIX в. Свѣдѣнія о первыхъ гаряхъ относятся въ 1676—1683 гг., когда подъ впечатлѣніемъ правительственныхъ преслѣдованій и ожиданія кончины міра запылали костры во всей Руси.

«Самовольные ученики» погибаютъ почти обычно въ глазахъ открывшей ихъ убѣжище воинской команды, сыщиковъ, которыхъ разсылаетъ правительство во всѣ концы государства отыскивать упорствующихъ. Сжигаются иногда послѣ упорной борьбы; напр., въ Палеостровскомъ монастырѣ, на Онежскомъ озерѣ въ 1688 г. самосожженіе происходитъ послѣ того, какъ 1500 старообрядцевъ въ теченіе болѣе 9 недѣль отбивались отъ накрывшей ихъ воинской команды *). Въ Тарѣ въ 1722 г. старообрядцы, протестовавшіе противъ манифеста о престолонаслѣдіи, взрываютъ себя на воздухъ въ моментъ появленія воинской команды и т. д.

Въ старообрядческихъ стихахъ о самоистребленіи подчасъ звучатъ опредѣленные соціальные мотивы. Если оффиціальное донесеніе 1684 г. увѣряло, что «для чего то учинили, про то никто не вѣдаетъ», то историку эти причины вскрыть нетрудно. Умирали «за свою бороду честную», но вѣдь эта борода была неразрывно связана съ двойнымъ подушнымъ окладомъ, съ преслѣдованіемъ и раззореніемъ. Вѣдь кто не принимаетъ печати антихристовой, «тому житіе гонимо». «Охромѣла истина», повсюду царитъ «неправда», повсюду «дани тяжелыя»—таковы характерныя черты всепоглащающаго полицейскаго государства.

Съ теченіемъ времени фанатизмъ и экстазъ неизбѣжно ослабѣваютъ, но тѣмъ не менѣе не исчезаютъ бѣгуны и странники, не исчезаютъ и случаи самоистребленія въ моментъ усиленныхъ правительственныхъ гоненій. Старообрядцы Новгородской губ. умираютъ голодной смертью, чтобы избавиться отъ «забровой» т. е. отъ военныхъ поселеній. Въ половинѣ XIX столѣтія въ Оренбургской губерніи погибаетъ 150 человѣкъ и передъ сожженіемъ говорятъ: «предаемъ себя сгорѣнію отъ присылаемыхъ командъ, грабительства и раззоренія»... «многіе изъ насъ безвинно взяты въ Тобольскъ и въ заключеніи претерпѣваютъ голодъ и мученія и никому свободы нѣтъ» **). Такое же настроеніе проявляется и въ Вольскѣ 1843 г. послѣ знаменитаго раззоренія иргизскихъ старообрядческихъ монастырей подъ впечатлѣніемъ слуховъ, что изъ Саратова двигается губернаторъ Ѳадеевъ съ двумя ротами солдатъ (Ib. 95), и т. д. Въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія мы встрѣчаемся со случаями умерщвленія крестьянами своихъ дѣтей, что давало по-

*) Сапожниковъ «Самосожженіе въ русскомъ расколѣ» 33.

**) Діонисіевъ „Движеніе въ расколѣ“ Отеч. Зап. т. CCXVII, 94.

водъ говорить о существованіи секты дѣтоубійцъ. И эта «секта», конечно, является прямымъ порожденіемъ всѣхъ ужасовъ крѣпостного права въ дореформенной Россіи...

И вотъ мы передъ событіями въ Терновскихъ хуторахъ. Проф. Сикорскій и здѣсь не придаетъ никакого значенія преслѣдованіямъ: Терновская драма для него исключительно психопатическое явленіе*).

Исходя, однако, изъ фактовъ, приводимыхъ проф. Сикорскимъ, можно ясно усмотрѣть, гдѣ крылась въ значительной степени причина того тревожнаго настроенія, которое охватило жителей усадьбы Ковалевыхъ, т.-е. тайнаго старообрядческаго скита: въ перспективѣ рисовались гоненія. Терновскіе старообрядцы жили «не только въ страхѣ, но и въ какой-то человѣкобоязни и мрачности». «Жильцы скита вели себя такъ, какъ люди, скрывающіеся и живущіе въ постоянномъ страхѣ, они рѣдко выходили изъ зданія, развѣ только по ночамъ, днемъ же, напр., для необходимыхъ работъ, они выходили по одному и не болѣе, какъ по два, и то до извѣстной степени, маскируя себя костюмами легальныхъ жильцовъ Ковалевской усадьбы» (Терн. соб. 169). При такихъ условіяхъ повседневной жизни и у не «помѣшанныхъ», не у патологическихъ субъектовъ экзальтація могла найти себѣ самую благопріятную почву. Проф. Сикорскій находитъ, что подобное настроеніе не вытекало изъ дѣйствительной жизни. Все это были «неосновательные страхи», вызванные «психопатическими причинами». Для страха не было почвы. Такъ ли это въ дѣйствительности? Страхи были подъ вліяніемъ народной переписи. Вспомнимъ, что Ковалевская усадьба представляла собой потайной скитъ. За отказъ дать о себѣ свѣдѣнія нѣкоторые изъ жителей усадьбы, какъ безпаспортные, были подвергнуты уже предварительному аресту.

Въ концѣ концовъ перепись должна была обнаружить тайну, столь тщательно скрываемую, и, быть можетъ, привести къ уничтоженію скита. Терновскіе скитники пребываютъ въ непрерывномъ страхѣ въ ожиданіи гоненій. «Тамъ (въ острогѣ) будутъ рѣзать, мучить—лучше въ яму закопаться (Ib. 178)» Является къ тому же боязнь, что наиболѣе слабые не выдержатъ „мучительства“ и откажутся отъ вѣры... Ожиданіе гоненій—все это неосновательные страхи, возбуждаемые больнымъ воображеніемъ. Да, конечно, въ тюрьмѣ бы не рѣзали, но ожиданія преслѣдованій вовсе уже не такъ были неосновательны.

Напомнимъ хотя бы о позднѣйшихъ постановленіяхъ «секретной коммиссіи по дѣламъ раскола» въ февралѣ 1900 г., работавшей подъ предсѣдательствомъ оберъ-прокурора синода Побѣдоносцева, при участіи великаго князя Сергія Александровича, министра юстиціи Муравьева и управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ Сипягина. Совѣщаніе, обсуждая записку московскаго гене-

---

*) Въ томъ же духѣ изображается Терновская драма въ повѣсти г. Поливанова, напечатанной въ текущемъ году въ «*Русской Мысли*».

ралъ-губернатора, проектировало «цѣлый рядъ систематически задуманныхъ и твердо проведенныхъ мѣръ воздѣйствія» для «борьбы съ усиливающимся расколомъ». Эти мѣры сводились къ необходимости усиленія административнаго «воздѣйствія» въ видѣ болѣе тщательнаго негласнаго полицейскаго надзора за старообрядческими учрежденіями и соотвѣтствующихъ измѣненій въ законѣ 3 мая 1883 г. въ смыслѣ ограниченія льготъ, предоставляемыхъ старообрядцамъ. Подобныя измѣненія проектировались въ тотъ самый моментъ, когда въ сущности отъ закона 3 мая почти ничего не осталось, когда примѣненіе его въ жизни было урѣзано министерскими циркулярами, когда старообрядцы de facto стояли «внѣ закона».

Такъ было черезъ какихъ-нибудь три года послѣ терновскихъ событій. А за три года до нихъ былъ изданъ знаменитый законъ о штундистахъ, запрещавшій имъ всякаго рода общественныя моленія. Въ число гонимыхъ попали всѣ такъ называемые баптисты, а между тѣмъ вспомнимъ, что Херсонская губернія является однимъ изъ главныхъ центровъ распространенія этой секты. Здѣсь, слѣдовательно, особенно чувствительно должно было ощущаться полицейское примѣненіе закона 4 іюля 1894 г. Законъ, правда, не распространялся на старообрядцевъ, но, конечно, гоненія на дессидентовъ-штундистовъ не могли не отозваться на психологіи и мѣстнаго старообрядческаго населенія; какъ разъ въ періодъ 1897—99 гг. сектанты преслѣдовались съ особеннымъ усердіемъ. И другое неблагопріятное предзнаменованіе падало на тотъ же злосчастный 1897 г.,—въ этотъ годъ засѣдалъ столь прославившійся III всероссійскій миссіонерскій съѣздъ въ Казани: пастыри на съѣздѣ, какъ извѣстно, рекомендовали «сильныя средства» для борьбы съ расколомъ въ видѣ отобранія дѣтей, конфискаціи имущества, запрещенія общественныхъ богомоленій, лишенія правъ гражданства и т. д. Правда, хронологически терновскія событія не совпадаютъ съ резолюціями III съѣзда: первое самозакапываніе произошло въ декабрѣ 1896 г. Но къ съѣзду миссіонеры готовились задолго. Еще второй всероссійскій миссіонерскій съѣздъ въ Москвѣ въ 1891 г. призналъ, что «мѣры духовнаго воздѣйствія на расколовождей положительно немыслимы—бороться со злой волею преступниковъ (?)... путемъ убѣжденія безполезно». Отцы миссіонеры признали, что «обуздать фанатизмъ и козни расколовождей можно только воздѣйствіемъ гражданской власти» (В. Скворцовъ, «Второй миссіонерскій съѣздъ въ Москвѣ», стр. 7). Этотъ именно съѣздъ постановилъ ходатайствовать, чтобы миссіонерамъ гражданская власть оказывала «законное содѣйствіе», чтобы «мѣрами административнаго воздѣйствія» устранялись препятствія въ миссіонерскихъ бесѣдахъ.

Если мы ограничимся даже приведенными фактами, то врядъ

ли можетъ быть безъ существенныхъ оговорокъ принято категорическое утвержденіе, что настроеніе, создавшееся на хуторѣ Ковалевыхъ, не вытекало изъ фактовъ дѣйствительной жизни, что все это было лишь плодомъ болѣзненнаго воображенія, что оно было безпочвенно и вызывалось «психопатическими причинами».

Пойдемъ, однако, дальше. Проф. Сикорскій передаетъ намъ нѣкоторыя подробности, касающія другой «психопатической эпидеміи», бывшей въ 1892 г. въ Кіевской губерніи. Точка зрѣнія г. Сикорскаго здѣсь особенно любопытна, такъ какъ его наблюденія основываются въ данномъ случаѣ на непосредственно произведенной имъ экспертизѣ. Эпидемія эта, наблюдавшаяся въ Васильковскомъ уѣздѣ Кіевской губерніи, связана съ именемъ, дѣятельностью и болѣзнью мѣщанина г. Таращи, Кондратія Малеваннаго. Все, происходившее на собраніи сектантовъ, указываетъ, по мнѣнію г. Сикорскаго, «съ очевидностью на существованіе повальнаго болѣзненнаго состоянія или *предрасположенія*, которое, ища себѣ исхода, и находитъ его... въ стадномъ экстазѣ и массовомъ возбужденіи собравшихся людей» (Психопатическая эпидемія въ 1892 г. въ Кіевской губ., Сборникъ кн. V, стр. 45).

Не касаясь сущности и самыхъ фактовъ, въ которыхъ въ данномъ случаѣ выливался религіозный экстазъ у сектантовъ, мы бы хотѣли указать лишь нѣкоторыя сомнѣнія, которыя возбуждаются при ознакомленіи съ экспертизой, произведенной спеціалистомъ по психіатріи.

Малеванщина, конечно, явленіе другого порядка, чѣмъ трагедія на Терновскихъ хуторахъ. Здѣсь нѣтъ тѣхъ ужасныхъ послѣдствій, къ которымъ привелъ религіозный фанатизмъ на почвѣ экзальтаціи на Терновскихъ хуторахъ. Поэтому произносить одинъ и тотъ же діагнозъ врядъ ли справедливо. Мало того, мы встрѣтимся при характеристикѣ основныхъ чертъ малеванской идеологіи съ весьма возвышенными чертами, ставящими, пожалуй, малеванщину даже въ число передовыхъ нашихъ сектъ. Недаромъ кіевскій миссіонерскій съѣздъ призналъ малеванщину «хлыстовскимъ направленіемъ на штундовой почвѣ» и характеризовалъ ее, какъ «практическій анархизмъ, легко воспринимающій идеи соціалъ-демократическихъ ученій» («Цер. Вѣд.» 1908 № 39). Какъ не безсмысленна сама по себѣ такая характеристика, но она знаменательна въ устахъ нашихъ отцовъ-миссіонеровъ. Профессоръ Сикорскій наблюдалъ малеванцевъ въ періодъ остраго религіознаго броженія, а потому сущность секты, повидимому, и ускользнула изъ сферы его вниманія. Нельзя не отмѣтить и того, что экспертиза проф. Сикорскаго до нѣкоторой степени носитъ ту специфическую окраску, которая лежитъ, какъ мы видѣли, на миссіонерскихъ экспертизахъ. Проф. Сикорскій подходитъ къ сектантамъ съ предвзятымъ мнѣніемъ, а это само по себѣ уже ли-

шаетъ цѣнности его экспертизу. Штундисты для него секта «простонароднаго характера», соединенная съ нѣкоторымъ фанатизмомъ и заблужденіями (Ib., стр. 150), секта, къ которой народная масса, не понимающая вѣротерпимости, относится съ нескрываемой враждебностью, только господствующее православіе для кіевскаго психіатра является или являлось идеаломъ, вполнѣ отвѣчающимъ народному духу и народнымъ чертамъ (Ib., стр. 258).

Какъ это ни странно, кіевскій психіатръ оказался солидарнымъ съ тѣми оригинальными пріемами лѣченія кіевской эпидеміи 1892 г., которыя примѣняла мѣстная высшая администрація. Проф. Сикорскій выдалъ имъ одобрительную аттестацію: онъ нашелъ ихъ вполнѣ цѣлесообразными и констатируетъ, что они имѣли благотворное вліяніе. Въ чемъ же заключались эти цѣлесообразныя мѣры? «Прежде всего, на основаніи закона объ усиленной охранѣ, были воспрещены собранія малеванцевъ, а впослѣдствіи его сіятельствомъ гр. Игнатьевымъ были одобрены слѣдующія мѣры: 1) помѣщеніе въ лѣчебницѣ для душевно-больныхъ тѣхъ изъ числа малеванцевъ, которые страдаютъ помѣшательствомъ и своими болѣзненными идеями и дѣйствіями поддерживаютъ религіозное броженіе массъ; 2) помѣщеніе въ лѣчебницы и монастыри (sic!—совсѣмъ по традиціи петровскаго времени) тѣхъ сектантовъ, которые страдаютъ нервными и особенно судорожными болѣзнями и которые своими припадками и своимъ патологическимъ характеромъ вредно дѣйствуютъ на окружающихъ; 3) арестъ и административная ссылка (!?) тѣхъ сектантовъ, которые въ своей дѣятельности обнаружили *преступный* (?) фанатизмъ *). Въ спеціальной коммиссіи, назначенной начальникомъ юго-западнаго края для изслѣдованія на мѣстѣ свойствъ и сущности болѣзненно-религіознаго движенія въ Васильковскомъ уѣздѣ, принималъ участіе и проф. Сикорскій. Онъ и установилъ нервно-психическую эпидемію.

Толчкомъ къ развитію эпидеміи, при существующемъ уже предрасположеніи населенія, послужила фанатическая проповѣдь Малеваннаго о наступленіи страшнаго суда (эпидемія 1892 г., кн. I, стр. 49). Въ 1891 г. Малеванный былъ, по распоряженію властей, освидѣтельствованъ относительно состоянія умственныхъ способностей и помѣщенъ въ психіатрическое отдѣленіе при Кирилловскихъ богоугодныхъ заведеніяхъ въ Кіевѣ. По тщательномъ изслѣдованіи онъ оказался страдающимъ помѣшательствомъ, уже перешедшимъ въ хроническое состояніе... Рѣчь его носитъ характеръ автоматическаго потока фразъ, сопровождаемыхъ одними

*) При изданіи своихъ сборниковъ, проф. Сикорскій выбросилъ это мѣсто въ своей статьѣ, напечатанной предварительно въ «Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ». Цитирую по статьѣ г. Шейниса, стр. 141. Всю несообразность такихъ мѣръ «изоляціи» съ точки зрѣнія психіатріи прекрасно выяснилъ д-ръ Якобій въ нижецитируемыхъ статьяхъ, напечатанныхъ въ 1901 г. въ «Вѣстникѣ Европы».

и тѣми же движеніями, жестами и интонаціей. Теченіе его мыслей лишено послѣдовательности. Такой же характеръ носитъ и такъ называемое Евангеліе Малеваннаго—это записанная его поклонниками съ его словъ импровизація, не лишенная лирическаго оттѣнка, но лишенная послѣдовательности, а равно логическаго и грамматическаго смысла (Ib. 48). Болѣзненный бредъ Малеваннаго проявляется въ томъ, что онъ убѣжденъ, что находится въ постоянномъ сношеніи съ Духомъ Святымъ, Малеванный считаетъ себя Іисусомъ Христомъ, Спасителемъ міра, евангельскій же Христосъ, по его мнѣнію, не былъ исторической личностью, и всѣ сказанія о евангельскомъ Христѣ суть только пророчества о немъ — Малеванномъ (Ib. 47). Сводя воедино «главнѣйшіе признаки сложнаго психопатическаго броженія, названнаго малеванщиной, мы видимъ въ немъ слѣдующія составныя части: 1) эпидемическую истерію, 2) параноическое помѣшательство, 3) квіэтизмъ, 4) упадокъ питанія (Ib. 89).

Не отрицая наличности чертъ, характеризующихъ экстатическое состояніе сектантовъ, нельзя не обратить вниманія на то, что нѣкоторые признаки, несомнѣнно указывающіе, по мнѣнію г. Сикорскаго, на болѣзненное состояніе сектантовъ, или сами по себѣ не выдерживаютъ критики, или опровергаются другими свидѣтельствами. Напр., въ числѣ ненормальностей проф. Сикорскій считаетъ употребленіе малеванцами (между прочимъ, слѣдуетъ отмѣтить и другими сектантами; напр., молоканами), нѣкоторыхъ предметовъ роскоши «несоотвѣтственно нуждамъ» напримѣръ; зонтики употреблялись въ такую раннюю весеннюю пору, когда ихъ никто не употребляетъ; равнымъ образомъ носовые платки играютъ у малеванцевъ лишь роль туалетныхъ украшеній, но не употребляются для дѣйствительной надобности (Ib. 52). Такая аргументація граничитъ съ наивностью. Кто не знаетъ, что все перечисленное проф. Сикорскимъ довольно обычное явленіе въ деревенскомъ быту; напр., калоши въ самую хорошую погоду—простое щегольство. Во всякомъ случаѣ, приводить это въ качествѣ доказательства ненормальности, пожалуй, слишкомъ рискованно... Безсмысленные тарабарскіе звуки, имитирующіе слова и разговоръ,—подчасъ являются даже весьма осмысленными. А недостаточно вдумчивое отношеніе не разъ уже приводило къ тому, что сектантская символистика служила поводомъ къ обвиненіямъ даже въ изувѣрствѣ, какъ это было съ хлыстами. Языкъ хлыстовъ преисполненъ аллегоріями и словами, заимствованными изъ текста священнаго писанія, при чемъ точный смыслъ всегда игнорируется: «дай намъ пречистымъ тѣломъ твоимъ причаститься»—поютъ хлысты, и подъ пречистымъ тѣломъ «Богородицы» подразумѣвается духовное общеніе. Г-жа Ясевичъ Бородаевская, изучавшая малеванцевъ, свидѣтельствуетъ, что малеванцы отводятъ широкое мѣсто сравненіямъ, уподобленіямъ и игрѣ словъ» (Сектанты въ Кіевской губ. стр. 24).

Малеванный считаетъ себя Іисусомъ Христомъ. Итакъ, на лицо явные признаки сумасшествія. Но вѣдь это обожествленіе можно толковать и по иному. Дѣйствительно, Малеваннаго его послѣдователи считаютъ «Богомъ». Однако, здѣсь приходится понимать не буквально, а аллегорически. Богъ есть во всякомъ просвѣтленномъ человѣкѣ; въ этомъ только смыслѣ Малеванный и отожествляется Богу. Яркую иллюстрацію такого именно пониманія даетъ намъ бесѣда съ однимъ изъ видныхъ послѣдователей Малеваннаго, передаваемая г. Жихаревымъ въ статьяхъ «Искатели правды» (Познаніе Россіи, кн. I стр. 6—7). «Вамъ кажется безуміемъ назвать Малеваннаго Богомъ, а станьте вы чистымъ, и я васъ назову имъ же» «Мое понятіе Бога простое. Подъ Богомъ Отца я разумѣю премудрость, подъ Сыномъ—плоть человѣка, а подъ Духомъ—душу. Для васъ противно, что я говорю, что Богъ въ Таращѣ, а для меня это самое простое и удобное слово... Бога я не вижу ни въ небѣ, ни въ землѣ, ни въ солнцѣ—Богъ въ человѣкѣ. Онъ является намъ, и вотъ явленіе то его я яснѣе вижу въ Таращѣ въ Малеванномъ, поэтому я и говорю по простотѣ, что Богъ въ Таращѣ».

Вѣдь въ сущности это довольно обычная христологическая теорія, распространенная у многихъ сектантовъ (въ особенности у хлыстовъ), и не заключающая въ себѣ ничего патологическаго: у такъ называемыхъ духовныхъ скопцовъ, хлыстовъ и близкихъ къ послѣдимъ по происхожденію духоборовъ. Совершенно однородна христологическая теорія одного изъ первыхъ идеологовъ духооборчества Капустина: Господь--Божественный разумъ, вселился въ Іисусѣ, какъ душа въ тѣлѣ; съ тѣхъ поръ онъ непосредственно пребываетъ въ человѣческомъ родѣ. Душа Іисуса переселяется изъ тѣлъ одного избраннаго въ тѣло другого; но каждый истинно вѣрующій также чувствуетъ въ себѣ присутствіе души Іисуса (Н. Никольскій въ «Исторіи Россіи». Гранатъ, вып. 20 стр. 267). И несомнѣнно лишь одно, что христологическая теорія малеванцевъ стоитъ несравненно выше хлыстовскихъ теорій; она болѣе развита и болѣе раціональна. Человѣкъ — высшее созданіе міра, человѣкъ есть живой храмъ Божій—вотъ «богопочитаніе малеванцевъ». Аналогична этой христологической теоріи и теорія антихриста, въ свое время столь распространенная въ старообрядческой средѣ. И не слѣдуетъ вовсе эту теорію всецѣло изображать въ видѣ грубаго воплощенія или реализаціи въ жизни страшнаго апокалипсическаго звѣря дракона, «семиглаваго звѣря» и т. п. Народная легенда подчасъ олицетворяла дѣйствительно антихриста въ царѣ Алексѣѣ, патріархѣ Никонѣ и особенно въ Петрѣ I. Но публицистика видѣла въ антихристѣ какъ бы знаменіе или духъ времени. Духовный антихристъ это—фостральное изображеніе извѣстной идеи.

Проф. Сикорскій, старательно отмѣчающій «патологическія» черты въ экстазѣ малеванцевъ, видящій одну изъ главныхъ причинъ «болѣзненнаго» настроенія сектантовъ въ ихъ «мучительномъ

религіозномъ отщепленіи и отдѣленіи отъ великаго народнаго организма», къ сожалѣнію, забываетъ указать на нѣкоторыя явленія, сопутствующія эпидеміи въ Кіевской губ.—на тѣ «жестокости», которыя совершали сельскія и др. власти надъ малеванцами. А, несомнѣнно, какъ справедливо отмѣчаетъ г-жа Ясевичъ, «эта сторона общественной жизни именно способствовала усиленію и истеріи, и экстаза» (Ib. 18). Проф. Сикорскій въ своей экспертизѣ отмѣчаетъ «жизнерадостность сектантовъ», впрочемъ, противорѣча въ данномъ случаѣ самому себѣ (см. выше). Д. Г. Коноваловъ также отмѣчаетъ эту черту—онъ зачисляетъ поэтому русскихъ сектантовъ въ число сектантовъ sui generis (Отчетъ о диспутѣ стр. 7). Но о сектантахъ sui generis по признаку жизнерадостности говорить очень трудно. Очевидно, продуктомъ этой именно жизнерадостности является самосожженіе, самозакапываніе, дѣтоубійство и др. аналогичныя явленія, наблюдаемыя въ русской жизни. Вѣроятно, и «квіэтизмъ», который отмѣчаетъ у малеванцевъ проф. Сикорскій, является результатомъ той же жизнерадостности. Г-жа Ясевичъ такъ описываетъ проповѣдь Малеваннаго: «Съ глубокой скорбью во взорѣ новоявленный пророкъ встрѣчаетъ всѣхъ привѣтливо и ласково; воздѣвая руку къ небу, онъ со страстью говоритъ о злѣ, царящемъ на землѣ и охватившемъ весь родъ людской, указываетъ на необходимость возродиться къ новой жизни путемъ самоусовершенствованія, любовью къ ближнему, добрыми дѣлами, стремленіемъ къ истинѣ, исканіемъ ея» (Ib. 16). Вѣроятно, результатомъ жизнерадостности явилась секта адвентистовъ среди штундистовъ Екатеринославской губерніи, въ которой и дѣятели 3 миссіонерскаго съѣзда отмѣчали полное ослабленіе жизненной энергіи: «Возлѣ ободранной, покосившейся хаты близь заброшеннаго огорода сидятъ эти фанатики, забросившіе всякую работу, въ чистыхъ бѣлыхъ сорочкахъ съ непокрытой головой; вялость движеній, медленность рѣчи и взоръ тусклыхъ безжизненныхъ устремленныхъ вдаль глазъ говорятъ о глубокой апатіи» (Бобрищевъ-Пушкинъ. «Судъ и раскольники сектанты» стр. 21). И эта необоснованная міровая скорбь, эта апатія являются, конечно, не плодомъ неудержимой жизнерадостности, а плодомъ отчаянія, разочарованія и песимизма. Именно отсутствіемъ жизнерадостности приходится объяснять развитіе мистическихъ ученій въ народной средѣ, которой гораздо болѣе свойственъ раціонализмъ и трезвое отношеніе къ дѣйствительности. Лишь исключительныя условія содѣйствуютъ тому, что неудовлетворенныя религіозныя исканія переходятъ въ экстазъ, заразительно дѣйствующій на окружающую среду.

Обостренность религіознаго чувства, обостренность исканій въ значительной степени объясняются внѣшними условіями, при которыхъ она протекаетъ. Въ дѣлѣ малеванцевъ до оффиціальнаго обнаруженія эпидеміи мы встрѣчаемся съ длинной цѣпью гоненій, способствовавшихъ возбужденію сектантовъ. Въ сущности, повѣ-

ствованіе о Малеванцахъ надо начать именно съ описанія «страданій», а «мучительство», конечно, электризуетъ и фанатизируетъ толпу. П. Бирюковъ въ статьѣ, написанной въ 1904 г. за границей и посвященной малеванцамъ, цитируетъ полученное имъ частное письмо («Что такое сектанты и чего они хотятъ». Изд. «Посредника» стр. 50), говорящее о началѣ «страданій». «Въ одинъ прекрасный день (въ концѣ 1890 г.) по наущенію попа пріѣхалъ полицейскій надзиратель. Собралось много народа у домика, гдѣ жилъ страдалецъ (Малеванный). Надзиратель требовалъ отъ него всякіе отвѣты, но страдалецъ не давалъ никакихъ отвѣтовъ, а только молился Богу. Тогда надзиратель тайкомъ позволилъ народу ломать и колотить домикъ, въ которомъ находился страдалецъ, и въ эту ночь избили въ этомъ домикѣ всѣ окна и двери и кидали въ окна и двери полѣнами и каменьями... На утро домикъ остался почти совсѣмъ раззореннымъ». Участіе полиціи и духовенства въ сектантскихъ погромахъ—почти обычное явленіе; какъ показываютъ факты, эти погромы почти всегда инспирируются со стороны (С. Мельгуновъ. Церк. и Гос., вып. II стр. 150 и др.).

Послѣ неудачнаго миссіонерскаго увѣщеванія, Малеваннаго отправляютъ въ тюрьму въ г. Таращи и насмѣхаются надъ нимъ: «Одѣли его въ самую худую одежду... посадили въ одиночную, самую худшую камеру и дали въ изголовье ему камень», а въ то же время священникъ убѣждаетъ его принять православіе, обѣщая тогда отпустить домой (Бирюковъ стр. 51). Изъ Таращи его отправляютъ въ Умань въ тюрьму. Затѣмъ ведутъ въ Кіевъ, ведутъ закованнымъ въ кандалы (П. 52). Въ Кіевѣ, послѣ освидѣтельствованія коммиссіей, Малеваннаго помѣщаютъ въ отдѣленіе душевно-больныхъ Кирилловской больницы. Затѣмъ вскорѣ отпускаютъ домой «подъ надзоръ полиціи». Послѣ одного недозволеннаго собранія Малеваннаго вновь арестовываютъ и сажаютъ на высидку въ г. Таращѣ при полицейскомъ управленіи». По словамъ родственниковъ Малеваннаго, его тамъ «жестоко избили и послѣ всяческаго издѣвательства отпустили домой (Ib. 52). Послѣ этого эксперимента Малеванный опасно заболѣлъ, и какъ предполагаетъ г. Бирюковъ, нервной горячкой. Самъ Малеванный такъ разсказываетъ о своемъ пребываніи въ тюрьмѣ: «били чѣмъ попало и какъ попало, выбили передніе зубы, бросили на полъ, ходили по мнѣ ногами, безчувственному совали въ носъ и ротъ окурки» (Жихаревъ кн. III, 3). На здоровье и самочувствіе Малеваннаго такія средневѣковыя пытки, несомнѣнно, должны были оказать сильное вліяніе.

Это было въ началѣ 1893 г. Въ апрѣлѣ Малеваннаго вновь арестовываютъ и отправляютъ въ кіевскій сумасшедшій домъ, гдѣ онъ пребываетъ до осени въ строгомъ одиночномъ заключеніи, при чемъ, конечно, всякія сношенія съ единомышленниками прекращаются. Для большей «изоляціи» Малеваннаго 14 сентября

1893 г. переводятъ, по распоряженію высшаго начальства, въ казанскій домъ умалишенныхъ. Одному изъ знакомыхъ г. Бирюкова пришлось увидѣть Малеваннаго въ кіевской больницѣ; онъ разсказываетъ, на основаніи бесѣдъ съ фельдшерами и служителями больницы, что Малеваннаго тамъ содержали, какъ «буйнаго больного», хотя ни одного случая буйства Малеваннаго не было зарегистровано (Бирюковъ, стр. 55).

Что же испытывали въ это время его послѣдователи? Арестъ Малеваннаго долженъ былъ самъ по себѣ возбудить сочувствующіе ему элементы населенія. Но и это сочувствующее населеніе (предрасположенное къ болѣзни—по терминологіи г. Сикорскаго) подвергалось аналогичнымъ полицейскимъ мѣрамъ воздѣйствія. Что же скажетъ читатель по поводу такой картины, набрасываемой очевидцами? Арестовывается въ с. Зубарахъ нѣкто Захарій Диденко; сельскій староста, зацѣпивъ веревкой за шею, потянулъ Диденко на грушу. Такъ его подняли на полтора аршина, распяли руки на деревѣ, а также ноги и стали дубовымъ коломъ бить по колѣнамъ, животу, по груди. Кровь текла рѣкою. Захарій умеръ въ больницѣ (Жихаревъ, 11 стр. 8). Другого сектанта убили и въ ротъ забили осиновый колъ; третьяго избили до полусмерти и, когда тотъ попросилъ воды, дали кипятокъ и ошпарили ему всѣ внутренности... Дѣйствовали ли «невѣжественныя» сельскія власти по чьему-либо внушенію или по собственной иниціативѣ?—въ данномъ случаѣ не все ли равно. Фактъ остается фактомъ. Ясно, однако, что тѣ, кто подвергали малеванцевъ дѣйствительно мученіямъ, слѣдовали за тѣмъ, кто сажалъ сектантовъ въ тюрьму, кто избивалъ ихъ въ застѣнкахъ полицейскихъ участковъ...

Для проф. Сикорскаго въ сущности вся секта малеванцевъ носитъ явно нелѣпый характеръ. Однако, если мы послушаемъ другихъ лицъ, наблюдавшихъ этихъ сектантовъ, мы вынесемъ, пожалуй, нѣсколько иное впечатлѣніе.

Въ «ненормальномъ настроеніи» малеванцевъ мы встрѣтимся съ высокими нравственными направленіями человѣческаго духа. Прежде всего, если уже принимать искусственное и несоотвѣтствующее наблюдаемой дѣйствительности дѣленіе на мистическія и раціоналистическія секты, то малеванцы во всякомъ случаѣ не могутъ быть всецѣло отнесены къ первой категоріи. Въ ихъ ученіи о богочеловѣчествѣ, какъ мы уже видѣли, много раціонализма; ихъ теологія внутренняго богопознанія вытекаетъ не только изъ экстатическаго непосредственнаго общенія съ божествомъ, но въ той же мѣрѣ изъ раціоналистической критики существующихъ формъ религіознаго сознанія. Малеванцы отрицаютъ священное писаніе, придавая ему иносказательный смыслъ. Этимъ самымъ они существенно отличаются отъ баптистовъ. «Евангеліе, по ихъ ученію, не законодательный кодексъ, коему слѣдуетъ слѣпо подчиняться, а сводъ нравственныхъ правилъ, облеченный въ ино-

сказательную форму, цѣлый рядъ аллегорій и притчъ, при чемъ даже событія изъ жизни Спасителя, вплоть до его крестной смерти, понимаются многими духовно» (Ясевичъ, стр. 19). «Если жить по буквѣ, то можно впасть въ большія ошибки, такъ какъ ни одно писаніе не можетъ породить столько разногласій, какъ Евангеліе». «Вчитайтесь, и вы увидите, что весь Ветхій и особенно Новый завѣтъ состоитъ изъ притчъ, которыя слѣдуетъ понимать духовно. Христосъ, по ихъ мнѣнію,—добро, а разбойникъ—зло. Правду-Христа похоронили, а разбойника-зло освободили, и оно царитъ на землѣ» (Ib. 19). Вотъ какъ, напримѣръ, малеванцы толкуютъ воскресеніе мертвыхъ: неужели же вы думаете, что настанетъ время, когда вдругъ раскроются всѣ гробы и повыходятъ оттуда сгнившіе покойники, какъ вотъ ихъ на картинахъ рисуютъ? Да нѣтъ же. Въ гробахъ люди живые, бродятъ эти люди, какъ звѣри, захваченные грѣхомъ, а спадетъ съ нихъ пелена, бросятъ беззаконія, раскроются ихъ гробы и воскреснутъ они вотъ тутъ, на этой землѣ, да и теперь уже воскресаютъ,—воскреснутъ всѣ, познавъ истину, Бога въ его любви и станутъ люди любить другъ друга, а не терзать, какъ терзаютъ теперь» (Ib. 23). Второе пришествіе это—только притча. «Не отвергая Ветхаго и Новаго завѣта, какъ книгъ назидательныхъ, но для принявшихъ новое уже отжившихъ и сдѣлавшихъ свое дѣло, малеванцы считаютъ эту книгу за азбуку, необходимую лишь для несовершенныхъ, каковы, по ихъ мнѣнію, баптисты, отыскивающіе еще путь. Евангеліе, по ихъ понятіямъ, есть только путь съ адресомъ въ градъ спасенія, а если найдешь городъ и попадешь въ него, то адресъ можно бросить (Ib. 20). Сравнивая баптизмъ съ православіемъ, малеванцы говорятъ: «и то ярмо, и це ярмо». Баптисты путаются во мракѣ, какъ православные: буква убиваетъ вѣру. А мы букву отринули. Мы теперь даже и библіи не читаемъ. Она была нужна, пока мы не знали правды» (Жихаревъ, 1, 12). Теперь же Евангеліе въ сердцахъ.

Наблюденіе надъ сектантами въ періодъ остраго религіознаго броженія, давшее проф. Сикорскому матеріалъ для констатированія психопатической эпидеміи, затушевывало нравственныя и общественныя побужденія, лежавшія въ основѣ сектантскаго движенія. Съ теченіемъ времени экстазъ прошелъ, обыденная жизнь вступила въ свои права, «неся на себѣ слѣды внутренняго перерожденія»,—совершенно справедливо замѣчаетъ г. Бирюковъ.

Позднѣйшіе наблюдатели малеванцевъ отмѣчаютъ намъ и соціальныя основы малеванскаго міровоззрѣнія, и здѣсь уже при самыхъ большихъ натяжкахъ нельзя говорить о какихъ-либо даже косвенныхъ проявленіяхъ психопатіи. Малеванцы, какъ и большинство русскихъ сектантовъ, пытаются свое ученіе реализовать въ жизни; построить жизнь такъ, чтобы она по возможности отвѣчала воспринятымъ этическимъ началамъ. «Безкорыстіе, любовь

къ ближнему и взаимопомощь»—таковы, по словамъ г-жи Ясевичъ, характерныя черты малеванскаго общежитія (Ib. 32). Въ началѣ религіознаго броженія тѣ же черты лишь сказывались болѣе рѣзко. Быть можетъ, съ общежитейской точки зрѣнія и чрезвычайно нелѣпо раздавать свое имущество. Но такъ поступали и духоборы, и сютаевцы. Отыскивать здѣсь патологическіе элементы, конечно, можно, но это будетъ занятіемъ празднымъ. Вѣдь такъ и соціализмъ можно изобразить явленіемъ патологическимъ; такъ можно изобразить все, что только является «вреднымъ въ общественномъ отношеніи» съ точки зрѣнія современной государственности. Проф. Сикорскій, въ своихъ этюдахъ о русскихъ сектантахъ усиленно подчеркивающій, что парижская коммуна 1871 г. дѣйствовала подъ непосредственнымъ вліяніемъ сумасшедшихъ, вѣроятно, и въ идеѣ Луи Блана о національныхъ мастерскихъ, въ уродливой формѣ осуществленной послѣ февральской революціи 1848 г. во Франціи, усмотритъ явные признаки психопатіи: вѣдь и это, конечно, было «нелѣпо». Малеванцы на первыхъ порахъ совсѣмъ пытались отказаться отъ владѣнія имуществомъ. Добро сложили въ одно мѣсто, и каждый членъ общины могъ получать, что хотѣлъ (Жихаревъ 111, 9). Такая община при современныхъ окружающихъ условіяхъ была естественно утопической мечтой. Она должна была распасться и распалась. И любопытно, что полоумный Малеванный изъ сумасшедшаго дома, понимая утопическія мечты своихъ единомышленниковъ, останавливалъ раздачу добра (Ib. 16); онъ высказывался противъ коммунистической общины, полагая, что сектанты еще не созрѣли для этого: «прежде надо сообщиться свѣтлымъ разумомъ», иначе вмѣсто общенія выходитъ «разобщеніе». И если община распалась, то идея широкой взаимопомощи сильно развита у малеванцевъ (собственность принципіально и теперь отвергается). Мы узнаемъ, напримѣръ, что безлошадные малеванцы пользуются чужими лошадьми, часто и по настоящее время запашка производится совмѣстными силами и т. д.

Въ своихъ очеркахъ «Искатели Правды» г. Жихаревъ дѣлится съ читателями интересными бесѣдами на общественныя темы, которыя ему пришлось вести съ малеванцами, т. е. съ тѣми, кто еще такъ недавно почти огуломъ былъ зачисленъ въ число параноиковъ, истериковъ и т. д. Въ отвѣтахъ, передаваемыхъ авторомъ, много специфически сектантскаго. Идетъ, напримѣръ, разговоръ о тяжеломъ положеніи крестьянъ, о томъ, что крестьяне не успокоятся до тѣхъ поръ, пока не получатъ земли. «Я не вѣрю,—замѣчаетъ одинъ изъ собесѣдниковъ—чтобы жизнь могла явиться изъ Думы». Дай народу свободу — онъ найдетъ новое ярмо. Надо «открыть жизнь»—«тогда и земля наша будетъ, будемъ свободны. Не будетъ, что одинъ живетъ въ каменныхъ палатахъ, а другой въ сараѣ, аль и вовсе безъ крова. Тогда и безъ налоговъ уравняемся... И денегъ не надо будетъ, куда не пріѣдеше,

вездѣ будеше, какъ дома» (III, 19). «Мы соціалистовъ уважаемъ: — говоритъ другой собесѣдникъ — они Божьи мстители, они злые ангелы, посланные Богомъ на землю, дабы воздать тѣмъ неправеднымъ, которые угнетаютъ народъ. Но мы не можемъ идти за ними, нутро мое не позволяетъ мнѣ убить человѣка... Мы посланы принести міръ и любовь (I, 3).

Надо, впрочемъ, остановиться на этихъ выпискахъ. Мы не брались за характеристику малеванцевъ и остановились лишь попутно на указанныхъ явленіяхъ. Болѣе интересна для насъ въ данномъ случаѣ судьба, постигшая основателя секты, самого Кондратія Малеваннаго.

Мы знаемъ, что послѣ нѣсколькихъ смѣнъ тюремъ на психіатрическую больницу, Кондратій Малеванный уже окончательно былъ препровожденъ въ сумасшедшій домъ въ Казань.

Здѣсь онъ просидѣлъ около 12 лѣтъ. Но все, что мы знаемъ о Малеванномъ за эти долгіе годы сидѣнія въ психіатрической больницѣ, позволяетъ усомниться, если не въ правильности экспертизы, то, по крайней мѣрѣ, въ томъ, что болѣзнь Малеваннаго была такой интенсивной, что вызывала заключеніе его на 12 лѣтъ въ домъ помѣшанныхъ.

Намъ уже приходилось цитировать письмо, приводимое г. Бирюковымъ и относящееся ко времени сидѣнія Малеваннаго въ Кіевской психіатрической больницѣ. Автору этого письма, въ концѣ концовъ, удалось проникнуть въ камеру Малеваннаго; авторъ, который съ Малеваннымъ не былъ знакомъ, вынесъ въ высшей степени благопріятное впечатлѣніе отъ узника: «при первомъ взглядѣ на Малеваннаго, онъ показался мнѣ очень спокойнымъ, уравновѣшеннымъ человѣкомъ, хотя съ характерной выразительностью глазъ, по которой можно было судить о той громадной духовной внутренней работѣ, которая происходитъ въ этомъ человѣкѣ. Отъ него я не слыхалъ ни одной жалобы на его положеніе, и когда я сталъ его разспрашивать именно объ этомъ, то видно было, что ему не хотѣлось вообще говорить о себѣ, и разговоръ нашъ принялъ характеръ строго принципіальный, касающійся исключительно убѣжденій и взглядовъ на жизнь» (Что такое сектанты, стр. 56—57)... «Я убѣдился, что передо мной находится совершенно здоровый человѣкъ, который увѣрялъ меня, что его скоро выпустятъ, такъ какъ убѣдятся въ безполезности принятаго рѣшенія держать его въ домѣ умалишенныхъ» (Ib. 58). Надежды Малеваннаго не оправдались: ему пришлось еще просидѣть цѣлыхъ 12 лѣтъ въ домѣ умалишенныхъ.

Внѣ сомнѣнія, что высшее начальство смотрѣло на отсидку Малеваннаго съ другой точки зрѣнія. Передъ нимъ былъ не больной, а «вредный для государства членъ общества». По крайней мѣрѣ, Побѣдоносцевъ съ откровенной циничностью писалъ въ своемъ отчетѣ о состояніи церкви за 1899 г.: «Удаленіе Малеваннаго въ

Казань и заключеніе его въ домъ умалишенныхъ не только, по-видимому, не достигло своей цѣли (?), но... дало нежелательные результаты». Послѣдователи Малеваннаго считали, что «Кондратій Алексѣевичъ замученъ въ сумасшедшемъ домѣ» и всѣми средствами старались облегчить его тяжелое положеніе. Съ заключеннымъ удалось установить связи и войти въ переписку. Вотъ почему «цѣль» и не была достигнута. Зачисленіе Малеваннаго въ число сумасшедшихъ отнюдь не помѣшало членамъ третьяго всероссійскаго миссіонерскаго съѣзда посѣтить его во главѣ съ г. Скворцовымъ и вести продолжительную бесѣду на религіозныя темы. Бесѣда происходила въ обширной залѣ. Между Малеваннымъ и участниками съѣзда велся форменный диспутъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ отчетъ съѣзда, и «бесѣда оказалась весьма поучительна во многихъ отношеніяхъ» (Дѣянія съѣзда, стр. 81)... Одинъ изъ участниковъ съѣзда говорилъ намъ впослѣдствіи, что въ словахъ Малеваннаго не было «ни малѣйшей тенденціи смѣшивать себя съ назарейскимъ Христомъ». А вѣдь это чрезвычайно важно. Когда одно изъ писемъ Малеваннаго, касающееся гоненій, было перехвачено полиціей, въ камеру къ «сумасшедшему» явился слѣдователь съ жандармами и составилъ протоколъ, а Малеванный понесъ наказаніе въ видѣ одиночнаго заключенія.

Такъ держали «сумасшедшаго» въ психіатрической больницѣ, того сумасшедшаго, въ которомъ власти видѣли вреднаго преступника, психіатры — патологическаго субъекта, и многіе другіе— человѣка «съ большимъ умомъ и проницательностью» (Жихаревъ 1, 27).

Конечно, показанія очевидцевъ субъективны, но у насъ есть драгоцѣнное свидѣтельство въ видѣ посланій Малеваннаго, записанныхъ съ его словъ. Прочтите любое изъ этихъ посланій хотя бы изъ числа тѣхъ, которыя приводитъ въ своей работѣ г-жа Ясевичъ-Бородаевская, и тогда увидите, какъ трудно говорить объ отсутствіи въ нихъ логическаго и грамматическаго смысла. Эти посланія представляютъ глубокій интересъ для характеристики міросерцанія Малеваннаго. Въ этихъ посланіяхъ очень много по духу «толстовскаго»: «Толстой учитъ тому же, что и я, только другими словами»—говорилъ Малеванный толстовцу Трегубову. «Толстой есть великій защитникъ человѣчества... защитникъ обездоленныхъ братьевъ, сестеръ» — писалъ Малеванный одному изъ своихъ друзей 26 ноября 1905 г. (И. Трегубовъ «Привѣтствіе русскому народу отъ Кондратія Малеваннаго» стр. 2). «Долой вражду и насиліе»—вотъ главный мотивъ посланій Малеваннаго; наиболѣе яркимъ изъ нихъ является только что процитированное «Привѣтствіе», написанное въ началѣ ноября 1905 г. и выпущенное отдѣльнымъ изданіемъ г. Трегубовымъ. Въ этихъ посланіяхъ много и соціальныхъ мотивовъ. Для характеристики возьмемъ одну цитату изъ посланія, приводимаго г-жей Ясевичъ (Н. 29): «богатые растлѣваютъ себя большимъ ка-

питаломъ денежнымъ и требуютъ славы отъ своихъ бѣдныхъ братьевъ, которые порабощены ими, требуютъ отъ нихъ повиновенія и уваженія... Они грабятъ одной рукой тысячи, а другой рукой жертвуютъ сотни на учрежденія общественныя и прикрываютъ передъ людьми. Жертвуютъ десятки тысячъ, даже и сотни тысячъ на какую то святыню, монастыри и церкви, и часовни, и памятники, и все, что называетъ Слово предвѣчное Божіе мерзостью и запустѣніемъ. Прежде древніе разбойники собирались въ густыхъ лѣсахъ и убивали своихъ братьевъ и отнимали отъ нихъ жизнь, а теперь они сдѣлались искуснѣе и собрались въ столичные города... и даже въ села и мѣстечки и ограбили весь народъ и сдѣлали изъ нихъ нищихъ и полумертвыхъ»... Малеванный скорбитъ о бѣдности и угнетеніи народа, о томъ, что свой же братъ мужикъ обираетъ своихъ сосѣдей бѣдняковъ»; съ особенной ненавистью Малеванный относится къ городамъ: «Я ненавижу городъ, тамъ пекло, тамъ Содомъ Города — это домъ помѣшанныхъ; это они отняли у васъ хлѣбъ, они раззорили вашу жизнь (Жихаревъ, 1, 30). Въ другихъ посланіяхъ Малеванный убѣждаетъ своихъ послѣдователей не бояться преслѣдованій и «одѣться въ броню правды», быть «мужественными и добрыми». Этотъ «сумасшедшій» изъ своего заключенія останавливаетъ раздачу имущества, ибо предвидитъ, что это послужитъ къ распрямъ: надо прежде просвѣтлиться умомъ...

Малеванный не признаетъ себя больнымъ: «конецъ—говорилъ онъ — покажетъ мою болѣзнь». И, въ самомъ дѣлѣ, нельзя не обратить вниманія на странное совпаденіе: Малеванный выздоровѣлъ и былъ выпущенъ изъ психіатрической больницы въ августѣ 1905 г., т. е. когда раскрылись съ объявленіемъ вѣротерпимости двери монастырскихъ и другихъ казематовъ, гдѣ содержались виновные въ религіозныхъ преступленіяхъ.....

По существу, однако, вопросъ о болѣзни Кондратія Малеваннаго—вопросъ второстепенный, такъ какъ эта болѣзнь сама по себѣ отнюдь не уменьшаетъ цѣнности тѣхъ высокихъ духовныхъ проявленій, съ которыми мы встрѣчаемся у послѣдователей Малеваннаго. Это констатируетъ, и, думается, правильно, Джемсъ въ своей книгѣ «Многообразіе религіознаго опыта» (стр. 16). Не подлежитъ сомнѣнію,—говоритъ акад. Бехтеревъ («Внушеніе и его роль въ общественной жизни» стр. 97)—что «завѣдомые галлюцинаты и параноики могутъ путемъ внушенія прививать вздорныя идеи и служить къ образованію настоящихъ психопатическихъ эпидемій религіознаго содержанія». Мы замѣнили бы только слова «вздорныя идеи» какимъ-нибудь другимъ терминомъ. Вѣдь существуетъ опять таки цѣлая теорія психо-патологическаго происхожденія геніальности. Слѣдовательно, не только вздорныя идеи, но и цѣнныя религіозныя переживанія могутъ возникать на этой почвѣ. Дѣйствительно, психопатическіе субъекты черезвычайно воспріим-

чивы въ эмоціональной сферѣ. Эта повышенная возбудимость чувствъ должна сильно влiять на окружающихъ въ періодъ религіозныхъ исканій, въ періодъ очерченнаго выше экстаза. Болѣзненныя явленія могутъ лишь усиливать религіозный авторитетъ основателей сектъ (Джемсъ, 4). Мы отнюдь не осмѣлимся утверждать, что Кондратій Малеванный здоровый субъектъ. Академикъ Бехтеревъ, наблюдавшій его въ Казанской окружной больницѣ въ теченіе зимы 1892—93 г., подробно разбираетъ его болѣзнь, между прочимъ, съ цѣлью показать неправоту мнѣнія, распространеннаго среди не врачей, изслѣдовавшихъ сектантство въ Россіи, что Малеванный будто бы арестованъ властями и посаженъ въ «сумасшедшій домъ со спеціальной цѣлью устранить его изъ общества въ видахъ прекращенія дальнѣйшей пропаганды его ученія» (Ib. 112—13). Что именно такъ смотрѣли власти—это опредѣленно явствуетъ изъ вышепроцитированнаго отчета г. Побѣдоносцева. На сколько вообще «изоляція» Малеваннаго была умѣстна съ точки зрѣнія даже психіатрическаго лѣченія—могутъ судить, конечно, лишь спеціалисты врачи. Дилетанту здѣсь легко впасть въ ошибки. Указывая на необходимость наличности извѣстной интенсивности болѣзни для принятія тѣхъ мѣръ изоляціи, которыя были примѣнены къ Малеванному, мы, впрочемъ, въ данномъ случаѣ можемъ опереться на авторитетъ психіатра. Напр., проф. Чижъ, написавшій большой этюдъ объ императорѣ Павлѣ I («Вопросы психологіи и философіи» за 1908 г.) и подробно разбирающій вопросъ о душевной болѣзни Павла, говоритъ: «современныхъ психіатровъ часто обвиняютъ въ томъ, что они всѣхъ выдѣляющихся изъ средняго уровня считаютъ душевно-больными, всѣ непонятныя психическія явленія объясняютъ болѣзнью». И чтобы доказать противоположное, а именно, что «профаны дѣйствительно считаютъ душевно-больными лицъ, характеръ и поведеніе которыхъ имъ непонятны», авторъ взялъ на себя неблагодарную задачу реабилитировать Павла I передъ исторіей. Проф. Чижъ пришелъ къ выводу, что нѣтъ основанія считать Павла душевно-больнымъ. Ничего патологическаго нѣтъ въ Павлѣ. Его непонятный характеръ можетъ быть отнесенъ къ классу характеровъ, по классификаціи Малаперта относимыхъ къ числу les emotit irritables ou impulsifs. Это признаніе чрезвычайно цѣнно для «профановъ», ибо, если подвести итоги того, что мы знаемъ о Павлѣ, получится яркая картина «патологіи». Мы встрѣчаемся съ явными признаками «вырожденія» у Павла: аномалія въ формѣ и развитія черепа, слабость воли и задерживающихъ центровъ, боязливость, злобность, цинизмъ, бредъ величія, гастрическія страданія, судороги, аномалія печени, галлюцинаціи, отравленіе опіумомъ и т. д. Мы видимъ манію преслѣдованія, навязчивую идею неограниченнаго самовластія, истеріи, пародоксальность, быть можетъ, даже алкоголизмъ, эротоманію и многое другое, явившееся результатомъ и дурной наслѣдственности, и дру-

гихъ причинъ. Если руководиться такой точкой зрѣнія, то Кондратій Малеванный, во всякомъ случаѣ, не можетъ быть отнесенъ къ числу душевно-больныхъ, которыхъ необходимо изолировать въ теченіе 12 лѣтъ. Во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что проф. Бехтеревъ наблюдалъ Малеваннаго въ періодъ обостреннаго состоянія болѣзни, которое должно было явиться результатомъ пережитыхъ Малеваннымъ перепитій.

Проф. Бехтеревъ разслѣдуетъ и психопатическую эпидемію, возникшую подъ вліяніемъ проповѣди Малеваннаго. Къ сожалѣнію, свѣдѣнія имъ были собраны далеко неполно, вѣрнѣе, онъ основывается въ значительной степени на экспертизѣ проф. Сикорскаго. И вслѣдствіе недостаточнаго, очевидно, знакомства съ русскимъ сектантствомъ въ сужденіяхъ проф. Бехтерева такіе, напримѣръ, ляпсусы, какъ противоположеніе несомнѣнно раціоналистической секты штундизма христіанской религіи (101), объясненіе развитія штундизма отсутствіемъ въ населеніи «нравственныхъ» факторовъ, составляющихъ благопріятную почву для развитія психопатическихъ эпидемій въ населеніи (Ib. 118). Онъ вслѣдъ за проф. Сикорскимъ относитъ идеи штундизма къ числу «вздорныхъ идей», (какъ онъ выражается въ одномъ мѣстѣ), которыя воспринимаетъ безъ критики дегенеративное населеніе. А между тѣмъ штундизмъ—раціоналистическая секта съ соціалистической окраской. Проф. Бехтеревъ, наконецъ, слишкомъ уже обобщаетъ разсматриваемыя явленія. Все такъ называемое мистическое сектантство состоитъ, повидимому, по его мнѣнію, исключительно почти изъ кандидатовъ въ психіатрическія лѣчебницы. Ученіе іеговистовъ это — смѣсь «своеобразнаго религіозно-мистическаго бреда съ обрывками соціально-демократическихъ ученій», это ученіе можетъ «распространяться главнымъ образомъ среди неуравновѣшенныхъ лицъ, склонныхъ къ религіозному мистицизму и даже среди душевно-больныхъ» т. д.

Несомнѣнно, паталогическимъ явленіемъ является для проф. Бехтерева, равно какъ и для другихъ психіатровъ, извѣтстная, уже упомянутая эпопея въ Павловкахъ. По недоразумѣнію событія въ Павловкахъ въ 1901 г. подчасъ считаются какъ бы отзвукомъ кіевской эпидеміи 1892 г. Такой чисто внѣшней связью между тѣми и другими событіями служитъ то обстоятельство, что однимъ изъ главныхъ дѣятелей въ сектантской средѣ передъ погромомъ 1901 г. является Моисей Тодосіенко, проживавшій 12 лѣтъ среди малеванцевъ. Въ дѣйствительности Тодосіенко не былъ малеванцемъ. Г-жа Ясевичъ приводитъ любопытный случай, когда малеванцы вынуждены были жаловаться на «подвиги» Тодосіенко мировому судьѣ (Ib. 18), а такіе случаи среди сектантовъ являются изъ ряда вонъ выходящими. Павловскія событія даже и въ русской жизни представляютъ собой незаурядное явленіе. Роль Тодосіенко въ данномъ дѣлѣ чрезвычайно двусмысленна. Какъ въ свое время

мы старались показать («Старый грѣхъ», Русск. Вѣд. 1907 г. № 39), въ Павловскихъ событіяхъ наблюдаются явленія, которыя нельзя иначе назвать, какъ провокаціей. А для того, чтобы понять, почему населеніе могло поддаться этой провокаціи, надо вспомнить тѣ исключительныя условія, въ которыхъ обитали Павловскіе сектанты. И здѣсь пришлось бы разсказать о тѣхъ же полицейскихъ насиліяхъ, преслѣдованіяхъ, доходившихъ до чудовищныхъ размѣровъ. На этомъ фонѣ и разыгралась та эпидемія, въ которой псхіатры усматриваютъ явные признаки паталогическаго характера. Проф. Бехтеревъ павловцевъ почти отожествляетъ съ хлыстами. Это глубочайшее заблужденіе (хлысты, правда, были въ сосѣднемъ селѣ). Павловцы были раціоналисты, и это понятно, если припомнить, что начало новому религіозно-общественному движенію положилъ кн. Хилковъ—толстовецъ. Затѣмъ мы знаемъ, что всѣ наиболѣе интеллигентные сектанты подверглись административной высылкѣ. Населеніе было предоставлено исключительно самому себѣ, да опекѣ полицейской власти. При такихъ условіяхъ начавшееся религіозное броженіе могло легко сбиться, такъ сказать, съ пути истиннаго. Въ Павловки никого не впускали и никого не выпускали. Это было въ полномъ смыслѣ слова какое-то «зачумленное» село, огражденное отъ всякаго культурнаго міра строжайшими полицейскими карантинами. Въ этой атмосферѣ и началъ дѣйствовать Тодосіенко. По непонятнымъ причинамъ (или, быть можетъ, слишкомъ понятнымъ) въ то время, когда въ Павловкахъ не дозволялось ходить сосѣду къ сосѣду, Тодосіенко была предоставлена полная свобода проповѣди, сектантамъ позволяютъ собираться и толковать. Мы слышимъ о сплошномъ ночномъ и дневномъ бдѣніи въ теченіе 3 сутокъ. Какъ это ни странно, но имъ почти никто не мѣшалъ. Религіозная экзальтація, возбужденная этой проповѣдью въ условіяхъ, совершенно ненормальныхъ, и привела къ попыткѣ разгромить церковь во имя какой-то высшей «правды». Очень скоро наступило отрезвленіе, но печальный фактъ уже произошелъ. Всѣ виновные, за исключеніемъ женщинъ, были отправлены на каторгу. Они и теперь еще въ Сибири, за исключеніемъ главнаго виновника Тодосіенко, который одинъ только по какой-то странной случайности былъ возвращонъ года 3—4 назадъ. Для проф. Бехтерева Тодосіенко несомнѣнно душевно-больной; къ сожалѣнію, здѣсь психіатрическая экспертиза произведена заочно. Намъ пришлось Тодосіенко видѣть лишь по возвращеніи. Дѣйствительно, онъ производилъ впечатлѣніе ненормальнаго, во всякомъ случаѣ, страннаго субъекта. Вообще это впечатлѣніе было непріятное, совсѣмъ, напримѣръ, другое, чѣмъ очевидцы выносили при посѣщеніи Малеваннаго. Онъ чрезвычайно оказался уклончивымъ при бесѣдахъ о павловскихъ событіяхъ 1901 г., между тѣмъ, какъ другіе павловцы держали себя совсѣмъ по иному. Они намъ очень много разсказывали о печальныхъ дняхъ былого прошлаго, и въ сущности

давали именно то объясненіе экстатической выходки 1901 г., которое въ данномъ случаѣ даемъ и мы. Столь же туманныя объясненія давалъ Тодосіенко и по поводу своего возвращенія. Однимъ словомъ, загадочный случай и остался такимъ же загадочнымъ. На основаніи данныхъ, собранныхъ послѣ судебнаго процесса, поднимая въ 1907 г., вопросъ о необходимости амнистировать павловцевъ, какъ невинныхъ въ сущности жертвъ стараго режима, мы высказывали предположеніе, что Тодосіенко сыгралъ роль «безсознательнаго провокатора». При такомъ убѣжденіи приходится въ значительной степени остаться и въ настоящее время. Указанныя данныя, бросавшія нѣкоторый свѣтъ, по нашему мнѣнію, на темную исторію павловскаго процесса, не были опровергнуты. Разъяснить дѣло могутъ только скрытые нынѣ отъ взора изслѣдователя архивы министерства внутреннихъ дѣлъ...

Понятно, для психіатровъ должно быть ужасно, что душевнобольные судятся и что ихъ постигаетъ суровая кара. Въ павловскомъ дѣлѣ передъ судомъ оффиціально былъ поставленъ вопросъ о психической ненормальности обвиняемыхъ, но судъ отказалъ въ его разсмотрѣніи. «Будемъ надѣяться,—писалъ позже по этому поводу въ *Вѣстникѣ Европы* д-ръ Якобій—что если еще нѣсколько сотъ душевно-больныхъ пойдутъ на каторгу, то они этимъ откроютъ въ нашемъ судѣ дорогу психіатрической экспертизѣ въ дѣлахъ религіозныхъ преступленій. Но павловское дѣло было вообще образцомъ беззаконности нашего судопроизводства. И сектанты, обвиненные за разгромъ церкви, правы были, говоря, что они идутъ на каторгу за «что-то другое», за то, что «правду» знаютъ и ее «въ людяхъ» распространяютъ. И въ дѣйствительности въ Павловкахъ, какъ выразился одинъ изъ администраторовъ, уничтожили «революціонное гнѣздо»... Такъ печально закончился «экстазъ» у павловцевъ. Намъ близко пришлось познакомиться въ 1905 г. съ тѣми сектантами, которые или не были привлечены къ суду, или уже, отбывъ свое наказаніе въ видѣ тюремнаго заключенія, вернулись на старое пепелище. Съ ними установились у насъ самыя дружественныя отношенія при троекратномъ посѣщеніи знаменитаго села. И надо сказать, что эти люди производили чарующее впечатлѣніе. Говорить о какой-либо дегенераціи здѣсь и нельзя было...

Мы имѣемъ еще одну религіозно-психическую эпидемію, подвергшуюся экспертизѣ психіатра и описанную д-ромъ Якобіемъ въ *Вѣстникѣ Европы* въ 1903 г. (кн. 10 и 11). Экспертиза д-ромъ Якобія кореннымъ образомъ отличается отъ экспертизы проф. Сикорскаго. Прежде всего въ ней нѣтъ того миссіонерскаго привкуса, той предвзятой точки зрѣнія, которая сама по себѣ способна подорвать довѣріе къ компетентнымъ свидѣтельствамъ кіевскаго психіатора. Д-ръ Якобій въ качествѣ эксперта подошелъ къ сектантамъ, дѣйствительно, какъ врачъ къ больнымъ, и зарегистрировавъ психи-

ческую болѣзнь, конечно, протестовалъ противъ неумѣстнаго вмѣшательства полицейскихъ властей въ дѣло психіатріи.

Описанная д-ромъ Якобіемъ эпидемія наблюдалась въ концѣ 90 гг. въ Супоневской волости Брянскаго уѣзда, Орловской губерніи. Это религіозное движеніе было признано хлыстовщиной.

Сравнивая Супоневскую эпидемію съ другими эпидеміями, описанными проф. Сикорскимъ, д-ръ Якобій устанавливаетъ и генезисъ всѣхъ религіозно-психіатрическихъ эпидемій въ Россіи: «среди населенія, неустойчиваго психически, истеричнаго, пораженнаго психо- и невро-патическимъ вырожденіемъ, ослабленнаго умственно алкоголемъ и невѣжественностью, физически нищетой и лишеніями, появляется параноикъ. Своею проповѣдью, своею параноическою авторитетностью, онъ влагаетъ беззащитному умственно населенію свои бредовыя идеи и производитъ у окружающихъ индуцированное помѣшательство. Начинается преслѣдованіе самимъ населеніемъ, полиціею, властями; нравственное положеніе обостряется, эпидемія идетъ вширь и вглубь» (кн. II с. 159). Таковъ былъ ходъ и Супоневской эпидеміи. На лицо всѣ данныя, характеризующія религіозно-психическое явленіе.

Руководители сектантовъ, по экспертизѣ г. Якобія, оказались всѣ безъ исключенія душевно-больными, страдающими паранойей уже въ стадіи перехода въ слабоуміе, индуцированнымъ помѣшательствомъ на почвѣ умственной несостоятельности, истеріей съ параноической окраской. Все населеніе сплошь дегенераты-истерики, все это типы вырожденія. При такихъ условіяхъ и возникла религіозно-психическая эпидемія въ Супоневской волости: «несчастное, болѣзненное, дикое, безграмотное, споенное водкой населеніе поставлено было въ очень тяжелыя экономическія условія. Подъ вліяніемъ новыхъ жизненныхъ требованій въ русской деревнѣ вообще чувствуется умственное и нравственное движеніе, это сказалось и въ Супоневѣ. Населеніе стало искать выхода изъ своего положенія, но, не встрѣчая никакой нравственной помощи, никакого руководства, оно пошло сначала за дегенерантомъ-истерикомъ съ религіозно этической экзальтаціей... Государство дало болѣзненному селу только административную репрессію, судебное слѣдствіе. Эти новые доктора довели населеніе до высшей степени экзальтаціи (154).

Описанныя черты даютъ намъ яркую характеристику того «соціальнаго атавизма», о которомъ говоритъ цитированный нами выше г. Шейнисъ. Но неправда ли странно, что стремленіе къ нравственному и умственному прогрессу появилось именно среди тѣхъ элементовъ населенія, которые внѣ всякаго сомнѣнія, по словамъ П. И. Якобія, относятся къ числу дегенерантовъ?

Во всякомъ случаѣ, такое психичическое разстройство, такую паталогію, пожалуй, съ точки зрѣнія общежитія можно и привѣтствовать. Характерной чертой религіознаго движенія въ Супоневѣ, принявшаго подъ вліяніемъ слабоумнаго параноика-эротика инду-

цированную форму психическаго разстройства, именно и было стремленіе къ нравственному самоусовершенствованію; оно началось, какъ свидѣтельствуетъ д-ръ Якобій, съ проповѣди Василія Д., уже и прежде извѣстнаго по своей набожности и чистой жизни. Будущій руководитель сектантскаго движенія читалъ собравшимся вокругъ него мѣстнымъ жителямъ «Евангеліе», толковалъ его, научая ихъ при этомъ не пить водки, не курить табаку, не ругаться дурными словами, не безобразничать на улицѣ по праздникамъ... не предаваться блуду и жить честно мужу съ женой и т. д. (кн. X стр. 732). Мы видимъ далѣе среди этого дегенеративнаго населенія стремленіе къ умственному прогрессу—къ грамотѣ. Изъ этого кажется очевиднымъ, что если религіозное движеніе въ Супоневской волости приняло характеръ ненормальный, то причина этого лежитъ не въ паталогіи, а въ тѣхъ условіяхъ, при которыхъ жило населеніе. Самъ д-ръ Якобій разсказываетъ о «нецѣлесообразномъ вмѣшательствѣ низшей администраціи и другихъ властей», какъ сектантовъ «судили и били», что способствовало ихъ «сильнѣйшему возбужденію».

Д-ръ Якобій пытается дать и другое объясненіе причинамъ, содѣйствовавшимъ массовому помѣшательству населенію Супоневской волости. Здѣсь сыгралъ свою роль антропологическій факторъ. «Значеніе расы въ вопросѣ умопомѣшательства не подлежитъ сомнѣнію»—говоритъ д-ръ Якобій (X стр. 737).

Супоневская волость есть волость чисто финская. И вотъ подъ вліяніемъ описанныхъ выше условій въ поселеніи проявились «атавистическіе инстинкты». Хлыстовщина, по мнѣнію г. Якобія, является восточно-финскимъ шаманизмомъ.

Предоставимъ уже спеціалистамъ возражать здѣсь д-ру Якобію. Вѣдь въ данномъ случаѣ многое «несомнѣнное» для д-ра Якобія и въ спеціальной литературѣ стоитъ еще подъ большимъ сомнѣніемъ, хотя бы вопросъ о значеніи расоваго фактора въ вопросѣ объ умопомѣшательствѣ. Что же касается области сектовѣдѣнія, то «несомнѣнныя» данныя являются еще болѣе сомнительными. Не говоря уже объ искусственной попыткѣ усмотрѣть въ хлыстовщинѣ «общественное явленіе реверсивнаго характера» и установить какъ бы непосредственную связь съ финскимъ шаманствомъ, сами факты, на которыхъ основывается это сравненіе, какъ уже приходилось указывать, подвергнуты большему сомнѣнію; прежде всего «безспорно установленный свальный грѣхъ, какъ постоянная и характерная черта хлыстовъ» (XI стр. 136) въ значительной степени представляетъ собою вздоръ.

Попытка провести демаркаціонную линію въ географическомъ распредѣленіи сектантства, по которой сектантство юга, раціоналистическое сектантство центра и сѣвера-востока мистическое, также не всегда удачно, такъ какъ вовсе уже не отвѣчаетъ такъ рѣшительно, какъ думаетъ д-ръ Якобій, наблюдаемой дѣйствительности.

На сѣверо-востокѣ можно указать очень много раціоналистическихъ теченій среди мѣстнаго сектантства съ саціал стической окраской и до нѣкоторой степени обратно: хлыстовщина на югѣ имѣетъ значительное распространеніе У д-ра Якобія эта схема носитъ характеръ искусственности, она какъ бы придумана, дабы доказать связь хлыстовщины съ финскимъ шаманствомъ. Равнымъ образомъ совершенно нельзя доказать безспорное положеніе д-ра Якобія, утверждающаго, что въ эпидеміяхъ самосожженія «мѣстомъ коллективныхъ убійствъ былъ край, населенный восточной вѣтвью финскаго племени, и избраннымъ мѣстомъ былъ именно крайній сѣверовостокъ, Чудская область». Нельзя это доказать уже потому, что старообрядцы, бѣжавшіе на сѣверъ и востокъ въ глухія мѣста, вовсе не принадлежали въ значительномъ своемъ числѣ къ «мѣстному» населенію. Да, наконецъ, и утвержденіе г. Сапожникова, что «избраннымъ мѣстомъ для самосожженія была Тобольская, Пермская и Олонецкая губерніи», на которое опирается д-ръ Якобій, также далеко не всегда отвѣчаетъ дѣйствительности.

Во всякомъ случаѣ, выводы д-ра Якобія должны быть пересмотрѣны еще разъ. Намъ кажется, что въ его выводахъ слишкомъ сильно сказалось увлеченіе спеціалиста. Трактуя о генезисѣ религіозно-психическихъ эпидемій, слѣдуетъ большее вниманіе обратить на тѣ спеціально политическія и экономическія условія, при которыхъ еще и нынѣ живетъ наша деревня. И, быть можетъ, тогда патологія отступитъ на второй планъ. Если въ практикѣ психіатровъ очень часто могутъ встрѣтиться различныя разновидности Малеванныхъ, которыхъ, внѣ сомнѣнія, можно отнести къ числу болѣзненныхъ субъектовъ, то нельзя въ эту категорію зачислять всѣхъ безъ исключенія, какъ склонны подчасъ дѣлать психіатры. Нельзя и развитіе мистическаго сектантства всецѣло относить за счетъ «недостатковъ умственнаго развитія, граничащаго съ патологическимъ слабоуміемъ» въ населеніи, за счетъ отсутствія у него «нравственныхъ руководящихъ началъ», какъ это дѣлаетъ акад. Бехтеревъ (II. 132). Нельзя говорить о какой-то всеобщей дегенераціи для объясненія развитія мистицизма въ народѣ. Въ этихъ религіозныхъ переживаніяхъ мы видимъ далеко не одинъ только «уродливый бредъ душевно-больныхъ», мы видимъ иногда даже цѣлую самобытную философію, построенную на началахъ правды и любви. Нельзя въ сектѣ малеванцевъ и духоборовъ искать паталогическую основу. Мы уже не говоримъ о раціоналистическомъ по-преимуществу сектантствѣ, которое до послѣдняго времени по истинѣ являлось результатомъ просвѣтленія ума въ народной массѣ.

С. Мельгуновъ.

Три мѣсяца въ финской деревнѣ.

I.

Деревушка наша со своими полями и покосами вытянулась вдоль узкаго и длиннаго ската по берегу небольшой рѣченки между двумя обширными гранитными горбами, заросшими сосновымъ лѣсомъ. Но это не была деревня въ нашемъ великорусскомъ смыслѣ. Только въ одномъ мѣстѣ—почти на самой серединѣ заселенной части рѣчной долины—собралось пять-шесть домовъ и образовали что-то въ родѣ коротенькой улицы. Остальные два десятка хозяйствъ раскинулись самымъ прихотливымъ образомъ на протяженіи добрыхъ трехъ километровъ. Каждый домъ окруженъ своими огородами и полями. Лѣтомъ колосья ржи часто засматриваются прямо въ окна. У нѣкоторыхъ домохозяевъ вся земля собрана такъ въ одно мѣсто у самаго жилья. У большинства, однако, имѣются еще дальнія поля—за километръ и больше. Повсюду самое типичное царство хуторского хозяйства. Деревня—многоземельная, но съ хозяйствомъ почти всѣ справляются сами: къ наемному труду не прибѣгаютъ.

Жилище здѣшняго финскаго землероба производитъ, въ большинствѣ случаевъ, пріятное впечатлѣніе и съ внѣшней, и съ внутренней стороны. Развалившихся домишекъ съ полуразорванными крышами не видно. Вотъ, напр., домикъ Антелей. Снаружи онъ обитъ тесомъ, на окнахъ кисейныя занавѣски и цвѣты, на полахъ повсюду половички. Изъ небольшой передней направо ходъ въ большую кухню, почти квадратную, съ площадью примѣрно въ четыре квадратныхъ сажени, съ шестью окнами на три стороны. Въ одномъ углу огромная печь съ плитой и вытяжнымъ колпакомъ. Въ другомъ углу, наискось отъ печи, передъ широкими лавками большой столъ съ большою висячею лампой надъ нимъ. На стѣнахъ немногочисленныя столярныя орудія и кое-какія принадлежности рыбной ловли. Посуда въ шкафу и ящикахъ стола. Постель, очевидно, складная, туго набита подушками и покрыта хорошимъ шерстянымъ одѣяломъ. Книгъ и картинъ незамѣтно, но за то на одной изъ стѣнъ виситъ толстая пачка аккуратно подобранныхъ номеровъ газеты. Въ одномъ изъ простѣнковъ большіе стѣнные часы. Стѣны безъ обоевъ, потолокъ—крашеный. Вторая половина дома раздѣлена на три комнаты. Въ нихъ болѣе уютно: нѣсколько зеркалъ, картинъ и карточекъ, небольшіе столики, накрытые бѣлоснѣжными скатертями, опрятно убранныя кровати. Таково жилище Антелей,—которые представляютъ собой типичную трудовую крестьянскую

янскую семью, всѣ члены которой участвуютъ во всѣхъ земледѣльческихъ работахъ и которая только на короткое время косовицы прибѣгаетъ къ найму посторонней рабочей силы. И домъ Антелей здѣсь не исключеніе, а скорѣе общее правило. Тотъ же опрятный видъ снаружи, тѣ же кисейныя занавѣсочки въ парадныхъ комнатахъ, тотъ же безукоризненно чистый дворъ между жилыми постройками, широкими сараями и обширнымъ каменнымъ зимнимъ помѣщеніемъ для скота, то же дѣленіе избы на общую большую свѣтлую кухню и маленькія комнатки для отдѣльныхъ членовъ. Но между крѣпкими крестьянскими дворами втиснулось въ нѣсколькихъ мѣстахъ четыре—пять крошечныхъ домиковъ, изъ которыхъ каждый замкнутъ въ кольцѣ своего небольшого картофельнаго огородика. То пріютилась разная безземельная публика: одинъ торпарь, сапожникъ, кузнецъ, сторожъ съ сосѣдней дачи. Но и эти пасынки современной экономической дѣйствительности не оставляютъ впечатлѣнія нищеты...

II.

Съ первыхъ же дней своего пребыванія въ этой маленькой и отброшенной въ сторону отъ дачной жизни деревушкѣ мы почувствовали наличность культуры, до которой далеко нашей соломенной деревнѣ. Первымъ и осязательнымъ признакомъ такой повышенной культуры для насъ явилась организація деревенской почты. Почта здѣсь для деревенскаго населенія является уже ежедневной потребностью, которая удовлетворяется серьезно и методично. Въ два часа дня на желѣзнодорожную станцію, лежащую въ четырехъ километрахъ отъ нашей деревушки, ежедневно приходитъ почтовый поѣздъ изъ Выборга, съ которымъ преимущественно и связаны дѣловыя отношенія мѣстнаго населенія. Къ этому времени на скромной, но чистенькой станціи собирается десятка два подростковъ и дѣтей, мальчиковъ и дѣвочекъ. Всѣ они явились сюда изъ окрестныхъ, болѣе или менѣе крупныхъ деревень, которыя иногда отстоятъ отъ станціи на 7—8 километровъ. Чрезъ четверть часа послѣ отхода почтоваго поѣзда, почта уже разобрана. Изъ конторы открывается маленькое окошечко, въ которое чиновникъ выкрикиваетъ адресатовъ полученныхъ писемъ, газетъ, повѣстокъ. Молодые почтари сгруживаются у этого окошечка и откликаются каждый на своихъ адресатовъ, и чиновникъ, не взглядывая даже на заявителя, протягиваетъ ему все слѣдуемое. Получивъ кипу газетъ и нѣсколько писемъ, такой деревенскій почтарь нерѣдко усаживается здѣсь же на станціи за столомъ и принимается сортировать свою получку. Его задача теперь—выдѣлить тѣ адреса, на которые онъ можетъ занести газеты и письма по дорогѣ къ себѣ домой. Все остальное, по крайней мѣрѣ, у насъ въ деревнѣ онъ

оставляетъ въ лавочкѣ, куда уже и заходятъ изъ каждаго дома свои семейные. Такимъ образомъ, одна изъ важнѣйшихъ и наиболѣе трудныхъ почтовыхъ операцій (ежедневная доставка въ деревню газетъ и писемъ) основывается здѣсь на глубокомъ довѣріи къ населенію, которое оно блестящимъ образомъ и оправдываетъ. Только при такомъ поразительномъ довѣріи къ населенію возможно еще и дальнѣйшее приближеніе почтовыхъ функцій къ деревнѣ, какъ то, которое намъ приходилось наблюдать въ недалекомъ сосѣдствѣ. Въ двухъ съ половиной километрахъ отъ насъ, за довольно высокимъ гранитнымъ плато, поросшимъ сосновымъ лѣсомъ, у головы озера находится немногочисленная и довольно раскиданная группа хуторовъ. Преобладаютъ здѣсь опять-таки крестьяне, но имѣется и небольшое помѣстье. Мѣстечко это отстоитъ отъ станціи приблизительно въ километрахъ трехъ, т. е. ближе, чѣмъ наша деревня, и лежитъ почти у самой желѣзнодорожной линіи, но потому ли, что хутора здѣсь слишкомъ раскинуты, или потому, что они крайне немногочисленны, или потому, что не нашлось здѣсь объединяющаго центра въ родѣ лавочки, но почтовой повинности здѣсь не имѣется. И тѣмъ не менѣе почтовыя функціи здѣсь на столько упрощены и на столько приближены къ населенію, что услугами почты можетъ пользоваться каждый ежедневно. Въ половинѣ километра отъ этого мѣстечка находится крошечная платформа и обычная желѣзнодорожная будка. На этой платформѣ стоитъ одиноко фонарь, а подъ фонаремъ на лавкѣ поставленъ небольшой деревянный ящичекъ съ деревянной не запирающейся крышкой. Этотъ ящичекъ и день, и ночь остается здѣсь подъ фонаремъ. Каждый день сторожъ будки отправляется на станцію и забираетъ всю оказавшуюся для мѣстечка почту. Эту почту онъ и кладетъ въ этотъ наивный и довѣрчивый ящичекъ, и о судьбѣ ея больше уже не заботится. Жители мѣстечка мимоходомъ или нарочно забѣгаютъ на эту платформу. Каждый вынимаетъ почту, отбираетъ, что относится до него и до сосѣдей, которымъ онъ желаетъ оказать услугу, а остальное кладетъ назадъ. Пользуясь ежедневными отлучками сторожа на станцію, жители нерѣдко отправляютъ черезъ него и свою корреспонденцію. Не разъ я встрѣчалъ въ этомъ ящичкѣ письма съ непогашенными марками; а разъ нашелъ открытку съ какими-то видами, но безъ марки; за то тутъ же лежали 10 пенни на покупку марки. И, право, эта мелкая мѣдная монетка, довѣрчиво оставленная безъ присмотра на линіи желѣзной дороги, произвела на меня трогательное и глубокое впечатлѣніе...

Не менѣе типичными и наглядными показателями для высоты культуры финскаго земледѣльца служитъ почти полное отсутствіе воровства и нищенства. Нанятый нами домъ выходилъ своимъ палисадникомъ на дорогу, на которой нѣсколько разъ въ недѣлю бываетъ довольно оживленное движеніе изъ города и въ городъ, но

за всѣ три мѣсяца подъ нашими окнами и у нашихъ дверей мы не видѣли ни одного нищаго-финна или финки. На счетъ воровства здѣсь опять-таки свои особые нравы. По ночамъ не разъ мнѣ приходилось встрѣчать на полевыхъ участкахъ, далеко врѣзавшихся въ лѣсъ, пасущимися крѣпкихъ и сильныхъ лошадей. Вдали отъ жилья онѣ вольно бродили по скошеннымъ лугамъ и убраннымъ полямъ безъ всякаго присмотра. То же приходится сказать о коровахъ и объ овцахъ. Рано утромъ хозяйка отворяетъ загонъ, и стадо коровъ въ 10—15 штукъ (меньше здѣсь не держатъ) важно и медленно выходитъ на дорогу и, не торопясь, направляется въ лѣсъ, который на десятки верстъ раскинулся здѣсь по гранитнымъ кряжамъ. Съ этого момента коровы предоставлены самимъ себѣ. Пастуха не полагается: поля огорожены прочными изгородями, а всѣ невоздѣланныя крестьянскія земли, по традиціи, считаются общимъ выгономъ. Къ вечеру скотъ самъ понемногу начинаетъ стягиваться къ деревнѣ, и холодный, часто туманный воздухъ наполняется мелодичнымъ перезвономъ маленькихъ колокольчиковъ. Запоздавшихъ и отбившихся коровъ хозяйки, а иногда и цѣлыя семьи уходятъ искать по лѣсу. То же самое довѣріе къ прохожему, къ сосѣду бросается въ глаза и около крестьянскаго дома. Скаты колесъ, боченки, телѣги, земледѣльческія орудія и разная хозяйственная мелочь въ родѣ лопатъ, топоровъ, косъ нерѣдко остаются на ночь около жилья, у самой дороги, и никто ихъ не тронетъ...

— Ну, какъ у васъ тутъ насчетъ воровства?—спросилъ я какъ-то мѣстнаго выборнаго полицейскаго, лицо въ округѣ весьма почтенное и уважаемое...

— Воровства?—переспросилъ онъ весело: — да вотъ за шесть лѣтъ моей выборной службы ни одного случая не было...

III.

Съ большимъ нетерпѣніемъ ждали мы случая попасть на какое нибудь большое собраніе финскихъ крестьянъ. Обыденная деревенская жизнь даже въ праздники (за всѣ три мѣсяца, кромѣ воскресеній, праздновался только Ивановъ-день) такими случаями не богата. Въ деревнѣ функціонируетъ отдѣленіе селько-хозяйственнаго общества, открытое около года тому назадъ и насчитывающее нѣсколько десятковъ членовъ, но лѣтомъ оно собраній не устраиваетъ; есть небольшое и довольно примитивное товарищество по поставкѣ молока въ Выборгъ, но оно живетъ слишкомъ незамѣтной и интимной жизнью; ближняя церковь—въ Выборгѣ, и пасторъ наѣзжаетъ разъ или два въ годъ, когда и совершаетъ богослуженіе въ школьномъ помѣщеніи. Уличная жизнь, я бы сказалъ, почти отсутствуетъ: каждый хлопочетъ около своего дома, и вся семья въ будни съ ранняго утра до поздняго вечера у себя на работѣ. Въ воскресные дни, правда, отдыхъ блюдется

свято, но ни пѣсенъ, ни пляски, никакого другого веселья въ деревнѣ не допускаетъ обычай. Молодежь къ вечеру собирается небольшими группами и уходитъ версты за полторы въ лѣсъ на высокую скалу, гдѣ устроены большія качели, на которыя сразу умѣщается больше десятка душъ...

Но случай наблюдать финскую общественную жизнь вскорѣ все таки представился...

Хозяйка наша сдаетъ свой сѣнокосъ съ аукціона. О днѣ этого аукціона было вывѣшено ею на перекресткѣ особое объявленіе. До самаго аукціона, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, оставалось оно здѣсь на соблазнъ грамотѣямъ, а финны всѣ почти умѣютъ читать и писать. Но финнъ умѣетъ серьезно относиться къ дѣлу, и ни у одного даже ребенка не явилось желанія приписать на этомъ объявленіи что нибудь отъ себя, или, по крайней мѣрѣ, запустить въ него комкомъ грязи. Наступилъ день аукціона. Изъ разныхъ деревень (иногда километровъ за 10—15) собралось душъ 30 крестьянъ, но деревня оставалась по прежнему молчаливой и спокойной: ни шума, ни крика, ни спора, ни торопливыхъ движеній. Такъ же спокойно проходилъ и самый аукціонъ. Осторожно, чтобы не помять травы, пробирается по межамъ толпа дюжихъ, большею частью пожилыхъ и опрятно одѣтыхъ крестьянъ отъ одного участка къ другому. Среди толпы высокій старикъ въ круглой черной шляпѣ ведетъ по порученію хозяйки весь аукціонъ. Цѣны набавляютъ, не торопясь и спокойно. Сѣнокосъ отдается небольшими участками и, очевидно, представляетъ интересъ только для очень небогатыхъ хозяйствъ. Результаты аукціона тутъ же записываются въ книжечку, и сдѣлка затѣмъ оформливается: половина платы вносится впередъ, а на другую половину выдается расписка. И все идетъ дѣловито и собственными силами: ни волостныхъ властей, ни вспрыскиваній!.. Эта сдержанная и слегка сумрачная толпа не измѣнила себѣ и тогда, когда здѣсь же на полѣ одинъ изъ участниковъ аукціона, ветхій старичекъ изъ сосѣдняго съ нами дома, вдругъ зашатался и упалъ, какъ подкошенный: съ нимъ случился ударъ. Безъ лишнихъ словъ и безъ малѣйшаго смятенія его отнесли домой, а сами продолжали свое дѣло.

Въ тотъ же день старикъ умеръ. Покойника немедленно перенесли, согласно обычаю, въ ригу. Въ теченіе трехъ слѣдующихъ дней въ ригѣ этой устраивалось нѣсколько разъ что то въ родѣ общественнаго богослуженія: туда собирался народъ, а оттуда раздавались звуки псалмовъ. Но плачъ, стоны и рыданія на людяхъ здѣсь не приняты: кому горько, тотъ тихонько поплачетъ у себя въ уголку.

Въ день похоронъ начался съѣздъ родственниковъ. Пріѣзжали больше на одноколкахъ; нѣкоторые приходили и пѣшкомъ. Стягивались родные издалека: за 15 и больше километровъ. На похороны являлись цѣлыми семьями—вмѣстѣ съ дѣтьми. Большин-

ство привозило кое что изъ съѣстныхъ припасовъ: муку, крупу, яйца, масло, свинину, соленую рыбу. Весь обширный дворъ и сарай нашихъ сосѣдей заполнился вскорѣ одноколками, въ большинствѣ случаевъ очень крѣпкими, а иногда даже и щегольскими. Вереница крѣпкихъ и сытыхъ лошадокъ была отправлена на луга.

Въ день похоронъ утромъ покойника съ вечера перенесли на дворъ, одѣли въ нижнее бѣлье, закрыли покрываломъ въ родѣ одѣяла, вытянули руки вдоль тѣла и вообще постарались придать ему видъ спящаго человѣка. Гробъ поставленъ былъ подъ окнами избы, на особомъ помостѣ и окруженъ свѣже срубленными елочками. Утромъ же была снаряжена простенькая траурная колесница, обитая дешевой черной матеріей. Все утро со двора покойника слышались напѣвы псалмовъ: пѣли больше два мужскихъ не совсѣмъ чистыхъ и молодыхъ голоса. Въ полдень мелкой рысцей выѣхали съ гробомъ въ Выборгъ (за 20 километровъ), а вечеромъ состоялись большія поминки, на которыя были приглашены и мы.

Когда я вошелъ въ избу, гдѣ совершались поминки, я былъ пораженъ множествомъ народа, который наполнялъ первую обширную комнату. Здѣсь было поставлено три большихъ стола, за которыми сидѣло не менѣе 80 человѣкъ, при чемъ почти всѣ женщины въ черныхъ платьяхъ и черныхъ низкихъ кокошникахъ, украшенныхъ черной же бахромой, занимали особый столъ. На столахъ стояли высокіе кувшины съ хлѣбнымъ квасомъ, блюдечки съ коровьимъ масломъ, низкіе и широкіе черные хлѣбцы, пышные караваи прекрасно испеченаго ситнаго и тарелки съ вяленой и очень соленой рыбой. Хозяйка разливала изъ котла по чашкамъ горячую похлебку изъ гороха и свинины. Хлебали артелями по нѣскольку человѣкъ изъ одной чашки деревянными ложками, разложенными здѣсь же, на столахъ. Хлѣбъ рѣзали и масло брали финскими ножами. У каждаго финна при поясѣ непремѣнно болтается такой ножъ. Водка и пиво отсутствовали: пьяныхъ или подвыпившихъ и признаку не было. Ѣли обстоятельно и не торопясь. Чашки съ похлебкой и кружки съ квасомъ наполнялись нѣсколько разъ. Когда многіе изъ участниковъ трапезы положили свои ложки, а нѣкоторые уже вышли изъ-за стола, поднялся пожилой мужчина и произнесъ коротенькую молитву. За нимъ старикъ въ очкахъ дребезжащимъ, но все же еще сильнымъ голосомъ пропѣлъ псаломъ, водя пальцемъ по книгѣ. Во время всей этой церемоніи разговоры совершенно умолкли, и взоры присутствующихъ были обращены къ этимъ импровизованнымъ священнослужителямъ. Мѣста затѣмъ стали очищаться, но въ значительной степени были заняты тѣми, кто не попалъ въ первую смѣну, и особенно ребятами и подростками.

Утромъ въ день похоронъ мы замѣтили, что надъ школой развѣвается флагъ. Оказалось, что это школа,—единственное и общественное и оффиціальное учрежденіе въ деревнѣ,—салютуетъ по-

койнику. На такой печальный и трогательный салютъ можетъ разсчитывать каждый взрослый житель деревни...

IV.

Я уже сказалъ, что наша деревня представляетъ типичное царство хуторского хозяйства. Къ тому же деревня—сытая и многоземельная, но тѣмъ не менѣе обходящаяся почти совершенно безъ наемнаго труда (на всѣ 20 хозяйствъ приходится одинъ торпарь, ремесленниковъ я не считаю, такъ какъ въ земледѣльческихъ работахъ участія они не принимаютъ). Во всѣхъ хозяйствахъ имѣется еще большой запасъ невоздѣланной, но годной для культуры земли. «Дѣлились мы»,—разсказывалъ мнѣ одинъ изъ стариковъ Антелей,—«послѣдній разъ десять лѣтъ тому назадъ. Теперь мы въ деревнѣ самое малоземельное хозяйство: земли у насъ немного больше каппы»... — А хватитъ ли такого участка, чтобы прокормиться съ семьей?—перебилъ я своего собесѣдника... «Какъ не хватитъ!—отвѣчалъ онъ: «при хорошемъ уходѣ и малая земля хорошо прокормитъ! Трудно было бы съ выгономъ, но у насъ народъ простой: отгораживаютъ только луга и поля, а выгоны остаются общіе... Да вотъ, погодите, я планъ вамъ покажу»... Онъ быстро сбѣгалъ домой и вернулся со сверткомъ. Планъ былъ составленъ въ 99 году. Всѣ владѣнія Антелей располагаются двумя длинными участками. Одинъ изъ этихъ участковъ примыкаетъ непосредственно къ дому, другой лежитъ приблизительно на разстояніи километра отъ дома. «Вотъ видите», объяснялъ онъ, водя заскорузлымъ крестьянскимъ пальцемъ по плану, «еще десять лѣтъ тому назадъ подъ пашней были только два этихъ участка, а остальное все лѣсъ да болото». Видно было, что десять лѣтъ тому назадъ пашня не составляла и десятой части теперешней пахотной площади, но тѣмъ не менѣе и сейчасъ большая половина владѣній этого хозяйства остается невоздѣланной. «Вотъ теперь», — продолжалъ онъ, показывая на дальній край пріусадебнаго участка, — «какъ будетъ время, перейдемъ къ этому болоту. Болото глубокое, да ничего, проведемъ канавы, а когда подсохнетъ, навозимъ глины, прибавимъ искусственныхъ удобреній—томасова шлака, каинита: хорошее поле выйдетъ!» И, дѣйствительно, умѣетъ здѣшній крестьянинъ обходится со своей землей: повсюду встрѣтите усовершенствованныя бороны, плуги, молотилки, сѣнокосилки. Поля перерѣзаны густой сѣтью хорошо содержимыхъ канавъ. Земля вспахивается, боронуется, а затѣмъ комья разбиваются особыми кирками. Вездѣ установлено многополье и производится посѣвъ травъ, такъ какъ естественныхъ луговъ почти нѣтъ. Само крестьянство живетъ въ полномъ достаткѣ: прекрасный бѣлый хлѣбъ въ каждомъ домѣ печется къ каждому воскресенью. Старинныя традиціи

здѣсь еще сильны. Нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ вся деревня состояла всего лишь изъ трехъ огромныхъ патріархальныхъ дворовъ. Теперешній ея видъ—результатъ сравнительно недавнихъ раздѣловъ, которыми, какъ эпидеміей, одно время было охвачено все крестьянство здѣшней округи. Все говорило за то, что среди этого индивидуалистически настроеннаго и обезпеченнаго крестьянства соціализму какъ будто и не найти себѣ адептовъ... Но, увы! вопреки всѣмъ логическимъ выкладкамъ подобнаго рода, соціализмъ за послѣдніе два-три года пустилъ достаточно крѣпкіе корни... Не понапрасну ли стараются и у насъ землеустроители, надѣясь, что уничтоженіемъ общинныхъ связей они закроютъ доступъ соціализму къ русскому крестьянству?

Еще два-три года тому назадъ въ нашей деревнѣ, пропитанной старофинскими консервативными идеалами,—какъ меня увѣряли,—не нашлось бы смѣльчака, который открыто назвалъ бы себя соціалистомъ. Теперь же мѣстная, крошечная соціалъ-демократическая группа является, пожалуй, однимъ изъ самыхъ замѣтныхъ элементовъ деревенской жизни. Начну съ праздника, который здѣшніе соціалисты устроили посреди лѣта для усиленія средствъ своей кассы. Деньги имъ нужны, такъ какъ они купили за 500 марокъ мѣсто въ деревнѣ и собираются строить здѣсь народный домъ.

Мѣсто, купленное соціалистами, находится почти по серединѣ деревни. Оно представляетъ собою гранитный горбъ съ нѣсколькими высокими соснами. Однимъ концомъ это мѣсто выходитъ на берегъ рѣки, который заросъ густымъ кустарникомъ; другимъ концомъ оно упирается въ деревенскую дорогу.

Въ четыре часа дня, въ назначенное воскресенье, на одной изъ «соціалистическихъ» сосенъ, былъ поднятъ большой красный флагъ, возвѣщавшій о началѣ празднества. Къ мѣсту празднества стали понемногу стягиваться небольшія группы мужчинъ, женщинъ, подростковъ и ребятишекъ. Вскорѣ изъ подъ флага стали разноситься звуки довольно сноснаго, но, очевидно, небольшого духового оркестра. По дорогѣ, неподалеку отъ входа на соціалистическую усадьбу, около небольшой риги, двери и окна которой были открыты, столпилась небольшая кучка молодежи, весело болтавшая и засматривавшая внутрь риги. Оказалось, что здѣсь были собраны вещи для предстоящей лоттереи: зеркало, комодъ, качалка, стулъ и много разной мелочи.

Соціалистическая усадьба отъ дороги и сосѣднихъ владѣльцевъ отдѣляется простой изгородью изъ жердей. Входъ аляповатъ и наскоро украшенъ вѣточками плауна. У самой арки, покрытый скатертью столъ, за которымъ сидятъ продавцы билетовъ. Немного въ сторонѣ на двухъ длинныхъ столахъ, покрытыхъ бѣлоснѣжными скатертями, пристроился буфетъ: молоко, яйца, булки, бутылки съ лимонадомъ и квасомъ, спички, папиросы, но ни водки, ни пива не было.

Когда мы пришли, народу было еще немного: человѣкъ 150, но новые участники вечеринки подходили безпрерывно, и въ концѣ концовъ набралось душъ до 400. Преобладала деревенская молодежь, при чемъ нѣкоторымъ пришлось отмѣрить 10 — 15 верстъ. Кое-кого въ толпѣ я уже зналъ. Вонъ садовникъ изъ сосѣдняго имѣнія; сегодня онъ выглядитъ франтомъ хоть куда: новая сѣрая пара, высокій стоячій воротничекъ, ловко посаженный галстухъ. Его жена, еще совсѣмъ молодая женщина,—въ бѣломъ пикейномъ платьѣ, съ золотой цѣпочкой на шеѣ. Крошечная дочурка съ бѣлыми льняными волосами и черными-черными глазенками, какъ у многихъ здѣшнихъ ребятъ, то бѣгаетъ между большими, то отдыхаетъ въ колясочкѣ. Вонъ двѣ хорошенькія дѣвушки съ красивыми прическами и тоже въ бѣлыхъ пикейныхъ платьяхъ, съ небольшими букетами алыхъ шиповниковъ въ волосахъ: это служанки отъ сосѣдняго фабриканта. Обѣ онѣ принимаютъ самое дѣятельное участіе въ продажѣ билетовъ на лоттерею. Вонъ бѣдновато одѣтый и плохо выбритый пожилой, сѣдѣющій крестьянинъ: это—торпарь съ краю деревни; вонъ нашъ деревенскій сапожникъ—юноша съ задорнымъ, смѣлымъ лицомъ, ловкій и подвижной и т. д.

Оркестръ помѣстился между двумя соснами подъ краснымъ флагомъ. Онъ состоялъ человѣкъ изъ десяти молодыхъ людей, одѣтыхъ довольно щеголевато. Все это — рабочіе съ сосѣднихъ фабрикъ и заводовъ. Всѣ играютъ на духовыхъ инструментахъ.

Сыграли маршъ. Заиграли интернаціоналъ стройно и увѣренно: вещь, очевидно, хорошо знакомая, вѣроятно, любимая и много разъ игранная. И эти гордые звуки: «Никто не дастъ намъ избавленья: ни Богъ, ни царь и ни герой! Добьемся мы освобожденья своею собственной рукой!» полны были какой-то особенной свѣжестью, здѣсь среди крестьянской молодежи, въ рамкахъ высокаго сосноваго лѣса, поднимавшагося на противоположномъ скалистомъ берегу и между двумя ржаными полями, заглядывавшими своими колосьями черезъ жердяную изгородь...

Но вотъ оркестръ проигралъ какой-то затѣйливый тушъ-сигналъ, обозначавшій приступъ къ исполненію программы. Изъ толпы вышла худенькая, тоненькая и миловидная дѣвушка лѣтъ 18—19. Она была—изъ нашей деревни. Гуляя по вечерамъ, я не разъ видѣлъ, какъ она доила и убирала коровъ. Теперь она была одѣта, хотя и скромно, но по праздничному: бѣлокурые волосы заплетены въ длинную косу, розовая кофточка, коричневая шерстяная юбка. По красенькой книжечкѣ волнующимся голосомъ она начала декламировать стихотвореніе. «Отцы наши», — говорилось тамъ, — «всю жизнь прожили въ нищетѣ и не знали, откуда на нихъ идутъ бѣды. Мы — дѣти прозрѣли. Мы знаемъ, кто наши истинные враги и кто—друзья. И что бы ни говорили старики, мы смѣло пойдемъ той дорогой, которую сами себѣ избрали». За-

тѣмъ снова игралъ оркестръ, снова декламировали, и программа закончилась получасовой агитаціонной рѣчью молодого рабочаго.

Вторая половина вечера была посвящена танцамъ. Танцовали на особомъ деревянномъ помостѣ, окруженномъ деревянными же перилами. Танцовали солидно и дѣловито, не улыбаясь и не разговаривая, сдержанными и медлительными движеніями, и уплачивая за каждый танецъ мелкую монетку въ пользу партіи. Остальная толпа стояла вокругъ чинно и тихо и вполголоса вела свои разговоры. Единственное исключеніе — два подвыпившихъ пожилыхъ финна: держатъ они себя весело, но прилично, и все зовутъ другъ друга купаться и все не могутъ разстаться съ праздничной толпой.

V.

Конечно, я воспользовался первымъ же случаемъ, чтобы поближе приглядѣться къ соціалъ-демократамъ нашей деревни. Такой случай вскорѣ представился. Давно звалъ меня къ себѣ тотъ самый Хейки, дочь котораго выступала на соціалистическомъ праздникѣ съ декламаціей стихотворенія. Самъ Хейки, здоровенный мужчина лѣтъ 45, хотя оффиціально и не принадлежитъ къ партіи, но всячески и явно выражаетъ ей сочувствіе. Старшая дочь и старшій сынъ открыто принадлежатъ къ партіи, и первая изъ нихъ состоитъ секретаремъ мѣстнаго деревенскаго партійнаго комитета. Семья—вполнѣ зажиточная съ порядочнымъ еще запасомъ земель, подлежащихъ культурѣ. Вся семья съ большой любовью занимается земледѣліемъ.

Въ одно изъ воскресеній утромъ я сидѣлъ у Хейки въ широкой общей комнатѣ—кухнѣ. Меня, конечно, какъ и всякаго гостя здѣсь, поили кофеемъ съ пышнымъ ситнымъ и свѣжимъ масломъ. Хейки раньше неоднократно такимъ же образомъ былъ нашимъ гостемъ, и потому разговоръ сразу принялъ довольно задушевный характеръ.

«Скажите, Хейки»,—спросилъ я его, между прочимъ,—«откуда вы набрались соціалистическаго духа?» Пососавъ свою трубку и подумавъ съ минутку, онъ отвѣчалъ своимъ обычнымъ невозмутимымъ тономъ: «Видите ли, когда у насъ года полтора тому назадъ собрался новый сеймъ, избранный на основаніи всеобщаго избирательнаго права, я внимательно сталъ читать, о чемъ и кто изъ депутатовъ говоритъ тамъ и какія требованія выставляются какими партіями. Я увидѣлъ тогда, что самыми справедливыми, по моему пониманію, будутъ соціалисты. Съ тѣхъ поръ я и сочувствую соціалистамъ и радъ, что двое старшихъ моихъ дѣтей записались въ соціалистическую партію». Меня очень интересовалъ вопросъ, на сколько эти дѣловитые и серьезные деревенскіе соціалъ-демократы вѣрны буквѣ марксистскаго ученія, и я началъ задавать вопросы

изъ области соціалъ-демократическихъ воззрѣній. Но къ своему удивленію, почти на каждый вопросъ я получалъ спокойный и согласный отвѣтъ отъ всѣхъ членовъ семьи. «О, это вамъ разскажетъ Юхо! Это знаетъ Юхо, мы пошлемъ за Юхо! Мы еще мало читали нашу программу! Юхо все читалъ, у Юхо есть всѣ нужныя книги!» Они, очевидно, довольствовались лишь общимъ представленіемъ о партіи, какъ объ истинной поборницѣ народныхъ интересовъ, а съ деталями были недостаточно (быть можетъ, относительно недостаточно) знакомы и, какъ добросовѣстные фины, не хотѣли дать своему слушателю неправильныя представленія о сущности своей партіи. Мы стали ждать Юхо.

Юхо, предсѣдатель мѣстнаго соціалъ-демократическаго комитета. Онъ—парень лѣтъ 25, угловатый, какъ говорится, нескладно скроенъ, но крѣпко сшитъ. По профессіи онъ — ремонтный рабочій, сынъ торпаря; въ деревню является каждую субботу, а рано утромъ въ понедѣльникъ отправляется на всю недѣлю въ Выборгъ на работу. Съ Юхо (по нашему, Иванъ) я былъ уже раньше немного знакомъ. Узнавъ, что русскіе дачники сочувствуютъ соціалистамъ, онъ счелъ необходимымъ явиться съ подписнымъ листомъ, по которому они собираютъ пожертвованія на мѣстный народный домъ.

Юхо жилъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Хейки въ крошечномъ, но чистомъ домикѣ, среди картофельнаго поля. Подвернувшійся мальчуганъ, получивъ отъ хозяевъ соотвѣтственныя инструкціи, помчался за Юхо, а черезъ нѣсколько минутъ въ ограду входилъ самъ Юхо въ черной парѣ, въ круглой черной шляпѣ и съ пачкой книжекъ, бережно завернутыхъ въ газету и прикрытыхъ полой отъ накрапывавшаго дождя. Спокойно и дружески онъ пожалъ руку, усѣлся за столъ и разложилъ свои книжки и брошюры съ полной готовностью удовлетворить мое любопытство.

Мнѣ всегда чрезвычайно нравилась эта манера здѣшнихъ финскихъ крестьянъ держать себя съ посторонними. Васъ встрѣчаютъ спокойно, никто вамъ на встрѣчу не выбѣгаетъ, не кланяется, не суетится, всякій продолжаетъ дѣлать свое дѣло; тѣ, кто не имѣетъ къ вамъ непосредственнаго отношенія, стараются даже не замѣтить васъ. Намъ два раза пришлось быть здѣсь на людяхъ: на поминкахъ и на соціалистическомъ праздникѣ, и оба раза ни докучливаго разглядыванія, ни усмѣшекъ, ни другого какого-либо проявленія любопытства, хотя мы, какъ первые русскіе дачники здѣсь, интересовали мѣстное населеніе. Съ другой стороны, мы рѣдко встрѣчаемъ на улицѣ дѣвочку, которая съ веселой улыбкой не сдѣлала бы намъ своими часто босыми ножками низкаго книксена, или взрослаго финна, который, не снимая шляпы и не вынимая изо рта трубки, не кинулъ бы намъ своего «пейве» (здравствуй!). Вмѣстѣ съ тѣмъ на свои распросы я встрѣчалъ удивительно довѣрчивое отношеніе: «да, погодите»,—говорилъ одинъ,—«у меня

есть на этотъ счетъ записи, я покажу вамъ», «да вы лучше бы взяли этотъ планъ домой», — говорили мнѣ въ другой деревнѣ, гдѣ я заинтересовался сѣвооборотомъ: «я потомъ зайду и возьму».

То же самое было и съ Юхо. Онъ охотно отвѣчалъ на всѣ мои вопросы. Въ мѣстной соціалъ-демократической группѣ 18 человѣкъ, по преимуществу все молодежь. Изъ взрослыхъ крестьянъ есть нѣсколько человѣкъ, сочувствующихъ и подающихъ свои голоса за партійныхъ кандидатовъ. Комитетъ собирается не меньше двухъ разъ въ мѣсяцъ. Группа нанимаетъ помѣщеніе за 100 марокъ въ годъ съ освѣщеніемъ. Въ этомъ помѣщеніи устраиваются только засѣданія и вечеринки. Каждый членъ уплачиваетъ $1^1/_2$ марки въ годъ въ пользу мѣстной организаціи, $^1/_2$ марки въ окружную выборгскую организацію за право во всякое время вытребовать къ себѣ, въ деревню, агитатора (въ прошломъ году такой агитаторъ пріѣзжалъ три раза) и $^1/_2$ марки въ центральную партійную кассу въ Гельсингфорсѣ. Помощи никакой, ни отъ какихъ верхнихъ организацій группа не получала за все время своего существованія. Главными рессурсами для пополненія кассы служатъ вечеринки и праздники. Нынѣшній лѣтній праздникъ далъ свыше 400 марокъ чистаго дохода, несмотря на то, что участниками праздника были почти исключительно крестьяне и пришлось сдѣлать нѣкоторые расходы (оркестру, напр., было уплачено 35 марокъ и нѣсколько марокъ оратору). Группа не существуетъ еще и двухъ полныхъ лѣтъ, и, тѣмъ не менѣе, она уже успѣла, какъ сказано, купить мѣсто, за которое заплачено 250 марокъ и столько же осталось въ долгу, и обзавестись небольшой партійной библіотекой, цѣнность которой равняется приблизительно 50 маркамъ и которая хранится на квартирѣ у Юхо.

Я взялся за книги, принесенныя Юхо. Здѣсь было нѣсколько агитаціонныхъ брошюръ, Эрфуртская программа и толстый томъ съ отчетомъ о съѣздѣ с.-д. финской партіи въ 1906 г. въ авг. мѣсяцѣ, когда окончательно была выработана нынѣ дѣйствующая программа. Съѣздъ насчитывалъ свыше 500 делегатовъ положительно изъ всѣхъ частей Финляндіи; среди делегатовъ было много торпарей, но крестьянъ тогда еще было мало. Съѣздъ проходилъ шумно. «О!»—говорилъ Юхо—«изъ этой книги вы узнали бы, сколько споровъ было на этомъ съѣздѣ; но за то»—прибавилъ онъ, весело улыбаясь:—«сдѣлали дѣло! Вотъ смотрите эту часть: это на счетъ земли; они тогда добавили»... Мы стали разбираться въ земельной программѣ финской с.-д. партіи, и я убѣдился тутъ, что финскіе соціалъ-демократы, не въ примѣръ русскимъ своимъ коллегамъ, не боятся идти навстрѣчу требованіямъ жизни и не насилуютъ молодыхъ запросовъ народа во имя буквы своей догмы. Въ ихъ аграрной программѣ мы имѣемъ и требованіе, чтобы земля была ничьей, чтобы ее нельзя было ни продавать, ни

покупать, а только обрабатывать, и трудовой принципъ, и мелкое хозяйство (не свыше 25 гектаръ у одного хозяйства), и пособіе неимущимъ при обзаведеніи хозяйствомъ, и принудительный выкупъ, и содѣйствіе кооперации... Когда я указалъ Юхо на то, что весь этотъ отдѣлъ совершенно не укладывается въ обычное с.-д-ское міросозерцаніе, онъ спокойно отвѣчалъ: «У нас такъ нужно; у насъ это полезно. Не даромъ у насъ въ сеймѣ соціалисты составляютъ такую силу, какъ нигдѣ въ Европѣ»...

И жатва соціализма здѣсь далеко не вся снята. Соціализмъ въ Финляндіи сила еще совсѣмъ молодая. Въ нашей деревнѣ, какъ мы видѣли, онъ укрѣпился годъ, полтора тому назадъ. Старая Финляндія, уступаетъ однако, туго Подъ руководствомъ своихъ пасторовъ она сумѣла внушить, по крайней мѣрѣ, части деревни,—особенно женской — прямо таки ненависть къ самому имени соціалъ-демократа. Когда Юхо впервые повелъ свою соціалистическую пропаганду въ деревнѣ, то нажилъ себѣ не мало самыхъ жестокихъ враговъ. «Повѣсить его, собаку, мало», со злостью говорили старухи... «Ну, да что онѣ могли ему сдѣлать: у насъ вѣдь свобода совѣсти», прибавила добродушно улыбаясь учительница, разсказывавшая мнѣ объ этомъ. Но эта ненависть къ соціализму нерѣдко реализуется все-таки въ формы непривлекательныя. У Хейки мнѣ показали дѣвушку изъ сосѣдней деревни. «Она тоже была въ с.-д-кой партіи», пояснили мнѣ: «да родные очень взъѣлись; теперь оффиціально къ партіи не принадлежитъ». Я зналъ учительницъ, которыя цѣликомъ принимаютъ программу с.-д-ской партіи, но не рѣшались объявить себя членами партіи изъ боязни непріятностей со стороны консервативной части деревни. Изъ молодежи, примкнувшей къ младофиннамъ, тѣмъ не менѣе, не мало найдется, повидимому, такихъ, которые стоятъ на распутьѣ и не рѣшаются только сдѣлать окончательный шагъ въ соціализмъ. У финскихъ соціалъ-демократовъ, по крайней мѣрѣ, нашихъ деревенскихъ, мнѣ какъ-то не удалось замѣтить такой же крайней нетерпимости. Въ домѣ Хейки, напр., преобладаетъ соціализмъ, но старикъ выписываетъ старофинскую земледѣльческую газету, такъ какъ привыкъ къ ней, и она оказывается хорошо освѣдомленной во многихъ практическихъ вопросахъ; сынъ-же соціалистъ выписываетъ младофинскую газету, такъ какъ партійный соціалистическій органъ получается Юхо, который живетъ здѣсь же подъ бокомъ и съ которымъ они постоянно обмѣниваются газетами, Такимъ образомъ эта крестьянская трудовая семья имѣетъ возможность постоянно слѣдить за тремя главнѣйшими теченіями финской мысли и не боится вреднаго воздѣйствія со стороны своихъ оппонентовъ! Или вотъ еще примѣръ... Какъ-то у Хейки мы разговорились о всеобщей подачѣ голосовъ при выборѣ въ сеймъ... «Ну что же ваши женщины осуществляютъ свое право? Вотъ вы, Елена», —обратился я къ немолодой уже женѣ Хейки, которая въ это время гремѣла у печки жестяной молочной посудой, —

«оба раза подавали свой бюлетень»?»—А то какъ же!» — отвѣчала она, продолжая свою работу: «да развѣ они», кивнула она на своихъ семейныхъ, «оставили бы меня въ покоѣ, кабы я не пошла на выборы!»—«За кого же вы подавали свой голосъ?»—«За кого?—отвѣчала она, улыбаясь,—а вы вотъ ихъ спросите»,—кивнула она въ уголъ, гдѣ сидѣли мужъ и сынъ... «Спросите»...—отвѣчалъ съ притворнымъ недовольствомъ Хейки,—будто мы знаемъ, будто она сказала намъ!»—Да неужели же вы и домашнимъ не сказали, за кого былъ поданъ вашъ голосъ?—«Нѣтъ,—отвѣчала она,—я одна про то знаю; скажи, что за соціалиста, сосѣди сердиться будутъ, скажи, что за старофина, своимъ непріятно. Такъ пусть одна моя совѣсть знаетъ»!

Конечно, и здѣсь не обходится безъ того, чтобы вожаки с.-д-тіи не пытались охранить свою паству отъ соприкосновенія съ «буржуазнымъ духомъ». Когда открывалось здѣсь отдѣленіе выборгскаго сельско-хозяйственнаго общества, переполненнаго старо и младофиннами, Юхо очень волновался, чтобы молодые с.-д-ты не шли въ это общество. Но, повидимому, усилія Юхо въ данномъ случаѣ не имѣли успѣха. По крайней мѣрѣ, Хейки съ сыномъ и дочерью вступили въ это общество, и сынъ Хейки выбранъ представителемъ отдѣла на періодическіе съѣзды въ Выборгѣ. Онъ же на одномъ изъ такихъ окружныхъ съѣздовъ былъ выбранъ въ числѣ немногихъ другихъ въ экскурсію по объѣзду наиболѣе интересныхъ имѣній въ окружности подъ руководствомъ опытнаго агронома. Такая поѣздка берется цѣликомъ на счетъ общества, и нашъ молодой соціалистъ вывезъ изъ этой поѣздки массу новыхъ, полезныхъ для его земледѣлія свѣдѣній, а особенно о какихъ-то необычайныхъ коровникахъ, о которыхъ старикъ-Хейки потомъ говорилъ цѣлую недѣлю съ восторгомъ, прибавляя каждый разъ, что онъ непремѣнно произведетъ у себя соотвѣтствующую реформу въ нынѣшнюю же зиму.

VI.

Каждый новый посѣтитель нашей деревни, конечно, невольно обратитъ вниманіе на уютное, просторное и чистое зданіе, построенное почти по серединѣ деревни на высокомъ гранитномъ бугрѣ и красиво окруженное соснами. Съ перваго раза мы рѣшили, что этотъ домъ какого-нибудь мѣстнаго богача или дорогая дача; но вскорѣ ошибка выяснилась: то была народная школа.

Когда мы водворились въ нашей деревенькѣ, занятія въ школѣ уже прекратились и учительница уѣхала на все лѣто. Такимъ образомъ непосредственное знакомство со школой пришлось отложить до осени, а пока я сталъ собирать предварительныя свѣдѣнія о положеніи школьнаго дѣла въ нашей мѣстности.

Школа здѣсь—учрежденіе сравнительно новое: ей нѣтъ еще и

десяти лѣтъ. «У насъ»,—разсказывалъ старикъ Антель,—«своей школы не было; ребятамъ приходилось бѣгать за 4 километра; ну и самимъ тоже неудобно: надо за какимъ-нибудь дѣломъ собраться, тащись опять за эти же четыре километра; ближе общественнаго помѣщенія никакого нѣтъ; а въ той школѣ мы тоже въ родѣ хозяевъ считаемся, потому что помогали ее строить и добровольные взносы на ея содержаніе дѣлали. Вотъ какъ-то разъ зимой поздно вечеромъ шли мы съ какого-то дѣла изъ той школы, а вьюга была и холодъ, ну кто-то и сталъ поминать, а каково-то ребятамъ въ такую погоду ходить; тутъ другіе подбавили на тотъ же счетъ, такъ слово за слово разговорились, да и порѣшили самимъ взяться строить школу. Подбили сосѣднюю деревню, написали прошеніе въ сеймъ, а тамъ намъ выдали кредитъ въ 7000 марокъ съ разсрочкой на много лѣтъ и безъ процентовъ. Въ ту же осень принялись мы за постройку школы, а теперь вотъ она у насъ уже десятый годъ. Прошлой осенью обили ее тесомъ, вызвали изъ Гельсингфорса ревизора, тотъ осмотрѣлъ, одобрилъ, а за это съ нашего долга правительству скинули 1000 марокъ»...

Старикъ Антель оказался большимъ поклонникомъ просвѣщенія и близко стоящимъ къ самой школѣ. Онъ вообще былъ здѣсь persona grata. Повидимому, всюду и вездѣ выбирали Антеля; онъ былъ представителемъ округа въ мѣстномъ цензовомъ земствѣ, онъ избирался представителемъ на выборахъ въ сеймъ и съ большою гордостью разсказывалъ, какъ онъ запечатывалъ ящики съ бюллетенями и какъ подъ его руководствомъ отвозились эти ящики въ Выборгъ; онъ же былъ выбранъ мѣстнымъ блюстителемъ тишины и спокойствія и черезъ него шли всѣ сношенія съ правительственными властями; наконецъ онъ же былъ выбранъ домохозяевами двухъ деревень въ казначеи школы и опять-таки съ гордостью говорилъ, что ни одна копейка не выйдетъ изъ школы и не войдетъ въ школу безъ его вѣдома, и показывалъ большіе, старые конверты изъ Гельсингфорса съ казенными печатями. Въ этихъ конвертахъ присылаются правительственныя пособія въ школу. Для меня, конечно, казначейство Антеля было чистой находкой тѣмъ болѣе, что самъ онъ охотно пошелъ навстрѣчу, какъ только узналъ, что я интересуюсь ихъ школой. И вотъ разъ вечеромъ, сидя на приступкахъ его чистенькаго крылечка, мы разбирали приходо-расходную книжечку и цѣлую кучу большихъ и малыхъ росписокъ.

Хозяевами школы считаются тѣ двѣ деревни, которыя приняли на себя постройку школы при специальной субсидіи отъ правительства. Всѣ собранія обѣихъ деревень и каждой порознь совершаются въ школьномъ помѣщеніи. Для этого крестьяне должны только заблаговременно увѣдомить учительницу и назначить время, свободное отъ школьныхъ занятій. Здѣсь же, въ школьномъ помѣщеніи происходитъ и вся процедура выборовъ въ сеймъ, причемъ

во все время этой процедуры надъ школой развѣвается государственный флагъ. Каждый годъ общее собраніе выслушиваетъ отчетъ казначея, провѣренный ревизіонной комиссіей изъ трехъ лицъ, и регулируетъ всю хозяйственную часть школьнаго дѣла на весь слѣдующій годъ.

Бюджетъ школы оказывается очень пестрымъ, а именно, больше половины обычнаго бюджета высылается изъ земскихъ сборовъ по Выборской губерніи. Наша школа получаетъ изъ этихъ суммъ по 375 марокъ (марка около 37 к.) четыре раза въ годъ, т. е. всего 1400 марокъ; почти всю остальную часть бюджета школа получаетъ отъ центральнаго правительства изъ Гельсингфорса, а именно по 225 марокъ 4 раза въ годъ, т. е. 900 марокъ. Добровольное обложеніе самихъ жителей этихъ двухъ деревень въ пользу своей школы составляетъ 118 марокъ съ небольшимъ. Кромѣ того, за каждаго ребенка уплачивается по 1 маркѣ въ годъ родителями (освобождаются отъ этихъ взносовъ въ случаѣ только крайней нищеты). Такая плата составляетъ здѣсь 110 марокъ въ годъ. Такъ, въ послѣднемъ отчетномъ году было внесено 70 марокъ за учениковъ нормальнаго курса и 46 марокъ за малолѣтнихъ дѣтей, продѣлывающихъ приготовительный курсъ. Дѣло въ томъ, что нормальное обученіе въ народной финской школѣ продолжается четыре года, но въ первый классъ ученики поступаютъ уже грамотными, т. е. должны умѣть читать и немного писать. Эту предварительную грамотность дѣти получаютъ или въ семьѣ, или въ особыхъ школахъ грамотности, содержимыхъ на частныя средства (въ нашей деревнѣ такая *вторая* школа содержится каждую зиму выборгскимъ пасторатомъ), или же на особыхъ подготовительныхъ курсахъ. Такіе подготовительные курсы устраиваются ежегодно за полтора мѣсяца до начала нормальнаго курса и полтора мѣсяца спустя послѣ его окончанія. Чтобы закончить этотъ подготовительный курсъ, ребенокъ долженъ проходить три осеннихъ и три весеннихъ мѣсяца (т. е. два года).

Итакъ, бюджетъ нашей школы превышаетъ нѣсколько 2500 марокъ, т. е. достигаетъ почти 1000 руб. въ годъ. Значительная часть этого бюджета оказывается забронированной: это именно жалованье учительницѣ и столяру, обучающему ребятъ своему ремеслу. Учительница получаетъ около 1000 марокъ въ годъ, т. е. нѣсколько болѣе 360 руб. при готовой квартирѣ, отопленіи и освѣщеніи; столяръ же получаетъ за свой трудъ около 200 марокъ въ годъ. Кромѣ того, всѣ учебныя пособія и учебники, а равно бумага и карандаши высылаются натурой и даромъ изъ земскаго сбора, по особой нормѣ на каждаго ученика. Такимъ образомъ, мѣстная школьная единица можетъ распоряжаться только хозяйственной частью въ узкомъ смыслѣ этого слова, т. е. всякаго рода ремонтомъ и украшеніемъ школы, дровами, чисткой трубъ, мытьемъ половъ, топкой печей въ праздники (въ будни топятъ ученики по очереди), заготовкой дровъ,

страхованіемъ училища. Сюда же относятся и такіе расходы, какъ 18 марокъ за выѣздъ ревизора по осмотру обивки школьнаго зданія тесомъ, 6 марокъ пастору, выѣзжавшему для нуждъ школы, 90 пенни на похвальные листы, 8 марокъ на свѣчи для рождественской елки, сласти на которую ученики покупали въ складчину, при чемъ такія пожертвованія колебались отъ 10 до 25 пени (отъ 3 до 8 коп.). Хозяйство школьное, повидимому, ведется съ большой осмотрительностью и осторожностью: каждый годъ, по крайней мѣрѣ, переносится около 300 марокъ въ будущій бюджетъ. Не могу не упомянуть еще одного любопытнаго расхода: 40 марокъ на судебныя издержки. Оказалось, что когда наши двѣ деревни обзавелись своей собственной школой, онѣ рѣшили возвратить или цѣликомъ или хотя бы частью тѣ затраты, которыя онѣ сдѣлали на сосѣднюю школу, гдѣ раньше обучались ихъ ребята, и предъявили соотвѣтственный искъ къ тѣмъ деревнямъ, которыя остались хозяевами прежней школы. Судъ, однако, отказалъ въ удовлетвореніи этого иска нашимъ однодеревенцамъ.

VII.

Наконецъ, начались занятія въ школѣ, и мы получили отъ учительницы приглашеніе посѣтить приготовительный курсъ во время занятій.

Въ школу въ первый разъ мы попали въ то время, когда малыши закончили свои занятія, и на широкой площадкѣ, въ одномъ углу которой установлены шесты и другія приспособленія для гимнастики, учительницей были устроены подвижныя игры.

Пока ребята возились на дворѣ, мы вошли черезъ просмоленное крыльцо и переднюю съ такимъ же чернымъ просмоленнымъ поломъ въ классъ. Это была большая, почти квадратная, комната съ шестью огромными окнами, выходящими на югъ и востокъ. Середину комнаты занимали три ряда партъ, по два мѣста каждая, съ откидными покатыми крышками и удобными спинками. Стѣны на половину обиты чистой картонной бумагой, наполовину деревянными фанерками, выкрашенными масляной краской. Мелко-фанерчатый потолокъ, какъ и прочно сколоченный полъ, окрашенъ въ желтую краску. На подоконникахъ цвѣты: бегоніи, кактусы, лиліи. Противъ двери каѳедра для учительницы съ кресломъ и конторкой, на которой лежитъ нѣсколько книжекъ и стопка тетрадей. Между каѳедрой и дверью черная, заново отдѣланная доска, съ боку которой виситъ звонокъ. Рядомъ съ доской большіе стоячіе счеты. По правую сторону отъ каѳедры фисгармонія съ букетомъ живыхъ цвѣтовъ въ хорошенькой вазочкѣ и нотами; здѣсь же прекрасный глобусъ. На стѣнахъ большіе круглые часы и множество картинъ для нагляднаго обученія. Налѣво отъ двери обширный шкафъ съ

учебными пособіями, а за нимъ огромная, хорошо сложенная, съ герметической топкой печь. Съ потолка спускаются двѣ сильныхъ и красивыхъ лампы. Вторая дверь изъ класса ведетъ въ просторную и свѣтлую мастерскую, гдѣ всѣ мальчики обязаны 4 часа въ недѣлю заниматься столярничаньемъ. Кромѣ пяти большихъ верстаковъ, здѣсь стоитъ также обширный шкафъ съ инструментами.

Между тѣмъ перемѣна окончилась. Дежурный мальчикъ вошелъ въ классъ, снялъ съ доски ясно вычищенный звонокъ и прозвонилъ установленное число разъ. Передняя безшумно наполнилась малышами, которые немедленно установились четырьмя колоннами. Учительница поднялась на каѳедру и сдѣлала знакъ рукой, чтобы дѣти входили. Плавно и дружно шлепая босыми ноженками по полу, входили ребятишки другъ за другомъ, обходили по стѣнѣ вдоль классной комнаты и, завернувъ каждый въ свой проходъ, останавливались у своихъ мѣстъ. По командѣ «юксъ! каксъ!» (разъ! два!) всѣ безшумно продвигаются на свои сидѣнья и садятся, обративъ глаза на учительницу и положивъ руки на парту. По новой командѣ крышки партъ подняты и на столахъ появились молитвенники. Предстоялъ заключительный аккордъ занятій: общественная молитва. Учительница спускается съ каѳедры и пишетъ на доскѣ мѣломъ номеръ псалма, который долженъ быть пропѣтъ. Указанный псаломъ быстро найденъ. «Пѣть полнымъ голосомъ»,—предупреждаетъ учительница. Она подходитъ къ фисгармоніи, беретъ нѣсколько аккордовъ, и звенящіе дѣтскіе голоски начинаютъ старательно выводить несложную, но торжественную мелодію псалма... Молитва окончена... «Всѣ помните, что надо сдѣлать къ завтрашнему дню?»—Да,—отвѣчаютъ дѣти... «Всѣ знаете, какія книги надо взять съ собой?»—Да.—«Юксъ, каксъ!» Парты приподняты: вынимаются книги и тетради. «Юксъ, каксъ!» ребятишки поднялись на своихъ мѣстахъ. «Теперь домой!—объявляетъ учительница:—идти бодро, смотрѣть смѣло!»—добавляетъ она... Снова безшумное и методическое движеніе по номерамъ... Дѣти въ передней разбираютъ свои шапки и верхнюю одежду. Двѣ дежурныя дѣвочки убираютъ ведро, тазъ съ водой и чистое полотенце. Все это отъ начала до конца класса находится здѣсь, и всякій выпачканный карапузъ немедленно подвергается чисткѣ... Здѣсь же въ передней раскрашенныя картинки: полезныя птицы и внутренніе органы пьяницы... Такъ же безшумно исчезаютъ ребятишки изъ школы. Невольно дивишься этой дисциплинированности, особенно когда видишь, что дѣйствующими лицами являются всего лишь семи-девятилѣтніе ребятишки, которые школьной муштровкѣ подвергались какихъ-нибудь двѣ недѣли. Привычку къ этой общественной дисциплинѣ они должны были принести, конечно, изъ дому, изъ окружающей ихъ повседневной обстановки и еще больше укрѣпить ее здѣсь при данномъ школьномъ режимѣ.

Кромѣ этой общественной дисциплины, поразило меня въ этихъ

ребятишкахъ и удивительное уваженіе къ общественному имуществу. Въ первое же посѣщеніе школы я съ большимъ любопытствомъ сталъ разсматривать парты и стѣны: нигдѣ ни одного рисунка, ни одной «пробы пера», нигдѣ изрѣзанныхъ и выцарапанныхъ мѣстъ, несмотря на то, что парты служили со дня открытія школы, т. е. 9 лѣтъ. Въ такой же исправности содержатся цвѣты и картины. Шкафъ со столярными принадлежностями, среди которыхъ множество всякой мелочи (буровы, шила, напильники), остается открытымъ въ теченіе всѣхъ часовъ ручного труда, и тѣмъ не менѣе никогда ни одна вещь изъ шкафа не пропадала. Школьная библіотека, заключающая около ста названій, помѣщается на открытыхъ полкахъ въ классной же комнатѣ, и ею по очереди завѣдуютъ старшіе ученики, и никогда не бывало случая пользованія книгой безъ разрѣшенія дежурнаго товарища.

Стоитъ ли говорить о томъ, что размѣры курса здѣшней народной школы являются совершенно несоизмѣримыми съ курсомъ нашей народной школы. Дѣти, какъ раньше было сказано, начинаютъ свой нормальный четырехгодичный курсъ уже грамотными. Мудрено ли, что за эти четыре года они успѣваютъ пройти и естествознаніе, и геометрію, и географію (общую и Финляндіи), и исторію (общую и Финляндіи). Кромѣ того, гимнастика, ручной трудъ для мальчиковъ, рукодѣлье для дѣвочекъ, пѣніе и въ широкихъ размѣрахъ всѣ четыре года рисованіе. Бумага для рисованія, карандаши простые, карандаши цвѣтные, краски, кисточки, резинки, тетрадки разныхъ размѣровъ все это безплатно выдается каждому ученику. Всѣ учебники выдаются также даромъ и по прошествіи курса остаются у ученика, подъ условіемъ, что если изъ этого же дома учится или будетъ учиться кто-нибудь изъ младшихъ, то учебники должны перейти къ нему. Наглядныя пособія показываютъ на серьезную постановку преподаванія. Кромѣ наглядныхъ картинъ, я нашелъ въ этой школѣ, которую считаютъ бѣдной, магнитъ, модель паровоза, электрическій звонокъ, электрическую лампочку, электрическую машину, наливное колесо, сегнерово колесо, увеличительныя стекла, призму, ящикъ съ геометрическими тѣлами, колбочки, пробирки и спиртовую лампочку. Любопытной чертой постановки многихъ предметовъ является тѣсная связь ихъ съ пропагандой трезвости. Почти во всѣхъ отдѣлахъ естествознанія имѣются отдѣльныя главы или прибавленія, которыя разъясняютъ вредъ пьянства съ той или другой точки зрѣнія и которыя проходятся школьниками, если учитель считаетъ это полезнымъ. Въ частности наша школа является, повидимому, однимъ изъ ярыхъ очаговъ пропаганды трезвости. Почти всѣ школьники принадлежатъ къ обширной школьной ассоціаціи, объединенной въ общефинскую организацію. Каждый членъ-школьникъ вноситъ ничтожный членскій взносъ и получаетъ особый билетъ трезвенника. Разъ въ мѣсяцъ школьники-трезвенники устраиваютъ спектакли

на темы о пьяной и трезвой жизни. Школьная группа поклонниковъ трезвости имѣетъ свое собственное маленькое знамя, съ которымъ каждую весну оно ѣздитъ въ Выборгъ на демонстрацію, устраиваемую всей ассоціаціей. Сѣмена эти, повидимому, нерѣдко падаютъ на благодарную почву. Вторая дочка у Хейки, пятнадцатилѣтняя дѣвушка, еще не записалась въ соціалистическую партію: «хочетъ своимъ умомъ дойти до этого»,—какъ объяснялъ мнѣ старикъ Хейки, но она съ малыхъ лѣтъ горячо прониклась проповѣдью трезвости и смѣло вступаетъ въ борьбу съ зеленымъ змѣемъ, по крайней мѣрѣ, въ стѣнахъ своей семьи. «У насъ,—разсказывала ея мать, посмѣиваясь,—пьянымъ никто не бываетъ; ну старикъ и старшій сынъ иной разъ немного выпьютъ, такъ, повѣрите ли, не меня боятся, а ее. Ужъ она какъ примется ихъ стыдить, изъ избы вонъ выходи».

Въ томъ же училищномъ зданіи находится и квартира учительницы. Она состоитъ изъ двухъ большихъ комнатъ, оклеенныхъ прекрасными обоями, и огромной кухни, выкрашенной масляной краской и снабженной всѣми удобствами. Подъ окнами разбитъ небольшой огородикъ и цвѣтничекъ. На дворѣ большой, крѣпкій дровяникъ, полный дровъ, хорошій коровникъ (на случай, если бы учительница вздумала держать корову), ледникъ, въ дальнемъ концѣ усадьбы баня, приспособленная къ прачешной, съ котломъ и массой болѣе мелкой посуды. Съ чувствомъ какой-то гордости водила насъ учительница по своему «помѣстью» и съ чувствомъ какого-то удовлетворенія нѣсколько разъ при случаѣ повторяла: «финскій народъ—другъ школы». «Ну, а скажите»,—спросилъ я, вспоминая нашу русскую сѣрую дѣйствительность,—«не тяжело вамъ въ хозяйственномъ отношеніи быть въ зависимости отъ крестьянъ?»—«О, что вы»,—отвѣчала она,—«родители часто и охотно посѣщаютъ школу и нерѣдко бываютъ моими гостями. И большею частью я и сама не замѣчу какого-нибудь недостатка, а кто-нибудь уже укажетъ, что обои не свѣжіе, ручка гдѣ-нибудь или замокъ не дѣйствуетъ, или что нибудь въ такомъ же хозяйственномъ родѣ, а тамъ уже сообщитъ казначею или подниметъ вопросъ на общемъ собраніи. Нѣтъ, жить съ ними очень легко»...

VIII.

Стоитъ вспомнить еще одинъ характерный случай. Не смотря на то, что мы жили на довольно оживленной дорогѣ и почти на самомъ краю деревни, что сзади на насъ насѣдалъ сосновый лѣсъ, что у всякаго финна за поясомъ болтается финскій ножъ и что изъ города иной разъ возвращались не то чтобы пьяныя, но достаточно веселыя компаніи, мы какъ то невольно заразились общимъ здѣсь чувствомъ безопасности, съ которымъ нигдѣ не

жили въ россійскихъ палестинахъ. Да и какъ было не поддаться этому чувству, когда ледника у насъ никто не громилъ, хотя и день, и ночь онъ оставался незапертымъ, пьяные къ намъ не ломились, подозрительныя лица подъ окнами не шмыгали и не высматривали, полиціи мы и совсѣмъ почти не видали. Правда, въ самомъ началѣ нашей жизни въ этой деревушкѣ, какъ-то явился помощникъ ленсмана. Онъ пришелъ пѣшкомъ въ форменной фуражкѣ, но въ штатской одеждѣ; единственнымъ оружіемъ его была суковатая палка. Въ домъ онъ не вошелъ, а попросилъ наши паспорта и, убѣдившись, что они прописаны въ Выборгѣ, раскланялся и исчезъ. Стороной онъ наводилъ кое-какія справки о неожиданныхъ русскихъ дачникахъ, но едва ли полученныя свѣдѣнія могли представлять какую-либо цѣнность. Оставался еще Антель, какъ мѣстный блюститель тишины и порядка, но онъ былъ такой почтенный, такой скромный и такой уважаемый человѣкъ, что съ нимъ въ нашихъ русскихъ головахъ никакъ не вязалось представленіе о какомъ-либо полицейскомъ чинѣ.

Разъ уже густыми августовскими сумерками, проходя по деревнѣ, я встрѣтилъ двухъ здоровыхъ мужчинъ съ женщиной. Компанія была очевидно навеселѣ, потому что шла, напѣвая вполголоса какую-то финскую пѣсенку, что представляло совершенно исключительное явленіе въ нашей тихой и скромной деревушкѣ. На краю деревни, у нашего дома, эта веселая компанія остановилась и стала проситься къ намъ «варить кофе». Но въ этотъ поздній часъ дюжіе молодцы, отъ которыхъ несло водкой, не внушали довѣрія, и въ просьбѣ имъ было отказано. Тогда одинъ изъ нихъ началъ буянить. Но довольно было послать на деревню за помощью, какъ оба дюжіе молодца захвативъ свою компаньонку, быстро исчезли во мглѣ уже наступившей ночи. Не прошло и нѣсколькихъ минутъ послѣ этого, какъ подъ нашими окнами раздались дружные шаги ногъ и голоса, спрашивавшіе, куда дѣлись буяны. Это былъ Антель, который за короткій срокъ успѣлъ собрать на деревнѣ дюжихъ молодцовъ и явился къ намъ на выручку. Узнавъ, въ какомъ направленіи отправились буяны, эта импровизованная деревенская стража дружнымъ солдатскимъ шагомъ двинулась въ ту же сторону. Они обошли удаленные хутора, убѣдились, что нигдѣ и никому не грозитъ опасности, вернулись назадъ и долго еще сидѣли неподалеку отъ насъ, переговариваясь вполголоса. А между тѣмъ, что представляли для нихъ мы, пріѣхавшіе изъ той самой Россіи, откуда, по словамъ одной ихъ пѣсни, они должны были и должны будутъ отражать столько грозныхъ бурь. И, казалось мнѣ, что здѣсь въ этой ночной экспедиціи проявило себя чувство оскорбленнаго гражданина, то чувство, которое съ давнихъ поръ способенъ ощущать здѣсь каждый взрослый человѣкъ.

А. Николаевъ.

Бласко Ибаньесъ.

I.

Въ дремучемъ лѣсу, «одно воспоминаніе о которомъ внушаетъ ужасъ», великій флорентинецъ встрѣчаетъ льва, пантеру и волчицу, загородившихъ ему путь. Человѣчество тоже напоминаетъ итальянскаго поэта. Въ «дремучемъ лѣсу» ему загораживаютъ путь не символическіе звѣри, а великія препятствія всякаго рода, мѣшающія счастью. Они бываютъ преодолимыя и непреодолимыя. Преодолимыя препятствія положены отчасти самой природой, но большею частью самимъ человѣкомъ. Къ категоріи преодолимыхъ препятствій относятся неблагопріятныя климатическія условія, соціальное неравенство, попытки сковыванія мысли и свободы и т. д. Всѣ эти препятствія могутъ быть устранены при ясномъ сознаніи цѣли и при дружномъ усиліи. Непреодолимыя препятствія положены извѣчно на пути всѣхъ живущихъ съ тѣхъ поръ, какъ затеплилась впервые жизнь на землѣ. Точнѣе всего, человѣчество знаетъ только одно непреодолимое препятствіе—смерть.

Въ разные моменты общественной жизни мы замѣчаемъ неодинаковое отношеніе къ преодолимымъ и неопреодолимымъ препятствіямъ. Въ моментъ подъема общественной жизни человѣчество не то что не думаетъ о неопреодолимыхъ препятствіяхъ (отношеніе къ нимъ долженъ выяснить себѣ каждый послѣ того, какъ въ вискахъ сверкнетъ первый сѣдой волосъ), а считаетъ безполезнымъ останавливаться на все время предъ ними. Зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, мучиться надъ вопросами, которые все равно не разрѣшимы? Въ эпоху общественнаго подъема люди направляютъ всѣ свои усилія на устраненіе преодолимыхъ препятствій. Объединивъ свои силы, они достигаютъ поразительныхъ результатовъ. Жизнь, если не всѣхъ, то многихъ становится красивѣе, интереснѣе, полнѣе. Въ моменты общественнаго разгрома, когда берутъ перевѣсъ элементы, которымъ существованіе преодолимыхъ препятствій выгодно,—люди, какъ на стѣну, натыкаются на непреодолимыя препятствія. Другими словами, въ эпоху реакціи, а въ особенности, въ первый періодъ ея, непосредственно слѣдующій за неудавшимся общественнымъ движеніемъ, люди, какъ въ каменную гору, упираются въ вопросъ о смерти. Тогда вся литература данной страны занята только ею и религіозными вопросами, тоже порожденными страхомъ передъ непреодолимыми препятствіями. Оцѣнка преодолимыхъ препятствій и борьба съ ними создаетъ бодрую, жизнерадостную литературу. Упираніе въ непреодолимыя препятствія ве-

детъ къ отчаянію, къ ужасу передъ неизвѣстнымъ, къ отвращенію къ жизни. И если въ литературѣ въ эпохи общественнаго разгрома мы встрѣчаемъ прославленіе смерти, то это порождено ужасомъ, внушаемымъ ею.

Чѣмъ объяснить то, что въ разные общественные моменты люди останавливаются передъ препятствіями различныхъ категорій? Въ эпоху общественнаго подъема люди дѣйствуютъ вмѣстѣ, грудью. Каждый сознаетъ себя частью великаго цѣлаго. Общее бодрое настроеніе захватываетъ всѣхъ. На міру каждый не чувствуетъ себя одинокимъ, отброшеннымъ, лишнимъ. Въ эпоху общественнаго разгрома *я* противопоставляется всему остальному міру. Создаются даже теоріи «гордаго одиночества», которыя неминуемо ведутъ къ отчаянію. «Эгоцентризмъ», если можно такъ выразиться, т. е. противопоставленіе себя всему космосу, не можетъ дать никакого примиренія со смертью, хотя бы даже сдѣланы были отчаянныя попытки воскресить обанкротившуюся метафизику.

Иллюстрированіе только что высказанныхъ тезисовъ примѣрами, взятыми изъ литературы разныхъ народовъ,—очень интересно. Въ настоящей статьѣ я хочу взять ихъ только изъ одной литературы—испанской. Иллюстрацію возьму изъ произведеній самаго яркаго и талантливаго беллетриста молодой Испаніи, начинающаго пользоваться широкой и вполнѣ заслуженной популярностью далеко за предѣлами своей родины. Я говорю о Бласко Ибаньесѣ.

Передъ нами, прежде всего, бытописатель. Въ первомъ по времени романѣ «Arroz y Tartana» (вольный переводъ былъ бы Трынъ-трава) мы имѣемъ яркую картину жизни среднихъ и нижне-среднихъ классовъ Валенціи; авторъ рисуетъ гибель старыхъ укладовъ и нарожденіе новыхъ. Въ романѣ La Barraca, извѣстномъ и русской публикѣ, авторъ даетъ картину жизни валенційскихъ крестьянъ въ «Luertas». Въ романѣ «El Intruso» передъ нами жизнь въ рудникахъ близъ Бильбао. «La Horda» — изображаетъ современный Мадридъ. Въ «Los Muertos mandan» мы переносимся на Балеарскіе острова. «La Bodega» раскрываетъ передъ нами нравы Андалузіи. Въ «Sangre y Arena» — поразительная картина жизни тореадоровъ. «Flor de Mayo» — переноситъ насъ на берегъ моря, въ среду рыбаковъ и матросовъ. Въ романѣ «Canos y Barro» Бласко Ибаньесъ снова возвращается къ жизни крестьянъ, къ ихъ стремленію имѣть клочекъ земли, что равняетъ земледѣльцевъ всѣхъ странъ. Въ каждомъ романѣ Бласко Ибаньесъ, какъ мы увидимъ дальше, поднимаетъ рядъ въ высшей степени важныхъ соціальныхъ и философскихъ вопросовъ; но каждое новое произведеніе даетъ также драгоцѣнный матеріалъ для изученія современной Испаніи. Передъ нами, прежде всего, выступаетъ рядъ сочныхъ жанровыхъ картинъ. Вотъ, напримѣръ, разбойникъ Кико Больсонъ—«el heroe del distrito», т. е. мѣстный герой, имѣющій за собою тридцатилѣтнюю дѣятельность на большихъ дорогахъ и въ горахъ.

Кико Больсонъ не только не считаетъ себя преступникомъ, но, напротивъ, опорой престола и защитникомъ консервативныхъ принциповъ.

«Преступникъ? Нѣтъ, Кико Больсонъ отрицалъ это. — У него были свои принципы. Онъ питался тѣмъ, что давали ему крестьяне въ горахъ изъ страха или изъ сочувствія. И если въ округѣ появлялся какой-нибудь воръ и грабитель, Кико быстро сводилъ съ нимъ счеты. У Кико были свои понятія о чести и онъ не хотѣлъ, чтобы окрестные крестьяне страдали отъ воровства. Кровь—другое дѣло. Ею Кико былъ покрытъ весь. Для него жизнь человѣческая имѣла меньше значенія, чѣмъ камень на большой дорогѣ. Это дикое животное пускало въ ходъ разные способы уничтоженія непріятеля: Кико убивалъ пулей, ножемъ. Онъ убивалъ, стоя лицомъ къ лицу съ врагомъ, если у того хватало смѣлости разыскивать разбойника. Кико Больсонъ убивалъ и изъ засады, если врагъ былъ также подозрителенъ и остороженъ, какъ самъ разбойникъ. Изъ чувства ревности Кико Больсонъ убивалъ другихъ разбойниковъ, появлявшихся въ горахъ. На большихъ дорогахъ время отъ времени онъ убивалъ своихъ старинныхъ враговъ. Онъ пускался часто въ деревни, чтобы тамъ уложить при выходѣ изъ церкви алькада или какого-нибудь вліятельнаго землевладѣльца».

«Разбойника не преслѣдовали и не безпокоили. Изъ политическихъ соображеній онъ убивалъ людей, которыхъ едва зналъ, чтобы такимъ образомъ у дона Хозе (консервативный представитель округа въ парламентѣ) не было соперника на выборахъ. Свирѣпое животное, само того не сознавая, было щупальцемъ избирательнаго спрута, шевелившагося гдѣ то далеко въ правительственныхъ кругахъ. Кико Больсонъ жилъ въ сосѣдней деревнѣ, былъ женатъ на женщинѣ, побудившей его совершить свое первое убійство, имѣлъ дѣтей, которыхъ очень любилъ. Кико имѣлъ многочисленныхъ пріятелей, курилъ сигары въ компаніи съ жандармами, повиновавшимися приказу свыше. И когда послѣ какого-нибудь новаго преступленія стража притворялась, что преслѣдуетъ разбойника, онъ отправлялся на нѣсколько дней на охоту въ горы, упражняя такимъ образомъ свой зоркій глазъ» *). Разбойникъ, оффиціально преслѣдуемый закономъ, присутствуетъ на «paella» (банкетѣ), который устраиваютъ воротилы округа своему представителю дону Хозе.

И надобно было видѣть, какъ ухаживали во время банкета за Больсономъ мѣстные нотабли.

— Больсонъ, этотъ кусочекъ куницы!

— Больсонъ, еще стаканчикъ вина!

Даже священники, закатываясь жирнымъ, густымъ смѣхомъ, хлопали разбойника по плечу и добродушно повторяли:

— Ахъ, Больсонъ! какой ты грѣшникъ!

*) V. Blasco Ibanez, «La Condenada», paginas 161—162.

Въ сущности говоря, банкетъ устроенъ былъ не для дона Хозе, а для Больсона. Исключительно для переговоровъ съ нимъ остановился въ деревнѣ по пути въ Валенсію знаменитый донъ Хозе. Разбойникъ все жаловался, и депутатъ хотѣлъ успокоить его.

Въ чемъ однако дѣло? Больсону въ награду за помощь, оказанную консервативной партіи на выборахъ, обѣщана была амнистія. И разбойникъ, чувствовавшій уже старость, желалъ жить спокойно, какъ честный крестьянинъ. Вотъ почему онъ настойчиво приставалъ къ дону Хозе съ просьбой объ амнистіи. И когда послѣдняя не приходила, Больсонъ сталъ угрожать.

— Я пріѣхалъ только для того, чтобы повидаться съ тобою,— сказалъ донъ Хозе.—Что означаютъ всѣ твои угрозы? Развѣ тебѣ плохо, дорогой Кико? Я писалъ о тебѣ губернатору. Жандармы тебя не трогаютъ. Что тебѣ еще?

Разбойникъ отвѣчаетъ, что ему нужна амнистія, которая принесетъ увѣренность въ завтрашнемъ днѣ. Неопредѣленное положеніе не можетъ больше продолжаться. Времена могутъ измѣниться. У власти могутъ стать другіе люди. Что тогда станетъ съ Больсономъ?

— Ты будешь имѣть амнистію! Тебѣ ее дадутъ,—успокаиваетъ величественный и всесильный донъ Хозе.—Больсонъ улыбается иронически. Онъ не такъ глупъ, какъ полагаютъ. Онъ совѣтовался съ адвокатомъ въ Валенціи, который посмѣялся надъ обѣщаніемъ амнистіи. Такъ просто ее не дадутъ. Надо отдаться въ руки правосудія и быть осужденнымъ за безчисленныя убійства. Надо отбыть часть наказанія въ каторжныхъ работахъ. Въ общемъ за всѣ преступленія приходится отъ 200 до 300 лѣтъ заключенія. И когда половина срока наказанія будетъ отбыта, тогда можно ходатайствовать о смягченіи участи. Больсонъ не желаетъ больше, чтобы надъ нимъ смѣялись! Амнистія немедленно или разбойникъ поступитъ, какъ знаетъ.

Донъ Хозе успокаиваетъ Больсона.

— Адвокатъ—невѣжда. Неужели ты думаешь, что для правительства есть нѣчто невозможное?

И разбойника удалось дѣйствительно успокоить; но донъ Хозе принялъ свои мѣры.

На обратномъ пути съ банкета въ родную деревню жандармы окружаютъ дилижансъ, задерживаютъ Больсона и тутъ же разстрѣливаютъ, будто-бы при попыткѣ къ побѣгу. Донъ Хозе отдѣлался отъ союзника, становившагося опаснымъ. *).

Вотъ другая жанровая картина, типичная для Италіи. Таможенная стража преслѣдуетъ барку El Socarrao, возвращающуюся изъ Алжира съ полнымъ грузомъ контрабанды. Контрабандисты много разъ уходили отъ стражи, но на этотъ разъ, повиди-

*) См. разсказъ „La Poebla del Roder“ въ сборникѣ „La Condenada“.

мому, все кончено. Путь въ открытое море отрѣзанъ миноноской. Баркѣ остается только выброситься на берегъ у мѣстечка Торресалинасъ. Все населеніе выбѣгаетъ на берегъ, чтобы спасти грузъ. Контрабандисты имѣютъ передъ собою полчаса и за это время все должно быть сдѣлано.

Даже алькадъ явился для того, чтобы принять участіе въ добромъ дѣлѣ.

Карабинеры тоже были хорошіе ребята, жившіе съ населеніемъ душа въ душу. Они быстро поняли положеніе дѣлъ и совсѣмъ не желали довести до каторги добрыхъ отцовъ семейства.

— Держите къ берегу, ребята!—крикнулъ нашъ хозяинъ. (Разсказъ ведется отъ имени одного изъ участниковъ). Мы выбросимся сейчасъ. Теперь необходимо спасать грузъ и людей. El Socarrao выйдетъ изъ затруднительнаго положенія.

Не спуская почти ни одного паруса, барка врѣзалась носомъ въ песокъ. Боже, какъ закипѣла работа! Даже теперь все мнѣ кажется сномъ, когда вспоминаю объ этомъ. Все населеніе накинулось на барку и взяло ее штурмомъ. Ребятушки проскользнули, какъ крысы, въ трюмъ.

— Скорѣе! Торопитесь! Таможенная стража на носу!

Тюки были вытащены изъ подъ покрышки. Ихъ швыряли въ воду, откуда ихъ вылавливали раззувшіеся мужчины и женщины, высоко подобравшія юбки.

Тюки исчезали то въ одну, то въ другую сторону. И въ нѣсколько минутъ не стало груза, какъ будто его всосалъ песокъ. Волна тюковъ съ табакомъ наводнила Торресалинасъ и разлилась по всѣмъ домамъ.

Алькадъ вмѣшался тутъ съ отеческимъ замѣчаніемъ.

— Такъ нельзя!—сказалъ онъ хозяину.—Вы уносите весь грузъ и карабинеры будутъ жаловаться. Оставь по крайней мѣрѣ нѣсколько тюковъ для вида.

— Хорошо! Не уносите этотъ тюкъ. Онъ совершенно испорченъ. Пусть карабинеры довольствуются этимъ.

И хозяинъ отправился по направленію къ мѣстечку, унося съ собою всѣ документы барки. Но вотъ онъ остановился и крикнулъ:

— Сотрите названіе.

Казалось, что у барки выросли ноги, такъ быстро ее выволокли изъ воды далеко на песокъ. Люди спѣшно и жарко работали надъ нею, восклицая каждый разъ:

— Съ какимъ носомъ останется начальство!

Когда послѣдніе тюки исчезли въ домахъ Торресалинасъ, начался грабежъ барки.

Люди унесли паруса, якорь, весла. Вытащили даже мачту, которую мальчишки поволокли въ другой конецъ мѣстечка. Отъ баржи остался только остовъ.

А между тѣмъ маляры спѣшно мазали кистью, закрашивая всѣ знаки.

Барка преобразилась, какъ оселъ на ярмаркѣ въ рукахъ у цыганъ. Не осталось слѣда ни отъ названія, ни отъ этихъ проклятыхъ цыфръ, означающихъ книгу записи и причиняющихъ столько огорченія контрабандистамъ. Миноноска бросила якорь какъ разъ въ тотъ моментъ, когда исчезли послѣдніе слѣды барки. Военное судно спустило лодку съ людьми, вооруженными ружьями и штыками. Начальству оставалось только ругаться, населеніе же мѣстечка хохотало надъ тѣмъ, что «шутка» удалась такъ хорошо. *)

Каждый разсказъ Бласко Ибаньеса, каждый романъ его даетъ намъ новую картину жизни Испаніи. Это относится даже къ такимъ философскимъ романамъ, какъ «Los Muertos Mandan», о которомъ дальше. Цѣлый рядъ народныхъ легендъ, обычаевъ и обрядовъ искусно вплетенъ въ каждый романъ. Бласко Ибаньесъ любитъ народныя сказки своей родины Валенціи и передаетъ ихъ съ удивительной простотой, сохраняя всю наивность ихъ при переводѣ съ мѣстнаго нарѣчія. Вотъ, напр., сказка «Хлѣвъ Евы», объясняющая причину соціальнаго неравенства. Дѣло происходило послѣ изгнанія Адама и Евы изъ рая. «Адамъ цѣлые дни работалъ въ полѣ и дрожалъ за урожай, а Ева хлопотала по дому и чинила свои юбки изъ листьевъ». И каждый годъ она рожала. Такъ что вокругъ нея образовался цѣлый рой голодныхъ ртовъ, ставившихъ все въ большее и большее затрудненіе бѣднаго отца. Время отъ времени прилеталъ серафимъ, котораго Господь отправлялъ на землю, чтобы посмотрѣть, какъ идутъ тамъ дѣла послѣ перваго грѣха. И каждый разъ Ева, завидѣвъ серафима, обращалась къ нему съ заискивающей улыбкой:

— Малецъ! Какъ поживаетъ Старикъ? Если придется говорить съ нимъ, скажи, что я раскаялась. Какъ хорошо намъ жилось въ раю! Скажи Старику, что мы много работаемъ. Пусть онъ навѣститъ насъ, только чтобы показать, что не сердится больше на насъ.

Господь не обращалъ вниманія на усиленныя просьбы Евы. «Онъ былъ такъ занятъ приведеніемъ въ порядокъ своихъ громадныхъ владѣній, что у него не оставалось минуты свободной». Но вотъ, наконецъ, разъ небесный посланникъ прилетѣлъ къ Евѣ.

— Слушай, Ева,—сказалъ онъ.—Если сегодня вечеромъ погода будетъ хороша, возможно, что Господь прибудетъ сюда. Вчера ночью, бесѣдуя съ архангеломъ Михаиломъ, онъ спросилъ: «Что стало съ этими грѣшниками?» Началась усиленная чистка въ домѣ. Одно приводило только Еву въ отчаяніе: дѣти ея, которыхъ было «не то двадцать, не то тридцать». «Они были слишкомъ уродливы, чтобы представить ихъ Всемогущему. Лохматые,

*) «La Barca Abandonada». «La Condenada». Paginas 130—143.

съ гноящимися глазами, грязными носами, съ тѣломъ, покрытымъ струпьями».

— Какъ мнѣ показать эту сволочь!—стонала Ева.—Господь скажетъ, что я неряха и скверная мать. Мужчины всегда упрекаютъ женщину. Они не знаютъ, что значитъ возиться съ дѣтьми!

Наконецъ, Ева выбрала трехъ любимчиковъ и тщательно вымыла ихъ, а остальныхъ, не смотря на ихъ протесты, заперла въ хлѣвъ. Господь прибылъ, окруженный воинствомъ серафимовъ и херувимовъ, которые тотчасъ же разсыпались по саду и стали обрывать фиговыя деревья. Господь былъ въ очень хорошемъ расположеніи духа, потрепалъ Еву по подбородку и благосклонно сказалъ ей: «Надѣюсь, ты уже не такая вѣтренница, какъ раньше?» Супруги предложили Гостю свое лучшее кресло. Господь усѣлся и сталъ разспрашивать Адама о его дѣлахъ.

— Хорошо, очень хорошо!—сказалъ онъ, наконецъ.—Это тебя научитъ не слушаться больше женскихъ совѣтовъ. Теперь работай, надрывайся! Знай, что кориться со старшими не слѣдуетъ! Но затѣмъ Господу стало жалко Адама.

— То, что сдѣлано—сдѣлано,—продолжалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.—Мое проклятіе должно исполниться. У меня только одно слово. Но разъ я пришелъ къ вамъ, мнѣ хочется сдѣлать что-нибудь для васъ. Покажи мнѣ, Ева, твоихъ дѣтей.

Три мальчика предстали передъ Всемогущимъ, который нѣкоторое время внимательно осматривалъ ихъ.

— Ты,—сказалъ онъ старшему, очень хмурому пузану, слушавшему Господа, сдвинувъ брови,—ты будешь судить своихъ ближнихъ. Ты будешь сочинять законы и станешь объяснять, что такое преступленіе. Съ вѣками ты будешь мѣнять свой взглядъ на преступленіе. Всѣхъ преступниковъ ты будешь приговаривать къ одному и тому же наказанію, то есть станешь, какъ врачъ, лѣчить всѣхъ однимъ и тѣмъ же лѣкарствомъ.

Затѣмъ Господь обратился къ другому мальчику, отчаянному драчуну, у котораго всегда наготовѣ была палка, чтобы побить кого-либо изъ братьевъ.

— Ты будешь воиномъ и полководцемъ. Ты поведешь за собою людей, какъ стадо, на убійства и грабежъ. Люди провозгласятъ тебя полубогомъ, видя тебя, покрытаго кровью. Если другіе будутъ убивать, ихъ назовутъ преступниками. Если ты совершишь убійства, тебя назовутъ героемъ. Ты зальешь поля кровью, принесешь городамъ огонь и мечъ, будешь разрушать, истреблять. Тебя станутъ воспѣвать, а твои подвиги будутъ внесены въ лѣтописи. Если кто другой сдѣлаетъ то же, что ты, его закуютъ въ цѣпи.

Господь подумалъ нѣкоторое время, затѣмъ обратился къ третьему.

— Ты будешь скупать товары всюду, будешь торговцемъ, станешь ссужать королей деньгами, обращаться съ ними, какъ съ равными, и если ты разоришь цѣлый край, свѣтъ будетъ восхищаться твоею ловкостью.

Бѣдный Адамъ плакалъ отъ радости, тогда какъ Ева волновалась, дрожала, желала сказать что-то, но не смѣла. Въ материнскомъ сердцѣ ея шевелилось раскаяніе. Она думала о бѣдняжкахъ, запертыхъ въ хлѣву, которыхъ теперь обошли при распредѣленіи милостей.

— Покажи остальныхъ дѣтей,—сказала она, наконецъ, мужу.

Но робкій, всегда запуганный Адамъ не рѣшился сдѣлать это и пробормоталъ:

— То будетъ страшной дерзостью. Господь разсердится.

Какъ разъ въ этотъ моментъ архангелъ Михаилъ, который очень неохотно пришелъ въ мурью грѣшниковъ, возвѣстилъ своему хозяину, что уже поздно.

Господь поднялся; свита архангеловъ, спустившись съ деревьевъ, прибѣжала и взяла на караулъ.

Побуждаемая раскаяніемъ, Ева подбѣжала къ хлѣву и отперла двери.

— Господи!—завопила она,—у меня есть еще дѣти. Дай и этимъ бѣдняжкамъ что-нибудь!

Съ изумленіемъ взглянулъ Всемогущій на грязное и отвратительное стадо, копошившееся, какъ черви, въ кучѣ навоза.

— У меня уже больше ничего не осталось, что бы дать имъ,—сказалъ Господь.—Ихъ братья все забрали себѣ.

Архангелъ Михаилъ оттолкнулъ Еву, чтобы она не надоѣдала больше хозяину, но она продолжала молить:

— Господи, хоть что-нибудь! Дай имъ что-нибудь. Что будутъ дѣлать эти бѣдняжки въ свѣтѣ?

Господь молчалъ и, наконецъ, отвѣтилъ:

— У этихъ есть тоже своя судьба: они будутъ служить тремъ старшимъ братьямъ и доставлять имъ средства къ существованію.

«И отъ этихъ несчастныхъ, которыхъ праматерь Ева заперла въ хлѣвъ, происходимъ мы всѣ, работающіе на землѣ»—заканчиваетъ валенційская сказка *).

*) El Establo de Eva. Cuentas Valencianos. Paginas 191—98.

II.

Бласко Ибаньесъ даетъ намъ громадную коллекцію типовъ современной Испаніи. Кого только тутъ нѣтъ? Рыбаки, матросы, крестьяне, тореадоры, священники («La Catedral», «El Intruso»), биржевики («Arroz y Tartana)», художники («La Maja Desnuda»), политическіе дѣятели («La Horda»), молодые писатели (тамъ же), тряпочники, хитаны. Бласко Ибаньесъ любитъ и умѣетъ рисовать широкія полотна соціальной жизни; но на этихъ полотнахъ переданъ не только общій планъ, но тщательно выписаны также отдѣльные характеры. Въ современной литературѣ немного такихъ яркихъ типовъ, какъ донья Мануэла и Антоніо («Arroz y Tartana»), какъ донья Соль въ «Sangre y Arena», какъ Реновалесъ въ «Maja Desnuda». Романы Бласко Ибаньеса—лучшее пособіе для изученія современной Испаніи и идеаловъ ея. Вотъ молодые журналисты, постоянно мечтающіе о переворотѣ, о той политической революціи, отъ которой ждутъ всеобщаго обновленія даже массы въ Испаніи. Бласко Ибаньесъ даетъ намъ нѣсколько портретовъ такихъ революціонеровъ, принадлежащихъ къ самымъ низшимъ слоямъ. Таковъ продавецъ газетъ донъ Мануэль («La Horda»); таковъ тореадоръ «El Nacional» въ романѣ «Sangre y Arena». Бласко Ибаньесъ—республиканецъ и борецъ за обновленіе Испаніи; но онъ не ставитъ своихъ героевъ на пьедесталъ, не пытается освѣщать ихъ бенгальскимъ огнемъ. Они не произносятъ у него трескучихъ монологовъ и не развиваютъ мыслей, взятыхъ изъ захватанныхъ программъ. Испанскій романистъ—р е а л и с т ъ прежде всего. Онъ рисуетъ своихъ республиканцевъ, какъ они есть. Добрый, наивный и простоватый Себастьянъ (по прозванію El Nacional) глубоко убѣжденъ, что революція придетъ, когда всѣ поймутъ, что ихъ угнетаютъ, а это непремѣнно случится, когда всѣ выучатся читать и писать. (Самъ тореадоръ не преодолѣлъ премудрости грамоты). Вотъ юный революціонеръ журналистъ Мальтрана, по прозвищу «Гомеръ», мечтающій о томъ, что будетъ, когда свершится «la nuestra», т. е. политическій и соціальный переворотъ. Мечты Мальтраны и наивны и забавны, какъ оно и подобаетъ въ девятнадцать лѣтъ. «Онъ тоже возьметъ себѣ какой-нибудь постъ, когда восторжествуетъ революція», напримѣръ,—мѣсто диктатора въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія для того, чтобы отполировать начисто Испанію. И добрый Гомеръ развиваетъ свой планъ, какъ на другой день послѣ революціи войдетъ въ національную библіотеку, сопровождаемый пикетомъ гражданъ. Надо смѣнить весь личный составъ тамъ. Библіотекари, знавшіе его по безчисленнымъ ссорамъ съ нимъ, будутъ трепетать тогда и ждать своей участи. Наконецъ то они поплатятся за вѣчные обманы, когда приходится просить новую книгу!

Библіотекари или безстыдно увѣряютъ, что такой книги вовсе не существуетъ, или заявляютъ, что она взята. Имъ хотѣлось бы, чтобы читались только старыя книги прокисшихъ авторовъ, книги, наполненныя безполезной эрудиціей, скучные справочники, отбивающіе у людей охоту къ чтенію. Диктаторъ прикажетъ погнать прикладами внизъ по лѣстницѣ группу плѣнныхъ, нацѣпивъ имъ предварительно на грудь кусокъ картона съ надписью: «Измѣнники культурѣ и гасильники общественной мысли». Прежде чѣмъ покинуть зданіе, диктаторъ зайдетъ въ салоны современнаго искусства, чтобы разгромить этотъ госпиталь уродовъ и складъ отвратительныхъ глупостей. За рѣдкими исключеніями, всѣ картины будутъ выброшены изъ галлерей черезъ окна на площадь, гдѣ изъ нихъ образуютъ громадный костеръ. Что же касается учениковъ академіи художествъ, то диктаторъ прикажетъ имъ плясать и проявить такимъ образомъ свою радость при гибели столькихъ бездарныхъ произведеній... Затѣмъ диктаторъ предпишетъ рядъ великихъ реформъ: всѣ школьные учителя подвергнутся экзамену, а умственныя способности профессоровъ университета будутъ изслѣдованы. При этомъ диктаторъ проявитъ неумолимость и безпощадность, подобающую инквизитору. Профессоровъ отправятъ учителями въ сельскія школы. Большая часть школьныхъ учителей получитъ отставку и клочекъ необработанной земли. При обрабатываніи ея школьные учителя проявятъ свое истинное призваніе. Много талантливыхъ неудачниковъ, которые теперь бродятъ безцѣльно по аллеямъ жизни, не зная, какое направленіе взять, войдутъ въ академію и получатъ тамъ почетные посты. Самый скромный художникъ въ Испаніи станетъ получать большее жалованіе, чѣмъ каноникъ *).

Въ «зоологическомъ атласѣ» современной Испаніи, составленномъ Бласко Ибаньесомъ, мы находимъ иногда и не совсѣмъ незнакомые типы. «Ночи онъ (Мальтрана) проводилъ въ Форносѣ (извѣстное кафе въ Мадридѣ) въ компаніи будущихъ геніевъ, столь же невѣжественныхъ, какъ онъ самъ, но глубоко убѣжденныхъ, что исторія много будетъ говорить о нихъ. Нѣкоторые изъ будущихъ геніевъ были еще болѣе юны, чѣмъ Мальтрана. Они или нигдѣ еще не печатались, или написали очень мало, но твердо были увѣрены, что поразятъ міръ великими и безсмертными произведеніями. Покуда молодые писатели щеголяли внѣшними признаками геніальности: длинными волосами, широкополыми шляпами, оригинальными галстухами и пр. Литературный синедріонъ проявлялъ рѣшительность въ своихъ приговорахъ, пугавшую Мальтрану. Строгіе судьи, не смотря на свой юный возрастъ, знали все, какъ будто бы стали читать съ того самаго момента, когда впервые взяли соску. Приговоры были безпощадны, неумолимы, сжаты.

*) V. Blasco Ibanez. „La Horda“, paginas 16—18.

Почти всѣ испанскіе писатели оказывались дураками, тупицами, мѣщанами. Ихъ произведенія могли нравиться только идіотамъ. Потомъ молодые судьи перебирались черезъ границу, продолжая и тамъ глушить всѣхъ писателей.

— Зола?

— Водовозъ съ проблесками таланта.

— А Викторъ Гюго?

— Большой болтунъ, но совсѣмъ не поэтъ.

— А Ламартинъ?

— Плакса! Поэзіи у него ни на грошъ.

— Мюссэ?

— У него проявляются кое-какіе проблески таланта.

Синедріонъ имѣлъ своихъ авторитетовъ, которыхъ цитировалъ, закативъ глаза отъ восторга. Мальтрана большею частью никогда не слыхалъ именъ знаменитостей, которыхъ синедріонъ ставилъ неизмѣримо выше признанныхъ талантовъ, приводившихъ въ восторгъ «глупое мѣщанство» *).

Всѣ члены синедріона много говорятъ о красотѣ, стилизаціи и объ эллинизмѣ. «Всѣ они были эстеты, враги мѣщанства и поклонники тонкихъ эмоцій. Всѣ они издавали сборники своихъ стиховъ, въ которыхъ было больше чистыхъ страницъ, чѣмъ печатной бумаги. Всѣ раздѣляли свои стихотворенія на «циклы». Всѣ называли себя одновременно католиками, анархистами и аристократами. Всѣ, закативъ глаза, говорили о сладости чудовищныхъ грѣховъ и о сладострастіи покаянія. Поэты превозносили мистическую прелесть старинной литургіи и озаглавливали свои микроскопическія стихотворенія: «Литаніи», «Псалмы», «Мессы» **). На практикѣ «эллинизмъ» и «культъ Діониса» сводился у этихъ эстетовъ къ вульгарнымъ попойкамъ и къ еще болѣе вульгарнымъ схожденіямъ съ уличными женщинами.

У Бласко Ибаньеса мы находимъ иногда совершенно исключительные типы. Таковъ, напримѣръ, донъ Никодемъ въ разсказѣ «Un functionario». Молодой литераторъ Хуанъ Янесъ отбываетъ, какъ политическій арестантъ, срокъ наказанія. Преступленіе его— слишкомъ рѣзкая статья. Наступаетъ ночь. Литератору не спится. Надъ собою въ камерѣ онъ слышитъ безпрерывные шаги «смертника», ожидающаго казни за убійство. Янеса волнуютъ эти шаги; энервируютъ также крики, доносящіеся со двора. Кто-то кричитъ тамъ тонкимъ теноркомъ:

— Нѣтъ, я не буду спать здѣсь! Развѣ я преступникъ? Я такой же чиновникъ министерства юстиціи, какъ и вы. Я на службѣ уже тридцать лѣтъ. Пусть спросятъ про Никодема. Всѣ меня знаютъ! Даже въ газетахъ про меня пишутъ. И что же? Меня

*) Ib., paginas 59—60.

**) „La Horda“, 383.

сперва хотѣли уложить на ночь въ тюрьмѣ, а теперь желаютъ устроить на чердакѣ, куда не сажаютъ даже арестантовъ. Спасибо! И для этого меня пригласили сюда? Я не здоровъ и не буду спать тамъ. Пусть позовутъ ко мнѣ доктора. Мнѣ надобенъ докторъ.

Открылась дверь и на порогѣ Sala de Politicos (помѣщенія для политическихъ) появился смотритель.

— Донъ Хуанъ,—началъ онъ нѣсколько заискивающимъ голосомъ,—на эту ночь у васъ будетъ товарищъ. Простите, но то не моя вина. Необходимость того требуетъ. Наконецъ, вѣдь все это только до утра.

«Товарищъ» вошелъ въ сопровожденіи двухъ арестантовъ. Одинъ изъ нихъ несъ чемоданъ, другой—полотняный мѣшокъ, въ которомъ обозначались углы продолговатаго ящика. «Товарищу» было подъ пятьдесятъ. То былъ грузный, пухлый мужчина, тщательно одѣтый, съ массой брелоковъ на толстой золотой цѣпи. Сѣдѣющіе волосы на его маленькой головѣ были тщательно припомажены, а рыжеватые усики падали въ видѣ запятыхъ. И «чиновникъ съ тридцатилѣтней службой» оказывается палачемъ, прибывшимъ въ тюрьму, чтобы утромъ привести въ исполненіе смертный приговоръ. Въ полотняномъ мѣшкѣ у «дона Никодема» ящикъ съ «инструментами», т. е. съ тѣмъ стальнымъ ошейникомъ, при помощи котораго въ Испаніи душатъ приговоренныхъ къ смерти. Донъ Никодемъ разсказываетъ свои мытарства. Его всѣ презираютъ, и ненавидятъ. У него была жена, была семья. Они не знали профессіи отца. Когда она открылась, сынъ бѣжалъ въ Южную Америку, дочь отравилась, жена бросилась въ воду. Въ городѣ донъ Никодемъ долженъ прятаться отъ всѣхъ. Послѣдній пьяница и бродяга считаетъ себя неизмѣримо выше и честнѣе его, прослужившаго тридцать лѣтъ и даже введшаго кое-какія усовершенствованія въ инструментахъ. И эта всеобщая ненависть приводитъ въ ярость дона Никодема.

— Слушайте, сеньоръ,—говоритъ онъ Хуану Янесу:—я знаю, что я дурной человѣкъ и что люди должны презирать меня; но меня возмущаетъ отсутствіе логики. Если то, что я дѣлаю—преступно, то пусть отмѣнятъ смертную казнь. Пусть я околѣю съ голода гдѣ-нибудь въ углу, какъ собака. Но если для спокойствія благонамѣренныхъ людей необходимо убивать, то почему же меня презираютъ? Прокуроръ, требующій голову преступника, былъ бы безполезенъ, не будь меня, исполняющаго приказаніе судьи. Всѣ мы—колеса одной и той же машины. Мнѣ поэтому кажется, что всѣ мы заслуживаемъ одинаковаго уваженія. Я—чиновникъ, честно состоящій на службѣ тридцать лѣтъ» *).

Бласко Ибаньесъ умѣетъ не только нѣсколькими смѣлыми штрихами набросать характеръ, онъ также сильно чувствуетъ природу,

---

*) Un functionario. La Condenada. Paginas, 98—116.

и въ произведенiхъ его мы имѣемъ рядъ яркихъ пейзажей. Вотъ, напримѣръ, «симфонiя красокъ», которую представляетъ пейзажъ въ окрестностяхъ Валенцiи.

«Передъ нимъ была симфонiя, настоящая классическая пьеса съ основной темой. И Андресито созерцалъ таинственную кантату, какъ будто зрѣнiе и слухъ обмѣнялись у него своими чудесными свойствами. Отдѣльными, несвязными нотами интродукцiи были зеленыя пятна сосѣднихъ садиковъ, красныя скопленiя крышъ, бѣлыя стѣны, всѣ отдѣльныя, негармонизированныя мазки. И за этой бѣлой интродукцiей начиналась блестящая и шумная симфонiя. Трепетное сверканiе воды въ каналахъ, озаренныхъ заходящимъ солнцемъ, было робкимъ, сладостнымъ и грустнымъ стономъ скрипокъ. Тусклая зелень полей звучала въ ушахъ мечтателя, какъ вздохи кларнетовъ, которыхъ Берлiозъ называетъ «любимыми женщинами». Спокойные золотистые стебли сахарнаго тростника и свѣжая зелень огородовъ, яркая и сверкающая, какъ расплавленный изумрудъ, выдавались надъ всѣмъ, какъ страстные вздохи альта или какъ романтическiя фразы вiолончели. А въ глубинѣ была широкая полоса моря, задымленная синева которой казалась протяжной металлической нотой, звучащей подъ сурдиной безконечной жалобой» *).

А вотъ описанiе зимняго заката.

— «Взгляните, маэстро, на это громадное облако. Какое оно черное! Оно кажется дракономъ, нѣтъ, бегемотомъ. Ноги у него, какъ башни. Какъ онъ шагаетъ! Онъ намѣревается проглотить солнце. Смотрите, уже проглотилъ.

Пейзажъ омрачился. Солнце исчезло въ брюхѣ громаднаго чудовища, закрывшаго собою весь горизонтъ. Волнистые бока его отсвѣчивались серебромъ. Казалось, что чудовище не въ состоянiи было переварить проглоченный имъ огненный шаръ. Отвислое брюхо бегемота лопнуло, и оттуда на землю полился потокъ блѣдныхъ лучей. Проглоченное солнце сожгло бегемота и превратило его въ дымъ, заструившiйся черными полосами. И снова показался огненный дискъ, заливъ растопленнымъ золотомъ небо и землю и наполнивъ трепетными огненными рыбами воды прудовъ» **).

Или вотъ описанiе цвѣточнаго рынка въ Валенцiи.

«Столы были покрыты ослѣпительной многоцвѣтной мозаикой. Бѣлыя лилiи въ своихъ атласныхъ туникахъ стояли робкiя, застѣнчивыя, трепетныя, какъ дѣвушки, впервые выѣхавшiя въ свѣтъ и надѣвшiя свой первый бальный нарядъ. Камелiи со своими лепестками цвѣта непокрытаго тѣла заставляли мечтать о таинственной, душной атмосферѣ гарема, о сладострастно раскинувшихся прекрасныхъ одалискахъ съ открытыми грудями, обнажающихъ

*) „Arroz y tartana“, pagina, 190.

**) „La Maja Desnuda“, p. 221.

наиболѣе сокровенныя части тѣла. Гномы садовъ—троицынъ цвѣтъ—показывали въ зелени свои насмѣшливыя мордочки, покрытыя фіолетовыми бархатными колпачками. Фіалки кокетничали. Онѣ прятались только для того, чтобы ихъ выдалъ запахъ и какъ бы говорили: «мы тутъ!» Демократическая масса красныхъ, простыхъ цвѣтовъ разливалась всюду, захвативъ всѣ столы, напоминая возмутившійся буйный народъ въ красныхъ колпакахъ» *).

III.

Перейдемъ теперь къ общему міровоззрѣнію Бласко Ибаньеса. Посмотримъ, каково его отношеніе къ устранимымъ и неустранимымъ препятствіямъ, о которыхъ я говорилъ въ началѣ статьи. Вопросы о жизни, о смерти и о препятствіяхъ, мѣшающихъ человѣку создать себѣ красивое, интересное, полное смысла существованіе, занимаютъ Бласко Ибаньеса съ тѣхъ поръ, какъ онъ выступилъ на литературное поприще. Вотъ разсказъ «El Amor y la Muerte (Любовь и смерть). Дѣло происходитъ въ Парижѣ, въ какомъ-то загородномъ саду. Металлическіе инструменты ревутъ матчичъ. Публика отплясываетъ, что есть силы. Катится потокомъ шумная, угарная, забубенная жизнь. И вотъ къ калиткѣ подходитъ странствующій итальянскій пѣвецъ, который подъ аккомпаниментъ гитары затягиваетъ сладкій, сантиментальный романсъ о безнадежной любви.

— Morir per te!—стонетъ пѣвецъ.

«Мимо меня медленно прошла крѣпко обнявшаяся пара. По выраженію лицъ ихъ видно было, что для нихъ окружающее не существуетъ... То была вульгарная и нѣжная пара, служащая моделью для всѣхъ романистовъ со времени Мюрже,—обычные влюбленные Латинскаго квартала, бѣдность которыхъ и беззаботность окружаютъ нѣжной грустью ихъ отношенія.

— Если ты меня покинешь, я умру,—сказалъ онъ.

Она недовѣрчиво улыбалась и затѣмъ впилась глазами въ танцующихъ.

— Смерть? Зачѣмъ думать о ней?—казалось, говорило ея лицо.—Жизнь такъ хороша!

— Глупенькій! — шепнула она.—Надо жить! Будемъ любить другъ друга!

Онъ окинулъ ее жаднымъ взглядомъ, въ которомъ горѣлъ свирѣпый эгоизмъ мужчины.

— Да, надо жить... съ тобой. Но если ты когда-нибудь покинешь...

Я не дослышалъ фразы, потому что пара смѣшалась съ толпой.

— Morir! (умереть)—стоналъ пѣвецъ у калитки.

---

*) „Arroz y tartana“, pagina, 218—219.

— Morir!—томно пророкотали струны гитары... И мнѣ показалось, что въ саду мимо меня прошла другая пара, та самая, которая неразлучно живетъ вмѣстѣ съ тѣхъ поръ, какъ человѣчество въ состояніи воспринимать другія ощущенія, кромѣ мучительнаго голода и свирѣпой жажды убить врага, отнимающаго пищу. Пара эта изваяна много разъ древними скульпторами. Она прошла мимо дверей поэтовъ всѣхъ странъ и всѣхъ народовъ. Объ этомъ мы знаемъ по всѣмъ великимъ произведеніямъ, отмѣченнымъ печатью безсмертія. Пара состоитъ изъ мужчины и женщины. Онъ лукаво улыбающійся юноша, украшенный розовымъ вѣнкомъ. Она, блѣдная и нахмуренная, прижимаетъ къ мощной груди близнецовъ забвенія и уничтоженія. Онъ—любовь, она—смерть. Она неустанно слѣдуетъ за юношей, покорная и ревнивая, боящаяся потерять своего возлюбленнаго» *).

Сближеніе смерти и любви составляетъ основной мотивъ романа «La Maja Desnuda». Вѣчное начало, вызвавшее насъ къ жизни, пытается закрыть отъ насъ любовью ея неизмѣнную и вѣчную спутницу.

— Какая мрачная, жестокая и безсердечная шутка!—восклицаетъ въ отчаяніи художникъ Реновалесъ, жившій всегда для себя, когда сознаетъ, что впереди только старость, а въ концѣ идетъ о н а, страшная, неизбѣжная и неумолимая смерть.

Вѣчный обманъ окружаетъ насъ. Онъ является нашей защитой, спасающей отъ отчаянія на жизненномъ пути **).

Смерть—единственный несомнѣнный фактъ, а между тѣмъ большинство людей никогда не задумывается надъ нею. Для нихъ смерть представляется въ видѣ тѣхъ страшныхъ эпидемій, которыя въ далекихъ странахъ уносятъ милліоны жизней. Объ эпидеміи говорятъ, какъ о вѣрномъ фактѣ, но безъ содроганія, безъ безумнаго ужаса.

— Она очень далеко отъ насъ,—говоримъ мы.—Богъ знаетъ, сколько пройдетъ времени, покуда она прибудетъ къ намъ.

Реновалесу приходилось произносить «смерть», но никогда мысль его не постигала всего значенія слова. Желанія, любовь, мысль о себѣ прикрывали, какъ ширмой, глубокій смыслъ слова. Исчезла любовь, и Реновалесъ постигаетъ впервые, что «въ концѣ дороги—смерть; никто не можетъ уйти отъ нея, а между тѣмъ всѣ боятся поднять глаза, чтобы взглянуть на нее... Стремленіе къ славѣ, любовь, желанія, животныя потребности человѣка развлекаютъ его на пути къ смерти. Всѣ они являются декораціями, рощицами, долинами, водопадами, развлекающими пѣшехода и скрывающими отъ него фатальный конецъ пути: черную бездну, къ которой мы идемъ» *).

*) Luna Benamor, p. p. 220—221.
**) La Maja Desnuda, p. 363.
***) La Maja Desnuda, p. 392.

Въ началѣ путешествія «декораціи насъ дѣйствительно занимаютъ и отвлекаютъ мысль; но къ концу все измѣняется. Дорога кажется намъ пустынной и скучной. Растительность уменьшается. Исчезаютъ громадныя деревья-иллюзіи, казавшіяся намъ въ юности такими великолѣпными. Ихъ замѣняютъ скудные полярные лишаи. Они не могутъ уже прикрыть черный входъ въ страшное ущелье. Иллюзіи, которыя прежде, какъ розовый туманъ, заволакивали горизонтъ и дозволяли намъ населять его красивыми созданіями воображенія, разсѣиваются. «Тамъ, какъ взорванныя башни, лежали иллюзіи, созданныя человѣкомъ, чтобы скрасить путешествіе. Дорога впереди теперь была чиста, открыта, пустынна и страшна. Нельзя даже присѣсть, чтобы отдалить моментъ встрѣчи съ н е ю. Безполезно опускать голову на грудь и закрывать глаза. Чѣмъ больше мы стараемся не видѣть, тѣмъ сильнѣе наши страхи предъ черной, прожорливой бездной, передъ смертью» **). Если мы будемъ стремиться къ одиночеству, если мы противопоставимъ себя всему человѣчеству, если «эгоцентризмъ» станетъ цѣлью нашей жизни,—то насъ ждетъ впереди, когда разсѣются иллюзіи, только безумный ужасъ передъ смертью и сознаніе безцѣльности всего пройденнаго пути. Къ этому вопросу Бласко Ибаньесъ вплотную подходитъ въ романѣ «Los Muertos mandan» (Мертвые повелѣваютъ). Какъ и во всѣхъ произведеніяхъ Ибаньеса, философія его представляетъ узоръ, искусно вытканный на вполнѣ реальномъ бытовомъ фонѣ. Въ романѣ «Los Muertos mandan» такимъ фономъ является жизнь c h u c t a s *) на Майорнѣ и крестьяне на сосѣднемъ островѣ Ивиса. Передъ нами совершенно особенная жизнь, переносящая насъ въ XVI вѣкъ. За три-четыре вѣка не измѣнилось ничего: ни обычаи, ни міровоззрѣніе. Вереницей проходятъ крестьяне, мѣстные удальцы, барды, импровизирующіе свои безконечныя пѣсни, несчастные «chuctas», контрабандисты. Фонъ для общей картины вырисованъ сильной и опытной рукой. Въ такую обстановку попадаетъ донъ Хаиме Ферберъ, послѣдній разорившійся представитель гордаго стариннаго рода, давшаго Майорнѣ грозныхъ инквизиторовъ, суровыхъ завоевателей, смѣлыхъ мореплавателей и корсаровъ. Донъ Хаиме живетъ обособленной жизнью, въ полной оторванности отъ всего міра. Барьеромъ во всѣхъ направленіяхъ являются для него наслѣдственныя традиціи. И у послѣдняго представителя гордаго рода создается мрачное міровоззрѣніе о господствѣ мертвыхъ надъ живыми. Мертвые отходятъ изъ міра, оставляя живымъ въ наслѣдство свои мысли, свои законы, предразсудки, вѣрованія. Все это наслѣдство составляетъ громадную стѣну, на

---

*) Ibidt, 421.

**) Христіане, предки которыхъ евреи были обращены огнемъ и мечемъ въ XVI вѣкѣ.

которую постоянно наталкивается человѣкъ, надѣленный индивидуальностью, желающій самъ устроить себѣ разумную жизнь.

Живые никогда не бываютъ одни. Ихъ со всѣхъ сторонъ окружаютъ мертвые. И такъ какъ мертвыхъ неизмѣримо больше, чѣмъ живыхъ, то они властвуютъ своею численностью. За ними еще преимущество безконечнаго ряда вѣковъ...

Мертвые не отходятъ въ другой міръ, какъ думали прежде. Они стоятъ неподвижно на границѣ жизни, караулятъ новыя поколѣнія и рѣзкими толчками даютъ имъ чувствовать власть прошедшаго каждый разъ, когда живые хотятъ отклониться отъ рутины. Тираннія мертвыхъ чрезмѣрна, власть ихъ не знаетъ границъ. Напрасно мы будемъ отрывать глаза отъ прошлаго. Напрасны попытки парализовать память. Мертвые всюду, они на нашемъ пути. Они напоминаютъ о своихъ благодѣяніяхъ и требуютъ унизительной благодарности. Какое рабство! Домъ, въ которомъ мы живемъ, построенъ умершими уже. Они создали религіи. Законы, которымъ мы повинуемся, продиктованы мертвыми. Ихъ произведеніемъ является также все, что скрашиваетъ нашу жизнь: наши страсти и вкусы. Мораль, обычаи, предразсудки, все это создано умершими... Вещи намъ пріятны потому, что были пріятны умершимъ. Мы говоримъ: нравственно или безнравственно, и произносимъ такимъ образомъ приговоры, составленные много вѣковъ тому назадъ. Люди, пытающіеся сказать что-нибудь новое, повторяютъ только иными словами то, что сказано умершими безконечно много вѣковъ тому назадъ. То, что мы считаемъ наиболѣе индивидуальнымъ въ насъ, продиктовано намъ невѣдомыми повелителями, лежащими въ землѣ. А эти, въ свою очередь, узнали отъ другихъ, умершихъ до нихъ. Въ нашихъ глазахъ свѣтится душа предковъ, точно такъ же, какъ черты нашего слуха повторяютъ портреты отошедшихъ поколѣній... Намъ кажется, что мы думаемъ сами за себя. Но процессъ мысли обусловленъ тою же силою, которая жила въ другихъ поколѣніяхъ. Наши мысли представляютъ собою черенокъ, привитый къ молодому дереву и передающій ему соки отъ умершаго уже ствола. Многое изъ того, что кажется намъ послѣднимъ оригинальнымъ продуктомъ собственнаго мышленія, является чужою идеей, вкрапленной въ нашъ мозгъ отъ рожденія. Мы унаслѣдовали вкусы, прихоти, достоинства и пороки... Мертвые слѣдятъ за нами и останавливаютъ каждый разъ, когда мы хотимъ свернуть съ протореннаго ими пути. Они съ діавольской силой соединяются вмѣстѣ, чтобы остановить человѣческое стадо, если оно хочетъ броситься въ погоню за новымъ идеаломъ. Мертвые устанавливаютъ опять спокойствіе. Имъ люба мирная, тихая растительная жизнь съ красивыми порхающими бабочками. Ихъ идеалъ — спокойное кладбище, спящее подъ солнцемъ... Души мертвыхъ наполняютъ міръ. Мертвые не отходятъ, потому что они — хозяева на землѣ. Мертвые приказываютъ, и безполезно ослушиваться... Никто

не отдаетъ себѣ отчета въ томъ, что жизнь его проходитъ между милліонами предковъ, караулящихъ его и направляющихъ его шаги. Живой слѣпо подчиняется этимъ указаніямъ и не знаетъ, гдѣ находится другой конецъ веревки, направляющій его чувства. Бѣдный автоматъ увѣренъ даже, что поступаетъ по собственному желанію!

— «Да! Мертвые приказываютъ. Иллюзіями являются авторитетъ живыхъ и всѣ изумительныя новости! Все это—обманъ, прикрывающій сущность вещей... Какіе призрачные узоры вышиваемъ мы на жизни, чтобы прикрыть однотонность и сѣрость ея основы!.. Мѣняются механическія игрушки, придуманныя человѣкомъ для удовлетворенія его эгоизма и благосостоянія, но жизнь остается тою же. Наши страсти, радости и занятія — тѣ же, что и много вѣковъ назадъ. El animal humano no cambiaba (двуногое животное не измѣнилось *). Къ этой философіи безпрерывно возвращается герой романа донъ-Хаиме. Онъ наблюдаетъ молюсковъ, прикрѣпившихся къ скалѣ.

«Всѣ отъ рожденія окружены уже, какъ створками раковины, предразсудками, сомнѣніями и гордостью, завѣщанными намъ умершими,— думаетъ донъ-Хаиме. — Люди копошатся, волнуются, но, какъ эти молюски, никогда не могутъ оторваться отъ скалы, къ которой были прикрѣплены еще ихъ предки. Дѣятельность, событія въ нашей жизни—все это только иллюзіи! Все это лишь тщеславіе прикрѣпленнаго къ скалѣ молюска, которому снятся сны. Ему кажется, что онъ плаваетъ по всѣмъ морямъ земного шара, въ то время какъ створки только раскрыты, но тѣло припаяно. Всѣ существа такія же, какія были раньше, какія будутъ послѣ насъ. Измѣняется форма, но душа остается такою же сонною и неподвижною, какъ эти молюски, оставшіеся теперь, какъ и въ первичномъ періодѣ на землѣ. И такъ будетъ вѣчно. Тщетны великія усилія избавиться отъ фатальной среды, отъ того колеса, въ которомъ мы вертимся до тѣхъ поръ, покуда намъ на смѣну не явятся другіе. Мертвые приказываютъ! *). Безполезно возставать противъ мертвецовъ. Жизнь слишкомъ коротка, чтобы бороться съ милліонами, жившими до насъ. Ложью являются всѣ попытки порвать цѣпь, скованную вѣками. И донъ-Хаиме вспомнилъ священное колесо индусовъ, символъ буддизма, которое видѣлъ когда-то въ парижскомъ музеѣ. Колесо это — также символъ нашей жизни. Мы думаемъ, что идемъ впередъ, потому что шевелимся. Мы думаемъ, что прогрессируемъ; но когда колесо кончаетъ свой полный оборотъ, мы оказываемся на прежнемъ мѣстѣ. Жизнь всего человѣчества, всемірная исторія,—все это—только безпрерывное повтореніе одного и того же. Появляются деревни, увеличиваются и

*) Los Muertos mandan; paginas 161—166.
**) ib., стр. 291.

прогрессируютъ. Мурья превращается въ замокъ, а потомъ — въ фабрику. Выростаютъ громадные города съ милліоннымъ населеніемъ. Затѣмъ наступаютъ катастрофы; начинаются войны обойденныхъ за хлѣбъ, протестъ противъ деспотизма и великія бойни. И города пустѣютъ. Дома превращаются въ развалины. Гордые памятники поростаютъ травой. Столицы мало-по-малу заносятся землей и покоятся вѣками подъ холмами. Выростаетъ лѣсъ тамъ, гдѣ былъ когда-то шумный городъ. Звѣроловъ-дикарь преслѣдуетъ добычу по зарослямъ, покрывавшимъ улицы, на которыхъ когда-то толпа встрѣчала побѣдителей и именовала ихъ полубогами. Пасутся овцы и плачетъ свирѣль пастуха на развалинахъ храмовъ мертвыхъ религій и трибуналовъ мертвыхъ законовъ. И снова собираются люди. Возникаетъ мурья, потомъ возникаетъ деревня, появляется замокъ, фабрика, развивается громадный городъ. И вновь повторяется черезъ десятки вѣковъ то же самое, всегда то же самое, какъ повторяются изъ поколѣнія въ поколѣніе черты лица. Колесо вертится на одномъ мѣстѣ. Въ человѣческомъ стадѣ мѣняются только овцы, но не пастухи. И эти пастухи вѣчно одни и тѣ же: то—мертвые, тѣ, которые раньше думали. И первородная мысль напоминаетъ снѣжный комъ, катящійся по откосу, увеличиваясь въ объемѣ и захватывая съ собою все встрѣчное.

Люди, гордые своимъ матеріальнымъ прогрессомъ, т. е. механическими игрушками, придуманными для увеличенія своего благополучія, считаютъ себя свободными и эмансипированными отъ первоначальнаго рабства. Они считаютъ себя болѣе совершенными существами, чѣмъ ихъ отдаленные предки. Какой самообманъ! Все то, что они говорятъ, сказано уже много вѣковъ тому назадъ, хотя иными словами. Страсти ихъ не измѣнились. Ихъ будто бы оригинальныя мысли являются отраженіемъ другихъ мыслей. И всѣ поступки ихъ признаются добрыми или злыми только потому, что такъ классифицировали ихъ умершіе, эти тираны, которыхъ человѣкъ долженъ ниспровергнуть, если желаетъ дѣйствительно стать свободнымъ. Кто осуществитъ великій подвигъ освобожденія? У какого паладина хватитъ силы, чтобы убить чудовище, давящее человѣчество? Это чудовище напоминаетъ легендарныхъ драконовъ, прикрывавшихъ своимъ тѣломъ безполезныя имъ сокровища» *).

Въ бреду донъ Хаиме видитъ мыслящаго человѣка, страдающаго всю жизнь, чтобы потомъ превратиться въ тирана живыхъ. «И вотъ наступаетъ моментъ дѣйствительнаго величія, человѣкъ умираетъ». Рабъ прошелъ всѣ степени искуса и превращается въ полубога. Мертвые повелѣваютъ! Достаточно видѣть, какъ почтительно встрѣчаютъ всѣ похоронную процессію, чтобы убѣдиться въ этомъ... «Донъ Хаиме видѣлъ мертвыхъ, всюду мертвыхъ. Они заполнили всю землю. Онъ видѣлъ суды. Въ нихъ люди, одѣтые

*) Ib., paginas 351—354.

въ черное, съ спокойнымъ величіемъ выслушивали про страданія и безумные поступки другихъ людей. И за судьями донъ Хаиме видѣлъ полчище скелетовъ тоже въ черныхъ мантіяхъ. Эти умершіе составили когда то законы. Мертвые направляли руку правосудія и диктовали приговоры. Мертвые судятъ! И донъ Хаиме видѣлъ другія залы, въ которыхъ свѣтъ падалъ сверху. На скамьяхъ залы сидѣли люди. Одни изъ нихъ произносили рѣчи, другіе размахивали руками, протестовали или одобряли. Въ этихъ залахъ вырабатывались законы. Но за людьми, сидѣвшими на скамьяхъ, виднѣлись дѣйствительные законодатели, мертвые, депутаты съ лицами, покрытыми бѣлыми плащами. Живые говорили, будто бы отъ себя, повторяя мысли умершихъ. Мертвые составляли законы! И когда въ залѣ возникало какое-нибудь сомнѣніе, то стоило комунибудь сослаться на слова умершаго законодателя, чтобы всѣ успокоились. Реальностью является только власть мертвыхъ. Живые люди—лишь случайный эпизодъ и незначительные пузырьки на поверхности безграничнаго океана.

И донъ Хаиме видѣлъ скелеты, стоящіе, какъ ангелы-хранители, у воротъ созданныхъ ими городовъ. Они оберегали человѣческое стадо, собранное въ стѣнахъ, и, какъ паршивыхъ овецъ, отгоняли безумцевъ, возстававшихъ противъ авторитета мертвыхъ. У подножія великихъ памятниковъ, витринъ музеевъ и библіотечныхъ шкафовъ больной видѣлъ черепа съ застывшей на нихъ вѣчной улыбкой.

— Удивляйтесь!—говорила улыбка.—Все это наша работа. И когда вы кончите вашу работу, то уподобитесь намъ...—Даже въ любви отражается власть мертвыхъ. Женщина въ своей стыдливости или въ пароксизмѣ бурнаго безстыдства, кажущагося столь индивидуальнымъ, подражаетъ, не сознавая того, своимъ прабабкамъ, которыя тоже искушали или лицемѣрной скромностью, или сущностью Мессалины».

Весь міръ представляется больному Хаиме Ферберу въ видѣ гигантскаго колеса. «Вершина его терялась въ звѣздной пыли, усыпавшей черное небо. Ободъ колеса состоялъ изъ милліардовъ живыхъ существъ. Тѣла ихъ были прикованы, но руки свободны. И люди размахивали руками, глубоко убѣжденные, что могутъ дѣлать, что хотятъ. Спицы колеса привлекли вниманіе дона Хаиме своими различными формами. Однѣ спицы состояли изъ окровавленныхъ шпагъ, обвитыхъ лаврами; другія были изъ скипетровъ, коронъ, жезловъ, усыпанныхъ драгоцѣнными каменьями, золотыхъ колоннъ, составленныхъ изъ червонцевъ. А ступицей колеса былъ бѣлый, сверкающій, лоснящійся черепъ, громадный, какъ планета. Ободъ стремительно вращался, а черепъ какъ будто забавлялся этимъ безумнымъ круженіемъ. Колесо вертѣлось и вертѣлось. Милліарды существъ, скованныхъ вмѣстѣ, размахивали руками и кричали что-то, опьяненныя движеніемъ. Хаиме видѣлъ, что они то

поднимались, то стремительно падали внизъ головой; но прикованнымъ казалось, что они мчатся все впередъ и впередъ и что они каждый разъ наблюдаютъ новыя явленія. Прикованные принимали за нѣчто новое то, мимо чего они промчались уже безчисленное множество разъ. Бѣдняги не знали, что они на колесѣ, вертящемся на неподвижной оси, и восклицали безпрерывно: «Какъ стремительно мы идемъ впередъ! Кто можетъ сказать, гдѣ граница познаваемая!» *).

Бласко Ибаньесъ безпрерывно возвращается къ одной и той же мысли. Непреодолимыя, извѣчныя препятствія, положенныя всѣмъ существамъ, какъ только затеплилась жизнь на землѣ, останутся до тѣхъ поръ, покуда земля не превратится въ одинъ громадный мерзлый комъ и въ одну общую могилу для высшихъ и низшихъ животныхъ. Мы не можемъ переступить черезъ эти препятствія. Тутъ религія такъ же безсильна, какъ и наука. Вѣра не спасаетъ насъ отъ отчаянія и отъ ужаса передъ смертью, потому что она населяла «черную пропасть» новыми, призрачными ужасами. Вѣка глубокой вѣры, не устранивъ безумнаго страха передъ смертью, принесли съ собою только презрѣніе къ радостямъ жизни, къ счастью, къ любви, къ красотѣ.

«Вѣрую въ красоту и въ любовь,—говоритъ аѳинянинъ Актеонъ, выведенный въ историческомъ романѣ Бласко Ибаньеса Sonnica la Cortesana.—Мы любимъ и учимся. Наши боги и богини прекрасны и не знаютъ другихъ покрововъ, кромѣ лучей божественнаго свѣта. Они не требуютъ крови, какъ хмурыя божества варваровъ. Наши боги смѣются, и взрывы смѣха ихъ, наполняя Олимпъ, веселятъ землю» *). «Если когда-нибудь восторжествуетъ культъ, признающій радости жизни грѣховными, то потухнетъ огонь, горящій въ Парѳенонѣ,—предсказываетъ аѳинянинъ.—Человѣчество будетъ брести въ потемкахъ; сердце его застынетъ, а мысль умретъ. Земля превратится въ кладбище. Всюду видны будутъ только движущіеся трупы. И протекутъ вѣка, покуда заблудившееся человѣчество выйдетъ снова на вѣрную дорогу, ведущую къ красотѣ и къ радостямъ жизни» **).

Бласко Ибаньесъ—оптимистъ. Онъ приходитъ къ заключенію, что хотя непреодолимыя препятствія «не могутъ быть устранены, но тѣмъ не менѣе мертвые не властвуютъ». Власть умершихъ надъ живыми крѣпка только до тѣхъ поръ, покуда мы сами являемся рабами среды; покуда мы принимаемъ ее, т. е., покуда миримся съ устраняемыми препятствіями». Мертвые властвуютъ надъ «молюсками», потому что эти дѣлаютъ все то, что ихъ предки. Человѣкъ, достойный этого имени, не долженъ быть рабомъ среды.

---

*) Los Muertos mandan, 411.
**) Sonnica la Cortesana, p. 134.
***) Ib., p. 135.

«Все представилось дону Хаиме въ новомъ свѣтѣ. Человѣкъ свободенъ и можетъ, если дерзнетъ, освободиться отъ власти умершихъ. Онъ можетъ создать себѣ красивую, разумную жизнь согласно собственнымъ идеаламъ. Въ его власти перерѣзать арканъ, прикрѣпляющій его къ невидимымъ деспотамъ... Жизнь сама по себѣ прекрасна. Человѣкъ можетъ быть свободенъ, какъ птица. Для всѣхъ въ природѣ хватитъ мѣста. Не надо только застывать въ формахъ, созданныхъ другими». Не надо слѣпо подчиняться доктринамъ, завѣщаннымъ намъ много вѣковъ тому назадъ.

— Matemos a los muertos! (Покончилъ съ мертвецами),—восклицаетъ другъ дона Хаиме, капитанъ Пабло, родомъ chueta.

— Растопчемъ всѣ препятствія. Отметемъ всѣ преграды, положенныя на нашемъ пути мертвецами. Пойдемъ гордо впередъ. Будемъ жить согласно правилъ, завѣщанныхъ намъ Буддой, Магометомъ и другими пастухами человѣческаго стада только тогда, когда нашъ разумъ, наша логика и наше чувство пріемлютъ эти правила. Надо думать и чувствовать за себя». А смерть? Когда человѣкъ познаетъ въ жизни все, когда онъ не будетъ противопоставлять больше свое я всему остальному, а будетъ чувствовать себя частью великаго цѣлаго,—тогда страхъ смерти исчезнетъ. Ибо смерть не только соединена нераздѣльно съ любовью, но и съ жизнью. «Я представляю себѣ смерть не въ видѣ скелета съ шутовской улыбкой и съ причудливыми кривляніями, какъ изображало ее варварское средневѣковое искусство, питавшее ужасъ къ тѣлу,—говоритъ одинъ изъ героевъ Бласко Ибаньеса —По моему, она—величественная женщина, прекрасная и печальная. Она блѣдна, страшно блѣдна. Цвѣтъ ея кожи какъ-будто вытянулъ всю жизнь изъ воздуха. Глаза Смерти черны, глубоки, холодны; они поглощаютъ свѣтъ, но лишены совершенно блеска. Бедра Смерти мощны, потому что въ ея лонѣ возрождается жизнь. Дебелыя груди ея всегда налиты густымъ и горькимъ, какъ алоэ, молокомъ. У одной груди лежитъ Воспоминаніе, со стономъ сосущее горькое молоко. У другой, закрывъ глаза, сосетъ засыпающее Забвеніе. Впереди Смерти умолкаютъ птицы, вянутъ цвѣты, падаютъ на землю живыя существа, и наступаетъ молчаніе. Дрожитъ земля подъ ногами Смерти, какъ будто скрытыя подъ длинной туникой ноги ея обуты въ желѣзныя котурны неимовѣрной тяжести. Но какъ только проходитъ она, со стремительной быстротой возрождается жизнь даже тамъ, гдѣ соприкасается съ землей длинное вдовье покрывало: горятъ въ травѣ новые цвѣты, щебечутъ другія птицы, и изъ праха, въ который превратились старики, безполезные и слабые, встаютъ новыя поколѣнія, возрожденныя юностью. Смерть коситъ лугъ, чтобы трава росла на немъ гуще» *).

«Нѣтъ, мертвые не повелѣваютъ! Quien manda es la vida, y

---

*) La Horda, pagina 167.

sobre la vida el amor». (Повелѣваетъ жизнь, а надъ жизнью властвуетъ любовь). Таковы заключительныя слова романа, о которомъ я говорилъ выше.

IV.

Постиженіе ужасовъ жизни и «непреодолимаго препятствія» приводитъ Бласко Ибаньеса къ глубокой жалости и къ «молюскамъ». Надо создать на землѣ красивую, полную, многогранную жизнь для всѣхъ. Для этого необходимо всестороннее развитіе личности. Какъ дѣйствительно сильный человѣкъ, Бласко Ибаньесъ понимаетъ свободу личности не какъ каррикатурный герой Анатолія Каменскаго («Люди»), т. е. не какъ модернизированный Китъ Китычъ. Для Бласко Ибаньеса «свобода личности» также не фаллическій культъ, празднуемый неврастениками и истеричками; не возможность прессовать своихъ враговъ «въ тяжелыя пирамидки, жирныя на ощупь» («Навьи чары»). Бласко Ибаньесу ненавистны насильники. Онъ ихъ часто выводитъ, но никогда не пытается идеализировать. Аѳинянинъ Актеонъ (романъ Sonnica la Cortelana) не только видѣлъ красоту въ любви къ красавицѣ Сонникѣ, въ чтеніи діалоговъ Платона и въ декламаціи стиховъ Гомера. Когда олицетвореніе грубой, варварской силы разрушенія, молодой Аннибалъ осадилъ культурный, жизнерадостный Сагунтъ, Актеонъ сталъ во главѣ защитниковъ, хотя на спасеніе республики не было никакой надежды. Актеонъ—другъ дѣтства Аннибала. Онъ могъ бы для себя найти не только спасеніе, но и почетъ въ лагерѣ осаждающихъ; но Актеонъ предпочитаетъ смерть въ Сагунтѣ, потому что, какъ и Бласко Ибаньесъ, онъ ненавидитъ жестокую, разрушительную силу. Испанскій романистъ—поклонникъ красоты, радостей жизни и силы, какъ творческаго, а не разрушительнаго начала. Китъ Китычъ и Аракчеевъ не прельщаютъ его, хотя бы они носили тунику или плащъ «царя Ассаргедона». Бласко Ибаньесъ, вѣроятно, не постигъ бы красоты дѣяній послѣдняго, приводящихъ въ такой восторгъ Валерія Брюсова:

„Египту рѣчь моя звучала, какъ законъ,
Эламъ читалъ судьбу въ моемъ единомъ взорѣ,
Я на костяхъ враговъ воздвигъ свой мощный тронъ.
Владыки и вожди, вамъ говорю я: горе!“

Аѳинянину Актеону великій полководецъ Аннибалъ ненавистенъ, какъ разрушитель радостей бытія и красоты, какъ человѣкъ, который приноситъ въ культурный, жизнерадостный, изящный Сагунтъ некрасивыя страданія. Онъ питаетъ отвращеніе по той же причинѣ къ грубому, солдатскому Риму, въ которомъ все, отъ семьи до государственнаго строя, проникнуто желѣзной дисциплиной.

«Актеонъ думалъ о томъ, что онъ видѣлъ за послѣдніе два дня *). Съ обычною проницательностью эллина Актеонъ замѣчалъ все: жестокую дисциплину семьи, религіи и государства, которой подчинялись всѣ граждане; полное игнорированіе поэзіи и искусства (NB. Слѣдуетъ помнить, что дѣло происходитъ въ третьемъ вѣкѣ до Р. Х., задолго до того, какъ императоры велѣли грекамъ обстроить Римъ); печальное и желѣзное воспитаніе, основанное только на долгѣ, заставлявшее каждаго римлянина выносить суровый искусъ подчиненія, чтобы впослѣдствіи самому подчинять себѣ другихъ.

«Отецъ, который въ Греціи былъ другомъ, въ Римѣ представлялъ собою тирана. Латинскій городъ признавалъ только отца семейства: супруга, дѣти и домочадцы были почти на одномъ положеніи съ рабами. То были инструменты для работы, не имѣвшіе ни воли, ни имени. Боги внимали только отцу семейства. Въ своемъ домѣ онъ былъ жрецомъ и судьею. Онъ могъ убить свою жену, трижды продать дѣтей. Его власть надъ потомствомъ не исчезала съ годами. Консулъ-побѣдитель и всесильный сенаторъ дрожали въ присутствіи своихъ отцовъ. И въ этой суровой и деспотической организаціи, еще болѣе мрачной, чѣмъ спартанская, Актеонъ угадалъ таинственную зарождающуюся силу, которая нѣкогда порветъ свою нынѣшнюю оболочку и охватитъ міръ желѣзнымъ обручемъ. Эллинъ ненавидѣлъ этотъ мрачный народъ, хотя не могъ не питать къ нему уваженія.

«Грубость нравовъ, воинственный и суровый характеръ расы—сильнѣе всего проявлялись на форумѣ. На вершинѣ священной горы, на Капитоліи, стояла настоящая крѣпость съ голыми и грязными стѣнами, не имѣвшими ни одного изъ тѣхъ украшеній, которыя придавали улыбающійся видъ аѳинскому кремлю. Храмъ Юпитера Капитолійскаго едва поднимался надъ крѣпостными стѣнами своею низкою крышею и рядами приземистыхъ колоннъ, похожихъ больше на башни. Внизу на форумѣ поражала та же серьезная и мрачная уродливость. Постройки были низки и основательны. Онѣ казались больше военными сооруженіями, чѣмъ красивыми общественными постройками. Къ форуму вели всѣ большія дороги, и только послѣднія украшали Римъ... За исключеніемъ нѣсколькихъ неуклюжихъ большихъ монументовъ, — громадный городъ, который могъ выставить болѣе 150 тысячъ воиновъ, представлялъ собою почти такое же грубое и жалкое зрѣлище, какъ и городища дикихъ племенъ, которыя Актеонъ посѣтилъ во время своего путешествія по Кельтиберіи» **).

*) Актеонъ посланъ осажденнымъ Сагунтомъ, который былъ союзникомъ Рима, просить у послѣдняго помощи противъ Аннибала. Съ величайшими опасностями Актеонъ выбрался изъ осажденнаго города и добрался до Рима, который обманулъ маленькую республику.

**) Sonnica la Cortesana, paginas 308—309.

Еще больше, чѣмъ внѣшняя культура, поражаютъ Актеона сами римляне. Воинственность и стремленіе къ захвату всего міра нисколько не импонируютъ ему.

«Актеонъ привыкъ къ философскимъ диспутамъ въ Аѳинахъ и къ діалогамъ о поэзіи и о свойствахъ души, какъ только сходились два эллина, имѣвшіе свободное время. И онъ отправился на форумъ. Тамъ аѳинянинъ внимательно прислушивался къ разговорамъ, хотя грубая и неуклюжая латинская рѣчь раздражала его музыкальное ухо. Въ одной группѣ гражданъ шла бесѣда о здоровьѣ стадъ и о цѣнахъ на шерсть. Въ другой—совершалась покупка быка въ присутствіи пяти совершеннолѣтнихъ гражданъ, служившихъ свидѣтелями. Покупатель отсыпалъ въ чашку вѣсовъ бронзовыя монеты, представлявшія стоимость быка, дотронулся рукой до животнаго и сказалъ необыкновенно торжественно, какъ будто произносилъ важную политическую рѣчь:

— Этотъ быкъ мой, согласно закону квиритовъ. Я заплатилъ за него полноцѣннымъ металломъ.

Дальше голодный легіонеръ условливается со старцемъ о займѣ, предлагая въ закладъ свою землю и свой шлемъ. Кредиторъ и должникъ обмѣнивались фразами, точно установленными закономъ для подобнаго случая.

— Dari spondes? (Обѣщаешь дать?)—спросилъ солдатъ.

— Spondeo! (Обѣщаю),—отвѣтилъ заимодавецъ.

И сдѣлка была заключена этими торжественными словами. Одинъ слогъ, произнесенный неправильно, могъ бы измѣнить всю сдѣлку, такъ какъ римляне питали суевѣрное уваженіе къ формулѣ и буквѣ своего закона». И оставивъ форумъ, эллинъ попадаетъ въ булочную, гдѣ полуголый человѣкъ, тяжело дыша, вертѣлъ мельничный жерновъ.

— Булочная твоя?—спросилъ грекъ.

— Я только рабъ,—печально отвѣтилъ тотъ. — Хозяинъ мой отправился на форумъ, чтобы поговорить съ торговцами о цѣнахъ на пшеницу. Ты грекъ, не правда ли?—И прежде, чѣмъ Актеонъ отвѣтилъ, рабъ прибавилъ съ печальной гордостью:

— Я не всегда былъ рабомъ. Въ неволю я попалъ недавно. Когда мой срокъ истечетъ и я получу свободу, то посѣщу твою сторону. О, аѳинянинъ! Въ твоемъ городѣ поэты признаются богами.

И рабъ процитировалъ по гречески нѣсколько стиховъ изъ Прометея Эсхила, изумивъ Актеона, какъ чистотою произношенія, такъ и выразительностью дикціи.

— Неужели въ Римѣ ваши хозяева велятъ вамъ заниматься поэзіей?—спросилъ, улыбаясь, Актеонъ.

— Раньше, чѣмъ попасть въ неволю, я былъ поэтомъ. Мое имя Плавтъ.

Рабъ робко оглянулся, какъ будто боялся, что его увидятъ до-

мочалцы хозяина, затѣмъ продолжалъ разговоръ, счастливый, что можетъ на время оставить жерновъ.

— Я написалъ нѣсколько комедій. Я хотѣлъ устроить въ Римѣ театръ, который въ вашей странѣ признается почти религіознымъ учрежденіемъ. Римляне мало чувствительны къ поэзіи. Они любятъ фразы. Трагедія, которая васъ заставляетъ плакать, оставляетъ ихъ холодными; комедія Аристофана нагоняетъ на нихъ сонъ. Имъ доставляютъ удовольствіе только этрусскіе шуты, грубые фарсы да маскированные, которые, слѣдуя за героями, получающими тріумфъ, выкрикиваютъ безстыдныя слова. Героя вашей трагедіи римляне побили бы камнями; но зато они ревутъ отъ восторга, когда за вступающимъ въ городъ консуломъ-побѣдителемъ слѣдуютъ переодѣтые въ козьи шкуры солдаты, головы которыхъ прикрыты конскими гривами. Римляне хохочутъ, видя, какъ солдаты унижаютъ побѣдителя. Для этого народа я писалъ комедіи. Я пишу ихъ еще и теперь, хотя хозяинъ бьетъ меня, если я прекращаю вертѣть жерновъ. Патриціи и свободные граждане не любятъ стиховъ, декламируемыхъ со сцены. Здѣсь разорвали бы въ куски Аристофана, который дерзалъ выводить на сцену первыхъ людей въ Аѳинахъ. Герои мои поэтому рабы, иностранцы и наемники. Надъ ними много смѣются.

— Но какъ ты попалъ въ такое несчастное положеніе, послѣ того какъ твои произведенія доставляли удовольствіе римскому народу?

— Я былъ на столько безуменъ, что основалъ въ Римѣ большой театръ, какъ въ Греціи. Я вошелъ въ долгъ. Народъ приходилъ и смѣялся много, но денегъ у простонародья очень мало. Я разорился. Мудрые римскіе законы предписываютъ, чтобы несостоятельный должникъ пошелъ бы въ рабство къ своему заимодавцу. Хозяинъ этой булочной когда-то далъ мнѣ взаймы нѣсколько мѣшковъ мѣдной монеты, теперь онъ мститъ мнѣ за то, что когда-то всѣ восхищались моими произведеніями. За каждый взрывъ смѣха моихъ прежнихъ слушателей онъ платитъ мнѣ теперь палочными ударами. Такова судьба поэтовъ» *).

Встрѣча съ Плавтомъ даетъ возможностъ аѳинянину лучше понять грубый и суровый народъ, отдающій въ рабство несостоятельныхъ должниковъ и превращающій поэтовъ въ вьючныхъ животныхъ.

Грубый и коварный Римъ оставляетъ на произволъ судьбы своего вѣрнаго маленькаго союзника--богатый, жизнерадостный и изящный Сагунтъ. Аѳинянинъ возвращается въ осажденный городъ, который послѣ отчаяннаго сопротивленія близокъ къ гибели. Изъ ненависти къ грубой силѣ, уничтожающей красоту и наслажденіе

*) „Sonnica la Cortesana", paginas 321—323.

жизнью, Актеонъ снова отвергаетъ предложеніе своего товарища дѣтства Аннибала.

— Ты видѣлъ, что городъ неминуемо погибнетъ,—сказалъ Аннибалъ.—Слѣдуй же за мною... Быть можетъ, нѣкогда ты будешь царемъ за то, что послѣдовалъ за мною, какъ сталъ имъ Птоломей за то, что пошелъ за Александромъ. Рѣшайся.

Актеонъ молчалъ. И въ глазахъ аѳинянина Аннибалъ прочиталъ нерѣшительность и желаніе обмануть его.

— Не лги, аѳинянинъ: ложь приличествуетъ врагу или тому, кто долженъ спасти свою жизнь. Я твой другъ и обѣщалъ сохранить твою жизнь. Неужели ты не желаешь слѣдовать за мною?

— Нѣтъ,—рѣшительно отвѣтилъ аѳинянинъ.—Я хочу возвратиться въ городъ. И если ты дѣйствительно любишь своего товарища дѣтства, позволь мнѣ отправиться.

— Но ты идешь на гибель! Ты не долженъ ждать пощады, когда мы ворвемся въ городъ.

— Я умру тогда!—просто отвѣтилъ аѳинянинъ.—Тамъ, въ городѣ, живутъ люди, которые приняли меня, когда я пришелъ голодный. Тамъ—женщина, пріютившая тогда меня и подарившая свою любовь. Горожане отправили меня въ Римъ, чтобы я привезъ имъ слово надежды. И я долженъ возвратиться хотя бы для того, чтобы ввергнуть ихъ въ отчаяніе. Что тебѣ стоитъ оставить меня на свободѣ? Завтра же, быть можетъ, тебѣ удастся убить меня. Въ голодномъ Сагунтѣ будетъ однимъ ртомъ больше. Быть можетъ, когда горожане увидятъ, что я имъ приношу отчаяніе,—они сдадутъ тебѣ крѣпость. Пропусти меня, Аннибалъ. Быть можетъ, помимо моей воли, я буду тебѣ полезенъ.

Аннибалъ смотрѣлъ на него съ изумленіемъ.

— Безумецъ! Никогда я не думалъ, что аѳинянинъ способенъ на такія жертвы. Твой народъ такъ легкомысленъ, такъ лживъ, такъ склоненъ къ обманамъ. Ты—первый грекъ, вѣрный народу, усыновившему его. Карѳагенъ испыталъ много несчастій отъ наемниковъ твоего племени. Ты ни на что теперь не годишься: ты—человѣкъ, не вполнѣ владѣющій собою. Надъ тобою властвуетъ любовь. Ты не довольствуешься, подобно мнѣ, женщинами, слѣдующими за войскомъ или попадающими въ плѣнъ при взятіи города штурмомъ. Ты привязываешься къ женщинѣ, становишься ея рабомъ и ищешь безславной смерти въ глухомъ городишкѣ, какъ солдатъ на службѣ у купцовъ. Уходи отсюда, безумецъ! Ступай! Я тебя отпускаю на свободу. Не хочу ничего знать о тебѣ. Я хотѣлъ сдѣлать тебя героемъ, а ты мнѣ отвѣчаешь, какъ рабъ. Иди въ Сагунтъ, но знай, что съ этого мгновенія Аннибалъ больше не защищаетъ тебя. Если попадешься мнѣ въ руки въ городѣ, то станешь моимъ плѣнникомъ. Ты больше не другъ мнѣ» *).

---

*) „Sonnica la Cortesana“ paginas, 348—349.

И Актеонъ раздѣляетъ судьбу съ осажденнымъ городомъ. Бласко Ибаньесъ любитъ дѣйствительно сильныхъ людей. Послѣдній день Сагунта описанъ имъ поэтому съ необыкновенною силою. Испанскій романистъ, прибавлю, остается реалистомъ и вѣрно слѣдуетъ лѣтописямъ. Жители Сагунта, такъ тонко понимавшіе красоту, такъ высоко цѣнившіе радости жизни, встрѣчаютъ смерть стоически и спокойно, какъ это и подобаетъ свободнымъ людямъ. Первый шагъ къ свободѣ это—эмансипація отъ страха смерти, унижающаго человѣка и превращающаго его въ трусливаго раба культа.

Непріятель присылаетъ парламентера въ городъ. Аннибалъ соглашается пощадить жизнь горожанъ, но условія невозможно постыдны. И свободные горожане рѣшаютъ, что лучше пойти на встрѣчу смерти, чѣмъ заплатить за жизнь рабствомъ. Мало умереть. Надо сперва уничтожить все. Пусть грубая сила, поднявшая полки противъ мирнаго, торговаго города, цѣнившаго жизнь и красоту, получитъ только груду тлѣющихъ развалинъ. Сагунтъ самъ уничтожитъ свои богатства. И на площади города запылалъ громадный костеръ.

«Она (Сонника) дала первый сигналъ, бросивъ въ костеръ серебряную статую Афродиты. Несчастные и голодные люди, обступившіе костры, послѣдовали ея примѣру. Въ огонь брошены были ларцы изъ слоновой кости, кедроваго и чернаго дерева. И когда у нихъ отъ удара о бревна костра отлетали крышки, то видны были драгоцѣнности. Жемчужныя ожерелья, нанизанные топазы и изумруды, сапфиры и вся гамма драгоцѣнныхъ камней сверкали нѣкоторое время въ пламени костра, какъ саламандры. Затѣмъ, въ огонь брошены были ковры, расшитыя серебромъ покрывала, туники съ вышитыми на нихъ цвѣтами, золотыя сандаліи, кресла съ ручками, подобными львинымъ лапамъ, постели съ драгоцѣнными инкрустаціями, гребни слоновой кости, зеркала, лампы, лиры, флаконы съ благовоніями... Голодная толпа бѣдняковъ хлопала въ ладоши и выла отъ восторга, видя разрушеніе богатствъ, которыхъ у ней никогда не было. Она усердно поддерживала огонь, покуда пламя не поднялось высокимъ столбомъ и искры не полетѣли подъ самыя облака.

— Аннибалу надобны богатства!—хрипло воскликнула Сонника.—Пусть же африканецъ извлекаетъ ихъ изъ огня. Въ огонь летѣли все новыя богатства. Дома опустѣли, такъ какъ все, представлявшее какую-нибудь цѣнность, было принесено на площадь. Мужчины молча, съ мрачнымъ видомъ слѣдовали инстинкту разрушенія, но женщины какъ будто обезумѣли. Простоволосыя, растрепанныя, въ истерзанномъ платьѣ, рыча отъ ярости, онѣ плясали вокругъ громаднаго костра, опьяненныя огнемъ. Онѣ царапали себѣ ногтями лица и выкрикивали проклятія. На потрескавшихся губахъ ихъ клубилась пѣна. Наконецъ, одна изъ женщинъ, какъ бы обезумленная адскимъ крушеніемъ, прыгнула въ пламя. Тотчасъ же

запылали на ней платье и волосы, и женщина упала. Другая женщина швырнула въ огонь ребенка, котораго прижимала къ высохшей груди, а затѣмъ сама послѣдовала за младенцемъ *). Горящія головни упали на деревянныя крыши зданій, окружавшихъ форумъ и запылалъ громадный пожаръ. Огненное кольцо охватило площадь.

Толпа задыхалась отъ дыма и жары. Общее настроеніе захватило эстетовъ Сагунта, перенявшихъ у Аѳинъ, главнымъ образомъ, обычаи, шедшіе въ разрѣзъ съ здоровымъ темпераментомъ маленькой иберійской республики. Теперь и Лакаро (вождь эстетовъ) и его изящные друзья говорили о смерти. Изнѣженныя, женоподобныя существа съ величавымъ спокойствіемъ обсуждали родъ смерти. Наиболѣе сильные и смѣлые въ городѣ рѣшили предпринять послѣднюю вылазку, чтобы погибнуть, убивая непріятеля. Съ этой цѣлью вооружались и мужчины, и женщины, которыхъ голодъ еще не окончательно обезсилѣлъ. Эстетамъ такая смерть не нравилась. Имъ было противно представленіе о томъ, что придется драться съ грубымъ солдатомъ, почти дикаремъ, обонять его крѣпкій запахъ хищнаго животнаго и упасть съ разрубленнымъ нарумяненнымъ лицомъ. Пришлось бы тогда упасть въ грязь, какъ зарѣзанному барану. Эстеты не хотѣли также заколоться кинжалами, какъ то дѣлали многіе на площади. То была смерть, уготовленная для героевъ. Смерть въ огнѣ больше привлекала эстетовъ. Имъ припоминались азіатскія царицы, кончавшія съ собою на кострахъ изъ облитыхъ благовоніями бревенъ.

Какъ жаль, что костеръ, пылающій на площади, пахнетъ такъ скверно. Но въ данный моментъ нечего было думать объ утонченности. И закрывъ лицо краемъ плаща, эстеты одинъ за другимъ ринулись въ пламя, увлекая за собою своихъ неизмѣнныхъ спутниковъ—маленькихъ, красивыхъ рабовъ. И шаги эстетовъ были такъ же тверды, какъ въ тѣ мирные, счастливые дни, когда изящная молодежь гуляла по форуму, довольная скандаломъ, вызваннымъ ея румянами и женскими украшеніями. Сонника подпоясала тунику и приподняла края ея, чтобы она не мѣшала движенію.

— Пойдемъ на смерть, Эфобій,—сказала она философу.

Впервые теперь Эфобій не отвѣтилъ циничной фразой или насмѣшливымъ жестомъ. Онъ серьезно нахмурившись, глядѣлъ, какъ умираютъ тѣ люди, надъ которыми онъ такъ часто глумился.

— Смерть?—спросилъ онъ.—Развѣ необходимо умереть? Ты въ этомъ увѣрена, Сонника?

— Да. Кто не желаетъ стать рабомъ, долженъ умереть. Возьми мечъ и ступай за мною.

— Не надо. Если смерть ужъ неминуема, то зачѣмъ утом-

*) Бласко Ибаньесъ вѣренъ исторіи, когда описываетъ самосожженіе жителей Сагунта, не желавшихъ сдаться Аннибалу.

лять еще себя, нанося удары. Я живу спокойно въ сладкой лѣни, украшавшей мою жизнь.

И, не торопясь, философъ подошелъ къ костру и бросился въ пламя, закрывъ лицо полою заплатаннаго плаща. На ступеняхъ храма падали старцы, всадивъ себѣ въ сердце кинжалъ. Умирающіе передавали свое оружіе товарищамъ и испускали дыханіе, стараясь держаться прямо въ своихъ креслахъ. Группы женщинъ, вытащивъ изъ костра горящія головни, разсыпались, какъ пьяныя вакханки по всему Сагунту, поджигая всюду дома. И въ этотъ моментъ обрушилась одна изъ башень, оставленная защитниками. Когорты Аннибала кинулись въ городъ.

— Ко мнѣ! Ко мнѣ! Хрипло крикнула Сонника.—Сегодня наша послѣдняя ночь. Я не хочу умереть въ огнѣ. Я паду, убивая. Крови!

И она, какъ фурія, метнулась впередъ. За ней послѣдовали всѣ, которые могли носить оружіе. Граждане вооружились мечами, женщины схватили ножи и дротики.

Голые подростки тоже бѣжали съ ножами или топорами. Пламя пожара освѣщало обезумѣвшую отъ ярости толпу. Сверкали бронзовыя латы, изсѣченные шишаки, окровавленное оружіе. Изъ прорѣхъ платья выглядывали высохшія отъ продолжительнаго голода тѣла. И граждане Сагунта погибли до послѣдняго. Суровому побѣдителю досталась груда тлѣющихъ развалинъ, заваленныхъ трупами. Грубая сила—Римъ предала культурный, жизнерадостный, мирный, трудолюбивый Сагунтъ другой грубой разрушительной силѣ—Аннибалу. И этимъ самымъ создалось неминуемое столкновеніе ихъ. *)

Мы не можемъ удалить съ дороги человѣчества непреодолимыя препятствія,—говоритъ Бласко Ибаньесъ во всѣхъ своихъ произведеніяхъ... Но не это важно для счастья человѣчества. Надо устранить изъ жизни грубое насиліе, мѣшающее человѣку создать себѣ красивую, интересную жизнь. Это насиліе въ нѣсколько дней можетъ уничтожить культуру, создававшуюся вѣками. Надобно-ли лучшее доказательство, чѣмъ несчастный Сагунтъ, развалины котораго и до сихъ поръ видны еще недалеко отъ Валенціи?

Грубое насиліе должно быть устранено не только тогда, когда оно проявляется въ формѣ войны. Не менѣе ужасно оно, когда наблюдается въ рядахъ извѣстнаго общества.

Страданіе въ жизни — элементъ устранимый. Оно внесено людьми. Своимъ безуміемъ, своей злобой и стремленіемъ къ насилію люди отравили радости жизни. Царство истинной красоты немыслимо теперь, когда человѣчество столько «напортило» въ жизни. Возможенъ ли «эллинизмъ» теперь, когда въ большихъ городахъ, рядомъ съ людьми, которымъ доступна высшая культура,

*) „Sonnica la Cortesana“, paginas 380—389.

живутъ пасынки ея, пребывающіе въ каменномъ вѣкѣ? И на этотъ вопросъ Бласко Ибаньесъ отвѣчаетъ отрицательно въ сильномъ романѣ «La Horda», вышедшемъ въ концѣ 1905 года. Передъ нами—два Мадрида: одинъ — культурный, сытый, знающій утонченныя наслажденія. Другой—голодный, забитый, представляющій обломокъ каменнаго вѣка. Каждый день, на разсвѣтѣ, когда сытый и счастливый Мадридъ засыпаетъ, изъ пригородовъ направляется въ центръ голодная, мрачная, забитая «орда», кормящая своими трудами «эллиновъ» и кормящаяся сама отбросами отъ ихъ стола. Тутъ рядомъ съ рабочими представители вѣка троглодитовъ: тряпичники, цыгане изъ квартала de las Cambroneras, браконьеры, охотящіеся въ заповѣдныхъ королевскихъ паркахъ. Въ XX вѣкъ они принесли безъ измѣненія міропониманіе, нравы и культуру современниковъ пещернаго медвѣдя и ископаемой гіены.

Такой порядокъ не только несправедливъ, но и грозитъ культурѣ величайшей опасностью. Наступитъ день, когда орда, войдя съ разсвѣтомъ въ Мадридъ, останется тамъ. Она не удовольствуется въ тотъ день отбросами, но потребуетъ свою долю. Орда не будетъ больше просить, но станетъ приказывать. И сознававшіе себя еще недавно счастливыми будутъ дрожать отъ страха передъ этими свирѣпыми ордынцами, одѣтыми въ лохмотья, передъ озлобленными дикарями, жаждущими разрушенія. «Откуда они явились? Изъ какихъ пещеръ выползли?» — будутъ робко спрашивать всѣ.

«Они жили все время съ вами, но вы этого не подозрѣвали. Ихъ шалаши лѣпились у вашихъ стѣнъ. Орда каждое утро проходила мимо вашихъ оконъ, но вы спали тогда. Вы ея не замѣчали, потому что она была слаба, робка и подобострастна. Вы отрицали даже ея существованіе, потому что она не угрожала вамъ, и когда орда проявляла слабый ропотъ, вы были къ ней безпощадны».

«Мальтрана (молодой герой романа) мысленно представилъ себѣ всю ту лавину несчастныхъ, презрѣнныхъ и доведенныхъ до отчаянія людей, которая современемъ можетъ превратиться въ громадную армію разрушенія. Чего недостаетъ ордѣ? Смѣлыхъ и способныхъ вождей. Теперь талантливые люди, появляющіеся въ «ордѣ», пріобрѣтая знанія, оставляютъ ее. Ахъ, если бы эти люди, надѣленные силой мысли, оставались вѣрны своимъ! Если бы эти рабы, продающіе теперь свои таланты богатымъ, отдали свои знанія «ордѣ»! Они скрѣпили бы ее одной волей и дали бы лозунгъ» *).

А теперь разсмотримъ подробно и устранимыя препятствія, какъ они представляются Бласко Ибаньесу.

Діонео.

---

*) „La Horda“, pagina 383.

Изъ студенческой анкеты.

(По даннымъ переписи 1909/10 г. въ С.-Петербургскомъ Технологическомъ Институтѣ).

Въ настоящій моментъ въ студенческой средѣ нѣтъ тѣхъ острыхъ столкновеній на партійной почвѣ, которыя еще недавно окрашивали собою митинги, сходки, выборы. Общественно политическіе вопросы не захватываютъ широкихъ студенческихъ массъ. Значительная часть молодежи всецѣло поглощена академическими и часто связанными съ ними экономическими заботами; другая же—живетъ внѣ академическихъ и общественно-политическихъ интересовъ.

Прежніе, объединявшіе все студенчество, лозунги поблекли. Въ его среду стали входить новыя поколѣнія съ новыми настроеніями. Иногда выплываютъ такіе факты, которыхъ нельзя понять съ прежнихъ точекъ зрѣнія *).

Для выясненія характера, степени и предѣловъ измѣненій, происходящихъ въ студенческой средѣ въ настоящій періодъ «общественной разрухи», въ Петербургскомъ Технологическомъ Институтѣ въ 1909—10 ак. году была предпринята анкета, имѣвшая цѣлью помимо того изслѣдованіе экономической, гигіенической и и половой жизни учащихся. Анкета производилась отъ имени Научно-Экономическаго кружка при Технологическомъ Институтѣ по вопросамъ, составленнымъ при участіи прив.-доц. М. В. Бернацкаго и д-ра Д. П. Никольскаго.

Студенты-технологи отнеслись вполнѣ серьезно къ предпринятой переписи, продолжавшейся съ 16 по 26 ноября 1909 г. Всего было подано 1021 анк. листовъ. Если принять во вниманіе, что, при наличности студентовъ въ Технологическомъ Институтѣ около 2000 чел., постоянно проживаютъ въ учебное время въ Петербургѣ около 1800 чел., то окажется, что болѣе 50% студентовъ подали анкетные листы съ отвѣтами, и анкету можно считать удавшейся.

Но прежде чѣмъ приступить къ окончательной разработкѣ и выводамъ, пришлось отбросить нѣсколько листовъ, какъ негодныхъ, съ шутливыми, легкомысленными или даже циничными отвѣтами. Всего было оставлено 1000 листовъ, которые и послужили матеріаломъ для изслѣдованія студенческаго быта. Въ дальнѣйшемъ мы при-

---

*) Напр., проявленіе антисемитизма.

водимъ нѣкоторыя данныя изъ этой анкеты въ связи, главнымъ образомъ, съ общественно-политическими взглядами студенчества.

Въ политическомъ отношеніи студенчество представляетъ довольно разнородную массу. Изъ отвѣтовъ на вопросъ: «какой изъ существующихъ партій вы болѣе всего симпатизируете?» получилась весьма пестрая картина общественно-политическаго міровоззрѣнія. Достаточно перечислить названія партій, о которыхъ упомянуто въ анкетныхъ листахъ, чтобы видѣть, какъ раздробились студенческія партійныя симпатіи. Тутъ встрѣчаются с-д,, с-р., нар.-соц., трудовики, неопредѣленные лѣвые, п. п. с., к-д., анархисты, индивидуалисты, синдикалисты, сіонисты, октябристы, польское коло, умѣренно-правые, чл. союза русск. нар. и безпартійные *).

По отношенію ко всему числу подавшихъ анкетные листы:

	%		%
Соц.-дем. составляютъ.	25,3	Члены союза русскаго народа.	1,0
Конст. дем.	20,7	Народные соціалисты. . . .	0,8
Безпартійн. и неизвѣстн.	20,6	Трудовики.	0,7
Соц-революц.	12,4	Польское коло.	0,3
Неопредѣленные лѣвые.	10,1	Индивидуалисты.	0,3
Анархисты.	3,0	Синдикалисты.	0,2
Октябристы.	2,3	Сіонисты.	0,2
Умѣренно—правые. . .	1,9	П. п. с. (польской соц. партіи).	0,2

Если мы сравнимъ нѣкоторыя изъ этихъ цифръ съ данными Юрьевской переписи, бывшей въ 1902 г., т. е. почти два года тому назадъ, то замѣтимъ слѣдующее:

Въ Технол. Инст. 190⁹/₁₀ г.		Въ Юрьевѣ. 1907 г.	
С.-Д. составляютъ . .	25,3%	С.-Д. около .	38,5%
Безпартійные	15,5	Безпарт. . .	7,4%

Изъ сопоставленія этихъ данныхъ видно, что за двухлѣтній промежутокъ произошли кое-какія измѣненія въ студенческомъ міровоззрѣніи, а именно: уменьшилась партійность и увеличивается безпартійность. Объ этомъ фактѣ заявляютъ многіе въ своихъ отвѣтахъ. «Въ послѣднее время—апатія къ людямъ и ихъ организаціямъ»,—пишетъ одинъ студентъ:—«прежде симпатизировалъ с-д.» Другой даетъ характерный для даннаго момента отвѣтъ о своемъ переходѣ въ безпартійные: «сочувствовалъ с.-д., теперь никакой партіи не сочувствую, т. к. на вѣру ничего не хочу принимать, а для изученія нѣтъ времени» и т. д.

Это теченіе—отъ партійности къ безпартійности—въ Технологическомъ Институтѣ можно было подмѣтить и раньше. Оно сказалось уже въ 1908 году, при выборахъ въ центральный студен-

---

*) Надо замѣтить, что вопросъ былъ поставленъ о сочувствіи, а не о принадлежности къ партіи; поэтому номенклатура: соц.-дем., соц.-рев., конст.-дем. и т. д.—условна.

ческій органъ—въ совѣтъ представителей. Въ 1906 году, послѣдній состоялъ цѣликомъ изъ партійныхъ людей (6 с.-д., 4 к.-д. и 3 с.-р.); въ 1908 г., кромѣ партійныхъ кандидатовъ (4 с.-д., 3 к.-д., 3 с.-р. и 1 н.-с)., въ его составъ входили 2 безпартійныхъ.

Нѣкоторые не находятъ для себя подходящей партіи или же совершенно отрицаютъ всякую партійность. «Пока (не симпатизирую) ни одной», пишетъ одинъ студентъ: «с-д. с-р. и т. д.—утописты, а правыя партіи—свора эгоистовъ и часто очень глупыхъ защитниковъ отжившихъ правъ». «Партійности не признаю, партійность—ограниченность» заявляетъ другой, и въ добавленіе къ этому прибавляетъ: «партія сама по себѣ, а я самъ. по себѣ».

Если мы раздѣлимъ студенчество на 3 группы: лѣвыхъ, правыхъ и безпартійныхъ, то окажется, что

Лѣвыхъ всего	73,9%
Правыхъ	5,5%
Безпартійныхъ (вмѣстѣ съ неизв.)	20,6%

Мы видимъ, что, не смотря на безвременье, всетаки прогресивный элементъ имѣетъ значительный перевѣсъ надъ «правымъ» Лицъ болѣе или менѣе близкихъ къ соціалистическому идеалу—42,9%.

Если мы прослѣдимъ соотношеніе между партійностью и возрастомъ, то замѣтимъ весьма интересное явленіе, какое, кажется, еще не наблюдалось при другихъ переписяхъ.

Взявъ студентовъ въ возрастѣ отъ 17 до 31 г. (отбросивъ старшихъ и неуказавшихъ возрастъ) и разбивъ по трехлѣтіямъ, получимъ слѣдующую табличку:

Въ процентахъ къ общему числу лицъ даннаго возроста:

Возрастъ	Лѣвыхъ	Правыхъ	Безпартійныхъ
17—19	62,5	9,0	18,0
20—22	73,2	4,2	18,6
23—25	77,4	4,5	12,2
26—28	73,1	5,6	14,4
29—31	89,0	2,1	—

Такимъ образомъ наблюдается оригинальный фактъ: съ повышеніемъ возраста % лѣвыхъ увеличивается, а правыхъ уменьшается;

Это явленіе можно объяснить двояко: или студенты, по мѣрѣ расширенія научнаго и общественнаго кругозора, становятся прогрессивнѣе; или же это явленіе случайное, объясняемое пережитыми нами моментами высокаго общественнаго подъема и вліяніемъ наступившей реакціи. Къ сожалѣнію, мы не располагаемъ матеріаломъ для всесторонняго выясненія этого факта, такъ какъ прежнія переписи до 1905 года совершенно не касались партійности.

По національному составу студенты дѣлятся на:

русскихъ	68,9%	датчанъ	0 2%
поляковъ	9,2%	финновъ	0,2%
евреевъ	9.8%	французовъ	0,1%
нѣмцевъ	1,2%	англичанъ	0,1%
кавказцевъ	2,5%	болгаръ	0,1%
литовцевъ	1,2%	татаръ	0,1%
эстонцевъ	0,5%	калмыковъ	0,1%
латышей	0,5%	чувашей	0,1%
грековъ	0,3%	неизв. нац.	4,1%

Распредѣленіе каждой національности по партіямъ (въ процентахъ):

	С.-Д.	С.-Р.	К.-Д.	Лѣвыхъ вообще.	Безпартійныхъ.	Правыхъ вообще.
Русскіе даютъ	21,2	12,3	21,4	72,4	16,4	6,1
Поляки »	17,4	12,3	21,7	70,0	15,2	6,0
Евреи »	55,1	7.7	12,0	81,0	12.0	—
Кавказцы »	28,0	40,0	20,0	92,0	—	8,0

Къ какимъ національностямъ принадлежатъ сочувствующіе каждой партіи видно изъ слѣдующихъ данныхъ:

Среди:	Въ процентахъ: русскихъ	поляковъ	евреевъ	кавказцевъ
С.-Д.	57,7	7,0	21,3	2,8
С.-Р.	70,0	9,0	6,0	8,1
К.-Д.	73,5	10,0	6,0	2,4
анархистовъ	70,4	13,4	6,7	3,4
октябристовъ	80,0	4.4	—	4,4
умѣр. правыхъ	84.2	10.3	—	—

Только народные соціалисты состоятъ исключительно изъ русскихъ; среди сочувствующихъ союзу русскаго народа на десять человѣкъ приходится: 8 русскихъ, одинъ нѣмецъ и одинъ ингушъ.

Въ виду того, что въ Россіи сословность еще имѣетъ большое значеніе въ общественно-политическомъ отношеніи, намъ не безынтересно взглянуть на взаимоотношенія партійности и сословности.

Оказывается, что по сословіямъ студенты распредѣляются въ слѣдующемъ порядкѣ:

мѣщане	28,2%
дворяне	25,2%
крестьяне	12,2%
дѣти чиновниковъ	11,5%
потомств. поч. гражд.	7,1%
купеческ. званія	6,4%
духовнаго званія	2,6%

При этомъ:

Среди:	С.-Д.	С.-Р.	К. Д.	лѣвыхъ вообще	безпартійныхъ	правыхъ
	Въ процентахъ:					
дворянъ.	18	12	21	70	17	9
мѣщанъ.	33	14	20	80	12	4
крестьянъ. . . .	29	16	22	80	15	3
дѣтей чиновн. . .	22	15	20	73	17	9
пот. поч. гражд. .	21	7	25	63	23	4
купеч. зв.	33	5	28	77	14	3
духовнаго зв. . .	15	4	31	85	15	—

Отсюда мы видимъ, что наиболѣе оппозиціонно настроеннымъ является духовное сословіе, дающее 85% лѣвыхъ.

Затѣмъ идутъ мѣщане и крестьяне—около 80%.

Наибольшій % правыхъ даютъ дворяне и дѣти чиновниковъ.

Къ какимъ сословіямъ принадлежатъ сочувствующіе важнѣйшимъ изъ партій, видно изъ слѣдующей таблички:

Среди:	дворянъ	мѣщ.	крестьянъ	дѣтей чиновн.	купеч. зв.	пот. поч. гражд.	дух. зв.
	Въ процентахъ:						
анархистовъ	33	23	14	27	—	—	—
соц.-дем.	18	37	14	10	9	6	2
соц.-рев.	24	33	16	14	2	4	1
к.-д.	26	24	13	11	9	9	4
октябр.	39	13	9	17	4	9	—
умѣр.-пр.	53	16	11	11	5	5	—
союза р. н.	50	10	—	40	—	—	—

Такимъ образомъ наибольшій % мѣщанъ среди С.-Д. (37%), наибольшій % крестьянъ среди С.-Р. (16%). Дворянскій элементъ занимаетъ наиболѣе видное мѣсто среди ум.-правыхъ (53%), с. р. н. (50%) и октябристовъ (39%).

Относительно религіозныхъ воззрѣній анкета дала слѣдующее: вообще признаютъ какую-либо религію — 39,4% всего числа подавшихъ анк. листы; не признаютъ — 46,2%; остальные либо заявили, что относятся индифферентно, неопредѣленно, либо совсѣмъ не отвѣтили.

Причемъ признаютъ:

христіанство вообще . .	17,9%	іудейство	0,8%
православіе	8,0%	буддизмъ	0,4%
католичество	1,6%	магометанство	0,5%
лютеранство	1,0%	толстовство.	1,7%

Около 12% православныхъ признаютъ свое вѣроисповѣданіе и около 8% евреевъ—свою религію.

Соотношеніе между религіозностью и партійностью видно изъ слѣдующихъ данныхъ:

В ъ п р о ц е н т а х ъ:

Среди:	Не призна-ютъ рел.	Признаютъ: Всего	Изъ нихъ признаютъ: христ. вообще	правосл.	толст.	іуд.
С.-Д. . . .	73	17	9	1	1	—
С.-Р. . . .	57	29	20	1	1	—
К.-Д. . . .	33	51	28	10	2	1
анарх.. . .	53	23	7	—	—	—
октябр. . .	—	83	17	40	—	—
с. р. н. . .	10	90	20	60	—	—

Безпартійные наполовину признаютъ; треть — отрицаетъ. Наиболѣе всего толстовцевъ среди к.-д. и неопред. лѣвыхъ. Изъ октябристовъ 17% не дали опредѣленнаго отвѣта или вовсе не отвѣтили.

Вопросъ: «признаете ли основы какой-либо религіи?» какъ и надо было ожидать, для многихъ показался сложнымъ. Поэтому одинъ пишетъ: «На этотъ вопросъ очень трудно отвѣтить, такъ какъ я въ немъ еще не разобрался. Собственно соціализмъ есть моя религія постольку, поскольку я въ него вѣрю». «Затрудняюсь что-либо отвѣтить!» — говоритъ другой: «кажется, ничего не признаю; иногда посѣщаю церковь, но больше для развлеченія». Нѣкоторые считаютъ вопросъ несущественнымъ, надъ которымъ не приходилось задумываться, такъ какъ не встрѣчалась «необходимость вообще въ религіи». Другіе, не признавая религіи для себя, все таки считаются съ ней и стараются изучить ее, какъ «проявленіе духовной жизни народа». Рядомъ съ этимъ въ одномъ отвѣтѣ слышится горькій упрекъ по адресу тѣхъ, кто смотритъ на религію, какъ на способъ «эксплуатаціи невѣжественныхъ массъ». Вмѣсто прямого отвѣта иные заявляютъ, что признаютъ только нравственные законы, о которыхъ напоминаетъ совѣсть, или же основы этики культурно-общественнаго человѣка.

Постановка вопроса о равноправіи евреевъ вызвана, главнымъ образомъ, тѣмъ, что за послѣднее время въ студенческой средѣ стали наблюдаться случаи открытаго проявленія антисемитизма. Мы не могли бы вполнѣ объяснить это явленіе, если бы оцѣнивали его съ точки зрѣнія прежняго студенческаго настроенія.

Вѣдь въ 1901—1905—1907 гг., когда студенчество съ живѣйшимъ интересомъ обсуждало вопросы о коренныхъ реформахъ высшей школы, при голосованіи резолюцій поднимался цѣлый лѣсъ рукъ за широкій доступъ въ высшія учебныя заведенія всѣхъ безъ различія пола и національности, и ни одного открыто протестующаго голоса намъ не приходилось слышать. Въ резолюціяхъ политическаго характера также всеобщимъ успѣхомъ пользовалась

извѣстная «четырехвостная» формула (всеобщее, прямое, тайное и равное избирательное право).

Поэтому въ данный моментъ насъ интересуетъ вопросъ, считаться ли съ проявленіями антисемитизма, какъ съ поступками только отдѣльныхъ лицъ, или же подобные случаи находятъ опору въ самой студенческой средѣ.

Нижеприведенныя таблицы даютъ намъ нѣсколько разъясненій на этотъ счетъ.

Изъ всего числа подавшихъ листы къ равноправію евреевъ относятся.

положительно .	59,0%
отрицательно .	25,0%
безразлично . . .	8,4%
неопредѣленно . .	3,7%
неизвѣстно . . .	3,9%

Среди студентовъ, сочувствующихъ разнымъ партіямъ, относятся къ еврейскому равноправію:

Среди	Въ процентахъ: положительно	отрицательно	безразлично
С.-Д.	84,5	4,0	6,0
С.-Р.	74,2	11,3	7,3
К.-Д.	50,2	31,4	11.6
неопредѣл. лѣвыхъ . .	63	24,8	6,9
анархистовъ	86,6	6,7	3,4
октябр.	8,7	82,6	8,7
умѣр.-прав..	—	79,0	5,3
с. р. нар.	—	100.0	—
безпартійныхъ	34,0	44,0	12,2
неизвѣстныхъ.	45,0	39,4	9,9
лѣвыхъ вообще	70,0	14,0	7,8
правыхъ вообще. . . .	7,3	82,0	5,5

На вопросъ: «какъ относитесь къ равноправію евреевъ?» многіе не ограничивались простымъ отвѣтомъ, но давали поясненія своихъ взглядовъ на этотъ вопросъ. Такъ, напр., одинъ пишетъ: «Считаю, что задумываться надъ этимъ вопросомъ можно лишь среди варваровъ». «Это должно быть естественнымъ правомъ ихъ», пишетъ великороссъ. «Евреевъ прекрасно знаю, нахожу, что многія несимпатичныя черты характера зависятъ отъ угнетеннаго положенія. Стою за равноправіе» (русскій). «Не родъ, а умъ поставлю въ воеводы», отвѣчаетъ словами Пушкина русскій сибирякъ. Другіе связываютъ этотъ вопросъ съ отношеніемъ къ національностямъ вообще. «Считаю равноправіе національностей необходимымъ условіемъ благополучнаго развитія общества», пишетъ полякъ.

Попадаются и такіе колеблющіеся отвѣты: «Евреевъ не люблю, но равноправіе признаю» (русскій). «Принципіально признаю равноправіе, но въ личной жизни избѣгаю евреевъ» (полякъ). «Евреи мнѣ мало симпатичны, но безусловно считаю необходимымъ по-

ставить ихъ въ равныя условія съ другими» (армянинъ). ...«Сочувственно, хотя особеннаго счастья въ этомъ не вижу» (еврей).

А вотъ отвѣты другого характера: «Дать равноправіе», пишетъ еврей: «но слѣдить строго, чтобы не злоупотребляли имъ». Какъ бы въ дополненіе къ этому армянинъ говоритъ: «Дать равноправіе, а преступниковъ судить одинаково, не спрашивая національности».

Любопытенъ отвѣтъ одного русскаго анарх.-коммуниста по своему логическому построенію: «Всѣ люди равны; кто болѣе приспособленъ къ жизни, тотъ и возьметъ. Евреи болѣе русскихъ приспособлены къ жизни, они и побѣдятъ. Поэтому я стою за ограниченіе ихъ правъ».

Попадаются отвѣты съ рѣзко отрицательнымъ характеромъ: «Горячо отрицательно отношусь къ равноправію евреевъ», пишетъ членъ союза русскаго народа: «евреевъ всѣми силами ненавижу». Другой изъ правыхъ добавляетъ: «ненавижу жидовъ и считаю погромъ болѣе радикальнымъ и полезнымъ, чѣмъ равноправіе».

«Безусловно отрицательно,—пишетъ тоже членъ союза русскаго народа:—такъ какъ ихъ идеалъ—какъ можно болѣе полное разложеніе того государства, гдѣ они находятся, для полученія преобладающаго вліянія на жизнь государства».

«Ни въ коемъ случаѣ евреямъ нельзя давать правъ: закабалятъ весь русскій народъ и будутъ драть съ него семь шкуръ» (безпарт. русск.) «До пріѣзда въ Петербургъ даже любилъ ихъ, но потомъ постепенно, самъ не знаю почему, сталъ ненавидѣть. А послѣ азефовскаго дѣла «жидовъ» терпѣть не могу. Хотя эти слова свойственны Пуришкевичу, но въ данномъ случаѣ я высказываю свое дѣйствительное отношеніе».

«Еврейскій вопросъ можетъ разрѣшиться только съ разрѣшеніемъ вопроса жизни всего человѣчества», говоритъ студентъ, великороссъ-анархистъ.

Болѣе благопріятное отношеніе мы находимъ къ женскому равноправію.

Изъ всѣхъ студентовъ относятся:

положительно	66,2%	неопредѣленно	3,2%
отрицательно	17,0 »	признаютъ равн. съ ограниченіемъ	0,4 »
безразлично	7,7 »	не отвѣтили	5,5 »

Въ частности, относятся къ женскому равноправію:

	Въ процентахъ.		
ИЗЪ:	Положи-тельно.	Отрица-тельно.	Безраз-лично.
С.-Д.	88,1	1,7	4,3
С.-Р.	81,5	8,9	1,6
К.-Д.	61,3	23,1	8,7
Неопр. лѣвыхъ . .	68,0	15,0	4,0
Анархистовъ . . .	86,6	3,4	6,7
Октябристовъ . .	26,1	51,0	13,0
Умѣр.-правыхъ . .	26,3	42,0	21,0
С. Р. Н.	—	90,0	10,0
Безпартійныхъ . .	42,0	32,1	13,0
Неизвѣстныхъ . .	49,0	19,6	19,6
Лѣвыхъ вообще .	78,0	11,0	5,3
Правыхъ » .	23,6	55,0	14,5

Для иллюстраціи различныхъ отношеній къ женскому равноправію приведу нѣсколько отвѣтовъ, въ которыхъ такъ или иначе отражаются существующіе въ настоящее время среди студенчества взгляды на женскій вопросъ.

Нѣкоторые, не высказываясь опредѣленно, заявляютъ лишь о тѣхъ авторитетахъ, мнѣнія которыхъ они раздѣляютъ.

Одинъ, напр., пишетъ: «Когда идетъ рѣчь о женщинахъ, я не могу быть безпристрастнымъ; для нихъ я готовъ жертвовать «всѣмъ», положительно всѣмъ, но... послѣдователь Мечникова». «Женщинъ не люблю за ихъ грязное кокетство», слышится другой голосъ: «въ этомъ отношеніи я послѣдователь Шопенгауера, Ницше, Вейнингера и др.» Къ нему присоединяется еще одинъ послѣдователь бессарабскаго депутата, заявляющій, что онъ «согласенъ съ мнѣніемъ Пуришкевича: женщина прежде всего самка и таковой останется всегда и вездѣ».

Попадаются отвѣты, въ которыхъ женщина признается «матерью, хозяйкой и другомъ», «равноправнымъ членомъ въ общественно-политической жизни», но при этомъ высказывается опасеніе, что «не на всѣхъ мѣстахъ женщины окажутся устойчивыми, надежными, а самое главное», что «это помѣшаетъ исполнять имъ возложенную природой обязанность». Вообще же нерѣдко слышится пожеланіе, чтобы «женщина, какова бы она ни была, оставалась женственной».

«Стою за полнѣйшее уравненіе въ правахъ съ мужчинами», даетъ отвѣтъ одинъ: «все равно мужчина, какъ наиболѣе сильный будетъ во всемъ главою». Иные, ничего не имѣя противъ равноправія, однако, «считаютъ это ихъ собственнымъ дѣломъ» и стоятъ противъ «дарованія» его, такъ какъ «только то, что взято—жизненно».

Въ одномъ отвѣтѣ слышится протестъ противъ ложнаго пониманія равноправія: «Считаю необходимымъ равноправіе», пишетъ

студентъ: «но не въ тѣхъ уродливыхъ рамкахъ, въ какія оно выливается въ послѣдніе годы; думаю, что если оно будетъ идти въ такомъ же направленіи, то наступитъ рано или поздно крахъ человѣческихъ отношеній между полами».

Помимо выраженія взглядовъ на равноправіе, какъ на средство возвысить женщину, «дать ей возможность усовершенствоваться и менѣе зависѣть отъ мужчинъ», мы встрѣчаемъ указанія на то, что иные стремятся принять активное участіе въ разрѣшеніи женскаго равноправія въ положительномъ смыслѣ.

Но очевидно, что полное рѣшеніе вопроса о равноправіи находится все-таки въ тѣсной связи съ другими общественно-политическими проблемами, поэтому вполнѣ умѣстнымъ будетъ заявленіе студента, который пишетъ: «Стою за равноправіе всѣхъ гражданъ, не исключая и женщинъ».

По вопросу о томъ, что и какъ читаютъ студенты, анкета дала слѣдующія данныя. Читаютъ:

Беллетристику	80,3%
Техническія науки . .	39,1 »
Общественныя	29,3 »
Философію	23,9 »

Отсюда мы видимъ, что общественно-философскіе запросы гораздо ниже стоятъ интереса къ беллетристикѣ и техническимъ наукамъ. У насъ нѣтъ данныхъ изъ предыдущихъ анкетъ о характерѣ чтенія въ прежнее время. Анкета, производившаяся въ Технологическомъ институтѣ въ 1904 г. и давшая небольшое количество отвѣтовъ (всего было подано 53 листа), не можетъ служить матеріаломъ для сравненія, хотя среди подавшихъ и отмѣчался тогда наибольшій интересъ къ философско-общественному чтенію. Но можно съ увѣренностью сказать, что въ предыдущіе годы студенчество проявляло больше интереса къ общественно-философскимъ вопросамъ. Объ этомъ говоритъ возникновеніе многочисленныхъ частныхъ кружковъ самообразованія въ періоды до 1905—6 гг., въ которыхъ студенчество стремилось пополнить пробѣлы своего скуднаго общаго образованія, вынесеннаго имъ изъ средней школы, путемъ чтенія книгъ по политической экономіи, философіи, исторіи. Въ нѣкоторыхъ кружкахъ велись даже практическія занятія въ видѣ реферированія прочитаннаго, составленія докладовъ по поводу интересующаго въ тотъ или иной моментъ вопроса. Въ 1905—1907 гг. особенной популярностью пользовались рефераты съ тѣмъ или инымъ «философскимъ» обоснованіемъ. Въ эти же годы учреждается въ Технологическомъ Институтѣ научно экономическій кружокъ, поставившій цѣлью разработку общественно-экономическихъ вопросовъ въ связи съ изученіемъ соціальныхъ наукъ; при немъ откры-

вается библіотека книгъ общественнаго характера *). Въ это же время возникаетъ и научно-философскій кружокъ съ библіотекой философскихъ книгъ; соотвѣтственно возросшему спросу пополняется обще-студенческая библіотека.

Но съ 1907—8 гг. начинаетъ наиболѣе привлекать къ себѣ студенческое вниманіе беллетристика. «Санинъ», сборники «Знанія», «Шиповникъ» и др. читаются нарасхватъ. Образуются кружки, которые на товарищескихъ началахъ пріобрѣтаютъ книги беллетристическаго содержанія, такъ какъ полученія изъ общей студенческой библіотеки всякой новой книжки приходится ожидать мѣсяцами. Создаются спеціально техническія библіотеки при нѣкоторыхъ землячествахъ; открывается большой отдѣлъ техническихъ книгъ при обще-студенческой библіотекѣ. Рядомъ съ этимъ спросъ на книги обществ.-философскія замѣтно понизился, и научно-философскій кружокъ въ 1909—10 г. даже не возобновлялъ своей дѣятельности.

Отношеніе сочувствующихъ разнымъ партіямъ къ чтенію книгъ видно изъ слѣдующей таблички:

СРЕДИ.	Читаютъ (въ процентахъ): Беллетрист.	Философію.	Обществен. науки.	Техническія науки.
С.-Д.	82	30	38	29
С.-Р.	78	28	40	37
К.-Д.	83	19	25	40
Анархистовъ. . .	63	44	40	30
Октябристовъ . .	78	9	17	48
Умѣр.-правыхъ . .	79	16	11	53
С. Р. Н.	80	10	20	70
Безпартійныхъ . .	72	16	17	51

Относительно чтенія газетъ и журналовъ анкета дала слѣдующіе результаты: постоянно читаютъ 68,9°/₀, непостоянно 16,6°/₀.

Не читаютъ по недостатку времени 13,6°/°, по отсутствію интереса 2,4°/₀ и признаютъ безполезность чтенія газетъ и журналовъ 0,5°/₀.

Остальные либо дали неопредѣленные отвѣты, либо совсѣмъ не отвѣтили.

По вопросу о предпочтеніи того или другого вида театровъ не получилось особенныхъ выводовъ. Попрежнему большинство предпочитаетъ оперу и драму, но замѣтно, что студенчество уже не ищетъ, какъ прежде въ театрѣ только поученія. Театръ начинаетъ интересовать съ художественной точки зрѣнія, какъ проявленіе выс-

*) Оффиціальное утвержденіе устава кружка послѣдовало 26 марта 1908 года.

шей степени человѣческаго творчества. Попасть на спектакли, напр., Московскаго художественнаго театра, пріѣзжающаго обыкновенно въ Петербургъ весною, стало мечтой для огромнаго большинства студентовъ. Дежурства на билеты начинаются за нѣсколько дней до продажи; устраиваются непрерывныя дневныя и ночныя смѣны; вообще убивается масса времени и энергіи для того, чтобы получить возможность побывать на истинныхъ праздникахъ драматическаго искусства, открывающихся въ Петербургѣ съ пріѣздомъ «москвичей».

Попадаются отвѣты, выражающіе въ той или иной комбинаціи свое расположеніе къ опереткамъ, фарсу, кинематографу и т. п. Такихъ лицъ насчитывается до 15%. Это, пожалуй, нужно отнести къ новымъ наслоеніямъ.

По даннымъ анкеты по призванію поступили въ Технологическій Институтъ около 50%; по призванію и матеріальнымъ соображеніямъ—18%; по матеріальнымъ соображеніямъ—9%; случайно 20%; по другимъ мотивамъ (совѣтамъ, традиціямъ, изъ-за желанія жить въ столицѣ, получить высшее образованіе вообще, пріобрѣсти право на жительство)—около 3%.

Довольно большой % случайно поступившихъ отчасти объясняется, какъ можно думать, недостаткомъ у насъ высшихъ учебныхъ заведеній. Давно уже сдѣлалось обычнымъ явленіемъ, что окончившій среднюю школу держитъ экзаменъ одновременно въ нѣсколькихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и остается тамъ, куда примутъ, и только при удачѣ самъ дѣлаетъ подходящій для себя выборъ.

Сколько молодыхъ людей пріѣзжаетъ осенью въ Петербургъ съ крылатыми мечтами поступить въ техническое высшее учебное заведеніе, сдѣлаться въ будущемъ инженерами, чтобы потомъ превращать отвлеченную математическую формулу, какъ пишетъ Короленко, «въ тяжелую машину, покорную движенію человѣческой воли», и такимъ образомъ принять «заманчивое участіе въ стихійной жизни многомилліонной массы!» *).

Но конкурсныя тренія уничтожаютъ иллюзію мечтателя. Не принятый мечется во всѣ стороны, чтобы попасть куда-нибудь и не возвращаться къ повторенію до тошноты надоѣвшихъ учебниковъ, въ крайнемъ случаѣ идетъ въ университетъ (въ особенности гимназистъ) или въ военную службу, такъ какъ пріѣзжать на конкурсъ по 2—3 раза не у всѣхъ хватаетъ терпѣнія и мужества. Въ результатѣ во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ оказывается довольно высокій процентъ «случайно поступившихъ».

---

*) „Русское Богатство“, февраль, 1910 г.

Въ ряду вопросовъ, затронутыхъ анкетой, были и вопросы объ отношенiи студентовъ къ сходкамъ и организацiямъ. При этомъ выяснилось, что посѣщаютъ сходки 70,2°/₀; не посѣщаютъ 28,9°/₀; остальные не отвѣтили.

При этомъ не посѣщаютъ сходокъ: за недостаткомъ времени 8,1°/₀, изъ-за отсутствiя интереса 7,5°/₀, считаютъ сходки безполезными 8,5°/₀, по неизвѣстнымъ причинамъ 3,7°/₀, изъ-за принципiальнаго отрицанiя сходокъ 0,2°/₀.

Наибольшiй процентъ посѣщающихъ сходки, какъ видно изъ слѣдующихъ данныхъ, даютъ сочувствующiе с.-р—амъ, наименьшiй — умѣренно-правые.

	С.-Д.	С.-Р.	К.-Д.	Неопр. лѣв.	Анар.	Окт.	Ум. прав.	С. Р. Н.	Без-парт.
Посѣщаютъ сходки	81,5	87,6	62,2	75	60	52	21	50	53
Не посѣщаютъ. . .	18,2	10,5	35,2	23,7	37	39	79	50	47

На 100 студентовъ, посѣщающихъ сходки, приходится на:

С.-Д.	С.-Р.	К.-Д.	Неопр. лѣв.	Анарх.	Октябр.	Ум.-прав.	Чл. с. р. н.	Лѣв. вообще.	Безпарт.	Правыхъ вообще.	Неизв.
29,4	15,5	18,4	10,8	2,6	1,7	0,6	0,7	79	11,7	3,7	5,5

Изъ лѣвыхъ партiй, какъ показываетъ таблица, ни одна не можетъ имѣть преобладающаго влiянiя на рѣшенiе сходки безъ блока съ другими.

Приведемъ нѣсколько конкретныхъ отвѣтовъ на вопросъ, почему многiе изъ студентовъ, въ особенности въ послѣднiе годы, не посѣщаютъ сходокъ. Одинъ пишетъ, что онъ очень рѣдко посѣщаетъ сходки, потому что считаетъ ихъ «рынкомъ», гдѣ «каждый хвалитъ свой товаръ, какъ можетъ». Другiе считаютъ сходки «дѣтскою игрою, не имѣющею никакого значенiя», «безсмысленнымъ горлодранiемъ», «праздной болтовней, на которую жаль тратить время». Нѣкоторые не посѣщаютъ потому, что сходки потеряли общественное значенiе, или же не признаютъ сходокъ вообще «изъ-за отрицанiя принциповъ большинства и попранiя сходками индивидуальности».

Одинъ говоритъ, что посѣщенiю сходокъ мѣшаютъ особенности его натуры и той обстановки, въ которыхъ происходятъ сходки. «Высказать своихъ сомнѣнiй не могу по нервности и увлеченiю. При нашей парламентской торжественности говорю глупости, часто даже несвойственныя моимъ мнѣнiямъ». То же лицо пишетъ далѣе: «подчиняться мнѣнiю большинства вопреки своимъ мнѣнiямъ не могу: «котомка чужихъ убѣжденiй» сдѣлала бы меня несчастнымъ человѣкомъ».

Хотя въ анкетѣ и не заходила рѣчь о причинахъ посѣщаемости сходокъ, тѣмъ не менѣе попадаются замѣчанія и на этотъ счетъ. «Да», говоритъ студентъ изъ праваго лагеря: «посѣщаю для противодѣйствія сплоченнымъ крайнимъ лѣвымъ организаціямъ, дѣйствующимъ якобы отъ лица всего студенчества института».

Упадокъ общественности чувствуется и при выборахъ въ студенческія организаціи.

Изъ всѣхъ студентовъ принимаютъ участіе въ выборахъ 64,9%, не принимаютъ 33,1%; остальные не отвѣтили.

Не выбираютъ по недостатку времени 5,7%, по индифферентизму, отсутствію интереса 6,4%, считаютъ выборы безполезными 4,6%, по незнанію кандидатовъ 9,1%, вслѣдствіе недовольства системой выборовъ и организаціи 2,5%, по неизвѣстнымъ причинамъ 2,5%, изъ-за принципіальнаго отрицанія всякихъ организацій 0,2%.

Партійный составъ участвующихъ въ выборахъ и сходкахъ приблизительно одинаковъ. Такъ же, какъ и на сходкахъ значительный перевѣсъ на сторонѣ лѣвыхъ, составляющихъ 88% всего числа участвующихъ въ выборахъ. На долю правыхъ приходится 3,3%.

Въ отвѣтахъ слышатся справедливыя сѣтованія на то, что постановка выборовъ страдаетъ неорганизованностью. Нѣтъ предвыборныхъ собраній, на которыхъ можно было бы ознакомиться съ кандидатами. «Совершенно не знаю избираемыхъ», «На «ура» голосовать считаю безполезнымъ, даже вреднымъ»—въ такомъ родѣ часто встрѣчаются замѣчанія.

Попадаются и довольно рѣзкія мнѣнія о студенческихъ выборахъ, которыя нахожу необходимымъ привести, такъ какъ они характеризуютъ въ извѣстной степени отношенія нѣкоторыхъ группъ къ студенческой жизни. Напр., членъ с. р. н. пишетъ, что онъ не принимаетъ участія въ выборахъ: «потому что студенты теперь прохвосты». Весьма близко къ этому стоитъ мнѣніе другого студента, который говоритъ: «Въ послѣднее время въ организацію идутъ люди съ нулевымъ нравственнымъ богажемъ, которыхъ въ случаѣ надобности защищаютъ in corpore всѣ члены. Считаю лишнимъ принимать участіе».

Въ различнаго рода научныхъ кружкахъ участвуетъ 21,6% всѣхъ студентовъ, откликнувшихся на анкету.

При этомъ лѣвые составляютъ около 73% всего числа участвующихъ въ кружкахъ, правые 7%, безпартійные около 15%.

Не участвуютъ въ кружкахъ: по недостатку времени 44,4%, отсутствію интереса 6,6%, безполезности 3,1%, неподготовленности 6,1% и незнакомству съ дѣятельностью кружковъ 2%.

На незнакомство съ кружкомъ больше всего указываютъ безпартійные. Это можно, пожалуй, объяснить тѣмъ, что нѣкоторые кружки до 1905 г. носили замкнутый характеръ съ партійной окраской и дѣятельность ихъ была болѣе или менѣе знакома ограниченному кругу.

Изъ всѣхъ подавшихъ только 39,6% опредѣленно заявляютъ о желаніи посвятить себя технической дѣятельности. Для значительной части будущее кажется неопредѣленнымъ (25,3%). Совсѣмъ не высказываютъ своихъ взглядовъ на будущее (19,7). Нѣкоторые хотѣли бы сдѣлаться общественными дѣятелями вообще (5,1), учеными (4,1), педагогами (1,3), сельскими хозяевами (0,2), коммерсантами (0,2).

Технической дѣятельностью больше всего предполагаютъ заняться правые (около 50%) и к.-д. (44,4); меньше другихъ думаютъ быть техниками анархисты (33%) и с.-р. (33%). Объ общественной дѣятельности вообще упоминаютъ главнымъ образомъ с.-д. (10,7%) и с.-р. (6,5%). Совершенно не думаютъ объ этомъ ум.-правые и чл. с. р. н., а изъ октябристовъ только одинъ хотѣлъ бы быть общественнымъ дѣятелемъ. Наибольшій % смотрящихъ на будущее неопредѣленно достигаетъ у к.-д (32,4%) и с.-р. (31,4) *).

Въ нѣкоторыхъ отвѣтахъ на вопросъ: «какъ вы представляете вашу будущую дѣятельность?» мы найдемъ интересныя замѣчанія, отражающія настроеніе учащейся молодежи въ настоящее время. Тутъ мы встрѣтимъ взгляды будущихъ инженеровъ-спеціалистовъ и мечтателей о широкой разносторонней дѣятельности и лицъ, теряющихъ вѣру въ себя, не видящихъ смысла въ жизни.

«Хочу связать свою дѣятельность съ жизнью народа»,—пишетъ молодой студентъ. «Я хочу работать», продолжаетъ онъ въ другихъ отвѣтахъ: «современный сонъ меня ужасаетъ». Мысль о работѣ для блага народа высказывается другимъ товарищемъ въ такой формѣ: «хотѣлъ бы работать возможно плодотворно какъ на почвѣ своей спеціальности, такъ и для поддержанія культурно-нравственнаго уровня того бѣднаго люда, съ которымъ буду близко соприкасаться». Студентъ-полякъ думаетъ сдѣлаться «самостоятельнымъ, честнымъ, трудолюбивымъ, усерднымъ инженеромъ, ревностнымъ польскимъ общественнымъ дѣятелемъ, отцомъ примѣрной семьи». Нѣкоторые желаютъ продолжать научныя техническія занятія, чтобы стать профессоромъ, а также—изученіе общественныхъ наукъ, необходимыхъ для практической политической дѣятельности». «Техника меня увлекаетъ своей грандіозностью и тѣмъ, что эта отрасль дѣятельности поставлена въ лучшія условія по сравненію съ другими: она находится подъ явнымъ покровительствомъ двухъ сильныхъ рычаговъ нашего времени—капитала и

*) % взят. по отношенію къ абсолютному числу каждой партіи.

государства», такъ формулируетъ свое отношеніе къ предстоящей дѣятельности будущій инженеръ-спеціалистъ. Одно лицо, очевидно, погруженное въ академическія занятія, на вопросъ о будущемъ пишетъ: «ни одна мысль еще не слѣдовала въ этомъ направленіи». Объ этомъ же говорятъ и такіе отвѣты: «Не думаю объ этомъ и думать не желаю. Живу пока настоящимъ». «Все впереди и въ свое время». «Будущей дѣятельности совершенно не представляю и объ этомъ не стараюсь думать».

Энциклопедичность нашихъ высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній, обширныя программы, недостатокъ руководителей для практическихъ занятій, влекущій часто непроизводительную затрату рабочаго времени со стороны студентовъ, и наконецъ, общія условія русской жизни, чреватыя всякими случайностями, во многихъ порождаютъ неувѣренность въ близкомъ окончаніи курса. «Будущей дѣятельности никакъ не представляю», говорится въ одномъ отвѣтѣ: «до окончанія далеко, успѣю умереть».

Хотя курсъ въ Институтѣ пятилѣтній, однако въ дѣйствительности лишь немногимъ удается окончить его въ этотъ срокъ. Такъ, по оффиціальнымъ даннымъ за послѣдніе $2^1/_2$ года:

После поступленія въ Институтъ:	Окончили курсъ: Въ 1908 г.	Въ 1909 г.	Въ 1910 г. (до 1 іюня).
Черезъ 24 года	1	—	—
» 16 лѣтъ	1	—	—
» 14 »	1	—	—
» 13 »	1	1	1
» 12 »	10	6	3
» 11 »	6	7	7
» 10 »	13	12	10
» 9 »	22	18	11
» 8 »	19	22	22
» 7 »	55	46	17
» 6 »	18	17	5
» 5 » менѣе лѣтъ	18	16	23
Итого	165	145	99

Если принять во вниманіе, что среди окончившихъ спустя 5 и менѣе лѣтъ послѣ поступленія, имѣется не мало лицъ, перешедшихъ изъ другихъ учебныхъ заведеній и поступившихъ прямо на высшіе курсы, то ясно будетъ, какъ ничтожно число тѣхъ, которые, начавъ свое высшее образованіе въ Институтѣ, успѣли окончить его въ нормальный срокъ. Больше всего, какъ видно изъ приведенныхъ данныхъ, оканчиваютъ курсъ спустя 7 лѣтъ послѣ поступленія. Но для многихъ и этотъ срокъ оказывается недостаточнымъ. Оканчивающіе спустя 10—12 лѣтъ послѣ посту-

пленія встрѣчаются въ каждомъ выпускѣ и отнюдь не въ видѣ единичныхъ исключеній.

Кромѣ того, что будущее далеко, многимъ оно рисуется еще «въ печальномъ видѣ, безполезнымъ, неинтереснымъ, безыдейнымъ». «Когда поступалъ въ институтъ, представлялъ дѣятельность свободной. Теперь разочаровался», пишетъ студентъ старшаго курса.

«Этотъ вопросъ все больше и больше меня смущаетъ». «Страшно подумать!» добавляютъ другіе.

Иные не видятъ ничего отраднаго въ «нашей кошмарной дѣйствительности», «и по временамъ—признается одинъ студентъ—«мной овладѣваетъ безпросвѣтная тоска».

«Въ свои силы не вѣрю», слышится тревожный, навѣвающій тяжелыя мысли отвѣтъ. «Будущей дѣятельности никакъ не представляю. Больше думаю о самоубійствѣ».

Вотъ краткій обзоръ того, что дала намъ анкета относительно культурно-общественной жизни студентовъ.

Намъ пришлось производить наблюденія надъ будничной, сѣрой жизнью, уже лишенной яркихъ красокъ. Но всетаки мы надѣемся, что наша работа привлечетъ нѣкоторую долю вниманія общества и вызоветъ интересъ къ дальнѣйшему изученію жизни студенчества, въ которой, несомнѣнно, отражаются общественныя настроенія, взгляды и стремленія.

М. Гусельщиковъ.

На очередныя темы.

Изъ крестьянскихъ писемъ.

I.

Мѣсяца два тому назадъ въ нѣкоторыхъ газетахъ была помѣщена такая телеграмма: «Подольскій губернаторъ разослалъ циркуляръ по полиціи о принятіи энергичныхъ мѣръ противъ распространенія въ селахъ брошюры Пѣшехонова: *«Порядокъ владѣнія надѣльной землей»* *). Если бы мы жили въ Англіи, я могъ бы предъявить къ подольской администраціи искъ объ убыткахъ. Но

*) Цитирую по «Современному Слову», отъ 15 апрѣля.

такъ какъ мы живемъ въ Россіи, то я разскажу лишь, чѣмъ и какъ мнѣ удалось пробудить полицейскую энергію. Для дальнѣйшаго это послужитъ предисловіемъ.

Удостоившаяся губернаторскаго вниманія брошюра—полное ея заглавіе: «Старый и новый порядокъ владѣнія надѣльной землей»,—вышла въ свѣтъ еще въ январѣ прошлаго года. Въ популярной формѣ я объясняю въ ней, чѣмъ новый порядокъ, создаваемый теперь усиліями правительства, отличается отъ стараго, и затѣмъ останавливаюсь на трехъ вопросахъ: успокоится ли Россія при новомъ порядкѣ, разбогатѣетъ ли крестьянство и укрѣпятся ли отдѣльные крестьяне. На всѣ эти вопросы я отвѣчаю отрицательно и прихожу къ выводу, что старый порядокъ владѣнія надѣльной землей лучше новаго, хотя «это и не значитъ еще, что старый порядокъ самый лучшій, что лучше его и не надо». «И въ старомъ порядкѣ—указываю я—есть много всякихъ неудобствъ, и при старомъ порядкѣ бываетъ много обидъ и несправедливостей». Въ заключеніе я перехожу къ вопросу: что дѣлать? Нечего и говорить, что предложить какія-либо конкретныя мѣры, которыя могли бы послужить вѣрнымъ средствомъ въ борьбѣ съ безудержнымъ произволомъ, какой царитъ сейчасъ въ земельныхъ отношеніяхъ, я былъ, конечно, не въ состояніи. Въ своей брошюрѣ я разсказываю лишь о нѣкоторыхъ способахъ, какими крестьяне въ разныхъ мѣстностяхъ пытались и пытаются отстоять общинныя земли отъ расхищенія. Съ своей же стороны, указываю на особую важность единодушія и сплоченности для крестьянскаго населенія при данныхъ условіяхъ. Надежда въ одиночку укрѣпить и улучшить свое хозяйство, чѣмъ стараются соблазнить крестьянъ, для громаднѣйшаго большинства изъ нихъ является, по моему мнѣнію, совершенно призрачной. Лишь общими силами они могутъ достигнуть болѣе справедливыхъ земельныхъ отношеній, съ возможнымъ успѣхомъ отстаивать свои интересы и хотя бы понемногу поднять свое хозяйство. Таково содержаніе брошюры.

Правящіе классы задались опредѣленною цѣлью: разъединить крестьянство, раздробить этотъ соціальный массивъ, который уже заколебался подъ ними, и превратить его въ «людскую пыль», разсчитывая, что таковою легче распоряжаться. Предупредить крестьянство объ опасностяхъ, какія ждутъ его на томъ пути, куда его завлекаетъ и гонитъ правительство, противопоставить пропагандѣ послѣдняго мысль о необходимости искать выхода въ иномъ направленіи и поддержать въ народной средѣ чувства трудовой солидарности и здоровой общественности, заглушаемыя настойчивымъ культивированіемъ индивидуально-хищническихъ инстинктовъ,—такова, по моему мнѣнію, одна изъ важнѣйшихъ задачъ, какія стоятъ передъ нами. Эту именно задачу я и имѣлъ въ виду, когда составлялъ свою брошюру.

Писалъ я ее, однако, съ такимъ расчетомъ, чтобы она могла

появиться въ легальномъ изданіи и чтобы тѣмъ, кто будетъ распространять ее, не пришлось нести за это отвѣтственности, по крайней мѣрѣ, судебной. Какъ сочиненіе, заключающее въ себѣ менѣе пяти печатныхъ листовъ, составленная мною книжка за недѣлю до выпуска ея изъ типографіи была представлена въ комитетъ по дѣламъ печати, и послѣдній не нашелъ основаній, чтобы воспрепятствовать ея выходу. И послѣ того ни въ судебномъ, ни въ административномъ порядкѣ аресту она не подвергалась. Это не мѣшаетъ, однако, губернаторамъ, какъ мы видѣли, принимать «энергичныя мѣры» противъ ея распространенія...

Читатели, быть можетъ, подумаютъ, что брошюра сразу получила широкое распространеніе, чѣмъ и привлекла къ себѣ вниманіе администраціи. Но и этого не было. Не смотря на очень благопріятные отзывы, появившіеся въ печати, она расходилась очень медленно. Въ тѣхъ мѣстахъ, куда брошюра все-таки попала, крестьяне встрѣтили ее съ живымъ интересомъ. Это видно было изъ тѣхъ писемъ, которыя я началъ получать отъ нихъ. Однако и за всѣмъ тѣмъ значительная часть изданія продолжала почти неподвижно оставаться на складѣ.

И это было, конечно, понятно. Для подобныхъ изданій имѣется теперь лишь одинъ путь распространенія,— черезъ книжные магазины. Но магазины слишкомъ далеко отстоятъ отъ крестьянъ, непосредственныя сношенія съ ними у послѣднихъ развиты еще очень слабо; да такія сношенія, какъ оказывается, не совсѣмъ и безопасны по нынѣшнимъ временамъ. Недавно, напримѣръ, московскимъ книгопродавцемъ г. Бусыгинымъ отъ одного изъ его покупателей-крестьянъ получено такое письмо:

«Милостивый Государь! Г-нъ Ф. Бусыгинъ. Получивъ отъ васъ выписаныя книги на три руб. 40 коп., книги Агральный вопросъ, Уставъ Духовн. консисторій, Крестьянская община, на слѣдованіе позакону, бракъ и Разводъ не офеціальное изданіи. И Каталогъ Вашихъ Книгъ. Я не успѣлъ ихъ расмотреть какъ явилисъ комнѣ Староста, Стражникъ и десяцкій и сострогимъ выговоромъ и угрозой отвѣтственности, книги отобрали находя ихъ безъ цензурнѣ. Покорная просьба сообщите не медля какъ мнѣ поступится, чтобы возвратить книги. Не угрожаетъ ли мнѣ на самомъ дѣлѣ, что либо опасное. Съ почтеніемъ Сергѣй—Васильевичъ Іопенко» *).

И этотъ случай, какъ увидимъ ниже, отнюдь не исключительный... Прибавьте къ этому, что выписка почтой значительно удорожаетъ книгу, а стоимость десятикопеечной брошюры увеличиваетъ вдвое и втрое. Это обстоятельство тоже оказываетъ значительное вліяніе на распространеніе народныхъ изданій, въ особенности при ограниченности тѣхъ средствъ, какія крестьяне затрачиваютъ на литературу. Главное же, деревня, обыкновенно, даже не знаетъ о

*) Цитирую по «Русскимъ Вѣдомостямъ» (отъ 4 іюня), гдѣ это письмо напечатано съ сохраненіемъ орѳографіи подлинника.

тѣхъ книгахъ, которыя издаются въ разсчетѣ на нее, но не доставляются тѣмъ или инымъ способомъ ей непосредственно. Она покупаетъ изъ того, что имѣется передъ глазами, что дается ей прямо въ руки.

1905 и 1906 годы показали, что наши изданія могутъ получить массовое распространеніе, но только при одномъ условіи, — при наличности дѣятельныхъ агентовъ и посредниковъ. Таковыми тогда явились союзы, партіи и вообще интеллигенція. Теперь союзовъ нѣтъ, партіи совсѣмъ почти обезсилѣли, интеллигенція находится въ бездѣятельномъ состояніи, а если и проявляетъ активность, то отнюдь не въ томъ направленіи, чтобы облегчить распространеніе политической литературы въ народныхъ массахъ.

Уже вскорѣ послѣ выхода книжки я получилъ отъ одного изъ читателей письмо, въ которомъ онъ писалъ: «Брошюра крайне хорошая и желательно было бы, чтобы она получила самое широкое распространеніе среди крестьянскихъ массъ, но я опасаюсь, чтобы она не осталась на полкахъ книжныхъ магазиновъ, что было бы очень жаль, такъ какъ она могла бы въ деревнѣ принести значительную пользу во многихъ отношеніяхъ. Но какимъ путемъ ее можно распространить теперь? Вѣдь доступъ книги въ деревню забаррикадированъ теперь самымъ тщательнымъ образомъ. Кромѣ губ. городовъ нѣтъ въ уѣздахъ, а тѣмъ болѣе въ деревняхъ ни книжныхъ магазиновъ, ни книжныхъ лавокъ, ни разносчиковъ — офеней; да эти послѣдніе такъ запуганы полиціей, что они боятся имѣть въ своихъ коробахъ болѣе или менѣе приличную книжку. Вообще положеніе аховое; но изъ него надо найти выходъ, чтобы книжка могла дойти по адресу...» Съ своей стороны мой корреспондентъ предложилъ такой планъ: онъ де соберетъ и пришлетъ мнѣ значительное количество крестьянскихъ адресовъ съ тѣмъ, чтобы какой-либо книжный магазинъ отправилъ по этимъ адресамъ мою брошюру съ наложеннымъ платежомъ. «Зная изъ личныхъ наблюденій, — писалъ онъ, — съ какимъ интересомъ крестьяне теперь ищутъ хорошую книжку, я полагаю, что всѣ отправки будутъ съ благодарностью выкуплены адресатами, такъ что ни авторъ, ни издатель не понесутъ никакого убытка»...

Само собой понятно, что этотъ планъ разсылки брошюры съ наложеннымъ платежомъ по адресамъ лицъ, которыя сами объ этомъ не просили, оказался для меня непріемлемымъ, но мыслью и содѣйствіемъ моего корреспондента рѣшено было все-таки воспользоваться. По доставленнымъ имъ и полученнымъ всякими иными путями адресамъ нѣкоторыми изъ моихъ политическихъ друзей было разослано минувшей зимой свыше 700 экз. брошюры. Послѣдняя разсылалась при письмѣ (печатномъ, за моею подписью и съ моимъ адресомъ), въ которомъ я писалъ:

Посылаю Вамъ свою книжку: «Старый и новый порядокъ владѣнія надѣльной землей». Буду очень вамъ благодаренъ, если Вы сообщите Ваше

мнѣніе и мнѣніе другихъ лицъ (главнымъ образомъ, крестьянъ) по затронутымъ въ этой книжкѣ вопросамъ, а также напишете, какъ въ Вашихъ мѣстахъ идетъ «землеустройство» (т. е. укрѣпленіе въ личную собственность и выдѣлъ надѣльныхъ земель, распродажа банковскихъ, казенныхъ, удѣльныхъ и т. п.) и какіе получаются отъ этого результаты. Мнѣ крайне важно имѣть эти свѣдѣнія и знать взгляды крестьянъ, чтобы правильно освѣщать и отстаивать ихъ интересы...

Три экземпляра брошюры было послано и въ Подольскую губернію. Вотъ это-то «распространеніе», какъ можно думать, и вызвало распоряженіе тамошняго губернатора объ «энергичныхъ мѣрахъ». Надо, однако, сказать, что подольскій губернаторъ предпринялъ борьбу съ крамольной брошюрой позднѣе другихъ. Въ нѣкорыхъ мѣстахъ власти обезпокоились моей разсылкой уже раньше и, не ограничиваясь мѣстными мѣрами, входили даже по этому поводу въ сношенія съ Петербургомъ. Какъ мнѣ извѣстно, здѣсь производились какіе то розыски и была даже сдѣлана попытка привлечь къ отвѣтственности типографію за то де, что она не представила въ комитетъ по дѣламъ печати моего письма, какъ отдѣльнаго сочиненія. Но никакого дѣла соорудить здѣсь все-таки не удалось.

Болѣе дѣйствительными, какъ можно думать, оказались мѣры, принятыя на мѣстахъ. Правда, не всегда властямъ удавалось установить, какимъ путемъ брошюра проникла въ деревню. Въ Смоленской губерніи, былъ, напримѣръ, такой случай: брошюра была подвергнута, при участіи сельскихъ властей, обсужденію на сходѣ, послѣ чего былъ постановленъ какой-то приговоръ. Власти пришли въ движеніе, но выяснить, откуда взялась брошюра, они не съумѣли. Возможно конечно и то, что полученію съ почты онѣ просто не повѣрили. Какъ бы то ни было, были произведены обыски кой-у-кого изъ интеллигенціи, оказавшіеся, однако, безрезультатными... Но вообще-то способъ распространенія при помощи почты не могъ, конечно, остаться тайнымъ.

Сколько въ концѣ концовъ изъ посланныхъ книжекъ дошло по назначенію,—я не знаю. Не особенно я увѣренъ и въ томъ, что всѣ письма, посланныя мнѣ въ отвѣтъ, получены мною. Какъ бы то ни было часть брошюръ дошла до крестьянъ и нѣкоторые изъ нихъ отозвались на мой призывъ подѣлиться своими свѣдѣніями и взглядами. Всего мною получено около 50 писемъ.

Этого, конечно, не достаточно, чтобы на основаніи ихъ говорить о ходѣ землеустройства и о его результатахъ. Но полученныя мною письма до извѣстной степени знакомятъ насъ съ условіями, въ какихъ протекаетъ жизнь современной деревни, съ имѣющимися въ ней взглядами и съ переживаемыми ею настроеніями. Какъ идущія непосредственно отъ самихъ крестьянъ, они представляютъ съ этой точки зрѣнія—на мой, по крайней мѣрѣ, взглядъ — достаточно цѣнный, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и незамѣнимый

матеріалъ. Съ ними то я и хочу въ настоящій разъ познакомить читателей.

II.

Неожиданное полученіе письма и брошюры нѣкоторыхъ изъ моихъ адресатовъ, какъ видно изъ полученныхъ отвѣтовъ, смутило и испугало. Явились даже кое-какія подозрѣнія по этому поводу. Такъ, отъ одного крестьянина Саратовской губерніи—назову его Коровинымъ *)—я получилъ въ отвѣтъ такое письмо:

«Получилъ вашу книгу, высланную вами, и за положенные вами труды въ это я остаюсь благодаренъ. И на запросы вашей брошюры нашлись бы у насъ для васъ матеріалы. Но прошу васъ сообщите подробно ваше изданіе и ваши труды на общее воспитаніе. И покажите подробно ту личность, отъ которой получили вы мой адресъ. Такъ что это для меня очень важно».

Я отвѣтилъ. Спустя мѣсяца три-четыре получаю изъ того же района письмо отъ другого крестьянина Андреянова. Извиняясь за поздній отвѣтъ и объясняя причины, почему это произошло, онъ пишетъ: «Насъ здѣсь заѣла провокація и вотъ пуганая ворона и куста боится. Посылалъ въ Петербургъ справиться; посылалъ въ Р. и прислали Ваше письмо къ Коровину. Это ваше письмо тоже услалъ въ Петербургъ для удостовѣренія факсимиле. И вотъ, наконецъ, все уладилось и оказалось все хорошо». Только послѣ этого г. Андреяновъ рѣшился отвѣтить...

Надо сказать, что моя фамилія ему была уже извѣстна, и теперь онъ выражаетъ удовольствіе, что ему удалось завязать сношенія со мною. Онъ сомнѣвался лишь въ томъ, дѣйствительно ли брошюра и письмо были посланы мною. Возможно, что и въ письмѣ г. Коровина вопросъ о нашемъ «изданіи» и о моихъ трудахъ на общее воспитаніе имѣлъ лишь контрольный характеръ...

Подозрѣнія относительно того, кѣмъ и съ какою цѣлью разсылается брошюра, возникали, несомнѣнно, и въ другихъ мѣстахъ. Такъ, къ одному письму изъ Воронежской губерніи,—къ письму, содержащему въ себѣ совершенно опредѣленныя мнѣнія, но никѣмъ не подписанному,—оказалась приложенной записка такого содержанія:

Дорогой товарищъ, съ удовольствіемъ я бы читалъ ваши книги, но не имѣю состоянія, чтобъ ихъ выписывать, а такъ же имѣю опаску, такъ какъ тѣ, которые получаютъ вашу книгу, говорятъ, будто они не

---

*) Для удобства изложенія я именую нѣкоторыхъ корреспондентовъ, но вымышленными фамиліями, такъ какъ иначе боюсь причинить имъ непріятность. Самыя письма я цитирую, сохраняя по возможности, стиль и языкъ подлинниковъ. Для облегченія читателей я исправляю лишь несомнѣнныя описки, а также этимологическія ошибки (если послѣднія не характерны) и ставлю знаки препинанія, гдѣ это необходимо.

знаютъ, откуда она идетъ и зачѣмъ. Пока до свиданія, милѣйшій товарищъ Алексѣй Васильевичъ...

Сверху надписано: «Писалъ матросъ Балтійскаго моря»... Повидимому, это должно было служить своего рода политической рекомендаціей. Желаніе читать книги у автора записки оказалось, очевидно, сильнѣе «опаски» и онъ приложилъ свой адресъ. Но сомнѣнія его все-таки не оставляли. Послѣ адреса сдѣлана такая приписка: «Жалѣю, что не знаю вашего мнѣнія относительно политики»...

Сомнѣнія и опасенія, возникшія у нѣкоторыхъ изъ адресатовъ, были, конечно, не безпричинны. «Я удивляюсь—пишетъ одинъ изъ нихъ—какимъ образомъ ваша книга добралась до моего укромнаго жилища, тогда какъ всякое письмо, посланное на мое имя, перлюструется. Выписывать книги для крестьянъ, подобныя вашей, по волѣ администраціи и думать нечего. Я уже это дѣлалъ и въ результатѣ получилось троекратное сидѣнье и ссылка за предѣлъ. Всякое живое слово у насъ преслѣдуется, пишу эти строки и смотрю по сторонамъ. Вотъ наша крестьянская жизнь, вотъ наша доля!» «Мы—говорится въ другомъ письмѣ—даже не рѣшились бы написать эти строки, если бы у насъ не было надежныхъ рукъ для передачи»...

Находить же «надежныя руки» по нынѣшнимъ временамъ трудно. «У насъ—пишетъ упоминавшійся уже выше г. Андреяновъ—все разбито, настроеніе нудное, угнетенное. Какъ иллюстрацію, скажу вамъ: чтобы получать отъ васъ посылки, я двѣ недѣли искалъ адресатовъ. Жители обратились исключительно къ интересамъ существованія. Всѣ берутъ, кому что возможно по силѣ обстоятельствъ. Какая была передовая интеллигенція, частью выслана, а оставшаяся присмирѣла и боится коснуться даже къ самой невинной работѣ. Между городскими и сельскими жителями связи имѣются только лично-экономическія. Организаціонныхъ нѣтъ. Я, напримѣръ, имѣю связи только со старыми работниками и на почвѣ личнаго знакомства. Конечно, желательно было бы оживить старые, уснувшіе кружки, но какъ?»...

Нѣкоторымъ изъ получившихъ книжку удалось найти для дальнѣйшихъ сношеній со мною болѣе надежныхъ адресатовъ среди мѣстной интеллигенціи или городскихъ жителей. Другіе, при всей боязни, идутъ сами на рискъ и только просятъ быть возможно осторожнѣе. «Пожалуйста—пишетъ, напримѣръ, одинъ изъ корреспондентовъ—пришлите намъ каталогъ правильный, будемъ выписывать книги. Прошу васъ, пожалуйста, какъ ни можно осторожнѣе высылайте каталогъ, закупоривайте, чтобы не могъ никто безъ меня получить. За этимъ слѣдитъ полиція. Посылайте посылкой,—никто не можетъ догадаться. Адресъ старый». Нѣкоторые, отвѣтивъ на интересовавшіе меня вопросы и высказавъ свои мнѣнія по нимъ, сочли за лучшее не подписываться, считая, очевидно,

это для себя опаснымъ. Возможно, что многіе изъ получившихъ книжку, и вовсе не отвѣтили изъ-за опасенія навлечь на себя какую-либо бѣду, въ особенности въ виду возникшихъ у нихъ подозрѣній...

Вообще нота испуга въ собранныхъ мною матеріалахъ звучитъ очень явственно. Но она отнюдь не единственная. Еще сильнѣе звучатъ другія ноты. Уже изъ приведенныхъ отрывковъ видно, что нѣкоторые сочли необходимымъ такъ или иначе выяснить возникшія у нихъ подозрѣнія; другіе просто-на просто подавили имѣвшіяся у нихъ опасенія, рѣшивъ продолжать сношенія; третьи, хотя и оглядываясь по сторонамъ, хотя и не подписываясь, сообщили все-таки интересовавшія меня свѣдѣнія. Очевидно, что страхъ былъ не единственное чувство, какое вызвалъ я своей посылкой: кромѣ «опаски» ими руководили и другія побужденія.

Но «опаска» не у всѣхъ и была. Большинство отвѣтившихъ мнѣ отнеслись къ моему запросу съ полнымъ довѣріемъ. Даже вопросъ о томъ, какимъ путемъ я получилъ ихъ адреса, не смутилъ ихъ. Нѣкоторые разрѣшили его, повидимому, по своему. Например, одно изъ полученныхъ мною писемъ, начинается такъ: «Многоуважаемымъ моимъ товарищамъ Алексѣю Васильевичу и Павлу Дмитріевичу желаю здравствовать, спѣшу васъ увѣдомить» и т. д. Очевидно, адресатъ рѣшилъ, что его адресъ мнѣ сообщилъ никто иной, какъ «Павелъ Дмитріевичъ» и онъ отвѣчаетъ намъ сообща. Другіе, быть можетъ, надъ этимъ вопросомъ и не задумались.

Нѣкоторые, получивъ книжку и письмо, просто обрадовались,—обрадовались прежде всего тому, что имѣются гдѣ то люди, которые о нихъ думаютъ, которые ими интересуются, которые желаютъ имъ помочь. «Милостивый государь, Алексѣй Васильевичъ—говорится въ одномъ письмѣ—по прочтеніи вашей книги у насъ немного стало легче на сердцѣ и очень мы возрадовались, что, значитъ, есть еще въ Россіи люди, которые заботятся о насъ. Бѣдные крестьяне отвѣчаютъ за всѣ правительственныя ошибки. Вотъ и теперь: недоимку податей у насъ всю съ мужиковъ за прежніе годы собрали, куръ и одежу оцѣнили. Оставило начальство на зиму насъ голодныхъ и нагихъ»... «Многосердечный мой братъ, Алексѣй Васильевичъ—пишетъ другой мой корреспондентъ:—пожалуста объясните мнѣ все хорошо, подробно. У меня есть нѣкіе люди, что какъ я только получилъ книжку, такъ всѣ срадовалися, почему, такъ что у насъ есть люди хорошіе, которые не забываютъ насъ, хлопочутъ объ насъ. Мы очень будемъ довольны и навсегда. Пожалуста скажите, кто это Пѣшехоновъ, какой онъ человѣкъ, откуда онъ, что попалъ въ Петербургъ?..»

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ слухъ о полученной книжкѣ и о томъ, что въ Петербургѣ имѣется человѣкъ, который интересуется крестьянскимъ житьемъ-бытьемъ, разносился, повидимому, по цѣ-

лой округѣ. Мною получено нѣсколько писемъ отъ лицъ, которымъ книжка не посылалась, но которые пожелали все-таки подѣлиться своими мыслями и чувствами по затронутымъ въ ней вопросамъ. Надо сказать, что эта потребность—подѣлиться своими горями и заботами—вообще сейчасъ наблюдается въ крестьянствѣ. Нерѣдко мнѣ приходится получать такія письма, какъ сотруднику «Русскаго Богатства», пишущему по опредѣленнымъ вопросамъ, или какъ автору ранѣе изданныхъ книгъ *). Но въ нѣкоторыхъ изъ такихъ писемъ я встрѣчаю теперь прямыя указанія на полученную гдѣ-нибудь въ округѣ брошюру: видѣли-де вашъ подарокъ у такого-то или слышали-де о книжкѣ, которую получилъ отъ васъ такой-то.

Кромѣ потребности подѣлиться тѣмъ, что есть на душѣ (одинъ крестьянинъ прислалъ даже нѣсколько стихотвореній и разсказовъ изъ крестьянской жизни), въ полученныхъ мною отвѣтахъ сказалось и желаніе получить помощь, совѣтъ, указаніе. Одинъ, напримѣръ, сообщаетъ (изъ Вологодской губ.), что они дожидаютъ прирѣзки отъ казны къ надѣлу и спрашиваетъ, «какъ будетъ удобнѣе взять припорцію: на наличную ли душу просить по 15 десятинъ или на ревизскую, и не будетъ ля отъ казны впослѣдствіи обременительныхъ налоговъ». «Многіе,—прибавляетъ онъ,—этотъ вопросъ разсуждаютъ на разныя темы, такъ что крестьянство не знаетъ, какъ поступить. Жду вашихъ добрыхъ совѣтовъ». Другой жалуется на то, что у нихъ насильно отбили покосъ, который значится въ ихъ плану. «Мы подавали,—говоритъ онъ,—въ землеустроительную коммиссію, намъ на это никакихъ отвѣтовъ не дали, и мы теперь не знаемъ, куда обратиться. Какъ вы посовѣтуете: можемъ ли мы остаться въ своемъ плану и гдѣ намъ просить объ этомъ?» Третій спрашиваетъ о «пустопорожнемъ мѣстѣ», которое у нихъ имѣется «на межѣ съ духовенствомъ». «Хорошо знаю,—пишетъ онъ,—что по плану это наше мѣсто, что могутъ доказать измѣрители. Я началъ разрабатывать, а священникъ пришелъ и

*) Приведу одно такое письмо, полученное недавно мною изъ Нижегородской губерніи. Въ немъ авторъ излагаетъ мотивы, побудившіе его обратиться ко мнѣ. «Простите,—пишетъ онъ,—что не знаю вашего имени и отчества.. Смѣю ли я на васъ расчитывать, чтобы помочь вамъ въ вашемъ трудѣ, а именно доставкой свѣдѣній, касающихся аграрнаго вопроса, рѣшеннаго правительствомъ, его результаты на крестьянство, статистика, дѣйствія по нему мѣстной власти, а также мѣстной хроники. Я хорошо знаю, что вы стараетесь вопросъ этотъ освѣтить ярче, дабы показать стомилліонному крестьянству его психику и тѣмъ предупредить людей отъ дальнѣйшей пагубы; но для этого требуются лица, которыя причастны къ этому соціальному перевороту. Я, какъ крестьянинъ, въ этомъ принимаю активное участіе, можетъ быть, могу быть въ этомъ полезенъ и тѣмъ сброшу съ себя тѣ страданія, которыя принесъ мнѣ этотъ переворотъ. Къ вышесказанному предложенію меня побудило сознаніе пройденнаго мною жизненнаго пути—крестьянскаго закрѣпощенія,—и эту скорбь хочу подѣлить съ тѣми лицами, которыя сочувствуютъ этому положенію».

говоритъ: не трогай, я приведу урядника... Что скажете мнѣ на это? Я буду ждать».

Но больше всего въ полученныхъ мною письмахъ имѣется пожеланій насчетъ книгъ,—и прежде всего насчетъ брошюры, которая была послана. Нѣкоторые просятъ прислать еще нѣсколько экземпляровъ ея. «Ваша новая книжка,—поясняетъ одинъ изъ адресатовъ,—какъ нельзя болѣе отвѣчаетъ моменту. Даже у насъ (въ Астраханской губ.), гдѣ мало развито земледѣліе, поднимаемые вами вопросы интересуютъ всѣхъ, съ кѣмъ только приходится мнѣ и моимъ товарищамъ сталкиваться. И я убѣдительно прошу васъ выслать мнѣ еще десять экземпляровъ. На стоимость книжекъ, а также и на стоимость пересылки прошу наложить платежъ». Другіе указываютъ, куда и кому слѣдовало бы еще послать ту же брошюру: имъ-де «дѣйствительно нужно помочь совѣтомъ и дешевыми брошюрками», или онъ-де «очень интересуется этимъ дѣломъ, какъ сторонникъ общины»... Не мало имѣется пожеланій и вообще насчетъ книгъ.

«О брошюрахъ,—пишетъ одинъ крестьянинъ Саратовской губерніи,—такая вещь, я охотникъ до крайности и считаю хорошія книги, какъ пищію. До 1905 года я по 3 и по 5 рублей платилъ за книги ежегодно и подобралъ хорошую библіотеку. Когда меня арестовали, то книги казаки пьяные взяли и пожгли; только и остались тѣ, которыя были розданы людямъ для чтенія, десятка четыре. Я бы съ своей стороны, кабы были деньги сію же минуту выписалъ, но тюрьма меня сшибла съ ногъ. Сидѣлъ $3^1/_2$ года. Теперь живу дома и, глядя на семью, сердце болитъ. Пять человѣкъ дѣтей, нѣтъ ни коровы, ни лошади. Что заработаемъ, то за лошадей (приходится отдать), за пашню, за возку... Какъ никакъ буду просить товарищей, сколько-нисколько наберемъ».

«Умоляю васъ,—пишетъ другой мой корреспондентъ, крестьянинъ Нижегородской губерніи,—не бросайте старыя прочитанныя газеты и журналы! посылайте ихъ къ намъ въ деревню; ибо деревня духовно голодна! Если когда въ деревню я или кто изъ товарищей принесетъ газетъ, то слушателей хоть отбавляй и въ особенности въ теперешнее безработное время. Но это удается не часто, потому что окромя получерносотенной «Земской Газеты», которую присылаютъ на мое имя безплатно (потому что я состою сельско-хозяйственнымъ корреспондентомъ земства), никто ничего не выписываетъ, потому что не на что. Въ 1907 году у насъ, хотя и въ глухомъ углу, былъ образованъ «Кружокъ нижегородскаго о-ва образованія». Благодаря ему у насъ было самое хорошее время, были газеты и даже выписывали «Журналъ для всѣхъ» и пр. Были, хотя немного, и книги (была библіотека Кружка), которыя всѣ прочитали, а новыхъ купить—увы!—не на что. А тогда было просто, платили хоть небольшіе членскіе взносы, были пожертвованія и даже устраивали лотерею и пр. Но время то миновало.

Кружокъ губернаторомъ закрытъ. Сначала послѣ ликвидаціи Кружка въ кассѣ осталось нѣсколько рублей, на которыя и тянули года два «Современное Слово», съ годъ «Всеобщую Газету», а теперь... ничего. А газета пустила у насъ среди крестьянъ славные корни, т. е. стала не пустой забавой, а необходимой потребностью. Событіями въ центрѣ интересуются, каждая прочитанная строка комментируется. Въ виду этого я и обращаюсь къ вамъ, Алексѣй Васильевичъ, съ вышесказанной просьбой, которую, если можете, пожалуйста не оставьте безъ вниманія. А если не можете, то прошу посовѣтовать, куда бы мнѣ обратиться съ такой просьбой? Нѣтъ ли такой организаціи, занимающейся разсылкой газетъ и проч. въ деревню и тому под. Или не требуется ли корреспондентъ въ какую-либо прогрессивную газету. Я бы съ почтеніемъ сталъ сообщать. Край глухой, уродливыхъ явленій жизни много. Сталъ бы работать добросовѣстно и безплатно, лишь бы высылали газету».

«На счетъ книгъ,—пишетъ третій корреспондентъ, крестьянинъ Екатеринославской губерніи,—деревня очень хватается за книги и любитъ прогрессивныя, но на счетъ денегъ туговата. Я соберу нѣсколько денегъ и пришлю вамъ, а вы вышлите». «Деревня,—пишетъ одинъ крестьянинъ Вологодской губ.,—нуждается вообще въ популярныхъ изданіяхъ. Къ сожалѣнію, боится расходовъ. Я съ удовольствіемъ принялъ бы на себя трудъ по распространенію полезныхъ книгъ, если бы вы сообщили мнѣ каталогъ, съ небольшими личными затратами».

Изъ полученныхъ мною писемъ видно, что кое-гдѣ сохранились еще общія библіотечки, кое-гдѣ дѣлаются попытки пріобрѣтать книги въ складчину. Лишь одинъ корреспондентъ (изъ Смоленской губ.) рисуетъ положеніе на счетъ литературы въ самомъ мрачномъ свѣтѣ. «Повсюду въ нашей мѣстности,—пишетъ онъ,—царитъ страшная темнота, въ народѣ запросовъ духа буквально никакихъ. На разстояніи 20—30 верстъ газетный листъ съ огнемъ не разыщешь. Въ нашемъ селѣ не только крестьяне, но и учителя ничего не выписываютъ. Священнику союзники жертвовали «Земщину», но и тѣ прекратили»... Однако, и въ этой мѣстности уже дѣлаются попытки «приблизить книгу къ народу». Въ этихъ видахъ мой корреспондентъ, какъ оказывается, уже давно хлопочетъ объ открытіи книжной лавки съ правомъ торговать на деревенскихъ ярмаркахъ. Сначала онъ обращался со своимъ проектомъ въ Смоленское общество книгопечатниковъ, но оно закрыто за «вредное направленіе»; потомъ онъ обратился въ губернское земство, но оно «не доросло, какъ пишетъ онъ, еще до того, чтобы въ городахъ хотя торговать книгами». «Возвратясь изъ ссылки,—продолжаетъ онъ,—я уже лично, безъ всякихъ пособничествъ, обратился къ губернатору за разрѣшеніемъ объ открытіи книжной лавки».. И, конечно, опять потерпѣлъ неудачу: губернаторъ отказалъ, не сообщивъ даже мотивовъ. Корреспондентъ высказываетъ опасеніе, что «съ выхо-

домъ на хутора народъ еще больше одичаетъ и превратится въ звѣрей». Прибавлю, что самъ онъ, какъ видно изъ его письма, состоитъ подписчикомъ «Русскаго Богатства» и, хотя рессурсы его скудные, отказаться отъ него ему не хотѣлось бы.

Для характеристики того, на сколько прочно уже потребность въ литературѣ укоренилась въ деревнѣ,—по крайней мѣрѣ, у отдѣльныхъ ея представителей, приведу еще одно письмо, полученное мною отъ крестьянина Ярославской губерніи, сохраняя полностью орфографію подлинника.

«Посылаю вамъ—пишетъ онъ—свою благодарность за вашу книжку владенія землей. А более за ваше ко мне отношеніе что касается моего мненія, то оно таково что я желалъ бы не только иметь землю общественною но и Обще-Государственною, земля даръ природы она недолжна непокупаться не продаваться только приобретеное на ней трудомъ можетъ быть продано, еще вамъ объясняю что я правовѣрный христіанинъ и Гусъ былъ первый человѣкъ провозгласившій свою проповедь за народъ угнетенный тогда вриме а также больше даю веры дарвину чемъ шести дневному творенію мира, и больше верю копернику чемъ какому то мильтону. А теперь начинаю изучать Карла Маркса только горе моя старость. 65 летъ мне эхъ хотелъ бы дожить до двенадцатаго года слышу всянародно ждутъ. А что мненіе другихъ лицъ въ округе 10 верстъ мне знакомыхъ и меня знающихъ я нащытываю более ста человекъ сомной согласныхъ А что касается утвердиться въ Личную собственность желающихъ мало чего то боятся А результатъ получается прямо плачевной настороне личныхъ собственниковъ каждой общественикъ норовитъ бросить камень новому помещику. Мы де все безгреха А ты одинъ вредной всемъ значитъ врагъ—я же здесь вдеревне слыву за Оратора и имеется небольшая библйотека книгъ и вашихъ и прочихъ писателей. Но главное моя старость и бедность неимею срествъ къ жизни; знанье получилъ самоучкои помогимъ книгамъ. Адресъ мой (такой то) Какъ есть возможность вышлите книгъ для продажы продамъ и деньги вышлю на мою чесную совесть нужныхъ крестьянамъ. А вслучае укажу вамъ родного брата въ петербурге состоятельный онъ вамъ уплотитъ».

Легко, мнѣ думается, понять, что это уже «неизлечимый», какъ назвалъ одного изъ своихъ героевъ покойный Гл. Ив. Успенскій. «Неизлечимый», какъ извѣстно, искалъ все книгъ «пофундаментальнѣе», «чтобы начать, напримѣръ, съ самаго корня». «Ужъ если поправляться, такъ надо, какъ слѣдуетъ... Вновь... Съ самаго, напримѣръ, съ кор... съ корня». Вы припоминаете, конечно, сценку, когда докторъ предложилъ неизлечимому діакону «До человѣка».

— Это—книга такая?
— Книга... Понимаете—до! Ужъ тутъ самый корень.

— Вотъ, вотъ, вотъ! какъ то даже сладострастно зашепталъ дьяконъ:— до! Это самое и есть—«до» всего еще?

— То есть до всего на свѣтѣ!..

— Ну, ну, ну... Это мнѣ и надо... Съ самаго...

— Съ самаго, съ самаго!—На-те, берите!

— Ну, дай вамъ Богъ здоровья... Сейчасъ примусь! Вотъ это мнѣ и нужно...

— Очень радъ.

— Очень вамъ благодаренъ! А то что же мнѣ, ей Богу, — журналы тамъ?.. Мнѣ ужъ надо все на ново... *).

Мой корреспондентъ тоже, видимо, добирается въ книгахъ «до самаго корня»: онъ и Гуса знаетъ, и Мильтона, и Коперника, и Дарвина, которому онъ даетъ больше вѣры, чѣмъ «шестидневному творенію». Можно сказать, что свое «до человѣка» онъ уже прошелъ. И теперь, 65-лѣтъ, онъ начинаетъ изучать Карла Маркса,— и берется, быть можетъ, за него съ такою же страстью, съ какой «неизлечимый» ухватился за книгу «господина Португалова».

Между ними, несомнѣнно, имѣется однако и разница. Я сказалъ, что мой корреспондентъ добирается до корня. Правильнѣе было бы, конечно, сказать, что онъ уже добрался. Если «Неизличимый» Успенскаго еще ищетъ новую правду, то этотъ свою правду уже нашелъ. Ему легче было найти ее: діакону нужно было сначала вылѣзти изъ болота, въ которомъ онъ сидѣлъ, отказаться отъ жизни, полной всяческаго «свинства»; подъ ногами у крестьянина была твердая почва, онъ могъ усвоить правду, не ломая своей трудовой жизни. Пусть даже въ тѣхъ «многихъ книгахъ», изъ которыхъ онъ получилъ знаніе самоучкой, значительная часть содержанія осталась для него непонятной, пусть другая, и тоже значительная, часть ихъ содержанія имъ воспринята по своему. Но... Припомните другой образъ, данный намъ Гл. Ив. Успенскимъ,—Ѳедюшку. «Разсказать прочитанное и передать своими словами онъ не могъ, выходилъ всякій вздоръ, но сердце книги онъ чуялъ, понималъ» **). Такъ и ярославскій крестьянинъ. Новую правду онъ учуялъ, вцѣпился въ нее и, вѣроятно, отъ нея уже не отстанетъ... Въ этомъ смыслѣ я и назвалъ его «неизлѣчимымъ».

Надо сказать, что мысль о діаконѣ, увѣковѣченномъ покойнымъ Глѣбомъ Ивановичемъ, явилась при чтеніи приведеннаго письма не у меня только. То же сравненіе пришло въ голову одному рабочему, которому я далъ прочесть это письмо, и который какъ разъ въ послѣднее время увлекается Успенскимъ.

— Вотъ и я тоже неизлѣчимый,—прибавилъ онъ.—Не мало теперь такихъ среди нашего брата...

Несомнѣнно, имѣются такіе «неизлѣчимые» и въ деревнѣ. Это ужъ не единичные Ѳедюшки, которымъ отъ окружавшей ихъ ди-

*) Сочиненія Гл. Успенскаго. Изд. 1896 г. т. I стр. 603—604.

**) Ibid. «Голодная смерть», стр. 659.

кости и жестокости оставалось одно: такъ или иначе сгинуть. «Въ округѣ 10-ти верстъ мнѣ знакомыхъ и меня знающихъ я насчитываю болѣе ста человѣкъ, со мною согласныхъ»,—вотъ вѣдь что пишетъ мой корреспондентъ. Пусть сознательные элементы деревни сейчасъ запуганы, но это не тотъ испугъ,—испугъ до смерти,—которымъ былъ охраченъ въ свое время Ѳедюшка. Мнѣ кажется, и судьба современныхъ «Ѳедюшекъ» должна быть иная: можно думать, что они не умрутъ уже «голодною смертью»...

III.

Пока я отмѣтилъ только привходящіе мотивы, побудившіе довольно многихъ крестьянъ вступить въ переписку со мною. Съ одной стороны, желаніе облегчить свою душу, съ другой—надежда такъ или иначе обогатить ее, несомнѣнно, съиграли свою роль въ отдѣльныхъ случаяхъ и заставили однихъ подавить имѣвшіяся у нихъ опасенія, другихъ—отозваться болѣе горячо, чѣмъ они сдѣлали бы это, если бы не было указанныхъ потребностей. Но общій и основной мотивъ, опредѣлившій собою предѣлы отзывчивости моихъ адресатовъ,—предѣлы, на которые трудно было даже разсчитывать при нынѣшнихъ условіяхъ,—былъ, конечно, иной. Въ данномъ случаѣ, несомнѣнно, сказалось существо вопросовъ, затронутыхъ въ моей брошюрѣ и въ моемъ письмѣ,—сознаніе громаднаго значенія ихъ въ народной жизни. Это видно и по тому вниманію, съ какимъ крестьяне отнеслись къ моей книжкѣ, и по тому труду, который приложили мои корреспонденты, чтобы мнѣ отвѣтить.

«Полученная мною отъ вашего имени книжка—пишетъ одинъ крестьянинъ Вологодской губерніи — передана на ознакомленіе и сужденіе по сему предмету сельскому сходу». «Посланную вами мнѣ книжку,—пишетъ другой крестьянинъ изъ той же губерніи,—я получилъ и прочиталъ, *конечно, въ присутствіи селянъ*» (подчеркнуто самимъ корреспондентомъ). «Одно очень жалко, — замѣчаетъ, между прочимъ, по тому же поводу одинъ изъ саратовскихъ моихъ корреспондентовъ, — что оффиціально не даютъ читать и разсуждать». «Книга ваша,—пишетъ одинъ изъ крестьянъ Екатеринославской губерніи, — будетъ читаться по силѣ возможности коллегіальнымъ образомъ». И въ другихъ письмахъ встрѣчаются прямыя указанія, что посланная мною книжка читалась и обсуждалась сообща. По характеру же полученныхъ мною отвѣтовъ можно думать, что въ значительной, если не въ большей, своей части, они явились плодомъ такого коллективнаго обсужденія.

Надо сказать, что многіе изъ этихъ отвѣтовъ очень обширны и написаны, видимо, съ трудомъ, непривычными къ такой работѣ руками. Нѣкоторые изъ адресотовъ отвѣчаютъ не сами: можно думать, что, не полагаясь на свои силы, они сочли за лучшее обра-

титься къ чужой помощи. Въ другихъ случаяхъ сосѣди и товарищи, быть можетъ, по собственной инициативѣ вступались въ дѣло, видя, что получившій мое письмо не въ состояніи на него отвѣтить. Такъ, одинъ изъ корреспондентовъ пишетъ: «Мнѣ случайно попалась въ руки ваша брошюра, посланная вами къ одному изъ моихъ сосѣдей, человѣку, симпатизирующему старинѣ, но крайне неподвижному для выраженія письменныхъ мнѣній. Въ виду спѣшности даннаго вопроса, я считаю нелишнимъ сообщить отъ себя нѣкоторыя свѣдѣнія». Довольно многіе обѣщаютъ и впредь присылать интересующія меня данныя.

Перейдемъ, однако, къ содержанію доставленныхъ мнѣ свѣдѣній и высказанныхъ моими корреспондентами взглядовъ...

Адреса для разсылки книжки, какъ уже упомянуто, добывались разными путями (въ значительной ихъ части они были получены отъ петербургскихъ рабочихъ). Можно предполагать, что среди адресатовъ преобладали «лѣвые» крестьяне, но вообще то они должны были представлять изъ себя довольно разнообразную публику. Можно даже сказать, что значительная часть книжекъ послана была на угадъ. По вопросу о землѣ въ деревнѣ царитъ теперь большая смута. «На счетъ собственности, — какъ пишетъ одинъ изъ моихъ корреспондентовъ,—много среди крестьянъ споровъ и крупныхъ разговоровъ, особенно на постоялыхъ дворахъ». Даже «лѣвые», «сознательные» крестьяне, какъ приходилось слышать изъ другихъ источниковъ, соблазнились въ нѣкоторыхъ мѣстахъ «ставкой на сильнаго» или оказались вынужденными принять въ этой игрѣ участіе. Кое-гдѣ бывшіе вожаки освободительнаго движенія,—а таковыми, несомнѣнно, были сильные люди деревни, сильные, если не зажиточностью, то умомъ и энергіей,— оказались, повидимому, даже во главѣ тѣхъ, которые, слѣдуя призыву побѣдителей, кинулись на расхищеніе общиннаго достоянія, а быть можетъ, и просто, захваченные общей растерянностью и паникой, начали спасать прежде всего себя, спасать, кто какъ можетъ. Такимъ образомъ, даже преобладаніе «лѣвыхъ» среди моихъ адресатовъ еще не исключало возможности рѣзкаго расхожденія ихъ между собою во взглядахъ на то, что творится сейчасъ въ сферѣ земельныхъ отношеній. Напротивъ, можно было ожидать, и я дѣйствительно ожидалъ, что моя своеобразная анкета отразитъ въ себѣ большое разнообразіе мнѣній и взглядовъ, имѣющихся, какъ приходилось думать, теперь въ крестьянской средѣ.

Письма мною получены дѣйствительно изъ крайне разнообразныхъ мѣстностей, отъ крестьянъ разнаго достатка, разнаго возраста, разнаго развитія. По отношенію къ «землеустройству» мои корреспонденты оказались находящимися тоже въ разныхъ положеніяхъ: одни продолжаютъ упорную борьбу за общину, не допуская даже мысли, что и имъ придется закрѣпить свои надѣлы; другіе принадлежатъ къ числу уже укрѣпившихъ, а иногда и вы-

дѣлившихъ свою надѣльную землю, третьи ясно видятъ неизбѣжность и для нихъ этого акта. Однако, и за всѣмъ тѣмъ полученныя мною письма поражаются однородностью, доходящей нерѣдко до тожества, высказываемыхъ въ нихъ взглядовъ и общимъ отрицательнымъ отношенiемъ ихъ авторовъ къ земельной политикѣ правительства.

Исключенiемъ являются лишь два письма,—оба довольно пространныя. Съ ними я прежде всего и познакомлю читателей.

Одно изъ этихъ писемъ получено изъ Витебской губернiи. Его авторъ является убѣжденнымъ сторонникомъ личной собственности и хуторского хозяйства. Я могу даже назвать его по имени, не опасаясь причинить ему какую-либо непрiятность. Начальству онъ хорошо извѣстенъ, является для послѣдняго даже опорной точкой въ его землеустроительныхъ старанiяхъ, и случайныя сношенiя со мною его, конечно, не скомпрометируютъ. Это нѣкто Iосифъ Кондратьевичъ Морозъ, имѣющiй хуторъ въ Лепельскомъ уѣздѣ. «Если желаете немножко ознакомиться съ моимъ хозяйствомъ и житьемъ,—пишетъ, между прочимъ, онъ,—то прочитайте статью Александра Романовича Пщелко, городского судьи города Себежа, Витебской губернiи, помѣщенную въ книжкѣ первой «Крестьянское Дѣло», изданной «Сельскимъ Вѣстникомъ», подъ заглавiемъ: «Въ гостяхъ у Осипа Кондратьевича». «Если пожелаете и будетъ время—прибавляетъ онъ,—то можете побывать въ обществѣ «Русское Зерно» и осмотрѣть нѣкоторыя фотографiи нашего хозяйства. Но побывать у меня по интересующему васъ вопросу еще лучше». Любезно приглашая къ себѣ, г. Морозъ подробно разсказываетъ, какъ добраться до ихъ уголка и предлагаетъ дать своихъ лошадей и въ качествѣ проводника своего сына для объѣзда латышскихъ и новыхъ крестьянскихъ хуторовъ, имѣющихся въ ихъ округѣ. «Если бы вы захотѣли побывать у насъ — говоритъ онъ,—то самое лучшее прiѣхать ко мнѣ вдвоемъ, одному трудновато все просмотрѣть, да двумъ свидѣтелямъ и вѣра лучшая... Я думаю, — прибавляетъ г. Морозовъ, — что изданiе брошюры стоитъ нѣсколько десятковъ рублей, и я думаю, что вамъ, сторонникамъ стараго порядка, самое лучшее прiѣхать... Дорога на двоихъ обойдется менѣе 50 рублей. Но вы получите наглядное убѣжденiе, что лучше: старое или новое».

Изъ этихъ отрывковъ читатели могутъ видѣть, что письмо въ высшей степени корректное. Авторъ желаетъ и надѣется переубѣдить своихъ противниковъ и предлагаетъ самое лучшее средство, чтобы убѣдиться, кто правъ,—личный осмотръ. Надо сказать, что такихъ приглашенiй—прiѣхать и посмотрѣть—я имѣю уже нѣсколько; нѣкоторые давно зовутъ, хотя и съ обратными цѣлями. Меня и самого соблазняетъ такая поѣздка, но, къ сожалѣнiю, до сихъ поръ я не могъ ее осуществить, да и трудно предпринять ее въ моемъ положенiи: помимо негласнаго надзора, какой имѣется.

конечно, за мною, я обязанъ еще и прямой подпиской о невыѣздѣ въ виду судебныхъ дѣлъ, какія тяготѣютъ надо мною. Волей-неволей въ своихъ статьяхъ по землеустройству мнѣ приходится довольствоваться оффиціальными данными, газетными сообщеніями и свѣдѣніями, доставляемыми добрыми людьми по своей инициативѣ или по моей просьбѣ *). Впрочемъ, въ данномъ случаѣ это не важно. Моя задача ограничивается тѣмъ лишь, чтобы познакомить читателей съ полученными мною письмами.

Возвращаясь къ письму г. Мороза, приведу его in extenso.

«Съ первыхъ же строкъ вашей брошюры,—пишетъ онъ,—мнѣ стало видно, что вы стоите за старый порядокъ. Ну я и подумалъ, что брошюра написана человѣкомъ, жителемъ города, который не жилъ въ деревнѣ, но хотя и жилъ, но, можетъ быть, въ болѣе просвѣщенной мѣстности и не въ такомъ темномъ уголкѣ, какъ нашъ Лепельскій уѣздъ. Обыкновенно споръ въ періодической печати идетъ давно о старомъ и новомъ порядкѣ, но на мѣстѣ, въ деревнѣ, старый порядокъ уже давно надоѣлъ. Жизнь въ деревняхъ стала давно невозможною, особенно у насъ. Многіе болѣе дѣятельные крестьяне уже стремятся выдѣлиться на хутора. Закрѣпленіе надѣловъ идетъ вяло. Это закрѣпленіе мало понятно для многихъ. Я еще не докончилъ прочитать вашу брошюру, какъ ко мнѣ пришла женщина, сосѣдка, которая вышла замужъ верстъ за 12 отъ меня. Пришла, чтобы достать вики на посѣвъ и лозы на крыши, и стала разсказывать, что ихъ деревня, состоящая изъ болѣе 60 дворовъ, въ прошломъ году раздѣлилась на хутора. И разсказала, что у нихъ была деревенская жизнь прямо невозможная, были полоски на надѣлъ по 2 аршина, полосокъ много; деревня была построена чуть ли не на болотѣ, огородовъ почти не было, поля заболотились, канавы позаросли, а теперь въ ихъ деревнѣ при-

*) По порученію редакціи, какъ знаютъ читатели, одинъ изъ нашихъ сотрудниковъ, И. А. Коноваловъ, минувшей осенью побывалъ на хуторахъ въ нѣсколькихъ губерніяхъ и ознакомился съ ихъ жизнью. Впечатлѣнія, которыя онъ вынесъ изъ этой поѣздки, были изложены имъ въ статьѣ «На хуторахъ», напечатанной въ №№ 1 и 2 «Р. Б.» за нынѣшній годъ. Что касается хуторовъ сѣверо-западнаго края, то для осмотра ихъ года три тому назадъ ѣздили крестьяне изъ внутреннихъ губерній. Поѣздка была совершена на казенныя средства и при участіи проводниковъ, данныхъ правительствомъ. Правда, Витебскую губернію экскурсанты тогда, помнится, не посѣтили, но въ Могилевской—были. И хотя имъ здѣсь были показаны хутора въ 25—40 дес., т. е. такіе, о которыхъ громадному большинству крестьянъ и мечтать не приходится, они составили о нихъ довольно неблагопріятное мнѣніе. Никакихъ улучшеній, сравнительно съ хозяйствомъ деревенскихъ крестьянъ, они не нашли. Въ концѣ-концовъ они пришли даже къ выводу, что «бѣлоруссы—народъ слабый» и «что все у нихъ хуже, чѣмъ у насъ: чему тутъ учиться, когда они сами съ голоду дохнутъ». «Дневникъ» одного изъ участниковъ этой поѣздки былъ напечатанъ въ «Пензенскихъ Губ. Вѣдомостяхъ». Содержаніе этого «Дневника» гр. Павломъ Толстымъ было передано потомъ въ Товарищѣ (1907 г. 8 и 10 ноября: «По хуторамъ. Турнэ на казенныя средства»).

шлось на надѣлъ самый малый 7 десятинъ или лучшей земли по 4—5 десятинъ, а то 8, 10 и 15 дес. (при раздѣлѣ деревня имѣла купленную землю). Одному крестьянину приходилось 25 десятинъ... Въ деревнѣ былъ уголокъ, подъ названіемъ волковня. Всѣ боялись брать ее, боялись, чтобы номеръ не палъ кому-нибудь. Но крестьянинъ, которому слѣдовало 25 дес., предложилъ деревнѣ: если они удвоятъ число десятинъ, то онъ возьметъ волковню, и деревенцы съ охотой дали ему этотъ уголокъ. Этотъ уголокъ заболоченъ и заросъ кустарникомъ, но потомъ крестьяне осмотрѣлись и стали завидовать, они поняли, что этотъ уголокъ можно исправить. Онъ осенью прорылъ канавъ рублей на 30, по 5 коп. за сажень, и сейчасъ же весною эта волковня стала неузнаваема. И на долю моей знакомой пришлось болѣе 15 десятинъ на 2 надѣла. Какъ ей или ея мужу выпалъ жребій на эту землю, то землемѣръ, шутя, сказалъ: ну, братъ, тебѣ выпалъ жребій на свиную могилу. Въ этомъ мѣстѣ довольно хорошая земля и много ложбинокъ съ водою и мхомъ, но какъ осмотрѣлись, что можно отлично канавами исправить ихъ землю, то все ихъ семейство очень радо перемѣнѣ жизни, что хотя и трудно теперь переносить постройки, но будущность ихъ радуетъ. Я и подумалъ, какое совпаденіе, что я могу на вашъ вопросъ отвѣтить фактомъ и своимъ мнѣніемъ за новый порядокъ».

Г, Морозъ приводитъ и другіе факты въ подтвержденіе этого мнѣнія. Онъ ссылается на латышей, которые лѣтъ 10 тому назадъ купили въ ихъ мѣстности имѣніе. «Вотъ они и дали, — пишетъ онъ,—толчокъ дѣлить землю на хутора. Одинъ крестьянинъ изъ деревни, сосѣдней съ латышами, перешелъ на хуторъ съ своимъ однимъ сосѣдомъ. Другіе деревенцы, дворовъ десятокъ, еще не послѣдовали ихъ примѣру; покамѣстъ что, — говорилъ мнѣ одинъ:—я имѣю болѣе 15 десятинъ земли, а латышъ 5 или 6, и какъ придетъ весна, то мнѣ приходится хлѣбъ занимать у латыша; тоже и картофель: у него, латыша, на одной десятинѣ уродится столько хлѣба и картофеля, что мнѣ и съ трехъ того не собрать». Еще въ одной сосѣдней деревнѣ, только что купившей землю у помѣщика, «двое уже заразились,—пишетъ г. Морозъ,—желаніемъ сдѣлаться хуторянами, что меня очень радуетъ. Вотъ, мой многоуважаемый Алексѣй Васильевичъ,—заканчиваетъ онъ,—прочитавши мое письмо, вы убѣдитесь, что уже старый порядокъ отжилъ свой вѣкъ, онъ многимъ надоѣлъ, даже самимъ крестьянамъ, и его повернуть назадъ невозможно».

Такъ какъ мною прочитанъ рядъ другихъ писемъ, рѣчь о которыхъ будетъ ниже, то убѣжденія, на которое разсчитывалъ данный корреспондентъ, у меня не получилось. И мнѣ кажется, что не трудно понять, почему онъ такъ рѣзко расходится во взглядахъ съ другими моими корреспондентами.

Прежде всего не слѣдуетъ упускать изъ виду, что онъ жи-

ветъ въ Витебской губерніи. Вѣроятно, что въ его районѣ, какъ и въ большинствѣ другихъ мѣстъ сѣверозападнаго края, община числится только на бумагѣ, въ дѣйствительности же надѣльная земля находится въ подворномъ владѣніи. Въ такомъ случаѣ общее владѣніе ею сказывается, главнымъ образомъ, своими отрицательными сторонами: узкополосицей и мелкополосицей, избавиться отъ которыхъ, при отсутствіи передѣловъ, возможно только путемъ коммасаціи. Благодаря этому и цѣлому ряду другихъ условій, въ сѣверозападномъ краѣ, уже до изданія указа 9 ноября, обнаружилось тяготѣніе къ разверстанію надѣльныхъ земель на отруба и хутора. Но это, быть можетъ, и не означаетъ еще перехода къ «новому» порядку. Укрѣпленіе надѣловъ въ личную собственность, какъ указываетъ г. Морозъ, идетъ вяло, это укрѣпленіе многимъ мало понятно. Изъ этого можно заключить, что подворная форма владѣнія, лишь числившаяся общинной, достаточно еще прочна въ сознаніи населенія, разъ оно не спѣшитъ замѣнить ее личною собственностью, и поэтому нѣтъ ничего невѣроятнаго, что, разверставъ землю, оно удержитъ ее. Тамъ, гдѣ теперь строится хуторъ, спустя нѣкоторое время, окажется, быть можетъ, новая деревня, но со «старымъ» порядкомъ.

Нельзя упустить изъ виду, что и въ личномъ положеніи моего корреспондента имѣются нѣкоторыя особенности, позволяющія ему въ черезчуръ, быть можетъ, розовомъ свѣтѣ представлять себѣ жизнь на хуторахъ. Его собственный «хуторокъ», какъ видно изъ его письма, состоитъ изъ 100 десятинъ, т. е. представляетъ въ сущности имѣніе, стоимостью, вѣроятно, тысячъ 10 — 15. Нѣтъ ничего мудренаго, что жизнь на хуторѣ представляется ему сама по себѣ обезпечивающей. Нѣсколько въ иномъ положеніи окажется, конечно, та женщина, которая на свои два надѣла вмѣстѣ съ купчей, получила 15 десятинъ земли, которую нужно еще привести въ культурный видъ и на которую нужно еще перенести постройки,—та женщина, которая вынуждена идти за 12 верстъ просить вики на посѣвъ и лозы на крышу. Можно только радоваться, конечно, что эта женщина такъ бодро смотритъ въ свое будущее. Но невольно является вопросъ: этотъ бодрый видъ не объясняется ли до извѣстной степени желаніемъ человѣка, нуждающагося въ ссудѣ, поддержать въ окружающихъ вѣру въ свою кредитоспособность?

Надо, впрочемъ, сказать, что мой корреспондентъ не скрываетъ ни отъ себя, ни отъ другихъ, что «переселеніе на хутора принесетъ многимъ не мало горя». «Горе больше отъ того,—пишетъ онъ,—что нашъ крестьянинъ выходитъ на хутора не вооруженный знаніями сельскаго хозяйства». Но вѣдь агрономическія знанія съ неба не свалятся, ихъ еще нажить нужно. Да и не въ знаніяхъ только дѣло.

Взять хотя бы самого г. Мороза. «Я выбился изъ нужды,—пи-

шетъ онъ,—но выбился еще не совсѣмъ, при усиленномъ и упорномъ трудѣ, я еще живу въ нуждѣ... Къ моему несчастью, мой хуторокъ окруженъ тремя деревнями; какъ у меня, такъ и въ деревняхъ ведется полевое хозяйство трехпольное, паръ, ярь и рожь совпадаютъ съ деревенскими полями. Давно желательно перейти къ улучшенному хозяйству многопольному, но нельзя, нужны изгороди, которыя съ уменьшеніемъ лѣса стали очень дороги». Но если непосильно завести изгороди и ввести улучшенное хозяйство хуторянину, имѣющему 100 десятинъ, то еще труднѣе сдѣлать это тому, который имѣетъ 15 или 7 десятинъ, и, въ частности, той бабѣ, которая ищетъ за 12 верстъ лозы для крыши. Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что все улучшеніе хозяйства ограничится у нихъ проведеніемъ кое-какихъ канавъ, которыя, быть можетъ, такъ же, какъ и деревенскія, окажутся потомъ заболоченными. Можно-ли при такихъ условіяхъ быть увѣреннымъ, что старый порядокъ уже не вернется?

Другое письмо, являющееся исключеніемъ въ ряду остальныхъ, получено мною изъ Кузнецкаго уѣзда Саратовской губерніи отъ крестьянина Сережкина. Послѣдняго нельзя, пожалуй, даже назвать убѣжденнымъ сторонникомъ новаго порядка,—скорѣе, это колеблющійся человѣкъ и лишь склоняющійся къ новому порядку, отчасти въ виду его неизбѣжности, отчасти въ виду большей, по его разсчетамъ, выгодности.

Сначала авторъ сообщаетъ, какъ вообще въ ихъ мѣстности крестьянское населеніе относится къ укрѣпленію надѣльной земли въ личную собственность. «Рѣдкіе крестьяне,—пишетъ онъ,—могутъ даже понять, въ чемъ состоитъ дѣло. Конечно, только земскіе начальники объ этомъ стараются, и даже сельскимъ властямъ, твердятъ объ этомъ чуть не въ каждую явку, чтобы староста и писаря сельскіе въ каждую общественную сходку крестьянамъ разглашали и прочитывали права указа закрѣпощенія. Но крестьяне плохо слушаютъ и говорятъ: какъ жили, такъ и будемъ жить, дѣлили землю на срокъ двѣнадцати лѣтъ и будемъ дѣлить. Такъ извѣстно со всей провинціи уѣзда».

Г. Сережкинъ объясняетъ и причину этого непониманія и упорства со стороны крестьянъ. «Крестьяне или мужики, — говоритъ онъ, — у ихъ смыслъ такой. Хорошо, говоритъ мужикъ, что въ настоящее время владѣю землей, укрѣплю въ личную собственность. А если два или три сына, да у сыновей черезъ нѣсколько годовъ много будетъ сыновей или семейства обоего пола. Тогда правительство будетъ прибавлять земли? Конечно, мужикъ слышитъ отвѣтъ: что укрѣпилъ, только и можешь владѣть; прибавить можешь земли, купить ее у сосѣда и у помѣщика. Опять крестьяне вопрошаютъ: а если которому въ настоящее время земли много надѣлено, и будетъ семейство у его убавляться смертью; у него будетъ земля отбираться въ общество или тому, у кого семейство

прибавилось? Опять получается отвѣтъ: нѣтъ, для того и введено укрѣпленіе въ личную собственность надѣльной земли. Въ этомъ то крестьяне и не подвигаются впередъ».

Другими словами: институтъ личной собственности на землю находится въ рѣзкомъ противорѣчіи съ правосознаніемъ крестьянъ и ихъ интересами, какъ они послѣдніе понимаютъ. Правда, имѣются крестьяне, которые укрѣпляютъ все-таки землю, но это, по словамъ корреспондента, исключительно тѣ, которые желаютъ присвоить имѣющуюся у нихъ лишнюю землю, или старики, не имѣющіе потомства и желающіе завѣщать кому-либо свой надѣлъ, или, наконецъ, крестьяне, переселяющіеся въ Сибирь.

Но выходъ какой-нибудь нуженъ. «Если крестьянство будетъ заниматься такъ дальше хлѣбопашествомъ, то дѣло пойдетъ къ нулю, земля все дробится, полосы стали совсѣмъ узкія, работа во время пашни съ переѣздами не спорится. Потомъ, если крестьяне будутъ такъ землю по договору черезъ каждый срокъ дѣлить, то земля совсѣмъ не дастъ плода, ее не станутъ одабривать». «Всячески полагаю,—говоритъ г. Сережкинъ,—что далѣе землю укрѣплять будутъ, потому что заниматься хлѣбопашествомъ на маломъ клочкѣ земли невозможно, хотя бы онъ былъ удобренный, потому что прокормиться невозможно. Такъ и выходитъ: должны же уступить крестьяне другъ другу, кто долженъ получить землю, уплативъ деньги, а кто, получивъ деньги за землю, которую онъ продалъ, долженъ пріискивать другое дѣло или пріобрѣсти гдѣ-нибудь другую землю болѣе количествомъ».

Однако, и этотъ выходъ, видимо, не представляется моему корреспонденту достаточно удовлетворительнымъ. Купить плодородную землю въ другомъ мѣстѣ стоитъ очень дорого, да и удобривать ее нечѣмъ. Можно, конечно, переселиться въ Сибирь, но тамъ стоитъ дороговизна на орудія, одежду, обувь, да и земля не обдѣлана... Предвидитъ мой корреспондентъ и другую опасность: «Какъ только крестьяне начнутъ землю много укрѣплять и продавать, обязательно полемъ цѣлаго большого села завладѣютъ пять и не болѣе десяти лицъ, а оставшіеся должны идти въ батраки». «Хорошо было бы,—прибавляетъ г. Сережкинъ,—если бы крестьянство провело законъ, чтобы не имѣлъ никто права болѣе 8 десятинъ на мужскую душу купить во всей Россіи, а что касается Сибири, ее покамѣстъ оставимъ».

Останавливаясь на указаніяхъ, имѣющихся въ моей брошюрѣ, что можно установить вознагражденіе за неиспользованныя улучшенія и такимъ образомъ парализовать наблюдающуюся теперь въ нѣкоторыхъ случаяхъ боязнь удобрять общественную землю, г. Сережкинъ находитъ, что «это только одна чепуха»: установить справедливое вознагражденіе, по его мнѣнію, невозможно, да въ нѣкоторыхъ случаяхъ это было бы и не раціонально.

Такъ и не найдя въ сущности удовлетворительнаго рѣшенія

проблемѣ, мой корреспондентъ сразу переходитъ къ вопросу, какая будетъ польза отъ новаго порядка, при чемъ беретъ послѣдній въ наиболѣе совершенномъ его видѣ: «если отведутъ каждому въ одномъ мѣстѣ». Прежде всего онъ производитъ рядъ ариѳметическихъ выкладокъ и высчитываетъ, на сколько сократятся переѣзды отъ сведенія земли въ одинъ отрубъ, отъ того, что она вся будетъ близъ дома. Приводить эти выкладки было бы утомительно. Скажу лишь, что онѣ приблизительны и не лишены нѣкоторыхъ ошибокъ. Г. Сережкинъ и самъ чувствуетъ, что «маненько есть тутъ что то не договорено». Кромѣ того, онъ знаетъ, что съ разселеніемъ на хутора, явятся новые переѣзды: такъ по ихъ мѣстамъ, гдѣ до воды докопаться трудно, придется ѣздить ежедневно за водой, въ среднемъ версты за три. Все-таки онъ приходитъ къ выводу, что ѣзды при новомъ порядкѣ будетъ меньше, количество рабочаго скота можно будетъ сократить и продавать лишній кормъ или увеличить количество продуктивнаго скота. «Но только въ томъ бѣда при новомъ отрубномъ порядкѣ,—немедленно же прибавляетъ онъ,—что невозможно будетъ скотъ пасти большими стадами, будетъ уходу за скотомъ болѣе при новомъ порядкѣ». И обойдется этотъ уходъ дороже, потому что «все равно пасти и десять головъ одному и сто». Впрочемъ, теперешняя пастьба большими стадами тоже не удовлетворяетъ моего корреспондента, такъ какъ скотъ утаптываетъ поля и портитъ сѣнокосы. Въ концѣ концовъ онъ какъ будто склоняется къ тому, что польза отъ новаго порядка все-таки будетъ.

Предвидитъ онъ отъ него и еще пользу: «какъ разселятся по полямъ, то избавятся отъ несчастій, которыя приносятся пожарами». Но и тутъ бѣда: «когда будутъ жить крестьяне врозь разселены по полямъ, то случится какое-нибудь несчастье, кто дастъ помощи безъ ближнихъ». Между тѣмъ пожаръ отнюдь не единственное изъ возможныхъ несчастій, когда нужна помощь сосѣдей. Бываетъ, упадетъ скотъ въ колодецъ или въ погребъ, или придется отравиться угаромъ всему семейству,—не то что помощи со стороны людей (не будетъ, но) даже никто не узнаетъ о бѣдѣ». Допустимъ, однако, что «похоронить все равно похоронятъ, сколько ни пролежитъ». «Главное въ томъ еще тутъ кроется большая ошибка,—говоритъ г. Сережкинъ,—что когда крестьяне разселятся врозь по полямъ, какъ будутъ обучать грамотѣ?.. Конечно, все это можно устроить, но лишь стоитъ все дорого; поэтому не всѣмъ будетъ доступно учить дѣтей грамотѣ»...

Изъ такихъ колебаній и сомнѣній состоитъ въ сущности все письмо. Авторъ какъ будто склоняется къ новому порядку и въ то же время у него нѣтъ рѣшимости встать на его защиту... Въ концѣ же концовъ онъ неожиданно разражается противъ нищихъ и тунеядцевъ. По свойственной ему манерѣ онъ и тутъ не обходится безъ ариѳметической выкладки.

«Такъ скажемъ, приведемъ одинъ расчетъ. Напримѣръ, наше село имѣетъ болѣе 400 домовъ и кого ни спроси, сколько выходитъ на нищихъ, каждый отвѣчаетъ: ежедневно придется подать 3 фунта и до 5 фунтовъ печенаго хлѣба. А налетаютъ и такіе молодцы, которые заправили самихъ себя въ родѣ монаховъ, вымучиваютъ своими причитаніями цѣлые пуды и болѣе хлѣба, зерномъ и мукою, и матеріаломъ, и все сбываютъ и вырученныя деньги идутъ на покрытіе монополекъ винныхъ, все это темнота, безграмотность трудящаго люда. Будемъ считать такъ: не пять и три фунта, а прямо примѣрно если подаетъ нищимъ въ день каждый домохозяинъ одинъ фунтъ, а въ году 365 дней, то всего выходитъ 365 фунтовъ или 9 пуд. 5 фунт. съ каждаго дома. Но, положимъ, къ счету не 9 пуд. 5 ф., а всѣ 10 пудовъ. Домовъ 400 $\times$ 10 пудовъ = 4,000 пуд., при хорошей цѣнѣ стоятъ 4,000 рублей! Вотъ на эти средства могли бы хорошее содержать училище. Но гораздо болѣе на это хлѣба идетъ, и все это творитъ темнота, неграмотность, забитый народъ, одураченный совсѣмъ. Если бы дали деревенскому люду свѣтъ, то, смотришь, отдалилъ это наглое хлынство дармоѣдовъ, такъ называемыхъ нищихъ».

Въ сущности это нѣчто неизбѣжное, почти роковое: когда люди не хотятъ или не могутъ разрѣшить политическую, экономическую или культурную проблему, они непремѣнно, сдѣлавъ крутой поворотъ, сведутъ соціальный вопросъ къ этическому и такимъ образомъ подмѣнять вопросъ объ общественныхъ формахъ вопросомъ о личныхъ свойствахъ заинтересованныхъ въ нихъ элементовъ. И такъ поступаютъ не только гг. Сережкины, впервые, быть можетъ, задумавшіеся надъ сложными общественными вопросами, но и болѣе ихъ искусившіеся въ этихъ вопросахъ люди. Давно ли, напримѣръ, семь мудрецовъ россійскихъ, сообща украсившіе нынѣшнее бездорожье «Вѣхами» объяснили всѣ наши бѣды личными свойствами русскихъ интеллигентовъ, ихъ безбожіемъ, ихъ невѣжествомъ, ихъ аморализмомъ.

По разному люди дѣлаютъ этотъ поворотъ, но путь, на который они выходятъ, уже протоpенный. Обыкновенно они, по скольку рѣчь идетъ о трудовомъ народѣ, упираются въ тунеядство, пьянство и въ лучшемъ случаѣ въ невѣжество. Прибавлю, что и упоминавшійся выше г. Морозъ, столь оптимистически настроенный, не избѣжалъ этой участи. Объясняя, почему нельзя завести улучшенное хозяйство, почему необходимы, въ частности, изгороди, онъ пишетъ, что «всему мѣшаетъ народная темнота». «Чужая собственность — говоритъ онъ — не уважается, во время лѣта дѣлаются страшныя потравы... Установить ночныхъ сторожей при участіи болѣе дѣятельныхъ крестьянъ, не удалось... Какихъ нибудь 2—3 захудалыхъ деревенца портятъ все хорошее обдуманное дѣло».

Но если такъ, если однимъ построить школу и просвѣтиться мѣшаютъ нищіе и тунеядцы, а другимъ завести улучшенное хо-

зяйство и выбиться изъ нужды препятствуютъ «какихъ-нибудь 2—3 захудалыхъ деревенца», то, очевидно, вовсе нѣтъ выхода на томъ пути, къ которому склоняются мои два корреспондента. Въ самомъ дѣлѣ: отъ нищихъ и захудалыхъ деревенцевъ не такъ, вѣдь, легко отдѣлаться, въ особенности, если они появляюся все въ большемъ и большемъ количествѣ. Очевидно, что нужно искать другую дорогу, на которой отъ нихъ можно было бы избавиться и притомъ не такъ, чтобы однихъ уморить съ голоду, а другимъ при помощи ночныхъ сторожей скрутить руки и ноги, а такъ, чтобы, по мѣрѣ движенія впередъ, они сами собой исчезли и больше ужъ не появлялись...

А. Пѣшехоновъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Хроника внутренней жизни.

Законодательное творчество, направленное къ поддержанію и укрѣпленію существующаго «обновленнаго строя», за послѣднее время развивается безостановочно и пріобрѣтаетъ все большую опредѣленность. По формѣ своей продукты этого творчества различны: одни изъ нихъ, и притомъ подчасъ наиболѣе важные, являются въ свѣтъ въ законченномъ видѣ помимо такъ называемыхъ «законодательныхъ учрежденій» — Государственной Думы и Государственнаго Совѣта, подобно тому, какъ раньше, до «обновленія строя», значительная часть законовъ вырабатывалась помимо законосовѣщательнаго Государственнаго Совѣта; другіе продукты современнаго законодательнаго творчества, зарождаясь первоначально въ видѣ законопроектовъ въ бюрократическихъ канцеляріяхъ, проходятъ затѣмъ черезъ Государственную Думу и Государственный Совѣтъ. Но тѣ и другіе законы, создаваемые исключительно силами бюрократіи, и законы, къ участію въ разработкѣ которыхъ привлекаются «законодательныя учрежденія», или, правильнѣе говоря, на которыхъ ставится штемпель этихъ «законодательныхъ учрежденій», преслѣдуютъ однѣ и тѣ же цѣли и носятъ одинъ и тотъ же характеръ, съ теченіемъ времени выступающій все болѣе ясно и отчетливо.

Сейчасъ очередь дошла до нашей высшей школы. За послѣдніе годы правительствомъ было принято уже не мало частныхъ мѣръ, въ корнѣ измѣнившихъ то положеніе высшей школы, какое созда-

лось для нея въ 1905 — 6 гг., и въ весьма значительной степени подорвавшихъ данную ей одно время автономію. Но всѣ эти частныя мѣры еще не удовлетворили правительство и министерство народнаго просвѣщенія принялось за выработку новаго университетскаго устава, согласованнаго съ требованіями общаго правительственнаго курса. Въ настоящее время, какъ сообщаютъ газеты, проектъ этого новаго университетскаго устава уже внесенъ въ Государственную Думу. И основныя положенія этого проекта настолько любопытны и знаменательны, что къ нимъ стоитъ приглядѣться всякому, кто стремится прослѣдить характерныя черты текущей жизни.

Прежде всего въ министерскомъ проектѣ изъ высшихъ учебныхъ заведеній безслѣдно исчезаетъ профессорская автономія. Въ настоящее время высшимъ органомъ университетскаго управленія является университетскій совѣтъ. Проектъ въ корнѣ измѣняетъ такое положеніе вещей. Начать съ того, что измѣняется самый составъ совѣта. Въ послѣдній, согласно проекту, должны входить только ординарные профессора; экстраординарные же исключаются изъ него, очевидно, потому, что они, какъ болѣе молодые, по крайней мѣрѣ, въ среднемъ, являются въ глазахъ министерства и болѣе доступными для разнообразныхъ вѣяній крамолы. Такимъ образомъ, въ то время, какъ въ жизни выяснилась настоятельная необходимость расширенія состава университетскихъ совѣтовъ путемъ включенія въ нихъ, на тѣхъ или иныхъ основаніяхъ, приватъ-доцентовъ и младшихъ преподавателей, министерскій проектъ идетъ прямо обратнымъ путемъ и стремится провести новое съуженіе въ кругѣ преподавателей высшей школы, имѣющихъ доступъ въ ея совѣтъ. Одновременно съ этимъ названный проектъ видоизмѣнилъ и компетенцію университетскаго совѣта, подвергнувъ ее чрезвычайно существеннымъ ограниченіямъ. Въ сущности, проектъ оставляетъ въ вѣдѣніи совѣта лишь весьма небольшой кругъ дѣлъ, въ значительной своей части къ тому же не особенно и важныхъ. Такъ, окончательному рѣшенію совѣта проектомъ предоставляются слѣдующія дѣла: утвержденіе въ ученыхъ степеняхъ лицъ, которымъ эти степени присуждены факультетами, избраніе предсѣдателя библіотечной коммиссіи, составленіе годового отчета и назначеніе дня ежегоднаго торжественнаго собранія университета. Всѣ остальныя рѣшенія университетскаго совѣта должны, по проекту, подлежать утвержденію попечителя учебнаго округа или министра. Съ утвержденія попечителя совѣтъ составляетъ библіотечныя правила, избираетъ секретаря совѣта и его помощника, а также университетскаго библіотекаря и его помощника. Наконецъ, совѣтъ, согласно проекту, избираетъ ректора и проректора, составляетъ правила для студентовъ и постороннихъ слушателей, разсматриваетъ предположенія факультетовъ о раздѣленіи и соединеніи каѳедръ, равно какъ объ открытіи новыхъ каѳедръ, избираетъ почетныхъ членовъ

университета, устраиваетъ торжественныя собранія и возбуждаетъ ходатайства объ учрежденіи въ университетѣ ученыхъ обществъ, но рѣшенія его по всѣмъ этимъ вопросамъ должны восходить на утвержденіе министра. Въ концѣ концовъ и вся компетенція университетскаго совѣта оказывается, такимъ образомъ, крайне неширокою, кругъ же дѣлъ, предоставленныхъ проектомъ самостоятельному разрѣшенію совѣта, до послѣдней степени узокъ.

Изъ всѣхъ дѣлъ, въ той или иной степени передаваемыхъ проектомъ въ вѣдѣніе университетскаго совѣта, наиболѣе важнымъ могло бы показаться избраніе ректора и проректора. Избирая лицъ, долженствующихъ стоять во главѣ университета, совѣтъ, казалось бы, тѣмъ самымъ можетъ оказывать серьезное вліяніе на весь ходъ университетскаго управленія. Но проектъ предусмотрительно ставитъ избраніе названныхъ лицъ въ такія рамки, въ которыхъ это избраніе обращается почти въ полную фикцію. Ректоръ избирается совѣтомъ университета изъ числа ординарныхъ профессоровъ, но выборы должны получить утвержденіе со стороны министра народнаго просвѣщенія и въ случаѣ такого утвержденія ректоръ назначается на три года особымъ приказомъ. Если же избранное совѣтомъ лицо не будетъ утверждено министромъ, то назначаются новые выборы, причемъ неутвержденный кандидатъ уже не можетъ быть вновь избираемъ. Въ случаѣ вторичнаго неутвержденія избраннаго совѣтомъ лица, ректоръ назначается на три года министромъ народнаго просвѣщенія изъ числа ординарныхъ профессоровъ. Иначе говоря, совѣтъ избираетъ не ректора, а кандидата на ректорскую должность, и, если такой выборъ кандидата дважды будетъ признанъ неудачнымъ со стороны министерства, послѣднее уже само, безъ всякихъ выборовъ, назначаетъ ректора. Совершенно такой же порядокъ устанавливается проектомъ и для замѣщенія проректорской должности. По словамъ сопровождающей проектъ объяснительной записки, такой порядокъ вызывается необходимостью принять мѣры на тотъ случай, когда партійные разсчеты могли бы взять верхъ надъ безпристрастіемъ большинства и избраннымъ въ ректоры оказалось бы лицо, не представляющее гарантій достаточной самостоятельности и авторитетности въ столь отвѣтственной дѣятельности. Въ дѣйствительности, за этимъ эвфемизмомъ скрывается, конечно, нѣчто совершенно иное. Указаннымъ порядкомъ министерство обезпечиваетъ себѣ полную возможность не только устранить отъ должности ректора всѣхъ неугодныхъ ему лицъ, хотя бы они и пользовались большимъ авторитетомъ въ профессорской средѣ, но и предоставить эту должность лицу, наиболѣе ему угодному, хотя бы именно это лицо явилось нежелательнымъ съ точки зрѣнія подавляющаго большинства университетскаго совѣта. Для достиженія этого послѣдняго результата министерству достаточно лишь дважды не утверждать совѣт-

скаго кандидата въ ректоры, и затѣмъ уже самъ собою выступаетъ на сцену принципъ ничѣмъ неограниченнаго назначенія.

Такимъ образомъ устанавливаемый проектомъ порядокъ замѣщенія ректорской должности самъ по себѣ уже ставитъ ректора въ гораздо болѣе тѣсную зависимость отъ министерства, чѣмъ отъ университетскаго совѣта. Послѣдовательно идя по этому пути, проектъ въ дальнѣйшемъ избавляетъ и самую дѣятельность ректора отъ всякаго контроля со стороны совѣта. Согласно проекту, совѣтъ не имѣетъ права ни направлять дѣйствія ректора, ни требовать у него отчета въ нихъ, ни даже оффиціально освѣдомляться объ его дѣятельности. Въ роли лица, непосредственно завѣдующаго административными дѣлами университета, ректоръ подчиняется не университетскому совѣту, а попечителю, который не только контролируетъ закономѣрность дѣйствій университетской администраціи, но и направляетъ всю дѣятельность послѣдней, обладая правомъ непосредственнаго вмѣшательства въ университетскія дѣла, и министру народнаго просвѣщенія. Главное начальство надъ университетами и общее руководство ими по проекту принадлежитъ министру народнаго просвѣщенія, ближайшія же функціи контроля и надзора за дѣятельностью университа предоставляются попечителю учебнаго округа. Приложенная къ проекту объяснительная записка поддерживаетъ необходимость такого порядка тѣмъ соображеніемъ, что, еслибы контроль надъ университетами осуществлялся самимъ министерствомъ, онъ или обратился бы въ чисто бумажный контроль, или получилъ бы характеръ случайности, сведясь къ командированію временныхъ ревизоровъ. Дѣйствительный же контроль и надзоръ надъ университетами, по увѣренію авторовъ объяснительной записки, могутъ быть олицетворяемы только черезъ лицъ, находящихся въ постоянномъ и непосредственномъ общеніи съ университетами, т. е. черезъ попечителей, и попечитель является естественнымъ посредникомъ между университетомъ и министерствомъ. Сообразно этому проектъ новаго устава обязываетъ попечителя наблюдать за точнымъ исполненіемъ закона и правилъ всѣми университетскими должностными лицами и даетъ ему право созывать собранія университетскаго совѣта, правленія и факультетовъ и самому присутствовать въ этихъ собраніяхъ. Дѣятельность университета во всѣхъ ея частяхъ должна быть всегда доступна контролю попечителя, а въ чрезвычайныхъ случаяхъ попечителю предоставляется право дѣйствовать самостоятельно, принимая всѣ необходимыя мѣры, хотя бы онѣ даже выходили за предѣлы отмежеванной ему закономъ власти. Университетъ, очевидно, разсматривается въ этомъ случаѣ, какъ своего рода поле сраженія, а попечителю присваивается какъ бы роль главнокомандующаго дѣйствующей противъ непріятельскихъ силъ арміей, отъ котораго прежде всего требуется быстрота и натискъ. Попечитель, далѣе, согласно проекту, можетъ возбуждать дѣла объ отвѣтственности всѣхъ должностныхъ лицъ

университета до пятаго класса включительно и онъ же представляетъ достойныхъ этого лицъ къ наградамъ. Всѣ сношенія министра съ университетомъ и всѣ представленія послѣдняго министерству происходятъ черезъ попечителя и въ соотвѣтствіи съ этимъ главные представители университетской администраціи, ректоръ и проректоръ, находятся также въ ближайшей зависимости отъ попечителя.

Помимо проректора, министерскій проектъ даетъ ректору еще одного помощника, спеціально для завѣдыванія хозяйственной частью въ университетѣ. Этотъ второй помощникъ ректора носитъ названіе совѣтника по хозяйственной части и, въ противоположность ректору и проректору, вовсе уже не выбирается университетскимъ совѣтомъ, а непосредственно назначается министромъ народнаго просвѣщенія изъ лицъ, получившихъ высшее образованіе. По словамъ объяснительной записки, такой чиновникъ, пользуясь достаточной самостоятельностью, можетъ оказать помощь ректору и вмѣстѣ съ тѣмъ придать университетскому хозяйству необходимую ему планомѣрность. Ректоръ, проректоръ, совѣтникъ по хозяйственной части и деканы факультетовъ составляютъ, по проекту новаго устава, университетское правленіе. Нужно замѣтить при этомъ, что для замѣщенія должностей декановъ проектъ устанавливаетъ порядокъ, совершенно аналогичный порядку замѣщенія должностей ректора и проректора. Кандидатъ въ деканы на четырехлѣтній срокъ избирается факультетомъ изъ числа ординарныхъ профессоровъ и утверждается министромъ, а въ случаѣ двукратнаго неутвержденія факультетскаго кандидата министру предоставляется право назначить декана по своему усмотрѣнію изъ числа ординарныхъ профессоровъ даннаго факультета. Составленное такимъ образомъ правленіе вѣдаетъ всѣ административныя и хозяйственныя дѣла университета, будучи совершенно самостоятельно отъ совѣта, но находясь подъ постояннымъ контролемъ попечителя. Всѣ должностныя лица, имѣющія непосредственное отношеніе къ хозяйству университета, представляются правленію ректоромъ по соглашенію съ совѣтникомъ по хозяйственной части, а утверждаются въ своихъ должностяхъ попечителемъ. Подобнымъ же образомъ секретарь правленія, бухгалтеръ и другія должностныя лица утверждаются попечителемъ. Попечитель же утверждаетъ составленныя правленіемъ правила для завѣдыванія университетскими клиниками. Наконецъ, попечителю проектъ новаго устава предоставляетъ назначеніе стипендій и пособій студентамъ по ходатайству факультетовъ и утвержденіе условій и контрактовъ, заключенныхъ университетскимъ правленіемъ на сумму, не превышающую 10.000 р. Условія же и контракты на сумму свыше 10.000 р., а также предположенія факультетовъ объ учрежденіи учебно-вспомогательныхъ установленій утверждаются министромъ по представленію правленія.

Университетскій совѣтъ оказывается такимъ образомъ по про-

екту новаго устава почти совершенно устраненнымъ отъ завѣдыванія административными и хозяйственными дѣлами университета. Но почти въ такой же мѣрѣ проектъ устраняетъ совѣтъ и отъ участія въ завѣдываніи собственно ученой и учебной дѣятельностью университета. Избраніе профессоровъ, совершающееся теперь въ совѣтѣ, проектъ новаго устава переноситъ въ факультетскія собранія. Согласно проекту, факультеты избираютъ кандидатовъ на вакантныя должности профессоровъ и доцентовъ, а министръ или утверждаетъ одного изъ представленныхъ факультетомъ кандидатовъ, или же замѣщаетъ вакантную должность лицомъ по своему усмотрѣнію, причемъ для занятія профессорской должности это лицо должно имѣть степень доктора. Совершающіеся въ факультетахъ выборы секретарей факультетовъ, лекторовъ и лицъ, состоящихъ при учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ, а также допущеніе къ чтенію лекцій въ университетѣ лицъ, имѣющихъ право быть приватъ-доцентами, поступаютъ на утвержденіе попечителя. Помимо того къ вѣдѣнію факультетовъ проектъ относитъ распредѣленіе читающихъ курсовъ по учебнымъ годамъ, разсмотрѣніе программъ, составленіе правилъ для устройства научныхъ кружковъ, разрѣшеніе отдѣльныхъ дѣлъ о пріемѣ въ число студентовъ и постороннихъ слушателей и о переходѣ студентовъ изъ одного университета въ другой, ходатайства о назначеніи студентамъ стипендій и пособій и присужденіе съ утвержденія совѣта учебныхъ степеней. Важнѣйшимъ изъ этихъ дѣлъ могло бы явиться установленіе факультетскихъ программъ, но, согласно проекту, лишь детали этого дѣла передаются факультетамъ, а разработка учебныхъ плановъ, общихъ для всѣхъ университетовъ, будетъ производиться министерствомъ помимо факультетовъ. И выработку общихъ плановъ учебныхъ занятій въ университетѣ, и подборъ лицъ, входящихъ въ составъ университетскаго преподавательскаго персонала, министерство оставляетъ такимъ образомъ за собою, отстраняя отъ этихъ дѣлъ университетскій совѣтъ и отводя въ нихъ факультетамъ совершенно подчиненную роль.

Отстраненіе университетскаго совѣта отъ завѣдыванія административными, хозяйственными и учебными дѣлами университета сопровождающая проектъ объяснительная записка оправдываетъ тѣмъ соображеніемъ, что подчиненіе факультетовъ и правленія совѣту лишаетъ факультеты и правленіе самостоятельности и сознанія отвѣтственности, а съ другой стороны, передача совѣту всѣхъ дѣлъ, касающихся жизни университета, ведетъ къ случайнымъ рѣшеніямъ, сообразно тому или иному настроенію совѣтскаго большинства. Въ данномъ случаѣ мы опять имѣемъ дѣло съ эвфемизмомъ, за которымъ однако не такъ трудно разглядѣть дѣйствительную мысль авторовъ проекта. Въ частности самостоятельность университетскаго правленія, которую такъ заботливо охраняетъ министерскій проектъ, является довольно-таки оригинальной само-

стоятельностью. Оберегая самостоятельность правленія отъ совѣта, проектъ въ то же время всецѣло подчиняетъ это правленіе власти попечителя и министерства, и дѣло сводится такимъ образомъ не къ самостоятельности даннаго органа университетскаго управленія—самостоятельности, къ слову сказать, совершенно ненужной и невозможной,—а къ независимости избранныхъ министерствомъ чиновниковъ отъ коллегіи университетскихъ профессоровъ. Въ постановкѣ министерскаго проекта ректоръ и его товарищи по правленію являются, дѣйствительно, не столько выборными представителями университета, сколько министерскими чиновниками. Съузивъ составъ университетскаго совѣта и ограничивъ его исключительно ординарными профессорами, министерство все-таки и къ этому съуженному совѣту не питаетъ большого довѣрія и старается въ своемъ проектѣ насколько только возможно сократить и совѣтскую компетенцію. И этотъ принципъ недовѣрія даже къ наиболѣе благонадежнымъ съ точки зрѣнія самого министерства элементамъ университета проведенъ въ проектѣ новаго устава и дальше. Обставивъ избраніе ректора такими условіями, которыя почти что приравниваютъ это избраніе къ прямому назначенію, министерство тѣмъ не менѣе считаетъ нужнымъ придать въ помощь ректору для завѣдыванія хозяйственной частью уже непосредственно назначеннаго чиновника и въ своихъ мотивахъ откровенно заявляетъ, что, по его мнѣнію, только такой чиновникъ способенъ внести планомѣрность въ университетское хозяйство. Тѣмъ же недовѣріемъ проникнуты и статьи проекта, устанавливающія порядокъ избранія проректора и факультетскихъ декановъ, и постановленія, опредѣляющія компетенцію университетскаго правленія. Даже къ этой небольшой, имъ самимъ спеціально подобранной коллегіи университетскихъ профессоровъ министерство не чувствуетъ довѣрія и, говоря о необходимости оградить ея самостоятельность, на дѣлѣ старается возможно больше ограничить свободу ея дѣйствій, тщательно подчиняя ихъ своимъ указаніямъ.

Въ концѣ концовъ профессорская автономія университетовъ во всѣхъ ея проявленіяхъ безслѣдно уничтожается проектомъ новаго устава и въ дѣлѣ управленія университетами, какъ и въ дѣлѣ устройства ихъ учебной части, водворяется строго бюрократическій порядокъ, совершенно аналогичный тому, какой былъ въ свое время созданъ уставомъ 1884 г., затѣмъ постепенно подтачивался жизнью и, наконецъ, окончательно рухнулъ въ 1905—6 гг. Теперь проектируется полное возвращеніе къ этому старому порядку. И то же самое возвращеніе къ старому порядку намѣчается министерскимъ проектомъ и въ другой сферѣ университетской жизни — въ сферѣ отношеній университета къ студентамъ. Проектъ новаго устава самымъ рѣшительнымъ образомъ зачеркиваетъ всѣ измѣненія, происшедшія въ этой сферѣ за послѣдніе годы, и настойчиво стремится вернуть студентовъ въ то положеніе, какое было создано для нихъ

уставомъ 1884 г.,—положеніе отдѣльныхъ посѣтителей университета.

Общеніе между профессорами и студентами, согласно проекту новаго устава, должно ограничиваться лишь сферою учебныхъ занятій, такъ какъ университеты представляютъ собою лишь учебныя учрежденія и имъ «не подъ силу воспитательныя задачи». Вмѣстѣ съ тѣмъ проектъ не допускаетъ въ стѣнахъ университета никакихъ студенческихъ собраній, за исключеніемъ лишь «обычныхъ собраній для слушанія лекцій и для практическихъ занятій». Всѣ посороннія учебнымъ цѣлямъ общества—увѣряетъ приложенная къ проекту объяснительная записка—только отвлекаютъ студентовъ отъ учебныхъ занятій и поэтому въ стѣнахъ университета не можетъ быть допущена дѣятельность какихъ бы то ни было студенческихъ обществъ и организацій. По словамъ записки, опытъ правилъ 11-го іюня 1907 г., давшихъ возможность образованія студенческихъ обществъ и организацій въ стѣнахъ университетовъ, привелъ лишь къ тому, что безчисленныя студенческія общества своими постоянными собраніями и сходками стали угрожать университетамъ полнымъ прекращеніемъ собственно учебной дѣятельности. «Пора—восклицаютъ авторы записки—прекратить въ университетахъ господство студенческой сходки. Пора у политической смуты отнять университеты, которыми она пользуется, какъ своими надежными цитаделями, пора установить незыблемымъ закономъ, что наши университеты существуютъ только для науки и ученія». Въ соотвѣтствіи съ этими патетическими заявленіями министерскій проектъ намѣчаетъ на будущее время такой порядокъ, при которомъ студентамъ не возбранялось бы образовывать разнаго рода общества, но исключительно на основаніи общихъ законоположеній и съ тѣмъ, чтобы дѣятельность этихъ обществъ происходила внѣ стѣнъ университета. Подобнымъ же образомъ студентамъ предоставляется устраивать и собранія внѣ стѣнъ университета на основаніи общихъ законоположеній.

Въ доказательство правильности такого порядка объяснительная записка къ проекту ссылается на примѣръ нѣкоторыхъ западно-европейскихъ университетовъ. Едва-ли только эта ссылка можетъ показаться для кого-либо, кромѣ самихъ авторовъ проекта, сколько-нибудь убѣдительной. Оставаясь въ области чистой теоріи, можно, пожалуй еще спорить о томъ, что лучше—создавать ли организацію студенчества на особыхъ основаніяхъ внутри стѣнъ высшей школы или предоставлять ему лишь возможность, наравнѣ со всѣми обывателями, свободной организаціи внѣ этихъ стѣнъ.

Но въ условіяхъ современной русской дѣйствительности предоставлять учащейся молодежи возможность устройства обществъ и собраній лишь внѣ стѣнъ высшей школы, на основаніи общихъ законоположеній,—это ужъ слишкомъ простой и грубый эвфемизмъ, похожій на злорадную насмѣшку. Въ самомъ дѣлѣ, врядъ-ли кто-

либо рѣшится сомнѣваться въ томъ, что предоставленіе студенчеству русскихъ университетовъ возможности устройства обществъ и собраній на общихъ основаніяхъ съ остальными обывателями при нынѣшнихъ условіяхъ неминуемо поведетъ къ полному уничтоженію всякихъ студенческихъ организацій, за исключеніемъ развѣ организацій «патріотическаго» типа. И, конечно, именно этого результата и стремится достигнуть министерство своимъ проектомъ, а вовсе не порядковъ западно-европейскихъ университетовъ. Ставя себѣ эту, далеко не новую въ исторіи русской высшей школы, задачу, проектъ новаго устава и средство для ея разрѣшенія выбираетъ въ достаточной степени старое. Уничтоженная было въ виду признанія полной ея ненадобности университетская инспекція возрождается министерскимъ проектомъ, возрождается, правда, подъ новымъ именемъ, но съ прежнимъ, нисколько не измѣненнымъ характеромъ. Ближайшее наблюденіе за исполненіемъ студентами всѣхъ университетскихъ правилъ проектъ возлагаетъ именно на особыхъ факультетскихъ приставовъ, избираемыхъ ректоромъ и утверждаемыхъ въ своей должности попечителемъ, причемъ попечителемъ же утверждается и инструкція для дѣйствій этихъ приставовъ.

Возстановляя университетскую инспекцію, уничтожая возможность живого общенія студентовъ между собою и съ профессорами въ стѣнахъ университета, всецѣло подчиняя замѣщеніе профессорскихъ каѳедръ и административныхъ должностей въ университетѣ усмотрѣнію министерства, умаляя значеніе и компетенцію университетскаго совѣта, проектъ новаго устава воскрешаетъ тѣ самые принципы, на которыхъ былъ построенъ университетскій уставъ 1884 г., и въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ проводитъ ихъ даже дальше, чѣмъ они были проведены въ этомъ послѣднемъ. Лишь въ двухъ существенныхъ пунктахъ проектъ новаго устава расходится съ уставомъ 1884 г. Введенная послѣднимъ гонорарная система вознагражденія профессоровъ новымъ проектомъ отмѣняется и взамѣнъ ея устанавливается повышенный размѣръ профессорскаго жалованья. Однако при этомъ плата студентовъ за обученіе оставляется приблизительно въ томъ же размѣрѣ, какой она получила благодаря введенію гонорарной системы,—100 р. въ годъ въ провинціальныхъ университетахъ, а въ петербургскомъ и московскомъ, «во избѣжаніе скопленія студентовъ въ столичныхъ университетахъ», даже повышается до 150 р. въ годъ. Такимъ образомъ предполагаемая отмѣна гонорарной системы во всякомъ случаѣ не удешевитъ университетскаго образованія и на студенческомъ карманѣ скорѣе отразиться въ неблагопріятную для него сторону. Другое серьезное отличіе проекта новаго устава отъ устава 1884 г. заключается въ томъ, что первый отмѣняетъ государственные экзамены, введенные послѣднимъ и оказавшіеся на практикѣ совершенно неудачными. Однако, отмѣняя государственные экза

мены, новый проектъ предполагаетъ создать на мѣсто ихъ для полученія правъ государственной службы экзамены вѣдомственные, которые едва-ли могутъ быть сколько-нибудь болѣе удачными. И въ этомъ случаѣ различіе новаго проекта отъ устава 1884 г. оказывается такимъ образомъ въ концѣ концовъ не такъ ужъ велико. И, если оцѣнивать не детали современнаго министерскаго проекта, а руководящія его тенденціи, тѣ главныя цѣли, которыя онъ себѣ ставитъ, и тѣ средства, какія онъ намѣчаетъ для ихъ достиженія, то въ качествѣ послѣдняго итога придется сказать, что авторы этого проекта стремятся къ возстановленію въ русскихъ университетахъ того самаго порядка, какой пытались создать въ нихъ еще творцы устава 1884 г.

Съ этой именно точки зрѣнія и оцѣниваютъ проектъ новаго университетскаго устава самые различные органы нашей печати, согласно усматривающіе въ этомъ проектѣ ничто иное, какъ попытку возстановить въ университетской жизни порядки, вводившіеся въ нее въ 1884 г. И нужно прибавить, что эта попытка въ общемъ нашла себѣ довольно единодушную оцѣнку въ весьма разнообразныхъ органахъ нашей печати.

«Проектируемая «реформа»,—писали нѣсколько недѣль тому назадъ по поводу изложеннаго проекта «Русскія Вѣдомости»,—не имѣетъ ничего общаго съ интересами университетовъ, какъ ученыхъ и учебныхъ заведеній. Это мѣра исключительно политическая, стремящаяся къ тому, чтобы задушить въ университетахъ всякую тѣнь самостоятельности въ дѣлахъ, составляющихъ область ихъ компетенціи, и сдѣлать ихъ послушными орудіями правительственной политики. Только съ этой точки зрѣнія и могутъ быть надлежащимъ образомъ поняты и оцѣнены нововведенія, предлагаемыя г. Шварцемъ *).

Приблизительно аналогичную оцѣнку, лишь высказанную въ нѣсколько иныхъ выраженіяхъ, дала министерскому проекту и такая далекая отъ «Русскихъ Вѣдомостей» газета, какъ «Новое Время». Послѣднее, правда, нашло что и похвалить въ этомъ проектѣ. Оно съ удовольствіемъ отмѣчаетъ «положительную сторону» проекта, заключающуюся въ томъ, что онъ «избралъ правильную точку зрѣнія на задачи университета, какъ учрежденія, гдѣ студенты только учатся», и устранило «въ отношеніяхъ профессоровъ и студентовъ все то, что отвлекало академическую жизнь отъ ея прямого назначенія». Но наряду съ этимъ всѣ остальныя стороны проекта, въ томъ числѣ даже и тѣ, которыя по существу своему какъ нельзя болѣе тѣсно связаны съ только что указанной, встрѣтили на столбцахъ «Новаго Времени» весьма рѣшительно выраженное неодобреніе.

«Огромнымъ недостаткомъ новаго проекта,—писала названная газета,—является полное нежеланіе считаться съ печальными опытами прошлаго.

---

*) «Р. Вѣдомости», 13 мая.

Въ сущности новый уставъ, несмотря на введеніе выборнаго начала при замѣщеніи должностей ректора и декановъ, является неудачной копіей устава 84 года. Особенно ярко это сказалось въ параграфахъ объ отношеніяхъ попечителя къ университету...

«Проектъ,—замѣчала далѣе газета по поводу намѣренія перенести разработку учебныхъ плановъ въ министерство,—урѣзываетъ факультеты даже въ тѣхъ правахъ, которыя принадлежали имъ по уставу гр. Толстого. Трудно сказать, для чего такая мѣра».

Не одобрило, наконецъ, «Новое Время» и системы экзаменовъ, намѣчаемой проектомъ новаго устава.

«Въ своемъ подражаніи нѣмецкой системѣ,—утверждало оно,—новый проектъ идетъ еще дальше устава 84 г., несмотря на то, что сама жизнь доказала несостоятельность нѣмецкой системы для русскихъ университетовъ. Вмѣсто государственныхъ коммиссій, выдающихъ государственные дипломы, новый уставъ вводитъ коммиссіи вѣдомственныя... Трудно надѣяться, что чиновники, изъ которыхъ будутъ состоять вѣдомственныя коммиссіи, окажутся достаточно компетентными для оцѣнки научной подготовки кандидатовъ, ищущихъ профессіональныхъ правъ. Результатомъ этого копированія нѣмецкаго устава явится еще большее паденіе государственнаго диплома, и такъ стоящаго чрезвычайно низко. Легко предвидѣть, что программы вѣдомственной коммиссіи будутъ опредѣлять размѣры университетскаго преподаванія, подобно тому, какъ сейчасъ программы государственныхъ коммиссій, устарѣвшія, несовершенныя, переставшія отвѣчать современнымъ требованіямъ науки, опредѣляютъ содержаніе университетскаго преподаванія и по-сейчасъ.

«Благодаря уставу,—заключала газета,—реформа университетскаго преподаванія, столь необходимая, сдѣлается совершенно невозможной. Студенты будутъ изучать только то, что съ нихъ будутъ спрашивать въ вѣдомственныхъ коммиссіяхъ, а профессора не только будутъ лишены авторитета, но и возможности реорганизовать университетское преподаваніе *).

Уже изъ этихъ отзывовъ двухъ столь далекихъ другъ отъ друга органовъ печати, отзывовъ, къ которымъ при желаніи легко было бы присоединить много другихъ, вполнѣ аналогичныхъ по своему содержанію, можно видѣть, что составленный министерствомъ г. Шварца проектъ новаго университетскаго устава въ очень различныхъ кругахъ нашего общества будетъ встрѣченъ далеко не сочувственно. И тѣмъ не менѣе министерство народнаго просвѣщенія знало, что дѣлало, внося этотъ проектъ въ Государственную Думу, и можетъ въ сущности быть совершенно спокойнымъ за его судьбу.

Было, правда, время, и не такъ еще давнее, когда нѣкоторые либеральные публицисты даже волновавшуюся учащуюся молодежь успокаивали увѣреніями, что не только оппозиціонныя партіи, но и октябристскій центръ третьей Думы настроенъ противъ реакціонныхъ стремленій г. Шварца и что поэтому Дума непремѣнно что-то сдѣлаетъ для высшей школы и въ чемъ-то обуздаетъ мини-

*) «Новое Время», 13 мая.

стерство народнаго просвѣщенія. Однако, этимъ увѣреніямъ и тогда вѣрили немногіе и вѣрили плохо, а теперь едва-ли найдутся и желающіе повторять ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, думскіе октябристы успѣли съ той поры показать себя во весь свой ростъ и какъ нельзя болѣе наглядно выяснить даже въ глазахъ наиболѣе наивныхъ и довѣрчивыхъ людей, какую собственно цѣну имѣютъ завѣренія единомышленниковъ г. Гучкова объ ихъ готовности сопротивляться реакціоннымъ стремленіямъ правительства въ той или иной области. Успѣло, съ другой стороны, вполнѣ выясниться на практикѣ и то обстоятельство, какая судьба можетъ ожидать поправки, вносимыя Думою въ правительственные законопроекты, въ томъ случаѣ, если эти поправки сколько-нибудь расходятся съ господствующимъ теперь въ правящихъ сферахъ настроеніемъ. Несомнѣнно, послушное правительственнымъ велѣніямъ третьедумское большинство покорно приметъ всѣ проекты министерства народнаго просвѣщенія, что бы ни думали отдѣльные члены этого большинства о такихъ проектахъ. А если бы даже, сверхъ всякаго ожиданія, въ Государственной Думѣ и составилось большинство въ пользу тѣхъ или иныхъ частныхъ поправокъ къ министерскому законопроекту, то послѣдній еще можетъ быть возстановленъ и, конечно, будетъ возстановленъ въ своемъ первоначальномъ видѣ въ Государственномъ Совѣтѣ, который не замедлитъ придти на помощь правительству въ дѣлѣ искорененія крамолы и укрѣпленія «обновленнаго строя», укрѣпленія быстро приравнивающаго этотъ строй во всѣхъ его деталяхъ къ старому порядку. Это можно было бы предсказать и на основаніи однихъ апріорныхъ соображеній, но апріорныя соображенія въ данномъ случаѣ легко снабдить и обильными фактическими иллюстраціями. Послѣднія недѣли только что закончившейся сессіи нашихъ «законодательныхъ учрежденій» дали въ этомъ отношеніи, пожалуй, особенно обильный и краснорѣчивый матеріалъ.

Стоитъ припомнить, въ самомъ дѣлѣ, хотя бы тѣ засѣданія Государственной Думы, въ которыхъ обсуждался правительственный законопроектъ о введеніи земства въ шести сѣверо-западныхъ губерніяхъ. Первоначально, когда этотъ проектъ былъ только что внесенъ въ Государственную Думу, октябристы какъ будто почувствовали себя нѣсколько неловко и были какъ будто до нѣкоторой степени смущены странностью своего положенія. Они выставляли себя сторонниками земскаго и городского самоуправленія, а имъ предложили дать свою подпись подъ проектомъ, вводящимъ въ западныхъ губерніяхъ подъ именемъ земства учрежденія чисто бюрократическаго типа, построенные на принципѣ недовѣрія власти къ мѣстному населенію и всемогущества чиновничестве по отношенію къ выборнымъ должностнымъ лицамъ. Октябристы говорили о своемъ стремленіи хотя бы постепенно и хотя бы въ нѣкоторыхъ областяхъ жизни установить равноправіе

національностей и въ частности не безъ торжественности обѣщали полякамъ въ области земскаго самоуправленія, по крайней мѣрѣ, тѣ же права, какими располагаетъ русское населеніе, а теперь тѣмъ же самымъ октябристамъ предложили утвердить своимъ именемъ рядъ искусственныхъ и доведенныхъ до послѣдней степени изощренности мѣръ, направленныхъ къ тому, чтобы не впустить поляковъ въ будущія земскія учрежденія западнаго края. Октябристы, наконецъ, заявляли о себѣ, будто они являются сторонниками всесословности мѣстнаго самоуправленія, а отъ нихъ потребовали утвержденія законопроекта, откровенно и грубо ставящаго своею цѣлью охрану интересовъ кучки русскихъ помѣщиковъ края одновременно противъ интересовъ польскихъ помѣщиковъ и противъ интересовъ русскихъ, бѣлорусскихъ, малорусскихъ и литовскихъ крестьянъ. Крайняя обнаженность этихъ требованій заставила поколебаться даже часть октябристовъ при всей ихъ привычкѣ слѣпо слѣдовать за правительствомъ, приведшимъ ихъ въ третью Думу, и пользоваться своей партійной программой исключительно какъ ни къ чему не обязывающей вывѣской. Въ думской комиссіи, обсуждавшей правительственный законопроектъ, октябристами были предложены къ нему нѣкоторыя частныя поправки, мало что измѣнявшія въ его основной сущности, но, по крайней мѣрѣ, по видимости сглаживавшіе кое-какіе наиболѣе острые углы. Поправки эти октябристамъ и удалось провести въ комиссіи, но вслѣдъ за тѣмъ при окончательномъ обсужденіи проекта въ его цѣломъ въ ней составилось большинство противъ него: представители оппозиціонныхъ группъ голосовали противъ него, какъ не удовлетворяющаго ихъ основнымъ требованіямъ даже послѣ принятыхъ къ нему поправокъ; представители крайнихъ правыхъ группъ, въ свою очередь, голосовали противъ него, какъ испорченнаго поправками октябристовъ, и въ результатѣ проектъ собралъ за себя меньшинство голосовъ и оказался отвергнутымъ комиссіей. Немедленно вслѣдъ за обнаруженіемъ этого результата, дѣлавшаго гадательной судьбу проекта въ самой Думѣ, на столбцахъ близкихъ къ правящимъ сферамъ органовъ прессы появился рядъ внушительныхъ предостереженій по адресу октябристскаго центра третьей Думы.

Дѣло правительственнаго законопроекта—писало «Новое Время»—само по себѣ чрезвычайно важное съ точки зрѣнія какъ общественныхъ, такъ и мѣстныхъ интересовъ, по своей тѣсной соприкосновенности съ національнымъ вопросомъ пріобрѣтаетъ исключительное значеніе. Третьей Государственной Думѣ представляется случай высказаться съ полной ясностью, является ли она «русскою по духу», какою ожидалъ ее видѣть высочайшій манифестъ о созывѣ третьей Думы, или же и на сей разъ она не оправдаетъ возлагавшихся на нее ожиданій...

Думская комиссія—продолжала газета—«внесла въ законопроектъ такія измѣненія, которыя, если бы вошли въ законъ, несомнѣнно отдали бы русское дѣло въ Западномъ краѣ въ польскія руки, и эти измѣненія

были проведены при дѣятельномъ участіи членовъ комиссіи отъ октябристовъ. Правда, въ концѣ концовъ сама комиссія въ своемъ большинствѣ смутилась передъ этими исправленіями и совершилось даже нѣчто безпримѣрное: комиссія сама отклонила законопроектъ, ею составленный взамѣнъ правительственнаго. Но разъ оказался возможнымъ такой исходъ дѣла въ комиссіи, не служитъ ли онъ предуказаніемъ, что и въ пленарныхъ засѣданіяхъ Думы не исключена возможность чего-нибудь подобнаго? Это было бы—немедленно прибавляла газета—для третьей Думы все равно, что выдать себѣ testimonium paupertatis, и на такомъ дѣлѣ, гдѣ ея состоятельность особенно необходима и гдѣ эта состоятельность всего меньше возбуждала сомнѣній».

И, стремясь предотвратить такую опасность, „Новое Время" даже увѣряло октябристовъ, будто въ русскомъ обществѣ они пользуются „репутаціей мужественныхъ борцовъ за единство и цѣлость Россіи".

«Поддержите же эту репутацію, г.г. октябристы!—патетически взывала газета.—Для васъ насталъ часъ испытанія, насколько эта репутація соотвѣтствуетъ дѣйствительности, и нужно ли прибавлять о горестномъ провалѣ, который немедленно вамъ грозитъ въ русскомъ общественномъ мнѣніи, если нынѣшній экзаменъ вы не выдержали?» *)

Эти строгія увѣщанія и патетическіе призывы вызвали было вначалѣ со стороны октябристской печати нѣкоторый, хотя и весьма скромный, отпоръ. Октябристскій «Голосъ Москвы» соглашался съ «Новымъ Временемъ», что обсужденіе въ Думѣ вопроса о земствѣ въ западномъ краѣ должно явиться «экзаменомъ». «Но—прибавлялъ октябристскій оффиціозъ —это экзаменъ не для однихъ октябристовъ: всѣ думскія партіи будутъ проэкзаменованы и встанутъ во весь свой ростъ». Впрочемъ, «Голосъ Москвы» готовъ былъ согласиться и съ тѣмъ, что «наиболѣе отвѣтственнымъ и рѣшающимъ этотъ экзаменъ будетъ для группъ центра: націоналистовъ и октябристовъ». Но исходъ «экзамена» этихъ группъ, по мнѣнію газеты, не могъ подвергаться никакимъ сомнѣніямъ.

«Положеніе, занятое націоналистами,—увѣрялъ «Голосъ Москвы»—не вызываетъ сомнѣній. Но и октябристы въ національно-политическихъ вопросахъ стали совершенно твердо и опредѣленно, положивши краеугольнымъ камнемъ національное и государственное достоинство Россіи и ея великаго коренного русскаго народнаго ядра».

Заявляя такимъ образомъ отъ имени октябристовъ объ ихъ полной готовности стоять на почвѣ воинствующаго національнаго и не отставать отъ оффиціальныхъ исповѣдниковъ послѣдняго, «Голосъ Москвы» пытался однако вмѣстѣ съ тѣмъ отстоять для думскихъ октябристовъ возможность не соглашаться съ нѣкоторыми частностями правительственнаго законопроекта.

«Нельзя забывать,—говорила по этому поводу газета,—что въ рѣшеніи вопросовъ относительно не-русскихъ группъ населенія мы слишкомъ

*) «Новое Время», 7 мая.

пріучены долголѣтней правительственной политикой къ административно-чиновничьей опекѣ и полицейско-принудительнымъ мѣрамъ, при которыхъ не только инородческіе, но и русскія коренныя силы были стѣснены и подавлены, лишены самодѣятельности. Въ томъ новомъ курсѣ, который шагъ за шагомъ входитъ въ нашу политическую жизнь, естественно, защита національныхъ интересовъ должна быть осуществлена не только въ дѣятельности правительственныхъ агентовъ, но и въ самодѣятельности русскаго населенія. Эта новая струя и выработка формъ жизни естественно вызываютъ разномысліе, требуютъ осторожности и вдумчиваго отношенія, требуютъ такта, ибо охранять и защищать національные и государственные интересы это одно, а вносить ненужныя и очень часто вредныя ограниченія въ положеніе не-русскихъ группъ — это совсѣмъ другое и ненужное дѣло»...

«Наступившіе думскіе дни—заключала газета — будутъ не только серьезными, но боевыми. Пусть октябристы идутъ спокойно и увѣренно, охраняя національно-государственные принципы и не боясь частныхъ отступленій и разногласій, которыя не колеблютъ основъ и сути дѣла, а только практически цѣлесообразно смягчаютъ формы внѣшняго осуществленія твердо проводимыхъ національныхъ началъ» *).

Думскіе октябристы или, по крайней мѣрѣ, довольно многіе изъ нихъ въ свою очередь попытались было вначалѣ удержаться на этой позиціи. При обсужденіи вопроса въ думской фракціи октябристовъ большинство присутствующихъ ея членовъ высказалось за поддержку поправокъ, внесенныхъ въ правительственный законопроектъ думской коммиссіей, и фракціи, во избѣжаніе полнаго раскола, пришлось объявить для своихъ членовъ голосованіе этого вопроса въ Думѣ свободнымъ. Часть октябристскихъ депутатовъ и воспользовалась этой свободой, чтобы голосовать за предложенныя коммиссіей поправки, нѣкоторые же отдѣльные депутаты пошли даже дальше и предварительно вотировали противъ всего законопроекта въ цѣломъ, какъ противорѣчащаго тѣмъ принципамъ, которые были когда-то провозглашены лежащими въ основѣ программы октябристовъ.

«Въ воззваніи союза 17 октября, къ которому я имѣю честь принадлежать,—заявилъ депутатъ Клименко въ засѣданіи Думы 12 мая,—въ воззваніи, подписанномъ, начиная отъ гр. Гейдена и А. И. Гучкова и кончая М. В. Родзянко, въ пунктѣ первомъ, о сохраненіи единства и нераздѣльности, говорится: «при широкомъ развитіи мѣстнаго самоуправленія на всемъ пространствѣ имперіи, при прочно установленныхъ свободахъ, при равномъ участіи всѣхъ русскихъ гражданъ, безъ различія національностей и вѣроисповѣданій, въ созданіи правительственной власти». Предложенный нашему разсмотрѣнію законопроектъ построенъ на другихъ началахъ, на принципѣ національномъ, и поэтому, такъ какъ онъ противорѣчитъ принципамъ той партіи, въ которой я принадлежу, я буду голосовать противъ перехода къ постатейному чтенію. Вмѣстѣ съ тѣмъ я приглашаю сдѣлать это и всѣхъ товарищей по центру. Вниманіе всей страны обращено на центръ Государственной Думы, такъ какъ голоса центра имѣютъ рѣшающее значеніе и въ то же время страна съ горечью видитъ, что центръ не руководится твердыми принципами. Три

---

*) «Голосъ Москвы», 11 мая.

года существуетъ третья Государственная Дума и три года намъ, ортодоксальнымъ октябристамъ, приходится терпѣть, подчиняться и поступаться своими принципами. Я считаю, что этого довольно, что въ будущемъ я могу руководиться только своею совѣстью» *).

«Ортодоксальныхъ октябристовъ», желающихъ «руководиться своею совѣстью», оказалось однако не такъ ужъ много, и переходъ къ постатейному чтенію законопроекта былъ въ концѣ концовъ принятъ Думой, хотя и незначительнымъ большинствомъ голосовъ. А вслѣдъ за тѣмъ большая часть октябристовъ легко пошла и на дальнѣйшія уступки. И понадобилось для этого въ сущности весьма немногое. Стоило предсѣдателю совѣта министровъ объявить всѣ наиболѣе существенныя поправки, предложенныя думской коммиссіей къ правительственному законопроекту, «недопустимыми» и «непріемлимыми» и недвусмысленно намекнуть, что въ случаѣ принятія Думою этихъ поправокъ правительство возьметъ свой проектъ обратно, какъ большинство октябристовъ, въ томъ числѣ и часть тѣхъ, которые первоначально горячо стояли за поправки коммиссіи, перешло къ безусловной поддержкѣ правительственнаго законопроекта. Послѣ того образовавшееся въ пользу проекта большинство, составившееся изъ крайнихъ правыхъ группъ и изъ большей части октябристовъ, повело все дѣло ускореннымъ темпомъ. Засѣданія Думы назначались и днемъ, и вечеромъ, пренія при первой представившейся возможности насильственно прерывались, ораторамъ оппозиціи буквально зажимался ротъ, и въ такихъ условіяхъ правительственный проектъ былъ проведенъ на всѣхъ парахъ, проведенъ почти безъ всякихъ существенныхъ измѣненій. Отдѣльные октябристы продолжали еще и въ этой стадіи голосовать за предложенныя думской коммиссіей поправки, или же воздерживаться отъ голосованія, но большинство единомышленниковъ г. Гучкова съ нимъ самимъ во главѣ блестяще сдали «экзаменъ», къ которому они были призваны, и исправно выполнили переданный имъ подрядъ, лишній разъ продемонстрировавъ пригодность существующей системы «законодательныхъ учрежденій» для проведенія любыхъ требованій правящей бюрократіи.

Не менѣе поучительны были послѣднія недѣли истекшей сессіи и въ другомъ нашемъ «законодательномъ учрежденіи»—въ Государственномъ Совѣтѣ. Въ то самое время, когда въ Государственной Думѣ проводился законопроектъ о западномъ земствѣ, Государственный Совѣтъ занялся исправленіемъ прошедшаго черезъ Думу законопроекта о свободѣ вѣроисповѣданія для старообрядцевъ. На этотъ послѣдній законопроектъ въ его думской обработкѣ и члены октябристскаго центра Думы, и наиболѣе упорные оптимисты изъ болѣе либерально настроенныхъ круговъ особенно охотно указывали всегда, какъ на одно изъ главныхъ, если не главное,

*) «Рѣчь», 13 мая; «Новое Время», 13 мая.

доказательство того, что «обновленный строй» не исчерпывается однѣми репрессіями и что дѣйствующія «законодательныя учрежденія», по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ областяхъ жизни могутъ принести долю положительной пользы. Дума, дѣйствительно, внесла въ данномъ случаѣ нѣкоторыя либеральныя, хотя въ большинствѣ своемъ и половинчатыя, поправки въ министерскій законопроектъ, но тогда же, конечно, самъ собою вставалъ вопросъ, что сдѣлаетъ съ этими поправками Государственный Совѣтъ. Теперь Совѣтъ далъ отвѣтъ на этотъ вопросъ.

Коммиссія, выдѣленная Государственнымъ Совѣтомъ изъ своей среды для предварительнаго обсужденія законопроекта, выработала въ немъ такія измѣненія, въ результатѣ которыхъ не только уничтожались всѣ поправки, принятыя Думой, но отмѣнялись даже нѣкоторыя облегченія, данныя старообрядцамъ указами 17 апрѣля 1905 г. и 17 октября 1906 г. Въ свою очередь въ общихъ засѣданіяхъ Государственнаго Совѣта эти измѣненія горячо защищались и поддерживались цѣлымъ рядомъ ораторовъ, исходившихъ изъ одного и того же, всѣмъ имъ равно общаго, представленія объ отношеніяхъ церкви и государства.

Нельзя—доказывалъ П. Н. Дурново—идти по пути прогресса слишкомъ быстро и разбрасывать все старое. Если гражданскія учрежденія станутъ устраивать церковныя дѣла, то эти учрежденія могутъ забѣжать впередъ такъ далеко, что забудутъ и церковь. Вообще бѣжать впередъ съ завязанными глазами, лишь бы удовлетворять теоретическимъ соображеніямъ, и бросать по пути все, чѣмъ живо государство, въ томъ числѣ и православную церковь, неразумно. Старообрядцамъ можно, пожалуй, дать кой-какія небольшія льготы, но не надо забывать, что за религіозными цѣлями могутъ скрываться цѣли политическія, и, въ частности, нельзя утверждать религіозныя общины, противныя государственному порядку и общественной безопасности, и не слѣдуетъ разрѣшать старообрядцамъ открывать свои среднія и спеціальныя школы. Нельзя—заявлялъ другой ораторъ, протоіерей Буткевичъ,—предоставить старообрядцамъ право свободной проповѣди, хотя бы даже ограниченное стѣнами храмовъ и благотворительныхъ учрежденій, такъ какъ такая проповѣдь представляетъ собою прямую опасность, и притомъ опасность не столько даже для церкви, сколько для государства, охраняемаго въ данномъ случаѣ церковью. Истина только одна, а старообрядцы уклонились отъ ученія апостольской церкви и поэтому не могутъ проповѣдывать правды и истины. Нельзя поэтому и называть старообрядческое духовенство священнослужителями. Священнослужителями называются только тѣ, кто воспріялъ благодать священства, и, если утверждать, что старообрядческіе іерархи воспріяли священство и носятъ на себѣ благодать, то тѣмъ самымъ отрицается благодать священства за православными іерархами, а это будетъ уже насиліемъ надъ совѣстью

православныхъ. Съ еще большею энергіей выразилъ ту же самую мысль архіепископъ варшавскій Николай, облекшій ее, между прочимъ, въ форму характерныхъ сравненій и сопоставленій.

Представьте себѣ,—говорилъ этотъ ораторъ въ засѣданіи Государственнаго Совѣта 13 мая,—если бы св. синодъ въ одно прекрасное утро, вдругъ распубликовалъ пастырское посланіе о томъ, что наказывать гражданскихъ, государственныхъ, политическихъ революціонеровъ оскорбительно и жестоко, что они имѣютъ право высказывать свои мысли и убѣжденія и увлекать другихъ и потому ихъ не слѣдуетъ преслѣдовать. Что сказалъ бы товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ Курловъ? Онъ сказалъ бы: святые отцы, въ здравомъ ли вы умѣ?"

А между тѣмъ—доказывалъ ораторъ,—намъ предлагаютъ нѣчто совершенно подобное: министерство внутреннихъ дѣлъ въ объяснительной запискѣ къ проекту утверждало, что между расколомъ и православіемъ нѣтъ никакой разницы, кромѣ разницы въ обрядахъ, на дѣлѣ же раскольники являются еретиками и своею проповѣдью разрушаютъ основные догматы церкви.

„Нѣтъ,—продолжалъ ораторъ,—признавая раскольничью іерархію въ сущемъ санѣ благодати, отнимаютъ половину правъ у православной церкви. Уже теперь къ нимъ подходятъ подъ благословеніе чиновники. И вотъ вамъ крестный ходъ: самозванцы мужики напялили на себя то же, что и православные іерархи. Вѣдь это скандалъ, страшный соблазнъ. Представьте себѣ, что сказалъ бы министръ финансовъ, еслибы къ нему явился секретарь и сказалъ: «Владиміръ Николаевичъ, вотъ министръ внутреннихъ дѣлъ, Дума и Государственный Совѣтъ порѣшили, пусть фальшивыя бумаги и монеты ходятъ, какъ настоящія». Онъ бы сказалъ: «Въ здравомъ ли они умѣ, вѣдь это раззореніе государства?» Не то же ли и здѣсь? Государство разрѣшаетъ и благословляетъ фальшивую благодать. Что сказалъ бы военный министръ, еслибы ему доложили, что какіе-то мужики понадѣвали генеральскіе и полковничьи костюмы съ лентами и звѣздами и въ нихъ ходятъ. Онъ приказалъ бы, конечно, ихъ арестовать и, Богъ знаетъ, что сдѣлать. Военные честь мундира считаютъ своего рода культомъ. Братья Коваленскіе даже стрѣляли, защищая честь мундира, но вѣдь здѣсь не мундиръ, здѣсь побольше мундира. Здѣсь сакраментальная вещь, освѣщаемое церковью облаченіе. И вотъ теперь мужики-самозванцы ходятъ въ нашихъ митрахъ, высочайше пожалованныхъ намъ крестахъ, именуютъ себя священниками. Попустительство этому оскорбляетъ православную церковь, обезцѣниваетъ священныя вещи до рыночныхъ тряпокъ". *)

Государство не могло измѣнять правового положенія старообрядцевъ, доказывалъ архіеп. Николай, такъ какъ тѣмъ самымъ оно отмѣняетъ постановленія соборовъ 1666 и 1667 гг., признавшихъ раскольниковъ мятежниками, раздорниками и непослушниками церкви. Направлять же явленія церковной жизни и опредѣлять отношенія къ нимъ можетъ только одна церковь, черезъ соборъ, который является органомъ ея сознанія. Отношенія между православною церковью и государствомъ заключаются въ томъ, что

*) «Р. Слово», 18 мая.

церковь помогаетъ государству, исполняетъ законы государственные, а государство обязано прислушиваться къ тому, какъ учитъ церковь, и согласовать свои законы съ законами церковными. Свѣтскія учрежденія не могутъ поэтому дать старообрядцамъ того, что составляетъ природу церкви, ея привилегіи. Это можетъ сдѣлать только всероссійскій церковный соборъ съ участіемъ представителей восточныхъ патріарховъ, и самодержавный царь, помазанникъ божій.

Этотъ взглядъ на церковь, какъ на особое вѣдомство, подобно другимъ вѣдомствамъ обслуживающее государство, не вмѣшиваясь въ чужую компетенцію и не допуская вмѣшательства въ свою взглядъ, строго послѣдовательно уподобляющій «честь рясы» «чести мундира» и «благодать» достоинству кредитныхъ бумажекъ, былъ усвоенъ и большинствомъ Государственнаго Совѣта. Съ своей стороны правительство не сочло нужнымъ сколько-нибудь энергично выступить въ Совѣтѣ на защиту своего собственнаго законопроекта. При такихъ условіяхъ напрасно отдѣльные, сравнительно болѣе либерально настроенные члены Совѣта убѣждали своихъ товарищей принять законопроектъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ вышелъ изъ Думы, или, по крайней мѣрѣ, не очень сильно измѣнять его. Напрасно даже гр. Витте увѣщевалъ большинство Совѣта «удержаться отъ высокомѣрія во время удачъ» и, отвергнувъ думскія поправки, не отмѣнять силы дѣйствія указовъ 17 апрѣля 1905 г. и 17 октября 1906 т. Большинство Государственнаго Совѣта осталось совершенно глухо къ этимъ убѣжденіямъ и увѣщаніямъ. Вѣрное своему основному взгляду, оно исключило изъ законопроекта право старообрядцевъ на проповѣдь, выбросило наименованіе старообрядческаго духовенства священнослужителями, ввело воспрещеніе для этого духовенства носить церковное облаченіе внѣ церковныхъ и кладбищенскихъ оградъ, исключило разрѣшеніе старообрядческихъ съѣздовъ и внесло рядъ другихъ измѣненій, не только уничтожающихъ всѣ либеральныя думскія поправки, но и отнимающихъ значительную часть тѣхъ правъ, которыя были даны старообрядцамъ указами 17 апрѣля 1905 г. и 17 октября 1906 г. и составляли, какъ казалось многимъ, уже вполнѣ прочное пріобрѣтеніе старообрядчества. Государственный Совѣтъ и молчаливо одобрявшее его дѣйствія правительство съумѣли показать, что и такое пріобрѣтеніе можно взять назадъ, и отъ него можно вернуться къ старинѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Государственный Совѣтъ съумѣлъ показать и другую сторону дѣла, наглядно выяснивъ, какую цѣну имѣютъ проекты третьей Думы, когда они сколько-нибудь расходятся съ настроеніемъ правящихъ сферъ, и какого рода судьба ожетъ ожидать такіе проекты. Наглядность этого послѣдняго урока была такъ велика и такъ ощутительна, что мимо него, казалось бы, нельзя было пройти безъ вниманія.

Говорили въ Государственномъ Совѣтѣ по поводу старообрядцевъ многое,—писало по этому поводу „Русское Слово,"—и все сказанное невольно вызываетъ горькое недоумѣніе. И эти люди, не имѣющіе никакого понятія о Россіи и русскомъ народѣ, пишутъ для насъ законы. Кажущееся и мнимое они принимаютъ за существующее. Старыя воспоминанія изъ старыхъ казенныхъ бумагъ они отожествляютъ съ дѣйствительностью нашихъ дней.

По такой линіи нашего самобытнаго „конституціоннаго" прогресса,—продолжала названная газета, оцѣнивая конечный итогъ совѣтскихъ преній,—мы дойдемъ до воплощенія въ жизни идеаловъ курскаго депутата Маркова 2-го, Дубровина и о. Восторгова. Въ ихъ глазахъ всѣ, кто не состоитъ членомъ „союза русскаго народа"—пропагандисты и революціонеры. Но они до сихъ поръ дѣлали исключеніе для старообрядцевъ. Въ Государственномъ Совѣтѣ и старообрядцевъ объявили революціонерами *).

Однако, въ лагерѣ октябристовъ, который такъ часто заявлялъ свои симпатіи къ старообрядцамъ, «горькаго недоумѣнія», столь, казалось бы, естественнаго для людей, вѣрившихъ въ успѣхи третьей Думы, что-то не было видно. По крайней мѣрѣ, ни глава октябристовъ, г. Гучковъ, такъ недавно торжественно обѣщавшій «посчитаться и сосчитаться» съ кѣмъ-то, кто мѣшаетъ думскимъ проектамъ проходить въ жизнь, ни вообще думскіе октябристы не проявили никакого особаго неудовольствія ни по адресу Государственнаго Совѣта, ни по адресу правительства, которое заняло въ совѣтскихъ преніяхъ весьма недвусмысленную позицію, само, по ехидному замѣчанію гр. Витте, отказываясь отъ всего того, что имъ было сдѣлано, и демонстративно отсутствуя, когда его проектъ подвергался критикѣ реакціонныхъ совѣтскихъ ораторовъ. Мало того,—изъ урока, преподаннаго думскимъ октябристамъ Государственнымъ Совѣтомъ, они, повидимому, вынесли убѣжденіе въ необходимости еще большаго смиренія и еще большаго преклоненія передъ государственною мудростью людей, которые, «не имѣя никакого понятія о Россіи и русскомъ народѣ, пишутъ для насъ законы». И вслѣдъ за однимъ блестяще сданнымъ «экзаменомъ», по вопросу о западномъ земствѣ, третьедумскіе октябристы не менѣе блестяще сдали и другой «экзаменъ» въ вопросѣ объ аннулированіи финляндской конституціи и расширеніи на Финляндію общеимперскаго законодательства, проведя этотъ вопросъ черезъ Думу путемъ такихъ же, если не болѣе рѣшительныхъ мѣръ, какъ и предшествовавшій вопросъ о западномъ земствѣ. Ни аргументы финляндскаго сейма, ни критика, встрѣченнная правительственнымъ законопроектомъ внутри самой Государственной Думы со стороны оппозиціонныхъ группъ этой послѣдней, ни многозначительныя заявленія отдѣльныхъ депутатовъ Думы, принадлежащихъ къ не-русскимъ національностямъ, ни демонстративный отказъ отъ постатейнаго обсужденія проекта сперва соціалъ-демократической

*) „Р. Слово", 18 мая.

и трудовой фракцій, а затѣмъ, послѣ нѣкотораго колебанія, и конституціонно-демократической фракціи, ни на минуту не остановили думскаго большинства, и это большинство, составившееся изъ крайнихъ правыхъ группъ и изъ октябристовъ, съ крайней поспѣшностью провело законопроектъ, являющійся въ самой основѣ своей глубоко незакономѣрнымъ актомъ и представляющій собою полную отмѣну финляндской конституціи.

Послѣ столь блестящихъ «экзаменовъ» даже у наиболѣе наивныхъ и упорныхъ оптимистовъ, думается, должно исчезнуть всякое сомнѣніе въ полной приспособленности третьей Думы къ правительственнымъ требованіямъ и въ возможности провести черезъ нее любой проектъ, вызванный запросами все возрастающей реакціи. Недаромъ послѣ этихъ экзаменовъ, даже столь наклонная ко всякимъ оптимистическимъ иллюзіямъ газета, какъ «Русь», заговорила о томъ, что существованіе третьей Думы едва ли укрѣпляетъ идею народнаго представительства въ Россіи. Но политическое значеніе послѣднихъ недѣль не исчерпывается тѣмъ, что онѣ лишній разъ выяснили, насколько гибкое и послушное орудіе имѣетъ правительство въ пресловутыхъ нашихъ «законодательныхъ учрежденіяхъ». Наряду съ этимъ, событія только что минувшихъ недѣль освѣтили и другую сторону дѣла, показавъ, какъ быстро возрастаетъ та изолированность власти, о которой я говорилъ на страницахъ «Русскаго Богатства» мѣсяцъ тому назадъ.

Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ поучительны уже случаи протеста со стороны отдѣльныхъ октябристовъ. Не слѣдуетъ, конечно, преувеличивать серьезность такого протеста. Напримѣръ, баронъ Мейендорфъ, столь рѣзко выступившій противъ правительства и противъ главарей своей собственной фракціи въ финляндскомъ вопросѣ, не вышелъ, однако, изъ состава октябристской фракціи и, судя по этому, можно думать, что и впредь онъ далеко не всегда въ своей политической дѣятельности будетъ «руководиться только своей совѣстью». Тѣмъ болѣе можно это думать о рядѣ другихъ протестантовъ изъ октябристскаго лагеря, не столь рѣзко поставившихъ свой протестъ. И тѣмъ не менѣе фактъ протеста, вышедшаго изъ даннаго лагеря, не лишенъ извѣстнаго симптоматическаго значенія, указывая, что и среди тѣхъ общественныхъ элементовъ, которые еще недавно охотно шли въ услуженіе правительству, теперь появляется все больше людей, чрезвычайно неохотно несущихъ на себѣ ярмо такого служенія и въ отдѣльныхъ случаяхъ готовыхъ даже сбросить съ себя это ярмо.

Еще болѣе знаменателенъ, пожалуй, другой фактъ, нашедшій себѣ яркое отраженіе въ словахъ одного изъ польскихъ депутатовъ, сказанныхъ имъ въ Думѣ при обсужденіи правительственнаго законопроекта о Финляндіи.

«Законопроектъ—говорилъ г. Жуковскій въ засѣданіи Думы 22 мая—колеблетъ политическую почву подъ ногами тѣхъ дѣятелей не русскихъ національностей, которые поставили въ основу своей программы лойяльное отношеніе къ русской государственности и которые надѣются, что они долгимъ трудомъ и законными способами могутъ добиться для своего народа извѣстнаго минимума народныхъ правъ...»

«И вотъ въ чемъ—продолжалъ г. Жуковскій—глубокое политическое значеніе этого законопроекта. По существу онъ касается Финляндіи, но онъ ставитъ вмѣстѣ съ этимъ болѣе роковой и широкій вопросъ: вопросъ о томъ, существуетъ ли вообще, при настоящемъ курсѣ правительства и большинства Думы, для не-русскихъ народностей возможность охранять законными путями свою народность въ русскомъ государствѣ? И съ другой стороны: согласима ли поэтому преданность русской государственности со своей не-русской народностью? Вотъ роковой вопросъ, который здѣсь разрѣшается. Представитель центра далъ на этотъ вопросъ отвѣтъ, если не по смыслу, то по тону, по жару рѣчи вполнѣ ясный и отрицательный» *).

Въ устахъ оратора «польскаго кола», довольно долго настойчиво мечтавшаго о соглашеніи съ октябристами, а черезъ нихъ и съ правительствомъ, эти слова трудно понять иначе, какъ засвидѣтельствованіе полнаго и рѣшительнаго отказа отъ такого рода мечтаній со стороны той части польскаго общества, которую представляетъ собою «коло». И съ этой стороны, такимъ образомъ, пропасть между правительствомъ и окружающими его общественными элементами стала еще болѣе глубокой, изолированность власти еще болѣе замѣтной.

Но та же самая финляндская политика правительства, которая повела къ обнаруженію этого факта, вызвала, какъ извѣстно, большой переполохъ и за предѣлами Россіи и дала поводъ къ ряду заявленій со стороны европейскаго общественнаго мнѣнія. Въ Германіи, Франціи, Бельгіи и Англіи крупными учеными, торговыми палатами, наконецъ, членами парламентовъ были приняты резолюціи, рѣшительно осуждавшія попытку нарушенія финляндской коституціи, и часть этихъ резолюцій была направлена ихъ округами непосредственно къ членамъ третьей Государственной Думы. У третьедумскаго большинства нашелся, правда, аргументъ противъ этихъ резолюцій—недопустимость вмѣшательства во внутреннія дѣла Россіи. Но одинъ этотъ аргументъ самъ по себѣ едва ли способенъ отклонить осужденіе цивилизованнаго міра и ослабить послѣдствія такого осужденія. Въ сущности эти послѣдствія уже и нависли надъ оффиціальной Россіей въ формѣ новаго возростанія и изолированности въ Европѣ.

Значеніе указанныхъ фактовъ достаточно ясно и врядъ ли нуждается въ особомъ истолкованіи. Если съ каждымъ мѣсяцемъ все шире и шире развертывается правительственная реакція, не встрѣчающая себѣ пока почти никакого видимаго отпора, то, съ другой стороны, съ каждымъ мѣсяцемъ уменьшается число ея воз-

---

*) „Рѣчь", 23 мая.

можныхъ союзниковъ и возростаетъ изолированность ея главныхъ дѣятелей. Этотъ непрерывно и строго послѣдовательно развивающійся процессъ неизбѣжно ведетъ къ одному опредѣленному результату и весь вопросъ можетъ быть только въ срокѣ наступленія этого результата.

В. Мякотинъ.

Новыя книги.

Литературно-художественные альманахи издательства Шиповникъ. Книга 12. СПБ. 1910. Стр. 295, Ц. 1 р.

Пожалуй, можно было бы не говорить о новомъ альманахѣ Шиповника, если бы въ немъ были только старыя имена; и не потому, чтобы то, что дали здѣсь эти старыя имена, было совсѣмъ дурно, но потому что оно ничего не прибавляетъ ни къ ихъ извѣстности, ни къ уясненію ихъ литературнаго облика. Но здѣсь есть новый, о которомъ стоитъ сказать нѣсколько словъ.

Старые же—на мѣстѣ. «Заря» Бориса Зайцева—изъ его хорошихъ вещей, но это не утренняя его заря. Борисъ Зайцевъ слишкомъ легко раскрылся, слишкомъ легко далъ себя узнать—и подчасъ именно въ хорошемъ вызываетъ вдругъ тяжелую мысль: не исчерпался ли онъ. Опять этотъ прелестный, всепоглощающій жизненный захватъ, опять этотъ срединный міръ полусознательнаго опьяненія—между легкой, дѣйственной, радостной физіологіей и до-человѣческой, пантеистической психологіей, опять эти черточки вкусовыхъ и цвѣтовыхъ ощущеній, опять эти милыя дѣтскія души, въ которыхъ каждый такъ охотно находитъ былого себя, опять эти словечки. По прежнему липы золотѣютъ, утра безсмертны, подснѣжникъ голубѣетъ—и становится немножко скучно. А когда читаешь: «все въ тѣ дни казалось острымъ», (стр. 10) «воздухъ остро вкусенъ» (стр. 18), «острой пахло весной (стр. 34), «волненіе радостное и острое» (стр. 48), «чувствовалъ, что любитъ мать еще острѣе»,—то отъ всей этой монотоной остроты становится немножко стыдно: талантливый вѣдь человѣкъ Зайцевъ, и къ языку внимательный, а вотъ на какихъ мелочахъ попадается. Мелочи ли это? Не симптомы ли? Вотъ вѣдь что любопытно: у старыхъ нашихъ писателей-реалистовъ такого культа формы, изысканности не было и слѣда, исканія шли въ другую сторону, а между тѣмъ на такомъ однообразіи въ языкѣ ихъ не поймаешь, въ манерѣ упрекнуть не сможешь. А новые, перегрузивъ палитуру всѣми красками языка, стараго и новаго, разговорнаго и книжнаго, тех-

ническаго и обиходнаго, бѣдны при всѣхъ этихъ богатствахъ словаря которыя они умѣютъ выставить на показъ, но не умѣютъ усвоить ни себѣ, ни литературѣ. Ѳедоръ Сологубъ опять и опять поетъ о «злой смолѣ древа соблазна» и о коварныхъ дарахъ «злой жизни»—и никакого новаго переживанія не знаменуютъ его новые стихи и новая повѣсть, и не скажешь, созданы они теперь или двадцать лѣтъ тому назадъ. Двадцать лѣтъ тому назадъ Сологубъ во всякомъ случаѣ не рѣшился бы выступить съ такой повѣстью, какъ «Путь въ Дамаскъ». Первая половина ея—разсказъ о немолодой дѣвушкѣ, которая, подъ давленіемъ физіологическаго совѣта врача рѣшилась отдаться случайному мужчинѣ и не выдержала этого искуса—пожалуй пріемлема, хотя и здѣсь есть первоклассный ресторанъ съ постелями въ отдѣльныхъ кабинетахъ; но конецъ такъ нелѣпъ и натянуто сочиненъ, что написать его можно было развѣ только подъ давленіемъ необходимости какъ нибудь кончить разсказъ; еще рѣшительнѣе этой необходимости дѣйствуетъ, очевидно, сознаніе, что нынѣшній читатель пріемлетъ Сологуба во всей его совокупности во что бы то ни стало и считаетъ себя обязаннымъ понимать даже тогда, когда ничего не понимаетъ. Любопытно, что когда нуждающаяся въ мужчинѣ дѣвица высмотрѣла въ окнѣ самоубійцу, влѣзла къ нему въ окно и убѣдила его вмѣстѣ «сотворить жизнь» («люби меня, живи, я тоже несчастная»), то они въ поцѣлуяхъ, знаменующихъ ихъ прибытіе въ «вожделѣнный Дамаскъ» цитируютъ стихи Ѳедора Сологуба. Тоже «малый соблазнъ» какъ въ «пьесѣ для чтенія» г. Минскаго.

Но Минскій и самъ соблазнился малымъ; въ его драмѣ масса выдумки, множество умненькихъ мелочей, но ни слѣда впечатлѣнія она не оставляетъ. Восемь большихъ печатныхъ листовъ громоздкой аллегоріи, сто тридцать страницъ безжизненныхъ схемъ: какъ все это тягуче и не нужно. Не нужно прежде всего Н. М. Минскому, которому его драма, конечно, самому ничего ни новаго ни важнаго не сказала.

Болѣе свѣжія впечатлѣнія въ альманахѣ Шиповника даетъ новая вещь литературнаго дебютанта графа Алексѣя Толстого. Въ повѣсти «Заволжье», равно какъ въ другихъ вещахъ, появившихся въ послѣдніе мѣсяцы («Недѣля въ Туреневѣ» въ № 4 «Аполлона», «Два друга» въ «Альманахѣ для всѣхъ») чувствуется недурной бытовикъ, для котораго бытъ не цѣль, а средство. Использованная среда—русское помѣстное дворянство,—использованный мотивъ—оскудѣніе и разложеніе этого міра; а между тѣмъ свѣжая манера автора оживляетъ все это. Онъ умѣетъ видѣть новыя черточки въ матеріальной культурѣ, онъ превосходно знаетъ свою среду, и онъ близокъ ей. Рѣзко и грубо обличая, онъ поднимаетъ свои обличенія до извѣстной трагической высоты, и въ свѣтѣ этого трагизма всѣ эти жалкіе насильники, гибнущіе въ своемъ гноѣ, въ болотѣ своего самодовольнаго и наглаго бездѣлья, вызываютъ не злорадство, а сочувствіе, въ худшемъ случаѣ—состраданіе. Десятки

лѣтъ прошли съ «Господъ Головлевыхъ» и съ «Оскудѣнія», процессъ хозяйственнаго и моральнаго разложенія помѣщичьей Россіи пошелъ много дальше, а Алексѣй Толстой, настаивая на этомъ разложеніи, ничего кромѣ него въ сущности не изображая, умѣетъ напомнить не только міръ Головлевыхъ, но и міръ «Дворянскаго гнѣзда». Вотъ что значитъ настоящая близость: она не только примиряетъ, казалось бы, прямо противорѣчивыя чувства, она вызываетъ эту многосложность отношеній. Толстой ненавидитъ этотъ живьемъ догнивающій организмъ, и однако онъ чувствуетъ себя близкимъ ему и насъ съ нимъ сближаетъ. Онъ умѣлый разсказчикъ; на пространствѣ немногихъ страницъ онъ умѣетъ раскрыть цѣлую полосу жизни бытовой и душевной, и дѣлаетъ это просто и ясно, съ выразительностью, добытой многолѣтнимъ развитіемъ литературы, продолжая ея добрыя традиціи. Будемъ надѣется, что и въ дальнѣйшемъ новый Толстой не посрамитъ этого заслуженнаго литературнаго имени.

Лафкадіо Хернъ. Душа Японіи. Изъ сборниковъ Кокоро, Нью-Шу и Ицумо. Пер. С. Лоріе. Москва. 1910. Стр. XVIII + 335. Ц. 1 р. 50 к.

Вскорѣ послѣ смерти Лафкадіо Херна — пять лѣтъ тому назадъ—подъ тѣмъ же заглавіемъ «Душа Японіи» появилась русская книжка съ образцами японской литературы; значительная часть ихъ была взята у того же Лафкадіо Херна, но, кажется, ей не удалось привлечь вниманія русскихъ читателей къ этому удивительному человѣку, пользующемуся уже установившейся извѣстностью въ западныхъ литературахъ. Англичанинъ по отцу, грекъ по матери, американецъ по многолѣтнему пребыванію въ Штатахъ, японецъ по новой родинѣ, въ которой онъ—такъ ему казалось—впервые нашелъ себя: таковъ этотъ вѣчный скиталецъ, какъ будто противъ своей воли ставшій интереснѣйшимъ писателемъ. Сынъ англійскаго военнаго врача, родившійся на островѣ Левкадіи—отсюда его имя: Лафкадіо—Хернъ былъ и атеистомъ въ іезуитской коллегіи и бродягой въ Нью-Іоркѣ, и фельетонистомъ въ Новомъ-Орлеанѣ, пока, наконецъ, полуслѣпой и одинокій, онъ не очутился въ Японіи. Здѣсь онъ нашелъ родину, семью и Бога: женившись на японкѣ, пожелалъ совершенно отожествиться съ новымъ міромъ, вошелъ въ ея касту, сталъ вѣрующимъ буддистомъ—и широко отплатилъ Японіи за ея гостепріимство. Японцемъ до конца онъ, конечно, не сталъ, передъ смертью онъ чувствовалъ, что его глубокое знакомство съ Японіей лишь раскрываетъ ему глубины его отчужденія и незнанія; тоска по Западѣ томила его. И то, что онъ сдѣлалъ, есть въ равной степени заслуга предъ Европой и предъ Японіей. Въ рядѣ книгъ, написанныхъ по англійски и съ честью вошедшихъ въ обще-европейскую литературу, онъ раскрылъ предъ людьми Запада цѣнную часть тѣхъ духовныхъ сокровищъ, которыя во многовѣковомъ развитіи накоплены далекимъ востокомъ. Трудно сказать, что въ книгахъ Лафкадіо Херна принадле-

житъ собственно ему; многіе изъ этихъ очерковъ, эскизовъ, замѣтокъ, философскихъ размышленій, явно написаны имъ о себѣ, о своихъ впечатлѣніяхъ и наблюденіяхъ; но еще больше среди нихъ—традиціонныхъ повѣстей, легендъ, сказокъ, современныхъ разсказовъ, при обработкѣ которыхъ авторъ, очевидно, широко пользовался богатствами японскаго фольклора и японской литературы,—если, впрочемъ, здѣсь надо различать эти понятія.

Лафкадіо Хернъ умиралъ въ убѣжденіи, что такъ и не узналъ Японіи, что одной человѣческой жизни европейца для этого мало, и только поколѣнія въ неустанной работѣ изученія могутъ постигнуть глубины этого своеобразнаго міра. Это понятно: всякое знаніе лишь раскрываетъ предъ нами картину нашего незнанія, лишь отодвигаетъ предметъ изученія въ туманную даль, обогащая насъ новыми вопросами. Пока — для насъ достаточно и тѣхъ вопросовъ, которые ставитъ намъ книга Лафкадіо Херна, раскрывая предъ нами цѣлые міры новыхъ, странныхъ, неожиданныхъ отношеній, ощущеній, настроеній. Многое остается очень чуждымъ, особенно если дорожишь дѣйствительнымъ пониманіемъ и не хочешь обманывать себя; эти непонятныя души остаются непонятыми. Но становится ясно, какъ мало мы знаемъ, какъ ограниченъ кругъ нашихъ наблюденій, какъ грубы наши представленія вслѣдствіе необходимости все мѣрить на свой аршинъ. То, что у японцевъ другой пейзажъ и другія формы быта, другая мораль и другое искусство, — это намъ понятно. Понятно то, что японская гейша не то, что наша кокотка, и самурай не то, что нашъ аристократъ; пожалуй, можно понять даже то, что ходить голымъ прилично, а поцѣловаться на людяхъ—верхъ непристойности. Но гораздо менѣе понятно или, точнѣе, безконечно менѣе конкретно для насъ то, что глубины японской психики какія то совсѣмъ другія. Конечно, японцы тоже люди, такіе же, какъ всѣ; такіе же — и, однако, совершенно другіе. У нихъ есть и гордость и привязанность, и ревность, и состраданіе; но это другая гордость, другая ревность,—и подчасъ кажется, что только бѣдность нашего языка, его неподготовленность къ новымъ явленіямъ заставляетъ насъ называть эти непонятныя чувства старыми, неподходящими словами.

Важно не то, что Лафкадіо Хернъ иногда прямо говоритъ это, важно то, что онъ это показываетъ. Съ этой точки зрѣнія, пожалуй, жаль, что русскій переводчикъ отдалъ слишкомъ много мѣста теоретическимъ размышленіямъ автора. Гораздо интереснѣе его непосредственныя наблюденія, переданныя въ художественной формѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что достаточно полное собраніе сочиненій Лафкадіо Херна имѣло бы больше права на вниманіе русскихъ читателей, чѣмъ множество заполняющихъ теперь книжный рынокъ собраній сочиненій второстепенныхъ европейскихъ романистовъ. Послѣ каждой страницы Лафкадіо Херна есть о чемъ подумать: о многихъ ли авторахъ можно это сказать безъ натяжки?

М. Гершензонъ. Жизнь В. С. Печерина. Москва. 1910. Стр. 227 Ц. 1 р. 50 к.

Безъ публицистики, обличеній и рѣшительныхъ заявленій, которыя потомъ приходится брать назадъ, г. Гершензонъ сдѣлалъ хорошее дѣло. Онъ возсоздалъ предъ русскими читателями фигуру замѣчательнаго человѣка, быть можетъ, не столь выдающагося плодами своего литературнаго творчества, сколько общимъ интересомъ, внушаемымъ его личностью. Жизнь В. С. Печерина, столь оригинальная и прихотливая, казалась главнымъ, что привлекаетъ къ нему интересъ; русскій дворянинъ и русскій писатель, изъ профессоровъ московскаго университета въ Николаевскую эпоху ставшій католическимъ священникомъ въ Ирландіи, и умершій въ этомъ санѣ послѣ сорокалѣтняго подвига самоотверженія, духовной работы и милосердія: таковъ тотъ внѣшній обликъ носителя странной судьбы, который и раньше былъ извѣстенъ всякому историку русскаго общественнаго развитія. Но судьба была отраженіемъ личности, и эту личность послѣ тщательнаго изученія новыхъ первоисточниковъ старается раскрыть въ своей монографіи г. Гершензонъ.

Не все удалось ему; его работа сводится больше къ собранію цѣнныхъ матеріаловъ, чѣмъ къ ихъ связующему уясненію. Два кризиса намѣчаетъ въ душевной исторіи Печерина его біографъ: переходъ отъ атеизма къ католицизму въ началѣ сороковыхъ годовъ и новый переломъ—около 1860 года—когда Печеринъ снялъ съ себя суровые обѣты монашества, стѣной отдѣлявшіе его отъ міра живыхъ людей, и, оставаясь католическимъ священникомъ, принялъ должность духовника при одной изъ дублинскихъ больницъ. Оба эти переворота скорѣе лишь описаны, чѣмъ объяснены въ работѣ г. Гершензона, ибо въ познаніи живой, конкретной личности никакъ не могутъ удовлетворить такія общія и отвлеченныя соображенія: «искреннее обращеніе невѣрующаго къ вѣрѣ—всегда чудо, и, какъ чудо, непостижимо, равно для самого обращеннаго и для зрителей». Странно встрѣтить такое заявленіе въ исторической работѣ: какъ будто отъ нея кто-нибудь требуетъ постиженія непостижимаго; важно не это; важно, чтобы неизбѣжное ignoramus было сказано въ концѣ анализа, за которымъ наукѣ въ самомъ дѣлѣ нечего дѣлать; попытка такого анализа едва начата г. Гершензономъ. Еще менѣе уясненъ переходъ Печерина къ «частной жизни» патера-капеллана, связанный съ пробужденіемъ въ немъ интереса къ Россіи, къ старымъ связямъ. Такъ или иначе самыми вопросами, возбуждаемыми ею, біографія Печерина вызываетъ живой интересъ. Какая необыкновенная и полная содержанія жизнь, какіе эпизоды, какія встрѣчи. Разсказъ о судѣ надъ Печеринымъ, нелѣпо обвиненнымъ фанатиками въ кощунственномъ сожженіи библіи, читается, какъ глава изъ романа — и какъ жаль, что о судѣ этомъ не разсказалъ Герценъ, который имѣлъ о немъ откуда то самыя превратныя свѣдѣнія. Сношенія Печерина съ Герценомъ—

тоже любопытнѣйшая страница въ жизни перваго. Они были почти сверстники; Печеринъ также принадлежалъ къ «идеалистамъ тридцатыхъ годовъ», но къ другой ихъ группѣ — къ петербургскому кружку «святой пятницы»; основательно указываетъ г. Гершензонъ, что этотъ кружокъ заслуживалъ бы спеціальнаго изслѣдованія. Герценъ однако не встрѣчался съ Печеринымъ въ Россіи; они познакомились значительно позже, когда Печеринъ давно уже былъ монахомъ-редемптористомъ. Они полемизировали въ устной бесѣдѣ и въ письмахъ и, хотя русскій революціонеръ и матеріалистъ ни въ чемъ не переубѣдилъ католическаго монаха, однако въ переломѣ, происшедшемъ съ Печеринымъ черезъ нѣсколько лѣтъ, весьма возможно, играли роль и аргументы Герцена, къ тому же носившіеся въ воздухѣ. Великолѣпно выраженіе политическихъ воззрѣній Печерина въ эту эпоху, запечатлѣнное въ письмѣ его къ князю Долгорукову. Катковъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ вспомнилъ объ изгнанномъ Печеринѣ и на страницахъ своей газеты просилъ власть о прощеніи для отпавшаго сына православной церкви, но глубокаго христіанина—Печерина.—«Я очень благодаренъ, — писалъ Печеринъ въ отвѣтъ на непрошенное предстательство, — но, признаюсь по совѣсти, не могу принять симпатіи, которой не заслуживаю. Издатель «Московскихъ Вѣдомостей» желаетъ какой то свободы совѣсти въ пользу русскаго правительства, то есть ему хочется найти католическихъ священниковъ, преданныхъ русскому самодержавію! Едва ли гдѣ онъ ихъ найдетъ. Но за себя, по крайней мѣрѣ, я могу отвѣчать: я никогда не былъ и не буду вѣрноподданнымъ... ...Я никогда не думалъ, чтобы католическая религія, въ какой бы то ни было странѣ, должна была служить опорой самодержавію и помогать Нерону казнить строптивыхъ христіанъ... Если, вслѣдствіе какого-нибудь переворота, врата отечества отворятся предо мною—я заблаговременно объявляю, что присоединюсь не къ старой Россіи, а къ молодой, и теперь съ пламеннымъ участіемъ простираю руку братства къ молодому поколѣнію, къ любезному русскому юношеству, и хотѣлъ бы обнять ихъ во имя будущаго, во имя свободы совѣсти и Земскаго собора».

Надо помнить, что это было въ 1863 году. Къ Базаровымъ, къ «нигилистамъ», уже отметаемымъ волной реакціи, уже оклеветаннымъ, простиралъ изъ своего изгнанія руку братства Печеринъ, несмотря на пропасть міровоззрѣній, раздѣлявшую ихъ. Таковъ былъ этотъ католическій монахъ. Мудрено ли, что черезъ четверть вѣка послѣ его кончины,—а онъ умеръ въ глубокой старости,—его образъ окружаютъ любовью и вниманіемъ далекіе идейные потомки этихъ самыхъ нигилистовъ. Пропасть, отдѣляющая ихъ отъ Печерина, заполнена; чѣмъ могли бы заполнить ее тѣ, кто не могъ забыть ему его «отступничества»? Потомки Погодина и теперь, черезъ полъ вѣка повторятъ, конечно, что «такіе даровитые и образованные ренегаты, какъ Печеринъ, заслуживаютъ сугубаго осуж-

денія». Пусть осуждают: выборъ не труденъ для тѣхъ, съ кѣмъ былъ и остался Печеринъ.

Инженеръ Н. К. Энгельмейеръ. Теорія творчества. Съ предисловіями Д. Н. Овсянико-Куликовскаго и Эрнста Маха. Книгоиздательство „Образованіе". Спб., 1910 г. Стр. 205. Ц. 1 р. 50 к.

Механизмъ математическаго *изобрѣтенія* ни въ чемъ существенно не отличается отъ механизма всякаго изобрѣтенія. Въ этомъ попутномъ замѣчаніи, которое дѣлаетъ выдающійся французскій математикъ и философъ Пуанкаре («Science et Méthode») скрыто глубокое содержаніе, всѣмъ своимъ объемомъ входящее въ проблему творчества. Творецъ есть изобрѣтатель, и наоборотъ, изобрѣтатель занимаетъ свое мѣсто въ ряду творцовъ: оба хранятъ искру генія, которая, благодаря стеченію случайныхъ и не случайныхъ обстоятельствъ, загорается и бросаетъ неожиданный свѣтъ на запутанную проблему. Все равно, какова будетъ эта проблема: относится ли она къ области художественной, научной или технической дѣятельности,—вездѣ она будетъ тождественна по своему логическому составу, и тождественны будутъ психологическіе пріемы, пути, способы ея разрѣшенія.

Развитію и подтвержденію этой мысли посвящена книга Энгельмейера. Авторъ хочетъ установить основные элементы *теоріи* (а не одной только психологіи) творчества, или, какъ онъ предлагаетъ называть ее, *эврилогіи*. Что такое эврилогія? Она имѣетъ «цѣлью изслѣдовать возникновеніе всего *новаго* отъ перваго проблеска въ душѣ до осуществленія на дѣлѣ». Но для всякаго человѣка творчество начинается съ перваго дня жизни и кончается вмѣстѣ съ послѣднимъ вздохомъ. Съ внѣшней стороны вся дѣятельность человѣка есть рядъ механическихъ, хорошо или худо координированныхъ дѣйствій; съ внутренней стороны она вся соткана изъ порывовъ и устремленій, она пропитана творчествомъ, она есть проявленіе и слѣдствіе творчества, она представляетъ цѣпь изобрѣтеній. Уже Рибо въ своемъ этюдѣ «Творческое воображеніе» замѣтилъ, что «изобрѣтеніе въ изящныхъ искусствахъ и въ наукѣ есть не болѣе, какъ *частный* случай и, быть можетъ, даже не главный» общаго изобрѣтательнаго процесса, охватывающаго всю буквально жизнь человѣка, какъ область теоріи, такъ и область практики.

Но если изобрѣтеніе на самомъ дѣлѣ или даже только по допущенію является какъ бы основнымъ первичнымъ моментомъ всякой человѣческой (волевой) дѣятельности, то не слѣдуетъ ли, для уясненія общаго процесса творчества, обратиться къ тому именно роду дѣятельности, въ которомъ то, что обычно называется изобрѣтеніемъ, стоитъ на первомъ планѣ? Не съ нея ли должна начать «эврилогія»? Такова область *техническая*. И на нее обращаетъ преимущественное вниманіе г. Энгельмейеръ. Цѣн-

ность его изслѣдованія, имѣющаго характеръ опыта въ малоизслѣдованной области, въ томъ и заключается, что онъ беретъ процессъ творчества тамъ, гдѣ этотъ процессъ достаточно расчлененъ, гдѣ вопросъ о томъ, что есть дѣйствительно *новое*, и что является лишь перелицовкой стараго, имѣетъ крупное значеніе. Какъ возникаютъ техническія изобрѣтенія, какія фазы при этомъ пробѣгаетъ творческая мысль, какъ и когда, наконецъ, осуществляется техническая цѣль,—вотъ части общаго вопроса о творчествѣ техническомъ, а слѣдовательно, и о творчествѣ вообще.

Не вдаваясь въ подробности, укажемъ основную мысль г. Энгельмейера, центральный пунктъ его «теоріи творчества». Въ процессѣ всякаго техническаго изобрѣтенія имѣются три стадіи, которыя образуютъ собой три акта, необходимые и достаточные для осуществленія творческаго процесса. Эти акты суть — желаніе, знаніе и умѣніе. Раздѣляемые другъ отъ друга только въ цѣляхъ удобства изученія, они въ сущности составляютъ нераздѣльную «троицу творчества», образуютъ въ своей цѣлокупности творческій *трехактъ*: таковъ новый терминъ г. Энгельмейера. Въ первомъ актѣ этого трехакта мы встрѣчаемся съ интуиціей (наитіемъ, откровеніемъ), результатъ которой выражается въ замыслѣ или гипотезѣ. Второй актъ характеризуется тѣмъ, что въ немъ дѣйствуетъ дискурсивное мышленіе и опытъ,—въ этой стадіи происходитъ планомѣрная выработка путей, ведущихъ къ осуществленію замысла, создается «схема» изобрѣтенія. Третій актъ заключается въ конструктивномъ выполненіи всего изобрѣтенія: замыселъ, отлившійся въ форму плана, долженъ получить окончательное и матеріальное воплощеніе. Характеръ перечисленныхъ трехъ стадій можно выразить еще иначе: первый актъ трехакта опредѣляетъ изобрѣтеніе телеологически, второй—логически, третій—фактически.

Но не только процессъ техническаго творчества, а также научнаго, художественнаго и всякаго вообще творчества, по мнѣнію Энгельмейера, укладывается въ рамки того же трехакта. Общее сходство творческихъ процессовъ доказывалъ уже проф. Овсянико-Куликовскій, исходя изъ трудовъ Эрнста Маха и А. А. Потебни. Энгельмейеръ вскрываетъ и прослѣживаетъ это сходство, восходя къ источникамъ творчества. Что такое научное открытіе? Изобрѣтеніе мысли. Что такое художественное произведеніе? *Изобрѣтеніе* поэтическаго образа. Эврилогія такимъ образомъ сближаетъ Ньютона съ Рафаэлемъ, Уатта съ Львомъ Толстымъ, Дарвина съ религіозными новаторами. Однако, устанавливая сходство, Энгельмейеръ проводитъ и различіе, которое касается спеціально научнаго творчества и которое намъ кажется въ высшей степени спорнымъ. «Коренное отличіе» науки отъ техники (и искусства) для Энгельмейера заключается въ томъ, что первая приспособляетъ наше «я» къ внѣшнимъ условіямъ, вторая приспособляетъ

внѣшнія условія къ потребностямъ нашего «я». Или иначе: научное творчество есть *субъективирующая* дѣятельность, техническое (и художественное) творчество есть дѣятельность *объективирующая*. Но проведенная такимъ образомъ демаркаціонная линія едва ли выдерживаетъ критику. Самъ Энгельмейеръ признаетъ, что продуктъ перваго акта творческаго трехакта, будучи сложнымъ душевнымъ комплексомъ, можетъ принадлежать *заразъ* къ разнымъ отдѣламъ человѣческаго творчества, т. е. заключать въ себѣ одновременно элементы открытія, изобрѣтенія и художественнаго произведенія. Это соображеніе чрезвычайно важно. Тутъ не надо бояться впасть въ парадоксъ. Атомистическая гипотеза, въ первомъ своемъ замыслѣ, есть не только научное открытіе, но и *архитектурное* построеніе, внесенное въ міръ невидимыхъ частицъ. Въ ней данъ «образъ», чрезвычайно близкій къ тѣмъ образамъ, которымъ мы даемъ наименованіе художественныхъ, въ немъ, можно сказать, есть и зодческій стиль, и эстетическое волненіе. То же самое можно сказать и показать относительно такихъ историческихъ или соціальныхъ гипотезъ или «теорій», какъ, напр., теорія классовой борьбы, дающая перспективно-художественное воззрѣніе на историческій процессъ.

Еще другое соображеніе говоритъ противъ рѣзкаго разграниченія г. Энгельмейера. Въ каждомъ ученомъ, — это признаетъ и Энгельмейеръ,—чередуются мыслитель и художникъ. Но и въ художникѣ чередуются мыслитель и поэтъ. Не только художникъ Михайловъ (примѣръ, взятый Энгельмейеромъ изъ «Анны Карениной» Толстого) «проглатываетъ» впечатлѣнія отъ окружающихъ лицъ и предметовъ. Впечатлѣнія «проглатывалъ» и Дарвинъ, когда совершалъ кругосвѣтное путешествіе, и Ньютонъ, когда былъ занятъ свѣтовыми явленіями. Другими словами, не только въ первомъ, а и въ слѣдующихъ актахъ творческаго трехакта нельзя уловить «коренного различія» между техникой и искусствомъ, съ одной, и наукой, съ другой стороны, — конечно, съ точки зрѣнія эврилогіи. Утвержденіе Энгельмейера, будто мыслитель въ противоположность технику, вездѣ переходитъ отъ фактовъ къ мыслямъ, слишкомъ произвольно. И у мыслителя творящая мысль создаетъ прообразъ будущаго факта, создаетъ замыселъ, приспособляющій внѣшнія условія къ потребностямъ нашего «я». Въ искусствѣ, какъ и въ религіи, все—порывъ, устремленіе, «чудо». Такъ полагаетъ обычное мышленіе и утверждаетъ, что въ наукѣ все «иначе». О томъ же твердятъ и наши идеалисты. Но г. Энгельмейеръ совсѣмъ даромъ потрудился бы надъ проблемой творчества вообще и техническаго творчества въ частности, если бы изъ его опыта не явствовало, что мосты переброшены черезъ пропасти и что трехактный процессъ творчества можетъ имѣть не только формальную но и внутреннюю психологическую значимость. Наука близка къ искусству потому и въ ней тотъ же порывъ, устремленіе, «чудо», потому что въ ней своя поэзія. И вотъ почему, въ «коренномъ различіи»

между двумя видами дѣятельности, которое допускаетъ Энгельмейеръ, нужно видѣть совсѣмъ ненужную уступку традиціонному взгляду, согласно коему научное творчество отличается особой пассивностью.

«Теорія творчества» г. Энгельмейера подходитъ къ неразработанной, но любопытной проблемѣ. Тѣ или иныя положенія ея могутъ казаться спорными. Но «дилеттантъ», какъ скромно называетъ себя авторъ, даетъ матеріалъ, въ пригодности коего для будущаго строительства не можетъ быть никакого сомнѣнія. Понятіе «изобрѣтенія» авторомъ «Теоріи творчества» обогащено новымъ содержаніемъ. Замыселъ дилеттанта, владѣющаго, однако, надлежащими орудіями творчества, переработанъ въ планъ и выполненъ такъ, какъ того требуетъ задача,—во всемъ согласно «трехакту». Тѣ «лучшія пожеланія», которыми Эрнстъ Махъ заканчиваетъ свое предисловіе къ книгѣ Энгельмейера, суть актъ признательности, въ которомъ нѣтъ преувеличенія.

Пьеръ Дюгемъ. Физическая теорія. Ея цѣль и строеніе. Перев. съ франц. Г. А. Котляра. Книгоиздательство «Образованіе». Спб. 1910.

Эта книга—результатъ многолѣтней работы ученаго, соединяющаго знанія спеціалиста по физико-математическимъ наукамъ съ философскимъ складомъ ума. Дюгемъ—одинъ изъ тѣхъ представителей научной философіи, которыхъ современный кризисъ физическихъ теорій не засталъ врасплохъ. Тѣ, которые преувеличиваютъ этотъ кризисъ и говорятъ чуть ли не о банкротствѣ науки, съ точки зрѣнія Дюгема, относятся къ категоріи умовъ, ждущихъ отъ физики «объясненія» явленій, а не того, что она можетъ и должна давать, именно описанія и логической классификаціи явленій. Требовать «объясненія» значитъ требовать обнаженія реальности отъ обволакивающихъ ее явленій, а при такой постановкѣ вопроса физика подчинена метафизикѣ, для которой всегда за кустарникомъ явленій скрываются сущности, вещи въ себѣ. Если бы такое подчиненіе вполнѣ осуществилось, судьба физики стала бы весьма неустойчивой: «физическая теорія, удостоившаяся одобренія всѣхъ послѣдователей одной метафизической школы, была бы отвергнута послѣдователями другой школы» (стр. 13). Поэтому «кто ставитъ теоретическую физику въ зависимость отъ метафизики, тотъ не содѣйствуетъ тому, чтобы обезпечить за ней всеобщее признаніе» (20). Однако, связь метафизики съ тою или иною физической теоріей, если и имѣетъ мѣсто, то носитъ обыкновенно случайный характеръ. Неизмѣнное «количество движенія», лежащее въ основѣ динамики Декарта, конечно, не противорѣчитъ принципамъ картезіанской философіи («Богъ сохраняетъ постояннымъ количество движенія»...); но оно и не вытекаетъ изъ нихъ, не объясняется ими нисколько.

Физическая теорія, трактуемая, какъ нѣчто вполнѣ само-

стоятельное, не есть объясненіе. «Это—система математическихъ положеній, выведенныхъ изъ небольшого числа принциповъ, имѣющихъ цѣлью выразить возможно проще, полнѣе и точнѣе цѣльную систему экспериментально установленныхъ законовъ» (25). При этомъ, «единственный критерій истинности физической теоріи есть согласіе ея съ данными опыта» (26). Становясь, такимъ образомъ, вмѣстѣ съ Э. Махомъ на біологическую точку зрѣнія въ теоріи познанія (наука, какъ приспособленіе мысли къ даннымъ опыта), Дюгемъ, какъ увидимъ, проводитъ ее не вполнѣ послѣдовательно. Что представляетъ изъ себя истинность той или иной физической формулы, гипотезы, закона? Когда физикъ говоритъ, напр., о свѣтовомъ колебаніи, онъ имѣетъ въ виду не колебательное движеніе какого-нибудь реальнаго тѣла, а нѣкоторую абстрактную величину, позволяющую удобно формулировать данное обобщеніе, данную гипотезу. И здѣсь колебательное движеніе—«не объясненіе, а только образъ». Однако, чѣмъ же объяснить тотъ фактъ, что система согласованныхъ истинъ въ физикѣ стремится стать какъ бы «естественной классификаціей» явленій, чѣмъ объяснить то, что «мы не можемъ отдѣлаться отъ мысли, что этотъ порядокъ, эта система есть образъ порядка и системы реальныхъ»? (33). По мнѣнію Дюгема физикъ «безсиленъ чѣмъ-нибудь подтвердить» это убѣжденіе; такимъ образомъ, развивая свою постановку вопроса, Дюгемъ незамѣтно снова впускаетъ изгнанный имъ призракъ метафизической реальности, скрытой за явленіями: выходитъ, что физикъ «не можетъ привести доказательства, что порядокъ, установленный экспериментальными законами, отражаетъ порядокъ, выходящій *«за предѣлы опыта»*, но онъ «не менѣе безсиленъ поколебать» убѣжденіе въ противоположномъ (33—34).

Здѣсь Дюгемъ слишкомъ отдаляетъ физическую теорію отъ данныхъ опыта и поэтому колеблетъ почву біологической теоріи познанія, на которую онъ становится въ началѣ изслѣдованія. Если физическая теорія постоянно оперируетъ съ такими абстрактами, идеализованными величинами, какъ равномѣрное ускореніе, постоянные токи и т. под., то не слѣдуетъ все-таки забывать, что эти величины суть элементы фактовъ, и сочетаніе этихъ элементовъ съ конкретными данными опыта только и позволяетъ провѣрять и измѣрять истину абстрактнаго закона, убѣждаться въ его примѣнимости. Поэтому его реальность есть скорѣе практическое, чѣмъ теоретическое убѣжденіе. Съ біологической точки зрѣнія идеальныя схемы науки постепенно все лучше и лучше приспособляются къ дѣйствительности, но эта дѣйствительность находится никакъ не дальше того, что дано въ опытѣ.

Возвращаясь къ прежнему порядку мыслей, Дюгемъ ярко иллюстрируетъ на историческихъ примѣрахъ устойчивость описательной части физическихъ теорій, съ одной стороны, и быструю смѣну и гибель ихъ объяснительной части, съ другой. «Неплодотворна и преходяща работа», затраченная на то, чтобы связать тѣ или

иные физическіе принципы «съ реальностями, скрывающимися позади доступныхъ воспріятію явленій» (47). Термину «естественная классификація» снова отводится научно-философское значеніе. Только важно отмѣтить, что въ физической теоріи при самомъ процессѣ ея разработки главную роль играетъ не приспособленіе мыслей къ фактамъ, а приспособленіе мыслей къ мыслямъ, т. е. строго-логическая конструкція постулатовъ и формулъ физики. Могущественное орудіе математическаго анализа позволяетъ довести эту разработку до совершенства. Если прежде считали возможнымъ обозначать численнымъ символомъ только количественныя свойства, то современная физика осуществляетъ то же самое и по отношенію къ качествамъ: вѣдь охлажденіе и нагрѣваніе, намагничиваніе и размагничиваніе тѣла, разсматриваемыя, какъ «различныя интенсивности» опредѣленнаго качества, могутъ быть выражены въ числахъ (137). Къ слову сказать, такія качественныя характеристики, какъ «элементъ», «первичное качество» имѣютъ временный характеръ, въ видѣ обозначенія границы попытокъ разложить эти качества на простѣйшія; но Дюгемъ не раздѣляетъ оптимистическихъ надеждъ на сокращеніе количества и приведеніи къ единству простѣйшихъ элементовъ,—напротивъ, новѣйшія открытія, по его мнѣнію, скорѣе усложняютъ, чѣмъ упрощаютъ представленіе о матеріи (154—155).

Анализируя составные элементы логической конструкціи въ физической теоріи, Дюгемъ настойчиво подчеркиваетъ, что и физическій экспериментъ «не есть только наблюденіе какого-нибудь явленія, а онъ есть еще теоретическое истолкованіе его» (170)... Это истолкованіе «замѣняетъ конкретныя данныя, дѣйствительно полученныя наблюденіемъ, абстрактными и символическими описаніями, соотвѣтствующими этимъ даннымъ на основаніи допущенныхъ наблюдателемъ теорій» (175). Самый инструментъ, какой-нибудь тангенсъ или буссоль, которымъ оперируетъ физикъ, лишь постольку является дѣйствительнымъ орудіемъ примѣненія формулъ физики, поскольку физикъ представляетъ его въ видѣ схемы, соотвѣтствующей опредѣленнымъ допущеніямъ (185). И подобно тому, какъ результатомъ физическаго эксперимента бываетъ абстрактное и символическое сужденіе, такъ и физическіе законы, основанные на сочетаніи этихъ сужденій, представляютъ «символическія отношенія, для примѣненія которыхъ къ конкретной дѣйствительности требуется, чтобы человѣкъ зналъ и принималъ всѣ соотвѣтствующія теоріи» (201). Отсюда съ необходимостью вытекаетъ временный, приближенный и относительный характеръ всякаго физическаго закона. Совпадая такимъ образомъ въ своихъ выводахъ съ нѣкоторыми современными представителями научной философіи (Махъ, Пирсонъ и др.), Дюгемъ все-таки недостаточно точно опредѣляетъ самое понятіе научнаго «символизма», чтобы не вызывать представленія о какой то метафизической реальности,

скрытой за туманными картинами явленій, описываемыхъ посредствомъ «символовъ».

Можетъ показаться страннымъ, что до сихъ поръ Дюгемъ не говоритъ о непосредственной очной ставкѣ физической теоріи съ фактами опыта. Но это объясняется именно тѣмъ, что рѣчь идетъ о физической теоріи въ ея логической конструкціи. Въ процессѣ своего развитія, получивъ первоначальный толчокъ отъ фактовъ опыта, физическая теорія стремится лишь избѣжать логическихъ противорѣчій въ выборѣ экспериментовъ, формулъ, гипотезъ, но когда она доводитъ эту работу до конца и приходитъ къ опредѣленнымъ заключеніямъ, то сравненіе этихъ заключеній съ фактами— дѣло неизбѣжное. «Но эта очная ставка съ фактами должна быть предоставлена исключительно заключеніямъ теоріи, ибо только они разсматриваются, какъ изображеніе реальной дѣйствительности. Постулаты же, служащіе исходной точкой для теоріи, промежуточныя звенья, ведущія отъ постулатовъ къ заключеніямъ, этой провѣркѣ со стороны фактовъ подвержены быть не могутъ» (247).

Посвятивъ главное вниманіе логикѣ физическихъ наукъ, Дюгемъ останавливается отчасти и на психологіи физико-математическаго изслѣдованія. Обширная глава четвертая («Абстрактныя теоріи и механическія модели»), занятая этой стороной дѣла, представляетъ большой интересъ. Различая два типа умовъ—«широкіе» и «глубокіе»,—Дюгемъ считаетъ для первыхъ характерной способность комбинировать много отдѣльныхъ представленій безъ вкуса къ строго логической послѣдовательности, тогда какъ вторые, обладая болѣе узкимъ кругозоромъ, проявляютъ свою силу въ формѣ абстракцій, логически-стройныхъ конструкцій. Господствомъ перваго типа умовъ объясняется преобладаніе наглядности, механической модели въ современной англійской физикѣ; напротивъ, французы и нѣмцы скорѣе принадлежатъ ко второму типу. Нечего и говорить, что симпатіи Дюгема всецѣло на сторонѣ послѣднихъ. По поводу же господства практицизма въ теоріи и преподаваніи онъ высказываетъ очень мѣткое и цѣнное соціологическое соображеніе: «Промышленникъ очень часто обладаетъ широкимъ умомъ. Необходимость комбинировать различные механизмы, вести дѣла, обходиться съ людьми, очень рано пріучаетъ его ясно и быстро разбираться въ сложныхъ сочетаніяхъ конкретныхъ вещей. Зато умъ у него почти всегда слабый. Повседневныя занятія удерживаютъ его на отдаленномъ разстояніи отъ абстрактныхъ вещей и общихъ принциповъ... Нѣтъ, поэтому, ничего удивительнаго, если англійская модель представляется ему формой физической теоріи, наиболѣе приспособленной къ его духовнымъ способностямъ. Естественно, что онъ желаетъ, чтобы руководителямъ заводовъ и фабрикъ физика излагалась именно въ этой формѣ Кромѣ того, будущій инженеръ желаетъ, чтобы преподаваніе продолжалось возможно меньше времени. Онъ спѣшитъ извлечь деньгу изъ своихъ познаній. Онъ не желаетъ тратить времени, потому что для него

время—деньги» (109). Этому смѣшенію науки съ промышленностью, когда шумный и зловонный автомобиль принимаютъ «за тріумфальную колесницу человѣческаго мышленія», Дюгемъ противопоставляетъ идеалъ физической теоріи, какъ «системы логически связанныхъ между собой положеній, а не ряда механическихъ или алгебраическихъ моделей, не объединенныхъ никакой связью. Задача этой системы дать не объясненіе, а описаніе и естественную классификацію системы экспериментальныхъ законовъ» (127).

Заканчивая книгу блестящимъ очеркомъ исторіи закона всемірнаго тяготѣнія, Дюгемъ показываетъ на этомъ примѣрѣ, что «единственное средство установить связь между формальными сужденіями теоріи и матеріаломъ фактовъ, которые эти сужденія должны выразить... это—подтверждать каждую существенную гипотезу изложеніемъ ея исторіи». Историческій методъ, поэтому, наилучшій методъ изученія физики. «Изложить исторію какого-нибудь физическаго принципа значитъ вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлать его логическій анализъ» (321—322).

Переводъ г. Котляра тяжеловатъ, какъ можно было убѣдиться по нѣкоторымъ изъ приведенныхъ цитатъ.

Д-ръ Зигмундъ Фрейдъ (проф. Вѣнскаго универс.) **Психо-патологія обыденной жизни**. Разрѣшенный авторомъ переводъ со 2-го нѣмецкаго изданія В. Медема, М. 1910 г., 162 стр., ц. 1 руб.

Постоянные читатели «Русс. Бог.», быть можетъ, припомнятъ, что во второмъ № нашего журнала за 1905 г. былъ данъ отчетъ о книгѣ д-ра Фрейда «О сновидѣніяхъ».

Это напоминаніе сдѣлано нами не ради библіографической полноты, а потому, что разбираемое нами теперь новое сочиненіе Фрейда по своей основной мысли, въ сущности, является продолженіемъ его этюда «О сновидѣніяхъ». Обѣ книги Фрейда написаны для обоснованія одной и той же мысли автора. И эта мысль состоитъ въ слѣдующемъ. Наша душевная жизнь гораздо богаче и сложнѣе нашего сознанія; существуютъ многочисленные душевные процессы, которые не сознаются нами, какъ таковые; но они не погибаютъ безслѣдно: они вліяютъ на нашу сознательную жизнь, но только вліяютъ въ замаскированномъ и извращенномъ видѣ. Тонкій анализъ, какъ нашихъ поступковъ, такъ и нашихъ сновидѣній можетъ вскрыть эти подсознательныя теченія. Такова основная мысль автора. И не только въ основу обѣихъ работъ Фрейда положена одна и та же основная мысль, но и детальная разработка этой мысли въ обѣихъ работахъ совершенно одинакова. Какъ въ первой своей работѣ для объясненія всякой, даже мелкой, подробности сновидѣнія Фрейдъ всегда находитъ какое нибудь «подавленное желаніе», такъ и здѣсь тѣмъ же «подавленнымъ психическимъ матеріаломъ» объясняются и всевозможные ошибки, заблужденія, случаи забвенія именъ, даже случаи физической нелов-

кости и другія такъ сказать ирраціональныя явленія обыденной жизни.

Анализы автора бываютъ иногда слишкомъ продолжительны, поэтому мы не можемъ привести самыхъ характерныхъ случаевъ. Мы можемъ дать лишь общее понятіе о нихъ. Если вы, напримѣръ, забыли какое либо извѣстное вамъ имя, или слово, то Фрейдъ берется сейчасъ же отыскать причину этого забвенія, и эта причина всегда заключается въ томъ, что вы подавили въ себѣ какую-либо непріятную или неудобную мысль.

Такъ, напр., самъ Фрейдъ однажды не могъ вспомнить имени итальянскаго художника Синьорелли и путемъ длиннаго анализа онъ нашелъ, что это забвеніе объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ за минуту передъ тѣмъ хотѣлъ разсказать анекдотъ о герцеговинскихъ туркахъ, но воздержался отъ этого въ силу постороннихъ соображеній (часть этого анализа такова: Signorelli—Signor—Herr—Herzegowina). Отправляясь къ больному, Фрейдъ, по ошибкѣ, взялъ со своего стола, вмѣсто перкуссіоннаго молотка, камертонъ. Такъ какъ всякая подобная ошибка можетъ быть объяснена подсознательной работой души, то Фрейдъ и сталъ анализировать свой поступокъ. Оказалось слѣдующее. Молотокъ по нѣмецки Hammer, а «Хамеръ» по древне-еврейски значитъ «оселъ». Затѣмъ, камертонъ въ послѣдній разъ держалъ въ рукахъ одинъ идіотъ, паціентъ Фрейда. Наконецъ, Фрейдъ шелъ къ паціенту, болѣзнь котораго напоминала болѣзнь другого паціента, при лѣченіи котораго Фрейдъ далъ довольно грубую ошибку. Теперь, сведя всѣ эти данныя, Фрейдъ объясняетъ свое ошибочное движеніе рукой, когда онъ вмѣсто молотка взялъ камертонъ, какъ проявленіе такой несознанной мысли: «оселъ, идіотъ! не дай и теперь такой ошибки, какъ въ прошлый разъ». Молодая женщина, обрѣзывая себѣ ногти, порѣзала палецъ, о чемъ она и разсказала при свиданіи Фрейду. «Это настолько неинтересно, что съ удивленіемъ спрашиваешь себя, зачѣмъ объ этомъ вспоминать и говорить,—и приходишь къ предположенію, что имѣешь дѣло съ симптоматическимъ дѣйствіемъ. И дѣйствительно, палецъ съ которымъ произошло это маленькое несчастье, былъ тотъ самый, на которомъ носятъ обручальное кольцо. Кромѣ того была годовщина дня ея свадьбы, и это обстоятельство сообщаетъ пораненію тонкой кожицы вполнѣ опредѣленный смыслъ, который не трудно разгадать» (стр. 112). Разгадка заключалась въ томъ, что дама любила не мужа, а другого господина.

Всѣ наши неловкія движенія указываютъ на какое-либо противорѣчіе въ подсознательномъ элементѣ души. Поэтому, когда древній римлянинъ «отмѣнялъ предпріятіе изъ-за того, что споткнулся на порогѣ своей двери, то онъ... абсолютно стоялъ выше насъ, невѣрующихъ, и лучше зналъ человѣческую душу, чѣмъ знаемъ ее, несмотря на всѣ старанія, мы. Ибо тотъ фактъ, что онъ споткнулся, могъ служить для него доказательствомъ существованія со-

мнѣнія, встрѣчнаго теченія въ его душѣ, которое могло въ моментъ исполненія ослабить силу его намѣренія» (стр. 146).

Вышеприведенными примѣрами мы дали, думаемъ, достаточное понятіе о томъ, какимъ образомъ на практикѣ Фрейдъ прилагаетъ свою основную идею къ частнымъ случаямъ. Повторяемъ, что большинство анализовъ Фрейда слишкомъ длинно, такъ что мы не можемъ привести ихъ цѣликомъ, а между тѣмъ для того, чтобы читатель самъ могъ судить о степени убѣдительности соображеній автора, ему нужно было бы познакомиться съ анализами Фрейда во всей подробности.

Съ своей стороны, мы можемъ сказать и теперь то, что сказали въ 1905 году по поводу книги того-же автора «О сновидѣніяхъ».

Признавая вполнѣ могущественное вліяніе неосознанныхъ идей и желаній, мы все-таки думаемъ, что большинство анализовъ Фрейда слишкомъ искусственно, что объ огромномъ большинствѣ имъ можно сказать: «можетъ-быть, это такъ, а можетъ-быть, и не такъ». Авторъ бываетъ иногда слишкомъ ужъ проницателенъ, онъ слишкомъ увѣренъ въ томъ, что можетъ объяснить каждую мелочь: не только для всякаго случая забвенія, для всякой обмолвки и описки, но для всякаго неловкаго движенія тѣломъ нашъ авторъ берется сейчасъ-же отыскать подавленное психическое состояніе. И при этомъ иногда онъ отыскиваетъ это подавленное состояніе путемъ такого длиннаго анализа и при помощи такого широкаго толкованія, что искусственность его пріемовъ невольно бросается въ глаза.

Словарь литературныхъ типовъ. Выпускъ пятый: Аксаковъ. Изд-ство «Всходы». СПБ. Стр. 109. Ц. 1 р.

«Словарь» задуманъ недурно. Онъ долженъ систематировать «матеріалы для характеристики общества по типамъ русскихъ писателей» и потому основу его составляетъ перечень всѣхъ типовъ и образовъ, созданныхъ писателетъ въ его произведеніяхъ. Фигуры второстепенныя характеризуются кратко, главныя дѣйствующія лица охарактеризованы словами самого автора и важнѣйшихъ критиковъ. Къ этому присоединяются примѣчанія и приложенія историко-литературныя и филологическія, схематическая біографія автора, краткая библіографія и т. п.

Такіе труды — независимо отъ выполненія, но по самому замыслу—производятъ двойственное впечатлѣніе. Съ одной стороны, конечно, очень полезенъ этотъ обзоръ литературныхъ портретовъ: одному онъ дастъ справку, другому напомнитъ забытое, третьему сопоставитъ разрозненное. Но опасность именно въ этой полезности и даже необходимости: въ нашемъ обществѣ, столь склонномъ къ легкому порханію по идеямъ, и полезные справочники слишкомъ легко становятся стимуломъ къ самой вредной поверхностности. Педаго-

гическій журналъ въ отзывѣ о «Словарѣ» указывалъ, какъ хорошо, что по этой сокровищницѣ матеріаловъ ученикъ съумѣетъ «повторить и проконспектировать прочитанныя имъ ранѣе произведенія». Да, хорошо, если они въ самомъ дѣлѣ прочитаны и усвоены ранѣе. У насъ, гдѣ такъ охотно готовятся къ экзаменамъ по конспектамъ и ключамъ,—какъ бы обзоръ литературныхъ типовъ Тургенева не сталъ для лѣниваго большинства замѣной самого Тургенева и источникомъ сугубаго верхоглядства. Конечно, «Словарь» не стремится къ этой роли; но онъ можетъ легко въ ней оказаться. Онъ тоже есть «ставка на сильныхъ»: онъ очень хорошъ только для тѣхъ, кто склоненъ и способенъ отнестись къ нему сознательно, самостоятельно и добросовѣстно.

Появившіеся выпуски «Словаря» посвящены Тургеневу, Лермонтову, Гоголю; передъ нами послѣдній, систематирующій С. Т. Аксакова. Такая систематизація есть большой трудъ, особенно въ виду того, что по Аксакову—писателю второстепенному—предварительныхъ работъ почти не имѣется. Кой что осталось составителямъ неизвѣстнымъ, и въ ихъ краткомъ библіографическомъ указателѣ пропущено нѣсколько очень важныхъ работъ. Такъ среди «источниковъ для изученія С. Т. Аксакова» невозможно скрывать отъ читателя полную библіографію его произведеній, данную Языковымъ въ «Ист. Вѣстн.» 1891 г. Собственная библіографія составителей, данная въ «Перечнѣ произведеній» слишкомъ неудовлетворительна. Такъ, напримѣръ, ими нигдѣ не отмѣчено, что «Исторія моего знакомства съ Гоголемъ» напечатана въ полномъ видѣ не въ мартыновскомъ «Собраніи сочиненій», а въ «Русскомъ Архивѣ» 1891 г. (и отд.) и доведена не до 1841 (стр. 82) и не до 1852 (стр. 97), а до 1843 года; судя по перечню упоминаемыхъ въ «Запискахъ» лицъ, эта единственная автентическая редакція, не подвергшаяся «обработкѣ» Ивана С. Аксакова, неизвѣстна составителямъ словаря. Не упомянули они также о двухъ некрологическихъ замѣткахъ С. Т. Аксакова о Гоголѣ, а среди «произведеній ранняго періода» не указали повѣсти «Рекомендація министра» (Моск. Вѣстн., 1830) по той причинѣ, что ихъ свѣдѣнія не шли далѣе «Полнаго собранія сочиненій» и устарѣлыхъ указаній въ справочникахъ С. А. Венгерова. По этой же причинѣ они, называя книгу Булича, обходятъ молчаніемъ капитальные и цѣнные труды проф. Загоскина, столь важные для комментированія Аксакова—четырехтомную «Исторію казанскаго университета» и біографическій словарь его преподавателей; называя второстепенныя статьи, они не указываютъ интересной работы покойнаго Шенрока въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1904 г. Такіе же пропуски, объясняемые, очевидно, недостаточной настойчивостью составителей въ разысканіяхъ или попросту невниманіемъ, довольно часты въ ихъ попыткѣ дать къ Аксакову историко-литературныя примѣчанія. Сюда внесли то, что легко было узнать; чего не знали, о томъ умолчали, а кой что и перепутали. «Жизнь англійскаго философа Клевеланда», которую маленькій С. Т. Аксаковъ читалъ

матери—не «Письма англійскія или приключенія г-жи Клевеландши» (1788), а «Философъ англійскій или житье Клевеланда, побочнаго сына Кромвелева» аббата Прево, автора «Манонъ Леско». Знакомый Аксакова Кавелинъ—не Дмитрій Александровичъ, отецъ извѣстнаго публициста, а Александръ Александровичъ, попечитель цесаревича при Николаѣ I. «Жена извѣстнаго библіографа» Варвара Марковна Полторацкая, возможно, была почтенная женщина, но въ воспоминаніяхъ Аксакова говорится не о ней, а о Варварѣ Марковнѣ Мертваго, урожденной Полторацкой. Такихъ примѣровъ не мало. Еще больше умолчаній. Нѣтъ свѣдѣній о рядѣ учителей и профессоровъ С. Т. Аксакова, напр., Н. М. Ибрагимовѣ, играющемъ такую роль въ его воспоминаніяхъ, о Левитскомъ, Запольскомъ, Яковкинѣ: ни слова, кромѣ свѣдѣній, сообщенныхъ самимъ Аксаковымъ; между тѣмъ, напр., о профессорахъ Фуксѣ, Бартельсѣ и др. сообщены свѣдѣнія, данныя у Булича, и не указано то, что говоритъ о нихъ Аксаковъ. Ни слова объ А. П. Елагиной, о братьяхъ Кирѣевскихъ, о Бенардаки, Толстомъ-американцѣ, о Моро-де-Бразе, о генералѣ Капцевичѣ, о Перфильевѣ: о множествѣ лицъ, которыя упоминаются въ воспоминаніяхъ Аксакова и совершенно также требуютъ объясненій, какъ А. Н. Оленинъ, П. А. Кикинъ и т. п. Все-таки надо отмѣтить, что въ этой части койчто сдѣлано. Очень вредитъ «Словарю» его система или вѣрнѣе хаотичность и случайность распредѣленія матеріала, едва прикрытая разными алфавитными сводами. Достаточно указать, что одни дѣйствующія лица значатся въ алфавитѣ подъ фамиліями, другія подъ именами, а о товарищѣ С. Т. Аксакова, Балясниковѣ, одни свѣдѣнія надо разыскивать подъ его именемъ (Петръ), другія—подъ его фамиліей. Въ отдѣлѣ «Перечень произведеній С. Т. Аксакова и входящихъ въ нихъ типовъ, образовъ, лицъ и именъ» значатся такія «произведенія»: Аксаковъ Сергѣй Тимоѳеевичъ. Лица въ произведеніяхъ Аксакова. Сочиненія С. Т. Аксакова. Ясно, что это не система, а каша. Въ то время какъ составители сами указываютъ, что сочиненія Аксакова представляютъ собой одно непрерывное повѣствованіе, они разбросали свѣдѣнія о лицахъ, изображенныхъ въ этихъ сочиненіяхъ по тремъ разнымъ алфавитамъ, и такъ запутались, что не знаютъ, какъ въ дѣйствительности звали «сестрицу» С. Т. Аксакова. Имя ея было Надежда, а не «Наташенька», и фамилія перваго претендента на ея руку (въ повѣсти «Наташа»—Шатова) была не Титовъ, а Шишковъ. Послѣднее, вѣрно,—опечатка, и такихъ опечатокъ много: Александръ Княжевичъ звался по отчеству не Акимовичъ, а Максимовичъ, среди Мертваго не было Станислава, а былъ Степанъ, вмѣсто Угличининовы надо читать Угличинины, вмѣсто Христофоровичъ—Христофовичъ и т. д.

Равнымъ образомъ, скорѣе хорошими намѣреніями, чѣмъ достойнымъ исполненіемъ запечатлѣна попытка дать матеріалы для характеристики языка Аксакова. Здѣсь тоже фантастическое дѣле-

ніе. Первый—отдѣлъ «Сводъ нарицательныхъ именъ и выраженій», гдѣ перечислено три десятка самыхъ разнообразныхъ реченій: «врѣзаться (влюбиться)», «махинація (продѣлка)», «мурья (конура)», «поклониться, голова не отвалится». Почему взяты эти выраженія, а не десятки другихъ, аналогичныхъ—непонятно; едва ли также «нарицательнымъ именемъ» называется то, что угодно такъ называть составителямъ. Затѣмъ идетъ отдѣлъ «Особенности стиля произведеній Аксакова»; здѣсь просто перечислены нѣкоторыя слова, которыя показались составителямъ особенными. Народное названіе форели—пеструшка, но это не особенность стиля Аксакова; башкиры вмѣсто батюшка говорятъ бачка, но при чемъ здѣсь стиль Аксакова? Вѣдь онъ не отъ себя говоритъ пеструшка и бачка. При небольшомъ вниманіи число приведенныхъ составителями выраженій можно было бы, пожалуй, удесятерить. Лошади *тюбенѣютъ*, наступаетъ *первозимье*, степь покрывается русачьими *маликами* и лисьими *нарысками*; пришла пора *сьѣзжать русаковъ*; башкиры ихъ *давятъ* не только *выборзками*, но и всякими *дворными* собаками: это все мы беремъ съ одной страницы, случайной, а не выбранной—сколько же у Аксакова всякихъ такихъ народныхъ словъ и выраженій на едва полторы сотни, съ натяжками («татьба», «класы») выбранныхъ составителями подъ видомъ *«свода* особенностей языка Аксакова». И неужто въ этомъ «сводѣ» можно игнорировать охотничьи его сочиненія, какъ разъ полные своеобразнѣйшихъ народныхъ словъ и выраженій; мы могли бы привести ихъ десятки.

Есть еще одинъ отдѣлъ въ этой книгѣ; онъ называется «Мѣсто дѣйствія въ произведеніяхъ Аксакова». Здѣсь пропущены, напр. деревня Узытамакъ (Алкино), гдѣ С. Н. Багрова лечилась кумысомъ, село Никольское, гдѣ такъ роскошествовалъ помѣщикъ Дурасовъ, наконецъ, подмосковное Аксаковыхъ Абрамцево, такъ мило воспѣтое въ «Посланіи къ А. Н. Майкову». Все пропуски, упущенія, недоразумѣнія. Право, такъ нельзя дѣлать хорошее дѣло. Настаиваемъ на этомъ потому, что даже въ нынѣшнемъ своемъ видѣ эта справочная книга объ Аксаковѣ все-таки—полезная работа.

ОТЧЕТЪ

конторы редакціи журнала „Русское Богатство".

ПОСТУПИЛО:

На покрытіе штрафа въ 1000 р., наложеннаго за № 4 „Русскаго Богатства": отъ ссыльныхъ села Вознесенія-Вохмы—1 р. 50 к.; отъ Е. Вартминскаго—1 р.; отъ Ѳ. Иванова—1 р. 75 к.; отъ Б. Ж.—1 р. отъ N N—10 р.

Итого . . . 15 р. 25 к.

А всего съ прежде поступившими 344 р. 19 к.

Съ благотворительной цѣлью: отъ служ. Г. Б.—15 р.; отъ Ф. З. М.—2 р. 50 к.; отъ Зальмана—10 р. отъ авіатора изъ Симферополя—3 р.; отъ N—2 р.

Итого. . . . 32 р. 50 к.

Въ пользу б. депутатовъ 2-ой Госуд. Думы: отъ служащ. въ Т. Отд. Г. Б., черезъ В. К. З.—25 р.

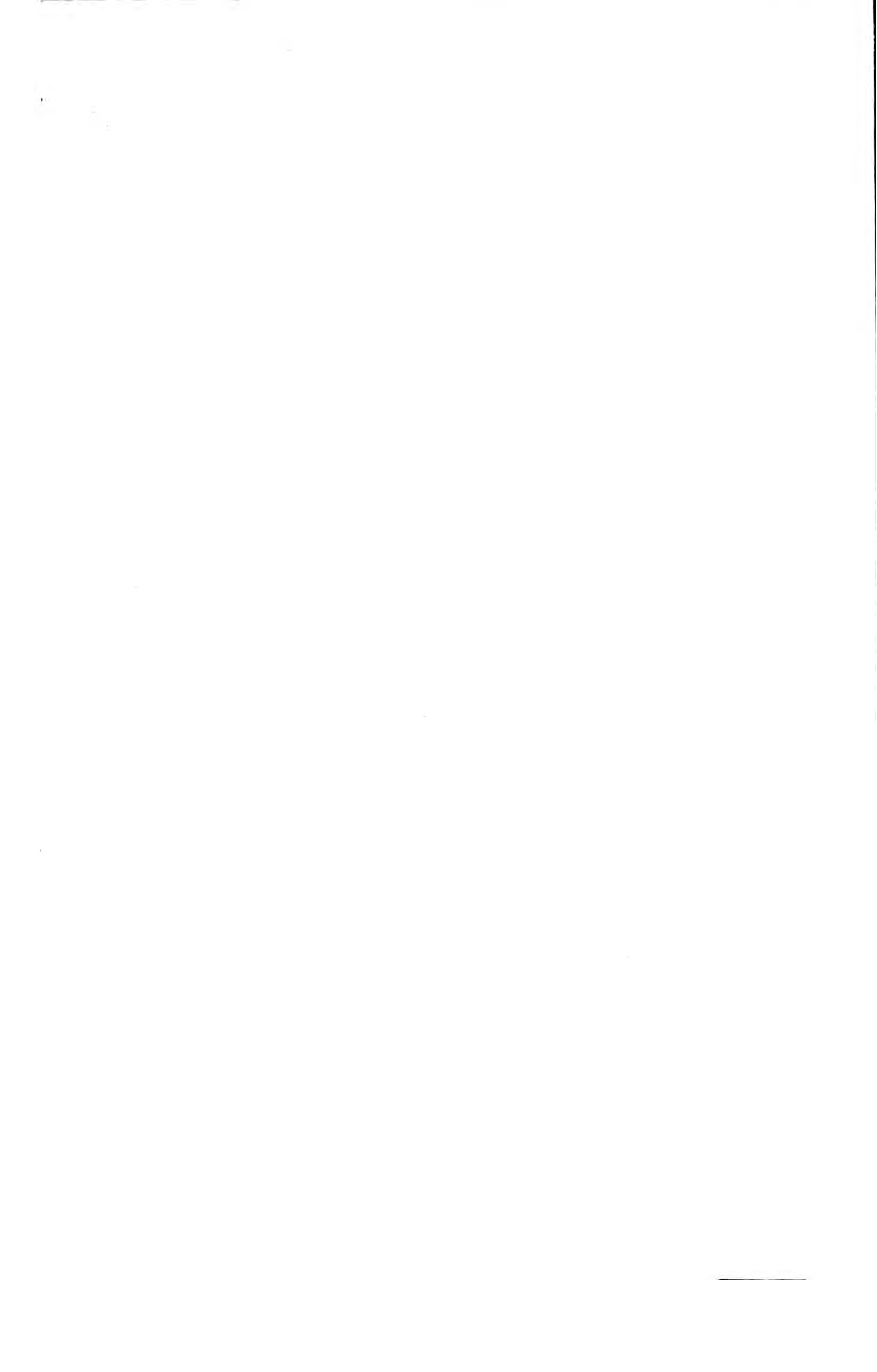
Редакторъ-издатель ***Вл. Г. Короленко.***

Письмо въ редакцію.

Редакція изданій «Посредника» сердечно благодаритъ всѣхъ друзей „Посредника" въ разныхъ концахъ Россіи, всѣ редакціи, и литературныя педагогическія сельско-хозяйственныя и другія общества, привѣтствовавшія двадцатипятилѣтіе издательской дѣятельности «Посредника». Радостное сознаніе дружескаго сочувствія будетъ поддерживать сотрудниковъ «Посредника» въ ихъ посильномъ трудѣ для народнаго образованія на слѣдующихъ этапахъ ихъ работы. Редакція „Посредника" пользуется случаемъ, чтобы, съ своей стороны, съ глубокой любовью привѣтствовать и всею душою благодарить всѣхъ, кто въ теченіе этой четверти вѣка, тѣмъ или инымъ образомъ, содѣйствовалъ составленію, изданію и распространенію книжекъ «Посредника».

Редакція изданій «Посредника». Москва.

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 118001715